5712.

peg cc.

peg. cc

63669

peg.

54192
18350

БИБЛІОТЕКА
ГЛАВНАГО КОМИТЕТА МИН.
27

ПРОШЛОЕ ВЕКСЕЛЯ

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. ТАБАШНИКОВА,

экстро-ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета

ОДЕССА.

Тип. Окр. Шт. Од. воен. Окр., Тираспольская ул., домъ № 14.

1891.

Библиотека НКФ СССР
39

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *И. С. Некрасовъ.*

63669

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ имѣетъ своимъ назначеніемъ воспроизвести и освѣтить совокупность тѣхъ бытовыхъ условій прошлаго времени, взаимодѣйствію коихъ вексель обязанъ своимъ возникновеніемъ и послѣдующими видоизмѣненіями. Хотя авторъ, составляя настоящій историческій очеркъ, преслѣдовалъ чисто научную цѣль и былъ весьма далекъ отъ желанія вліять на ходъ отечественной законодательной дѣятельности въ области вексельнаго права, тѣмъ не менѣе онъ позволяетъ себѣ думать, что историческое изученіе всякаго института, а тѣмъ паче такого, какъ вексельный, сложившійся чисто историческимъ путемъ, не можетъ не принести нѣкоторой доли пользы и при разрѣшеніи законодательныхъ задачъ въ дѣлѣ выработки новаго вексельнаго устава. Способствуя уясненію истинной юридической природы векселя, исторія послѣдняго можетъ болѣе или менѣе безошибочно указать ту основную точку, отъ которой слѣдуетъ отправляться при обсужденіи нынѣ дѣйствующихъ вексельныхъ законовъ и при опредѣленіи того направленія, по коему должно идти въ будущемъ положительное законодательство въ области вексельныхъ отношеній.

Независимо отъ того авторъ полагаетъ, что историческое освѣщеніе способно принести не малую пользу не одному лишь положительному законодательству, но и практикѣ, помогая правильному анализу многихъ часто своебычныхъ и причудливыхъ комбинацій, создаваемыхъ дѣйствительною жизнью въ особенности въ торговомъ мірѣ. Конечно, авторъ не можетъ и не въ правѣ утверждать, что настоящее его посильное изысканіе открываетъ новые горизонты въ сферѣ юриспруденціи и пролагаетъ новые, никѣмъ еще неизвѣданные пути въ дѣлѣ изученія вексельнаго института: такая притязательность близко граничила бы съ без-

разсуднымъ хвастовствомъ и прямо противорѣчила бы дѣйствительности. Новые горизонты и новые пути въ наукѣ единичными силами отдѣльныхъ ученыхъ открываются чрезвычайно рѣдко; вообще же всякая наука складывается медленно, вѣками и трудами длиннаго ряда преемственныхъ изслѣдованій, прикладывающихъ камень къ камню въ общемъ научномъ зданіи и приносящихъ при этой медленной работѣ и кое-что изъ своего.

Но если воспроизведеніе по возможности близкой къ дѣйствительности картины прошлаго движенія гражданскаго института есть дѣло не безполезное, если направленный къ этой цѣли трудъ можетъ встрѣтить въ обществѣ сочувственный отголосокъ, то не будетъ слишкомъ смѣло со стороны автора ожидать такого отклика и на предлагаемую имъ книгу, тѣмъ болѣе, что при составленіи ея онъ чистосердечно стремился къ возможной объективности и точной передачѣ какъ прошлыхъ событій, такъ и обусловившихъ эти событія соціальныхъ причинъ. Насколько онъ достигъ своей спеціальной цѣли — уясненія историческихъ основъ нынѣ существующихъ вексельныхъ отношеній — судить, конечно, не ему. Но онъ не желаетъ скрыть, что въ настоящей его книгѣ принятое имъ на себя дѣло далеко не закончено, что для полноты историческаго очерка ему предстоитъ еще не мало поработать надъ уясненіемъ постепеннаго движенія положительнаго вексельнаго законодательства, къ области коего относится и дѣйствующее у насъ вексельное право, а равно надъ констатированіемъ причинъ появленія въ новое время столь распространенныхъ въ нашемъ отечествѣ т. н. простыхъ векселей (Eigene, trockene или sola Wechsel, billet de change, promissory notes).

Ему, правда, могутъ вмѣнить въ вину, что онъ совершенно не коснулся прошлой судьбы векселя у насъ въ Россіи. Но въ свое оправданіе онъ считаетъ достаточнымъ указать, что къ намъ вексель привился не путемъ самобытно развившихся потребностей гражданскаго и торговаго оборота, а путемъ чисто внѣшнимъ, законодательнымъ, такъ что излагать прошлую судьбу векселя въ Россіи, значитъ излагать исторію отечественнаго законодательства о векселяхъ, что онъ и надѣется выполнить въ близкомъ будущемъ, если не воспрепятствуютъ тому непреодолимыя случайности. Говорить объ этомъ законодательствѣ уже въ этой книгѣ онъ считаетъ неумѣстнымъ именно потому, что она посвящена историческому изслѣдованію того фактическаго содержанія,

которое въ разныя эпохи облекалось въ вексельную форму. Юридическая же сторона вексельнаго института, т. е. регулированіе и защита послѣдняго государствомъ, должна составить предметъ дальнѣйшихъ работъ автора. Мѣстами онъ, конечно, касался и различныхъ законодательныхъ актовъ прошлаго времени; но дѣлалъ онъ это лишь тогда, когда являлась возможность при помощи этихъ актовъ уяснить отразившуюся въ нихъ фактическую сторону института, такъ что въ этихъ случаяхъ они служили лишь подспорьемъ, а не предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Будучи хорошо знакомъ съ характеромъ обычнаго отношенія нашей отечественной критики къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, въ особенности въ области юриспруденціи, авторъ не рѣшается даже и мечтать о какихъ бы то ни было сочувственныхъ отзывахъ со стороны нашихъ профессіональныхъ рецезентовъ, а полагаетъ, что онъ не составитъ исключенія изъ общаго правила и что, слѣдовательно, и на его долю достанется не мало тѣхъ литературныхъ терній, коими у насъ щедрою рукою украшается появленіе огромнаго большинства научныхъ изслѣдованій.

Въ заключеніе авторъ проситъ у читателя извиненія за частое повтореніе нѣкоторыхъ положеній и извѣстную растянутость изложенія, недостатки, вкравшіеся въ книгу вслѣдствіе обширности и спѣшности работы и замѣченные имъ, авторомъ, только при отпечатаніи и сравненіи между собою единичныхъ отдѣловъ изслѣдованія. Впрочемъ, такъ какъ подобныя погрѣшности не приносятъ никакого вреда ни цѣльности, ни ясности изложенія, то авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что указанный непредумышленный и невольный грѣхъ, способный причинить читателю лишь нѣкоторую досаду, не будетъ ему вмѣненъ въ преступленіе.

Н. Табашниковъ.

Марта 15 дня 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе . . . . . V — VII.

Введеніе . . . . . 1 — 12.

Глава I. Первые слѣды вексельныхъ сдѣлокъ. . . . 13 — 61.

Мнѣнія французскихъ ученыхъ Cleirac, Dupuis de la Serra, De Rubis, Savary, Борнье, Montesquieu и Nouguier о происхожденіи векселя (§ 1 стр. 13 — 17).

Возраженія противъ мнѣнія объ изобрѣтеніи векселя евреями (§ 1 стр. 17 — 19).

Первоначальное возникновеніе и развитіе вексельнаго института (§§ 1 и 2 стр. 19 — 23).

Собранные Бинеромъ древнѣйшіе образцы векселей (§ 2 стр 23 — 55).

Мнѣніе Бинера объ италіанскомъ происхожденіи векселей (§ 3 стр. 55 — 56).

Опроверженіе этого мнѣнія путемъ сохранившихся свѣдѣній о первомъ появленіи векселей въ Ганзейскомъ союзѣ (§ 3 стр. 56 — 61).

Глава II. Каноническое ученіе о процентахъ . . . . 62 — 109.

Введеніе (§ 4 стр. 62 — 65).

Евангелическое изреченіе о займѣ, какъ основа канонической догмы о процентахъ (§ 5 стр. 65 — 66).

Толкованіе этого изрѣченія отцами церкви (§ 5 стр. 66—67)

Воззрѣніе на торговлю и проценты первыхъ христіанскихъ вѣроучителей и соборовъ (§ 5 стр. 68 — 71).

Карательныя мѣры противъ берущихъ лихву представителей духовенства (§ 6 стр. 71 — 78).

Первоначальное отношеніе западной церкви къ свѣтскимъ лицамъ, взимающимъ по своимъ сдѣлкамъ проценты; распространеніе въ концѣ 9-го столѣтія и на свѣтскихъ людей церковныхъ каръ за проценты (§ 7 стр. 78 — 81).

Отношеніе папъ къ залогу недвижимости и къ инымъ разсчитаннымъ на выгоду сдѣлкамъ (§§ 7 и 8 стр. 81 — 85).

Симулированныя сдѣлки въ обходъ запрещенія процентовъ и отношеніе къ такимъ сдѣлкамъ папъ (§ 9 стр. 85—88).

Принятіе канонической ученія о процентахъ и свѣтскими писателями (§ 9 стр. 88 — 90).

Изъятія отъ запрещенія лихоимства (§ 10 стр. 90—94).

СТРАН.

Ослабеніе строгости принципа запрещенія процентовъ (§ 11 стр. 94 — 98)

Общій взглядъ на борьбу духовенства съ практической жизнью по поводу процентовъ (§ 12 стр. 98 — 101).

Вліяніе духовенства на свѣтское законодательство вообще и въ частности относительно ученія о процентахъ (§§ 13 и 14 стр. 101 — 109).

Глава III. Обстоятельства, вызвавшія первоначальное появленіе векселя . . . . . 110 — 239.

Положеніе Европы и бывшихъ провинцій Римской Имперіи послѣ ея паденія (§ 15 стр. 110 — 112).

Борьба торговли съ препятствіями, вытекавшими изъ хаотическаго состоянія тогдашняго общества: грабежи и разбои на сушѣ и на морѣ (§ 15 стр. 112 — 114).

Вліяніе германскихъ городовъ на торговлю того времени (§ 16 стр. 114 — 118).

Ганзейскій союзъ и его отношенія къ отдѣльнымъ народамъ и, въ частности, къ Россіи (§§ 16 и 17 стр. 118—127).

Запасные капиталы въ факторіяхъ (§ 17 стр. 127 — 128).

Переводы денежныхъ суммъ съ однихъ мѣстъ въ другія (§ 17 стр. 128 — 129).

Состояніе въ средніе вѣка монетныхъ системъ (§ 18 стр. 129 — 132).

Мѣнялы, ихъ устройство и функціи (§§ 19 — 23 стр. 132—160).

Посредство мѣнялъ въ переводѣ папскихъ денегъ въ Римъ и Авиньонъ (§§ 23 и 24 стр. 160 — 174).

Мѣняльный промыселъ въ Германіи, Франціи и Италіи (§ 25 стр. 174 — 177).

Общіе выводы. Мѣнялы, какъ источникъ и условіе развитія процентныхъ займовъ (§§ 26 — 29 стр. 178—196).

Ярмарки и причины ихъ возникновенія (§ 29 стр. 196—199).

Устройство первыхъ ярмарокъ и торговыя на нихъ операціи (§ 29 стр. 200 — 203).

Сообщаемыя Марквардомъ свѣдѣнія о торжищахъ (§ 30 стр. 203 — 208).

Происхожденіе названія биржи (§ 31 стр. 208 — 210).

Заимствованное у италіанцевъ устройство суда и администраціи на ярмаркахъ (§§ 32 и 33 стр. 210 — 217).

Производство по безспорнымъ обязательствамъ (§ 34 стр. 217 — 222).

Личное задержаніе при неисполненіи торговыхъ обязательствъ (§ 35 стр. 222 — 228).

Безпошлинная торговля и иныя привилегіи ярмарокъ (§§ 35 и 36 стр. 228 — 230).

СТРАН.

Мѣры противъ пользованія ярмарочными привилегіями внѣ ярмарокъ (§ 37 стр. 230 — 231).

Порядокъ ликвидаціи разсчетовъ на ярмаркахъ (§ 38 стр. 231 — 239).

Глава IV. Положеніе векселя до XVI столѣтія . . . 240 — 380.

Введеніе (§ 39 стр. 240 — 244).

Первоначальная форма векселя. Причины возникновенія письменной формы въ вексельныхъ сдѣлкахъ (§ 40 стр. 244—248).

Виды векселей по сообщенію Скачча (§§ 41 и 42 стр. 248 — 260).

Увѣдомительныя письма и ихъ значеніе (§ 42 стр. 261—264).

Cambia sicca (§ 43 стр. 264—270).

Попытки и примѣры обхода запрещенія процентовъ. Законодательныя мѣры противъ этихъ обходовъ (§§ 44 — 47 стр. 270 — 285).

Ярмарочная денежная единица или марка скудъ (§ 47 стр. 286 — 292).

Способы обозначенія въ векселяхъ валюты (§ 47 стр. 292 — 293).

Обычай выдавать по нѣсколько экземпляровъ векселя (§ 48 стр. 293 — 297).

Первоначальная юридическая природа векселя; участвующія въ немъ стороны; коренная перемѣна въ первоначальномъ назначеніи векселя (§§ 49 и 50 стр. 297—307).

Значеніе четырехъ участниковъ въ векселѣ (§ 51 стр. 307 — 311).

Первая юридическая квалификація вексельнаго документа (§ 52 стр. 311 — 315)

Акцептъ и сроки платежа по векселю (§ 53 стр. 315—320).

Форма акцепта (§ 54 стр. 320 — 323).

Протестъ (§ 55 стр. 323 — 333).

Платежъ за честь векселедателя (§ 56 стр. 333 — 339).

Способы погашенія векселя: recambia и cambia con la ricorsa; различныя воззрѣнія на нихъ писателей XVIII вѣка (§§ 57 — 61 стр. 339 — 380).

Глава V. Передаточная надпись (индоссаментъ) . . . 381 — 442.

Введеніе (§ 61 стр. 381 — 383).

Идея индоссамента (§§ 61 и 62 стр. 383 — 384).

Причины поздняго появленія индоссамента (§ 62 стр. 384—385).

Первоначальные способы передачи векселей (§§ 62 и 63 стр. 385—388).

Время проникновенія индоссамента въ Италію (§ 64 стр. 388—389).

IV

СТРАН.

Сконтрированіе, какъ первообразъ индоссамента (§ 64 стр. 389).

Передача векселя путемъ оставленія въ вексельномъ текстѣ пустаго мѣста для вписанія будущаго получателя платежа (§ 65 стр. 389 – 390).

Оговорка: уплатить по приказу и причина ея возникновенія (§ 66 стр. 391 — 392).

Образцы векселей по приказу у Dupuis de la Serra (§ 67 стр. 392 — 395).

Векселя на предъявителя въ Италіи и Франціи (§§ 68 и 69 стр. 395 — 403).

Billets и ихъ виды (§ 70 стр. 403 — 409).

Документы на предъявителя въ Германіи (§§ 71 и 72 стр. 409—413).

Юридическая природа документовъ на предъявителя (§§ 73 и 74 стр. 413 — 420).

Индоссаментъ и время его появленія (§§ 75 и 76 стр. 421 — 422).

Юридическая природа индоссамента (§ 76 стр. 422—425).

Положеніе его во Франціи (§ 77 стр. 425 — 430).

Signatures en blanc (§ 78 стр. 430 — 432).

Срокъ взысканія по векселямъ по ордонансу 1673 г. (§ 79 стр. 432 — 437).

Положеніе индоссамента въ Италіи и Германіи (§§ 80 и 81 стр. 437 — 440).

Опроверженіе воззрѣнія Гёца на происхожденіе индоссамента (§ 81 стр. 440 — 442).

Алфавитный указатель . . . . . 443 — 444.

Опечатки. . . . . 445 — 446

ВВЕДЕНІЕ.

Средневѣковыя и послѣдующія потребности торговаго оборота, предоставленнаго первоначально самому себѣ, создали не мало такихъ правоотношеній, кои уже при первомъ взглядѣ на нихъ рѣзко отличаются отъ правоотношеній, завѣщанныхъ намъ и тщательно разъясненныхъ римскимъ правомъ. Юристъ новаго времени, поставленный въ необходимость растолковать себѣ и другимъ эти новыя наслоенія въ общеевропейской юридической жизни, по вкоренившейся въ немъ привычкѣ искать въ римскихъ источникахъ права ключъ къ разрѣшенію всякаго рода юридическихъ недоразумѣній, прежде всего и какъ бы невольно обращаетъ свои взоры къ римской юриспруденціи; но скоро убѣждается въ тщетности своихъ надеждъ и въ полной непригодности римскихъ правоположеній для разрѣшенія вопросовъ въ области институтовъ, возникшихъ на почвѣ всемірно—торговаго оборота среднихъ вѣковъ и новаго времени. Къ числу такихъ правообразованій, обязанныхъ своимъ зарожденіемъ и своеобразнымъ строеніемъ средневѣковому и послѣдующему торговому обороту, нужно отнести главнымъ образомъ *вексель*.

Едва ли можно найдти въ области частнаго права иной институтъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ такъ много оригинальныхъ особенностей и отличался бы такою своеобразною конструкціею, какъ вексель. Присущія ему индивидуальныя черты, рѣдко выдѣляющія его изъ среды институтовъ гражданскаго права, не позволяли и доселѣ не позволяютъ подвести его ни подъ одинъ изъ установившихся типовъ правоотношеній, уже давно разъясненныхъ и систематизированныхъ трудами ученыхъ юристовъ. Вотъ почему онъ не перестаетъ приковывать къ себѣ вниманіе ученыхъ не только новѣйшаго времени,

но и средневѣковыхъ, неустанно силящихся опредѣлить его истинную юридическую природу и отвести ему подобающее мѣсто въ общей системѣ гражданскаго права, и вотъ почему о векселѣ написано такъ много, что ученіе о немъ разрослось въ цѣлую науку, которая съ честью могла бы занять мѣсто среди другихъ юридическихъ дисциплинъ.

Какъ однако ни богата литература по вексельному праву, она не только не уяснила всѣхъ мельчайшихъ подробностей этого оригинальнаго, своеобразнаго правоотношенія, но даже было бы слишкомъ смѣло утверждать, что она устранила всякаго рода недоразумѣнія относительно истинной юридической природы векселя. И это совершенно понятно.

Когда дѣло касается всѣхъ остальныхъ институтовъ частнаго права, то изслѣдователь либо прямо, съ перваго взгляда, узнаетъ въ ихъ внѣшнихъ формахъ примѣненіе римскихъ юридическихъ понятій, либо послѣ нѣкоторыхъ усилій ума открываетъ въ нихъ существо даннаго типа правоотношеній, предусмотрѣнныхъ и опредѣленныхъ римскимъ правомъ. А разъ онъ этого достигъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получаетъ общепризнанный масштабъ и безспорный критерій для правильнаго сужденія о встрѣчаемыхъ имъ видоизмѣненіяхъ и отступленіяхъ отъ нормальнаго типа даннаго института. Когда же дѣло касается вексельныхъ отношеній, то онъ сразу попадаетъ въ какую-то новую, не вполнѣ еще извѣданную стихію, которая не имѣетъ ничего общаго съ системою традиціенныхъ понятій и правилъ, унаслѣдованныхъ новымъ временемъ отъ римскихъ юристовъ и разработанныхъ до крайней щепетильности новѣйшими романистами. Тутъ нѣтъ проторенной тропы, нѣтъ путеводительства римскихъ юристовъ, толкающихъ изслѣдователя на надлежащій путь и ведущихъ его почти на помочахъ; тутъ все ново, все неожиданно, все оригинально; тутъ сомнѣнія напрашиваются на каждомъ шагу и неотразимо манятъ къ себѣ скептическій и пытливый умъ новѣйшаго изслѣдователя. Не имѣя предъ собою общепризнанныхъ римскихъ авторитетовъ, лишенный тысячелѣтняго юридическаго опыта римскаго права, поставленный внѣ извѣданной, очищенной, органически сочлененной и неподражаемо стройной системы новѣйшаго пандектнаго права, юристъ—изслѣдователь почти ощупью двигается въ этой новой для насъ области и недовѣрчиво относится къ указаніямъ и

воззрѣніямъ своихъ предшественниковъ, ибо они, находясь въ такихъ же условіяхъ, не даютъ, да и не въ состояніи дать надлежащихъ гарантій безусловной правильности или, по меньшей мѣрѣ, несомнѣнной практической пригодности ихъ выводовъ и соображеній.

Возникши при совершенно исключительныхъ бытовыхъ условіяхъ, вексель развивался безъ всякаго вліянія и посредства римскихъ юридическихъ ученій; его создавали невѣжественные купцы, преслѣдовавшіе и удовлетворявшіе только свои коммерческіе интересы и заботившіеся единственно о томъ, чтобъ это ихъ созданіе по возможности миновали и не придавили своею тяжеловѣсною десницею средневѣковая схоластика и каноническое право, чтобъ эти два общественные фактора не простерли на него своего мертвящаго и тормозящаго вліянія и не убили его въ зародышѣ. Изолированное отъ всякаго воздѣйствія профессіональныхъ юристовъ и выработываемое коммерсантами, интересы коихъ весьма рѣдко совпадаютъ съ нуждами государственнаго общежитія и строгими требованіями положительнаго права, вексельный институтъ сложился въ такую причудливую и своеобразную форму, что новѣйшій юристъ останавливается предъ нимъ въ недоумѣніи: слѣдуя обычному научному пріему, онъ старается вскрыть ядро вексельнаго обязательства и этимъ способомъ опредѣлить тотъ типъ правоотношеній, къ коимъ необходимо его отнести; но производя этотъ анализъ, онъ все больше убѣждается, что, вмѣсто одного опредѣленнаго обязательства, тутъ настолько тѣсно сплелись и срослись между собою различныя отношенія, что разъединеніе ихъ не уяснитъ, а уничтожитъ самое существо векселя. Словомъ онъ оказывается тутъ лицомъ къ лицу съ весьма сложнымъ, вѣками воздвигавшимся причудливымъ зданіемъ, строители коего, сооружая его, нисколько не заботились о соблюденіи какихъ-либо установившихся правилъ, не подгоняли его подъ выработанные типы, а складывали его такъ, какъ этого требовали безпрерывно нарождавшіеся новые торговые интересы и какъ это подсказывалъ имъ ихъ практическій, дѣловой инстинктъ. Представьте себѣ вооруженнаго всѣми знаніями своей профессіи архитектора предъ лицомъ грандіознаго, но страннаго и своеобразнаго сооруженія, воздвигнутаго нѣсколько вѣковъ тому назадъ дикимъ народомъ. Этому архитектору предстоитъ, предположимъ, опредѣлить отли-

чительныя особенности и тотъ типъ построекъ, къ коему обозрѣваемое имъ зданіе относится. Онъ пробуетъ примѣнить къ дѣлу свои знанія, онъ ищетъ тутъ обычнаго сочетанія правилъ строительнаго искусства, но вмѣсто того повсюду встрѣчаетъ очевидныя искаженія элементарныхъ началъ архитектуры въ связи съ безпорядочнымъ и случайнымъ примѣненіемъ зачаточныхъ свѣдѣній по той-же части. Чтобы выйти изъ затрудненія, ему остается только постараться мысленно воспроизвести какъ самый процессъ строенія, такъ и тѣ потребности, ради коихъ строеніе было предпринято. Тутъ только выяснится значеніе какъ каждой отдѣльной части, такъ и всего зданія въ совокупности; тутъ только можно будетъ опредѣлить отношеніе сооруженія къ новѣйшему архитекторному искусству.

Тоже слѣдуетъ сказать о вексельномъ институтѣ. Подходить къ этому продукту средневѣковой торговли съ готовыми правилами романизированной юриспруденціи, прилагать къ нему вѣками извѣданные пріемы опредѣленія юридическихъ явленій, анализировать его такъ, какъ мы привыкли анализировать повседневныя правоотношенія, значитъ непроизводительно тратить время и трудъ; ибо вексель не есть созданіе обыкновеннаго организованнаго общежитія, возникающее подъ вліяніемъ опредѣленнаго юридическаго порядка; онъ, напротивъ того, если можно такъ выразиться, есть продуктъ внѣ-государственной жизни; онъ возникъ и развивался на почвѣ даже не международной, а общенародной, и созидателями его явились не сочлененный въ одно государство народъ, не государственное законодательство и не образованные юристы, а простые и разномѣстные купцы, не только совершенно неповинные въ юридическихъ познаніяхъ, но относившіеся къ нимъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, понимавшіе только свои торговые интересы и стремившіеся лишь своими соединенными личными силами оградить свое имущество и обезпечить свой кредитъ. Эти люди, оформливая свои взаимныя отношенія и создавая для себя обязательныя правила, весьма мало, или лучше сказать, вовсе не заботились о какихъ бы то ни было юридическихъ принципахъ и юридическихъ понятіяхъ; имъ чужда была, мало того, ихъ пугала стройная система римскаго гражданскаго права съ ея готовыми категоріями, съ ея систематизированными рубриками, группами родственныхъ правоотношеній и т. п. Они создавали непосредственно, почти ин-

стинктивно, не думая вовсе о государствѣ и соображаясь только съ тѣмъ, какъ имъ въ данное время будетъ удобно. Анализировать такое произведеніе непосредственныхъ людей съ помощью обычныхъ научныхъ пріемовъ также безполезно, какъ безполезно искать сознательнаго примѣненія высшихъ началъ права у народовъ некультурныхъ. Остается только одинъ путъ, который можетъ привести къ болѣе или менѣе безошибочнымъ результатамъ, это именно путь историческаго изслѣдованія. Онъ, правда, не легокъ, даже весьма тернистъ, ибо изслѣдователю приходится чуть не на каждомъ шагу натыкаться на пробѣлы, восполненіе коихъ при посредствѣ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній для него невозможно за отсутствіемъ данныхъ, занесенныхъ въ исторію. Но это обстоятельство не можетъ и не должно освобождать его отъ обязанности по мѣрѣ силъ стараться воспроизвести постепенное поступательное движеніе изслѣдуемаго института.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изложеніе исторіи гражданскихъ институтовъ представляетъ гораздо болѣе трудности, чѣмъ изложеніе исторіи институтовъ политическихъ, ибо жизнь внѣшняя и жизнь внутренняя, т. е. бытовая, гражданская складываются далеко не одинаково. Въ то время, какъ факты политической жизни, живо затрогивая интересы всего общества, съ самаго своего появленія получаютъ значеніе замѣтнаго, крупнаго событія и потому оставляютъ по себѣ не менѣе замѣтный крупный слѣдъ въ исторіи, такъ что по этимъ слѣдамъ не трудно болѣе или менѣе точно воспроизвести ихъ взаимную связь и прослѣдить процессъ ихъ послѣдовательнаго движенія, внутренняя жизнь общества складывается изъ единичныхъ, разрозненныхъ и мелкихъ интересовъ, безпрерывно между собою скрещивающихся, сталкивающихся и враждующихъ. Тутъ копошатся и работаютъ отдѣльные, почти незамѣтные индивиды, и эта тихая, мелочная и медленная возня только тогда привлекаетъ на себя вниманіе всего общества, когда она успѣла уже создать крупные результаты, и когда эти результаты уже стали чувствительно затрогивать жизненные интересы всего общества. Голько въ этотъ моментъ общество выступаетъ съ своею регулирующею дѣятельностью, только съ этого времени совокупность частныхъ интересовъ становится общественнымъ явленіемъ, оставляющимъ по себѣ замѣтный слѣдъ.

Но разстоянія между этими слѣдами настолько громадны, что безошибочно намѣтить по нимъ пройденный путь въ высшей степени трудно. Это не вѣхи, указующіе путнику направленіе; это если можно такъ выразиться, мѣста стоянокъ, слѣды того, гдѣ поступательная внутренняя жизнь останавливалась для отдыха съ тѣмъ, чтобы затѣмъ продолжать свой путь далѣе. Вскрыть процессъ этой тихой работы, этого внутренняго броженія интересовъ, указать точное направленіе пройденнаго пути можно тутъ только при помощи догадокъ, аналогій и сравненія съ тѣмъ, какъ различныя отношенія въ области гражданскаго оборота складываются нынѣ. Но для истиннаго уразумѣнія результатовъ этой прошлой внутренней работы болѣе или менѣе точное воспроизведеніе означеннаго процесса безусловно необходимо. Если для насъ не будетъ ясно, совокупность какихъ обстоятельствъ призвала къ жизни данный институтъ, если мы не будемъ знать, что именно побудило человѣчество отступить отъ первоначальнаго образца и ввести тѣ или другія измѣненія, то мы не въ состояніи будемъ правильно судить, насколько институтъ этотъ въ данное время выполняетъ свое первоначальное назначеніе, имѣются ли и нынѣ тѣ условія, ради удовлетворенія коихъ онъ возникъ, не является ли онъ уже анахронизмомъ и вообще стоитъ ли энергически поддерживать его дальнѣйшее существованіе. Если мы не поймемъ, какую роль онъ игралъ въ прошломъ, то для насъ станутъ непонятными многія его нынѣшнія особенности, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы лишены будемъ возможности совершать вѣрный юридическій анализъ его новѣйшихъ формъ.

Правда, встрѣчаемыя тутъ изслѣдователемъ трудности, какъ я уже сказалъ, громадны; ему приходится не просто оцѣнивать записанные факты и открывать ихъ взаимную связь; ему необходимо изъ мрака прошлыхъ вѣковъ вызывать на свѣтъ сокрытыя отъ обыкновенныхъ глазъ и забытыя причины; онъ долженъ раскрывать тѣ коренные начала и интересы, коими двигалась прошлая жизнь человѣчества или даннаго народа по извѣстному направленію и кои привели его къ даннымъ результатамъ; словомъ, ему предстоитъ воскресить въ главныхъ чертахъ картину прошлой сложной и запутанной внутренней жизни и показать, почему эта сумятица и житейская сутолка въ общемъ двигалась по тому, а не иному направленію.

Какъ однако ни велики эти препятствія, какъ ни трудна побѣда надъ ними, но ни одинъ изслѣдователь не въ правѣ ихъ обходить, утѣшаясь мыслью, что лучше изучать институтъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, и отложить всякую заботу о прошломъ, вліяніе коего къ тому же незамѣтно для простаго, невооруженнаго глаза. По отношенію къ вексельному институту въ такой грѣхъ впали двѣ крупныя научныя силы, Эйнертъ и Либе. Первый [1]), упоминая о грамадныхъ заслугахъ, оказанныхъ историческимъ изученіемъ права всѣмъ отраслямъ юриспруденціи и обращая вниманіе на тотъ странный фактъ, что историческое изученіе не коснулось именно вексельнаго права, объясняетъ это тѣмъ, будто подобное изученіе неприложимо къ вексельной сдѣлкѣ; всякое намѣреніе историческимъ путемъ опредѣлить природу и юридическія отношенія векселя, утверждаетъ онъ, должны разбиться о непроницаемый мракъ, окутывающій періодъ возникновенія этого института, вслѣдствіе чего всѣ попытки исторически прослѣдить изобрѣтеніе послѣдняго доселѣ оказывались будто бы безрезультатными. Къ тому же попытки эти большею частью совершались безъ надлежащей серіозности и часто вырождались въ какую-то игру, состоявшую въ составленіи догадокъ, основанныхъ на созвучіи терминовъ или на подборѣ всякаго рода историческихъ замѣтокъ. «Даже наиболѣе обстоятельныя историческія изысканія привели не столько къ уразумѣнію и освѣщенію векселя, сколько къ убѣжденію, что самыя тщательныя изслѣдованія не могутъ дать никакихъ сколько нибудь надежныхъ результатовъ».

Онъ предполагаетъ далѣе, что вексельная сдѣлка создана была частными лицами, что первоначально она удовлетворяла интересамъ лишь тѣснаго круга этихъ лицъ и что затѣмъ кругъ этотъ все расширялся, благодаря подражанію. Въ этомъ положеніи дѣло оставалось до тѣхъ поръ, пока широкое распространеніе векселя не привлекло на себя общее вниманіе и не сдѣлало его предметомъ судопроизводства, законодательства и науки. Періодъ сформированія векселя совпадаетъ, говоритъ онъ, съ такимъ временемъ, отъ коего сохранились въ высшей степени неполныя и случайныя свѣдѣнія объ оборотѣ негоціантовъ и

---

[1]) **Carl Einert** Das Wechselrecht nach dem Bedürfnisz des Wechselgeschäfts im neunzehten Jahrhundert. Leipzig 1839 стр. 2, 3 и сл.

вообще о судьбахъ и успѣхахъ культуры, промышленности и торговли. Полагать, что при помощи такихъ свѣдѣній можно проникнуть тайный процессъ возникновенія и роста векселя, значитъ обнаруживать дерзкое отношеніе къ ученому труду. Можно даже сомнѣваться, будетъ-ли полное разрѣшеніе вопроса о происхожденіи векселя имѣть дѣйствительный практическій интересъ, а не одно голое антикварное достоинство, если это разрѣшеніе не будетъ сопровождаться исторіею непрерывнаго послѣдующаго усовершенствованія вексельной сдѣлки и свѣдѣніями о ея дальнѣйшемъ распространеніи и вліяніи на судьбы торговли.

Очевидная невозможность примѣнить къ вексельному институту историческое изученіе въ томъ видѣ, какъ это совершено по отношенію к ь другимъ частямъ положительнаго права вынудила ученыхъ пойти иными путями.

Не усматривая такимъ образомъ въ историческомъ изученіи вексельнаго права никакой пользы, Эйнертъ однако самъ не можетъ обойтись безъ историческаго освѣщенія, но совершаетъ это послѣднее не съ провѣренными фактами въ рукахъ, а при помощи своихъ предположеній, излагаемыхъ имъ въ видѣ безспорныхъ истинъ. Такъ онъ поступаетъ въ вопросѣ о проникновеніи въ Германію вексельнаго права и о вліяніи тутъ торговаго сословія на вексельное законодательство [2]).

Такой же взглядъ на дѣло историческаго изученія вексельнаго права высказываетъ и Либе [3]). Онъ также отрицаетъ за историческимъ изученіемъ всякую практическую пользу и единственное средство для установленія правильнаго понятія о векселѣ, а равно для опредѣленія той точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ обсуждать вексельную сдѣлку съ ея юридическими послѣдствіями, онъ усматриваетъ въ изученіи векселя въ томъ видѣ, какъ онъ дѣйствуетъ нынѣ, игнорируя его прошлое. Но тутъ онъ въ свою очередь не соглашается съ выводомъ Эйнерта, желающаго видѣть въ векселѣ только купеческое платежное

---

[2]) Ibid. стр. 7 и сл.

[3]) **Friedrich Lieb**: Entwurt einer Wechselordnung für das Herzogthum Braunschweig sammt Motiven. Braunschweig 1843 стр. 38 и сл.

средство, родъ бумажныхъ денегъ, и доказываетъ, что вексель есть чисто формальное обязательство, на существованіе и дѣйствительность коего не оказываетъ никакого вліянія его causa, т. е. причина его заключенія.

Едва ли нужно особенно доказывать ошибочность взгляда обоихъ названныхъ писателей. Отрицать всякую пользу историческаго изученія относительно института, возникшаго именно историческимъ путемъ и сложившагося при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, безъ объясненія коихъ невозможно уразумѣть не только существа, но даже нынѣшнихъ вексельныхъ формъ, значитъ тоже, что изучать природу человѣка по его физіономіи и одеждѣ, не касаясь его анатомическаго строенія и физіологическихъ свойствъ. Даже когда дѣло идетъ о юридическомъ созданіи новаго времени, то для надлежащаго освѣщенія природы такого созданія невозможно обойтись безъ изысканія тѣхъ поводовъ и обстоятельствъ, подъ вліяніемъ коихъ оно возникло и вылилось въ данную форму. Что же сказать объ институтѣ, унаслѣдованномъ нашимъ временемъ отъ среднихъ вѣковъ и регулированномъ новѣйшими законодательствами согласно тому положенію, въ коемъ они во время своей регламентаціи застали вексельныя отношенія?

Только то обстоятельство, что историки шагъ за шагомъ не записывали движенія вексельнаго института и не дали намъ полной картины всѣхъ пройденныхъ имъ послѣдовательныхъ фазисовъ, еще не можетъ уполномочить новѣйшихъ ученыхъ отказываться отъ изученія работы прошлаго времени и разсматривать ея нынѣшній результатъ, какъ какой-то неизвѣстно откуда свалившійся аэролитъ, отправляющій на нашей планетѣ опредѣленныя функціи. Къ тому же и Либеи Эйнертъ слишкомъ высокомѣрно и презрительно третируютъ труды своихъ предшественниковъ въ области изученія вексельнаго института. Такія капитальныя сочиненія, какъ Рафаэля де Турри [4]), Scaccia [5]),

---

[4]) **Raphael de Turri.** Tractatus de cambiis. Francofurti 1645 fol. (Мѣсто и годъ изданія мы заимствуемъ у Biener Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte стр. 99, такъ какъ въ нашемъ экземплярѣ то и другое не обозначено).

[5]) **Sigismundi Scaccia** Juris consulti Roma: Tractatus de commerciis et cambio. Francofurti ad Moenum 1648. fol.

Христофора Франка [6]), Гейнецкія [7]), Мартенса [8]) и мног. друг., нельзя обвинять въ пустословіи, въ неосмысленномъ сопоставленіи созвучныхъ терминовъ и въ произвольномъ соединеніи воедино случайныхъ историческихъ замѣтокъ. Только при помощи этихъ авторовъ новѣйшимъ писателямъ инаго, чѣмъ Эйнертъ и Либе, направленія, удалось добраться до истинныхъ зачатковъ векселя, прослѣдитъ его историческое движеніе и уяснить истинное значеніе его нынѣшнихъ формъ.

Правда, исторія векселя не можетъ быть воспроизводима съ такою же легкостью, какъ политическая исторія какого-нибудь культурнаго народа. Но эта черта присуща не одному только векселю, а всѣмъ институтамъ частнаго права, когда они являются результатомъ продолжительной исторической работы всего или опредѣленной части человѣчества. Я уже выше указалъ, что работа эта совершается весьма медленно, исподоволь и осторожно, что работниками тутъ являются не политическіе союзы, громко выступающіе какъ одно цѣлое, а отдѣльные индивиды, преслѣдующіе при этомъ почти исключительно свои микроскопическіе личные цѣли и интересы, что результаты этой тихой, незамѣтной возни привлекаютъ на себя вниманіе политическихъ союзовъ лишь тогда, когда они разростаются до размѣровъ, затрогивающихъ все общество. Тутъ вполнѣ возможна аналогія съ муравейникомъ: подобно тому, какъ на поверхностный взглядъ суета каждаго отдѣльнаго муравья является совершенно случайною и произвольною, между тѣмъ какъ эта повидимому безцѣльная и безсвязная возня создаетъ сравнительно грандіозные результаты, такъ и сутолка частныхъ лицъ въ предѣлахъ общества, съ виду лишенная всякой общей руководящей идеи, въ концѣ концовъ создаетъ такіе институты, предъ которыми съ искреннимъ удивленіемъ останавливается потомство, не сомнѣвающееся въ огромной пользѣ этихъ соз-

---

[6]) **Chistophori Franck** Institutiones iuris cambialis ex legibus cambialibus diversarum gentium etc. collectae usuique academico et forensi accomodatae, editio secunda Ienae **1737.**

[7]) **Heineccii** Elementa iuris cambialis commoda auditoribus methodo adornata. Editio septima. Norimbergae. **1764.**

[8]) **Georg Friedrich Martens** Versuch einer historichen Entwickelung des wahren Ursprungs des Wechselrechts. Göttigen **1797,**

даній, но съ большимъ трудомъ уясняющее себѣ ихъ дѣйствительное устройство и истинную цѣль Оно, это потомство, видитъ только самое зданіе, но при какихъ обстоятельствахъ, для чего и какими способами оно воздвигалось, это сокрыто отъ его глазъ.

Совершенно тоже слѣдуетъ сказать о вексельной сдѣлкѣ. Если не прибѣгая къ историческому изученію, сравнивать ее съ нынѣшними институтали гражданскаго права, то можно прійдти только къ тому заключенію, что она обладаетъ такими-то особенностями, что она мало чѣмъ напоминаетъ остальныя извѣстныя юридическія институты и что тѣмъ не менѣе въ ней совмѣщаются нѣкоторыя черты, присущія даннымъ конкретнымъ сдѣлкамъ. Но всякій согласится, что подобное опредѣленіе оставляетъ желать весьма многаго, что его даже трудно назвать опредѣленіемъ и что независимо отъ этого оно не въ состояніи отвѣтить на вопросы, какой спеціальной цѣли служитъ вексель и почему ему присвоиваются такія, а не иныя юридическія послѣдствія, а равно почему онъ облеченъ въ такія, а не иныя внѣшнія формы. Правда, на эти вопросы можно и безъ помощи исторіи отвѣчать тономъ полнаго убѣжденія, какъ это дѣлаютъ два названные писателя; но эти отвѣты будутъ выражать не существо дѣла, а лишь личные взгляды отвѣчающаго; они не будутъ достовѣрными объективными фактами, сами собою бросающими свѣтъ на темныя стороны института, а продуктами произвольныхъ сопоставленій и личныхъ догадокъ и соображеній.

Какъ бы возмутилась ученая совѣсть тѣхъ же писателей, какимъ бы гнѣвомъ воспылали они противъ того смѣльчака, который дерзнулъ бы отвернуться отъ историческаго изученія римскаго гражданскаго права и позволилъ бы себѣ утверждать, что такъ какъ первоначальные зачатки и первыя ступени развитія большинства гражданскихъ институтовъ теряются во мракѣ сѣдой и незапамятной старины, то необходимо отказаться отъ всякихъ попытокъ возстановить исторію римскихъ институтовъ частнаго права и ограничиться тѣмъ, что дало Юстиніаново законодательство. Они конечно справедливо поставили бы такому смѣльчаку на видъ, что само это законодательство есть не болѣе, какъ продуктъ исторіи, и что весьма многое въ немъ можетъ быть уяснено не иначе, какъ путемъ воспроизве-

денія того медленнаго жизненнаго процесса, который проходило римское право съ момента своего зарожденія. Если таково должно быть отношеніе къ римскому праву и если романисты не останавливались, да и теперь не останавливаются предъ крайними трудностями историческаго изысканія, достигая этимъ путемъ самыхъ неожиданныхъ и плодотворныхъ результатовъ, то почему же къ вексельному праву слѣдуетъ относиться иначе, почему тутъ отсутствіе полныхъ историческихъ свѣдѣній, ясно указующихъ всѣ пройденные векселямъ фазы, точно излагающихъ причины возникновенія и дальнѣйшихъ измѣненій въ вексельной сдѣлкѣ, должно освобождать изслѣдователя отъ обязанности произвести историческое освѣщеніе института? Едва ли могутъ быть подысканы безспорныя и разумныя основанія для оправданія такого остракизма исторіи изъ области вексельнаго права.

Мы, напротивъ, считаемъ историческое изученіе единственно правильнымъ пріемомъ, могущимъ дать твердую почву для сужденія о нынѣшнемъ положеніи и естественныхъ свойствахъ вексельной сдѣлки. Пренебреженіе исторіею, нежеланіе возстановить преемственную связь между нынѣ дѣйствующими и прежде существовавшими формами векселя, нежеланіе ближе ознакомиться съ прошлыми обстоятельствами, съ прошлымъ состояніемъ оборота, поведшими къ даннымъ видоизмѣненіямъ векселя, могутъ породить только произвольность и шаткость сужденій и дать совершенно превратные практическіе результаты.

ГЛАВА I.

Первые слѣды вексельныхъ сдѣлокъ.

Мнѣнія французскихъ ученыхъ Cleirac, Dupuis de la Serra, De Rubis, Savary, Борнье, Montesquieu и Nouguier о происхожденіи векселя. Возраженія противъ мнѣнія объ изобрѣтеніи векселя евреями. Первоначельное возникновеніе и развитіе вексельнаго института. Собранные Бинеромъ древнѣйшіе образцы векселей. Мнѣніе Бинера объ италіанскомъ происхожденіи векселей. Опроверженіе этого мнѣнія путемъ сохранившихся свѣдѣній о первомъ появленіи векселей въ Ганзейскомъ союзѣ.

§ 1.

Вопросъ о первоначальномъ происхожденіи вексельнаго института интересуетъ не однихъ новѣйшихъ ученыхъ: въ такой же, а быть можетъ, даже въ большей мѣрѣ онъ интересовалъ старинныхъ французскихъ историковъ и юристовъ — писателей; но они, не имѣя въ своихъ рукахъ никакихъ достовѣрныхъ документовъ о первоначальномъ происхожденіи векселя, не вдавались по этому вопросу ни въ какія подробныя разсужденія, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе ученые, а ограничивались передачею въ ихъ время, по всей вѣроятности, весьма распространеннаго преданія, что вексель обязанъ своимъ происхожденіемъ прогнаннымъ изъ Франціи евреямъ, а равно изгнаннымъ изъ Италіи гибелинамъ.

Такъ Nougier [9]) указываетъ на писателя Etienne Cleirac, который въ 1650 г. утверждалъ, что въ Турціи векселя въ ходу только между италіанцами и евреями и что они стали тутъ извѣстными и получили примѣненіе съ 1291 г., когда названнымъ двумъ націямъ открытъ былъ доступъ въ страну.

---

[9]) Des lettres de change et des effets de commerce en général. Seconde édition. Bruxelles 1840 стр. 7.

Подробнѣе объ этомъ передаетъ другой французскій писатель, Dupuis de la Serra, напечатавшій свое сочиненіе L'art des lettres de change, какъ можно судить изъ предисловія, въ 1693 году [10]); но и онъ не сообщаетъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, а передаетъ только извѣстные ему на этотъ счетъ слухи. Такъ, онъ утверждаетъ, что относительно времени возникновенія и относительно изобрѣтателей векселя, т. е. средства получать въ извѣстномъ мѣстѣ деньги, врученныя въ другомъ мѣстѣ, ничего опредѣленнаго неизвѣстно. одни приписываютъ изобрѣтеніе векселя евреямъ, изгнаннымъ изъ Франціи въ царствованіе Дагоберта I въ 640 году, Филиппа Августа въ 1181 году и Филиппа Долгаго въ 1316 г. Чтобы выручить свои деньги, сданныя ими на храненіе своимъ друзьямъ, изгнанники эти, удалившись въ Ломбардію, будто бы пользовались услугами путешественниковъ, коихъ снабжали письмами, написанними сжато и кратко. Другіе, какъ *De Rubis* въ его Histoire de la ville de Lyon, p. 289, приписываютъ изобрѣтеніе векселя флорентинцамъ, кои, будучи изгнаны изъ своего отечества гибелинами, удалились въ Амстердамъ, гдѣ они начали заниматься мѣновою торговлею, чтобъ извлечь изъ своего очечества свои капиталы и доходы съ своихъ имѣній. Самъ Dupuis de la Serra присоединяется къ этому послѣднему мнѣнію на томъ основаніи, что первое мнѣніе создаетъ неизвѣстность, продолжающуюся болѣе 600 лѣтъ, ибо періодомъ возникновенія векселя оно считаетъ время отъ 640 до 1316 г. Кромѣ того, говоритъ онъ, нельзя допустить, чтобы нашлись люди, кои пожелали бы принять къ себѣ на храненіе еврейскія деньги, помогать и состоять въ сношеніяхъ съ евреями, изгнанными изъ страны въ наказаніе за свои грабежи и лихоимство и вызвавшими противъ себя всеобщую ненависть.

Nouguier [11]) цитируетъ въ числѣ прочихъ мнѣніе Savary, помѣщенное въ Dictionnaire universel du Commerce. «Векселя,

---

[10]) Сочиненіе это есть продолженіе сочиненія **Iacques Savary** Le parfait negocian ou instruction générale pour ce qui regarde le commerce de marchandises de France et des pays étrangers. Tome I. Geneve 1752 и занимаетъ тутъ страницы 431—478. Приведенное въ текстѣ воззрѣніе помѣщено на 433 стр.

[11]) Ibid. стр. 7.

говоритъ тутъ Савари, не были извѣстны древнеримской юриспруденціи. Согласно общепринятому мнѣнію, они суть изобрѣтеніе евреевъ. Будучи изгнаны изъ Франціи по обвиненію въ весьма тяжкихъ преступленіяхъ и пріютившись въ Ломбардіи во время царствованія Филиппа Августа, въ 1181 г., и Филиппа Долгаго, въ 1316 г., они нашли средство извлекать довѣренные ими ихъ друзьямъ капиталы свои путемъ тайныхъ писемъ, составленныхъ въ краткихъ и точныхъ выраженіяхъ, на подобіе векселей нынѣшняго времени. Совершалось это ими чрезъ посредство путешественниковъ и иностранныхъ купцовъ. Гибелины, изгнанные изъ Италіи гвельфами и, удалившись въ Амстердамъ, воспользовались тѣми же путями, какъ и евреи, чтобы получить свое имущество, которое они вынуждены были покинуть въ Италіи: такъ что, по всей вѣроятности, они—то и заронили первыя сѣмена вексельной сдѣлки въ умахъ амстердамскихъ купцовъ и негоціантовъ, кои затѣмъ распространили векселя по всей Европѣ съ единственною цѣлью хоть сколько нибудь облегчить свои торговыя сношенія. Говорятъ, что именно гебелинамъ принадлежитъ изобрѣтеніе возобновленныхъ векселей; говорятъ также, что во Франціи жители Ліона первые дали ходъ векселямъ, благодаря обширнымъ сношеніямъ съ амстердамскими и италіанскими негоціантами».

Объ евреяхъ почти дословно тоже говорится въ сочиненіи Филиппа Борнье [12]), жившаго раньше Савари, который, стало быть, въ этомъ отношеніи повторяетъ только чужія слова.

Кромѣ приведенныхъ старинныхъ писателей Нугье ссылается еще на *Тубо*, *Грегуара*, епископа въ Блуа, *Монтескье* (Esprit des lois), *Jsambert* (Anciennes lois françaises, t. 1 p. 171 n 67), *Salvador* (Histoire des institutions de Moise et du peuple hébreu t. 1 p. 336), *Merlin и Capefigue* (Histoire de Philippe—Auguste t. 1 p. 223), кои всѣ согласно повторяютъ, что первыми изобрѣтателями векселей были евреи, отъ времени до времени изгонявшіеся отовсюду, пріютившіеся въ Италіи и путемъ краткихъ и точныхъ писемъ переводившіе въ пріютившую ихъ страну свои

---

[12]) Conferences des ordonnances de Louis XIV, roy de France et de Navarre etc. Par **Philippe Bornier,** Paris 1737 T. 2 стр. 537.

капиталы, дабы сохранить, какъ говоритъ Монтескье [13]), въ своихъ рукахъ вѣрнѣйшее средство возвратиться обратно; ибо государи, изгоняя изъ предѣловъ своихъ владѣній еврейское племя, желали избавиться отъ самаго племени, но отнюдь не отъ его капиталовъ, кои въ то время были далеко не лишни.

Что касается самого Нугье, то онъ является горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ указаннаго мнѣнія, въ подкрѣпленіе коего приводитъ довольно остроумныя и далеко нелишенныя научнаго интереса соображенія [14]). Опровергая доводы въ пользу предположенія, что вексель изобрѣтенъ былъ гибелинами, онъ справедливо указываетъ, что средневѣковая торговля требовала отъ своихъ адептовъ особаго мужества и что только крайнее положеніе могло побудить людей заниматься ею. Въ средніе вѣка она считалась занятіемъ отверженнымъ, предоставленнымъ самымъ презрѣннымъ людямъ въ государствѣ, и уподоблялась наиболѣе позорнымъ болѣзнямъ и самымъ унизительнымъ страстямъ. Торговцы не только не пользовались защитою закона, но ихъ даже угнетали, грабили и часто изувѣчивали. Лишь люди совершенно отверженные въ состояніи были избрать для себя торговую профессію; словомъ, для того, чтобы быть торговцемъ, необходимо было быть евреемъ. Вотъ почему торговля въ это время сосредоточилась исключительно въ ихъ рукахъ, вслѣдствіе чего у нихъ скопились громадныя богатства, собранныя путемъ различныхъ прижимокъ и несоразмѣрныхъ процентовъ. Время возникновенія векселя Нугье связываетъ съ первымъ изгнаніемъ евреевъ изъ Франціи при Филиппѣ Августѣ, именно съ 1181 г. Такъ какъ вексель изобрѣтенъ былъ ради удовлетворенія нуждамъ торговли, а первыми и единственными торговцами въ средніе вѣка были евреи, то отсюда тотъ естественный выводъ, что первыми изобрѣтателями векселя были тѣжи евреи. Противъ это-

---

[13]) **Montesquieu** De l'ésprit des lois. T. II. Amsterdam et Leipzig 1763 стр. 310. Въ подтвержденіе своего взгляда на происхожденіе векселя Монтескье не приводитъ никакихъ доказательствъ, а говоритъ о первыхъ векселяхъ евреевъ, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ.

[14]) Тамъ же стр. 4—8. Кромѣ перечисленныхъ у Нугье писателей тоже предположеніе защищаютъ писатели, приводимые у **Riccii** (Septemdecim exercitationes in universum jus cambiale. Goettingae 1782 § 2). Самъ же Ричіусъ склоняется на сторону тѣхъ, кои приписываютъ изобрѣтеніе векселя гибеллинамъ, въ подтвержденіе чего приводитъ слова изъ стариннаго писателя **Estor**, повѣтствующаго о причинѣ изгнанія гибеллиновъ, объ ихъ преслѣдованіи папою, о конфискаціи ихъ имущества и изобрѣтеніи ими размѣннаго письма, наз, pollizza di cambio.

го, говоритъ далѣе Нугье, возражаютъ, что вексель требуетъ обоюднаго довѣрія между плательщикомъ и векселедателемъ, что такого довѣрія не могло существовать по отношенію къ евреямъ и что, сверхъ того, въ силу всеобщей противъ послѣднихъ ненависти едва ли нашлись бы лица, кои согласились бы предъявлять подобные векселя. Но возражающіе такимъ образомъ забываютъ, говоритъ Нугье, разницу между нынѣшнимъ временемъ и средними вѣками. Для векселей, исходящихъ отъ евреевъ, не требовалось никакого обоюднаго довѣрія; они выдавались не для возврата уплаченнаго эквивалента, а въ видѣ уполномочія тѣмъ изъ пилигримовъ и путешественниковъ, коимъ поручалось полученіе хранившихся у еврейскихъ друзей денегъ. Эти деньги получатель въ свою очередь переводилъ въ Италію посредствомъ подобныхъ же краткихъ и нефразистыхъ писемъ на имя проживавшаго тамъ друга, банкира или купца. Такимъ образомъ капиталы, хранившіеся во Франціи, переводились въ Италію и вновь попадали въ руки евреевъ. Слѣдовательно, довѣріе оказывалъ тутъ еврей получателю, а не наоборотъ; получатель же игралъ только роль простаго посредника или почтоваго чиновника, за свою услугу получавшаго щедрое вознагражденіе. Dupuis de la Serra указываетъ еще, что въ виду всеобщей ненависти, сопутствовавшей въ то время евреямъ, едва ли могли найтись охотники играть роль офиціальныхъ еврейскихъ уполномоченныхъ. Конечно, возражаетъ противъ этого Нугье, евреи своими несмѣтными богатствами и разорительными процентами возбудили противъ себя жестокія преслѣдованія. Но подобныя преслѣдованія, порождая затрудненія, создаютъ заодно и живыя симпатіи и средства преодолѣвать затрудненія. Изгоняемые и угнетаемые евреи нашли себѣ многочисленныхъ и дѣятельныхъ друзей, кои, впрочемъ, не столько сочувствовали самимъ евреямъ, сколько ихъ собраннымъ богатствамъ, не исключавшимъ возможности щедрыхъ дарственныхъ пріобрѣтеній.

Но изложенное мнѣніе не встрѣтило въ литературѣ вексельнаго права никакого сочувствія. Да и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ голаго предположенія, построеннаго, правда, по законамъ логики, оно не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ доказательствъ. Исторія не сохранила намъ никакого свидѣтельства въ пользу того, что первые векселя исходили отъ евреевъ и

притомъ съ цѣлью извлеченія оставшихся во Франціи скрытыхъ капиталовъ.

Ниже мы увидимъ, что даже первые слѣды вексельныхъ документовъ не только не содержатъ въ себѣ никакого намека на принятое Нугье происхожденіе векселей, но и выданы они не евреями и своимъ содержаніемъ прямо свидѣтельствуютъ о торговыхъ цѣляхъ, ради коихъ и составлены. Трудно даже повѣрить, чтобы въ самый разгаръ религіознаго фанатизма, къ тому же еще распаленнаго до послѣдней степени нечистоплотными еврейскими денежными продѣлками и аферами, могли найдтись среди христіанъ люди, которые согласились бы принять къ себѣ на храненіе капиталы, по тогдашнему воззрѣнію, пріобрѣтенные отверженными нехристами безбожными средствами. Да такіе хранители, еслибъ они и нашлись, рисковали возбудить противъ себя всеобщее негодованіе фанатично настроеннаго народа и едва ли считали бы необходимымъ честно исполнить принятыя на себя по отношенію къ евреямъ обязательства. Если сами правительства, изгоняя евреевъ изъ своихъ государствъ, объявляли долги своихъ подданныхъ евреямъ недѣйствительными [15]), то неужели же отдѣльныя лица могли наперекоръ общему настроенію считать себя связанными какими бы то ни было обязательствами съ людьми, поставленными внѣ закона? Неужели они устояли бы противъ искушенія окончательно завладѣть находившимися въ ихъ рукахъ капиталами презрѣнныхъ и прогнанныхъ изъ государства иновѣрцевъ? Надо предполагать слишкомъ высокую степень нравственности въ тѣ времена темнаго и фанатичнаго невѣжества, свирѣпаго и дикаго изувѣрства и варварства и отсутствія яснаго и твердаго разграниченія между моимъ и твоимъ, чтобы согласиться съ предположеніемъ Нугье [16]).

---

[15]) **Neumann**. Geschichte des Wuchers in Deutschland. Halle 1865 стр. 328—343

[16]) Весьма рѣшительно отвергаетъ какъ эту гипотезу, такъ и присвоеніе гибеллинамъ чести изобрѣтенія векселей большой знатокъ торговаго права, хотя и не получившій юридическаго образованія, **Iohann Georg Büsch** въ Sämmtliche Schriften über die Handlung. Erster Theil. Hamburg 1824 въ отдѣлѣ: Abhandlung von dem wahren Grunde des Wechselrechts sammt einem Beitrage zur Geschichte desselben (1784) §. 6. Противъ этой гипотезы также **Biener** Wechselrechtliche Abhandlungen. Leipzig 1859 стр. 2, **Endemann** Studien стр. 76, **Hartmann** Das deutsche Wechselrecht. Berlin 1869 стр. 6.

Но если нельзя принять гипотезу Нугье и предшествовавшихъ ему французскихъ писателей, то столь же мало основанія предполагать, что изобрѣтателями векселей были италіанцы, какъ это утверждаетъ большинство писателей по вексельному праву. Только то обстоятельство, что италіанскіе города издавна вели весьма дѣятельную торговлю съ разными европейскими странами, еще не даетъ права приписывать изобрѣтеніе векселя именно имъ, ибо столь же дѣятельно и почти одновременно съ ними вели обширную внѣшнюю торговлю нѣмецкіе ганзейскіе города [17]). Такіе пиституты международнаго характера, какъ вексельная сдѣлка, не создаются отдѣльными группами лицъ или даже отдѣльными народностями. Они вырабатываются взаимодѣйствіемъ состоящихъ между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ нѣсколькихъ національностей; они зарождаются незамѣтно и столь же незамѣтно въ теченіи долгаго времени развиваются; лишь достигнувъ грандіозныхъ размѣровъ, лишь сдѣлавшись весьма обычнымъ явленіемъ повседневнаго оборота, они, какъ уже сказано было прежде, привлекаютъ къ себѣ вниманіе законодателя и ученыхъ юристовъ и получаютъ правильную юридическую конструкцію. Подобные фазисы роста и развитія несомнѣнно проходили всѣ институты гражданскаго права, ибо они создаются не законодателями и учеными, а повседневными потребностями общежитія и гражданскаго оборота. Указать, кому именно первому пришла мысль прибѣгнуть къ данной сдѣлкѣ, какъ она затѣмъ внѣдрялась въ сознаніи народа, кто ее видоизмѣнялъ и совершенствовалъ, также трудно и даже невозможно, какъ невозможно точно установить время происхожденія даннаго нарѣчія и указать виновниковъ его возникновенія и дальнѣйшаго развитія. Зарождаясь случайно и притомъ въ простѣйшей формѣ, сдѣлка затѣмъ мало по малу становится явленіемъ общественнымъ, усложняется и приспособляется къ общежительнымъ потребностямъ и внутрен-

---

[17]) См. **Sartorius** Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, herausgegeben von I. M. Lappenberg. Hamburg 1830. **Theodor Hirsch** Danzigs Handels-und Gewerbgeschichte unter der Herrschaft des deutschen Ordens. Leipzig 1858. **Arthur Winckler** Die deutsche Hansa in Ruszland. Berlin 1886. **Iohannis Marquardi juris Consulti** Tractatus politico-iuridicus de Iure mercatorum et commerciorum singulari libri IV. Francofurti 1662 стр. 396—421.

ней государственной политикѣ, при чемъ надъ нею совмѣстно и незамѣтно работаютъ всѣ общественные факторы, пока она окончательно не сложится и не подпадетъ опредѣленнымъ законодательнымъ правиламъ.

Тоже случилось и съ вексельнымъ институтомъ. Указать, кому именно первому пришла мысль воспользоваться переводомъ денегъ съ одного мѣста на другое посредствомъ краткаго письма и какую первоначальную форму эта сдѣлка имѣла, тоже совершенно невозможно, но не потому, что исторія не сохранила на этотъ счетъ никакихъ свидѣтельствъ, а потому, что это дѣлалось незамѣтно, исподоволь, отдѣльными лицами и притомъ не ради общественныхъ, а ради своихъ личныхъ цѣлей, до коихъ никому, кромѣ самихъ дѣятелей, никакого дѣла нѣтъ. Единственное, что тутъ еще возможно, это по сохранившимся слѣдамъ вексельныхъ сдѣлокъ воспроизвести въ главныхъ чертахъ постепенное движеніе и видоизмѣненіе векселя и указать общественныя условія, подъ вліяніемъ коихъ складывалось вексельное право. Въ этомъ отношеніи трудъ изслѣдователя значительно облегчается капитальными произведеніями, посвященными не только догматическому, но и историческому изученію векселя. Пользуясь собранными тутъ фактами, указаніями и разъясненіями, можно болѣе или менѣе точно, хотя и въ общихъ чертахъ, воспроизвести постепенное и послѣдовательное теченіе этого института до нашихъ дней и тѣмъ самымъ содѣйствовать установленію болѣе правильнаго отношенія къ нему нынѣ.

§ 2.

При каждомъ историческомъ изслѣдованіи юридическаго института необходимо имѣть въ виду два момента: возникновеніе фактическаго состава и государственное признаніе этого состава. Дѣло въ томъ, что въ каждой юридической сдѣлкѣ можно различать фактическую сторону отъ юридической. Для того, чтобы данный фактъ, составляющій содержаніе сдѣлки, могъ пользоваться защитою государственной власти и именно суда, какъ органа этой власти, необходимо, чтобы государство прямо или подразумѣваемо признало этотъ фактъ подлежащимъ своей защитѣ. Хотя эти два элемента въ каждой юридической сдѣлкѣ должны существовать совмѣстно, но возникать и соединяться

они могутъ разновременно: государство весьма долгое время можетъ либо совершенно игнорировать данный фактъ, либо даже прямо запрещать его; въ этомъ своемъ видѣ онъ не будетъ юридическимъ, а если дѣло идетъ о сдѣлкѣ, то она не будетъ юридическою сдѣлкою, т. е. не будетъ пользоваться защитою государства, не будетъ создавать для контрагентовъ власть, могущую быть осуществленною чрезъ посредство суда.

Наблюдая зарожденіе и дальнѣйшее развитіе всякаго юридическаго института, мы замѣчаемъ, что фактическій его составъ всегда предшествуетъ юридическому признанію, и этотъ порядокъ возникновенія усматривается даже при заключеніи отдѣльной юридической сдѣлки: стороны прежде сговариваются, опредѣляютъ пункты своего соглашенія, даже облекаютъ это послѣднее въ предварительную письменную форму и затѣмъ уже прибѣгаютъ къ соблюденію тѣхъ формальныхъ условій, безъ присутствія коихъ соглашеніе не можетъ пользоваться защитою суда.

Этотъ естественный процессъ образованія проходилъ и вексельный институтъ: подобно остальнымъ институтамъ гражданскаго права, онъ сначала возникъ въ видѣ простаго факта, если и пользовавшагося защитою суда, то не въ качествѣ векселя, а въ какомъ нибудь иномъ качествѣ, напр. въ качествѣ мѣны, препорученія, делегаціи и т. п. Тѣмъ же фактическимъ путемъ складывались и его существенные элементы, совокупность коихъ образовала то правоотношеніе, которое впослѣдствіи законодательство приняло подъ свою защиту подъ именемъ векселя и вексельной сдѣлки. Долгое время вексель фактически циркулировалъ среди торговцевъ, удовлетворяя ихъ денежнымъ нуждамъ безъ защиты государственнаго суда; долгое время векселями, тоже безъ посредства суда и для тѣхъ же нуждъ, пользовались и другіе классы общества, пока наконецъ вексельное отношеніе не стало черезчуръ виднымъ и важнымъ для общественной жизни явленіемъ и пока въ виду этого законодательная власть различныхъ государствъ не сочла себя обязанною подвергнуть его своей регламентаціи и тѣмъ самымъ оградить общество отъ частыхъ злоупотребленій, а равно внести твердый порядокъ въ самыя вексельныя отношенія. Только съ этихъ поръ вексель началъ пріобрѣтать значеніе юридической сдѣлки, только съ этого момента можно говорить о вексельномъ правѣ. До тогд

вексель, не взирая на его громадное распространеніе, былъ фактическимъ отношеніемъ и для защиты его государствомъ необходимо было придавать ему значеніе одной изъ сдѣлокъ, уже пользовавшихся защитою закона.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что вексель вовсе не былъ извѣстенъ древнимъ народамъ, и въ числѣ ихъ грекамъ и римлянамъ. Въ источникахъ римскаго гражданскаго права мы не встрѣчаемъ никакого упоминанія о вексельной сдѣлкѣ въ ея техническомъ значеніи. А между тѣмъ, еслибъ она была тамъ извѣстна, то весьма чуткіе къ явленіямъ жизни римскіе юристы не преминули бы не только упомянуть объ ней, но и дать ей, согласно своему обычаю, юридическую квалификацію. Правда, указываютъ на одно мѣсто изъ писемъ Цицерона, въ коемъ упоминается о сдѣлкѣ, нѣсколько похожей на вексель [18]); но тутъ, очевидно, имѣется въ виду простое порученіе выдать извѣстное количество денегъ данному лицу [19]); а такого рода порученіе совмѣщаетъ въ себѣ лишь одинъ изъ главныхъ присущихъ векселю элементовъ, но само по себѣ векселемъ названо быть не можетъ.

Не можетъ также подлежать никакому сомнѣнію, что созданіе векселя есть всецѣло дѣло среднихъ вѣковъ, когда существовали всѣ условія для постепенной выработки вексельной сдѣлки. Это не простая догадка, относящаяся къ разряду вышеприведенныхъ ничѣмъ не подкрѣпленныхъ гипотезъ объ изобрѣтеніи векселя евреями или гибелинами; это истина, которая можетъ быть доказана документально. По сохранившимся отъ прошлаго времени документамъ является возможность прибли-

---

[18]) Въ двухъ письмахъ Цицерона къ Аттику (XII. 24 и XV. 15.), на кои обыкновенно ссылаются, рѣчь идетъ о доставленіи сыну Цицерона, воспитывавшемуся въ Аѳинахъ, денегъ на годичные расходы. Какъ можно понять изъ отрывочныхъ словъ Цицерона, очевидно не считавшаго нужнымъ распространяться объ обычной въ его время денежной операціи, сынъ его получалъ потребныя ему на расходы деньги отъ аѳинскаго мѣнялы, коему онѣ уплачивались въ Римѣ. Но совершалась эта операція отнюдь не путемъ вексельныхъ писемъ, ибо иначе не было-бы надобности такъ настоятельно просить Аттика объ оказаніи содѣйствія къ означенному размѣну и посылать для того же особое лицо, нѣкоего Тирона

[19]) **Endemann.** Studien in der romanisch-canonistischen Withsshafts-und Rechtslehre bis gegen Ende des siebenzehnten Iahrhunderts. Erster Band. Berlin 1874 стр. 76.

УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

зительно точно прослѣдить постепенный ходъ образованія векселя до новаго времени.

Эти драгоцѣнные историко-бытовые документы собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ трудами одного изъ важнѣйшихъ писателей по вексельному праву, именно Бинера [20]); предшественникомъ его въ этомъ отношеніи нужно назвать нидерландскаго профессора-юриста *Гольціуса* [21]), подвергшаго критикѣ тѣ изъ consilia средневѣковаго выдающагося юриста *Балда* (Baldus), которыя посвящены отношеніямъ, напоминающимъ вексельную сдѣлку. Мы прослѣдимъ эти документы въ связи съ тѣми критическими замѣчаніями, кои они вызвали у такихъ знатоковъ торговаго права, какъ Endemann, Kuntze и *Гольціусъ*.

Подъ 1157 г. Бинеръ приводитъ сдѣлку, заимствованную имъ изъ сочиненія *Canale* Storia civile e commerciale dei Genovesi. Genova 1844. I стр. 355, и гласящую слѣдующее: lire 10 Genovesi prese a cambio con promessa di pagarle in Tunisi. Разбирая этотъ документъ, Эндеманъ [22]) высказываетъ предположеніе, что тутъ скрывается обыкновенный заемъ, коему въ нашемъ отечествѣ соотвѣтствуетъ простой вексель, а у нѣмцевъ Eigenwechsel, и что слово cambio само по себѣ ничего не означаетъ. Если однако всмотрѣться ближе въ приведенный текстъ, то нельзя будетъ не видѣть въ немъ именно перевода десяти лиръ, гдѣ-то полученныхъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ выплачены были ихъ хозяину въ Тунисѣ. Другими словами, въ существенныхъ чертахъ здѣсь воспроизводится первоначальная вексельная операція, состоящая въ переводѣ денегъ изъ одного мѣста въ другое, гдѣ онѣ должны были выдаваться мѣстною монетою. На это значеніе прямо указываютъ слова à cambio; ибо если бы тутъ скрывался простой заемъ, который въ это время, какъ предполагаетъ Эндеманъ, могъ быть признанъ дѣйствительнымъ даже съ точки зрѣнія канонистовъ, не приступившихъ еще къ своей

---

[20]) **Biener** Wechselr. Abh. § 7 стр. 52—68.

[21]) **Holtius** Abhandlungen civilistischen und handelsrechtlichen Inhalts, übersetzt von Dr S. Sutro. Utrecht 1852. VII. Das Wechselrecht im vierzehnten Iahrhundert nach den Consilien des Baldus (Vorlesung 1840) стр. 169—220.

[22]) Ibid. стр. 82.

травлѣ процентовъ, то не было бы никакой надобности упоминать о мѣнѣ (a cambio), впослѣдствіи прикрывавшей заемныя сдѣлки. Всего естественнѣе предположить, что десять лиръ [23]) были уплачены именно съ тѣмъ, чтобы равная имъ сумма, тоже въ лирахъ, была выдана въ Тунисѣ, въ коемъ въ то время, по всей вѣроятности, генуэзскія деньги имѣли обращеніе наравнѣ съ туземною монетою. Весьма вѣроятно, что плательщикъ только желалъ освободиться отъ неудоствъ перевозки этихъ денегъ въ натурѣ.

Далѣе подъ 1171 г. Бинеръ, слѣдуя Гольціусу и Кунце, приводитъ извѣстіе, что въ означенномъ году Венеціанская республика, ведя войну противъ грековъ, вынуждена была для покрытія военныхъ расходовъ обложить землю налогомъ; но когда и собранныхъ такимъ образомъ денегъ не хватило, то правительство прибѣгло къ займу у своихъ же гражданъ и для завѣдыванія дѣлами этого займа учредило заемную камеру (Camera di prestanza). Эта камера, какъ повѣтствуетъ италіанскій историкъ Веберъ [24]), принимала отъ частныхъ лицъ вклады и въ замѣнъ выдавала имъ билеты (biglietti), которые могли переходить изъ рукъ въ руки (negoziabili), т. е. могли быть продаваемы. Они-то, какъ полагаетъ Веберъ, и могли дать первую идею векселей. Но Кунце, Гольціусъ и Бинеръ согласно и справедливо отвергаютъ это предположеніе, не усматривая въ означенныхъ билетахъ ничего общаго съ векселями. То были не больше, какъ государственныя облигаціи на предъявителя, въ родѣ нынѣшнихъ билетовъ государственнаго займа, кои могли быть продаваемы обладателями, вѣроятно, при помощи переда-

---

[23]) **Raphael de Turri** disp. prima quaestio prima n. 13 и **Scaccia** §. II Glossa III. n. 54 сообщаютъ, что лира не обозначала монеты опредѣленнаго вѣса, а была единицею воображаемою, повсюду равнялась 20 солидамъ или 240 денаріямъ (солидъ=12 денаріямъ) и что въ Генуѣ были въ употребленіи всѣ три названные сорта денегъ.

[24]) Полное заглавіе его сочиненія приведено у **Holtius** ц. с. Beilage II стр. 207. У **Kuntze** (Die Lehre von den Inhaberpapiere etc: Leipzig 1857 стр. 60) оно цитируется кратко Ricerche sull'origine e sulla natura del contratto di Cambio da piazza a piazza. Venezia 1819 стр. 35. Самъ Веберъ заимствовалъ это извѣстіе у стариннаго тоже италіанскаго писателя **Marinus Sanutus**: Vitae ducum Vènetorum ab origine urbis, гдѣ о названой камерѣ говорится въ жизнеописаніи 32-го венеціанскаго дожа Михаила.

точныхъ надписей. Во всякомъ случаѣ, хотя тутъ и упоминается о векселяхъ, но для исторіи векселей это извѣстіе никакого значенія имѣть не можетъ.

Тѣмъ не менѣе если относительно приведенныхъ документовъ еще можно было сомнѣваться, могутъ ли они служить доказательствомъ существованія вексельнаго отношенія въ XII столѣтіи [25]), то приводимые затѣмъ Бинеромъ документы XIII столѣтія уже прямо указываютъ на тотъ фактъ, что къ этому времени вексельная сдѣлка вышла изъ своего зачаточнаго состоянія и стала пріобрѣтать легко распознаваемыя формы: мы видимъ тутъ не простой намекъ на обязательство выдать въ назначенномъ мѣстѣ опредѣленную сумму денегъ мѣстною монетою въ силу предварительнаго полученія таковой же суммы иною монетою въ другомъ мѣстѣ; это обязательство получаетъ тутъ уже ясное очертаніе и категорическое выраженіе.

Такъ Кунце [26]) и Бинеръ [27]) приводятъ латинскій текстъ одного векселя, выданнаго между 1200 и 1207 г.г., въ коемъ говорится слѣдующее: «Simon Rubeus (по италіански Rossi) bancherius fatetur habuisse lib. 34. danariorum Januae (sc. danari genovesi) et danarios 32, pro quibus Wilhelmus bancherius eius frater debet dare in Palermo marcas 8 boni argenti illi, qui ei dabit hanc cartam».

---

[25]) Подъ вексельнымъ отношеніемъ мы разумѣемъ здѣсь не отношеніе, защищаемое дѣйствующимъ правомъ, а фактическую подкладку векселя, тотъ его фактическій составъ, который впослѣдствіи, когда вексель сталъ предметомъ законодательныхъ опредѣленій, составлялъ необходимый атрибутъ вексельной сдѣлки. **Endemann** в. п. с. стр. 83 утверждаетъ, что о существованіи векселя въ XII столѣтіи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ историческихъ доказательствъ. Хотя Рафаэль де Турри и упоминаетъ о векселяхъ XII столѣтія, но не указываетъ никакихъ историческихъ фактовъ въ доказательство ихъ существованія въ то время. Опираясь на вышеприведенное извѣстіе отъ 1157 г., я продолжаю утверждать, что съ фактической стороны вексельныя отношенія, хотя и въ зачаточномъ состояніи, существовали и тогда. Что касается до Турри, то Эндеманъ совершенно напрасно приписываетъ ему означенное утвержденіе. По крайней мѣрѣ, въ цитируемомъ Эндеманомъ мѣстѣ (disp. I qu I n. 21) говорится не о векселяхъ, а о маркѣ, при чемъ объясняется, что она равнялась 8 унціямъ золота.

[26]) **Kuntze** Wechselrecht стр. 137 и 141.

[27]) **Biener** Wechs. Abh. стр. 53.

Нѣкій мѣняла Симонъ Росси признаетъ себя получившимъ 34 лиры, считая на генуэзскіе данаріи, и 32 данарія и обязываетъ брата своего мѣнялу Вильгельма выдать въ Палермо 8 марокъ чистаго серебра тому, кто предъявитъ этотъ документъ.

Какъ видно изъ приведеннаго текста, тутъ имѣется хотя и не всѣ, но главнѣйшіе элементы обыкновеннаго векселя, именно: обозначены векселедатель, валюта и сумма, подлежащая выдачѣ въ другомъ мѣстѣ. Не указаны только время и мѣсто выдачи векселя, а равно обращаетъ на себя вниманіе и то, что обязательство выдано на предъявителя. Это послѣднее обстоятельство Бинеръ объясняетъ особенностями соглашенія, но Кунце утверждаетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ еврейскимъ векселемъ, такъ какъ Росси есть фамилія одного еврейскаго семейства. А евреямъ обязательства на предъявителя извѣстны были настолько рано, что объ нихъ упоминается уже въ вавилонскомъ талмудѣ, возникновеніе коего относятъ къ 4-му столѣтію по Р. Х. Въ одномъ изъ отдѣловъ этого талмуда, именно Баба Батра, разбирается вопросъ, можно-ли предъявлять искъ на основаніи документа, въ коемъ просто сказано: «я получилъ отъ *тебя* (безъ обозначенія, отъ кого) заимообразно сто». Этотъ вопросъ рѣшается тутъ въ положительномъ смыслѣ [28]). Если евреи въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ такъ рано стали употреблять документы на предъявителя, то ничего не можетъ быть удивительнаго и въ томъ, что, какъ только они познакомились съ вексельнымъ отношеніемъ, то поспѣшили утилизировать его по своему и стали присвоивать ему форму обязательства на предъявителя, такъ что приведенный вексель есть одинъ изъ слѣдовъ такой утилизаціи. Таково именно мнѣніе Кунце.

Но совершенно иное мнѣніе высказываетъ Endemann [29]); ссылаясь на тѣхъ же Бинера и Кунце, а равно на *Неймана* [30]) и *Штоббе*, онъ утверждаетъ, что послѣдующее требованіе точнаго указанія получателя платежа по векселю находилось въ связи съ такими соображеніями, кои не могли еще имѣть ника-

---

[28]) **Kuntze** Inhaberpapiere 48 и 50.

[29]) В. п. с. стр. 83.

[30]) **Neumann** Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum 17 Iahrhundert. Erlangen 1863 стр. 100 и сл.

кого мѣста въ началѣ 13 столѣтія, и что, слѣдовательно, ничто не могло препятствовать и въ это время употребленію обязательствъ на предъявителя.

И дѣйствительно Бинеръ въ другомъ своемъ сочиненіи [31]) приводитъ случаи, вполнѣ напоминающіе такіе обязательства. Такъ онъ указываетъ на документъ отъ 1276 г., выданный Маргаритою, графинею Фландріи и Геннегау, гдѣ за указаніемъ лица вѣрителя слѣдуютъ слова: ou à celui ki ces presentes lettres nous delivrera. Другой случай относится къ 1291 году и представляетъ собою тоже вексель, выданный фландрскимъ купцомъ [32]). Въ виду такихъ фактовъ нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе Бинера, будто приведенный образецъ векселя на предъявителя долженъ быть сочтенъ результатомъ не существовавшаго обычая, а спеціальнаго соглашенія контрагентовъ. Писатель этотъ не принялъ во вниманіе послѣдующаго вмѣшательства канонистовъ въ торговыя дѣла и вліянія ихъ на формы векселя, канонистовъ, силившихся уничтожить всякія средства ко взиманію процентовъ, а потому требовавшихъ, чтобы вексель былъ непремѣнно доказательствомъ не процентной аферы, а простаго перевода денегъ съ одного мѣста на другое. Это вліяніе стало проявляться гораздо позже, а потому въ разсматриваемое время выдача уже извѣстныхъ тогда документовъ на предъявителя совершенно понятна и нисколько не должна казаться удивительною.

Подъ 1250 г. у Бинера [33]), равно какъ у Кунце [34]) и Эндемана [35]) приводится образецъ векселя, заимствованный изъ соч. *Rolandinus* Summa artis notariae. Part. I cap. 3 de debitis

---

[31]) Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. Leipzig 1846 II. Historische Erörterungen über den Ursprung und den Begriff des Wechsels стр. 75 прим.

[32]) Нейманъ въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается Эндеманъ, т е. в. п. с. стр. 101, ничего не говоритъ о бумагахъ на предъявителя; здѣсь рѣчь идетъ объ увѣдомительномъ письмѣ, которое однимъ изъ гражданъ Ганзейскаго Союза Морневегомъ послано было любекскому совѣту съ просьбою уплатить 150 марокъ по выданному имъ, Марневегомъ, въ Брюгге письменному обязательству. Ни малѣйшаго упоминанія о бумагахъ на предъявителя мы тутъ не находимъ.

[33]) Historische Eröterungen стр. 91—93.

[34]) **Kuntze** ц. с. стр. 137, 138 и 141.

[35]) **Endemann** в. п. с. стр. 84 и 85.

et creditis. Въ этомъ мѣстѣ подъ заглавіемъ: *instrumentum debiti ex causa cambii a scolaribus contracti* Роландинъ помѣщаетъ образецъ векселя, въ коемъ два студента, проживающіе въ Болоньѣ и родомъ изъ Франціи, признаютъ себя получившими отъ двухъ болоньскихъ купцовъ 300 лиръ *ex causa emtionis et cambii* и обѣщаютъ за эти 300 лиръ *solvere et dare* сто турнскихъ лиръ *bonorum et legalium* на ближайшей провансальской ярмаркѣ, 8 дней спустя послѣ *hara*[36]). Бинеръ усматриваетъ въ этомъ образцѣ простой домицилированный вексель, domicilium коего находился на провансальской ярмаркѣ. Онъ ссылается на комментатора Роландина, *Petrus Boaterius*, который видитъ тутъ сдѣлку купли—продажи, при чемъ объектомъ покупки являются триста болоньскихъ лиръ, а платою сто турнскихъ лиръ, имѣющіе быть выданными къ опредѣленному сроку. Изъ этого cambium, полагаетъ Бинеръ, возникъ вексель, который является такимъ образомъ долговою роспискою на сумму кредитированной покупной платы (instrumentum debiti ex causa cambii). Эндеманъ въ приведенномъ образцѣ усматриваетъ не истинный вексель, т. е. не то, что у насъ называютъ переводнымъ векселемъ, а такъ называвшійся прежде *cambium siccum*, замѣнявшій въ прежнее время, да весьма часто и нынѣ, простую долговую росписку. Только то обстоятельство, что документъ этотъ возникъ ex causa cambii, не дѣлаетъ его самого cambium. Если же считать его векселемъ, то остается только, полагаетъ Эндеманъ, принять, что и въ 1250 г. къ такимъ случаямъ не примѣнялись еще тѣ суровыя правила, какія впослѣдствіи создали послѣдовательное

---

[36]) «A. et B. scholares Bononiae commorantes pro pretio et nomine pretii et cambii CCC libr. Bonon., quas confessi fuerunt, se ex causa emtionis et cambii recepisse a C. et D. mercatoribus Bononiensibus, promiserunt solvere et dare eis C. libris bonorum et legalium Turon in nundinis Provinc. proximis VIII die, postquam in ipsis nundinis cridatum fuerit hara.»— Возгласомъ hara—hara, какъ можно видѣть изъ цит. въ прим. 8 сочиненія Мартенса стр. 16 прим. e. и f, а равно изъ **Fremery** Etudes de droit commercial, Paris 1833 стр. 14 и 15 прим. 1, обозначался конецъ торговли на ярмаркѣ опредѣленнымъ товаромъ, напр. сукнами. Изъ того же примѣчанія e у Мартенса ясно, что возгласъ hara съ теченіемъ времени получилъ значеніе задержки, остановки, обозначая предѣлъ, далѣе котораго идти не слѣдуетъ; вслѣдствіе чего обиженный или потерпѣвшій, желавшій привлечь къ судебной отвѣтственности своего уходившаго обидчика, кричалъ **haro!** за каковымъ крикомъ часто слѣдовалъ арестъ преслѣдуемыхъ кричавшимъ лицъ

проведеніе ученія о лихвѣ. Эндеманъ признаетъ далѣе лишеннымъ достаточнаго основанія воззрѣніе Бинера и Кунце[37]), приписывающихъ Роландину особую теорію, по которой самъ вексель есть нѣчто второстепенное и вытекающее изъ главнаго, именно предварительнаго договора купли—продажи. Ни о какой теоріи Роландинъ конечно не помышлялъ, да и словесный смыслъ приведеннаго образца не даетъ ни малѣйшаго права усматривать тутъ проявленія опредѣленной вексельной теоріи. Употребленное въ образцѣ слово cambium не слѣдуетъ переводить словомъ вексель, а оно обозначаетъ почти тоже, что mutuum, ибо въ тѣ времена, чтобы прикрыть запрещенный, т. е. оплачиваемый процентами заемъ, постоянно въ заемныхъ обязательствахъ прибѣгали къ названію cambium. По толкованію Эндемана, приведенный образецъ слѣдуетъ понимать именно въ томъ смыслѣ, что студенты взяли въ Болоньѣ у купцовъ въ кредитъ и товаръ, и деньги и выдали имъ росписку, въ которой обязались за полученное уплатить въ Провансѣ. Вознагражденіе за этотъ кредитъ скрывалось въ разницѣ между стоимостью 300 лиръ болоньскихъ и 100 лиръ турнскихъ, изъ коихъ послѣдняя сумма, какъ слѣдуетъ полагать, была выше первой.

Какъ однако ни толковать этотъ документъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ немъ проявилась вексельная сдѣлка, которая къ этому времени находилась еще въ періодѣ своего образованія. Я уже прежде замѣтилъ, что гражданскіе институты складываются весьма медленно и постепенно, ибо истинная идея ихъ выясняется съ теченіемъ времени и мало по малу. Согласно тому человѣчество не въ состояніи сразу напасть на формы, вполнѣ соотвѣтствующія даннымъ типамъ правоотношеній; сначала оно идетъ ощупью и только съ теченіемъ времени и по мѣрѣ выясненія идеи института оно вырабатываетъ для него постоянную схему, совмѣщающую въ себѣ всѣ его главнѣйшія составныя части. Отсутствіе яснаго пониманія главныхъ свойствъ складывающагося института нерѣдко приводитъ къ смѣшенію его съ другими формами отношеній или заставляетъ контрагентовъ связывать съ его проявленіями чуждыя ему черты. Но отсюда никоимъ образомъ нельзя выводить, что проявившійся въ иска-

---

[37]) **Kuntze** ц. с. стр. 146.

женномъ видѣ истиутъ во время этого своего проявленія еще вовсе не существовалъ, точно также какъ изъ одного того факта, что древнеегипетская живопись не знала ни перспективы, ни тѣней и оттѣнковъ, нельзя заключать, что живопись древнимъ египтянамъ вовсе не была извѣстна.

Приведенный Роландиномъ образецъ прямо свидѣтельствуетъ о томъ смутномъ пониманіи вексельной сдѣлки, которая господствовала въ началѣ XIII столѣтія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуетъ и о томъ фактѣ, что идея векселя уже гнѣздилась въ умахъ представителей того времени, которые, не зная еще вполнѣ соотвѣтствующей ему формы, приспособляли его къ требованіямъ даннаго случая и такимъ образомъ вносили въ него чуждые ему элементы.

У тѣхъ же писателей подъ 1270 г. приводится документъ, уже ближе подходящій къ нынѣшнему векселю. Какъ указываютъ Кунце (стр. 138 прим. 3) и Бинеръ [38]), документъ этотъ заимствованъ ими изъ стариннаго сочиненія *Durantis* подъ заглавіемъ Speculum judiciale (1272), Lib. IV, part. III Rubr. de obligat. et solut. § Praenotandum № 8. Говорится въ немъ слѣдующее:

«Noveritis me recepisse a tali dante, nomine A. scholaris Bononiae residentis centum libr. Turon. quas promisi per me et meos socios reddere Bononiae preafato scolari vel tot libras Bononienses, quae tantundem valent, habita cambii ratione».

Документъ этотъ выданъ какимъ то куицомъ на ярмаркѣ въ Монпельѣ съ тѣмъ, чтобы снабдить отправлявшагося въ Болонью студента деньгами, кои онъ имѣлъ получить по прибытіи на мѣсто слѣдованія. Хотя по редакціи своей (noveritis—чтобы вамъ было извѣстно) онъ скорѣе напоминаетъ адресованное кому-то увѣдомленіе (aviso), тѣмъ не менѣе Бинеръ усматриваетъ тутъ перефразированный настоящій купеческій вексель, выданный на ярмаркѣ въ замѣнъ уплаты по иному векселю (recambium или риторно вексель). Въ этомъ легко будто-бы убѣдиться изъ того, что означенное мнимое письмо находится въ рукахъ студента, что въ немъ не обозначенъ срокъ платежа и что платежная сумма исчисляется на турнскіе ливры или ихъ стоимость выражающуюся въ болоньскихъ ливрахъ. Аргументацію эту Эн-

[38]) Erörter. стр. 93 и Abhandl. стр. 56.

демань [39]) справедливо признаетъ лишенною всякаго основанія. Ни въ самомъ документѣ, ни въ разсказѣ Дуранта нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что вексель выданъ именно на ярмаркѣ. Если даже согласиться съ тѣмъ, что документъ выданъ именно на ярмаркѣ, то и въ этомъ случаѣ его нельзя считать recambium, cambio con la ricorse, такъ какъ понятіе ярмарочнаго векселя сложилось гораздо позднѣе. Самъ Эндеманъ признаетъ тутъ, какъ и въ документѣ Роландина, только наличность мѣны одного сорта монетъ на другой (permutatio pecuniae) съ тѣмъ, чтобы прикрыть заключенный въ дѣйствительности процентный заемъ.

Какая бы однако цѣль ни лежала въ основѣ этого документа, какъ его ни разсматривать, признавать ли его долговою роспискою или возобновленнымъ векселемъ, онъ уже самою своею внѣшнею формою доказываетъ, что вексельныя отношенія были довольно обычны въ это время, ибо стороны не затрудняются облечь свои взаимныя денежные расчеты въ форму векселя. А подобный фактъ прямо свидѣтельствуетъ, что зарожденіе вексельныхъ отношеній должно быть отнесено къ гораздо болѣе позднему періоду, точное указаніе коего совершенно невозможно. Нѣсколько случаевъ, приводимыхъ далѣе Бинеромъ и тоже относящихся къ XIII столѣтію, [40]) могутъ быть обойдены молчаніемъ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ прямаго указанія на употребленіе векселей въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а либо говорится о простой заемной сдѣлкѣ, либо слово cambium употребляется въ смыслѣ обыкновеннаго размѣна денегъ на мѣстѣ, о коемъ рѣчь будетъ впереди. Какъ однако ни недостаточны эти извѣстія, въ нихъ при ближайшемъ разсмотрѣніи можно распознать черты, вполнѣ напоминающія вексельное отношеніе. Пріемъ денегъ въ одномъ мѣстѣ, письменное порученіе проживающему въ другомъ мѣстѣ лицу выдать стоимость этихъ денегъ, обозначеніе лица, внесшаго ихъ, и лица получателя и т. п. все это такіе факты, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ существовавшаго уже тогда употребленія векселей. Оборотъ уже былъ знакомъ съ послѣдними и удовлетворялъ чрезт

---

[39]) и. с. стр. 88 и 89.

[40]) **Biener** Wechselr. Abh. стр. 56 и 57 №№ VII, VIII, X, XI и XII.

нихъ своимъ насущнымъ потребностямъ; но онъ не успѣлъ еще вполнѣ ихъ оформить и поставить подъ защиту дѣйствующаго законодательства. Такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что, если въ XII и XIII столѣтіяхъ векселя юридически и не существовали, то они существовали фактически и отправляли, хотя, и въ миніатюрѣ, тѣже функціи, что и впослѣдствіи. Зародышное состояніе, на которое указываютъ Гольціусъ, а за нимъ и Эндеманъ, говоря о векселяхъ этого времени [41]), есть продуктъ особаго правосозерцанія этихъ писателей, считающихъ институтъ существующимъ лишь тогда, когда онъ уже поставленъ подъ защиту закона. Но я уже прежде указалъ, что въ каждомъ институтѣ слѣдуетъ различать фактическую подкладку и юридическую сторону. Для того, чтобы возникло *юридическое* отношеніе, т. е. для того, чтобы можно было воспользоваться защитою закона, чтобы возникли данныя права и обязанности, необходимо, чтобы существовало такое *фактическое* отношеніе, которое законъ признаетъ подлежащимъ защитѣ. Эти два элемента далеко не всегда зарождаются одновременно: они могутъ соединиться спустя то или другое время по своемъ возникновеніи и обыкновенно фактическій элементъ предшествуетъ юридическому. Такъ, напр., законъ объявляетъ подлежащими его защитѣ только такіе договоры, гдѣ есть соглашеніе сторонъ. Слѣдовательно, защитѣ, т. е. юридическому элементу, должно предшествовать соглашеніе, т. е. фактическій элементъ.

Если это можно сказать объ отношеніяхъ, уже защищаемыхъ закономъ, т. е. правоотношеніяхъ, то въ еще большей мѣрѣ это примѣняется къ отношеніямъ только-что складывающимся, закономъ пока еще не принятымъ подъ свое покровительство, каковы вексельныя отношенія XII и XIII столѣтія. Фактическій составъ векселя уже существовалъ и въ то время; отдѣльныя лица не только были съ нимъ знакомы, но даже на-

---

[41]) **Holtius** ц. с. стр. 176 и 172 **Endemann** ц. с. стр. 91. «Сравнивая, говоритъ тутъ этотъ писатель, всѣ существующія извѣстія, невольно поддаешься впечатлѣнію, что, не взирая на полную доказанность употребленія слова **cambium** въ теченіи долгаго времени послѣ того, какъ привыкли говорить о cambium и cambire, въ первоначальномъ своемъ видѣ cambium весьма рѣдко отличалось рѣзко отъ сродныхъ съ нимъ сдѣлокъ, т. е. отъ остальныхъ видовъ приказовъ (Anweisungen).»

столько освоились съ вексельнымъ отношеніемъ, что пользовались имъ, какъ мы выше видѣли, для прикрытія процентныхъ сдѣлокъ. Юридическій же элементъ присоединился уже позднѣе, когда на векселя обратили вниманіе отдѣльныя правительства и дали имъ соотвѣтственную регламентацію. Но не законодательство создало векселя, а ихъ медленно и послѣдовательно вырабатывала сама жизнь путемъ удовлетворенія своимъ практическимъ нуждамъ.

Обращаясь теперь къ слѣдующему, именно XIV столѣтію, и разсматривая относящіяся къ этому времени свѣдѣнія и документы, мы послѣдуемъ тому порядку, въ коемъ они изложены въ неоднократно цитированномъ мною сочиненіи Бинера Wechselrechtliche Abhandlungen (стр. 57). На первомъ мѣстѣ поставленъ тутъ документъ, относящійся къ 1315 году и заимствованный изъ *Marquardus* de jure mercatorum. Во второй части этого сочиненія, содержащей въ себѣ различныя документальныя приложенія къ первой части, подъ литерою H помѣщенъ между прочимъ указъ Брабантскаго герцога Іоанна отъ 1315 г., въ коемъ германскимъ купцамъ предоставляются различныя льготы, опредѣляются подлежащіе взиманію съ нихъ налоги и устанавливается подсудность спорныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а равно взаимныя отношенія властей мѣстныхъ и выборныхъ ганзейскихъ. Въ этомъ-то указѣ есть мѣсто, прямо говорящее о векселяхъ. На стр. 294 сказано: «Item volumus et concedimus, eisdem mercatoribus, quod possint cambire et cambia facere, cum quibuscunque, et solutiones facere ac recipere, unus cum alio, cum literis vel sine literis, prout sibi visum fuerit expedire» [42]).

Бинеръ объясняетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что cum literis vel sine literis относится одинаково какъ къ cambire, такъ и къ

---

[42]) У Гольціуса, ц. с. стр. 213, перепечатано изъ того же указа еще одно мѣсто, въ коемъ нѣсколько разъ употребляется слово cambium; но вникая въ смыслъ текста этого мѣста, легко убѣдиться, что рѣчь идетъ тутъ не о векселяхъ, а о мѣнѣ товара на товаръ. Такъ что мѣсто это въ пользу векселей ничего не доказываетъ. Относительно цитируемаго мѣста онъ (стр. 176—177) высказаться категорически не рѣшается, находя, что, если деньги подлежали выплатѣ въ другомъ мѣстѣ, то безъ письма, конечно, обойтись было невозможно; но не каждое письмо, хотя-бы оно касалось мѣны денегъ, можно считать векселемъ.

solutiones facere и что, слѣдовательно, тутъ разумѣются какъ векселя, такъ и простыя препорученія выдать опредѣленную сумму денегъ (Anweisungen). Не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что здѣсь ганзейскимъ купцамъ предоставляется заниматься между прочимъ тѣмъ промысломъ, который съ 15 вѣка утвердился за профессіональными мѣнялами; а промыселъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, по самому существу своему не могъ обойтись безъ векселей; слѣдовательно, векселя и въ это время были въ большомъ ходу между прочимъ у ганзейскихъ купцовъ, кои иначе не стали бы добываться особаго упоминанія въ привилегіи о томъ, что имъ разрѣшается cambire cum vel sine literis. Само собою понятно, что и тутъ можетъ идти рѣчь не о вексельномъ правѣ, а о его фактической подкладкѣ, т. е. и здѣсь нужно разумѣть не юридическую сдѣлку, защищаемую закономъ, а фактъ простаго частнаго соглашенія, прививавшагося къ торговлѣ лишь мало по малу и путемъ обычая.

Если обратиться къ перепечатанному у Мартенса [43]) отрывку изъ соч. *Francesco Pegolotti* pratica della mercatura, пи-

---

[43]) **Martens** ц. с. Anhang стр. 2 и 3. Писатель этотъ объясняетъ, что **Pratica della mercatura Francesco Balducci Pegolotti** составлена въ началѣ 14 столѣтія и внесена въ сочиненіе XVIII столѣтія, озаглавленное **Della decima di varie altre gravezze imposte dal commune di Firenze. Lisbona e Luca 1764. 4 vol.** in 4°. (Это заглавіе заимствовано мною изъ соч. **Iohann Beckmann.** Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipzig 1786—1805. Zveiter Band стр. 117. Названное сочиненіе Пеголотти помѣщено тутъ подъ 1339 г.). Пеголотти, какъ сообщаетъ тотъ-же Мартенсъ (стр. 48), былъ факторомъ знаменитаго флорентинскаго торговаго дома Барди, насчетъ коего и путешествовалъ. Въ 1315 г. онъ посѣтилъ Антверпенъ, въ 1317 г. Англію и въ 1325 и 1336 Кипръ. Путешествуя для торговыхъ цѣлей и въ качествѣ агента одной изъ наиболѣе богатыхъ тогда фирмъ, онъ, конечно, имѣлъ полную возможность собрать самыя точныя свѣдѣнія о состояніи торговли того времени. Мартенсъ считаетъ возможнымъ существованіе вексельнаго права уже и въ то время, хотя не вездѣ, и основывается на томъ, что не могло бы образоваться столь твердаго вексельнаго обычая, если бы векселедержатель не былъ увѣренъ въ быстромъ взысканіи, по меньшей мѣрѣ, на мѣстѣ выдачи векселя. Но это предположеніе не оправдывается никакими безспорными фактами. Наоборотъ, изъ собранныхъ этимъ же писателемъ, а равно Зигелемъ (Iohann Gottlieb Siegel Corpus juris cambialis, das ist: vollständige Sammlung derer auf den vornehmsten Handelsplätzen auch anderer Orten in Europa üblichen allerneuesten Wechselordnungen etc. Leipzig 1742 in fol.) вексельныхъ узаконеній можно убѣдиться, что вексельные уставы начинаютъ появляться только съ 16-го столѣтія.

савшаго до 1339 г., то можно убѣдиться, какого широкаго распространенія достигла къ этому времени вексельная сдѣлка. Изъ приводимаго тутъ голаго перечня усматривается, что уже въ это время въ торговомъ мірѣ установился твердый обычай относительно времени платежа по безсрочнымъ векселямъ, совершеннымъ въ разныхъ въ то время существовавшихъ торговыхъ пунктахъ. Тутъ же обозначены города и государства, состоявшіе между собою въ постоянныхъ вексельныхъ сношеніяхъ, и изъ этого обозначенія видно, что италіанскіе города состояли въ такихъ сношеніяхъ не только между собою, но и съ Франціею, Англіею, Испаніею, Кипромъ, Константинополемъ, Тунисомъ, Фландріею и др.

И такъ, къ срединѣ 14-го столѣтія вексельная сдѣлка становится отношеніемъ, не только достаточно уже сложившимся, но и повсемѣстнымъ, проникшимъ во всѣ въ то время извѣстные болѣе значительные торговые центры. Къ векселямъ, для облегченія своихъ взаимныхъ разсчетовъ и производства платежей, прибѣгаютъ не только торговцы по профессіи, но и лица иныхъ сословій, каковы представители духовенства и дворянства. Ими не брезгаютъ даже всемогущіе средневѣковые папы и коронованныя особы. Достигнувъ такого положенія, ставъ столь виднымъ факторомъ общественной жизни, вексель не могъ уйти отъ вниманія и средневѣковыхъ юристовъ, не смотря на всю присущую имъ рутинность, узость кругозора и ограниченность правосознанія. Отъ времени до времени, всего вѣроятнѣе вслѣдствіе внѣшняго побужденія, они подвергали своему анализу единичные случаи вексельныхъ отношеній, внося и эти работы въ свои сочиненія. Анализируя подобное отношеніе, они конечно не могли не воспроизводить и его формы, благодаря чему послѣдующіе юристы получили возможность ознакомиться съ нѣсколькими болѣе или менѣе полными текстами векселей 14-го столѣтія.

Въ ряду этихъ образцовъ первое мѣсто по времени занимаетъ случай, разсмотрѣнный *Каспаромъ Кальдериномъ* и относящійся ко времени до 1380 г.[44]). Объ этомъ случаѣ сообщаетъ

---

[44]) Biener Wechselr. Abh: стр. 80 прим. 2. Иванъ Кальдеринъ и сынъ его Каспаръ занимались каноническимъ правомъ и оба были профес-

Рафаэль де Турри въ цитированомъ выше сочиненіи (disputatio secunda quaestio vigesima quarta n. 1). Восхваляя юриста Романуса, ученика Балда, и считая его первымъ, подробно разобравшимъ договоръ cambium, Рафаэль де Турри говоритъ, что, еще до этого ученаго, *Caspar Calderinus* составилъ consilium о слѣдующемъ случаѣ: нѣкто (какъ онъ самъ выражется) за сто десять бизанціевъ, уплаченныхъ въ Генуѣ, купилъ сто bisantios съ тѣмъ, чтобъ они были выплачены ему въ городѣ Александріи (т. е. въ Египтѣ, съ которымъ генуэзцы состояли въ то время въ весьма дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ). Какъ можно заключить изъ намека названнаго писателя (ubi defendit a labe usuraria conventionem illam Genuae celebratam sub nomine cambii), дѣло состояло въ томъ, что кредиторъ обвинялся въ заключеніи столь ненавистной въ то время процентной сдѣлки, а Кальдеринъ въ своемъ consilium доказывалъ, что cambium, по своимъ свойствамъ, подъ такую сдѣлку подводимо быть не должно и что, слѣдовательно, оно свободно отъ позора ростовщичества. Самъ *Рафаэль де Турри* отвергаетъ оцѣнку Кальдерина, не излагая однако ея существа, считаетъ ее вовсе не уясняющею дѣло и объявляетъ себя сторонникомъ Балда, усматривавшаго въ подобныхъ сдѣлкахъ куплю—продажу. Какъ-бы однако ни было, всматриваясь ближе въ этотъ случай, мы находимъ тутъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ вексельной сдѣлки, понимая ее въ средневѣковомъ смыслѣ, именно обязательство за полученную въ одномъ мѣстѣ сумму денегъ уплатить въ другомъ мѣстѣ соотвѣтствующую сумму. Что касается остальныхъ элементовъ, каковы векселедатель, ремитентъ, плательщикъ и получатель, то хотя объ нихъ тутъ и не упоминается, но изъ того, что самъ *Рафаэль*, написавшій обширный трактатъ о векселяхъ, считаетъ упомянутый казусъ вексельнымъ отношеніемъ, мы вправѣ заключить, что по составу своему онъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ векселю. По-

---

сорами. Отецъ умеръ въ 1365 г., а сынъ въ 1399 г. Какъ предполагаетъ Бинеръ, сочиненія ихъ не были напечатаны. Въ библіотекѣ Фелина Санда, завѣщанной послѣднимъ капитулу канониковъ въ Луккѣ, Монзи нашелъ между прочимъ рукописи, содержащія въ себѣ Consilia Каспара и Commentatio in rubr. de usuris его отца. Бинеръ, у коего я заимствую эти свѣдѣнія, высказываетъ предположеніе, что приводимый Рафаэлемъ де Турри consilium взятъ изъ сочиненія de usuris.

ражаетъ тутъ только то, что принятая сумма денегъ подлежитъ уплатѣ въ другомъ мѣстѣ не иною монетою, а тою же самою, но въ большемъ количествѣ. Этотъ-то излишекъ, равнявшійся десяти бизанамъ, былъ, какъ справедливо замѣчаетъ Эндеманъ [45]), причиною того, что тутъ возникло обвиненіе въ лихоимствѣ, ибо проценты тутъ не прикрыты счетомъ на монету иной системы, какъ въ другихъ случаяхъ. Каковы были доводы Кальдерина, мы не знаемъ, ибо Рафаэль де Турри объ нихъ умалчиваетъ. Но весьма вѣроятно, что уже онъ оправдываетъ означенный лишекъ обязанностью возмѣстить издержки, порождаемыя мнимою пересылкою денегъ изъ одного мѣста въ другое.

Два образца векселей, относящихся къ 1381 и 1395 годамъ, заимствованы Гольціусомъ, а за нимъ Бинеромъ и другими изъ собранія юридическихъ отвѣтовъ и совѣтовъ (consilia) одного изъ извѣстнѣйшихъ средневѣковыхъ юристовъ, именно *Балда (Baldus)*, жившаго въ XIV столѣтіи и умершаго въ 1400 г. Онъ былъ advocatus artis mercatorum въ Перуджіи. Мѣсто, въ коемъ помѣщается текстъ векселя, писаннаго въ 1381 г., читается, какъ передаетъ Бинеръ [46]), слѣдующимъ образомъ:

Sempronius Manfredi scripsit quandam epistolam ad Titium mercatorem in Rivo alto Venetiarum infrascripti tenoris:

Al nome de Dio Amen. A di primo de Febr. 1381 pagate per questa prima lettera ad usanza ad voi medesimo libre 43 de grossi, sono per cambio de ducati 440, ch'ho ricevuto da Sejo et ei campagni, altramente le pagate.

Этотъ же самый вексель *Scaccia* (Tractatus de comm. et cambio § 1 quaest. 5 n°. 44 in fin.) приводитъ, какъ образецъ векселя съ тремя участниками, гдѣ на самомъ дѣлѣ имѣется четыре участника; но два изъ нихъ, именно ремитентъ и получатель платежа соединяются въ одномъ лицѣ. Онъ объясняетъ далѣе, что названный образецъ заимствованъ имъ изъ consilia Балда, что въ его, Scaccia, книгѣ текстъ векселя чрезвычайно

---

[45]) **Endemann** в. п. с, стр. 123.

[46]) **Biener vechselr.** Abh. стр. 59. Въ **Historische Erörter** писатель этотъ поясняетъ, что приводимый текстъ есть результатъ исправленій, сдѣланныхъ согласно указаніямъ **Scaccia** в. п. с. стр. 118. Въ первоначальномъ же своемъ видѣ текстъ векселя весьма испорченъ, а конецъ у него вовсе отсутствуетъ.

искажен̈ъ и имъ возстановлен̈ъ слѣдующимъ образомъ: Al nome de Dio Amen. a di 1. di Febraro 1381.

Pagate per questa prima lettera ad usanza, a voi medesimo libre 43 de grossi, sono per cambio de ducati 440, c'ho ricevuto da Sejo.

Semproni

à Titio.

Смыслъ этого векселя значительно затемняется нѣкоторыми выражен̈ями, наводящими на серіозныя сомнѣнія; а потому, начиная съ Мартенса, писатели по вексельному праву всячески силились разъяснить эти сомнѣнія, хотя и безуспѣшно. Такъ *Мартенсъ* [47]), ссылаясь на *Scaccia*, полагаетъ, что *Baldus* представилъ тутъ образецъ *cambio con la ricorsa*, но не приводитъ никакихъ соображен̈ій въ пользу своего мнѣнія. Бинеръ [48]) въ виду словъ: «*pagate a voi medesimo*» (заплатите сами себѣ) тоже утверждаетъ, что приведенный вексель напоминаетъ ricorsa—вексель, т. е. возобновленный вексель, выдававшійся получателемъ платежа въ случаѣ неполучен̈ія платежа по первому векселю [49]). Главное затрудненіе, утверждаетъ Бинеръ [50]), состоитъ

---

[47]) См. в. п. с. стр 44. Въ скобкахъ Мартенсъ объясняетъ, что за таковой выдаетъ этотъ вексель **Scaccia** именно въ § 1 quaest IV n. 41. Въ этой цитатѣ ошибочно указана quaest. 4 вмѣсто V, гдѣ **Scaccia** однако ни однимъ словомъ, не промолвился насчетъ свойствъ названнаго векселя; обратнымъ или возобновленнымъ векселемъ онъ называетъ его уже подъ № 88 in fin. той же quaestio.

[48]) См. его histor. Erörter стр. 150.

[49]) Значен̈іе возобновленнаго иля обратнаго векселя состояло въ слѣдующемъ: если назначенный въ векселѣ плательщикъ (трассатъ) отказывался уплатить по немъ, то предъявитель такого векселя старался добыть обозначенную въ векселѣ сумму у инаго лица, коему въ свою очередь выдавалъ вексель на перваго векселедателя, т. е. назначалъ плательщикомъ. Въ текстѣ этого обратнаго векселя векселедатель предлагаетъ плательщику валюту уплатить самому себѣ, что означало неполучен̈іе удовлетворен̈ія по первому векселю. Отказываться отъ платежа по такому обратному векселю плательщикъ не имѣлъ никакого основан̈ія такъ какъ валюту по немъ онъ получилъ уже раньше, при выдачѣ перваго векселя, и она осталась не возвращенною по принадлежности, стало быть, имѣлась еще въ его рукахъ. Такой вексель носитъ названіе: Gegenwechsel, Wiederwechsel, Ricorswechsel, recambium. retratta, ritorno. См. **Scherer** Handbuch des Wechselrecht. Frankfurt am M. 1800—1801 т. 2 стр. 625.

[50]) См. его Wechselr. Abhandl. стр. 59, 34 и 35.

въ оговоркѣ: *уплатите сами себѣ*, ради которой Scaccia и Мартенсъ сочли этотъ вексель cambium con la ricorsa. Такое мнѣніе Бинеръ считаетъ ошибочнымъ и съ своей стороны полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ только о томъ, чтобы назначенный плательщикъ списалъ у себя въ книгахъ указанную въ векселѣ сумму со счета уплатившаго валюту и приписалъ бы ее въ дебетъ векселедателю. Слѣдовательно, онъ предполагаетъ, что и векселедатель и векселепринимательсостояли съ назначеннымъ въ векселѣ плательщикомъ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

Наоборотъ *Гольціусъ*, подробно знакомящій съ consilium Балда и очевидно увлеченный аргументаціей этого послѣдняго, приходитъ къ заключенію, что въ то время вовсе не существовало того, что мы нынѣ обыкновенно разумѣемъ подъ векселемъ Приведенный документъ не можетъ быть сочтенъ векселемъ, полагаетъ Гольціусъ, уже потому, что «въ качествѣ векселедержателя и съ обратнымъ искомъ выступаетъ тутъ лицо, которое въ документѣ обозначено не какъ ремитентъ или индосатъ, а лишь какъ валютодатель. Сверхъ того, обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что предъявляется *condictio ob causam или causa data causa non secuta*, т. е. actio римскаго права, юридическое основаніе которой образуетъ преднамѣренная permutatio (или по Балду, quasi contractus); истинный вексельный искъ, основанный на обѣщанномъ въ векселѣ платежѣ или на векселѣ какъ literarum obligatio, здѣсь не предъявляется. Означенное письмо есть только обыкновенный chirographum или доказательство состоявшейся permutatio» [51]).

Извѣстный знатокъ торговаго права, Эндеманъ [52]), въ своихъ выводахъ о приведенномъ документѣ почти совершенно сходится съ Бинеромъ, подобно коему безусловно отказывается видѣть въ этомъ векселѣ наличность cambium con la ricorsa, ибо еще два вѣка спустя съ такого рода векселями не могли справиться; но въ заключеніе онъ сознается, что ему, какъ и другимъ, не удалось устранить тутъ большія неясности, вслѣдствіе чего онъ считаетъ опаснымъ слишкомъ много полагаться на этотъ документъ.

---

[51]) **Holtius** в. п. с. стр. 187. Къ мнѣнію Гольціуса безъ всякихъ мотивовъ присоединяется Кунце, в. п. с. стр. 146 и 147.

[52]) **Endemann** в. п. с. стр. 123—127.

Какъ бы однако ни было, приведенный образецъ, не смотря на всю неясность своей редакціи, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о довольно высокой степени развитія, какого вексель къ этому времени достигъ. Идея векселя—полученіе валюты въ одномъ мѣстѣ для выдачи ея въ другомъ—здѣсь выражена уже вполнѣ распознаваемымъ образомъ; но гнѣздясь только въ умахъ односторонних и недостаточно грамотныхъ торговцевъ, она не можетъ еще найти себѣ совершенно подходящей и постоянной внѣшней формы. А между тѣмъ вексель по прежнему продолжаетъ оставаться внѣ сферы законодательнаго вліянія; юристы же, страстно влюбленные въ римское права и внѣ его ничего не признающіе, не хотятъ и знать о повседневной дѣйствительной жизни. Когда о томъ или другомъ явленіи этой жизни доводятъ до ихъ свѣдѣнія и предлагаютъ имъ, какъ свѣдущимъ людямъ, дать о немъ свое заключеніе, какъ это сдѣлано было по отношенію къ вышеприведенному образцу, то они воображаютъ себя на форумѣ предъ преторомъ и разсуждаютъ такъ, какъ разсуждалъ бы римскій юристъ, отправляясь отъ правоположеній и принциповъ римскаго права. Имъ очевидно и нужды нѣтъ, что между правосозерцаніемъ римлянъ и складывающимся правосозерцаніемъ средневѣковыхъ обществъ не имѣется ничего общаго, что римскій вѣками выработанный юридическій строй сталъ уже историческимъ воспоминаніемъ и что на смѣну ему явился новый жизненный строй, правда, едва вышедшій изъ пеленокъ, вполнѣ еще младенческій, но все-таки безусловно своеобразный и не имѣющій даже отдаленнаго сродства съ римскимъ. И вотъ къ продуктамъ этой новой жизни они съ легкимъ сердцемъ прилагаютъ древнеримскій масштабъ и примѣриваютъ къ нимъ внѣшнія формы римскаго правосознанія, какъ это сдѣлалъ Baldus съ разсматриваемымъ векселемъ.

И чего только этотъ прославленный средневѣковой юристъ тутъ ни наговорилъ![53]) У него оказались здѣсь и condictio causa data causa non secuta, и plus petitio, и societas, и permutatio и т. п. тонкости, заимствованныя изъ ученія римскихъ юристовъ, но приложенныя не во время, некстати и неумѣло. Только слона онъ не примѣтилъ: не замѣтилъ того, что имѣетъ дѣло съ совершенно новымъ отношеніемъ, съ продуктомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда такихъ условій, о коихъ у римлянъ не могло сложиться ни малѣйшаго представленія. Заодно съ своими современ-

никами—юристами признавая законодательные сборники Юстиніана послѣднимъ словомъ юриспруденціи, онъ смотрѣлъ на развертывавшуюся предъ нимъ панораму новой жизни только сквозь призму этихъ сборниковъ; а потому, конечно, не могъ замѣтить быстро складывающагося новаго грандіознаго института, требующаго для своего юридическаго анализа и конструкціи новыхъ пріемовъ и обновленнаго правосозерцанія. Такой институтъ оказался совершенно не по плечу закоснѣвшимъ схоластикамъ и юристамъ—рутинерамъ среднихъ вѣковъ, а потому и неудивительно, что они никакъ не могли съ нимъ справиться и не въ состояніи были оказать жизни никакой плодотворной и разумной помощи при дальнѣйшемъ его развитіи. Даже больше. Едва они заполучили его въ свои руки, какъ начали его комкать и ограничивать его примѣненіе, навязывая ему, какъ мы увидимъ ниже, такія задачи, кои лишь задерживали его поступательное движеніе и вредно отзывались на торговыхъ интересахъ всего тогдашняго коммерческаго міра.

Новые юристы отнеслись къ приведенному вексельному образцу, какъ показано выше, совершенно иначе. Но подвергая его анализу, они упустили изъ виду, что вексель этотъ написанъ не свѣдущимъ юристомъ, сознательно употребляющимъ юридическіе термины, а очевидно малограмотнымъ торговцемъ, вовсе не умѣющимъ укладывать свои мысли въ подходящія внѣшнія формы. Всякій, конечно, неоднократно въ своей жизни могъ наблюдать, съ какимъ трудомъ неграмотный, да и полуграмотный человѣкъ, въ особенности торговецъ, весь отдавшійся коммерческимъ оборотамъ и разсчетамъ, облекаетъ свои желанія и мысли въ словесную форму и какъ мало онъ способенъ строго разграничивать юридическія понятія и правильно употреблять юридическіе термины. Если и въ наши дни попадаются такого рода письменные договоры, завѣщанія и т. п. документы, съ коими не могутъ справиться даже самые искусные юристы, вооруженные всѣми средствами толкованія, то что сказать о четырнадцатомъ столѣтіи, когда грамотность стояла на весьма низкой ступени и была явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, когда люди торговые, вслѣдствіе тогдашняго состоянія юриспруденціи и враждебнаго отношенія къ торговлѣ тогдашней интеллигенціи, во всѣхъ отношеніяхъ были предоставлены самимъ себѣ. Независимо отъ того, къ названному времени еще не выработался

строгій коммерческій стиль, а потому и векселя писались еще не по обычному образцу, а сообразно собственному умѣнію писавшихъ. Неудивительно такимъ образомъ, что и въ векселѣ, помѣщенномъ у Балда, есть выраженія, какъ несогласованныя съ остальнымъ содержаніемъ, такъ и сами по себѣ темныя, для насъ теперь рѣшительно непонятныя. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ быть совершенно вычеркнутъ изъ числа историческихъ документовъ, относящихся къ вексельному праву, какъ этого требуютъ Гольціусъ и Эндеманъ. Не взирая на всѣ возбуждаемые имъ недоразумѣнія, усугубленныя, впрочемъ, толкованіемъ Балда, онъ самимъ собою и своимъ содержаніемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что онъ есть вексель, ибо въ немъ идетъ рѣчь объ уплатѣ валюты иною монетою противъ той, какая получена въ другомъ мѣстѣ, такъ и о томъ, что вексельная сдѣлка къ этому времени достигла уже довольно высокой степени развитія и стала облекаться въ болѣе или менѣе соотвѣтствующія формы; изъ него видно, что къ этому времени уже утвердился обычай выдавать векселя въ нѣсколькихъ экземплярахъ, обозначая послѣдовательный номеръ экземпляра въ самомъ текстѣ векселя, и что засвидѣтельствованный Неголотти обычай платить по безсрочнымъ векселямъ извѣстное число дней спустя по предъявленіи дѣйствительно примѣнялся повсемѣстно, а потому векселедатели ограничивались простымъ на него указаніемъ.

Придерживаясь того же хронологическаго порядка, въ коемъ средневѣковые остатки вексельнаго права изложены у Бинера [53]), я остановлюсь теперь на весьма любопытномъ памятникѣ, перепечатанномъ Гольціусомъ въ X приложеніи (стр. 219 и 220) къ неоднократно уже цитированному его сочиненію. Самъ Гольціусъ, какъ видно изъ помѣщеннаго тутъ же примѣчанія, заимствовалъ этотъ документъ изъ Bibliothèque de l' Ecole des Chartres. III Série, Tome II, prem. Livraison. Paris 1850. Документъ этотъ Бинеръ [54]) относитъ къ 1384 г., но не указываетъ никакихъ данныхъ подкрѣпляющихъ эту дату, между тѣмъ какъ въ самомъ документѣ она вовсе не значится. Изъ его содержанія усматривается, что онъ есть не что иное, какъ написанный

[53]) См. его Wechselrecht. Abhand. стр. 60.
[54]) Ibid.

на латинскомъ языкѣ нотаріальный протестъ по поводу отказа трассата произвести по векселю платежъ. Протестъ совершенъ въ присутствіи векселедателя, трассата и двухъ нарочито для того приглашенныхъ свидѣтелей и содержитъ въ себѣ текстъ векселя и удостовѣреніе, что гражданинъ Генуи, Антоній Гриллъ, назначенный въ векселѣ получателемъ вексельной суммы, предъявилъ этотъ вексель трассату, Антонію Лауренцію, для платежа, но Лауренцій отозвался, что никакого платежа по сему документу произвести не желаетъ. Въ концѣ протеста указаны домъ, гдѣ первый написанъ, мѣсяцъ и число и названы свидѣтели (граждане Генуп, Лазарь Спинола и Оттобано де Гвана). Сдѣланная въ концѣ и въ скобкахъ приписка: ex actis Therami de Magiolo, foliatio quinta, pag. 291 retro даетъ право предполагать, что протестъ этотъ заимствованъ изъ нотаріальной книги, почему въ немъ не значится годъ его совершенія.

Самый текстъ векселя, занимающій середину акта протеста, изложенъ тутъ слѣдующимъ образомъ: Al Segnor Antonio Laurentii en Genoa, p. a. de 576 f. e 21 Sold. Ianuae.

En nome de Dio. Seta, die VII Septembris MCCCLXXXIIII. Segnor, per questa primera litera piyeres a XXX jorni vista a me p. Antonio Grillo 576 floreni e 21 soldi Ianuari, et sunt p. cambi de CCCIII lire XV e VI barcellonenses che o ricevudo da Iac. de Vaxi a ragione de soldi XIIII per floreno; perche voi prego che farate bon compimento al tempo. Vostro Raimondo Salvador.

Какъ видно изъ этого текста, вексель относится къ категоріи безсрочныхъ и подлежитъ погашенію тридцать дней спустя по предъявленіи. По догадкѣ Бинера [55]), Seta означаетъ тутъ или Ceuta, средневѣковое торговое мѣсто, или Cettes, городъ, находящійся въ южной Франціи. Документъ обставленъ такими аттрибутами, что ни на минуту не можетъ возникнуть сомнѣнія насчетъ его вексельнаго значенія: онъ не только опротестованъ почти также, какъ протестуютъ векселя въ наши дни, но въ немъ имѣется мѣна одной монеты на другую, разница между мѣстомъ выдачи и мѣстомъ исполненія векселя и четыре участника: векселедатель, плательщикъ валюты (ремиттентъ), получатель платежа и назначенный плательщикъ (трассатъ). Обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что въ протестѣ

---

[55]) См. объ этомъ **Biener** ib. стр. **115** и **Endemann** в. п. с. стр: **133**.

упоминается о рекамбіи—векселѣ (et contra dictum Raimundum absentem de recambio cambii et de omni damno interesse et expenses dici Antonii Grilli); это упоминаніе прямо указываетъ, что къ этому времени обычай возмѣщать себя путемъ полученія потребной суммы въ кредитъ на имя векселедателя настолько утвердился, что сталъ неизбѣжнымъ аттрибутомъ векселя.

Перехожу теперь къ векселю, по счету второму, текстъ коего заимствованъ изъ Baldi Consilia [56]). Въ немъ говорится слѣдующее: «pagati per questa prima littera a di IX de Octobr. a luca de goro libr XLV. sono per la valuta qui da Masio rena al tmppo li pagati e poniti a mio conto e. R. che Christo ve guarde Bonromeo de bonromei salutm de Milano a di IX de mazo (Marzo) MCCCXCV. a *tergo* (на оборотѣ) Alexandro di bonromei e dominco de Andrea inineniz prima d. libr. XLV».

Текстъ этотъ содержитъ въ себѣ очевидные пробѣлы и искаженія, которые обратили на себя вниманіе уже Рафаэля де

---

[56]) Гольціусъ в. п. стр. 205 и 206 даетъ подробный перечень тѣхъ писателей, у коихъ можно найдти свѣдѣнія о рукописяхъ и изданіяхъ **Consilia** Baldi de Ubaldis. Тутъ же помѣщенъ указатель самихъ этихъ изданій, изъ коего усматривается, что первое изданіе появилось въ 1486 въ Падуѣ, а за нимъ послѣдовали другія, числомъ 17, изъ коихъ послѣднее относится къ 1693 и появилось въ Венеціи. Такимъ образомъ на протяженіи двухсотъ лѣтъ Consilia Балда de Убальдисъ изданы были восемьнадцать разъ. То обстоятельство, что всѣ эти изданія сдѣланы были между концомъ XV и концомъ XVII столѣтія, когда образованіе и грамотность стояли еще на довольно низкой ступени и когда печатное дѣло, едва вышедшее изъ колыбели, сопряжено было съ громадными трудностями и требовало большихъ расходовъ, какъ нельзя убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ въ пользу той грамадной популярности и чрезвычайнаго уваженія, коими пользовался этотъ средневѣковой юристъ въ тогдашнемъ обществѣ. Заслужены ли эти уваженіе и популярность, это, конечно, другой вопросъ, который однако отнюдь не долженъ быть рѣшаемъ съ точки зрѣнія требованій нынѣшней юриспруденціи. Во всякомъ случаѣ его съ полнымъ правомъ можно назвать юристомъ даровитымъ, чрезвычайно трудолюбивымъ и весьма ученымъ, но съ узкимъ кругозоромъ, преданнымъ схоластикѣ и не съумѣвшимъ потому возвыситься до пониманія новыхъ, не извѣстныхъ римлянамъ, формъ правоотношеній. На юридическій бытъ своего времени онъ смотритъ лишь сквозь очки римскихъ законодательныхъ источниковъ и, повидимому, вовсе не замѣчаетъ, что практическая жизнь предъ его же глазами стала укладываться въ новыя формы и пролагать себѣ новые пути. Приводимый въ текстѣ вексель перепечатанъ Гольціусомъ изъ появившагося въ 1490 г. изданія въ Брешіи. Pars III cons. 298.

Турри [57]), посвятившаго разбору мнѣнія Балда объ этомъ векселѣ цѣлую главу. На варіянтѣ, коимъ пользовался этотъ писатель, значился 1328 годъ, какъ годъ выдачи векселя. Другой средневѣковой писатель, именно *Scaccia* [58]), приводитъ этотъ же документъ, какъ образецъ векселя съ четырьмя участниками, при чемъ годъ выдачи тутъ показанъ иной, именно 1325, а на оборотѣ обозначено: Alexandro de Bonromei et Domenico d' Andrea *Inurea prima de li.* По мнѣнію *Scaccia* въ этомъ векселѣ скрывается два недостатка: во-первыхъ, обозначенный въ немъ семимѣсячный срокъ платежа, т. е. обязанность уплатить по истеченіи семи мѣсяцевъ по выдачѣ, противорѣчитъ природѣ векселя, ибо обыкновенно по векселямъ должны платить немедленно, если платежъ поручается банкирамъ, какъ извѣстно, производящимъ безотлагательные платежи. Срокъ этотъ не соотвѣтствуетъ также ярмарочному векселю, ибо, кромѣ того, что по такимъ векселямъ платежъ происходитъ черезъ три мѣсяца, ярмарки, на коихъ онъ долженъ быть произведенъ, прямо обозначаются въ текстѣ векселя. Во вторыхъ, на приведенномъ документѣ не указано мѣста, куда вексель посылается. Но отмѣтивши эти два недостатка, *Scaccia* тутъ же приводитъ соображенія, уничтожающія эти сомнѣнія. Относительно перваго недостатка онъ говоритъ, что въ неярмарочныхъ векселяхъ стороны по обоюдному согласію могутъ, а нерѣдко и на самомъ дѣлѣ прямо опредѣляютъ тотъ или другой срокъ платежа; въ привиденномъ же векселѣ семимѣсячный срокъ назначенъ, вѣроятно, потому, что тотъ, кому вексель посылался, былъ должникомъ и обязанъ былъ уплатить свой долгъ только къ этому сроку. Что же касается втораго недостатка, то онъ важнаго значенія не имѣетъ, ибо необозначеніе мѣста, куда вексель посылался, не вызвало въ судѣ никакого затрудненія, а потому *Scaccia* предполагаетъ, что въ самомъ документѣ оно было обозначено, но пропущено въ consilio.

---

[57]) **Raphael de Turri** Tractatus de cambiis, Disputatio secunda quaestio XXIII, озаглавленная: **Quid sentiendum de Baldi doctrina, de qua in consilio 348 vol. primo.** Въ первой половинѣ главы дословно помѣщено все рѣшеніе Балда, а во второй Рафаэль де Турри подвергаетъ это рѣшеніе критическому разбору, причемъ, восхваляя Балда, не соглашается однако съ его воззрѣніями и прямо уличаетъ его въ непониманіи вексельныхъ отношеній.

[58]) **Sig. Scaccia** Tractatus de commerciis et cambio. § 1 qu 5 n. 42.

Тотъ же документъ приводится и у средневѣковаго юриста *Stracchae* [59]), но туть онъ помѣщенъ не цѣликомъ, а въ извлеченіи, послѣ чего вкратцѣ излагается содержаніе главнѣйшихъ по отношенію къ нему соображеній Балда.

Возвращаюсь однако къ Рафаэлю де Турри. Указавъ на отсутствіе въ векселѣ мѣста его назначенія, онъ старается восполнить этотъ пробѣлъ при помощи самого содержанія документа. Въ концѣ скопированнаго этимъ юристомъ текста и притомъ тамъ, гдѣ обыкновенно помѣщается мѣстожительства трассата, значилось въ томъ изданіи, коимъ пользовался де Турри, слово *invenerim*. Это слово онъ (стр. 307 п 2) считаетъ искаженіемъ первоначально употребленныхъ тутъ словъ: *in Venetia* и основываетъ эту догадку на томъ, что въ текстѣ векселя говорится о 45 libris, а въ толкованіи Балда о libris grossis; деньги же эти въ то время и отчасти еще во времена де Турри были въ употребленіи только въ Венеціи; отсюда слѣдуетъ, что именно этотъ городъ и обозначенъ былъ въ векселѣ, но, благодаря типографской опечаткѣ, Венеція обратилась въ *invenerim*.

Чтобъ убѣдиться, какъ мало юристы того времени способны были возвыситься до истинаго пониманія новыхъ запросовъ юридической жизни и идти съ нею объ руку, то помогая ея дальнѣйшему движенію, то истолковывая ея результаты, достаточно ознакомиться съ аргументаціею Балда, развитою имъ по поводу того же вышеприведеннаго векселя. Устами этого возвеличеннаго ученаго говоритъ тутъ не просвѣщенный и умудренный опытомъ юристъ, воспособляющій своимъ современникамъ проникать значеніе создаваемыхъ повседневнымъ оборотомъ отношеній; нѣтъ, тутъ на каждомъ шагу сказывается слѣпой поклонникъ римскихъ юридическихъ формъ, увѣковѣченныхъ законодательными сборниками Юстиніана. Этого закала юристы стремились къ уразумѣнію не духа римскаго права, не причины великаго творчества римскихъ юристовъ, а раболѣпно заучивали букву, щеголяли и хвастали умѣніемъ съ легкостью цитировать цѣлые ряды фрагментовъ изъ римскихъ источниковъ права и какъ бы умышленно закрывали глаза на развертывав-

---

[59]) **Benevenuti Stracchae** de mercatura, cambiis, sponsionibus, creditoribus, fidejussoribus, debitoribus, decoctoribus, navibus etc. decisiones et tractatus varii. Amstelodami anno 1669 (MDCLXIX), стр. 557.

шуюся предъ ихъ глазами грандіозную картину всемірной торговли. А между тѣмъ эта торговля создавала новыя формы правоотношеній, руководимая при этомъ не фрагментами изъ Corpus iuris civilis, не изрѣченіями того или другаго римскаго юриста, комментированнаго тѣмъ или другимъ ученымъ, а единственно и исключительно своими насущными коммерческими интересами.

Читая казусное рѣшеніе Балда, можно подумать, что дѣло идетъ о недоразумѣніи, возникшемъ между поданными императора Юстиніана послѣ изданія послѣднимъ своего сборника, что весь тогдашній оборотъ двигался въ рамкахъ, отведенныхъ ему римскимъ правомъ, и что средневѣковому юристу, для разрѣменія различныхъ казусовъ, достаточно было ловко, хотя бы и при помощи софизмовъ, подвести разрѣшаемый случай подъ соотвѣтствующія фрагменты юстиніанова законодательства, чтобы вполнѣ удовлетворить и требованіямъ правосудія и интересамъ тогдашняго общества.

На самомъ дѣлѣ однако на рѣшеніи Балда вполнѣ отразилось плачевное положеніе средневѣковой юриспруденціи; заѣденная схоластикою, утратившая всякую способность къ самобытному творчеству, умѣвшая двигаться только на помочахъ римскихъ юристовъ, она въ состояніи была лишь отшатнуть отъ себя средневѣковаго торговца; предпріимчивый, рѣшительный, смѣтливый, весьма подвижный и совершенно неповинный въ юридическихъ познаніяхъ вообще и въ знакомствѣ съ римскимъ правомъ въ особенности, онъ требовалъ рѣшенія быстраго, простаго, для него понятнаго, соотвѣтственнаго конкретнымъ обстоятельствамъ дѣла и согласнаго съ ходячими понятіями его времени; а потому чуждался тогдашняго нормальнаго судопроизводства, въ коемъ неограниченно царствовали юристы, проникнутые схоластическими пріемами, воспитавшіеся на догматическомъ толкованіи фрагментовъ изъ римскихъ законодательныхъ памятниковъ, но совершенно неспособные къ самодѣятельности, не понимавшіе ни общественнаго движенія, ни потребностей своего времени и производившіе одуряющее, отуманивающее и мертвящее вліяніе на все, до чего ни касалась ихъ тяжеловѣсная, неуклюжая и безжизненная схоластика.

Вотъ, напримѣръ, какъ рѣшаетъ возникшій между двумя сторонами споръ по поводу разсматриваемаго векселя средне-

вѣкое свѣтило юриспруденціи, Baldus, по свидѣтельству Рафаэля де Турри и Страха, знавшій рѣшительно все. Изложеніе consilium'a открывается воспроизведеніемъ возбудившаго споръ векселя. Непосредственно за симъ начинается юридическій анализъ. Приведенное письмо, находитъ Балдусъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ частей: въ первой части содержится препорученіе (mandatum), обозначеніе именъ пишущаго и кому пишется и содержаніе препорученія. Во второй части объясняется мотивъ, причина порученія (sono per la valuta и т. д.); въ третьей части говорится al li pagati, а въ четвертой части сказано: e poniti a mio conto. Не можетъ подлежать сомнѣнію, продолжаетъ Балдъ, что приведенное писаніе есть именно письмо, такъ какъ въ немъ содержатся принадлежности письма, какъ-то: на оборотѣ указано, кому оно адресовано, а внутри, въ текстѣ, говорится, кто пишетъ и что одинъ пріятель поручаетъ другому. Изъ содержанія письма усматривается наличность двухъ сдѣлокъ, изъ коихъ одна, именно между Masio Рена и Бонромео, уже совершена взносомъ денегъ, а другая имѣетъ быть совершена въ будущемъ между Бонромео съ одной стороны и Александромъ и Доминикомъ съ другой, каковые имѣютъ вступить въ сдѣлку лишь тогда, когда порученіе будетъ принято и исполнено. Если это условіе почему-либо, хотя и случайно, не осуществится, то и обязательство не можетъ считаться заключеннымъ. Разсмотрѣть надо тутъ три вопроса. Во первыхъ, возникаетъ ли изъ совершеннаго Мазіолою Реною платежа Бонромео между этими двумя лицами какой либо контрактъ? Балдъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, ибо, согласно состоявшемуся между ними уговору, Бонромео обязался только написать препоручительное письмо съ тѣмъ, чтобъ оно было принято и на его основаніи обозначенному въ немъ Лукѣ было уплачено. Исполнивши это, Бонромео перестаетъ быть въ чемъ-либо обязаннымъ предъ названнымъ Мазіолою, такъ какъ вся сила и содержаніе сдѣлки разсчитаны именно на Луку. Это положеніе Балдъ подкрѣпляетъ цѣлою цѣпью доказательствъ, опирающихся главнымъ образомъ на различныхъ фрагментахъ изъ Corpus iuris civilis и составленныхъ настолько туманно и въ столь общихъ выраженіяхъ, что установить ихъ дѣйствительный смыслъ и отношеніе къ предыдущему можно лишь при помощи догадокъ.

Ставя вышеприведенный вопросъ, Балдъ, какъ мы только-что видѣли, отвѣчаетъ на него отрицательно, находя, что Бонромео написаніемъ и отсылкою письма выполнилъ принятое на себя обязательство, а большаго обязательства онъ на себя не давалъ. «Основаніемъ этой обязанности, такъ, повидимому, полагаетъ Балдъ, могли послужить заемъ и поклажа; но въ обоихъ этихъ случаяхъ не могутъ имѣть мѣсто ни раскаяніе (poenitentia), ни измѣненіе воли (variatio), ни отступленіе (recessus) отъ первоначальной формы контракта, какъ по отношенію къ существеннымъ, такъ и по отношенію къ случайнымъ его частямъ, ибо тутъ имѣется contractus nominatus. Если же въ особенности такого рода письма принято давать для погашенія обоюдныхъ счетовъ, то раскаяніе одной стороны не можетъ имѣть силы безъ согласія другой, а потому уплачивающій не можетъ раскаиваться. Могутъ сказать, что тутъ было *depositum*, а слѣдовательно, можетъ быть допущено раскаяніе; на это я, говоритъ Балдъ, отвѣчаю, что тутъ не было *depositum*, но было то, что народъ называетъ *cambium*, при коемъ дѣло идетъ главнымъ образомъ объ обоюдной пользѣ, а потому одна сторона не должна наносить уронъ другой, причемъ не могутъ имѣть силу протесты противной стороны, противорѣчащіе силѣ и значенію контракта. Разсуждаютъ еще иначе, говоря, что Бонромео можетъ отнять вексельную прибыль (quaestus cambii) по одному лишь желанію противной стороны; но это невѣрно», и т. д. «Необходимо замѣтить, продолжаетъ Балдъ, что иногда деньги у принимающаго остаются безъ основанія, а это несправедливо; вслѣдствіе того въ подобномъ случаѣ деньги должны быть отданы уплатившему ихъ въ силу той, такъ-сказать, божественной и благородной справедливости, о которой говорится (слѣдуютъ цитаты изъ Cor. jur civ.); законъ этотъ, какъ зеркало, долженъ быть предъ глазами купцовъ (quae lex tamquam speculum debet esse ante oculos mercatorum), а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ уплаты ничего не исполнено, необходимо возвратить полученное. Это невѣрно по отношенію къ даренію, но когда передача происходитъ ради чего-либо иного, то возвращеніе должно быть произведено только въ случаѣ отпаденія конечной причины, напр., если бы тотъ, кому было адресовано разсматриваемое письмо, отклонилъ отъ себя порученіе (mandatum) или платежъ (solutionem), ибо при непринятіи порученія послѣднее

не можетъ считаться состоявшимся, а при отказѣ отъ платежа, хотя и по принятіи порученія, деньги не могутъ считаться приготовленными для платежа, слѣд. не происходитъ новаціи». Приводя затѣмъ, очевидно, для паралелли юридическія послѣдствія, имѣющія мѣсто при порученіи платежа мѣнялѣ, Балдъ по отношенію къ Бонромео говоритъ, что если письмо его формально было осуществлено, то его, Бонромео, нельзя привлекать къ отвѣтственности, такъ какъ было бы несправедливо, чтобы непредвидѣнный случай или злой умыселъ нерадивыхъ вредно отозвались на человѣкѣ невинномъ; но если письмо не было приведено имъ, Бонромео, въ исполненіе, то онъ обязанъ возвратить полученное, ибо по прекращеніи причины прекращаются и послѣдствія.

Далѣе обсуждается вопросъ, можетъ ли Мазіоло требовать замѣны означеннаго письма инымъ, адресованнымъ кому-либо другому. Какъ видно изъ изложенныхъ при разрѣшеніи этого вопроса соображеній, названный Мазіоло требовалъ иного письма на томъ основаніи, что Александръ и его компаніонъ суть ненадежные должники, такъ какъ они оказались несостоятельными; слѣдовательно, если они уплатятъ по означенному векселю, то каждый изъ остальныхъ кредиторовъ можетъ истребовать выпадающую на его долю часть уплаченнаго обратно. Тутъ Baldus, аргументація коего вообще не блещетъ ни ясностью, ни строгою послѣдовательностью, перестаетъ говорить отъ себя, а заставляетъ самихъ контрагентовъ какъ бы пледировать предъ судомъ.

На требованіе Мазіола выдать ему иное вексельное письмо онъ заставляетъ Бонромео отвѣчать слѣдующимъ доводомъ: «ты, плательщикъ, обозначенъ въ векселѣ не въ качествѣ кредитора, а скорѣе въ качествѣ представителя принявшаго платежъ, для какового представителя письмо написано; слѣдовательно, ты не властенъ предъявить искъ, а потому ты ищешь безъ всякаго права на то. Я, говоритъ сверхъ того Бонромео, сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать, ибо я написалъ письмо и желаю, чтобы былъ записанъ на мой счетъ (платежъ по этому письму). Равнымъ образомъ меня нельзя принудить по одному и тому же долгу написать два письма, такъ какъ въ этомъ случаѣ мнѣ грозила бы опасность уплатить вдвойнѣ, точно также какъ я не обязанъ перемѣнить письмо, ибо это не вытекаетъ изъ при-

роды контракта». Онъ, Бонромео, написавши одно письмо, готовъ выдать съ него одну и двѣ копіи, согласно существующему въ торговлѣ обычаю, но принимать на себя обязательство, не соотвѣтствующее смыслу и намѣренію договора, онъ не желаетъ, такъ какъ это можетъ ему повредить.

«На это другая сторона возражаетъ: ты принялъ, но не выплатилъ; слѣдовательно, возврати полученное, такъ какъ дѣло находится еще въ первоначальномъ состояніи, порученіе доселѣ еще не вышло изъ предѣловъ порученія (т. е. не принято и не выполнено мандатаріемъ), а такъ какъ это порученіе дано только ради меня, то я могу запретить платежъ по нему и потребовать свой взносъ обратно.... На это Бонромео отвѣчаетъ, что контрактъ этотъ не есть договоръ порученія, а совершается въ торговлѣ въ пользу обѣихъ сторонъ, а потому тутъ не можетъ имѣть мѣсто *poenitentia* (раскаяніе)».

«И такъ, по разсмотрѣніи доводовъ за и противъ, продолжаетъ Балдъ, да рѣшитъ дѣло тотъ, кто имѣетъ его рѣшить согласно тѣмъ соображеніямъ, кои окажутся болѣе убѣдительными, тѣмъ болѣе, что купеческое писаніе, на добросовѣстность и вѣрность коего повсюду полагаются, должно отличаться твердостью и непреложностью, ибо писанія купцовъ и мѣнялъ заступаютъ мѣсто судебнаго рѣшенія..... Хотя въ новое время нѣкоторые купцы и мѣнялы переходятъ всякіе предѣлы (committant enormia), но въ огромномъ большинствѣ они доставляютъ и величайшее благо (et summum bonum et quintum elementum)». Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Балда усматривается, что онъ склоняется въ пользу Бонромео, коего не считаетъ обязаннымъ исполнить вышеизложенное требованіе Мазіоло. Затѣмъ Балдъ задается вопросомъ, къ какой категоріи договоровъ относится контрактъ, заключенный между Бонромео и Мазіоло? и отвѣчаетъ, что тутъ имѣется купля-продажа денегъ, «ибо подобно тому, какъ деньги можно покупать вслѣдствіе разнообразія ихъ матеріи, такъ ихъ можно покупать и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о разномъ мѣстѣ или разномъ времени ихъ уплаты». Купцы считаютъ этотъ договоръ (contractus cambii) дозволеннымъ, потому что онъ договоръ особаго рода: будучи куплею-продажею, онъ не скрываетъ въ себѣ никакого лихоимства, ибо естественная справедливость

требуетъ, чтобы были возмѣщены издержки, причиняемыя пересылкою денегъ.

Вотъ какъ отнесся къ векселю одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ средневѣковыхъ юристовъ, Baldus. Входить въ подробный разборъ вышеприведеннаго подлиннаго мнѣнія этого столь прославленнаго юриста, было бы совершенно безцѣльно и безполезно, ибо уже съ перваго взгляда не трудно убѣдиться, что Baldus не имѣлъ ни малѣйшаго, хоть приблизительно вѣрнаго представленія о векселѣ. Весь съ головою ушедшій въ механическое изученіе законодательныхъ памятниковъ Юстиніана, онъ оказался какъ бы въ тискахъ у нихъ, а потому даже помыслить не смѣлъ, что могутъ существовать отношенія, сложившіяся безъ вѣдома и вліянія римскихъ юристовъ и вовсе не приспособленныя къ предписаніямъ юстиніанова законодательства. Въ очевидномъ смущеніи онъ топчется около предложеннаго его рѣшенію вексельнаго письма и подобно малосвѣдущему врачу испытываетъ на немъ дѣйствіе то тѣхъ, то другихъ фрагментовъ извѣстныхъ тогда источниковъ римскаго права. Но увы! все его умственное напряженіе, всѣ продѣланные имъ съ этимъ векселемъ эксперименты не дали никакого положительнаго результата. Истощенный безплодною борьбою съ непонятнымъ для него явленіемъ юридическаго быта, убѣдившись въ непригодности столь обычнаго тогда искусственнаго подтасовыванія изрѣченій юстиніановыхъ сборниковъ для анализа новыхъ явленій оборота, Балдъ складываетъ оружіе, отказывается дать категорическій отвѣтъ и предоставляетъ разсудить спорщиковъ тому, кому эти дѣла вѣдать надлежитъ. «Судите, какъ хотите, какъ бы говоритъ Балдъ, но я ничего рѣшительнаго сказать не могу; сами видите: весь арсеналъ подходящихъ фрагментовъ истощенъ, но никакого результата не получено».

Если такимъ образомъ отнесся къ вексельной сдѣлкѣ одинъ изъ корифеевъ средневѣковой юриспруденціи, то что сказать объ остальной тогдашней ученой братіи, взиравшей на Балда и ему подобныхъ снизу вверхъ? И каково должно было быть положеніе купца въ тогдашнемъ судѣ, гдѣ по фрагментамъ юстиніанова законодательства играли, какъ по клавишамъ? Удивительно ли послѣ того, что средневѣковой торговецъ, еле грамотный и едва ли подозрѣвавшій о существованіи импера-

тора Юстиніана съ его законодательствомъ, всѣми силами уклонялся отъ тогдашняго государственнаго суда и предпочиталъ свой, хотя и первобытный, но понятный и доступный для него судъ.

Какъ бы однако ни было, сообщенный Балдомъ текстъ векселя отъ 1395 года драгоцѣненъ для исторіи не потому, что надъ нимъ юридическіе эксперименты производилъ прославленный Балдъ, а потому, что онъ является безспорнымъ документомъ, съ объективною правдою рисующимъ современное ему состояніе вексельнаго оборота.

Кромѣ ряда приведенныхъ документовъ слѣдуетъ для полноты упомянуть о двухъ векселяхъ, текстъ коихъ первоначально помѣщенъ въ сочиненіи *Antonio Kapmany y de Monpalau*: Memorias historicas sobre la marina commercio y artes de la antiqua ciudad de Barcelona. Madrid 1779 г. 2 тома in 4° и отсюда перепечатанъ другими писателями [60]). Векселя эти выданы въ 1404 году, причемъ первый изъ нихъ надписанъ слѣдующимъ образомъ: Francisco de Prato et Comp. à Barselona. Послѣ этого помѣщенъ самый текстъ въ такихъ словахъ: Al nome di Dio, Amen. à di XXVIII Aprile 1404. Pagate per questa prima di camb. à usanza à Piero Gilberto, e Piero Olivò scuti mille à

---

[60]) По сообщенію **Beckmann'a** Beiträge zur Geschichte der Erfindungen т. 4 стр. 300 и сл., объ этой книгѣ, во времена Бекмана, т. е. въ концѣ прошлаго столѣтія, еще не напечатанной, онъ узналъ отъ Мартенса, она есть не что иное, какъ написанная на испанскомъ языкѣ исторія морской торговли и другихъ ремеслъ города Барцелоны, вся составленная по документамъ, хранящимся въ архивѣ этого города. Многіе изъ этихъ документовъ, имѣющихъ высоко-научный интересъ, сообщены тутъ цѣликомъ. Въ числѣ ихъ находится между прочимъ постановленіе барцелонскаго магистрата отъ 1394 г. объ опредѣленіи вѣса, коего должны держаться торговцы шелковыми товарами, и о формѣ акцепта векселей. Постановленіе это цѣликомъ и съ переводомъ на нѣмецкій языкъ перепечатано у Мартенса в. п. с. приложенія стр. 107 и сл. Бекманъ указываетъ еще, что въ той же книгѣ Капмани помѣщены написанный на латинскомъ языкѣ таможенный тарифъ 1222 г. (т. II стр. 3), содержащій въ себѣ названіе многихъ еще не объясненныхъ товаровъ, такой же тарифъ 1252 г., полномочіе назначать консуловъ въ отдаленныя страны, каковы Сирія, Египетъ и т. д. отъ 1266, 1268 и 1321 гг., страховой уставъ 1458 г., привилегія, данная въ 1290 г. императоромъ Андроникомъ II барцелонскимъ купцамъ, написанная на греческомъ и испанскомъ языкахъ, и т. п. Что касается названныхъ векселей, то они перепечатаны какъ у Бекмана (стр. 303), такъ и у Мартенса в. п. с. стр. 49 прим. о, у Бинера Wechselr. Abhand. стр. 62 и Histor. Erörter стр. 150—152, а также у **Endemann** в. п. с. стр. 133 и **Kuntze** в. п. с. стр. 140, съ переводомъ на нѣмецкій языкъ, который на стр. 139 даетъ такой же переводъ вышеприведенныхъ векселей отъ 1381, 1384 и 1395 гг.

sold. X. Barselonesi per scuto, i quali scuti mille sono per cambio che con Giovanni Colombo à grossi XXII di g. scuto: et pag. à nostro conto, et Christo vi guardi. Подпись: Antonio Quarti Sal. de Bruggias.

Другой изъ этихъ векселей составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Надпись: Francisco de Prato et comp. à Barselona. Текстъ: Al nome de Dio Amen. à di XVIII di Magio 1404. Pagate per questa prima di camb. à usanza à Piero Gilberto et à P. de Scorpo scuti mille de Felippo à sold. X Barselonesi: per scuto: i quali scuti mille sono per camb. che con Giov. Colombo à grossi XXII di g. scuto: et pag. à nostro conto: et Christo vi guardi. Подпись: Ant. Quadri Sal. de Bruggias.

Какъ сообщаетъ тамъ же Бекманъ, векселя эти выданы были въ двухъ экземплярахъ и даже протестованы. Сохранились они до нашихъ дней, благодаря тому, что по ихъ поводу между векселедателемъ Антоніемъ Кварти и ремиттентомъ Иваномъ Коломбомъ возникъ споръ, для разрѣшенія коего магистрату въ Брюгге необходимо было имѣть свѣдѣнія о господствующемъ въ Барцелонѣ обычаѣ относительно издержекъ по поводу полученія денегъ за счетъ векселедателя, вексель коего остался неоплаченнымъ. Для полученія этихъ свѣдѣній магистратъ въ Брюгге написалъ барцелонскому магистрату письмо, въ коемъ помѣщены тексты названныхъ двухъ векселей. Письмо это, написанное на латинскомъ языкѣ и сообщенное Капмани, цѣликомъ перепечатано у Бекмана. Въ немъ магистратъ въ Брюгге излагаетъ слѣдующее: Въ апрѣлѣ и маѣ 1404 года нѣкій Антоній Кварти, купецъ изъ Лукки, проживавшій въ городѣ Брюгге, уплатилъ Ивану Коломбу, барцелонскому купцу, тоже проживавшему въ Брюгге, двѣ тысячи филипповскихъ скудъ, считая каждую скуду по 22 гроша [61]), съ тѣмъ, чтобъ эти деньги были уплачены чрезъ посредство Франциско де Прато, флорентинскаго купца, согласно обычаю, по одному векселю Петру Жильберту и

---

[61]) По сообщенію **Scaccia**, в. п. с. § II Glossa III стр. 321 n. 67 и сл., скуда была монетою воображаемою и въ разныхъ мѣстахъ имѣла разное достоинство. Во Фландріи скуда равнялась 80 grossi (n. 79 стр. 322), а грошъ въ Римѣ равнялся пяти ассамъ (ib. n. 27), ассъ равнялся четыремъ квадрантамъ (ib. n. 21), квадрантъ тремъ унціямъ (ib. n. 33 и 38) или 24 золотникамъ золота.

Петру Оливо въ Барцелонѣ, а по другому Петру Жильберту и Петру Скорпо, въ удостовѣреніе чего выдано было два векселя, по два экземпляра каждый. И такъ какъ по этимъ векселямъ Франциск̀ъ де Прато не уплатилъ, то Вильгельмъ Коломбъ, по довѣренности названныхъ Жильберта, Оливо и Скорпо, купилъ въ Барцелонѣ означенныя двѣ тысячи скудъ мѣстною монетою на счетъ Антонія Кварти. Вслѣдствіе чего между Иваномъ Коломбомъ, съ одной стороны, и Антоніемъ Кварти, съ другой, возникъ споръ слѣдующаго содержанія: Антоній доказывалъ, что повѣренный Вильгельмъ Коломъ, не взирая на неплатежъ, не въ правѣ былъ на его, Кварти, счетъ и издержки покупать названную сумму наличными деньгами, а обязанъ былъ, согласно искони установившемуся въ Барцелонѣ обычаю, получить ихъ изъ *Taula de cambi* (барцелонскій банкъ, прототипъ генуэзскаго банка, основаннаго въ 1407 г.), что не повлекло бы за собою столь крупныхъ издержекъ, какъ покупка у частныхъ лицъ наличныхъ денегъ. А потому Кварти утверждалъ, что онъ долженъ уплатить только тѣ расходы, какіе сопряжены съ полученіемъ денегъ изъ названнаго банка, а никакъ не больше. Иванъ же Коломъ доказывалъ противное, утверждая, что Антоній Кварти обязанъ покрыть всѣ расходы и убытки, происшедшіе вслѣдствіе своевременнаго протеста названныхъ векселей и покупки означенныхъ денегъ. Въ виду изложеннаго брюгенскій магистратъ спрашиваетъ у барцелонскаго, дѣйствительно-ли въ городѣ Барцелонѣ существуетъ описанный обычай? [62])

§ 3.

Всѣ изложенные вексельные документы, какъ видно изъ ихъ содержанія, либо возникли на италіанской почвѣ, либо исхо-

---

[62]) **Biener**, histor. Erörter. стр. 152, высказываетъ сожалѣніе, что не перепечатаны и два обратные векселя, которые, по всей вѣроятности, полагаетъ онъ, были приложены къ приведенному письму магистрата, гдѣ упоминается о копіяхъ съ четырехъ векселей. Но изъ яснаго смысла приведеннаго у Бекмана отрывка, содержаніе коего изложене выше, можно видѣть, что дѣло идетъ о двухъ копіяхъ съ двухъ сообщаемыхъ тутъ же векселей. Что же касается обратныхъ векселей, то объ нихъ тамъ вовсе не упоминается, а говорится лишь, что вслѣдствіе неплатежа было куплено двѣ тысячи скудъ во фландрійскихъ денаріяхъ. Какимъ образомъ операція эта была совершена, за отсутствіемъ данныхъ судить невозможно; такъ что приведенное замѣчаніе Бинера едва ли можетъ быть признано основательнымъ.

дятъ отъ италіанцевъ. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что италіанцы первые стали вести обширную заморскую торговлю, что имъ принадлежитъ изобрѣтеніе двойной италіанской бухгалтеріи, что первые писатели, заговорившіе о векселяхъ, были италіанцы, что общеупотребительныя техническія названія, относящіяся къ векселямъ, составлены на италіанскомъ языкѣ, что вообще въ средніе вѣка Италія стояла въ центрѣ цивилизаціи и что отсюда по Европѣ распространилось знакомство съ римскимъ правомъ, медициною, химіею, математикою и алгеброю, не говоря уже о живописи и архитектурѣ, заставили Бинера [63]) предположить, что «италіанцы первые прибѣгли къ употребленію векселей и что, несомнѣнно, они и должны считаться изобрѣтателями векселя».

Но такое мнѣніе можно было бы признать правильнымъ, если бы дѣйствительно не подлежало сомнѣнію, что знакомствомъ съ векселями Европа обязана именно италіанцамъ и что ни раньше ихъ, ни одновременно съ ними никакой иной народъ не прибѣгалъ къ употребленію векселей. Между тѣмъ извѣстные нѣмецкіе ученые *Штоббе и Нейманъ* [64]) отыскали нѣсколько подлинныхъ нѣмецкихъ и иныхъ не италіанскихъ документовъ, содержаніе коихъ не оставляетъ мѣста сомнѣнію на счетъ ихъ вексельнаго значенія. Нѣкоторые изъ нихъ, и при томъ наиболѣе древніе, совмѣщая въ себѣ главнѣйшіе элементы вексельной сдѣлки, не отмѣчены названіемъ векселя, тогда какъ другіе, нѣсколько болѣе поздніе, уже прямо говорятъ о векселяхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, было бы въ высшей степени странно думать, что ганзейскіе города, ведшіе весьма обширную сухопутную и морскую торговлю, во многихъ европейскихъ государствахъ имѣвшіе свои факторіи, конторы, агентовъ и т. п. могли обходиться безъ помощи вексельныхъ сдѣлокъ, въ особенности въ тѣ времена глубокаго варварства, когда на ганзейскіе торговые кара-

---

[63]) См. его Wechselr. Abh. стр. 68 и сл.

[64]) См. Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, herausgegeben von Goldschmidt und Laband. Achter Band 1865. Статья **O. Stobbe** Miscellen zur Geschichte des deutsehcn Handelsrecht стр. 28—55. **Max Neumann** Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum 17 Iahrhundert nach archivalischen Urkunden. Erlangen 1863 стр. 101 и сл. Сочиненіе это есть не что иное, какъ приложеніе (Beilageheft) къ названному Zeitschrift Band VII

ваны нападали не только профессіональные морскіе пираты и сухопутные разбойники, но и территоріальные государи во главѣ вооруженныхъ отрядовъ войска. Тѣ же причины, кои заставили италіанцевъ прибѣгать къ помощи векселей и съ которыми мы познакомимся ниже, тѣ же причины во всей своей силѣ существовали и въ торговлѣ Ганзейскаго Союза. Если италіанцы считали для себя и опаснымъ и безполезнымъ возить съ собою большія суммы металлическихъ денегъ, то и ганзейцы весьма рано должны были прійдти къ тому же заключенію и подумать о способахъ замѣны металлическихъ денегъ чѣмъ либо другимъ. Наиболѣе естественнымъ средствомъ представлялось порученіе мѣстному торговцу, агенту или конторѣ выдать потребную сумму денегъ мѣстною монетою. Изъ этихъ порученій, какъ и въ Италіи, должны были развиться и дѣйствительно развились векселя со всѣми ихъ особенностями и во всемъ ихъ разнообразіи.

Доказательства этого представляютъ два названные писателя. Такъ, Штоббе (ib. стр. 33) приводитъ слѣдующій текстъ домицилированнаго векселя, выданнаго городомъ Любекомъ въ 1283 году.

.... Nos.... consules Civitatis Lubicensis.... notum esse volumus universis et singulis, ad quos presens publicum instrumentum pervenerit.... nos nomine nostro et civitatis predicte habuisse et recepisse in depositum et nomine depositi a viro discreto domino *Raynerio de Orio, leodinensi Canonico* et Collectore decime in Coloniensi, Bremensi et magdeburgensi ac dioecesi Caminensi, per sedem apostolicam deputato, de pecunia decime Civitatis et dioeceseos ac Raceburgensis, terre sancte subsidio deputate, Mille et quingentas marcas lubicensium denariorum, Sexdecim solidis lubicensibus pro marca qualibet computatis: pro quibus promittimus eidem domino Raynerio Ecclesie Romane nomine *vel ejus certo nuncio, vel alii, qui nobis nomine ipsius presens publicum instrumentum restitueret*, dare, reddere et restituere integre ac de hiis plenarie satisfacere Centum et viginti Octo libras bonorum et legalium turonensium Grossorum in flandria, in Civitate Brugensi, sub omni nostro et Civitatis predicte periculo et expensis, quicquid contingat de dicto deposito aliquo casu fortuito vel alio quocunque usque ad festum apostolorum philipi et jacobi proximum nunc venturum. Tali modo, ut, cum illi, quicumque fuerit, a quo presens publicum instrumentum tunc receperimus, (et) predictam pecuniam

presentaverimus et persolverimus, simus ex eadem pecunia ab eodem domino Raynerio et Ecclesie Romane predicte omnino quitti, liberi et absoluti et Civitas supradicta. Si vero predictam pecuniam sive libras supradictas contingeret nos, quod absit, loco et termino supradictis non solvere aut in aliquo contra facere vel venire, promittimus eidem domino Raynerio nomine Ecclesie prelibate vel ejus certo nuntio vel substituto in locum ejus, si a dicto officio contingeret revocari, de omnibus dampnis, interese et expensis, que vel quas ipsum incurrere contingeret occasione predictorum.... absque alia quavis probacione vel onere sacramenti, integre et plenarie respondere: ad que omnia et singula supradicta nos suprascripti et heredes nostri et quilibet nostrorum in solidum.... tenore presentis publici instrumenti protestamur fore obligati.... Actum lubec, in domo communitatis, presentibus viris.... Et ego Rufinus de Cantorio de Clavaxio, imperiali auctoritate publicus notarius.... in publicam formam reddegi et publice scripsi meoque signo signavi.

Хотя документъ этотъ по формѣ своей весьма мало напоминаетъ вексель, а скорѣе имѣетъ видъ нотоpіальнаго договора, въ коемъ контрагентами являются, съ одной стороны, папскій депутатъ и сборщикъ десятины, а съ другой представители города Любека, его консулы, тѣмъ не менѣе изъ содержанія его вполнѣ явствуетъ, что въ дѣйствительности онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ вексельной сдѣлкѣ, въ которой и получателемъ валюты и обратнымъ ея плательщикомъ (трассатомъ) является одно и тоже лицо, городъ Любекъ; другими словами, мы имѣемъ тутъ дѣло съ тѣмъ, что нѣмцы называютъ domicilirter Eigenwechsel, мѣсто платежа, по коему назначенъ Брюгге во Фландріи.

Въ этомъ еще больше убѣждаетъ то, что Любекъ принимаетъ, какъ онъ выражается, на храненіе (in depositum et nomine depositi) тысячу пятьсотъ марокъ въ любекскихъ денаріяхъ, считая марку въ шестнадцать любекскихъ солидовъ, за которые обѣщается выдать въ Брюгге къ предстоящему празднику апостоловъ Филипа и Якова Райнерію, или его посланному, или предъявителю приведеннаго документа 128 настоящихъ и законныхъ ливровъ турнскихъ грошей; а буде онъ не выполнитъ этого своего обѣщанія, то принимаетъ на себя отвѣтственность за могущіе произойдти отъ этого убытки и издержки безъ всякаго возраженія. Слѣдовательно, тутъ имѣется на лицо не только пе-

реводъ денегъ съ одного мѣста на другое, но и различіе между принятымъ и подлежащимъ выдачѣ родомъ денегъ. Если же вексель этотъ облеченъ въ форму нотаріально засвидѣтельствованнаго договора, то это можетъ быть объяснено крайнею осторожностью сборщика Рейнарія, желавшаго вполнѣ оградить интересы папской казны отъ всякихъ случайностей и не довѣрявшаго надежности простаго векселя. Такъ какъ вексельныя отношенія регулировались въ то время не закономъ, а простымъ торговымъ обычаемъ, то названный каноникъ, очевидно, опасался поставить судьбу папскихъ денегъ въ зависимость отъ ничѣмъ не гарантированнаго соблюденія названнаго обычая и предпочелъ въ формальномъ договорѣ спеціально оговорить всѣ тѣ послѣдствія, къ какимъ согласно обычаю приводила выдача векселя и безъ подобной оговорки. Весьма понятная осторожность, если имѣть въ виду, что папскіе сборщики десятины были не торговцы, а отвѣтственныя и подначальныя духовныя лица, что они, будучи знакомы съ римскимъ правомъ, предпочитали вѣками испробованныя формы этого послѣдняго новымъ, недавно народившимся торговымъ сдѣлкамъ, къ тому же не сакціонированнымъ никакимъ законодательнымъ актомъ. Не слѣдуетъ также забывать, что приведенный документъ относится къ такому сравнительно древнему времени, когда вексельная сдѣлка находилась еще на первыхъ ступеняхъ своего образованія, и что, слѣдовательно, на счетъ ея формы не могло еще сложиться повсемѣстно соблюдаемаго и постояннаго обычая.

Штоббе, наоборотъ, полагаетъ, что вексельное отношеніе въ то время не принадлежало еще къ обычнымъ въ Любекѣ сдѣлкамъ (ib. стр. 35) и что съ векселемъ ознакомились тутъ, благодаря сношеніямъ съ римскою куріею. Но независимо отъ того, что мнѣніе это ничѣмъ не подкрѣплено и какъ бы брошено вскользь, оно не можетъ быть принято уже потому, что ганзейскіе города и, въ особенности, Любекъ, ведшіе обширнѣйшую торговлю съ различными отдаленными странами, едва ли нуждались въ посредствѣ римской куріи для того, чтобы напасть на идею вексельной сдѣлки: съ этою идеею должны были познакомить ихъ, съ одной стороны, ихъ собственная польза, а съ другой-многократный горькій опытъ, ознаменованный страшными опасностями передвиженія денегъ въ натурѣ съ одного мѣста на другое.

Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе въ другомъ не менѣе любопытномъ документѣ, приводимомъ Нейманомъ (ib. стр. 101). Въ lübisches Urkunden-Buch подъ n. 556—567 содержится нѣсколько увѣдомительныхъ писемъ, писанныхъ въ 1290 г. Морневегомъ, уполномоченнымъ по дѣламъ Любека въ Брюгге посломъ. Нейманъ приводитъ одно изъ этихъ писемъ, увѣдомляющее о 150 маркахъ стерлинговъ, взятыхъ въ займы у какихъ-то двухъ гамбургскихъ гражданъ.

«Vestre discreti honestati, говоритъ Морневегъ, notum facimus, quod in Brugis recipimus ad utilitatem vestram de N. et O., latoribus presencium 150 m. sterl. per 10 solidos, pro quibus denariis ipsis promisimus dare et solvere Lubeke infra quindenam, postquam predicti N. et O. venerint in hamborgh, sine dilacione. Hinc est, quod vestre honestati supplicamus, exorantes in quantum possumus, ut quotiescunque vel quandocunque ipsi vel alter ipsorum aut eorum nuncius vel unius eorum secum deferens *litteras patentes* super dictis denariis confectas, ad vos venerint, ipsis vel eorum alteri aut ipsorum seu unius eorum mandato taliter solvere et delibari dignemini, ne ab me aliquas expensas seu dampnum aliquod incurrant, quia ipsis tenemur refundere per ipsorum simplex verbum. Ceterum rogamus vestram honestatem, si aliquo modo hoc facere possetis, ut predictos denarios ipsos in hamborgh reddere et solvere ad ipsorum voluntatem faveretis.—Ego Reynekinus vos scire volo, quod magnum sustineo laborem, pro denariis acquirendis....

Увѣдомляя любекскій совѣтъ объ условіяхъ заключеннаго въ интересахъ Любека займа, Морневегъ прибавляетъ, что онъ выдалъ кредиторамъ *litteras patentas* и обѣщалъ возвратить полученныя отъ нихъ деньги по простому словесному требованію, если не послѣдуетъ платежа въ Любекѣ; а потому онъ умоляетъ Совѣтъ имѣть это въ виду и не вводить его, Морневега, въ расходы и убытки, при чемъ онъ проситъ также произвести платежъ или самимъ кредиторамъ, или ихъ посланному, или тому изъ нихъ, который представитъ названное письмо. Ясно отсюда, что эти litteras patentas были только инымъ названіемъ вексельныхъ писемъ и содержали въ себѣ обычную въ векселяхъ просьбу, обращенную къ любекскому совѣту, въ настоящемъ случаѣ трассату, уплатить помянутымъ кредиторамъ въ Любекѣ пятнадцать дней спустя по ихъ прибытіи въ Гамбургъ.

Морневегъ, для большей убѣдительности своей просьбы, напоминаетъ даже любекскому совѣту о правѣ названныхъ кредиторовъ регресса къ нему, Морневегу, въ случаѣ неполученія платежа въ Любекѣ. Словомъ мы имѣемъ тутъ дѣло со всѣми атрибутами вексельной сдѣлки [65]): есть тутъ и валюта, уплаченная однимъ сортомъ денегъ въ одномъ мѣстѣ, и обязанность возвратить ее въ другомъ мѣстѣ другимъ сортомъ денегъ, и векселедатель, принимающій валюту и въ замѣнъ ея выдающій письмо, имѣющее быть реализованнымъ въ Любекѣ, и плательщикъ (трассатъ), и открытое сознаніе векселедателемъ своей обязанности не только возвратить валюту, если въ назначенномъ мѣстѣ не послѣдуетъ платежа, но и покрыть всѣ понесенные вслѣдствіе неплатежа расходы. Правда, Морневегъ называетъ выданныя имъ письма не cambium, a litteras patentas, но это доказываетъ лишь, что въ Ганзейскомъ Союзѣ вексельная сдѣлка складывалась вполнѣ самостоятельно, независимо отъ италіанскаго образца; иначе вмѣстѣ съ послѣднимъ ганзейцы усвоили бы себѣ и его италіанское названіе. Самостоятельное же возникновеніе векселя у ганзейцевъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что изобрѣтеніе вексельной сдѣлки нельзя приписывать той или другой націи, тому или другому народу: вексель есть естественное и логическое послѣдствіе потребностей оборота, и самъ собою возникалъ вездѣ, гдѣ возникали нужды, коимъ можно было удовлетворить только путемъ вексельной сдѣлки. Подобно тому, какъ купля-продажа, наемъ, ссуда, дареніе и т. п. договоры не суть изобрѣтенія какого-нибудь единичнаго народа, а возникаютъ самостоятельно вездѣ, гдѣ рождаются нужды, могущія быть удовлетворенными только путемъ этихъ сдѣлокъ, такъ и вексель самъ собою является тамъ, гдѣ возникаютъ частыя международныя торговыя сношенія, и гдѣ взаимные платежи затрудняются разнообразіемъ монетныхъ системъ и опасностью перевозки монеты съ одного отдаленнаго мѣста на другое.

---

[65]) Весьма отрицательно къ попыткамъ доказать самостоятельное возникновеніе векселя въ Германіи относится нѣмецкій же писатель **Endemann** ц. с. стр. 37 и 90. На стр. 37 онъ даже подсмѣивается надъ этими попытками, утверждая, что ихъ породило не точное историческое изученіе, а усердіе въ пользу Германіи. Что же касается приведеннаго письма Морневега, письма, вполнѣ соотвѣтствующаго т. н. авизо, то онъ не желаетъ видѣть тутъ вексель, ибо въ немъ нигдѣ не употреблено слово **cambium**. Но такая аргументація едва ли кого можетъ убѣдить и заставляетъ лишь напомнить, что названіе вовсе не существо, а только внѣшнее опредѣленіе предмета.

ГЛАВА II.

Каноническое ученіе о процентахъ.

Введеніе. Евангельское изрѣченіе о займѣ, какъ основа канонической догмы о процентахъ. Толкованіе этого изреченія отцами церкви. Воззрѣніе на торговлю и проценты первыхъ христіанскихъ вѣроучителей и соборовъ. Карательныя мѣры противъ берущихъ лихву представителей духовенства. Первоначальное отношеніе западной церкви къ свѣтскимъ лицамъ, взимающимъ по своимъ сдѣлкамъ проценты; распространеніе въ концѣ 9-го столѣтія и на свѣтскихъ людей церковныхъ каръ за проценты. Отношеніе папъ къ залогу недвижимости и къ инымъ разсчитаннымъ на выгоду сдѣлкамъ. Симулированныя сдѣлки въ обходъ запрещенія процентовъ и отношеніе къ такимъ сдѣлкамъ папъ. Принятіе каноническаго ученія о процентахъ и свѣтскими писателями. Изъятія отъ запрещенія лихоимства. Дальнѣйшее ослабленіе строгости принципа запрещенія процентовъ. Общій взглядъ на борьбу духовенства съ практическою жизнью по поводу процентовъ. Вліяніе духовенства на свѣтское законодательство вообще и въ частности относительно ученія о процентахъ.

§ 4.

Итакъ, рядъ сохранившихся документовъ, подлинность коихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, приводитъ къ убѣжденію, что вексель отнюдь не слѣдуетъ считать изобрѣтеніемъ какихъ-либо единичныхъ лицъ или даже какой-либо отдѣльной націи: онъ явился результатомъ вполнѣ своеобразно сложившихся бытовыхъ условій и долженъ былъ возникать вездѣ, гдѣ эти условія существовали; правда, онъ не всегда появлялся подъ однимъ и тѣмъ же именемъ и съ совершенно одинаковою физіономіею, тѣмъ не менѣе существо его вездѣ было одно и тоже.

Каковы же были эти бытовыя условія? Вотъ вопросъ, разрѣшеніе коего покажетъ, дѣйствительно ли вексель присущъ всякому гражданскому и торговому обороту, какъ ему присущи купля-продажа, заемъ, кредитъ и т. п. сдѣлки, и не есть ли онъ только историческій продуктъ, устарѣвшая форма правоотношеній, имѣющая право на существованіе, пока условія оборота напоминаютъ средневѣковое положеніе послѣдняго.

Если обратиться къ разсмотрѣнію соціальнаго строя, который вслѣдъ за прекращеніемъ владычества римскихъ императоровъ возникъ на развалинахъ Римской имперіи и при господствѣ коего стала зарождаться, рости и развиваться средневѣковая международная и внутренняя торговля, то станетъ совершенно очевиднымъ, что сама непреложная необходимость навела тогдашнихъ комерсантовъ на мысль устраивать и облегчать свои взаимныя торговыя сношенія именно при посредствѣ векселя, что та же необходимость превратила вексель изъ простаго средства обмѣна разномѣстныхъ денегъ въ орудіе платежа и ликвидированія торговыхъ разсчетовъ и подъ конецъ настолько расширила примѣненіе его, что почти утратилась возможность съ точностью опредѣлить его истинную юридическую природу.

Прежде всего политическое и юридическое положеніе торговцевъ съ самаго начала среднихъ вѣковъ было въ высшей степени безотрадно. Въ то время, какъ остальные граждане поставлены были подъ охрану какого ни на есть господствовавшаго юридическаго порядка, въ то время какъ сдѣлки этихъ гражданъ пользовались защитою тогдашняго, правда, зачаточнаго суда, торговцы и ихъ сдѣлки стояли внѣ государства; общественныя власти того времени какъ самихъ торговцевъ, такъ и ихъ дѣла, не только игнорировали, но и относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ и даже подвергали преслѣдованіямъ. Въ такомъ беззащитномъ положеніи торговцамъ ничего больше не оставалось, какъ самимъ позаботиться о себѣ, самимъ устраивать для себя сносное существованіе, самимъ ограждать свою личность, свое имущество и свои отношенія. Въ виду этого они вынуждены были организовать изъ себя вполнѣ отдѣльное и самостоятельное общеніе, учредить въ его предѣлахъ опредѣленный соціальный порядокъ, организовать отдѣльный судъ и вырабатывать правила, опредѣлявшія ихъ взаимныя отношенія согласно ихъ обособленнымъ интересамъ, нисколько не справляясь съ интересами и существующимъ строемъ отношеній въ тѣхъ государствахъ, среди коихъ имъ приходилось развертывать свою дѣятельность. Такимъ образомъ средневѣковой торговый міръ совершенно обособился отъ современныхъ ему государственныхъ союзовъ, выработалъ для себя самостоятельную внутреннюю и внѣшнюю организацію и сталъ относиться ко всему внѣ его стоящему, какъ къ чему-то въ политическомъ отношеніи совер-

шенно для него чуждому, могущему только быть предметомъ его торговой эксплоатаціи.

Естественнымъ результатомъ такого положенія вещей было между прочимъ и то, что торговцы порвали всякую связь съ тогдашнимъ правосозерцаніемъ, что господствовавшія въ то время римское и каноническое права не только не оказывали никакого вліянія на возникновеніе и развитіе торговыхъ сдѣлокъ, но, наоборотъ, торговцы избѣгали всякаго соприкосновенія съ этими двумя юридическими дисциплинами, какъ чего-то зачумленнаго. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не чуждаться міровоззрѣнія, приверженцы коего, не способные понять истиннаго духа ученія великихъ римскихъ юристовъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, гнали и преслѣдовали все новое, все не согласное съ буквою фрагментовъ юстиніанова законодательства, и все, не пропитанное релегіознымъ фанатизмомъ папскихъ буллъ и декреталій. Вполнѣ обособившись такимъ образомъ отъ царства невѣжества, костности и застоя, съ ужасомъ отвернувшись отъ средневѣковаго мертвящаго буквоѣдства и схоластицизма, торговый міръ сталъ свободно вырабатывать такія формы оборота, которыя ничѣмъ уже не напоминали извѣстныхъ тогда римскихъ правоотношеній и далеко оставили за собою первобытныя формы сдѣлокъ, удостоившіяся особаго сочувствія, поощренія и покровительства канонистовъ. Такимъ образомъ между правосозерцаніемъ средневѣковыхъ легистовъ и ихъ союзниковъ-канонистовъ и правосозерцаніемъ торговыхъ людей не было никакой преемственной связи; впервые возникавшія въ то время торговыя сдѣлки и отношенія стали совершенно непонятными для тогдашнихъ юристовъ, а потому они и не считали ихъ достойными своего высокаго вниманія, между тѣмъ какъ канонисты, вѣрные принципамъ теократіи, усматривали въ нихъ элементы, враждебные мнимымъ божескимъ велѣніямъ и подвергали ихъ упорному преслѣдованію. Лишь мало по малу и то при помощи большихъ усилій, выдающейся энергіи, непоколебимой стойкости, терпѣнія и рѣдкаго постоянства коммерческому міру удалось побѣдить теократическую косность ученія канонистовъ, завоевать для себя самостоятельное мѣсто въ кругу классовъ, входящихъ въ составъ государственнаго населенія, и поставить свои профессіональныя дѣла подъ охрану мѣстныхъ законовъ. Чтобы показать, какого изумительнаго труда, какого неослабнаго мужества и терпѣнія стоила

торговымъ людямъ мирная борьба съ варварскими порядками прежнихъ государствъ, какія усилія понадобились для одолѣнія предразсудковъ, систематически прививавшихся населенію средневѣковыми, хотя умными и образованными, но фанатичными служителями церкви, чтобы видѣть, къ какимъ хитросплетеніямъ приходилось прибѣгать для обхода препятствій, почти на каждомъ шагу воздвигавшихся правильному ходу торговли преимущественно членами францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, я изложу, по возможности кратко, вліяніе на торговлю какъ созданнаго монахами ученія о лихвѣ, такъ равно средневѣковаго политическаго строя народовъ и различныхъ экономическихъ условій тогдашняго времени.

§ 5.

Въ главѣ шестой Евангелія отъ Луки между прочимъ формулируются условія достиженія высокаго нравственнаго идеала христіанскаго ученія и предлагаются моральныя правила, открывающія людямъ доступъ въ царство небесное; въ ряду ихъ (стихъ 35) помѣщенъ также совѣтъ «взаймъ дайте, ничесоже чающе» *(mutuum date, nihil inde sperantes)*. Очевидно, что эти правила, изображающія собою не болѣе, какъ высокій идеалъ христіанскихъ добродѣтелей, разсчитаны на тѣхъ, кои цѣлью своей жизни ставятъ исключительно служеніе Богу и спасеніе души. Такимъ людямъ прежде всего предлагается безпредѣльная любовь къ Богу и ближнему, не отступающая даже передъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ. Но очевидно также, что въ означенныхъ принципахъ отнюдь нельзя усматривать обязательныхъ правилъ обыденной жизни, ибо Христосъ ни отъ кого и никогда не требовалъ непремѣннаго ихъ исполненія. Онъ, напротивъ того, указалъ воздавать кесарю кесарево и насчетъ всяческаго воздержанія выразился, что «могій вмѣстити да вмѣститъ». Для всякаго не ослѣпленнаго фанатизмомъ ума таковъ именно долженъ быть смыслъ нравственнаго ученія Христа. Но не таковымъ онъ казался средневѣковымъ учителямъ церкви. Задавшись неосуществимою цѣлью насадить царство небесное на землѣ и проявивъ въ этомъ отношеніи самое безпощадное, слѣпое и фанатичное рвеніе, они предписывали каждому члену христіанской церкви жизнь и дѣла, вполнѣ приноровленныя къ

высокимъ, почти недостижимымъ евангельскимъ требованіямъ. Въ своемъ чрезмѣренномъ усердіи и религіозномъ рвеніи они, предписывая безпредѣльную любовь къ ближнему, сами забыли объ этой любви, забыли о христіанскомъ милосердіи, о снисхожденіи къ человѣческимъ слабостямъ, о всепрощеніи и т. п. началахъ, преподанныхъ человѣчеству тѣмъ же божественнымъ учителемъ, и отступленія отъ своихъ предписаній карали съ чисто языческимъ жестокосердіемъ.

Въ ряду обязательныхъ житейскихъ правилъ, предложенныхъ христіанамъ суровыми учителями средневѣковой христіанской церкви, не послѣднее мѣсто занимало запрещеніе взимать какіе бы то ни было проценты за даваемые взаймы деньги и иные потребляемые предметы. По своему истолковавъ совѣтъ Христа воздерживаться отъ корыстолюбивыхъ вожделѣній и ни подъ какимъ видомъ не обращать своего ближняго въ предметъ наживы, а напротивъ проявлять всегдашнюю готовность благотворить и жертвовать въ его пользу, средневѣковые фанатичные монахи объявили взиманіе всякаго рода процентовъ дѣломъ безнравственнымъ, постыднымъ, губительнымъ для человѣческой души и прямо противнымъ божескимъ велѣніямъ. Этотъ свой взглядъ, какъ мы увидимъ ниже, они съумѣли не только провести въ жизнь, но и сообщить его современнымъ имъ ученымъ юристамъ и свѣтскому законодательству. Такимъ образомъ все было направлено къ тому, чтобы подавить и уничтожить въ человѣчествѣ духъ стяжанія, постоянно водившій отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя общества къ великимъ изобрѣтеніямъ, къ преуспѣянію и прогрессу; вся средневѣковая интеллигенція въ умственномъ ослѣпленіи съ удивительною, достойною лучшаго дѣла энергіею, работала въ руку костному и несговорчивому фанатизму и старательно уничтожала главный источникъ человѣческаго благосостоянія, главный двигатель его прогрессивнаго развитія.

Впрочемъ, начало непріязненнаго отношенія средневѣковаго духовенства къ процентнымъ сдѣлкамъ восходитъ ко временамъ гораздо болѣе древнимъ: уже первые прозелиты христіанскаго вѣроученія, преисполненные религіознаго рвенія и пламеннаго стремленія своею земною жизнью до мельчайшихъ подробностей воспроизвести жизнь и ученіе божественнаго учителя, не могли не негодовать противъ купцовъ, кои подъ вліяніемъ сребролюбивыхъ

влеченій забывали, какъ думали тогда, о своей душѣ, игнорировали требованія справедливости и закона и легко мирились со всякими религіозными вѣрованіями, разъ только имъ предстояло этимъ способомъ извлечь для себя достаточныя матеріальныя выгоды. Такую съ точки зрѣнія того времени нравственную порчу, такое забвеніе высокихъ идеаловъ христіанскаго ученія, такой религіозный индиферентизмъ первые христіане приписывали главнымъ образомъ естественнымъ свойствамъ самой торговли. Не затрачивая никакого труда на переработку пріобрѣтаемыхъ товаровъ, торговцы продаютъ ихъ гораздо дороже, чѣмъ покупаютъ, и такимъ образомъ отбираютъ у покупателя его средства безъ всякаго за то возмездія. Получая съ своего ближняго свыше того, что ему дается, они, по воззрѣнію тѣхъ же христіанъ, грубо и сознательно оскорбляютъ первичныя требованія элементарной правды и справедливости, а, слѣдовательно, и божескія велѣнія, кои тутъ проявляются.

Такъ, уже 9-е правило Апостоловъ подъ вліяніемъ этого воззрѣнія уподобляетъ купцовъ своего рода чумѣ, а одинъ изъ христіанскихъ первоучителей, именно Хризостомъ, прямо утверждаетъ, что ложь и клятвопреступленіе суть главные источники существованія купцовъ, а потому рекомендуетъ христіанамъ избѣгать торговли, если они желаютъ оставаться членами христіанской церкви. Разъ презрѣніе къ торговцамъ основывалось именно на томъ предположеніи, что они берутъ съ своего ближняго, чего ему не давали, то само собою понятно, что негодованіе первыхъ христіанъ должны были вызывать противъ себя не только торговцы, но и всякіе иные люди, преслѣдовавшіе тѣже цѣли. А такъ какъ ростовщики не только требовали возврата занятыхъ денегъ, но и уплаты за послѣдніе процентовъ, то и они не могли уйдти отъ суроваго порицанія и презрѣнія христіанскихъ первоучителей, высказывавшихся противъ взиманія процентовъ еще съ большимъ негодованіемъ, чѣмъ противъ манипуляцій купцовъ [1]).

---

[1]) **Max Neumann** Geschichte des Wuchers. Einleitung стр. 3. Такъ, св. Іероним ъ порицаетъ не только взиманіе процентовъ въ видѣ денежныхъ придатковъ къ капитальному долгу, но и всякую вообще прибавку къ тому, что было дано взаймы, утверждая, что св. Писаніе предписываетъ вообще не брать обратно больше того, что было дано (Decr. Grat pars. sec. c. 2 Causa XIVqu. 3). Св. Амвросій, живший въ 4-мъ столѣтіи по Р. Х., въ своемъ **De bona**

Возникшее отсюда гоненіе противъ процентныхъ сдѣлокъ совершалось съ тѣмъ большимъ убѣжденіемъ и рвеніемъ, что оно находило для себя опору не только въ отдѣльныхъ изрѣченіяхъ священнаго писанія, именно Ветхаго и Новаго Завѣтовъ[2]), но и въ сочиненіяхъ языческихъ философовъ и писателей, каковы Платонъ, Аристотель, Плавтъ, Цицеронъ и Сенека[3]), на замѣчанія коихъ часто ссылались и духовные писатели. Сверхъ того, поборники и ревнители новой христіанской морали для подкрѣпленія основательности означеннаго гоненія имѣли въ своемъ распоряженіи историческій опытъ римскаго государства: грѣховное значеніе и вредъ процентовъ они могли доказывать не только священнымъ писаніемъ, авторитетъ коего считался безспорнымъ

---

mortis (Patrologiae cursus completus, tomus XIV. Sancti Ambrosii opera omnii, изд. 1866) стр. 591 caput XII §. 56, прямо называетъ проценты грабежомъ (Si quis usuram accipit, rapinam facit....). При этомъ онъ считаетъ процентами не только излишне противъ даннаго въ займы полученныя деньги, но и всякія вообще выгоды, извлекаемыя кредиторомъ изъ займа. Dec. Gr pars. sec. c. 3. Causa XIV qu. 3. Августинъ Блаженный въ письмѣ къ македонянамъ (ср. LIV ad Macedonium, см. с. XI Causa XIV qu. 4 т. е. Decretum Gartiani pars secunda causa XIV qu. 4 c. XI) не усматриваетъ никакой разницы между разореніемъ бѣднаго процентами и ограбленіемъ или обкрадываніемъ богатаго. Хотя законы и судъ, утверждаетъ онъ, и повелѣваютъ уплачивать проценты, но онъ, Августинъ, совѣтуетъ возвращать ихъ, ибо такое пріобрѣтеніе есть стяжаніе злое, стало быть, неправедное, а что неправедно, то не можетъ быть благимъ. Первоначально взиманіе процентовъ, какъ мы увидимъ ниже, запрещено было только духовенству, но впослѣдствіи папа Левъ Великій въ письмѣ къ нѣсколькимъ епископамъ отъ 443 г. распространилъ это запрещеніе и на свѣтскихъ людей. **Glück** Ausführliche Erläuterung der Pandekten. Erlangen 1820 т. 21 стр. 19.

[2]) Напр. Исходъ въ гл. 22 § 25 запрещаетъ вредить евреямъ, и если они бѣдны, брать съ нихъ проценты; Левитъ въ гл. 25 §§ 35, 36 и 37, предписывая помогать изнемогающему собрату и принимать его, какъ странника и друга, запрещаетъ брать съ него проценты и лишнюю плату за прокормленіе. Въ гл. 5 § 7 кн. Нееміи евреямъ запрещается уже брать проценты не только съ бѣдныхъ, но и со всѣхъ единоплеменниковъ. 15 псалмъ Псалтыря § 5 обѣщаетъ благо тому, кто своихъ денегъ не отдаетъ на проценты и не получаетъ обратно свыше должнаго. Тоже повторено и въ псалмѣ 112 § 5. Въ своихъ притчахъ (гл. 28 § 8) Соломонъ говоритъ, что, кто увеличиваетъ свое имущество процентами и барышомъ, тотъ накопляетъ его для бѣдныхъ. Пророкъ Іезекіиль (гл. 18 § 8) называетъ истинно благочестивымъ между прочимъ того человѣка, который не занимается ростовщичествомъ.

[3]) **Neumann** Gesch. d. Wuchers стр. 4.

даже въ дѣлахъ чисто свѣтскихъ и житейскихъ, но и тѣми роковыми послѣдствіями, тѣмъ обнищаніемъ массъ и тѣмъ нравственнымъ паденіемъ, къ коимъ широкое примѣненіе процентовъ неоднократно приводило древнеримское государство.

Впрочемъ эти ревнители не ограничивались уроками и предостереженіями исторіи или ссылками на священное Писаніе, но придумывали и всякаго рода логическіе доводы и соображенія противъ преувеличенной и даже мнимой процентной заразы. Немаловажную службу въ этомъ дѣлѣ сослужило имъ знакомство съ греческою философіею и римскимъ правомъ. Опираясь на эти два авторитета, канонисты стали утверждать, что деньги сами по себѣ, по своей природѣ вовсе не способны приносить плоды, а разъ у нихъ нѣтъ этой способности, то они тѣмъ паче не могутъ получить ее въ томъ случаѣ, когда становятся предметомъ займа, ибо тутъ заимодавецъ отдаетъ ихъ въ чужія руки и этимъ прямо отнимаетъ у себя всякую физическую возможность собирать съ нихъ плоды, буде бы послѣдніе даже были. И такъ, если у заимодавца нѣтъ вещи въ рукахъ, если онъ на нее теряетъ даже право собственности, то само собою понятно, что онъ не можетъ воспользоваться ея плодами, даже еслибъ она въ состояніи была ихъ давать. Проценты же суть не что иное, какъ аналогичное распространеніе понятія плодовъ на деньги, сами по себѣ не плодоносныя. Значитъ, отдавая деньги въ ростъ, заимодавецъ грабитъ должника, ибо обратно получаетъ не только свою вещь, но и то, что имъ не дано, т. е. вещь должника и притомъ безъ всякаго раціональнаго основанія. Взиманіе процентовъ тѣмъ меньше заслуживаетъ оправданія, что деньги созданы именно для облегченія мѣны и являются лишь средствомъ купли-продажи, а не такого пользованія, къ какому способны плодоносныя вещи. Правда, отдавая ихъ въ займы, заимодавецъ лишаетъ себя обладанія ими въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени; но развѣ можно подвергать время денежной оцѣнкѣ? Вѣдь это немыслимо уже потому, что время есть общее достояніе, что оно по естественнымъ свойствамъ своимъ не можетъ состоять въ гражданскомъ оборотѣ, а слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ частныхъ сдѣлокъ. Опираясь на такіе аргументы, помянутые канонисты убѣждали всѣхъ и каждаго, что взиманіе процентовъ, являясь актомъ несправедливаго и безправнаго отнятія чужаго достоянія,

способно лишь развивать въ человѣкѣ алчность и черствость души и вытѣснять изъ него чувство любви къ ближнему [4]).

Понятно само собою, что безусловное проведеніе этого ученія во всей его чистотѣ въ жизнь въ состояніи было только задерживать и тормозить ея поступательное движеніе, а вмѣстѣ убивать въ человѣчествѣ всякіе проблески духа предпріимчивости. Если за всякую отчуждаемую вещь можно брать только то, что она стоитъ самому себѣ, если трата времени, рискъ, различнаго рода подготовительныя издержки и вознагражденіе за услугу, доставляемую покупателю передвиженіемъ вещи изъ одной мѣстности въ другую, и т. п. не имѣютъ никакой цѣны, если взиманіе платы за нихъ есть не больше, какъ замаскированный грабежъ, то стоитъ ли, рискуя своимъ собственнымъ достояніемъ, жизнью и свободою, перенося страшныя лишенія и тяжкій трудъ, съ коими, какъ мы увидимъ ниже, связана была средневѣковая торговля, дѣлать эту послѣднюю своею профессіею? Не лучше ли довольствоваться удовлетвореніемъ своихъ потребностей при помощи личнаго или наемнаго физическаго труда? И даже больше: Не лучше ли предаться аскетизму, подавить въ себѣ всякія стремленія къ улучшенію своего земнаго существованія и ограничиться тѣмъ, что можетъ дать окружающая природа при содѣйствіи простаго примѣненія физическихъ силъ человѣка? Вотъ возможные результаты, къ коимъ безсознательно, а быть можетъ и сознательно, стремились близорукіе и фанатичные средневѣковые монахи западной церкви. Да и можно ли было ожидать чего либо инаго отъ людей, отрѣшившихся отъ міра сего, обрекшихъ себя на безбрачіе и давшихъ обѣтъ нестяжанія? Развѣ аскету, убившему въ себѣ мірскія вожделѣнія и ограничивающемуся по отношенію къ своему тѣлу чисто растительною жизнью, не должны казаться преступными и омерзительными всякіе признаки роскоши, всякія старанія получше обставить свою земную жизнь? Можно, безъ всякаго страха отступить отъ правды, сказать, что воздвигнутое въ средніе вѣка гоненіе противъ процентовъ и торговли, разсчитывающей на прибыли [5]), не могло бы и появиться,

---

[4]) Neumann. ibid.

[5]) Такъ папа Юлій въ своемъ декретѣ объявляетъ постыдною прибылью (turpe lucrum dicimus) всякую покупку по низкой цѣнѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи продать дороже (Quicunque tempore messis vel vinde-

если бы тогдашнее западное высшее духовенство не состояло исключительно изъ монаховъ, совершенно не понимавшихъ или не желавшихъ понимать потребностей внѣмонастырской жизни, еслибъ они самихъ себя и свою жизнь не считали идеаломъ, къ косму должны стремиться всѣ міряне, и вмѣстѣ съ духовною не захватили въ свои руки и свѣтскую власть.

§ 6.

Итакъ, взиманіе процентовъ, съ точки зрѣнія первыхъ христіанскихъ вѣроучителей и средневѣковыхъ канонистовъ, является дѣломъ богопротивнымъ, ибо оно есть не что иное какъ замаскированное ограбленіе ближняго, несправедливое отнятіе чужаго достоянія. Но если такова причина осужденія процентовъ, то вѣдь и торговля преслѣдуетъ туже цѣль, она тоже разсчитана на полученіе отъ ближняго свыше того, что ему дается; стало быть, она также богопротивна, какъ и взиманіе процентовъ. А потому она вызываетъ противъ себя столь же безпощадное осужденіе средневѣковыхъ монаховъ, какъ и проценты. Ее громятъ не только въ проповѣдяхъ и писаніяхъ, но и съ высоты папскаго престола; ее, какъ мы выше видѣли (прим. 5), сами папы офиціально объявляютъ постыднымъ барышомъ. Такимъ образомъ въ глазахъ средневѣковаго западнаго духовенства всякій торговецъ, всякій купецъ есть тоже, что ростовщикъ, т. е. человѣкъ, сознательно дѣйствующій вопреки божескимъ велѣніямъ, ниспровергающій одинъ изъ основныхъ принциповъ христіанскаго ученія, именно завѣщанную божественнымъ учителемъ безпредѣльную любовь къ ближнему, а потому не достойный быть въ средѣ членовъ христіанской церкви.

Но это воззрѣніе на ростъ и торговлю явилось лишь результатомъ позднѣйшаго, слишкомъ распространительнаго толкованія рекомендованной Іисусомъ Христомъ любви къ ближнему. Первоначально же проценты и торговля по отношенію къ міранамъ считались дѣломъ, хотя и порочнымъ, но не наказуемымъ. Только духовенство, именно епископы, пресвитеры и діаконы обязаны были воздерживаться отъ того и другаго, ибо, постав-

---

miae non necessitate, sed propter cupiditatem comparat annonam vel vinum: verbi gratia de duobus denariis comparat modium unum, et servat, usque dum vendatur denariis quatuor, aut sex, aut amplius, hoc tempore lucrum dicimus, c. 9 C. XIV qu. IV).

ленные блюстителями чистоты христіанскаго ученія, будучи во главѣ христіанскихъ общинъ, они обязаны были строго исполнять всѣ основоположенія христіанской церкви. Вотъ почему уже весьма рано мы встрѣчаемся съ запрещеніемъ лицамъ духовнаго сана заниматься свѣтскими дѣлами, а въ особенности торговлею и ростовщичествомъ. Такъ еще апостольскія правила рекомендуютъ клирикамъ избѣгать торговли и въ особенности воздерживаться отъ ростовщичества, грозя ослушникамъ этого предписанія лишеніемъ сана [6]).

Какъ однако ни громили ростовщичество, какъ его ни клеймили и ни позорили, естественное чувство справедливости и требованія жизни брали свое. Только люди, успѣвшіе убить въ себѣ всякіе любостяжательные инстинкты, только святые отцы церкви оказались въ состояніи въ точности выполнять всѣ нравоученія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Люди же обыкновенные, не только свѣтскіе, но и духовные, не въ силахъ были устоять противъ искушенія и присущей человѣческой натурѣ склонности къ улучшенію своего земнаго существованія и накопленію матеріальныхъ богатствъ. Сверхъ того, обыкновенный человѣкъ не только теперь, но и въ старину не могъ понять, почему слѣдуетъ давать въ займы безъ всякаго возмездія, почему должникъ въ правѣ при посредствѣ занятыхъ денегъ улучшать свое существованіе, дѣлать на нихъ различнаго рода пріобрѣтенія и избавлять себя отъ нужды и невзгодъ, между тѣмъ какъ заимодавецъ обязанъ отказываться отъ всякаго вознагражденія за предоставленіе должнику этихъ удобствъ? Отдавая свои деньги или иныя вещи въ пользованіе другому лицу, заимодавецъ несомнѣнно лишаетъ себя тѣхъ или другихъ выгодъ, кои могли бы доставить ему эти вещи, еслибъ онѣ продолжали оставаться въ его фактическомъ обладаніи. А если такъ, то развѣ не справедливо требовать отъ должника возмѣщенія этихъ лишеній, претерпѣваемыхъ по его винѣ и ради него? Человѣкъ, не предающійся аскетическому служенію Богу и не убившій въ

---

[6]) Такъ, 7-е правило прямо говоритъ: «Episcopus, aut presbytor, aut diaconus nequaquam saeculares curas assumat; sin aliter, deiiciatur» (Decr. Gr. pars prima dist. 88 c. 3). Далѣе 44-е правило предписываетъ: Episcopus, aut presbytor, aut diaconus usuras a debitoribus exigans, aut desinat aut certe deponatur» (ib. dist. 47 c. 1).

себѣ всѣхъ своихъ естественныхъ влеченій, едва ли въ состояніи видѣть что-либо безнравственное въ томъ, что на сдѣланное обогащеніе ему отвѣчаютъ обогащеніемъ. Развѣ можно считать преступленіемъ обоюдныя услуги, воздаяніе добромъ за добро, возмѣщеніе того матеріальнаго ущерба, который причиненъ чужимъ дѣйствіемъ? Неужели заимодавецъ, отнявъ у себя извѣстное имущество и отдавъ его въ пользованіе другому, не долженъ принимать никакого вознагражденія отъ этого послѣдняго лишь потому, что духовенству такъ угодно было истолковать простой совѣтъ, а не предписаніе Христа, разсчитанный притомъ на людей, желающихъ отрѣшиться отъ міра сего?

Вотъ вопросы, которые должны были сами собою напрашиваться въ виду предпринятаго противъ процентовъ крестоваго похода. Вопросы эти никоимъ образомъ нельзя назвать результатомъ софистическаго мудрствованія; совершенно наоборотъ, они должны были прямо подсказываться присущимъ всякому человѣку здравымъ смысломъ. Этотъ-то голосъ здраваго смысла не могли заглушить никакія предвзятыя и кривыя толкованія отдѣльныхъ евангельскихъ истинъ. Отъ кого бы эти толкованія ни исходили, будь то даже всемогущіе папы, въ качествѣ божественнаго откровенія провозглашавшіе ихъ съ высоты своего папскаго престола, они для людей свѣтскихъ, а равно для тѣхъ изъ духовенства, кои не пожелали вполнѣ отречься отъ прелестей земной жизни, звучали какимъ-то дикимъ диссонансомъ. И дѣйствительно, сами поборники запрещенія процентовъ и прибылей своими постоянными напоминаніями и угрозами, въ изобиліи расточаемыми ослушникамъ запрещенія ростовщичества, какъ нельзя убѣдительнѣе свидѣтельствуютъ въ пользу непригодности ихъ искуственной морали для повседневной жизни, въ пользу несоотвѣтствія этой морали элементарнымъ требованіямъ простаго здраваго смысла. Весьма знаменателенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что частыми нарушителями означеннаго запрещенія являются не только міряне, по отношенію къ коимъ это совершенно естественно и понятно, но даже лица духовнаго сана. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что отцы церкви въ своихъ сочиненіяхъ, а равно первые папы и первые соборы не перестаютъ твердить о грѣховности обогащенія при помощи барышей и, возобновляя указанное запрещеніе, грозятъ клири-

камъ, опозорившимъ себя этимъ грѣхомъ, хотя бы подъ видомъ добровольныхъ подарковъ, лишеніемъ духовнаго сана, отлученіемъ отъ церкви и исключеніемъ изъ духовнаго сословія [7]).

---

[7]) Не касаясь уже св. отцевъ церкви, каковы Августинъ, Хризостомъ и Іеронимъ, жившіе въ первыя времена христіанства, а именно въ 4 и 5 столѣтіяхъ, и не перестававшіе внушать епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ о несовмѣстимости съ ихъ саномъ и богопротивности взиманія процентовъ подъ какимъ бы то ни было названіемъ, эти внушенія и угрозы отлученіемъ отъ церкви не прекращались и впослѣдствіи. Доказательствомъ тому можетъ служить цитированное въ прим. 5 мѣсто въ Decterum Gratiani (c. 9 C. XIV qu. 4), принадлежащее папѣ Юлію I (336—350, см. ц. с. Неймана стр. 6 прим. 5).—Далѣе мѣсто изъ epist. папы Льва Великаго (444 г.), помѣщенное тамъ же с. 7, содержитъ въ себѣ порицаніе и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ за стремленіе обогащаться путемъ ростовщичества. «Nec hoc quoque praetereundum esse duximus, говоритъ папа, quosdam lucri turpis cupiditate captos usurarium exercere pecuniam, et foenore velle ditescere. Quod nos non (tantum) dicam in eos, qui sunt **in clericali officio constituti**, sed et in laicos cadere, qui Christianos se dici cupiunt, condolemus. Quod vindicari acrius in eos, qui fuerint confutati, decernimus, ut omnis peccandi opportunitas adimatur.»—Въ 494 г. папа Гелазій въ посланіяхъ къ епископамъ Луканіи и Сициліи рекомендуетъ клерикамъ воздерживаться отъ всякихъ недостойныхъ стяжаній, въ какомъ бы духовномъ санѣ клерики ни состояли (c. 1 C. XIV qu. 4).—Въ 600 г. папа Григорій пишетъ духовенству и гражданамъ Неаполя, что до его слуха дошло, будто Петръ, вѣроятно, священникъ, отдаетъ свои деньги въ ростъ. А потому онъ, папа, предлагаетъ произвести объ этомъ тщательное разслѣдованіе и, если обвиненіе подтвердится, то немедленно выбрать другаго, такъ какъ онъ, папа, «amatoribus usurarum nulla ratione manus imponit» (c. IV dist. 47 Decr-Gr. p. pr.).

Въ 310 году на Элибеританскомъ соборѣ постановлено было, что если духовное лицо изобличено будетъ во взиманіи процентовъ, то оно подлежитъ лишенію сана и отлученію отъ церкви («Si quis clericorum detectus fuerit usuras accipere, placuit degradari et abstineri». c. 5. distin. 17 Dec. Gr. p. pr.).—Въ 314 г. на помѣстномъ соборѣ въ Арлѣ точно также постановлено было, что служители алтаря (ministri), позволившіе себѣ взимать проценты, подлежатъ отлученію отъ церкви («eos a communicatione abstinere», c. 2 C. XIV qu. 4).—Таже угроза повторена на Никейскомъ соборѣ въ 325 г., причемъ поясняется, что лишенію и исключенію изъ духовнаго сословія будутъ подлежать всѣ тѣ клерики, кои уличены будутъ во взиманіи какого бы то ни было рода процентовъ, даже и тѣ, кои станутъ брать на половину больше противъ даннаго въ займы зерноваго хлѣба (sescuplum) (Ibid. c. 8).—Въ 372 г. на Лаодикійскомъ соборѣ опять повторено всѣмъ лицамъ духовнаго званія запрещеніе взимать проценты деньгами или хлѣбомъ (c. 9. dist. 46 Dec. Gr. p. pr.).—Въ 443 г. папа Левъ въ своемъ посланіи къ епископ-

Что многочисленныя напоминанія духовенству о необходимости оберегать себя отъ искушенія пріобрѣтать выгоды при помощи процентовъ не были простымъ предостереженіемъ, а вызывались часто повторявшимися фактами, можно видѣть изъ слѣдующихъ указаній, находимыхъ въ текстахъ самихъ запрещеній: въ приведенномъ выше фрагментѣ изъ Decretum Gratiani [8]) соборъ подъ страхомъ наказанія предписываетъ духовенству воздерживаться отъ взиманія *centesimas*, т. е. одного процента въ мѣсяцъ или 12 процентовъ въ годъ; онъ равнымъ образомъ запрещаетъ пріобрѣтать какой-либо лишекъ при помощи купли или продажи вина, хлѣба или чего либо инаго. Конкретное указаніе собора на опредѣленный видъ процентовъ и опредѣленные объекты прибыльныхъ сдѣлокъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что означенные проценты и сдѣлки часто практиковались представителями духовнаго сословія, скандализировавшими этимъ свое званіе и профессію, что тутъ дѣло шло не объ идеѣ, а о дѣйствительныхъ фактахъ, для борьбы съ коими понадобилось вмѣшательство верховной духовной власти, каковы соборы вселенскіе и помѣстные. Но всякій законъ, разсчитанный на то, чтобы задавить и уничтожить самою природою вложенные въ человѣка инстинкты, въ концѣ концовъ вынуждаетъ людей изыскивать всевозможныя средства къ обходу его. Такъ и въ данномъ случаѣ: взиманіе процентовъ объявлено было дѣломъ позорнымъ и гнуснымъ; между тѣмъ такое взиманіе есть результатъ естественнаго стремленія человѣка къ пріобрѣтенію богатствъ ради облегченія и улучшенія своего земнаго существованія. И вотъ даже духовенство, казалось бы, самою своею профессіею призванное не только воздерживаться, но и противо-

---

памъ запрещаетъ лицамъ духовнаго званія взимать проценты не только для себя, но и отъ чужаго имени (c. 10 ibid.) Это запрещеніе прямо указываетъ, что духовенство стало заниматься ростовщичествомъ чрезъ подставныхъ лицъ.—Въ 516 г. на Тарраконскомъ соборѣ духовенству вновь предлагается не получать свыше того, что дано (c. 5 C. 14 qu.) 4.—Соборъ, созванный въ 572 г. папою Мартиномъ, вновь грозитъ лишеніемъ сана и исключеніемъ изъ духовнаго сословія всякому клерику, который, забывъ страхъ Божій и слова Св. Писанія, позволитъ себѣ отдавать деньги въ ростъ, требовать 12%, извлекать постыдныя выгоды изъ отдѣльныхъ сдѣлокъ и покупать или продавать съ барышемъ.

[8]) c. 4 Causa XIV qu. 4.

дѣйствовать чрезмѣрному проявленію любостяжательныхъ инстинктовъ, измышляетъ весьма ловкія средства къ обходу помянутаго запрещенія: оно даетъ процентамъ иную кличку, именуя ихъ подарками [9]), оно взимаетъ ихъ не деньгами, а вещами, которыя получаетъ отъ должниковъ либо безмездно, либо по низкой цѣнѣ; оно взыскиваетъ ихъ не отъ своего, а отъ имени подставныхъ мірянъ; оно покупаетъ тѣ или другія вещи въ то время, когда цѣна на нихъ стоитъ низкая, и продаетъ ихъ во время вздорожанія, и т. д. Все это категорически удостовѣрено какъ святыми отцами церкви и папами, такъ отчасти и постановленіями нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ. Напр. св. Августинъ [10]), очевидно, побуждаемый ухищреніями современнаго ему духовенства, поясняетъ, что ростовщикомъ долженъ быть названъ не только тотъ, кто взимаетъ проценты деньгами, но и тотъ, кто вообще беретъ больше того, что далъ, напр. даетъ для того, чтобы получить вина, масла или чего-либо инаго больше того количества, какое было дано. Св. Амвросій [11]) поучаетъ, что многіе, уклоняясь отъ предписаній закона, взимаютъ за данныя въ займы купцамъ деньги, вмѣсто процентовъ, опредѣленныя выгоды съ принадлежащихъ должникамъ товаровъ. По священному писанію, продолжаетъ онъ, и пища, и одежда, и все то, что превышаетъ капиталъ, суть проценты, какое бы названіе имъ ни давали. Въ 443 г. папа Левъ въ одномъ изъ своихъ писемъ требуетъ [12]), чтобы никто изъ духовныхъ не осмѣливался предаваться ростовщичеству ни отъ своего, ни отъ чужаго имени;

---

[9]) Такъ, Іеронимъ (super Ezechielem, lib. VI ad c. 18, см. Decr. Gr. pars sec. Causa XIV qu 3 c. 2) предостерегаетъ противъ распространеннаго въ его время заблужденія, будто процентами могутъ быть лишь деньги. Нѣкоторые, говоритъ онъ далѣе, за отданныя въ займы деньги получаютъ обыкновенно различнаго рода подарочки, полагая что это не подойдетъ подъ названіе процентовъ; а между тѣмъ подъ излишествомъ (superabundantio) С. Писаніе разумѣетъ именно тотъ случай, когда кто-либо беретъ больше того, что имъ дано «(Putant quidam usuram tantum esse in pecunia. Quod praevidens scriptura divina omnis rei aufert superabundantiem, ut plus non recipias quam dedisti.... Alii pro pecunia foenerata solent munuscula accipero diversi generis, et non intelligunt usuram appellari et superabundantiam quicquid illud est, si ab eo, quod dederint, plus acceperit).

[10]) См. Decr. Gr. p. sec. C. XIV qu. 3 c. 1.

[11]) Тамъ-же c. 3.

[12]) Тамъ-же p. prima dist 46 c. 10.

дающій въ займы изъ состраданія, говоритъ онъ, долженъ расчитывать исключительно на то, что Господь въ будущей жизни воздастъ ему сторицею. Затѣмъ въ 516 г. на Тарраконскомъ помѣстномъ соборѣ [13]) постановлено было, что если желающіе оставаться въ духовномъ сословіи станутъ, вопреки запрещенію статутомъ каноновъ, заниматься покупкою по дешевой цѣнѣ или продажею по болѣе дорогой цѣнѣ, то они будутъ подлежать лишенію духовнаго званія.

Очевидно, что всѣ эти постановленія и предостереженія не могли бы и появиться, если бы не существовало поводовъ къ тому. А поводы эти не только существовали, но и повторялись такъ часто, что понадобились неоднократныя напоминанія, увѣщанія и угрозы, чтобы положить какой-нибудь предѣлъ любостяжательнымъ манипуляціямъ духовныхъ лицъ. Въ ряду средствъ обхода запрещенія процентовъ особенно часто практиковались такъ-называемыя *sescuplae usurae* вслѣдствіе ихъ чрезвычайной выгодности. Этого рода сдѣлки состояли въ томъ, что одно лицо во время вздорожанія продуктовъ первой необходимости, каковы хлѣбъ, вино, мясо и т. п., давало въ займы опредѣленное ихъ количество другому нуждающемуся въ нихъ съ тѣмъ, чтобы во время урожая, когда цѣны на нихъ упадутъ, получить такое количество означеннаго рода продуктовъ, которое по цѣнѣ будетъ соотвѣтствовать стоимости даннаго въ займы въ моментъ совершенія послѣдняго. Такъ, напр., кто либо во время неурожая ссужаетъ четверть пшеницы, стоющей 12 руб. Послѣдующій затѣмъ урожай понижаетъ эту цѣну на одну треть, вслѣдствіе чего 12 руб. будетъ стоить уже не одна, а полторы четверти; а такъ какъ должникъ обязанъ возвратить такое количество, которое стоило бы 12 р., то ему приходится за взятую въ займы одну четверть уплатить полторы четверти. Тотъ же результатъ получался и въ томъ случаѣ, когда во время урожая въ займы давались деньги съ тѣмъ, что бы вмѣсто нихъ доставлено было такое количество хлѣба, какое можно было пріобрѣсти на занятую сумму въ моментъ совершенія займа [14]). Этотъ способъ открывалъ заимодавцамъ воз-

---

[13]) Тамъ-же p. secunda C. 14 q. 4 c. 3.

[14]) Лаодикійскій соборъ (происходившій между 347 и 381 г.г.) запрещаетъ священникамъ и вообще священнослужителямъ брать проценты или барыши, носящіе названіе **Sescupla** (Decr. Gr. pars. prima Dist. **46** c. 9.). См. объ этихъ процентахъ Неймана в. п. с стр. 7; а также Glück. в.

можность безъ обозначенія количества процентовъ и даже безъ всякаго объ нихъ упоминанія брать на капиталъ 33 съ третью процента.

§ 7.

Доселѣ мы видѣли, что взиманіе процентовъ въ какомъ бы то ни было видѣ вызывало уголовную репрессію только по отношенію къ представителямъ духовенства; по отношенію же къ мірянамъ токое поведеніе только не одобрялось, что совершенно понятно. Въ то время, какъ священно и церковнослужители вполнѣ подчинены были своимъ духовнымъ властямъ, кои потому могли издавать для нихъ обязательныя правила, на мірянъ эта духовная власть первоначально вовсе не простиралась, ибо духовенство того времени могло дѣйствовать на паству лишь силою своего слова и нравственнаго авторитета. Вотъ почему тогдашнія церковныя власти, принципіально отвергавшія проценты и барыши, считавшія ихъ богопротивнымъ и позорнымъ дѣломъ, по отношенію къ мірянамъ ограничивались одними увѣщаніями и порицаніями, не прибѣгая къ тѣмъ мѣрамъ взысканія, какія примѣнялись къ лицамъ духовнаго сана. Такъ, первые христіанскіе вѣроучители приравнивали профессіональныхъ ростовщиковъ къ грабителямъ и разбойникамъ; но все-таки прямаго запрещенія процентовъ подъ страхомъ наказанія для мірянъ еще не существовало.

Даже въ то время, когда христіанская религія при императорѣ Константинѣ признана была господствующею и его преемники явились настолько же пламенными и ревностными ея поборниками, насколько языческіе императоры были ея жестокими гонителями, даже въ это время свѣтская власть, сознавая всю необходимость и справедливость процентовъ, не

п. с. стр. 16 прим. 50. Это же запрещеніе, но подъ угрозою исключенія изъ духовнаго сословія, постановлено было еще раньше въ 325 на Никейскомъ соборѣ. Впрочемъ, означеннымъ наказаніемъ соборъ грозитъ не только за **sescuplae** или иначе **hemiolia,** но и за всякаго рода позорнымъ способомъ пріобрѣтаемыя выгоды. Это свое постановленіе онъ объясняетъ тѣмъ, что «multi clerici, avaritiae causa turpia lucra sectantes, obliti sunt divini praecepti, quo dictum est.... (Dec. Gr. p. prima Dist. 47 c. 2; pars sec. C. 14 qu. 4 c. 8).

рѣшалась еще наложить на нихъ своего запрета. Какъ ни распиналось противъ нихъ духовенство, какъ ни корило оно ростовщиковъ, тѣмъ не менѣе оно не въ состояніи было привить своего взгляда императорамъ, все еще находившимся подъ обаяніемъ лишеннаго предвзятости и тенденціозности ученія римскихъ юристовъ [15]). Правда, указываютъ на вполнѣ одиноко стоящую попытку духовенства подъ страхомъ отлученія отъ церкви запретить и мірянамъ взиманіе процентовъ. Попытка эта принадлежитъ будто бы помѣстному собору, происходившему въ Испаніи въ Эльвирѣ, по предположенію однихъ въ 303 г., по предположенію другихъ въ 305 г. и по предположенію третьихъ въ 313 г. Въ Decretum Gratiani соборъ этотъ названъ *concilium Eliberitanum*. Угрожая лишеніемъ сана и отлученіемъ отъ церкви лицамъ духовнымъ, уличеннымъ во взиманіи процентовъ, соборъ прибавляетъ: «Si quis etiam *laicus* accepisse probatur usuras, et promiserit correctus, iam se cessaturum, nec ulterius exacturum; placuit ei veniam tribui. Si vero in ea iniquitate duraverit, ab Ecclesia esse proiiciendum» (т. е. если и относительно мірянина будетъ доказано, что онъ береть проценты, а онъ по исправленіи пообѣщаетъ прекратить это занятіе и больше его не повторять, то его слѣдуетъ помиловать. Если же онъ будетъ упорствовать въ этомъ неправедномъ дѣлѣ, то подлежитъ отлученію отъ церкви). Но признавая даже, что соборъ этотъ дѣйствительно происходилъ, а это, опираясь на весьма вѣскія и убѣдительныя данныя, отрицаетъ однако такой нѣмецкій

---

[15]) **Neumann** Geschichte des Wuchers. Einleitung стр. 8. **Endemann** Studien стр. 10 и 11. Хотя еще во время перваго христіанскаго императора Константина духовенство, крайне возбужденное противъ **usurae sescuplae**, на первомъ Никейскомъ соборѣ пригрозило своимъ сочленамъ лишеніемъ духовнаго сана, если они будутъ уличены во взиманіи между прочимъ и этихъ процентовъ, тѣмъ не менѣе названный императоръ прямо разрѣшилъ эти проценты всѣмъ безъ изъятія. «Всякій, говоритъ онъ, кто дастъ въ займы нуждающемуся плоды земли въ сыромъ или сухомъ видѣ, имѣетъ право въ качествѣ процентовъ получить третью часть сверхъ отданнаго въ займы, количества (usurae nomine tertiam partem superfluam consequantur), т. е. если кредитованное количество равнялось двумъ модіумамъ, то можетъ быть получено сверхъ двухъ еще третій модіумъ.... Законъ этотъ относится только къ земельнымъ плодамъ (fruges), такъ какъ за отданныя въ займы деньги кредитору запрещается взимать свыше singulas centesimas». См. **Glück** в. п. с. т. 21 стр. 17 прим. 50.

ученый, какъ Глюкъ [16]), можно все-таки спорить противъ подлинности только-что приведенныхъ на латинскомъ языкѣ словъ, ибо въ Декретѣ Граціана (c. 2 Causa XIV qu. 4), гдѣ это постановленіе тоже приведено, слова эти не значатся, чего не могло бы случиться, еслибъ они въ соборномъ постановленіи дѣйствительно существовали.

Какъ бы однако ни было, попытка эта, какъ я уже сказалъ, осталась безъ подражанія, и еще долго послѣ того духовенство по отношенію къ мірянамъ не позволяло себѣ никакихъ принудительныхъ мѣръ, ограничиваясь увѣщаніями, платоническимъ выраженіемъ неудовольствія и порицаніемъ взиманія процентовъ и прибыльныхъ сдѣлокъ. Такъ въ 443 г. папа Левъ Вел. (см. прим. 12) относительно мірянъ, взимающихъ проценты, выражается только, что онъ соболѣзнуетъ объ этомъ (condolemus), и это отношеніе духовенства остается неизмѣннымъ даже во времена Карла Вел., когда папа Юлій въ 806 г. [17]) относительно мѣновыхъ сдѣлокъ, разсчитанныхъ на прибыль, ограничивается выраженіемъ одного только неодобренія, называя такую прибыль turpe lucrum.

Какъ справедливо замѣчаетъ Нейманъ [18]), духовенству въ дѣлѣ преслѣдованія мірянъ за проценты и любостяжаніе приходилось говорить въ желательномъ наклоненіи до тѣхъ поръ, пока ему не удалось расширить свою юрисдикцію и подчинить ей лихвенныя сдѣлки. Какими средствами оно достигло такого результата, это для намѣченной нами цѣли совершенно безразлично. Важно лишь то, что въ IX столѣтіи Констанцкимъ и Парижскимъ соборами воспрещено было мірянамъ, взимающимъ проценты, пріобщаться Св. Тайнъ и жить вмѣстѣ съ другими христіанами, а въ 869 г. Константинопольскимъ синодомъ было постановлено, что всякій ростовщикъ подлежитъ наиболѣе тяжкому церковному наказанію, именно отлученію отъ церкви [19]).

Итакъ, уже къ концу 9-го столѣтія вліяніе духовенства на свѣтскія дѣла настолько усилилось, что оно безпрепятственно направляетъ противъ ростовщиковъ одно изъ своихъ самыхъ

---

[16]) **Glück** в. п. с. т. 21 стр. 17, 18 и 19.

[17]) Decr. Gr. c. 9 C. 14 qu. 4.

[18]) Тамъ-же стр. 9.

[19]) Neumann в. п. с. стр. 10.

смертоносныхъ орудій: за взиманіе процентовъ оно подвергаетъ теперь не только духовныхъ, но и мірянъ наивысшему церковному наказанію, именно отлученію отъ церкви, въ то время почти равносильному смертной казни; ибо такой отлученный съ формальной стороны лишался, правда, только религіознаго общенія съ своими единовѣрцами, но, на самомъ дѣлѣ, это лишеніе приводило къ полному отлученію его отъ всякаго общенія съ послѣдними и фактически ставило его въ положеніе человѣка, изъятаго отъ защиты закона (vogelfrei). Въ тѣ времена полнаго разцвѣта религіознаго увлеченія и слѣпой вѣры, нерѣдко выливавшихся въ форму дикаго изувѣрства, едва ли кто рѣшился бы поддерживать сношенія съ лицомъ, признаннымъ компетентною духовною властью нравственно прокаженнымъ, а потому вынудившимъ церковь отказаться отъ общенія съ нимъ.

Это горестное положеніе тогдашняго экономическаго оборота еще болѣе отягощалось тѣмъ, что западное духовенство, считавшее себя богопоставленнымъ и боговдохновеннымъ истолкователемъ истиннаго смысла Христова ученія, подводило подъ понятіе процентовъ всякую прибыль на затраченный капиталъ, все то, что бралось *ultra sortem*. Ростовщикомъ считался не только тотъ, кто отдавалъ свои капиталы въ ростъ, но и тотъ, кто покупалъ или продавалъ съ прибылью и вообще кто стремился къ полученію больше того, что имъ затрачено.

Такъ, въ 1163 г. на Турнскомъ соборѣ постановлено было, что такъ какъ лица духовнаго званія, опасаясь брать осужденные обыкновенные проценты, стали давать свои капиталы подъ залогъ недвижимости и собирать доходы послѣдней безъ погашенія этимъ долга, то всѣмъ состоящимъ въ духовномъ сословіи предписывается впредь возвращать заложенное имѣніе безъ всякаго выкупа и вознагражденія, если полученные кредиторомъ съ такого имѣнія доходы, общею суммою своею, погасили долгъ; если же не весь долгъ такимъ образомъ погашенъ, то, довзыскавъ недочетъ, возвращать затѣмъ заложенное имѣніе хозяину безъ всякой задержки; ослушники этого предписанія будутъ отстранены отъ церковнослуженія. [20]). Въ 1180 г. папа Александръ III, по жалобѣ какого-то клерика, предписываетъ Лаврентіевскому

---

[20]) c. X l. 5 tit 19 (Decretal. Gregor. IX liber V tit. 19 cap. I).

аббатству безпрепятственно и немедленно возвратить заложенную послѣднему землю отца этого клерика, если полученные съ нея доходы покрыли уже долгъ [21]). Папа Иннокентій III даетъ такого же рода предписаніе директору фортинскаго ломбарда (Monte Fortino). Дѣло идетъ о заложенномъ имѣніи, которое въ качествѣ залога перешло къ наслѣдникамъ кредитора, а ими перезаложено другимъ. Сынъ залогодателя подалъ папѣ просьбу о возвращеніи ему, просителю, залога безмездно въ виду того, что залогодержатели во все промежуточное время между моментомъ установленія залога и моментомъ подачи означенной просьбы пользовались доходами съ помянутаго имѣнія, общая сумма коихъ покрыла сумму долга. Папа признаетъ доводы истца основательными и согласными съ каноническими правилами, и по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла усмотрѣвъ, что само имѣніе уже погасило долгъ со всѣми его приращеніями, предписываетъ возвратить истцу заложенное имѣніе и ввести его въ фактическое владѣніе послѣднимъ чрезъ папскаго нунція [22]). Тотъ же папа еще рѣшительнѣе подтверждаетъ запрещеніе взиманія какого бы то ни было лишка противъ даннаго въ займы, дѣлая отсюда исключеніе въ пользу обѣщаннаго приданаго. Поводомъ къ такому опредѣленію послужило то, что какой-то тесть обѣщалъ своему зятю опредѣленную сумму денегъ въ видѣ приданаго, и въ обезпеченіе исправнаго исполненія этого обѣщанія заложилъ ему свое имѣніе. Нужно полагать, что тесть требовалъ возвращенія залога на томъ основаніи, что зять при посредствѣ доходовъ съ послѣдняго уже получилъ обѣщанное. Разрѣшая это требованіе, папа высказывается противъ истца, такъ какъ часто доходовъ приданаго имущества не хватаетъ на покрытіе издержекъ брачной жизни (quum frequenter dotis fructus non sufficiant ad onera matrimonii supportanda) [23]).

§ 8.

Разъ утвердившись на мнимо христіанскомъ принципѣ, что дающій не долженъ ожидать никакихъ выгодъ отъ своего даянія, средневѣковые пастыри западной церкви, весьма естествен-

---

[21]) Тамъ же cap. VIII.
[22]) cap. VI X l. 3 tit. 21.
[23]) cap. XVI. X l. 5 tit 19.

но, должны были постараться о приложеніи его къ дѣлу; и дѣйствительно, заполучивъ юрисдикцію въ свои руки, они стали примѣнять этотъ принципъ къ отдѣльнымъ случаямъ экономическаго оборота и совершенно логическимъ путемъ превратились въ непримиримыхъ враговъ и неумолимыхъ гонителей всякаго экономическаго прогресса. Если ростовщикъ, разсуждали они, совершаетъ великій грѣхъ, получая отъ своего ближняго свыше даннаго, если онъ грубо погрѣшаетъ противъ слова Божія, то такимъ же великимъ грѣшникомъ является купецъ, тоже получающій съ покупателя свыше того, что стоитъ продаваемый ему товаръ. Но этого мало. Если ростовщики и купцы суть великіе грѣшники именно потому, что они берутъ больше, чѣмъ дали, если они въ силу этого заслуживаютъ отлученія отъ церкви и не должны жить совмѣстно съ другими христіанами, дабы своею нравственною проказою не заразить и послѣднихъ, то чѣмъ, спрашивается, лучше тотъ, кто изъ полученія выгодъ не дѣлаетъ своей профессіи, но пользуется ими для временныхъ и случайныхъ надобностей? Христосъ вѣдь не то только хотѣлъ сказать, что извлеченіе корыстныхъ выгодъ не слѣдуетъ дѣлать своимъ постояннымъ занятіемъ, но что вообще не нужно ожидать выгодъ отъ ближняго, коему оказана была денежная или иная услуга. А если такъ, то грѣшитъ противъ слова Божія не только ростовщикъ и купецъ, но и всякій христіанинъ, извлекающій изъ своихъ взаимныхъ съ ближними отношеній матеріальныя выгоды, а равно заключающій имущественныя сдѣлки ради этой выгоды; грѣховными также должны быть признаны и самыя сдѣлки, расчитанныя на такія выгоды. Въ ряду такихъ сдѣлокъ главную роль играетъ купля-продажа.

Такъ, уже въ 1173 г. папа Александръ III выражаетъ свое порицаніе сдѣлкѣ, въ которой покупатель пріобрѣтаетъ вещь съ тѣмъ, чтобъ къ извѣстному сроку уплатить за нее нѣсколько больше того, что она стоила въ моментъ покупки. «Хотя, говоритъ онъ, такого рода договоръ нельзя отнести къ разряду процентныхъ, тѣмъ не менѣе продавцы совершаютъ тутъ грѣхъ, развѣ только при заключеніи сдѣлки оставалось неизвѣстнымъ, будетъ ли купленный товаръ ко времени платежа стоить дороже или дешевле, чѣмъ въ моментъ продажи его». Вотъ почему граждане, полагаетъ онъ, хорошо поступятъ въ отношеніи къ спасенію своей души, если воздержатся отъ такихъ договоровъ,

такъ какъ всемогущій Богъ видитъ и сокровенные помыслы людей [24]). Но если папа Александръ III только порицаетъ выгодныя сдѣлки, въ тоже время не облагая ихъ никакимъ наказаніемъ, то папа Урбанъ III уже прямо признаетъ купца, продающаго свой товаръ дороже, когда платежъ имѣетъ быть учиненъ не немедленно, а по истеченіи того или другаго срока, лихоимцемъ, подлежащимъ установленнымъ для ростовщиковъ наказаніямъ и обязаннымъ возвратить по принадлежности излишне полученное. Какъ мотивъ такого своего рѣшенія, папа приводитъ извѣстное евангельское изреченіе: «date mutuum, nihil inde sperantes». «Verum, говоритъ онъ, quia, quid in his casibus (т. е. въ трехъ случаяхъ взиманія выгодъ, по поводу коихъ духовный судья спрашиваетъ у папы совѣта) tenendum sit, ex evangelio Lucae manifeste cognoscitur, in quo dicitur: «date mutuum.....».

Папа Григорій IX идетъ еще дальше и объявляетъ лихоимствомъ взиманіе платы свыше стоимости, когда эта плата имѣетъ быть получена по истеченіи извѣстнаго срока и продавцу была извѣстна цѣна, какая къ тому времени будетъ существовать. Равнымъ образомъ и тотъ, говоритъ папа, кто даетъ X солидовъ съ тѣмъ, чтобы въ другое время получить соотвѣтствующее количество зерна, вина или масла, не долженъ считаться лихоимцемъ, разъ эти предметы во время полученія ихъ будутъ стоить больше десяти солидовъ, буде заимодавецъ правдиво сомнѣвался, будутъ ли они ко времени платежа стоить дороже или дешевле. При наличности такого же сомнѣнія, продолжаетъ папа, освобождается отъ отвѣтственности и тотъ, кто продастъ сукна, зерновой хлѣбъ, вино, масло или иные товары съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока получить за нихъ больше того, что они стоили во время продажи» [26]).

---

[24]) cap. VI. X l. 5 tit 19.

[25]) cap. 10 ibid.

[26]) cap. 19 ibid. «Ille quoque, qui dat X solidos, ut alio tempore totidem sibi grani, vini, vel olei mensurae reddantur, quae licet tunc plus valeant, utrum plus vel minus solutionis tempore fuerint valiturae, verisimiliter dubitatur, non debet ex hoc usurarius reputari. Ratione huius dubii etiam excusatur, qui pannos, granum, vinum, oleum vel alias merces vendit, ut ampluis, quam tunc valeant, in certo termino recipiat pro eisdem.»

§ 9.

И такъ, всякая купля-продажа, не подходящая подъ простой обмѣнъ равноцѣнностей, объявляется папами лихоимствомъ, подлежащимъ церковной репрессіи. Купецъ въ правѣ брать за свой товаръ только то, что онъ ему самому стоитъ. Всякій лишекъ противъ этой цѣны объявляется лихвою, отбирается въ пользу покупателя и облагается наиболѣе тяжкимъ церковнымъ наказаніемъ. Такое отношеніе къ экономическому обороту настолько упрочилось и продолжалось такъ долго, что его вполнѣ раздѣляетъ еще извѣстный ученый юристъ *Сигизмундъ Скача*, жившій въ XVI столѣтіи. Въ своемъ знаменитомъ трудѣ *Tractatus de commerciis et cambio* [27]) онъ, опираясь на нѣкоторые изъ тогдашнихъ ученыхъ авторитетовъ, идетъ еще дальше названныхъ папъ. Кто покупаетъ, говоритъ онъ, хлѣбъ по цѣнѣ, установленной при завершеніи ярмарки, и обязываетъ продавца доставить этотъ хлѣбъ къ пасхѣ, тотъ заключаетъ лихвенный договоръ, ибо весьма вѣроятно, что къ этому времени хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ. Оказывается такимъ образомъ, что въ лихоимствѣ можетъ быть обвиненъ даже и такой контрагентъ, который ничѣмъ не обнаружилъ любостяжательныхъ стремленій, но коему хлѣбъ, быть-можетъ, понадобился не для торговли, а для прокормленія рабочихъ, для засѣва и т. п. потребностей. Очевидно, что только глубоко укоренившееся безпощадное отрицаніе всякихъ выгодъ отъ обоюдныхъ сдѣлокъ могло привести такой свѣтлый умъ, какъ Скача, къ этому крайнему и несомнѣнно абсурдному выводу. По воззрѣнію Скача и его тогдашнихъ единомышленниковъ, достаточно и одной достовѣрной возможности вздорожанія объекта договорнаго соглашенія ко времени исполненія послѣдняго, чтобы контрагентъ подвергся всей строгости запрещенія процентовъ и понесъ ничѣмъ имъ не заслуженное наказаніе. Проявленъ ли злой умыселъ, дѣйствительно ли сказалось стремленіе къ противозаконной наживѣ и т. п., это вопросы для того времени совершенно безразличные. Сказано въ евангеліи: «не наживайся на счетъ ближняго», и этого довольно. Въ силу какого бы мотива подобная нажива ни произошла, она преступна уже потому, что противорѣчитъ буквѣ Св. Писанія,

---

[27]) § 1 quaest. 7 pars 1 n. 31,

Вотъ при какихъ условіяхъ долженъ былъ происходить въ то время экономическій оборотъ.. Можно лишь удивляться, какъ могла торговля обнаруживать еще какіе-либо признаки жизни, когда ея первая основа, ея единственный двигатель, ея жизненный нервъ объявлены были тяжкимъ преступленіемъ, служеніемъ дьяволу и оскорбленіемъ Божества! Мыслимо ли было какое-нибудь дѣятельное передвиженіе цѣнностей, когда выгода, рождающая и развивающая это передвиженіе, объявлена бы,—ладѣломъ грѣховнымъ, а потому омерзительнымъ и порочнымъ дѣломъ, проклятымъ чуть ли не на всѣхъ семи вселенскихъ соборахъ. Если тѣмъ не менѣе торговля, вопреки такимъ колосальнымъ и ужасающимъ препятствіямъ, все-таки велась и даже развивалась, то это всецѣло нужно отнести только насчетъ изумительной энергіи, стойкости и неустрашимости тогдашнихъ торговыхъ людей, насчетъ ихъ чрезвычайной находчивости и изворотливости, съ которыми мы встрѣтимся еще при дальнѣйшемъ изложеніи.

Безпощадное преслѣдованіе процентовъ, весьма естественно, должно было породить разнообразныя попытки прикрывать ихъ дозволенными и по виду невинными сдѣлками, иначе сказать, вынудило гражданъ прибѣгать къ симулаціямъ. Въ ряду послѣднихъ довольно часто повторялась покупка съ правомъ обратной продажи, т. е. такая сдѣлка, на основаніи которой покупатель выговаривалъ себѣ право въ теченіи извѣстнаго срока продать купленное обратно продавцу, буде онъ, покупатель, того пожелаетъ. Такъ какъ такая купля-продажа по внѣшности своей ничего общаго съ процентами и прибылью на имѣла, то, конечно, и духовенство не могло ничего имѣть противъ нея. Но весьма скоро обнаружилось, что эта невинная по виду сдѣлка превращена была въ средство обходить запрещеніе взиманія злополучныхъ процентовъ. Обходъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ: заимодавецъ лишь по формѣ покупалъ у должника его вещь по цѣнѣ, равнявшейся данной въ займы суммѣ, а на самомъ дѣлѣ онъ бралъ ее у должника въ залогъ съ тѣмъ, чтобъ изъ ея доходовъ выручить данныя въ займы деньги. По истеченіи срока, назначеннаго для такого погашенія, купленная вещь обратно продавалась должнику за полцѣны, или, если сумма полученныхъ заимодавцемъ доходовъ значительно превысила сумму долга, то при обратной продажѣ этотъ лишекъ замѣнялъ покупную плату, т. е. заимодавецъ, продавая должнику вещь обратно, вмѣсто пла-

тежа ему продажной цѣны удерживалъ за собою означенный лишекъ. Такимъ же прикрытіемъ процентовъ былъ и тотъ случай, когда вещь покупалась по высокой цѣнѣ, а обратно продавалась по низкой [28]). И тамъ, и тутъ разница между цѣнами первоначальной и обратной покупки представляла собою сумму процентовъ, уплаченныхъ за полученныя въ займы деньги. Понятно само собою, что какъ только правящіе въ то время монахи разсмотрѣли, съ какою цѣлью означенныя сдѣлки совершаются, то не замедлили привлечь ихъ къ своему суду, какъ преступныя.

Тоже горячее рвеніе они проявляли и по отношенію къ другимъ сдѣлкамъ, разъ только контрагенты прикрывали ими тѣ или другія выгоды, нѣсколько напоминавшія проценты или полученіе свыше капитала. Такимъ образомъ, дѣло не остановилось на преслѣдованіи только процентовъ, но средневѣковые ревнители чистоты христіанскаго ученія, страхомъ наказанія желавшіе заставить всѣхъ мірянъ жить по слову Божію, устремили свои громы и противъ сокровенныхъ помысловъ и намѣреній

---

[28]) **Neumann** в. п. с. стр. 15. Что такого рода лихоимственные извороты дѣйствительно существовали, доказывается слѣдующими двумя случаями, разрѣшенными въ 1203 г. папою Иннокентіемъ III.

1. Въ письмѣ на имя епископа палліенскаго папа пишетъ о дошедшемъ до него, папы, слухѣ, что, когда мірянинъ P. (податель настоящаго письма) сталъ просить у M. денегъ въ займы, то этотъ M., чтобы впослѣдствіи не быть привлеченнымъ къ отвѣтственности по закону, изданному противъ лихоимцевъ (ne per canonem contra usurarios editum posset in posterum conveniri), какъ будто бы купилъ у должника его дома и оливковыя деревья, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ заключилъ лихвенный договоръ; это явствуетъ изъ того, что кредиторъ, какъ видно изъ содержанія публичнаго документа, обѣщалъ должнику возвратить ему его дома и оливковыя деревья, если по истеченіи отъ семи до девяти мѣсяцевъ онъ уплатитъ ему, кредитору, 40 унцій таренскихъ, каковая сумма едва достигаетъ половины дѣйствительной стоимости проданнаго. И такъ, въ виду того, что не слѣдуетъ покровительствовать злоупотребленію и обману кого-бы то ни было, папа поручаетъ названному епископу, если дѣло это дѣйствительно находится въ такомъ положеніи, то, не взирая на документъ, составленный вопреки закону, обнародованному противъ лихоимцевъ, заставить помянутаго M. возвратить дома и оливковыя деревья тѣмъ, кому они должны достаться по праву наслѣдованія, такъ какъ самъ должникъ, вступивъ на всеобщій путь грѣха, въ наказаніе за это утратилъ право апелляціи, какъ это предписано закономъ, обнародованнымъ противъ лихоимцевъ латеранскимъ соборомъ cap. V X lib. III tit. XVII,

контрагентовъ; во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ они тщательно разыскивали присутствіе жажды наживы и корыстнаго намѣренія, и разъ таковое находили, хотя бы въ видѣ отдаленныхъ намековъ на подобное намѣреніе, то сдѣлка признавалась лихоимственною, уничтожалась и влекла за собою церковное взысканіе

Уже оставляя сторонѣ папъ, кои, какъ мы выше видѣли, катагорически воспрещали всякое взиманіе лишка противъ уступленнаго, тотъ же взглядъ весьма убѣжденно проводился не только писателями изъ среды духовенства [29]), но и свѣтскими, доказательствомъ чему можетъ служить тотъ же Скача. Разсуждая о природѣ векселя, онъ [30]) между прочимъ говоритъ: «Хотя съ формальной стороны вексель нельзя назвать займомъ, ибо онъ есть иной договоръ; тѣмъ не менѣе его можно назвать прикрытымъ займомъ (mutuum velatum sive palliatum), ибо подъ подобнымъ займомъ разумѣется сдѣлка, по внѣшней формѣ и словесной редакціи являющаяся чѣмъ-то инымъ, чѣмъ заемъ, но по сокрытой формѣ и намѣренію контрагентовъ она представляется истиннымъ или предполагаемымъ займомъ; таковымъ

---

2. Во второмъ рѣшеніи того же папы дѣло идетъ о какихъ-то земляхъ, заложенныхъ за 23 ливра. Отвѣтчики утверждали, что земли эти не были заложены, а безъ всякихъ условій проданы, какъ это вполнѣ доказываетъ совершенный на эту продажу документъ. Противная сторона возражала, что земли не проданы, а заложены, такъ какъ къ означенной въ документѣ продажѣ присовокуплено было условіе, по коему покупателю предоставлялось право, буде по истеченіи двухъ лѣтъ купленное ему не понравится, то продавецъ обязанъ въ теченіи года взять его обратно, уплативши 26 ливровъ, считая въ томъ числѣ полученные доходы. Ипподіаконъ Ж. и каноникъ П., на разрѣшеніе коихъ это дѣло поступило, затруднились опредѣлить, имѣется ли тутъ простая купля-продажа или залогъ, а потому они письменно обратились къ папѣ съ просьбою наискорѣйше вывести ихъ изъ этого затрудненія. Отвѣчая имъ, папа, по изложеніи всѣхъ означенныхъ обстоятельствъ, объясняетъ, что хотя по формѣ тутъ имѣется простая купля-продажа, но два обстоятельства, именно то, что полученные доходы должны итти въ зачетъ платежа, и то, что сверхъ полученной суммы требуется еще уплатить 60 солидовъ, сильно заставляютъ подозрѣвать покупателя въ совершеніи преступленія лихоимства, въ особенности въ виду того, что онъ постоянно занимается процентными сдѣлками. cap. IV. X l. **3** tit. **21.**

[29]) каковы, напр., **Leonardus Lessius** (De justitia et jure) lib. 2 cap. 20 dubit 6. n. **41—46**, **Covarruvius**, Ad regulam peccatum p. **2** in principio n. *4*, **Caietanus** т. 2 opuscul. **8** q. 3 и др. (Эти ссылки заимствованы у Лессія).

[30]) § **1** quaestio 7 par. **1** n. 24.

слѣдуетъ считать всякій договоръ, по коему кто-либо за то, что онъ уплатилъ впередъ цѣну пріобрѣтаемаго, получаетъ это послѣднее по цѣнѣ ниже противъ дѣйствительной (т. е. платитъ дешевле за покупаемую вещь, если онъ производитъ платежъ до полученія покупки) и, наоборотъ, продаетъ другимъ по цѣнѣ, превышающей наивысшую истинную цѣну, если платежъ отсрочивается. А потому кто вещь, стоющую по меньшей мѣрѣ 12, покупаетъ за 10 именно потому, что уплачиваетъ эту цѣну впередъ, тотъ на самомъ дѣлѣ уплаченную цѣну отдаетъ въ заемъ, получая вмѣсто процентовъ недостающіе до настоящей цѣны 2; и наоборотъ, кто вещь, стоющую по самой высокой оцѣнкѣ 10, продаетъ за 12 именно ради того, что отсрочиваетъ платежъ цѣны, тотъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ въ займы покупателю и за этотъ заемъ получаетъ тѣ 2, коими продажная цѣна превышаетъ дѣйствительную.... «Слѣдовательно, продолжаетъ онъ далѣе (n. 25 въ кон.), подобно тому, какъ запрещеннымъ является заемъ, при коемъ ради срока взимается нѣсколько больше противъ суммы долга (accipitur ultra sortem), ибо въ этомъ случаѣ въ немъ содержатся проценты, запрещенные всякимъ т. е. (каноническимъ и свѣтскимъ) правомъ, такъ запрещеннымъ является и вексель, при коемъ ради срока взимается нѣсколько больше противъ выданной суммы».

И такъ, неуклонное и безпощадное преслѣдованіе всякой прибыли въ концѣ концовъ возымѣло то дѣйствіе, что всѣ какъ духовные, такъ и міряне увѣровали въ грѣховность процентовъ и всякихъ договорныхъ выгодъ, и даже такіе выдающіеся умы и знатоки тогдашняго права, какъ Скача, запрещеніе прибылей стали считать вполнѣ нормальнымъ и заодно съ канонистами трактовали о скрытыхъ и явныхъ процентахъ. Они, очевидно, настолько свыклись съ этимъ положеніемъ вещей, что у нихъ даже не зарождалось какого-либо сомнѣнія насчетъ правильности и соотвѣтствія съ дѣйствительными потребностями жизни мертвящаго каноническаго ученія о процентахъ; конечно, только этимъ можно объяснить, что они совершенно наивно и довѣрчиво, сами того не замѣчая, содѣйствуютъ своимъ словомъ самоувѣреннымъ и невѣжественнымъ монахамъ въ дѣлѣ фундаментальнаго разрушенія общественнаго благосостоянія и водворенія въ христіанскомъ мірѣ на долгое время застоя, примитивнаго экономическаго состоянія и полной апатіи.

§ 10.

Но насильственное навязываніе здоровой и молодой жизни противоестественныхъ стремленій должно было встрѣтить сильный, хотя и пассивный съ ея стороны отпоръ; логика обстоятельствъ и насущныя потребности должны были заговорить гораздо громче патеровъ и папъ. Подъ вліяніемъ этого-то голоса, то тамъ, то тутъ папамъ приходилось сознаваться, что они хватили черезъ край въ своихъ преслѣдованіяхъ, что они выбрали для себя черезмѣрно прямолинейное направленіе и что необходимо мѣстами сворачивать съ прямого пути, дабы дать мѣсто фактамъ жизни, ни подъ какимъ видомъ не могущей примириться съ безусловнымъ отрицаніемъ всякой лихвы. Странность и ненормальность создаваемаго духовенствомъ порядка земной жизни, имѣвшей цѣлью изображать собою царство небесное на землѣ, на самомъ себѣ почувствовало между прочимъ и само духовенство: безпощадно преслѣдуя мірянъ за ихъ склонность давать преобладеніе заботамъ о своемъ земномъ существованіи, оно изъ собственнаго опыта скоро должно было убѣдиться въ несоотвѣтствіи безусловнаго запрещенія лихвы человѣческой природѣ; вѣдь и оно, вопреки своему обѣту нестяжанія, обладая громадными богатствами, для поддержанія и увеличенія послѣднихъ вынуждено было вступать съ своими же духовными и мірянами въ различнаго рода сдѣлки, изъ коихъ не мало было и лихвенныхъ; вѣдь и ему не разъ приходилось таиться отъ своихъ же собственныхъ правилъ. Необходимо было, стало быть, уступить хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ. И вотъ начинается рядъ изъятій отъ запрещенія лихоимства.

Такъ, въ 1206 г. папа Иннокентій III въ одномъ изъ своихъ декретовъ между прочимъ постановляетъ, что если господинъ пріймetъ отъ вассала его феодъ въ залогъ, то получаемые съ такого имѣнія доходы можетъ удерживать въ свою пользу, не зачитывая въ погашеніе капитальнаго долга, но за то обязанъ на все то время, пока онъ такимъ образомъ получаетъ доходы, освободить вассала отъ всѣхъ лежащихъ на немъ повинностей за полученный имъ феодъ [31]). На это право не зачи

---

[31]) cap. IX l. III tit. XIX. «Insinuatione tibi praesentium declaramus, quod gageria, quam de feudo ecclesiae tuae ab. M. dignosceris recepisse... a te potest libere detineri, fructibus non computatis in sortem, ita videlicet

тывать проценты въ капиталъ еще раньше, именно въ 1176 г. намекаетъ папа Александръ III въ вышеприведенномъ декретѣ на имя аббатства св. Лаврентія [32]). Предписывая возвратить безъ всякихъ отлагательствъ полученную въ залогъ землю, если полученными съ нея доходами уже погашена капитальная сумма долга, папа прибавляетъ: «nisi forte terra ipsa de feudo sit monasterii vestri» (развѣ бы эта земля состояла феодомъ вашего монастыря). Эта прибавка, безъ болѣе подробнаго объясненія ея, прямо указываетъ на то, что право взимать съ заложенныхъ феодовъ доходы безъ зачета ихъ въ погашеніе капитальнаго долга существовало уже давно.

Вторымъ исключеніемъ изъ общаго правила можно назвать тотъ случай, когда зять получалъ залогъ, обезпечивающій обѣщаніе тестя дать опредѣленное приданое. Тутъ зачитывать доходы въ погашеніе капитала, полагаетъ папа Иннокентій III, зять не обязанъ, такъ какъ часто доходовъ приданаго на покрытіе семейныхъ расходовъ не хватаетъ [33]).

Къ категоріи исключеній долженъ быть причисленъ, въ третьихъ, тотъ случай, когда купецъ продаетъ свой товаръ въ кредитъ свыше той цѣны, за какую онъ этотъ товаръ самъ пріобрѣлъ или какая на него существовала въ моментъ продажи, но дѣлаетъ это не ради полученія вознагражденія за кредитъ, а ради того, что онъ собственно не имѣлъ желанія продать, а побудилъ его къ тому покупатель, или что въ моментъ продажи неизвѣстно было, какая будетъ цѣна на проданный товаръ въ моментъ платежа [34]). Проценты разрѣшалось брать, въ четвертыхъ, и въ томъ случаѣ, когда деньги давались въ займы тому, кто моремъ или сухимъ путемъ отправлялся на ярмарку [35]),

---

ut, quamdiu fructus illos perceperis in sortem minime computandos, idem M. a servitio, in quo tibi et eccelesiae tuae pro feudo ipso tenetur, interim sit immunis».

[32]) cap. 8 X l. V tit. XIX.

[33]) cap. XVI, X ib. «Sane generum ad fructus possessionum, quae sibi a socero sunt pro numerata dote pignori obligatae, computandos in sortem non credimus compellendum, quum frequenter dotis fructus non sufficiant ad onera matrimonii supportanda».

[34]) **Neumann** в. п. с. стр. 17,

[35]) Это исключеніе ведетъ свое начало отъ декрета Григорія IX, декрета, помѣщеннаго въ Corpus iuris canonici подъ cap. 19, X lib. tit. XIX.

такъ какъ тутъ кредиторъ не ограничивался уступкою извѣстной суммы денегъ, но принималъ на себя еще рискъ утраты этой суммы въ пути. Въ этомъ случаѣ заимодавецъ имѣлъ право требовать обратно должную ему сумму лишь тогда, когда она благополучно достигнетъ мѣста своего назначенія; иначе право его прекращалось. Этотъ-то рискъ представлялъ собою тоже извѣстную цѣнность, предоставляемую кредиторомъ должнику; а потому послѣдній обязанъ былъ возмѣстить ее; возмездіе это и въ прежнее, и въ новое время не нашло себѣ инаго выраженія, кромѣ платежа опредѣленнаго размѣра процентовъ.

Въ качествѣ пятаго исключенія можно указать еще на тотъ случай, когда поручитель по винѣ главнаго должника понесъ тѣ или другіе убытки. Случай этотъ папа Луцій III въ 1180 г. разрѣшилъ слѣдующимъ образомъ: Какой-то магистръ С. жаловался папѣ, что во время Латеранскаго собора онъ за какого-то тоже магистра П. поручился въ платежѣ опредѣленной суммы денегъ. Такъ какъ главный должникъ П. доселѣ не

Мѣсто это возбудило среди канонистовъ и писателей прежняго времени много горячихъ споровъ, благодаря неясности его редакціи. (См. **Neumann** в. п. с. стр. 17, 18 и 19 прим. 1). «Naviganti vel eunti ad nundinas certam mutuans pecuniae quanitatem, pro eo, quod suscipit in se periculum, recepturus aliquid ultra sortem, usurarius est censendus». Буквальный смыслъ этихъ словъ говоритъ за то, что папа признаетъ ростовщикомъ и того, кто давая отправляющемуся на ярмарку моремъ или сухимъ путемъ, беретъ съ него за это нѣчто свыше даннаго ему капитала. Но если ближе вникнуть въ содержаніе привиденнаго мѣста, то прійдется согласиться съ тѣми писателями, кои признаютъ, что предъ послѣднимъ словомъ пропущенъ союзъ non est (censendus). Вѣроятность такого пропуска доказывается словами: **pro eo, quod suscipit in se periculum**, кои совершенно не вяжутся съ заключительными словами, ибо нельзя предположить, что папа желалъ запретить, да еще подъ страхомъ наказанія, принимать на себя чужой рискъ. Въ пользу того, что foenus nauticum, который тутъ, собственно, и разумѣется, объявленъ былъ въ приведенномъ мѣстѣ изъятымъ отъ запрещенія процентовъ, говоритъ еще то, что во второй половинѣ того же мѣста употреблено слово quoque относительно того кредитора, который во время совершенія займа не зналъ, что будутъ стоить вещи въ тотъ моментъ, когда они будутъ доставлены для погашенія займа. Такого заимодавца папа лихоимцемъ не считаетъ. Такъ какъ, начиная говорить объ этомъ случаѣ, папа употребляетъ слово quoque, то отсюда ясно, что онъ обсуждаетъ совершенно одинаково какъ первый, такъ и второй случай и что, слѣдовательно, онъ не считаетъ лихоимцемъ ни перваго, ни втораго изъ названныхъ кредиторовъ,

уплатилъ, то онъ, поручитель, подвергся многочисленнымъ непріятностямъ со стороны болоньскихъ кредиторовъ и, сверхъ того, первоначальный долгъ, благодаря неаккуратности должника, сильно возросъ. Въ виду этого папа предписываетъ архіепископу, буде все изложенное подтвердится, то, дабы тотъ, кто заслуживаетъ благодарности, не подвергся наказанію (*ne qui gratiam meruit, poenam sustineat*), отложивъ въ сторону всякое снисхожденіе и страхъ, безъ всякаго замедленія заставить названнаго должника совершенно освободить поручителя отъ поручительства. [36]). Затѣмъ папа даетъ подробную инструкцію, какъ поступить въ томъ случаѣ, когда должникъ станетъ отвергать требованія поручителя.

Такимъ образомъ на должника возлагается тутъ обязанность освободить поручителя не только отъ главнаго долга, но и отъ всѣхъ приращеній къ нему (accessiones), подъ коими, какъ показываютъ слова *antiquum debitum plurimum augmentum*, несомнѣнно разумѣются и проценты. Тотъ же папа даетъ въ главныхъ чертахъ вполнѣ сходное предписаніе по иному дѣлу[37]). Какой-то клерикъ подалъ папѣ прошеніе, въ коемъ объяснилъ, что поручился за двухъ лондонскихъ клериковъ предъ болоньскими купцами, въ суммѣ шести марокъ серебра за одного изъ этихъ клериковъ, въ суммѣ семи за другаго. Одинъ изъ нихъ подкрѣпилъ свое обязательство своею честью, а другой присягою. Такъ какъ оба они названнымъ кредиторамъ не заплатили, то онъ, проситель, согласно состоявшемуся на этотъ счетъ соглашенію, долженъ былъ уплатить вмѣсто нихъ. Изложивъ эти обстоятельства, папа пишетъ далѣе: «дабы означенный R. (поручитель) не понесъ убытка въ то время, какъ онъ заслуживаетъ награды, то мы поручаемъ досточтимому брату нашему I., болоньскому епископу, разсмотрѣть имѣющіеся въ рукахъ кредиторовъ письменные документы о названномъ долгѣ, снять съ нихъ копіи и, приложивши къ послѣднимъ свою печать, немедленно переслать ихъ къ вамъ (т. е. монахамъ, проводившимъ разбирательство этого дѣла). И такъ, мы поручаемъ вашему усмотрѣнію и предписываемъ, если такое положеніе дѣла подтвердится собственнымъ сознаніемъ помянутыхъ клериковъ

---

[36]) cap. III X lib. III tit. XXII.
[37]) cap. II ibid.

(должниковъ) или инымъ законнымъ способомъ, уговорить ихъ, должниковъ, безъ всякихъ отлагательствъ возмѣстить означенному R уплаченныя имъ за нихъ деньги; иначе властью, данною вамъ апостолами, заставьте уплатить вышепрописанный долгъ изъ доходовъ должниковъ, возмѣстивъ (resarciri) оттуда же поручителю понесенные имъ по винѣ послѣднихъ убытки, или предоставьте ему свободно удерживать за собою означенные доходы до тѣхъ поръ, пока убытки не будутъ покрыты и долгъ не будетъ уплаченъ *сполна*. Вышереченныхъ же клериковъ, буде они окажутся нарушившими свое честное слово и присягу, вы, не допуская апелляціи, отрѣшите отъ должности и доходовъ съ нея».

§ *11.*

И такъ, всѣ вышеприведенныя папскія рѣшенія прямо доказываютъ, что требованія элементарной справедливости и логика дѣйствительной жизни успѣли-таки пробить брешь въ повидимому несокрушимой твердынѣ каноническаго ученія о лихоимствѣ. Справедливо замѣчаетъ Нейманъ [38]), что, хотя въ означенныхъ рѣшеніяхъ прямо о процентахъ не упоминается, но они тѣмъ не менѣе нанесли тяжкій ударъ непоколебимости прежняго ученія, будто отъ денегъ рождаться деньги не могутъ (*pecunia pacuniam parere nequit*), видоизмѣнивъ этотъ принципъ въ томъ смыслѣ, что деньги не могутъ рождать деньги сами по себѣ, но въ связи съ человѣческимъ трудомъ могутъ. Такъ Скача [39]), вообще не дерзающій еще сомнѣваться въ правильности положенія, что изъ денегъ деньги не родятся, и очевидно принимающій его на вѣру, открыто уже провозглашаетъ, что «pecunia, juncta cum hominis operatione, potest pecuniam parere», въ подтвержденіе этого онъ ссылается на евангеліе отъ Матвѣя (25 гл. стихи 14 и сл.), гдѣ говорится о талантахъ, данныхъ господиномъ своимъ слугамъ. Здѣсь Искупитель нашъ, утверждаетъ Скача, въ метафорической формѣ выразилъ требованіе, чтобы всякое даяніе божее не оставалось подъ спудомъ, а шло бы на душевное благо себѣ и ближнимъ. А потому и деньги, хотя и не сами по себѣ, но будучи превращены въ какой-либо дозволенный и пло-

---

[38]) R. n. c. стр. 20 и 21.

[39]) § 1 quaest. VII par. 1 n. 69; ср. также § 1 qu. 1 n. n 172 и. сл.

доносный контрактъ, могутъ вполнѣ законно рождать плоды и прибыли. Такъ, если мы покупаемъ дома, поля и луга, кои потомъ отдаемъ въ наемъ, то изъ денегъ рождаются деньги, ибо чрезъ нихъ мы пріобрѣтаемъ вещи, дающія плоды. Тоже самое мы видимъ въ природѣ; «безъ всякаго съ нашей стороны труда она производитъ то, что проглоченная нами пища, пока она остается въ желудкѣ въ сыромъ видѣ, обременяетъ насъ; но когда она становится иною, т. е. переваривается, то она переходитъ въ наши соки и кровь» (слова Сенеки). Такъ и деньги, разсматриваемыя сами по себѣ, не могутъ порождать выгодъ, а потому и простой заемъ не можетъ производить таковыхъ, ибо онъ есть контрактъ сухой и безплодный (infrugiferus et siccus); но, когда они превращаются въ договоръ плодородный, то доходъ рождается тутъ уже не изъ денегъ, а изъ этого договора. Мы уже видѣли, продолжаетъ онъ, что зерновый хлѣбъ тоже можетъ быть предметомъ займа, а потому кредиторъ не долженъ получать обратно больше того количества, какое онъ далъ; такой хлѣбъ самъ изъ себя тоже не рождаетъ другаго хлѣба; но если въ подходящее время посѣять его на хорошо унавоженной землѣ, то онъ уродитъ»....

Эти воззрѣнія, во многихъ мѣстахъ высказываемыя и подробно развиваемыя Скачею, будучи сопоставлены съ вышеизложенными изъятіями отъ запрещенія взиманія процентовъ, являются только дальнѣйшими шагами на томъ же пути, на который вступили сами папы, устанавливая помянутыя исключенія. Если взиманіе ultra sortem въ однихъ случаяхъ перестаетъ быть нарушеніемъ заповѣданной намъ божественнымъ Искупителемъ безпредѣльной любви къ ближнему, то почему же нельзя того же сказать о другихъ случахъ, по природѣ своей вполнѣ сходныхъ съ первыми, но отличающіеся отъ нихъ лишь формою и названіемъ? Почему не подвести сюда и случаевъ сродныхъ? Разъ сами папы мотивируютъ свои изъятія, забывая о своемъ собственномъ прежнемъ толкованіи св. Писанія, не допускающемъ будто бы никакихъ изъятій въ дѣлѣ запрещенія роста и прибыли, то вѣдь этимъ они уполномочиваютъ и другихъ дѣлать тоже самое; а потому, буде имѣются достаточные и убѣдительные мотивы, можно расширить число предложенныхъ папами изъятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ обратить и самый, тягостный для жизни, принципъ въ мертвую букву. На этотъ-то путь и вступили писатели изъ

мірянъ, примѣромъ чего можетъ служить тотъ же Скача. «Не только, говоритъ онъ тамъ же, деньги, превращенныя въ плодоносный договоръ, рождаютъ выгоду, но къ тому же результату приводятъ и деньги, только предназначенныя для торговли или плодоноснаго договора, ибо, если они по винѣ или просрочкѣ должника не даютъ дохода, то самъ должникъ отвѣчаетъ за то количество доходовъ, которые они могли бы дать, а слѣдовательно, и за lucrum cessans. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, когда деньги превращаются въ вексель, который и по закону и по обычаю плодоносенъ, то въ этомъ случаѣ они могутъ рождать выгоду и деньги, ибо то и другое рождается тутъ не столько изъ денегъ, сколько изъ вексельнаго договора».

Но и сами папы, разъ допустивши отступленія отъ прямолинейнаго каноническаго ученія о процентахъ и прибыли, не могли уже остановиться на своихъ первоначальныхъ изъятіяхъ, а вынуждены были подчиниться требованіямъ здравой логики и пойдти по пути уступокъ еще дальше. Если должникъ обязанъ возмѣстить поручителю всѣ потери, понесенныя послѣднимъ по его, должника винѣ, такъ какъ иначе, по признанію самого папы, поручитель за свое одолженіе, заслуживающее всяческой похвалы, понесъ бы довольно тяжкое и не заслуженное имущественное наказаніе, то почему же заимодавецъ, предоставленіемъ должнику извѣстной суммы денегъ или заступаемыхъ предметовъ оказывающій ему тоже похвальную услугу, обязанъ нести весьма чувствительную имущественную утрату безъ всякой надежды и права на возмѣщеніе понесеннаго ущерба? Вѣдь по отношенію къ неисправному должнику положеніе уплатившаго поручителя и неудовлетвореннаго заимодавца совершенно одинаково: и тотъ и другой вполнѣ незаслуженно несутъ чувствительный имущественный ущербъ по винѣ должника; значитъ если признать право на удовлетвореніе этого ущерба за поручителемъ, то необходимо признать его и за заимодавцемъ.

И дѣйствительно, папы дѣлаютъ и этотъ шагъ. Такъ въ 1243 г. папа Григорій IX въ одномъ изъ своихъ декретовъ указываетъ четыре способа требованія судебнымъ порядкомъ болѣе должнаго (plus petitio) и въ ряду ихъ въ качествѣ третьяго случая онъ называетъ тотъ, когда кто-либо вмѣсто десяти требуетъ двадцать [40]). Этимъ папе весьма ясно указываетъ, что

[40]) Cap. unic. X lib. II tit. XI.

требованіе процентовъ и возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ кредитору неисправностью должника, отнюдь не должно быть подводимо подъ категорію наказуемыхъ лишнихъ требованій. Только то, что требуется свыше дѣйствительно должнаго, каково напр. требованіе суммы, превышающей дѣйствительно понесенную истцомъ утрату, есть plus petitio. Но дѣлая столь существенныя уступки запросамъ жизни, сказавшимся, между прочимъ, во взаимныхъ имущественныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ и монашескихъ орденовъ, папы и ихъ литературные приспѣшники всячески избѣгали называть вещи ихъ настоящимъ именемъ. Проценты въ буквальномъ смыслѣ слова по прежнему объявляются дѣломъ запретнымъ, противнымъ чистотѣ христіанскаго ученія и оскорбляющимъ преподанное намъ Христомъ чувство любви къ ближнему; а потому разрѣшеніе взиманія ихъ даже судебнымъ порядкомъ было бы слишкомъ рѣзкимъ противорѣчіемъ означенному запрещенію; оно слишкомъ наглядно выдавало бы всю несостоятельность, всю безсмыслицу и безплодность прежняго безпощаднаго преслѣдованія всякой лихвы, преслѣдованія, совершавшагося прямо по иниціативѣ, съ благословенія и разрѣшенія самихъ римскихъ папъ. А потому для сохраненія престижа и нравственнаго авторитета тѣхъ же папъ необходимо было замаскировать дѣло, или иначе, дать ему другую кличку. Съ этою цѣлью, когда рѣчь идетъ о требуемыхъ сторонами процентахъ, этимъ послѣднимъ даютъ названіе lucrum cessans, причемъ писатели-канонисты различными искусственными доводами стараются убѣдить мірянъ, что lucrum cessans и проценты суть два различныя понятія и что вознагражденіе убытковъ не есть взиманіе лихвы, ибо взыскатель тутъ требуетъ только то, что онъ далъ или израсходовалъ въ пользу должника [41]).

---

[41]) Такъ Лессій (ib. lib. 2 cap. 20 dubit. 10 и 11) заодно съ другими цитируемыми имъ писателями пресеріозно учитъ, что подъ **damnum emergens** подойдетъ и тотъ случай, когда кредиторъ вслѣдствіе mora должника вынужденъ взять въ займы за вознагражденіе. Затѣмъ въ dubitatio **11** онъ весьма тщательно подбираетъ резоны въ пользу оправданія предварительнаго соглашенія насчетъ будущаго вознагражденія за **lucrum cessans.** О томъ же предметѣ довольно подробно трактуетъ и **Scaccia** § 1. qu. 7 p. 2 ampl. 8 un. 182, 183, 273 и сл., допускающій право требовать вознагражденіе за damnum emergens, но не за lucrum cessans.

§ 12.

Итакъ, вѣковая упорная борьба духовенства съ обыденною жизнью и ея безыскусственною, нехитрою логикой привела къ побѣдѣ послѣдней надъ первою. Вооруженное пламеннымъ рвеніемъ, слѣпою вѣрою, увлекательною рѣчью, діалектикою, грузною ученностью и несокрушимымъ авторитетомъ, духовенство выступило на борьбу противъ только-что зародившейся, безоружной, робкой и слабой практической жизни или иначе гражданскаго оборота. Эти два борца, одинъ во всеоружіи своего могущества и въ сознаніи своего высокаго призванія, а другой—слабый, едва замѣтный и едва стоящій на ногахъ, еще даже не вполнѣ осмысливши свои потребности, очутились другъ противъ друга, какъ Голіафъ и Давидъ. Повидимому великанъ—духовенство долженъ былъ побѣдить карлика—зачинавшуюся практическую жизнь И дѣйствительно, первоначально духовенство, ухватившись за евангельское изреченіе: «въ займы давайте и ничего отъ того не ожидайте», со всѣмъ пыломъ и энергіею, свойственными исповѣдникамъ юной, недавно зародившейся религіи, накинулось на обхватившую уже почи всю Европу христіанскую общину, требуя отъ нея высокаго этическаго совершенства, забвенія своихъ интересовъ, своей чувственной человѣческой природы, своего я ради служенія ближнему. Человѣчество во исполненіе предписаній церкви должно было отрѣшиться отъ интересовъ земной жизни, подавить въ себѣ всѣ естественныя побужденія и стремленія своей чувственной природы и беззавѣтно отдаться одной цѣли—достиженію царства небеснаго, уготованнаго, по ученію самого Божественнаго учителя, очень немногимъ, сознающимъ въ себѣ достаточно нравственной силы для выполненія всѣхъ условій, предложенныхъ Іис. Христомъ въ нагорной проповѣди. Слабая, едва ставшая на ноги практическая жизнь, само собою понятно, не въ состояніи была оказать никакого активнаго сопротивленія преувеличеннымъ требованіямъ западныхъ служителей алтаря. Ей пришлось притаиться и принять на себя образъ безропотнаго исполнителя нравственныхъ предписаній и указаній ея духовныхъ пастырей.

Съ своей стороны и западная церковь, сознавая свое доминирующее положеніе и встрѣчая на своемъ пути лишь одно безусловное повиновеніе наряду съ весьма слабыми проблесками

иной жизни, стала дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе и свободнѣе: отъ первоначальнаго запрещенія процентовъ она перешла къ запрещенію всякой прибыли, пріобрѣтаемой путемъ сдѣлокъ между частными лицами. Все, что частное лицо получало отъ другаго частнаго лица свыше дѣйствительной стоимости уступленнаго, все, что напоминало прибыль, полученную не отъ примѣненія физической силы къ неодушевленной природѣ и не въ видѣ платы за личный и имущественный наемъ, все это объявлено было лихвою, дѣломъ, не достойнымъ истиннаго христіанина, все это предавалось проклятію и наказывалось отлученіемъ отъ церкви. Правда, такія послѣдствія лихвы церковь первоначально примѣняла только къ лицамъ духовнымъ, а относительно мірянъ ограничивалась голымъ порицаніемъ. Но съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе расширяя свои полномочія и привлекая къ своему суду совѣсти за дѣянія не только духовнаго, но и свѣтскаго характера, она распространила тѣ же послѣдствія и на мірянъ. Такимъ образомъ магическій кругъ, первоначально обхватившій было нѣкоторыя имущественныя отношенія частныхъ лицъ, мало по малу расширялся и подъ конецъ обнялъ собою почти всю тогдашнюю имущественную сферу, простирая свое мертвящее вліяніе на всякія проявленія духа стяжанія.

Если бы западному духовенству удалось безпрепятственно продолжить этотъ путь далѣе, еслибъ оно съ теченіемъ времени, при проведеніи своего этическаго начала, отрицающаго всякую прибыль, не натыкалось на постоянное противодѣйствіе матеріальныхъ интересовъ не только мірянъ, но и самихъ духовныхъ учрежденій и лицъ, то христіанскій міръ неминуемо долженъ былъ бы впасть въ апатію и пребывать въ застоѣ, онъ до нашихъ дней, быть можетъ, продолжалъ бы коснѣть въ невѣжествѣ и ограничиваться первобытнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, удовлетворяя своимъ лишь самымъ элементарнымъ потребностямъ. Словомъ, его постигла бы та же плачевная участь, какая доселѣ продолжаетъ тяготѣть надъ міромъ мусульманъ и другихъ иновѣрныхъ восточныхъ народовъ, гдѣ преобладаніе духовенства и его всепроникающее вліяніе наложили на всю общественную и частную жизнь печать замкнутости, затворничества, неподвижности, застоя и фатализма.

Къ счастью, практическія нужды и самою природою вло-

женное въ человѣка стремленіе къ улучшенію своего существованія побѣдили могущественную агитацію западнаго духовенства, стремившагося создать особый строй въ этой жизни, желавшаго насильственно насадить такой общественный порядокъ на землѣ, который евангеліемъ рекомендуется, но отнюдь не навязывается отдѣльнымъ лицамъ. Гонимая и тѣснимая обыденная жизнь сначала оказалась слишкомъ слабою, чтобы проявить какое-либо открытое противодѣйствіе столь могущественному противнику, какъ духовенство. Но по мѣрѣ того, какъ она входила въ силу, по мѣрѣ того, какъ ея нужды выяснялись и требовали себѣ удовлетворенія, она начала искать выхода изъ своего неестественнаго положенія. Прямо и открыто выступать противъ своего противника она была еще не въ силахъ, ибо власть и могущество этого противника были еще слишкомъ велики; а потому приходилось дѣйствовать окольнымъ путемъ, прибѣгать къ различнымъ увертkамъ и обходамъ и, по виду соблюдая каноническія правила, на самомъ дѣлѣ давать удовлетвореніе наиболѣе насущнымъ потребностямъ тогдашняго общества. Гнетъ и преслѣдованія повсюду и всегда заставляютъ угнетаемаго и преслѣдуемаго изощрять свой умъ въ пріисканіи средствъ ко введенію въ заблужденіе угнетателя. Тоже было и въ началѣ среднихъ вѣковъ, во время самаго сильнаго разцвѣта власти духовенства: почти параллельно съ постепеннымъ усиленіемъ преслѣдованія процентовъ и всякой лихвы возникали и развивались разнообразныя сдѣлки, кои, прикрываясь личиною простаго обмѣна равноцѣнностей, преслѣдовали лихвенныя цѣли. Практическая жизнь либо сама создавала такія сдѣлки, либо пользовалась сдѣлками уже существующими и объявленными законными.

Западное духовенство терпѣливо относилось къ подобнымъ симуляціямъ, пока не замѣчало ихъ дѣйствительной цѣли. Тутъ начиналось преслѣдованіе, утрачивавшее свой острый характеръ по мѣрѣ того, какъ эти, съ канонической точки зрѣнія, зло и порча упрочивались настолько, что дѣлались общимъ явленіемъ, бороться съ коимъ становилось уже совершенно невозможнымъ. Когда такимъ образомъ угрозы церковными карами перестали пугать и удручающимъ образомъ дѣйствовать на мірянъ, то церкви оставалось только или признать себя побѣжденною и отказаться отъ своего вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, или для

сохраненія своего престижа и нравственнаго и юридическаго авторитета измѣнить свой взглядъ и признать дозволеннымъ то, что прежде ею самою считалось преступленіемъ. Она выбрала этотъ послѣдній путь. Много способствовало такому обороту дѣлъ еще то обстоятельство, что само духовенство, постепенно накопляя въ своихъ рукахъ громадныя богатства, стало наиболѣе крупнымъ и вліятельнымъ собственникомъ, сильнѣе другихъ ощущавшимъ на себѣ всѣ неудобства имъ самимъ созданнаго ученія о лихоимствѣ. Отсюда, конечно, понятно, что оно первое и должно было оказать весьма ощутительное давленіе въ смыслѣ смягченія суровости преслѣдованія лихоимства и разрѣшенія различныхъ лихвенныхъ сдѣлокъ, лишь прикрытыхъ дозволенною формой и кличкой.

Характеристика этой губительной для гражданскаго оборота догмы явится далеко неполною, если не будетъ указано ея вліяніе на положительное законодательство.

§ 13.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ произвольно созданный религіозный догматъ могъ на цѣлые вѣка задержать развитіе чисто свѣтскаго оборота цѣнностей и сковать послѣдній столь прочно, что понадобились крайнія натуги, чрезвычайныя усилія и продолжительная и упорная внутренняя борьба, чтобъ освободить его изъ крѣпко державшихъ его монашескихъ тисковъ. Но если прослѣдить хоть въ бѣгломъ очеркѣ связь событій отъ начала среднихъ вѣковъ, то явленіе это станетъ совершенно понятнымъ. Прежде всего необходимо припомнить, что на арену всемірной исторіи въ это время выступили двѣ совершенно неравныя силы, хотя и не противоборствовавшія, но дѣйствовавшія рядомъ: съ одной стороны духовенство, въ высшей степени дисциплинированное, проникнутое одними и тѣми же нравственными и религіозными началами, сплоченное въ одно тѣло служеніемъ одному и тому же главѣ, именно римскому папѣ, и безропотно ему повиновавшееся, вооруженное знаніями, эрудиціею, страстною энергіею и неодолимымъ упорствомъ и устойчивостью въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, съ другой—свѣтская власть, стоявшая еще на низкой ступени умственнаго развитія, неустойчивая, разчлененная, лишенная всякаго историческаго и практическаго

опыта и настолько слабая, что безъ посторонней помощи не способна была поддерживать свое существованіе. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ верхъ должно было получить духовенство; оно должно было затмить, подавить и поработить себѣ свѣткую власть. Если въ наше время, при крѣпкой, устойчивой, прекрасно организованной и могущественной государственной власти, всегда готовой своею несокрушимою силой подавлять и устранять съ своего пути всякое противодѣйствіе, если теперь истина и знанія въ концѣ концовъ всегда одерживаютъ верхъ и заставляютъ государства приноровливать свой образъ дѣйствія къ требованіямъ науки и принимать въ соображеніе признанныя послѣднею общія положенія, то что сказать о началѣ среднихъ вѣковъ, когда все находилось въ состояніи броженія, когда ни о сплоченномъ и сильномъ государствѣ, ни о могущественной центральной верховной власти и рѣчи быть не могло? Едва ли нужно еще особенно пояснять, что тогдашнія правительства, едва вступившія въ возрастъ дѣтства, не высвободившіяся еще изъ пеленокъ, должны были добровольно и съ готовностью подчиниться вліянію церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ признать ея авторитетъ не только въ вопросахъ чисто церковнаго свойства, но и въ дѣлахъ свѣтскихъ, поскольку она на нихъ притязала.

Обращаясь отъ этихъ отвлеченныхъ соображеній къ дѣйствительности и заглянувъ въ исторію разсматриваемой эпохи, мы встрѣтимъ тутъ цѣлый рядъ фактовъ, какъ нельзя лучше оправдывающихъ только что выраженныя предположенія. Остановимся на Германіи и по прекрасному изслѣдованію Неймана (в. п. с. 37 — 52) постараемся намѣтить, въ общихъ чертахъ, объемъ и способы вліянія духовенства на свѣтское законодательство.

Едва полудикій франкскій король Хлодвигъ съ своею дружиною въ 496 г. принялъ христіанство, какъ западное духовенство незамедлило эксплоатировать это обстоятельство въ свою пользу. Почва для того представлялась самая благодарная. Не тронутый цивилизаціею, варварскій, дотолѣ коснѣвшій въ грубомъ язычествѣ, французскій народъ ужъ, конечно, не въ состояніи былъ оказать сколько-нибудь сознательнаго нравственнаго противодѣйствія ловкому, образованному и энергичному духовенству. Стоя на весьма низкой ступени развитія и столкнувшись въ лицѣ католическаго духовенства съ высшею культурой, ему

ничего болѣе не оставалось, какъ на первыхъ же порахъ признать надъ собою полный автаритетъ этого духовенства; ибо именно оно наставляло его въ правилахъ новой религіи, оно именно явилось для него первымъ и главнымъ истолкователемъ ея обрядовой и догматической стороны. А религія и политика у народовъ варварскихъ, еще не выработавшихъ у себя прочнаго государственнаго строя, неразрывно между собою связаны. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ западное духовенство оказалось на высотѣ своей задачи и весьма ловко сумѣло устроить свои дѣла такимъ образомъ, что дѣятельное вліяніе въ области не только религіознаго, но и свѣтскаго управленія упрочилось за нимъ на долгое время.

Прежде всего оно позаботилось о томъ, чтобы вмѣстѣ съ главнѣйшими догматами христіанства пересадить на новую почву и всю совокупность правилъ, выработанныхъ прежнею продолжительною церковною практикою и тѣмъ самымъ воплотить въ новообращенный народъ не чисто евангельское ученіе, а, если можно такъ выразиться, христіанство, пропущенное сквозь призму западнаго духовенства. Такія пересадка и прививка цѣлой искусственно построенной религіозной системы имѣли послужить прочнымъ фундаментомъ, на коемъ должна была созидаться и развиваться власть церкви надъ новоприобрѣтенною христіанскою общиною. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что варварскій франкскій народъ, не имѣвшій ровно никакого представленія о границахъ между дѣлами мірскими и духовными, вовсе незнакомый съ сколько нибудь развитымъ экономическимъ строемъ, не въ состояніи былъ предусмотрѣть и оцѣнить даже важнѣйшихъ практическихъ послѣдствій, сопряженныхъ съ пересаживаемымъ къ нему новымъ крайне сложнымъ церковнымъ механизмомъ.

Этимъ путемъ проникло сюда во всей своей дѣвственной чистотѣ и неприкосновенности и каноническое ученіе о процентахъ. Оно принято было здѣсь, какъ откровеніе свыше, и не встрѣтило никакого возраженія уже потому, что франки знакомы были лишь съ самыми первобытными сдѣлками въ ихъ наиболѣе первичной формѣ и не имѣли ни малѣйшаго представленія ни о кредитѣ, ни о капиталахъ, ни о пользованіи капиталомъ и т. п. предметахъ, присущихъ болѣе интензивному народному хозяйству. Новое ученіе о процентахъ никакого переворота въ экономическомъ быту франковъ не совершало, существовавшихъ

тутъ сдѣлокъ оно не только не уничтожало, но и не затрогивало, стало-быть, что же могли имѣть противъ означеннаго ученія люди, кои отъ него пока нисколько не страдали? Не зная болѣе усовершенствованнаго оборота цѣнностей, они должны были относиться къ запрещенію процентовъ и всякой лихвы вполнѣ безразлично. О томъ, что это запрещеніе идетъ въ разрѣзъ съ главнѣйшимъ двигателемъ экономическаго развитія, что оно является сильнѣйшимъ тормазомъ всякой предпріимчивости, что оно убиваетъ энергію человѣка въ самомъ ея зародышѣ, что оно обрекаетъ человѣчество на вѣчный застой, грубые варвары, только-что принявшіе христіанство, не могли конечно и помыслить.

Такимъ образомъ оказалось, что франки усвоили себѣ каноническое ученіе о лихвѣ и процентахъ еще до ознакомленія съ самими процентными и лихвенными сдѣлками. Мало того, ученіе это явилось сюда не въ качествѣ простаго воззрѣнія на извѣстнаго сорта имущественныя стношенія, а въ качествѣ религіознаго догмата, столь же священнаго и неприкосновеннаго, какъ догматъ о любви къ Богу и къ ближнему. Эти обстоятельства привели къ тому, что названное каноническое ученіе нашло тутъ для себя самую благодарную почву, пустило глубокіе корни и надолго упрочилось въ сознаніи массы. Отсюда оно сообщилось свѣтскому законодательству, на которое сверхъ того сильное и неотразимое вліяніе оказывало тоже духовенство. Въ только-что складывавшихся государствахъ среди младенческаго въ отношеніи умственнаго развитія населенія, конечно, невозможно было пріискать достаточный контигентъ людей, способныхъ отправлять высшія государственныя функціи. Чтобы восполнить этотъ чрезвычайно существенный пробѣлъ въ государственномъ механизмѣ, пришлось обратиться къ помощи того же духовенства: оно обладало весьма достаточными для того времени знаніями, оно знакомо было съ болѣе развитымъ соціальнымъ строемъ, оно имѣло и не малый административный опытъ. Вотъ какимъ образомъ случилось, что клерики очутились не только во главѣ народныхъ массъ, отправляя тутъ функціи главныхъ наставниковъ и руководителей народной совѣсти, но и во главѣ администраціи и законодательства, проникнувъ въ эти сферы къ качествѣ ближайшихъ, наиболѣе интимныхъ руководителей и совѣтниковъ правителей и законодателей. Съ теченіемъ времени клерики отъ этихъ подначальныхъ, хотя и чрезвычайно вліятельныхъ ролей

перешли къ самостоятельному управленію, сдѣлавшись независимыми государями и законодателями.

Удивительно ли послѣ того, что тогдашнее свѣтское законодательство всецѣло усвоило себѣ воззрѣнія монаховъ на лихвенныя сдѣлки и что помянутая каноническая догма въ цѣлостномъ видѣ успѣла проникнуть и въ капитуляріи Карла Великаго [42]). Кто осмѣлился бы противостоять ей въ виду многочисленной, компактной, дисциплинированной и воодушевленной одними и тѣми же стремленіями арміи клериковъ во всѣхъ ихъ видахъ! Да и кому было противодѣйствовать мертвящему вліянію этой арміи, когда свѣтскій и духовный мечъ заключили между собою тѣсный союзъ, обязывавшій ихъ поддерживать другъ друга во всѣхъ ихъ начинаніяхъ? [43]). Совершенно естественно потому, что означенная каноническая догма вполнѣ свободно и безъ всякой внѣшней задержки прививалась къ младенческому населенію, съ одной стороны, духовенствомъ, которое не упустило случая приложить свое стараніе къ тому, чтобъ она не осталась мертвою буквой, а возымѣло повсемѣстное дѣйствіе, а съ другой и свѣтскою властью. Въ то время, какъ епископы при-

[42]) Такъ, въ капитуляріи 789 г. въ § 5 прямо указывается, что постановленіями Никейскаго собора, папы Льва, апостольскихъ правихъ и въ завѣтѣ самого Бога всѣмъ безъ исключенія воспрещается давать что-либо подъ проценты (Item in eodem concilio, seu in decretis papae Leonis, nec non et in canonibus quae dicuntur apostolorum, sicut et in lege ipse Dominus praecipit, omnino omnibus interdictum est ad usuram aliquid dare). § 39, очевидно, подъ вліяніемъ той же канонической догмы предписываетъ получать обратно только то, что дано въ ссуду (... qui commodaverit pecuniam, pecuniam accipiat. Si spaciam aliam, eandem speciem quantum dederit accipiat). Затѣмъ въ § 81 всѣмъ безъ исключенія въ числѣ прочихъ христіанскихъ добродѣтелей рекомендуется прощать должникамъ, согласно слову Божію, ихъ долги, такъ какъ такой образъ дѣйствія открываетъ доступъ въ царствіе небесное (... et ut debitoribus suis, secundam dominicam orationem, sua debita dimittant: scientes certissime quod qui talia agunt, regnum Dei possidebant). См. Monumenta Germaniae historica, auspiciis societatis aperiendis fontibus rerum germanicarum medii aevi edidit Georgius Heinricus Pertz. Legum. Tomus I. Hannoverae 1835 стр. 55, 60 и 67.

[43]) Перечитывая многочисленныя капитуляріи Карла Великаго, можно думать, что они составлены и изданы не подъ господствомъ свѣтскаго государя и не для свѣтскихъ людей, а для монастырей. На каждомъ шагу тутъ встрѣчаешься съ самыми мелочными законоположеніями о благочестіи въ храмахъ, о жизни мірянъ согласно правиламъ церкви, о чинѣ богослуженія, объ обя-

казывали извлекать изъ капилулярій Карла В. тѣ мѣста, кои относились къ запрещенію процентовъ, и вносить ихъ въ сборники каноновъ, графы, епископы и аббаты, возвращаясь съ сеймовъ, брали эти капитуляріи съ собою для обнародованія ихъ въ своихъ владѣніяхъ въ качествѣ дѣйствующихъ законовъ; съ тою же цѣлью онѣ прочитывались въ церквахъ и судахъ, а отсутствовавшимъ на сеймахъ легатамъ разсылались копіи съ нихъ для обнародованія и наблюденія за ихъ исполненіемъ. Равнымъ образомъ подобныя же копіи развозились и распространялись по всей имперіи разъѣзжавшими по ней для того послами [44]). А такъ какъ въ этихъ законахъ заключались и опредѣленія, воспрещавшія взиманіе процентовъ, то вмѣстѣ съ капитуляріями и эти опредѣленія должны были получить повсемѣстное распространеніе; такъ что въ окончательномъ результатѣ каноническая догма о лихвенныхъ оборотахъ изъ чисто религіознаго ученія, основаннаго на истолкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ

занностяхъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, монаховъ и монахинь, о судѣ надъ колдунами, заклинателями и чернокнижниками, объ обязанностяхъ новообращенныхъ въ христіанскую вѣру и т. п. предметахъ, имѣющихъ весьма мало общаго съ свѣтскимъ законодательствомъ. Книжный латинскій языкъ и обильныя ссылки на св. Писаніе, изъ коего весьма часто приводятся дословныя положенія, прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что означенныя капитуляріи не только составлялись подъ сильнымъ и неотразимымъ вліяніемъ духовенства, сановники коего принимали непосредственное участіе въ сеймахъ тогдашняго времени, но и сочинялись и писались лицами духовными. Словомъ содержаніе названныхъ капитулярій какъ нельзя болѣе убѣждаетъ, что свѣтская власть, заключившая тѣсный союзъ съ духовною, на самомъ дѣлѣ очутилась въ подчиненіи у послѣдней и дѣлала лишь то, что указывалось ей высшими представителями духовенства. Да иначе и быть не могло: народы варварскіе и невѣжественные по необходимости подчиняются вліянію того, кто знакомитъ ихъ съ результатами высшей культуры.

[44]) Такъ, напр., въ цитированныхъ выше (прим. 42) Monumenta изд. Перца подъ капитуляріею за 804 г. (стр. 128) приводится посланіе какого-то епископа Гарибальди къ пресвитерамъ его епархіи, въ коемъ онъ увѣдомляетъ послѣднихъ, что императоръ Карлъ В. недоволенъ тѣмъ, что они по нерадѣнію и лѣни не возвѣщаютъ народу императорскихъ постановленій («ubi comperimus qui domnus noster existimat nostram esse negligentiam ut non adnunciemus populum pleniter de oratione dominica ut sciat»...). Тамъ же (стр. 135) приводится довольно длинный перечень капитулярій, по повелѣнію Карла Вел. взятыхъ съ собою какимъ-то епископомъ Ессе (Iesse) для повсемѣстнаго обнародованія. Въ капитуляріи Карла II отъ 864 г., извѣстной подъ именемъ **edictum Pistense** и подробно регулирующей

св. Писанія, превратилась въ общераспространенный и общеобязательный свѣтскій законъ.

§ 14.

Но подобно тому, какъ воздвигнутое противъ процентовъ и лихвы гоненіе почти на первыхъ же порахъ своего появленія наткнулось на тайное и довольно энергичное противодѣйствіе среди самого духовенства, обладавшаго значительными богатствами и стремившагося къ упроченію и расширенію своего могущества, между прочимъ, и экономическимъ путемъ, такъ и мірское населеніе, съ теченіемъ времени постигнувшее истинный смыслъ названной канонической догмы, никоимъ образомъ не могло помириться съ запрещеніемъ лихвы и не соглашалось въ угоду религіознымъ предразсудкамъ, при посредствѣ духовенства проникшимъ въ свѣтское законодательство, подвергнуть себя экономическому самоубійству. Оно не вправѣ и не въ состояніи было прямо отказаться отъ подчиненія воспрещенію процентовъ, ибо это значило бы навлечь на себя преслѣдованіе не только свѣтской, но и духовной власти; но чтобы доставить

монетное дѣло и многіе другіе вопросы полицейскаго свойства, во введеніи (adnuntiatio domni Karoli) § 3 предлагается епископамъ обнародовать содержащіяся тутъ постановленія въ отдѣльныхъ графствахъ чрезъ подвластныхъ епископамъ лицъ. «Quae etiam ab episcopis vel eorum ministris per singulos comitatus de eorum parochiis aperto sermone, ut ab omnibus possint intelligi, tradi volumus». Карлъ II прямо объясняетъ при этомъ, что всѣ эти постановленія послѣдовали два года назадъ и что теперь онъ за благоразсудилъ изложить ихъ въ письменной формѣ, дабы смыслъ ихъ могъ быть тверже сохраняемъ и соблюдаемъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что до изобрѣтенія книгопечатанія обнародованіе законовъ могло происходить лишь путемъ прочитыванія ихъ толпѣ народа грамотными чиновниками. А такъ какъ народъ всего чаще собирался въ церквахъ, то само собою разумѣется, такое причитываніе наиболѣе цѣлесообразно было возложить на священниковъ, какъ самыхъ грамотныхъ и самыхъ свѣдущихъ людей, способныхъ не только прочитать законъ, но и растолковать сборищу его дѣйствительный смыслъ. Понятно также само собою, что однократное прочитываніе закона, въ особенности сложнаго, не могло достаточно запечатлѣть въ памяти гражданъ его содержаніе, смыслъ и цѣль, а потому такое прочитываніе приходилось отъ времени до времени возобновлять. Таже обязанность прочитыванія возлагалась однако не на однихъ священниковъ, но и на свѣтскихъ чиновниковъ, именно графовъ, соотвѣтствовавшихъ въ извѣстной степени нынѣшнимъ губернаторамъ, ихъ адъюторовъ, легатовъ и др. подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Кромѣ обнародованія легатамъ (missi) поручалось еще

себѣ возможность удовлетворять своимъ потребностямъ между прочимъ и путемъ пріобрѣтенія выгодъ, проистекающихъ отъ взаимныхъ имущественныхъ отношеній между людьми, оно стало изыскивать средства обойдти неудобный законъ и усыпить съ этой стороны бдительность правящихъ органовъ и лицъ. Изворотливость и находчивость людей, тѣснимыхъ и угнетаемыхъ относительно ихъ самыхъ насущныхъ и самыхъ близкихъ интересовъ, обыкновенно ростетъ и развивается прямо пропорціонально силѣ гнета и преслѣдованія. Разъ имъ запрещаютъ наиболѣе подходящія средства удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, то они съумѣютъ обратить на службу послѣднихъ средства чуждыя, но дозволенныя закономъ и подъ видомъ сдѣлокъ дозволенныхъ совершать сдѣлки запрещенныя. Прогоните интересъ въ двери, онъ войдетъ въ окно. Дѣло въ томъ, что потребность улучшенія своего матеріальнаго существованія вложена въ человѣка самою природой; она есть его естественое свойство.

слѣдить за надлежащимъ исполненіемъ обнародованныхъ капитулярій. Такъ въ концѣ капитуляріи Людовика Благоч. отъ 825 г. императоръ этотъ, переименовавъ назначаемыхъ имъ легатовъ, изъ коихъ одни были епископы, а другіе графы, обращается къ нимъ съ слѣдующею инструкціею. Они обязаны въ двухъ или трехъ мѣстахъ, куда бы могли съѣхаться всѣ принадлежащіе къ ихъ округамъ, созвать сеймъ (conventum congregent) и на немъ всѣмъ присутствующимъ объявить, въ чемъ состоитъ ихъ, легатовъ, миссія, т. е. объявить, что они назначены легатами именно съ тѣмъ, что если какой-либо епископъ или графъ встрѣтитъ препятствіе къ выполненію своихъ служебныхъ обязанностей, то онъ долженъ обратиться къ нимъ, и выполнить означенныя обязанности съ ихъ помощью. Если же дѣло будетъ такого рода, что оно съ ихъ помощью совершено быть не можетъ, то они обязаны донести о семъ императору. Они обязаны далѣе указывать епископамъ или графамъ, на ихъ небрежность, буде таковая окажется въ ихъ дѣятельности, и тѣмъ ихъ исправлять, обязаны принимать и разрѣшать жалобы частныхъ лицъ на отказъ графовъ и епископовъ въ правосудіи и не разъѣзжать по своему округу, кромѣ случаевъ крайней необходимости, когда до ихъ свѣдѣнія дойдетъ, что въ ихъ округѣ случилось нѣчто такое, что непремѣнно требуетъ ихъ личнаго присутствія и безъ таковаго не можетъ быть исправлено. «Мы хотимъ, говоритъ далѣе императоръ, чтобы всѣмъ было извѣстно, что они, легаты, назначены для того, чтобы возвѣщать всѣмъ о тѣхъ постановленіяхъ (capitula), какія мы дѣлаемъ по тѣмъ или другимъ дѣламъ, и заботились объ исполненіи этихъ постановленій всѣми. И если гдѣ окажется что-либо изъ нами постановленнаго не исполненнымъ вслѣдствіе препятствія, которое ими устранено быть не можетъ, то они обязаны доносить намъ о томъ во время, дабы мы могли исправить то, чего они не въ состояніи исправить». См. Monutenta изд. Pertz ibid. стр. 246 и 247.

Главнымъ и наилучшимъ образомъ она можетъ быть удовлетворена лишь при при помощи оборота цѣнностей, доставляющаго людямъ возможность пріобрѣтать для себя тѣ или другіе лишки. Такъ какъ сама эта потребность въ принципѣ была отвергнута и зашельмована, какъ дѣло, противное преподанной намъ самимъ Богомъ любви къ ближнему, и такъ какъ всѣ сдѣлки, открыто направленныя къ удовлетворенію ея, запрещены были подъ страхомъ ихъ юридической ничтожности, то мірское населеніе, быть-можетъ, наученное опытомъ тѣхъ же духовныхъ пастырей, изъ среды коихъ вышло запрещеніе лихвы, на первыхъ порахъ воспользовалось для удовлетворенія названной насущной своей потребности извѣстными въ то время сдѣлками, самою своею природой не напоминавшими никакой лихвы. Въ ряду этихъ сдѣлокъ выдающееся и, можно сказать, главное значеніе принадлежало *векселю*.

Было бы большимъ преувеличеніемъ сказать, что вексель возникъ изъ запрещенія процентовъ. Какъ мы увидимъ ниже, его вызвала къ жизни совершенно иная комбинація обстоятельствъ, не имѣвшая ничего общаго съ канонической догмою о лихвенныхъ сдѣлкахъ; но справедливо замѣчаетъ Эндеманъ [45]), что вексель выросъ именно при господствѣ означенной догмы, будучи тогда главнымъ способомъ заключенія столь претившихъ канонистамъ возмездныхъ кредитныхъ сдѣлокъ. Стало быть, она такъ или иначе должна была отпечатлѣть на немъ свое вліяніе и дѣйствительно она измѣнила его первоначальное назначеніе настолько, что изъ средства простаго передвиженія денегъ съ мѣста на мѣсто онъ обратился въ орудіе пріобрѣтательныхъ оборотовъ. Выражаясь фигурально, она сдѣлала изъ него ханжу и аферіста, прикрывающаго свои торгашескія похожденія благочестивою внѣшностью.

---

[45]) См. его Studien стр. 79.

ГЛАВА III.

Обстоятельства, вызвавшія первоначальное появленіе векселя.

Положеніе Европы и бывшихъ провинцій Римской Имперіи послѣ ея паденія. Борьба торговли съ препятствіями, вытекавшими изъ хаотическаго состоянія тогдашняго общества: грабежи и разбои на сушѣ и на морѣ. Вліяніе германскихъ городовъ на торговлю того времени. Ганзейскій союзъ и его отношенія къ отдѣльнымъ народамъ и, въ частности, къ Россіи. Запасные капиталы въ факторіяхъ. Переводы денежныхъ суммъ съ однихъ мѣстъ въ другія.—Состояніе въ средніе вѣка монетныхъ системъ. Мѣнялы, ихъ устройство и функціи. Посредство мѣнялъ въ переводѣ папскихъ денегъ въ Римъ и Авиньонъ. Мѣняльный промыселъ въ Германіи, Франціи и Италіи. Общіе выводы. Мѣнялы, какъ источникъ и условіе развитія процентныхъ займовъ.—Ярмарки, причины ихъ возникновенія. Устройство первыхъ ярмарокъ и торговыя на нихъ операціи. Сообщаемыя Марквардомъ свѣдѣнія о торжищахъ. Происхожденіе названія биржи. Заимствованное у италіанцевъ устройство суда и администраціи на ярмаркахъ. Производство по безспорнымъ обязательствамъ. Личное задержаніе при неисполненіи торговыхъ обязательствъ. Безпошлинная торговля и иныя привилегіи ярмарокъ. Мѣры противъ пользованія ярмарочными привиллегіями внѣ ярмарокъ. Порядокъ ликвидаціи разсчетовъ на ярмаркахъ.

§ 15.

Еще выше было указано, что происхожденіемъ своимъ вексель обязанъ не генію и изобрѣтательности отдѣльныхъ лицъ или единичной націи, а всецѣло явился продуктомъ исторически сложившихся обстоятельствъ. Знакомясь съ фактами его возникновенія и дальнѣйшаго формированія, нельзя не согласиться съ Нейманомъ [46]), что тамъ, гдѣ вексель появлялся, онъ росъ и развивался естественнымъ путемъ безъ всякаго чуженаго вліянія, что онъ возникалъ тогда, когда въ немъ яв-

---

[46]) См. его Geschichte des Wechsels im Hansagebiete bis zum 17 Iahrhundert nach archivalischen Urkunden bearbeitet. Erlangen 1863 стр. 189 и 190.

лялась неотложная нужда въ области преуспѣвавшаго общаго и въ особенности торговаго оборота, вмѣстѣ съ коимъ и чрезъ который онъ прогрессировался, и что повсюду онъ принималъ однѣ и тѣже внѣшнія формы и приводилъ къ одинаковымъ юридическимъ послѣдствіямъ. Къ такому выводу привело Неймана изученіе исторіи появленія и дальнѣйшаго существованія векселя въ предѣлахъ Ганзейскаго союза. Но если это можно сказать по отношенію къ двумъ вполнѣ обособленнымъ и самостоятельнымъ торговымъ районамъ, каковы Италія и Ганза, если и въ италіанскихъ и въ ганзейскихъ городахъ одна и таже комбинація обстоятельствъ вліяла какъ на зарожденіе, такъ и на формы векселя, если эти послѣднія и тамъ и тутъ сложились вполнѣ одинаково безъ всякаго доказаннаго обоюднаго вліянія означенныхъ районовъ, то отсюда совершенно естественно заключить, что во всѣхъ странахъ, гдѣ получили бы мѣсто тѣже обстоятельства, явились бы тѣже послѣдствія подобно тому, какъ купля-продажа и мѣна сами собою возникали повсюду, гдѣ зарождались и развивались взаимныя сношенія людей и потребность удовлетворенія повседневнымъ нуждамъ практической жизни.

Но спрашивается, какія же именно нужды вызвали необходимость въ созданіи столь специфическаго средства оборота цѣнностей, какъ вексель? Чтобъ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, вспомнимъ положеніе европейскихъ обществъ послѣ нашествія варваровъ и завоеванія ими западной Римской имперіи. Весьма правдивую и яркую картину этого положенія въ немногихъ словахъ рисуетъ французскій писатель Massé [47]). «Во времена, говоритъ онъ, слѣдовавшія за паденіемъ римской имперіи, именно въ средніе вѣка, духъ разбоя, а затѣмъ духъ рыцарства наслѣдовали духу завоеванія и не менѣе его были враждебны торговлѣ и ея успѣхамъ. Въ первые вѣка послѣдовательныя нашествія варваровъ, раздѣлившихъ и растерзавшихъ между собою имперію, породили немилосердный разбой, устранившій возможность всякаго сообщенія не только между нововозникшими государствами, но и между частями одного и того же изъ этихъ государствъ: пираты хозяйничали на моряхъ, а

---

[47]) въ его солидномъ и весьма обстоятельномъ трудѣ **Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens et le droit civil**. Paris 1844 т. 1 стр. 13.

разбойники на большихъ дорогахъ. Когда съ феодализмомъ порядокъ сталъ мало по малу возрождаться, а вмѣстѣ съ нимъ возрождалась и торговля, сюзерены, пренебрегавшіе полезный трудъ, не брезгая при нуждѣ его результатами, то призывали, то изгоняли купцовъ, смотря по капризу или интересу минуты, и почти всегда облагали ихъ тяжелыми пошлинами и мытами. Эти пошлины и эти мыты были тѣмъ тягостнѣе, что не было ни одного сюзерена, который не окружилъ бы ими своихъ владѣній, находя въ нихъ вѣрный источникъ дохода въ такую эпоху, когда вся звонкая монета находилась въ рукахъ евреевъ, кои почти одни и вели тогда торговлю, перепося свои товары изъ замка въ замокъ».

И дѣйствитесьно, едва сошелъ съ исторической сцены римскій народъ съ присущими ему аттрибутами юридическаго порядка и вполнѣ сложившагося пониманія права, какъ результаты его тысячелѣтней изумительной работы на юридическомъ поприщѣ словно канули въ воду. Выработанныхъ имъ образцовыхъ условій общежитія какъ и не бывало: они запрятались въ какіе то укромныя уголки Италіи и влачили тутъ жалкое существованіе, подъ гнетомъ нахлынувшаго варварства и духа безпощаднаго разрушенія не смѣя проявить даже слабыхъ признаковъ жизни. Неустройство, хаосъ, невѣжество и грубая сила развѣяли по вѣтру всѣ плоды римской цивилизаціи, завоевали себѣ господствующее положеніе въ самомъ сердцѣ всемірной римской имперіи, и тамъ, гдѣ дотолѣ цвѣтущій порядокъ обезпечивалъ жизнь, свободу, имущество и честь каждаго гражданина, теперь властно распоряжался и безотчетно царилъ дикій варваръ, не желавшій признавать никого и ничего, кромѣ себя и сплы своего кулака. Много понадобилось времени и человѣческихъ жертвъ, много должно было исчезнуть съ лица земли цвѣтущихъ хозяйствъ и единичнаго благосостоянія прежде, чѣмъ идея соціальнаго порядка успѣла пустить хоть слабые ростки въ невоздѣланный и невоспріимчивый умъ германскаго дикаго варвара.

Но даже и въ то время, когда, къ счастью для человѣчества и для дѣла будущей цивилизаціи, германскіе народы стали сопричастны истинамъ христіанской религіи, духъ грабежа, необузданнаго своеволія и, если можно такъ выразиться, военнаго тунеядства продолжалъ еще царить надъ тогдашнимъ мирнымъ

населеніемъ и держать въ могучихъ тискахъ промышленность и торговлю того времени. Лишь мало по малу, и то весьма робко, стали проявлять свое существованіе запуганная и загнанная предпріимчивость и неразрывно связанные съ нею коммерческіе обороты. Только желѣзная воля, стальные нервы, беззавѣтная храбрость и презрѣніе къ жизни наряду съ безпредѣльною любовью къ наживѣ могли заставлять человѣка начала среднихъ вѣковъ, да даже и впослѣдствіи, отваживаться на болѣе или менѣе далекія путешествія съ предназначенными для продажи различными тюками товаровъ. Средневѣковому смѣльчаку-торговцу словно и дѣла не было, что его на каждомъ шагу сторожилъ разбойникъ-баронъ съ своею голодною, пестрою и разнузданною шайкою вассаловъ, не знавшихъ ни жалости, ни пощады, что изъ каждаго замка—этого средневѣковаго разбойничаго притона—за нимъ зорко слѣдило благородное рыцарство и спѣшило при первой же физической возможности либо ограбить у него всѣ его товары и деньги, пустивъ его самого на всѣ четыре стороны, либо захватить и то и другое вмѣстѣ съ нимъ самимъ и затѣмъ или безчеловѣчно лишить его жизни, или томить его въ заточеніи въ теченіи долгихъ лѣтъ. Не лучше, если не хуже, было положеніе морской торговли: и тутъ всецѣло хозяйничали и наводили страхъ на мирныхъ путниковъ не только профессіональные пираты, но и вѣнценосныя особы во главѣ своего военнаго флота.

А что положеніе торговаго дѣла въ то время носило именно такой безотрадный характеръ, доказательствомъ этому могутъ служить многіе факты, сказанія о коихъ сохранились для отдаленнаго потомства въ нѣкоторыхъ архивныхъ документахъ. Нужно, между прочимъ, замѣтить, что приводимые ниже факты относятся уже къ тому времени, когда торговля стала на болѣе твердую ногу и настолько усилилась, что коммерсанты получили возможность вооруженною рукой отстаивать свою свободу, жизнь и достояніе. Если въ это время отъ безсовѣстнаго и безпощаднаго сухопутнаго и морскаго грабежа не могли спасти даже сильные военные конвои, то легко себѣ представить, что было прежде, когда торговый людъ предоставленъ былъ собственнымъ силамъ и могъ разсчитывать только на свою личную удаль и свое личное присутствіе духа. Рядъ ниже излагаемыхъ фактовъ мы заимствуемъ изъ изданнаго Лаппенбергомъ сочине-

нія *Сарторіуса*, посвященнаго документальной исторіи возникновенія Ганзы [48]). Хотя факты это приводятся здѣсь съ совершенно иною цѣлью, но это не можетъ отнять у нихъ способности освѣщать эпоху и съ другой стороны.

§ *16.*

Правильное и быстрое развитіе торговли въ Германіи начинается только съ того времени, когда созданные нашествіемъ варваровъ соціальные хаосъ и сумятица стали понемногу уступать болѣе нормальному и опредѣленному положенію вещей. А этотъ поворотъ въ общественной жизни германскихъ народовъ, какъ извѣстно, начинается со времени появленія городовъ. Только здѣсь, подъ защитою окоповъ и толстыхъ стѣнъ, въ равномъ союзѣ съ своими сообщественниками, частное лицо начинаетъ легче дышать и освобождается отъ того вѣчнаго и гнетущаго страха за самого себя и свое достояніе, подъ которымъ прозябалъ земледѣлецъ и сельскій житель. Только здѣсь, въ городской обстановкѣ, при мирномъ совмѣстномъ жительствѣ, зарождается, ростетъ и крѣпнетъ естественное стремленіе человѣка къ пріобрѣтенію достатковъ и къ болѣе комфортабельному существованію. Увѣренность въ завтрашнемъ днѣ ведетъ за собою стремленіе къ бережливости, охоту и любовь къ труду, а мирный трудъ создаетъ матеріальныя богатства и благосостояніе какъ единичныхъ людей, такъ и цѣлыхъ семей и союзовъ. Окопавшіе и огородившіе себя отъ повсемѣстно и безбоязненно царившихъ грабежа и разбоя нѣмецкіе города стали быстро богатѣть и благоденствовать, возбуждая тѣмъ самымъ зависть и ненависть въ сосѣднихъ феодальныхъ баронахъ и разжигая ихъ и безъ того необузданные и ненасытные хищные инстинкты. Горожанинъ не могъ выступить за предѣлы города, чтобы не сдѣлаться добычею самовольнаго барона, который, сверхъ того, ненавидѣлъ городское населеніе именно за его стремленіе къ независимости и нежеланіе подчиниться власти окрестныхъ феодаловъ. А такъ какъ городская производительность создавала такое количество предметовъ, которое значительно превышало мѣстныя нужды горо-

---

[48]) **G. F. Sartorius** Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. Herausgegeben von I. M. Lappenberg. 2 тома Hamburg 1830.

жанъ, то совершенно естественно должно было возникнуть и развиваться стремленіе сбывать лишки жителямъ иныхъ мѣстъ за соотвѣтствующее вознагражденіе. Осуществленія этого стремленія горожанинъ могъ добиться только при помощи такой физической силы, которая въ состояніи была противостоять вооруженнымъ нападеніямъ благороднаго и великодушнаго рыцарства. Эту силу горожане находили главнымъ образомъ у самихъ себя. Вооружаясь и соединяясь въ партіи, отправлявшіяся торговыми караванами въ болѣе или менѣе отдаленныя страны, они представляли собою достаточно внушительные военные отряды, державшіе въ почтительномъ разстояніи рыцарскихъ хищниковъ. При всемъ томъ и такіе торговые караваны нерѣдко дѣлались жертвою болѣе сильнаго противника и расплачивались при этомъ, какъ уже выше было замѣчено, не только всѣмъ своимъ наличнымъ достояніемъ, но и своею личною свободой и даже самою жизнью. Такое положеніе вещей уже рано внушило нѣмецкимъ городамъ, ведшимъ торговлю съ отдаленными мѣстами и странами, мысль соединить свои силы и средства для отраженія и борьбы съ общимъ врагомъ ихъ благосостоянія. Съ этою цѣлью они стали заключать между собою союзы. Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ показываютъ сохранившіеся архивные документы, принадлежалъ двумъ нѣмецкимъ городамъ, Любеку и Гамбургу, особенно терпѣвшимъ отъ грабежей Даніи и Гольштиніи. Съ 1210 года города эти стали вступать между собою въ различныя соглашенія, разсчитанныя именно на обоюдную помощь противъ разбойничихъ нападеній означенныхъ странъ, причемъ между прочимъ опредѣлялось, какое количество денежныхъ расходовъ должны нести стороны, какіе размѣры вооруженныхъ отрядовъ и какое число кораблей, имѣющихъ ограждать торговые караваны союзниковъ отъ морскихъ разбойниковъ и общаго непріятеля, они должны выставлять [49]).

Еще категоричнѣе и подробнѣе обязанность взаимной защиты выговаривается въ договорѣ, заключенномъ между собою въ 1253 г. четырьмя старѣйшими вестфальскими городами, именно: Мюнстеромъ, Дортмундомъ, Сестомъ и Липпе. Вступая въ вѣчный союзъ (perpetua confoederatio), они между прочимъ принимаютъ на себя обязанность защищать своихъ гражданъ отъ разбойни-

[49]) См. тоже сочиненіе т. 1 стр. 19—21.

чихъ нападеній кастелановъ и ихъ господъ, а равно рыцарей, ихъ оруженосцевъ и ихъ пособниковъ. Буде гражданинъ одного изъ этихъ городовъ прибудетъ въ союзный городъ и въ виду опасности, грозящей его личности или имуществу, не рискнетъ ѣхать дальше, то жители этого города обязаны конвоировать его до тѣхъ поръ, пока не сдадутъ его подъ защиту его сограждан. Союзники обязываются ограбленное у кого-либо изъ нихъ имущество ни у кого и нигдѣ ни покупать, ни инымъ образомъ пріобрѣтать; всякій нарушитель этого условія долженъ третироваться, какъ непосредственный виновникъ грабежа и разбоя.

Сознаніе благотворности и чрезвычайной выгодности подобныхъ союзовъ весьма скоро проникло въ огромное большинство нѣмецкихъ городовъ, сдѣлавшихъ торговлю своею профессіею; и и вотъ, для противодѣйствія различнаго рода аматерамъ чужаго достоянія соединяются между собою не только вестфальскіе города, но и Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Штаде, а равно города, расположенные по сію и по ту сторону Эльбы. Въ какомъ именно году составился весь этотъ обширный союзъ, съ точностью опредѣлить, за отсутствіемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, невозможно; но сохранилось письмо отъ 1256 г., адресованное пребывавшими въ Минденѣ министеріалами и самими минденцами ихъ союзникамъ, гражданамъ Любека, Гамбурга, Штаде и другихъ городовъ по сю и ту сторону Эльбы. Этотъ въ высшей степени любопытный документъ, съ одной стороны, доказываетъ, что означенный обширный союзъ городовъ къ этому времени уже вполнѣ сложился (*honarabilibus viris amicis suis juratis*, говорится въ началѣ письма), а съ другой—что и эта грозная сила не всегда спасала союзниковъ отъ разбоя феодаловъ. Помянутые министеріалы и граждане Миндена жалуются въ этомъ письмѣ на графа Вилипа и его стольничаго (dapifer) Конрада Равенберга, которые безъ всякой съ ихъ, пишущихъ, стороны вины жестоко ихъ ограбили, нѣсколькихъ изъ нихъ убили, а остальныхъ забрали въ плѣнъ и засадили въ темницу [51]). А потому пишущіе именемъ Бога и ми-

---

[50]) Ibid. стр. 21—22.

[51]) Тоже соч. т. 1 стр. 22 и т. 2 стр. 74. «Honestati vestre conquerimus lacrimabiliter, sicut Civitatibus et Nobilibus Westfalie sumus item conquesti, quod comes de Wilipa et dominus Conradus de Rauenberg, dapifer suus, nos, nullis culpis exigentibus, spoliarunt violenter, quosdam ex nostris occidentes, alios captivatos inhumaniter carcere puniunt et affligunt».

ра (ob Dei reverenciam et pacis honorem) умоляютъ объ оказаніи имъ скорѣйшей помощи присылкою возможнаго количества вооруженныхъ конныхъ или пѣшихъ людей, дабы нарушителямъ мира съ самаго начала дать дѣйствительный отпоръ (ut viriliter pacis turbatoribus circa principium resistatur). При этомъ они присовокупляютъ, что на подобную же просьбу вестфальцы обѣщали выслать имъ ко дню, слѣдующему за предстоящимъ днемъ св. Мартына, шестьсотъ dextarios faleratos, сто пращниковъ (bolistarios) и 500 вооруженныхъ людей.

Не прекращавшіеся разбои на сушѣ и на морѣ и необходимость держаться на чужбинѣ вмѣстѣ, дабы въ случаѣ надобности дать надлежащій отпоръ хищнымъ, безцеремоннымъ и грубымъ посягательствамъ туземнаго населенія на купеческое достояніе, заставляли нѣмецкіе города привлекать къ своему союзу все новыхъ и новыхъ членовъ и закрѣплять свои взаимныя отношенія узами болѣе тѣсной дружбы; въ видахъ этого они послѣ всякихъ внутреннихъ несогласій заключали новые договоры, гдѣ старались подробнѣе и обстоятельнѣе опредѣлять свои взаимныя отношенія, дабы избѣжать дальнѣйшихъ поводовъ къ несогласіямъ. Мы не станемъ останавливаться на каждомъ изъ этихъ договоровъ въ отдѣльности, такъ какъ это повело-бы насъ слишкомъ далеко и во всякомъ случаѣ вышло бы изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія. Но для болѣе наглядной характеристики тогдашняго положенія торговли укажу на нѣкоторые изъ этихъ договоровъ, своими отдѣльными пунктами дающіе понять, чрезъ какія опасности и дефилеи долженъ былъ проходить каждый торговый караванъ.

Такъ, въ 1293 г. пять нѣмецкихъ городовъ, Любекъ, Ростокъ, Висмаръ, Штральзундъ и Грейфсвальдъ, чрезъ своихъ делегатовъ заключили между собою договоръ на три года, впослѣдствіи нѣсколько разъ возобновлявшійся; въ немъ делегаты поясняютъ, что по зрѣломъ разсужденіи рѣшено соединиться означеннымъ городамъ ради выгодъ мира, ради пользы всего купечества и ради оказанія взаимной помощи къ отысканію и осуществленію своего права какъ на водѣ, такъ и на сушѣ. Союзники между прочимъ обязываются другъ безъ друга не начинать никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а свои жалобы сообщать остальнымъ союзникамъ, кои прежде всего должны пытаться улаживать дѣло мирнымъ путемъ чрезъ особыя посольства и пись-

ма. Если эти попытки окажутся безуспѣшными, то остальные союзные города должны подавать потерпѣвшему военную помощь въ слѣдующемъ размѣрѣ: Любекъ выставляетъ сто, Висмаръ 88, Ростокъ 70, Грейфсвальдъ 38 и Штральзундъ 50 хорошо вооруженныхъ воиновъ (viros, armis bene expeditos). Это число должно увеличиваться согласно надобности, пока дѣло не будетъ окончено [52]).

По мѣрѣ того, какъ росло сознаніе полезности подобныхъ союзовъ, они повторялись все чаще и чаще и обнимали собою постоянно возростающее количество членовъ, и только, благодаря могуществу этихъ союзовъ средневѣковая торговля получила возможность нѣсколько свободнѣе дышать и развиваться. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ тѣхъ же собранныхъ Сарторіусомъ архивныхъ документовъ, отъ всякаго рода сухопутнаго и морскаго разбоя не всегда спасали даже военные конвои и послѣдующая расплата за набѣги и грабительства. Какъ ни богаты были нѣмецкіе союзные города и какъ ни внушительны были ихъ военныя силы, но они все-таки не въ состояніи были вполнѣ обезопасить свои торговые пути только при помощи своего флота и войска: непріятель всегда могъ найдти и дѣйствительно весьма часто находилъ поводы и возможность грабить отдѣльные торговые караваны и тѣмъ ставить серіозныя препоны сколько-нибудь правильному ходу торговли. Въ виду этого приходилось думать о болѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ для огражденія безопасности торговыхъ сношеній. Наилучшимъ образомъ, какъ показалъ опытъ, это достигалось посредствомъ особыхъ соглашеній съ мѣстными государями, коихъ нѣмцы умѣли заинтересовывать въ своемъ дѣлѣ и располагать въ свою пользу. Этимъ путемъ они добились въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ находились ихъ рынки, особыхъ привилегій и болѣе или менѣе обезпеченнаго существованія.

Такого рода привилегій и соглашеній было множество; но чтобы дать о нихъ хоть приблизительное понятіе, достаточно бу-

---

[52]) Ibid. т. 1 стр. 24 и 25 Этимъ союзомъ дѣло не ограничилось, а отдѣльные союзные города вступали въ частные союзы съ другими городами; такъ, напр., Любекъ съ нѣмцами города Висби на Готландѣ, въ 1280 г., для защиты гавани Траве, Зунда и дороги вдоль Балтійскаго моря до Новгорода. ib. стр. 25 и 26.

детъ указать хоть на двѣ-три. Такъ, въ 1284 г. король датскій Эрихъ въ особомъ указѣ своемъ объявляетъ, что онъ обѣщаетъ употребить свое содѣйствіе къ тому, чтобы лица, принадлежащія къ городу Любеку, а равно и другіе его союзники и ихъ подвластные за понесенные ими обиды и убытки вполнѣ вознаграждались согласно законамъ и законамъ тѣхъ мѣстъ, къ коимъ потерпѣвшіе принадлежатъ, и что, буде обидчики, послѣ его, короля, напоминанія и требованія отъ нихъ удовлетворенія, въ теченіи мѣсяца этого требованія не исполнятъ, то онъ, Эрихъ, обязуется предстательствовать за названныхъ потерпѣвшихъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ въ интересахъ достиженія ими полной справедливости и отнюдь не долженъ оказывать обидчикамъ какого-либо содѣйствія или покровительства въ противность той же справедливости [53]). Независимо отъ этой общей помощи король Эрихъ объясняетъ далѣе, что между нимъ и гражданами города Любека состоялось отдѣльное соглашеніе (specialiter placitatum est taliter et condictum) относительно обидъ, нанесенныхъ норвежцами ему и означеннымъ гражданамъ, въ силу каковаго соглашенія они обязуются дѣйствовать совмѣстно и единодушно, доколѣ не добьются полнаго и справедливаго удовлетворенія оскорбленій, нанесенныхъ какъ ему, королю, такъ и гражданамъ города Любека.

Въ 1285 г. норвежскій король Эрихъ въ своей грамотѣ по поводу предстоящихъ перегоровъ между нимъ и пятью нѣмецкими городами объ улаженіи различныхъ прежнихъ несогласій, между прочимъ, обѣщаетъ, что купцы Любека, Висмара, Ростока,

---

[53]) **Sartorius** в. п. с. т. 2 стр. 139 и 140. «Promittimus eciam fide media, quod si aliqui de ciuitate predicta Lybicensi, nobis iam confederata, seu de principibus et dominis eorumve subditis, sive ciuitatibus aliis aut earundem ciuibus, qui nobis ut premissum est, confederati fuerint, de cetero ab aliquibus, post datam presencium litterarum, iniurias perpessi fuerint, iniuratores eorundem, si requisiti fuerimus, monere debemus et volumus, ut antedicte ciuitate Lybicensi, aut leso vel lesis de eadem, seu aliis in ista confederacione inclusis, secundum iura et leges loci illius plenarie satisfiet: si vero iniuriatores huiusmodi monicioni nostre infra mensem acquiescere noluerint vel non curauerint, volumus et debemus sepedicte ciuitati et eius incolis, seu aliis lesi de memoratis personis astare consilio et auxilio, super plena iusticia optinenda, nec debemus iuiuriatorem vel iniuriatores eorum in sua iniuria vllatenus postmodum confouere, nec modo aliquo contra iusticiam confortare».

Штральзунда и Грейфсвальда по истеченіи восьми дней послѣ предстоящаго праздника св. апостола Якова могутъ вполнѣ безопасно пріѣзжать въ Норвегію и здѣсь производить торговлю, пользуясь при этомъ тѣми льготами, какія предоставлены имъ были отцемъ и дѣдомъ Эриха, если только и норвежцамъ въ означенныхъ городахъ будутъ предоставлены всѣ тѣ льготы и привилегіи, какими они когда-либо тамъ пользовались, а равно если города эти не окажутъ никакой ни явной, ни тайной помощи врагамъ его, Эриха, ни совѣтомъ, ни дѣломъ, ни покровительствомъ [54]).

Эти и многія другія соглашенія служатъ наглядным доказательствомъ того печальнаго состоянія, въ коемъ находилась торговля въ средніе вѣка. Въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о началахъ международнаго права, коими регулируются взаимныя отношенія державъ и ихъ подданныхъ въ наши дни: тогда войны и непріязненныя дѣйствія не начинались, какъ нынѣ, послѣ предварительныхъ переговоровъ и церемоніяла объявленія войны, а достаточно было перваго повода къ неудовольствію, чтобы считавшая себя обиженною сторона безъ всякихъ дальнѣйшихъ отлагательствъ и околичностей приступала къ кулачной расправѣ съ своимъ вчерашнимъ союзникомъ и вымещала свой гнѣвъ на ни въ чемъ неповинныхъ частныхъ лицахъ, имѣвшихъ какую-либо связь съ обидчикомъ. Этотъ вчерашній другъ и союзникъ безъ всякаго предупрежденія и предварительнаго оповѣщенія нападалъ на мирныхъ купцовъ своего же союзника, западозрѣннаго въ измѣнѣ или во враждебномъ поступкѣ, забиралъ и этихъ купцовъ,

---

[54]) Ibid. стр. 142. »Promisimus insuper, quod mercatores dictarum civitatum ab octo diebus post festum beati Iacobi apostoli, primo venturum, cum plena securitate possunt venire in norwegiam et sua ibidem exercere mercimonia, ac uti libertatibus melioribus, quas temporibus illustrium regum patris nostri et domini Haquini, aui nostri, habuerunt et ostendere possunt per patentes litteras eorundem regum, dummodo nostrates in predictis Ciuitatibus tali gaudeant in omnibus libertate, qualem aliquo tempore habuerunt in dictis Ciuitatibus meliorem; et dicte Ciuitates inimicis nostris, nos et regnum nostrum ac subditos contra iusticiam inpugnantibus, vel nobis aut nostris justiciam denegantibus, non inpendant consilium, auxilium vel fauorem publicum vel occultum, in nostrum vel nostrorum preiudicium vel grauamen«.

и ихъ товары и поступалъ съ ними, какъ съ военною добычей. Нерѣдко же хищническіе инстинкты отдѣльныхъ владѣтельныхъ особъ и предводителей дружинъ говорили громче всякихъ соображеній справедливости и пользы, и мирное купечество подвергалось неожиданнымъ нападеніямъ и ограбленіямъ въ такихъ мѣстахъ и со стороны такихъ дружинъ, гдѣ и отъ коихъ оно всего меньше могло ожидать непріязненныхъ дѣйствій. Такъ что и отдѣльные союзы и различныя жалованныя громоты далеко не всегда ограждали и спасали отъ грабительства, разбоя и инаго хищничества самихъ союзниковъ. Что же касается профессіональныхъ пиратовъ и разбойниковъ, то они держали въ постоянной и тѣсной блокадѣ всѣ большіе торговые пути, и отъ нихъ не могли спасти никакіе союзы и соглашенія; тутъ дѣло рѣшалъ каждый разъ перевѣсъ физической силы и личнаго мужества. Приводить еще новыя доказатетьства этого положенія вещей, кромѣ указанныхъ выше, значило бы зайти дальше предѣловъ настоящаго сочиненія; достаточно будетъ указать, что факты вѣроломства союзниковъ, неожиданныхъ расправъ и безнаказаннаго хозяйничанія пиратовъ и разбойниковъ на большихъ сухопутныхъ и водяныхъ путяхъ сообщенія разсѣяны во множествѣ во всѣхъ хроникахъ того времени, и интересующійся ими можетъ встрѣтить ихъ повсюду въ историческихъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ описываемую эпоху [55]). Мы же упоминаемъ объ нихъ лишь для того, чтобы показать, насколько такое положеніе тогдашнихъ народовъ и обществъ способствовало появленію векселя. Тягостное положеніе средневѣковаго купца усугублялось еще тѣмъ, что кромѣ серіозныхъ и часто весьма трудно одолимыхъ опасностей на пути слѣдованія товаровъ къ мѣсту сбыта онъ не могъ быть спокойнымъ насчетъ участи своего до-

---

[55]) Впрочемъ, чтобы сказанное не показалось голословнымъ, достаточно сослаться на документы, приведенные у Сарторіуса (в. п. с. т. II стр. 156 и сл.) подъ годами 1288—1311. Какъ извѣстно, Ганзейскій Союзъ велъ довольно дѣятельную и весьма выгодную для себя торговлю съ Россіей чрезъ Новгородъ, торговлю, составлявшую конечную цѣль его стремленій на сѣверъ. Онъ обставился въ этомъ городѣ сравнительно очень хорошо и старался ладить какъ съ мѣстнымъ населеніемъ, такъ и съ Новгородскими князьями. Не смотря однако на это, псковичи и полочане весьма исправно грабили его торговые караваны и нисколько въ томъ не запирались, причемъ причиною такихъ грабежей выставляли весьма отдаленныя и ничтож-

стоянія и по прибытіи на рынокъ; ибо и тутъ, въ силу воззрѣній того времени, онъ во всякое время могъ лишиться своего имущества ради расплаты за чужія прегрѣшенія: стоило только одному или нѣсколькимъ его согражданамъ оказаться неисправными въ исполненіи своихъ обязательствъ, напр., уѣхать изъ страны, не расплатившись предварительно съ своими кредиторами, либо провиниться въ какомъ-нибудь насиліи, обманѣ и т. п. проступкѣ по отношенію къ мѣстнымъ гражданамъ, чтобъ арестованы, а при случаѣ конфискованы были товары остальныхъ, находившихся на лицо купцовъ—его согражданъ.

§ 17.

Насколько мало церемонились съ чужою собственностью не только въ первыя времена среднихъ вѣковъ, когда броженіе народовъ породило и броженіе понятій и ниспровергло до основанія весь выработанный вѣками образцовый римскій юридическій строй, но въ болѣе позднія времена, когда отдѣльныя государства такъ или иначе уже сложились, когда сформировалась довольно могущественная территоріальная власть и сталъ крѣпнуть и развиваться общественный порядокъ, можно видѣть изъ разительныхъ примѣровъ, характеризующихъ отношеніе тогдашнихъ народовъ къ иноземцамъ и даже къ иностраннымъ посланникамъ.

Въ 1494 г. Ганзейскій Союзъ снарядилъ къ русскому царю особое посольство для принесенія ему жалобы на различнаго рода обиды и тяготы, претерпѣнныя нѣмецкими купцами въ пре-

---

ныя обстоятельства, имѣвшія мѣсто по винѣ отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не всего Союза. Въ приведенныхъ у Сарторіуса документахъ, относящихся къ вышеуказаннымъ годамъ, дается подробный перечень преимущественно пушныхъ товаровъ и денегъ, въ разное время ограбленныхъ у тевтонскихъ купцовъ; тутъ же перечисляются тѣ нѣмецкіе кущцы и ихъ слуги, кои были убиты въ Россіи по пути къ Новгороду.—Въ сочиненіи **Arthur Winckler**, Die deutsche Hansa in Ruszland, Berlin 1886, приводится множество случаевъ грабежа, самоуправства и самосуда, совершенныхъ по отношенію къ нѣмецкимъ купцамъ новгородцами, ливонцами и др., не только во время слѣдованія нѣмецкихъ торговыхъ каравановъ въ Новгородъ, но и на мѣстѣ, въ самой нѣмецкой факторіи въ Новгородѣ. Достаточно было ничтожнаго повода, чтобы взыграли страсти толпы и она съ яростью кинулась на петровскій дворъ, какъ назывался Новгородскій торговый городокъ, и разграбила тутъ все имущество виновныхъ и невинныхъ.

дѣлахъ Россіи. 11 августа оно совершило торжественный въѣздъ въ Новгородъ и расположилось въ подворьѣ св. Петра. Царскій намѣстникъ, не взирая на богатые, полученные имъ дары, приказалъ держать все посольство подъ строгимъ карауломъ и отнялъ у него всѣ бумаги и инструкціи. Только три недѣли спустя оно получило охранную грамоту для слѣдованія въ Москву, куда вскорѣ и прибыло. Послѣ обычныхъ церемоніальныхъ пріемовъ, обѣдовъ и безуспѣшныхъ переговоровъ оно собралось въ обратный путь; но едва оно тронулось съ мѣста, какъ тутъ же въ Москвѣ было задержано какими-то двумя греками, которые, какъ они увѣряли, подверглись при проѣздѣ въ Германію въ Ревелѣ неслыханному злодѣйству и требовали за это вознагражденія отъ посольства. Сумма этого требованія была однако такъ высока, что на покрытіе ея не хватило наличныхъ средствъ посольства и ему пришлось прибѣгнуть къ займу у двухъ осѣдлыхъ въ Москвѣ нѣмцевъ; эти послѣдніе, хотя и ссудили просимую сумму, но по прямому приказанію великаго князя потребовали такого значительнаго заклада, то понадобилось употребить для этого даже мѣха, полученные отъ великаго князя въ даръ. Спустя шесть недѣль, посламъ наконецъ удалось выѣхать изъ Москвы и направиться въ обратный путь. Но тутъ, не доѣзжая Новгорода, съ ними приключилось новое несчастіе: за шесть миль до города ихъ задержала толпа новгородцевъ, силою отобрала ихъ вещи и арестовала представителей Ревеля. Всякая мысль о сопротивленіи у злосчастныхъ пословъ исчезла, какъ только они узнали, что въ то самое время, какъ великій князь Іоаннъ давалъ имъ успокоительныя завѣренія и обѣщалъ дать въ Новгородѣ отвѣтъ на предъявленныя ему жалобы и оказать справедливость, его чиновники, по его же повелѣнію, самымъ безжалостнымъ образомъ расправлялись съ ганзейскими купцами въ подворьѣ св. Петра. Именно 5 ноября 1494 г. дикая толпа, подъ предводительствомъ только-что пріѣхавшаго царскаго подъячаго Василія Жука, а равно Даніила Манырева, напала на нѣмецкое и готское подворья, арестовала всѣхъ тамъ пребывавшихъ, раздѣла ихъ почти до нага *(man zog ihnen die Hosen und Schuhe aus)* и посадила въ душную и смрадную темницу, а товары ихъ стоимостью въ милліонъ гульденовъ конфисковала. Таже участь постигла и главу этого посольства, ревельскаго ратмана Готшалька Реммелингроде, въ отмщеніе за одно-

го русскаго, сожженнаго въ Ревелѣ по обвиненію въ какомъ-то гнусномъ преступленіи. На протесты присутствовавшихъ при этой казнѣ русскихъ ревельцы отвѣчали, что они «сожгли бы и самого князя, еслибъ онъ сдѣлалъ у нихъ то же». Эти слова, переданныя Іоанну, привели его въ столь великій гнѣвъ, что онъ, изломавъ свою трость, бросилъ ее на землю и, взглянувъ на небо, грозно произнесъ: «Богъ суди мое дѣло и казни дерзость». По объясненію, данному новгородскимъ намѣстникомъ остальнымъ членамъ посольства, описанный поступокъ съ нѣмецкими купцами имѣлъ свею причиною то, что «русскіе въ Ревелѣ и во всей Лифляндіи подвергались контрибуціямъ, побоямъ, грабежу и потопленію».

Извѣстіе объ этомъ событіи вызвало великое негодованіе и смущеніе въ Лифляндіи и въ городахъ Ганзейскаго Союза. Не теряя времени, эти послѣдніе снарядили посольство къ Московскому царю для исходатайствованія освобожденія нѣмецкихъ узниковъ; но узнавъ въ Нарвѣ, что на границѣ стоитъ русское войско, и опасаясь новыхъ насилій со стороны послѣдняго, они вернулись обратно. Тогда ревельцы прибѣгли къ возмездію и заключили въ тюрьму всѣхъ русскихъ, пребывавшихъ въ стѣнахъ города, но этимъ еще болѣе раздосадовали и разожгли гнѣвъ царя. Въ 1495 г. Иванъ III посѣтилъ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ населеніемъ знаками великой радости; нѣмцы надѣялись, что смягченный этимъ пріемомъ царь облегчитъ участь ввергнутыхъ по его повелѣнію въ темницу ганзейскихъ купцовъ; но надежды эти не оправдались. Въ виду этого въ 1496 г. магистръ Ливонскаго ордена приказалъ освободить заключенныхъ русскихъ, думая этимъ умилостивить царя; но и эта мѣра не привела къ цѣли. Только послѣ шести посольствъ удалось нѣсколько смягчить гнѣвъ Ивана III и, лишь благодаря письму императора Максимиліана, поддержанному великимъ посольствомъ, состоявшимъ изъ представителей гохмейстера, Ганзы и литовскаго великаго князя Александра, женатаго на дочери царя, сначала было смягчено заточеніе названныхъ узниковъ, затѣмъ изъ нихъ освобождено было 11 учителей, и наконецъ, весною 1497 г. получили свободу и остальные, изъ коихъ 4 оставлены были въ качествѣ заложниковъ и въ іюнѣ 1498 г. вмѣстѣ съ отобраннымъ у нѣмцевъ имуществомъ перевезены изъ Новгорода въ Москву. Что касается остальныхъ освобож-

денныхъ, то лишь немногимъ изъ нихъ удалось снова увидѣть родину: это счастье выпало на долю только уроженцевъ Ревеля и Дерпта; уроженцевъ же другихъ мѣстъ друзья и знакомые проводили съ музыкою и ликованіемъ на корабль, но 14 сентября 1497 года корабль этотъ потерпѣлъ крушеніе и всѣ до одного пассажиры утонули, въ томъ числѣ и эти купцы [56]).

Да не подумаетъ читатель, что, приводя описанную расправу съ ганзейскими купцами въ Новгородѣ, я имѣлъ въ виду набросить невыгодную тѣнь на нравы нашихъ соотечественниковъ того времени. Я весьма далекъ отъ подобной мысли и готовъ даже допустить, что ганзейцы вполнѣ заслужили такое обращеніе съ ними, ибо и они съ своей стороны не обнаруживали ни большаго довѣрія, ни особенной любви, ни какой-либо кротости по отношенію къ русскимъ. Стоитъ только хоть самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ содержаніемъ новгородскихъ скра, чтобъ убѣдиться, какъ недовѣрчиво и враждебно они смотрѣли на своихъ русскихъ сосѣдей даже въ стѣнахъ самого пріютившаго ихъ у себя Новгорода [57]). Если жъ я привелъ описан-

---

[56]) См. объ этомъ Карамзина Исторія государства россійскаго т. 5 изд. Смирдина 1852 стр. 265 и сл. **Winckler** в. п. с. стр. 63—66, а также **Marquardo** Tractatus de iure mercatorum стр. 250, гдѣ говорится, что возвращавшіеся на родину купцы вмѣстѣ со всѣми другими пассажирами погибли оттого, что сильная буря нагнала корабль на подводный камень, о который онъ разбился и пошелъ ко дну. Въ воспоминаніе этихъ обстоятельствъ Любекомъ воздвигнута была громадная и великолѣпная колона въ видѣ распятія и съ золотою надписью; колона эта поставлена была предъ сѣверными воротами, въ просторѣчіи носившими названіе **Burgthor** (In cuius rei testimonium Lubecae, ante portam semptentrionalem vulgo das Burgthor ingentis magnitudinis columna, in formam dependentis a cruce Salvatoris, aurea inscriptione erecta est»).

[57]) Такъ, у **Marquardo**, в. п. с. прил. литера G. стр. 278, помѣщена скра города Любека отъ 1603 г. для пребывающихъ въ Россіи нѣмецкихъ купцовъ. Слово скра по исландски соотвѣтствуетъ латинскимъ словамъ **libellus, tabula** и означаетъ обнародованный указъ, уставъ, распоряженіе. Этимъ именемъ обозначались уставы, имѣвшіе своимъ назначеніемъ регулированіе внутренней жизни и отношеній нѣмецкой конторы въ Новгородѣ къ русскому населенію (см. **Sartorius** т. II стр. 47 примѣчан. 1 въ кон.). Указанная скра 1603 года относится ко времени царствованія Бориса Годунова, предоставившаго городу Любеку привилегію открывать свои конторы или подворья въ Новгородѣ, Псковѣ, Ивангородѣ и Холмогорахъ. Изъ предпосылаемаго этому уставу введенія усматривается, что онъ изданъ въ

ный выше фактъ, то единственно потому, что въ немъ съ особенною яркостью обрисовывается состояніе нравовъ и положеніе торговли въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена. Когда повсюду въ Европѣ царили варварство, дикая кулачная расправа, самосудъ и беззастѣнчивое вѣроломство, когда необузданный произволъ находилъ для себя предѣлъ лишь тамъ, гдѣ ему противопоставлялась болѣе могучая физическая сила, странно было бы ожидать и думать, что въ Россіи положеніе вещей было иное, что тутъ порядокъ и нравы отличались лучшимъ состояніемъ, чѣмъ въ западной Европѣ: русскіе того времени были такими же дѣтьми своего времени, какъ и остальные ихъ современники, а потому имъ вовсе не чужды были всѣ тѣ заблужденія, предразсудки и пороки, коими отличались и другіе тогдашніе европейскіе народы.

интересахъ возстановленія и подъема въ Россіи нѣмецкой торговли, пришедшей въ упадокъ и разрушеніе, вслѣдствіе отсутствія въ ней обязательныхъ для всѣхъ купцовъ опредѣленнаго порядка и твердыхъ правилъ. Не взирая, однако, на кажущуюся признательность составителей устава русскому царю за дарованную милость, не взирая на выраженное ими желаніе ослабить на будущее время питаемое великимъ княземъ недовѣріе къ нѣмцамъ, недовѣріе, причину коего они сваливаютъ на чужихъ, они внесли въ названную скра нѣсколько такихъ постановленій, кои прямо свидѣтельствуютъ объ ихъ холодномъ и подозрительномъ отношеніи къ русскимъ и кои далеко не лестны для русскаго самолюбія. Такъ скра подъ страхомъ конфискаціи имущества и лишенія чести запрещаетъ всякому нѣмецкому купцу что-либо русскому продавать или отъ него покупать въ кредитъ или со включеніемъ срока; всякая купля-продажа должны производиться путемъ немедленнаго обмѣна цѣнностей (Fortmehr soll kein Teutscher Kauffmann wit dem Reussen auff Zeit oder zu Borge handeln mit keinerley Wahren, es sey im kauffen oder verkauffen, besondern schlecht und recht geben und nehmen Recht umb Recht, Gut umb Gut. Disz soll man halten bey Verlust des Guts und der Ehre»; стр. 278 § 3). Подъ страхомъ того же наказанія предписывается, чтобы, какъ это соблюдалось изстари, сначала русскій приносилъ въ подворье или въ нѣмецкій замокъ свой товаръ такой цѣнности, какая соотвѣтствуетъ покупаемому имъ, и уже послѣ этого нѣмецкій купецъ отпускалъ ему свой товаръ («Mit Lieferung des Geldes oder Wahren, soll es wie von Alters gehalten werden, dasz der Reusse für erst seine Wahren auff den Hoff, oder in das Teutschen Schlosse zur Begnüge und des Reussen eben theur geliefert, darnach der Teutsche Kauffmann auch seine Wahren folgen lasse, bey voriger Straffe», ib. § 4). Никто не долженъ покупать и принимать какое-либо имущество или товаръ, не осмотрѣвъ и не оцѣнивъ его предварительно въ надлежащей мѣрѣ, иначе подлежитъ уплатѣ штрафа въ десять марокъ или, смотря по обстоятельствамъ, сообразно цѣнѣ товара. («Es soll niemand jenigerley Gut oder Wahren kauffen oder empfangen, er

§ 17.

Итакъ, если купецъ даже въ позднѣйшія эпохи среднихъ вѣковъ, даже въ тѣ времена, когда въ отдѣльныхъ странахъ уже водворился внутренній порядокъ и зародилось сознаніе важности и благотворности взаимныхъ международныхъ сношеній, не могъ путешествовать безопасно и рисковалъ своимъ достояніемъ не только въ пути, но и на мѣстахъ своихъ постоянныхъ стоянокъ, въ стѣнахъ факторій или, по тогдашнему, конторъ, то легко себѣ представить, каково было его положеніе прежде. Зная, что̀ его можетъ ожидать на чужбинѣ, онъ естественно долженъ былъ приложить все свое стараніе къ тому, чтобы не лишиться разомъ всего, чтобъ оставить для себя резервныя средства, которыя въ случаѣ надобности помогли бы ему выпутаться изъ бѣды и покрыть свои потери. Наилучшимъ изъ такихъ средствъ были запасныя суммы денегъ, коими онъ могъ располагать на мѣ-

---

habe sie dann vorhin zur Gnüge besichtiget oder beschaten (вѣроятно, beschatzen) bey Pöen zehen Marck, oder nach Gelegenheit, der werde von Wahren», ib § 5). Нужно при этомъ замѣтить, что эти оскорбительныя для русскихъ постановленія выпадаютъ на долю такого времени, когда значеніе и престижъ Ганзейскаго Союза въ Россіи были совершенно подорваны и когда разрѣшеніе нѣмцамъ торговать въ русскихъ предѣлахъ самимъ Союзомъ разсматривалось, какъ царская милость. Легко себѣ отсюда представить, что было раньше, во время полнаго разцвѣта ганзейской торговли, когда нѣмцы свое петровское подворье въ Новгородѣ считали какъ бы самостоятельнымъ государствомъ. Какъ заносчиво, высокомѣрно и дерзко вели себя нѣмецкіе купцы, можно видѣть изъ приведеннаго у Славянскаго (Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ (СПБ. 1847 г. стр. 52—57) перечня непріязненныхъ столкновеній Новгорода и Пскова съ нѣмцами и грабительства послѣднихъ. Этотъ перечень можно назвать скорбнымъ листомъ нѣмецкой торговли въ Россіи. И нужно замѣтить, торговля съ сѣверомъ и въ особенности съ Россіею составляла главнѣйшій источникъ благосостоянія и процвѣтанія Ганзейскаго Союза. Оскорбительное недовѣріе къ русскимъ сказалось уже въ древнѣйшихъ Новгородскихъ скра. Такъ у **Sartorius**'а в. п. с. т. **П.** стр. **16**—27 приводится синоптически три экземпляра скра, относящихся, какъ полагаетъ названный авторъ, къ 1225 г. Въ концѣ ихъ содержится между прочимъ запрещеніе покупать въ подворьѣ что либо у русскаго, будетъ ли онъ новгородецъ или гость; нарушеніе этого запрещенія облагается штрафомъ въ десять марокъ серебра (Neman ne sal copen in sante peteres kerken mit iegeneme ruce, he si nogardere oue gast; we oc dhes vorwunnen wert, dhat he mit en cope, dhe betere j. marc silueres»).

стахъ реализаціи своихъ торговыхъ интересовъ, на центральныхъ торговыхъ пунктахъ. Возить сюда кромѣ товаровъ еще деньги, значило бы, какъ показалъ ему, вѣроятно, многократный горькій опытъ, лишиться разомъ всего своего достоянія безъ всякой надежды выйдти изъ затрудненія и поправить свое положеніе: первый грабежъ на пути его слѣдованія, первое нападеніе на него въ складочномъ мѣстѣ могли повергнуть его въ крайнюю нищету и полное отчаяніе, лишить его разомъ и товаровъ и денегъ, а слѣдовательно, и всякой возможности выгодною закупкою мѣстныхъ продуктовъ возмѣстить понесенный убытокъ. Всякій тогдашній купецъ хорошо это сознавалъ и заблаговременно принималъ противъ этого мѣры. Какъ уже сказано, наиболѣе практичнымъ средствомъ для предотвращенія подобныхъ случайностей служили мѣстные запасы денегъ.

Ведшій постоянную торговлю съ отдаленными странами купецъ оставлялъ въ этихъ мѣстахъ своихъ служащихъ или агентовъ, коимъ ввѣрялъ либо опредѣленныя суммы денегъ для храненія и оборота, либо извѣстное количество товаровъ, кои во всякое время можно было обмѣнять на мѣстныя деньги. Затѣмъ, когда отправленный туда товаръ сопровождалъ не онъ самъ, а кто либо изъ его уполномоченныхъ, коему по прибытіи на назначенное мѣсто могли понадобиться деньги для производства порученныхъ ему оборотовъ или для пополненія убыли отъ понесеннаго дорогою грабежа, то онъ снабжалъ его письмомъ на имя своего агента или служащаго, гдѣ этимъ послѣднимъ поручалось выдать въ распоряженіе прибывшаго извѣстную сумму денегъ мѣстною монетою.

Но не всякому купцу состояніе его торговли и средствъ дозволяли имѣть въ разныхъ мѣстахъ своихъ агентовъ и денежные запасы, хотя для всякаго изъ нихъ была необходима, выгодна и желательна торговля съ различными отдаленными странами. А потому, имѣя въ виду произвести на данномъ далекомъ торговомъ центрѣ закупку мѣстныхъ продуктовъ, ему необходимо было позаботиться о добычѣ потребной для того суммы денегъ на мѣстѣ торговой операціи. Достигалось это весьма легко слѣдующимъ образомъ: имѣвшій нужду въ чужеземныхъ деньгахъ купецъ обращался въ своемъ отечествѣ къ сотоварищу по профессіи, обладавшему въ означенномъ центрѣ своими агентами или конторою, и вносилъ ему опредѣленную сумму отечественными деньгами,

а въ замѣнъ того получалъ отъ него письмо на имя его агента или конторы, гдѣ имъ поручалось выдать такому-то соотвѣтствующую сумму денегъ мѣстною монетою. Подобный обмѣнъ, имѣвшій значеніе дружеской услуги, превращался въ доходную сдѣлку, когда онъ совершался для посторонняго и незнакомаго лица. Въ этомъ случаѣ услуга эта покупалась и цѣна ея вычиталась изъ подлежащей выдачѣ суммы, такъ что предъявитель письма получалъ меньше, чѣмъ за это письмо было имъ заплачено.

Состояніе средневѣковыхъ монетныхъ системъ.

§ 18.

Доселѣ разсмотрѣно было вліяніе на судьбу векселя каноническаго ученія о процентахъ и средневѣковаго состоянія путей сообщенія. Но если громившая и преслѣдовавшая прибыльныя сдѣлки каноническая догма и отсутствіе безопасныхъ путей сообщенія, а равно разбойное отношеніе къ чужой собственности въ средніе вѣка сообщали векселю коммерческій характеръ, превративъ его изъ простаго обмѣна денегъ въ особый видъ кредитной бумаги, то столь же, а можетъ быть, и болѣе этому результату содѣйствовала господствовавшая въ средніе вѣка неурядица въ монетныхъ системахъ. Въ наши дни всякій привыкъ считать чеканку монетъ и выпускъ денежныхъ знаковъ исключительнымъ правомъ государства; теперь никто уже не позволитъ себѣ спорить противъ того, что только государственной власти принадлежитъ монетная регалія, что только эта власть можетъ опредѣлять денежную систему, названіе, достоинство, процентное содержаніе и обязательный курсъ монетъ и денежныхъ знаковъ. Нынѣ всѣ существующія монетныя системы тщательно сличены между собою и точно опредѣлено ихъ взаимное соотношеніе, причемъ монеты одного государства свободно курсируютъ въ предѣлахъ другихъ государствъ, не причиняя этимъ никакого замѣшательства въ дѣлахъ международной и внутренней торговли. Не то было въ средніе вѣка.

Политическая рознь и замкнутость тогдашнихъ государствъ, ихъ взаимное недовѣріе и ревнивое другъ къ другу отношеніе, при отсутствіи всякаго сознанія полезности и необходимости

правильныхъ и постоянныхъ международныхъ сношеній, не могли не отразиться на тогдашнемъ положеніи монетныхъ системъ. Въ силу той же замкнутости и ревниваго отношенія къ своему верховенству государства считали обращеніе чужой монеты въ своихъ предѣлахъ какъ-бы проявленіемъ тутъ чужой верховной власти, а стало быть, вторженіемъ въ чужую сферу господства, конкуренціею съ этою послѣднею. Кромѣ того, признавая чеканку монетъ своею неотъемлемою привилегіею, представители верховной власти находили вполнѣ правильнымъ и возможнымъ уступать ее отдѣльнымъ городамъ, учрежденіямъ и даже владѣтельнымъ лицамъ, предоставляя имъ въ предѣлахъ принадлежавшихъ имъ владѣній осуществлять эту привилегію и терпѣть въ обращеніи только свою собственную монету [58]). Обладатели такой привилегіи весьма естественно оберегали ее съ тою же ревнивою зоркостью, какъ и тѣ, отъ кого она получалась; а потому появленіе въ предѣлахъ ихъ владѣній чужой монеты они считали нарушеніемъ ихъ монетной регаліи.

Само собою понятно, что изъ такого воззрѣнія ничего иного кромѣ безусловнаго запрещенія обращенія чужой монеты въ привилегированныхъ мѣстахъ и возникнуть не могло. Такъ, напр., въ 1231 апрѣля 30-го средневѣковой римскій императоръ Генрихъ издаетъ два повелѣнія, въ коихъ объясняетъ, что уже его покойный отецъ и онъ самъ неоднократно предписывали, чтобы въ тѣхъ городахъ и иныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется собственная и вѣрная монетная система, никто не смѣлъ производить торговлю чрезъ посредство вѣсоваго серебра, а производилъ-бы ее при помощи мѣстной монеты [59]). Создаваемыя этимъ затруд-

---

[58]) Такъ, Нейманъ Gesch. des Wuch. in Deutschl. стр. 348 прим. 1 указываетъ на дарованное въ 1035 императоромъ Конрадомъ II бременскому архіепископу Бензелину право mercatus in eodem loco cum theloneo (съ таможенною пошлиною), **nomismatibus**, nec non omnis utilitatibus ad mercatum pertinentibus.

[59]) См. Monumenta Germaniae historica, изд. Pertz. Legum tomus II стр. 281 и 282 «Heinricus Dei gracia Romanorum rex et semper augustus etc. Sepius coram domino et patre nostro serenissimo Romanornm imperatore et nobis sentencialiter diffinitum est, ut in civitatibus et aliis locis ubi propria et iusta moneta esse consuevit, nemo mercatum aliquem facere debeat cum argento sed cum denariis proprie sue monete». Слово въ слово тоже повторяется и въ mandatum отъ того же числа, изданномъ для Саксоніи.

ненія для торговли усугублялись еще тѣмъ, что вывозъ мѣстной монеты почти повсюду воспрещался подъ страхомъ наказанія, такъ что найдти ее внѣ предѣловъ данной мѣстности было почти невозможно [60]). Вотъ почему иностранный купецъ, отправляясь въ чужое государство и имѣя въ виду произвести здѣсь закупки на наличныя деньги, вынужденъ былъ озаботиться пріобрѣтеніемъ мѣстной монеты. А такъ какъ въ своемъ отечествѣ онъ таковую купить не могъ, ибо она здѣсь, въ силу указаннаго запрещенія, не циркулировала, то ему приходилось прибѣгать къ слѣдующему наиболѣе простому и легкому способу перевода и размѣна денегъ. Нуждаясь въ монетахъ чужой мѣстности, онъ обращался къ своему коллегѣ по профессіи, имѣвшему постоянныя съ нею торговыя сношенія и въ виду того либо содержавшему тамъ своихъ агентовъ и контору, либо состоявшему тамъ въ компаніи съ мѣстными купцами, и просилъ его выдать потребную сумму тамошнею монетою. Само собою понятно, что подобная просьба исполнялась лишь тогда, когда проситель уплачивалъ за это соотвѣтствующею суммой отечественныхъ монетъ. Получивъ таковую, купецъ писалъ письмо своему агенту, прикащику или компаніону, приказывая или прося выдать такому-то лицу опредѣленную сумму мѣстною монетою. Это письмо вручалось просителю и служило для него доказательствомъ его самоличности и права на полученіе означенныхъ денегъ.

---

[60]) См. **Marquardo** Tractatus de jure mercat. et commerciorum передаетъ, что прежніе публицисты считали великимъ дѣломъ правленія строгое запрещеніе вывоза изъ предѣловъ государства золота и серебра и что это запрещеніе практиковалось почти повсемѣстно. Такъ, въ Англіи и Франціи дозволялось вывозить изъ государства лишь столько монетъ, сколько было необходимо на путевые расходы. Иностранкѣ, вышедшей замужъ за гражданина города Любека и затѣмъ овдовѣвшей, разрѣшалось, буде она пожелаетъ возвратиться на свою родину, вывезти лишь ту сумму, какую она принесла съ собою мужу (стр. 91 п. 4). Въ Бельгіи воспрещенъ былъ вывозъ, какъ золота и серебра во всѣхъ видахъ, такъ и всякаго рода монетъ, даже испорченныхъ. (стр. 156 п. 8). Равнымъ образомъ во всѣхъ ганзейскихъ городахъ протоколами сеймовъ отъ 1417 и 1428 гг. воспрещалось подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи всего имущества вывозить за границу золото и серебро для всякихъ тутъ подѣлокъ и инаго употребленія (стр. 397 п. 12). Подобнаго же рода запрещенія существовали и въ другихъ государствахъ (стр. 91 п. 4).

Но что бы плательщикъ не задержалъ выдачи этихъ денегъ, заявивъ сомнѣніе въ подлинности предъявляемаго ему письма, авторъ послѣдняго заблаговременно извѣщалъ своего агента или компаніона особымъ письмомъ, получившимъ впослѣдствіи названіе авизо, что онъ имѣетъ выплатить мѣстною монетою опредѣленную сумму такому-то лицу, уплатившему туже сумму ему, автору письма, иною монетою. Подобныя услуги, какъ не трудно догадаться, оказывались безмездно только близкимъ пріятелямъ или родственникамъ; что же касается людей постороннихъ, то услуга эта, какъ и всякая иная, должна была покупаться, причемъ цѣнность ея выражалась въ разницѣ между величиною полученной суммы денегъ одною монетою и величиною подлежавшей выдачѣ суммы денегъ другою монетою, такъ что векселедатель получалъ всегда больше, чѣмъ долженъ былъ выдать.

§ 19.

Но потребность въ иностранныхъ деньгахъ могла удовлетворяться такимъ способомъ только до тѣхъ поръ, пока торговые обороты были не сложны и не многочисленны. Когда же торговля начала быстро расти и развиваться, когда районъ ея сталъ включать въ себя все большее и большее количество городовъ, а на ряду съ этимъ росъ и контигентъ торговцевъ, то описаннаго средства обмѣна денегъ оказалось уже недостаточнымъ; да къ тому же оно было и весьма затруднительно, ибо не всегда и легко было отыскать купца, обладавшаго возможностью или желаніемъ выдать въ потребномъ мѣстѣ нужную сумму денегъ мѣстною монетою. Это неудобство устранено было появленіемъ особаго класса людей, сдѣлавшихъ денежные переводы своею спеціальною профессіею. Они являлись и водворялись повсюду, гдѣ усиливавшаяся внѣшняя торговля создавала неотложную потребность въ иностранной монетѣ и гдѣ, слѣдовательно, означенный обмѣнъ обѣщалъ значительныя прибыли [61]). Эти-то

---

[61]) Въ общихъ чертахъ изложенное о разномѣстныхъ деньгахъ и вызваннаго ими мѣняльнаго промысла заимствовано мною изъ **Scaccia** Tract. de comm. et camb. стр. 129 n. n. 9, 10 и 11: «cambiorum usus, praesertim in nundinis multipliciter est hodie dilatus: nam cum ad emendas merces multis opus sit pecuniis, multi aut in locis propriis, aut in locis alienis dant pecunias cambio pro nundinis, ut illis pecuniis emant merces, aut

люди, носившіе названіе мѣнялъ, если и не изобрѣли, то въ весьма значительной мѣрѣ содѣйствовали развитію вексельной сдѣлки, вполнѣ соотвѣтствовавшей ихъ профессіи. А потому объ нихъ необходимо сказать въ отдѣльности.

Мѣняльный или, лучше сказать, банкирскій промыселъ отнюдь не можетъ быть названъ продуктомъ только средневѣковаго состоянія путей сообщенія и монетныхъ системъ: онъ возникъ уже въ древности и былъ не только знакомъ римлянамъ, но и достигъ у нихъ высокой степени развитія и благоустройства. Если обратиться къ свидѣтельству римскихъ писателей, то легко убѣдиться, что уже въ первыя времена римской республики, а въ особенности въ императорскій періодъ мѣнялы, носившіе у римлянъ названіе argentarii, обладали вполнѣ ясно очерченною организаціею и такимъ кругомъ дѣлъ, который во многомъ напоминаетъ нынѣшнія банковыя операціи. Такъ, argentarii принимали у богатыхъ людей ихъ капиталы какъ на храненіе, такъ и для пользованія за уплату опредѣленныхъ процентовъ, а равно для производства разсчетовъ по порученіямъ вкладчиковъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ Ульпіанъ и Папиньянъ. Первый говоритъ [62]), что въ случаѣ банкротства мѣнялы необходимо прежде всего удовлетворять изъ его имущества тѣхъ вкладчиковъ, кои отдали ему свои деньги на храненіе, а не ради производства при его посредствѣ процентныхъ оборотовъ или для полученія отъ него процентовъ. Эта привилегія, продолжетъ далѣе другой изъ названныхъ юристовъ, Папиньянъ, прости-

---

denuo dent eas cambio illis, qui eis indigent: quam ob causam ed easdem nundinas accedunt multi capserii nummati, à quibus mercatores accipiunt cambio, et accedunt etiam aliqui bancherij depositarij, qui deposito accipiunt pecunias mercatorum, et capseriorum, easque soluunt ex mandato eorum, qui eas deposuerunt.... Huius cambij pecuniae cum pecunia origo processit a casu, et accidentaliter, nam accidit forsan, aliquem habuisse numismata aliqua, quae in eius propria patria, seu regione non appretiabantur, eo quod non erant numismata suae regionis, puta, Saracenorum: accidit postea, quod Saraceni aliqui venerunt in eius patriam, et illa numismata habuerunt pro vili pretio, eaque ad eorum patriam portarunt, ubi maiori pretio aestimabantur»... (n. 10).

[62]) l. 7 § 2 D. depositi vel contra 16. 3. «Quoties foro cedunt numulariі solet primo loco ratio haberi depositariorum, hoc est eorum, qui depositas pecunias habuerunt, non quas foenore apud numularios, vel cum numulariis, vel per ipsos exercebant».

рается не только на то количество, какое изъ отданныхъ въ поклажу денегъ будетъ еще на лицо, но и на все имущество банкрота, что введено ради общественной пользы [63]). Изъ одного мѣста кодекса Юстиніана [64]) усматривается, что мѣнялы эти производили свои операціи не только лично, но и чрезъ своихъ рабовъ, въ завѣдываніе коихъ отдавали отдѣльныя свои конторы (mensa). Изъ этихъ мѣстъ выясняется, что промыселъ аргентаріевъ имѣлъ довольно широкое распространеніе и что они принимали отъ частныхъ лицъ денежные капиталы или въ депозитъ, или подъ проценты, спекулируя ими отъ своего имени, или въ качествѣ коммиссіонеровъ производя выдачу ихъ подъ проценты другимъ лицамъ по указанію вкладчиковъ. Такъ какъ они обязаны были дозволять выписи изъ своихъ книгъ для предъявленія въ судѣ независимо отъ того, будутъ-ли отвѣтчиками они сами или кто другой, и такъ какъ занятіе ихъ считалось дѣломъ общественнымъ, какъ-бы государственною службой, то первое условіе ихъ профессіи состояло въ точномъ и старательномъ веденіи ими своихъ книгъ [65]). Точность, честность и аккуратность, составлявшія главнѣйшія качества римскихъ мѣнялъ, привели къ тому, что почти всѣ состоятельные римляне были у нихъ вкладчиками и обладали въ ихъ книгахъ особыми листами. Это обстоятельство въ высшей степени облегчали взаимные разсчеты и платежи между римскими капиталистами: вмѣсто реальнаго платежа т. е. вмѣсто платежа наличными, коихъ къ данному времени

---

[63]) l. 8 D. eod. «Quod privilegium exercetur non in ea tantum quantitate, quae in bonis argentarii ex pecunia deposita reperta est, sed in omnibus fraudatoris facultatibus, idque propter necessarium usum argentariorum ex utilitate publica receptum est».

[64]) l. 3 C. de exercitoria et institoria actione IV. 25. «Institoria tibi adversus eum actio competit, a quo servum mensae praepositum dicis, si eius negotii causa, quod per eum exercebatur, depositam pecuniam nec redditam potest probari».

[65]) l. 10 pr. §§ 1 и 2. D. de edendo 2. 13. «Argentarius rationes edere iubetur, nec interest, cum ipso argentario controversia sit, an cum alio. Ideo autem argentarios tantum, neque alios ullos absimiles iis edere rationes coget, quia officium eorum atque ministerium publicam habet causam; et haec principalis eorum opera est, ut actus sui rationes diligenter conficiant. Edi autem ratio ita intelligitur, si a capite edatur—nam ratio, ni inspiciatur, intelligi non potest;—scilicet ut non totum cuique codicem rationum totas que membranas inspiciendi describendique potestas fiat, sed ut ea sola pars rationum, quae ad instruendum aliquem pertineat, inspiciatur et describatur».

могло и не быть, мѣняла ограничивался простыми отмѣтками въ своихъ книгахъ, въ особенности, когда дѣло шло о разсчетѣ между его вкладчиками. Если, напр., одинъ вкладчикъ долженъ былъ уплатить другому вкладчику же опредѣленную сумму денегъ, то мѣняла эту сумму списывалъ со вклада плательщика и приписывалъ ее ко вкладу получателя, и такимъ способомъ обходился безъ звонкой монеты, въ то время единственнаго платежнаго орудія. Путемъ постояннаго обращенія съ деньгами они преобрѣтали навыкъ въ распознаваніи монетъ, а потому они же обыкновенно рѣшали споры и недоразумѣнія по поводу денежнаго курса.

Хотя ихъ профессіональное занятіе состояло въ пріемѣ и выдачѣ денегъ, но въ виду ихъ спеціальнаго знакомства съ монетною частью они мало по малу стали посредниками во всѣхъ сдѣлкахъ, сопряженныхъ съ денежными платежами. Такъ какъ при подобныхъ сдѣлкахъ получатель платежа, во избѣжаніе обмана и ошибки и связанныхъ съ ними убытковъ, въ концѣ концовъ все-таки вынужденъ былъ обращаться къ помощи аргентарія, то всего послѣдовательнѣе было ему же поручить и полученіе платежа и тѣмъ освободиться отъ излишнихъ хлопотъ и гарантировать себя отъ полученія фальшивой или низкопробной монеты, которой въ обращеніи въ то время было не мало, благодаря наплыву чужестранной и порчѣ мѣстной монеты. Эта роль мѣнялъ при денежныхъ сдѣлкахъ повлекла за собою посредничество ихъ и при заключеніи подобныхъ сдѣлокъ. Вѣдь у нихъ и чрезъ нихъ происходила развязка сдѣлки, чрезъ ихъ посредство она осуществлялась, а потому имъ необходимо было на всякій случай имѣть свѣдѣнія не только о ея содержаніи и составѣ, но и объ обстоятельствахъ, коими сопровождалось ея заключеніе. Всего легче это могло быть достигнуто привлеченіемъ мѣнялъ къ участію при актѣ заключенія сдѣлки. А разъ ихъ участіе стало дѣломъ обычнымъ, то вполнѣ естественно и послѣдовательно было пользоваться ихъ опытностью и практическими свѣдѣніями для самого заключенія сдѣлки. Такимъ-то образомъ мѣнялы съ ихъ спеціальными занятіями, каковы пріемъ и уплата денегъ отъ чужаго имени, явились маклерами и посредниками при самомъ возникновеніи сдѣлокъ. Тѣже навыкъ и знакомство съ денежнымъ дѣломъ, а равно съ потребностями, условіями и состояніемъ рынка заставили римлянъ

поручать мѣнялам продажу частнаго имущества, буде въ томъ представлялась необходимость. На эту роль мѣнялъ существуютъ прямыя и ясныя указанія въ законодательныхъ источникахъ римскаго права, не говоря уже о свидѣтельствахъ римскихъ писателей, каковы Цицеронъ, Квинтиліанъ и Гай [66]). Обладая и располагая довольно обширными вкладами богатыхъ гражданъ, мѣнялы получили возможность давать эти капиталы въ займы подъ проценты нуждающимся въ деньгахъ лицамъ и этимъ весьма выгоднымъ промысломъ въ значительной степени увеличивали свои богатства, пріобрѣтавшіяся ими сверхъ того путемъ платы

---

[66]) Такъ Цицеронъ въ рѣчи въ защиту Цецины (pro Caeccina VI) прямо свидѣтельствуетъ, что деньги за купленную недвижимость Эбуцій обѣщалъ уплатить аргентарію (pecuniam argentario promittit Aebutius). Далѣе Эбуцій, присвоившій себѣ имѣніе, купленное на деньги Цезенніи, ссылается на то, что у него украли счетъ аргентарія, гдѣ значилось, что деньги имъ, аргентаріемъ, получены. (Cujus rei putet iste rationem reddi non posse, quod ipse tabulas averterit: se autem habere argentarii tabulas, in quibus sibi expensa pecunia lata sit, acceptaque relata). Квинтиліанъ (M. Fabii Quintiliani Oratoriae Institutionis libri duodecim, lib. XI, 2. 24) между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Et forsitan hoc sunt adjuti, qui, auctione dimissa, quid cuique vendidissent testibus argentariorum tabulis reddiderunt» (А, быть можетъ, этимъ оказывалась помощь тѣмъ, кои, по окончаніи аукціона, если что-нибудь было кому-нибудь продано, выдавали проданное по предъявленіи росписокъ аргентаріевъ въ полученіи денегъ). Гай (Instit. IV 126 a)

См. также l. 18 D. de hereditatis petitione V. 3, гдѣ юристъ Ульпіанъ разрѣшаетъ случай, въ коемъ владѣлецъ наслѣдственной массы продалъ ее чрезъ мѣнялу и вырученныя этимъ послѣднимъ деньги пропали до передачи ихъ ему, владѣльцу, а вслѣдъ затѣмъ къ нему былъ предъявленъ искъ de petitione hereditatis. Юристъ спрашиваетъ, долженъ ли означенный possessor наслѣдственнаго имущества отвѣчать по такому иску, хотя онъ ничѣмъ изъ этого имущества не обладаетъ и исковыхъ требованій исполнить не можетъ? Другой юристъ Сцевола (l. 88 D. de solutionibus et liberationibus, 46. 3) сообщаетъ также возбудившій сомнѣніе случай, въ коемъ мать управляла имуществомъ дочери, наслѣдованнымъ ею по закону послѣ смерти ея отца. По распоряженію этой матери нѣкоторыя вещи изъ названнаго имущества были проданы аргентаріями, о чемъ ими обозначено было въ ихъ книгахъ, а вырученныя отъ продажи деньги вручены матери. По полученіи этихъ денегъ мать еще девять лѣтъ управляла помянутымъ имуществомъ, послѣ чего выдала дочь замужъ и передала новому своему зятю и это послѣднее. Возникъ вопросъ: можетъ ли дочь предъявить какой-нибудь искъ къ аргентаріямъ на томъ основаніи, что согласіе на цѣну проданныхъ вещей давала не она, а ея мать?

за вышеперечисленныя услуги. Но чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ неожиданнымъ обратнымъ требованіемъ вкладовъ, мѣнялы вступали между собою въ товарищества, или иначе, societates [67]), которыя были для нихъ тѣмъ удобнѣе, что по римскому правосозерцанію, въ противоположность нынѣшнему праву, товарищества не были ассоціяціями, отвѣчавшими предъ третьими лицами за дѣйствія своихъ членовъ совмѣстно, а каждый изъ послѣднихъ отвѣчалъ за заключенныя имъ сдѣлки для товарищества лично, имѣя лишь право регресса къ остальнымъ товарищамъ. Въ Константинополѣ аргентаріи составляли даже особую корпорацію, которая, какъ видно изъ новеллы 136 Юстиніана, надѣлена была различными привиллегіями. Такъ, имъ разрѣшалось съ требованіемъ уплаты долга обращаться, по своему усмотрѣнію, или къ главному должнику, или къ любому изъ его поручителей, буде таковые имѣлись (cap. 1 ib.), не соблюдая установленнаго для другихъ кредиторовъ порядка постепенности (beneficium excussionis seu ordinis), но подъ условіемъ, чтобъ это право они выговаривали себѣ въ заключаемыхъ ими договорахъ. На нихъ далѣе распространено было право кредиторовъ обращать взысканіе на публичную должность самого должника или его дѣтей, если эта должность принадлежала къ разряду отчуждаемыхъ и если обладатель ея не докажетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что она пріобрѣтена имъ путемъ императорскаго пожалованія или на деньги, доставшіяся ему не отъ аргентаріевъ, а инымъ образомъ (ib. глава 2) [68]). На вещи, взятыя у мѣнялъ или купленныя на полученныя отъ нихъ въ займы деньги, константинопольской корпораціи мѣнялъ предоставлялось премущественное предъ всѣми остальными кредиторами право, буде покупная цѣна или занятыя деньги не будутъ ея членамъ своевременно уплачены. Право это предпочиталось даже залоговому притязанію остальныхъ лицъ (ib. гл. 3), Членамъ той же корпораціи предоставлялось взимать восемь процентовъ (bessem centesimae) за всякую должную имъ сумму, хотя бы на этотъ счетъ между контрагентами не состоялось никакого соглашенія (ib. гл. 4 и 5 § 1).

---

[67]) О товариществахъ аргентаріевъ въ Corpus iuris civilis упоминается въ разныхъ мѣстахъ; для примѣра можно указать на l 5 D. pro socio 17. 2, l. 25 pr. и l. 27 D. de pactis 2. 14.

[68]) Ср. также l. 27. C. de pignoribus et hypothecis 8. 14.

Всѣ эти преимущества, какъ тамъ же объясняетъ императоръ Юстиніанъ, дарованы аргентаріямъ въ воздаяніе за ту громадную пользу, которую они своимъ промысломъ приносятъ обществу, и за тотъ рискъ, который они несутъ при раздачѣ денегъ въ займы частнымъ лицамъ.

Начиная съ 5-го столѣтія, т. е. со времени римской республики, мѣнялы водворяются на форумѣ въ лавкахъ, въ коихъ дотолѣ торговали мясники, какъ это видно изъ одного сохранившагося отрывка изъ сочиненій Варрона, приведеннаго у Бунзена, Beschreibung der Stadt Rom, Dritter Band zweite Abth. стр. 25.

«Въ этотъ-то промежутокъ времени, говоритъ тутъ Варронъ, впервые возросла важность форума и мясныя лавки обратились въ серебряные ряды (argentariae)». Великолѣпныя пепериновыя галлереи въ старомъ этрускомъ стилѣ заступили мѣсто прежнихъ лавчонокъ и благородные промыслы вытѣснили низкіе въ смежныя улицы вокругъ форума. Въ этихъ-то галлереяхъ расположилась, главнымъ образомъ, торговля золотыми и серебряными издѣліями, а равно денежный размѣнъ. Они состояли изъ многихъ отдѣленій или залъ, раздѣлявшихся между собою отвѣсными столбами или косяками (pilae). Помѣщавшіяся тутъ лавки обозначались номерами по порядку, причемъ счетъ начинался отъ угловаго столба. Такихъ галлерей было двѣ и обѣ простирались вдоль двухъ сторонъ форума: одна изъ этихъ сторонъ носила названіе *sub novis* (tabernis), другая *sub veteribus* (tabernis). *Argentariae novae* или новый серебряный рядъ находился на сѣверной сторонѣ форума, а противоположная, т. е. южная сторона за базиликою Юлія называлась *pone veteres* (позади старыхъ лавокъ). Сѣверныя лавки прозваны были новыми потому именно, что онѣ первыя были расширены и заново отдѣланы, почему и сохранили названіе новыхъ, не смотря на то, что такой же передѣлкѣ и перестройкѣ подверглись впослѣдствіи и южныя лавки. Какъ можно судить изъ комедіи Плавта *Curculio*, а именно изъ того ея мѣста, гдѣ описывается, какой профессіи люди постоянно посѣщаютъ тѣ или другія части форума, ссуда денегъ подъ проценты сосредоточена была въ южномъ ряду мѣняльныхъ лавокъ, находившихся вблизи храма Кастора и Поллукса, а за этимъ храмомъ ютились убогія лавчонки, гдѣ толпились люди съ сомнительною репута-

ціею. «Sub veteribus, говоритъ поэтъ, ibi sunt qui dant quique accipiunt foenore: pone aedem Castoris ibi sunt subito quibus credas male» [69]).

Независимо отъ аргентаріевъ, сдѣлавшихъ денежныя сдѣлки своею спеціальною профессіею, въ Римскомъ государствѣ существовали еще офиціальные мѣнялы, утвержденные въ этомъ званіи государственною властью [70]). Эти мѣнялы носили названіе *numularii, mensarii* или *mensularii* [71]) и имъ ввѣрены были обмѣнъ одного сорта денегъ на другой, опредѣленіе пробы монетъ, а нерѣдко и принятіе на храненіе какъ отъ казны (aerarium), такъ и отъ частныхъ лицъ тѣхъ суммъ, коимъ вкладчики имѣли въ виду дать то или другое назначеніе [72]). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ дѣятельность ничѣмъ не отличалась отъ дѣятельности аргентаріевъ, точно также принимавшихъ отъ

---

[69]) См. обо всемъ этомъ главнымъ образомъ Beschreibung der Stadt Rom von Ernst Platner, Carl Bunsen, Eduard Gerhard, Wilhelm Röstel und Ludwig Ulrichs Dritter Band zweiter Abtheilung. Stuttgart und Tübingen 1838 стр. 26, 27, 68, 69 и 70. Подтвержденіе приведенныхъ названій можно найдти у **T. Livii Patavini** Historiarum libri qui supersunt liber III cap. 48. l. 36 cap. 27.l. 40 cap. 51 (изд. Boehmert).

[70]) Существованіе такихъ мѣнялъ подтверждается l. 24 § 2 D. de rebus auctoritate iudicis 42. 5, гдѣ между прочимъ говорится: «In bonis mensularii vendundis post privilegia potiorum eorum causam esse placuit, qui pecunias apud mensam **fidem publicam secuti** deposuerunt».

[71]) Въ l. 47 § 1 D. depactis 2. 14 приводится росписка, выданная мѣнялою названнымъ тутъ mensulariis; росписка эта слѣдующаго содержанія: «Ex rationae mensae, quam mecum habuisti in hunc diem, ex contractibus plurimis remanserunt apud me ad mensam meam trecente octoginta sex, et usurae, quae competierint; summam aureorum, quam apud me tacitam habes, refundam tibi, si quod instrumentum a te emissum, id est, scriptum, cuiuscunque summae ex quacunque apud me remansit, vanum et pro cancellato habebitur» (По счету моего мѣняльнаго стола, счету, который ты имѣлъ со мною до сего дня, въ моемъ столѣ отъ многихъ договоровъ остается триста восемьдесятъ шесть съ причитающимися на нихъ процентами. Что касается суммы золотыхъ монетъ (солидовъ), остающейся у меня секретно, т. е. не записанною въ мою офиціальную книгу, то я возвращу ее тебѣ, если написанный тобою документъ, у меня остающійся, на какую бы сумму и на какомъ бы основаніи онъ ни былъ выданъ, будетъ признанъ недѣйствительнымъ и погашеннымъ).

[72]) l. 39 D. de solutionibus et liberationibus 46. 3. l. 7 § 2 D. depositi vel contra 16. 3, l. 24 § 2. D. de rebus auctoritate iudicis 42. 5. См. о римскихъ мѣнялахъ **Walter** Geschichte des römischen Rechts bis auf Iustinian. Bonn 1860 т. стр. 300 — 302.

частныхъ лицъ депозиты на различныя суммы [73]). Впослѣдствіи нумуларіи отданы были подъ надзоръ praefectus urbi, который обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобъ они вели себя честно во всѣхъ своихъ дѣлахъ и воздерживались отъ запретныхъ дѣяній [74]). Какъ можно видѣть изъ двухъ эдиктовъ императора Юстиніана, помѣщенныхъ въ кригелевскомъ изданіи Corpus iuris civilis подъ №№ 7 и 9 вслѣдъ за новеллами, аргентаріи въ Константинополѣ соединены были между собою кооперативною связью и въ качествѣ корпораціи неоднократно обращались къ императорамъ съ ходатайствами о различныхъ льготахъ, каковыя имъ и жаловались въ формѣ прагматическихъ санкцій. Мотивомъ для такихъ пожалованій служили все тѣ же соображенія полезности этой корпораціи для общества и особенности ея профессіи, благодаря которой процентныя сдѣлки являлись для мѣнялъ главнѣйшимъ источникомъ существованія.

§ 20.

Итакъ, банкирскій промыселъ не только былъ извѣстенъ древнимъ римлянамъ, но достигъ у нихъ высокой степени развитія и даже весьма подробно и обстоятельно регулированъ былъ здѣсь законодательствомъ. Вышеприведенныя свѣдѣнія какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуютъ въ пользу того, что народъ римскій сталъ прибѣгать къ услугамъ мѣнялъ чуть-ли не съ первыхъ временъ своего историческаго существованія и что мѣняльный промыселъ явился въ Римѣ не искуственнымъ продуктомъ законодательства или администраціи, а средствомъ удовлетворенія одной изъ насущныхъ потребностей римской общественной жизни. А разъ онъ былъ римскимъ народнымъ продуктомъ, разъ онъ зародился

---

[73]) Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ юристъ Павелъ, который говоритъ слѣдующее (l. 9 § 2 D. de edendo 2. 13): «Numularios quoque non esse iniquum cogi rationes edere, Pomponius scribit, quia et hi numularii, **sicut argentarii**, rationes conficiunt, quia et accipiunt pecuniam, et erogant per partes, quarum probatio scriptura codicibusque eorum maxime continetur; et frequentissime ad fidem eorum decurritur» (т. е. не будетъ несправедливымъ заставлять нумуларіевъ предъявлять свои разсчетныя книги, какъ пишетъ Помпоній, ибо они, нумуларіи, подобно аргентаріямъ, ведутъ разсчеты, а равно принимаютъ деньги и выдаютъ ихъ по частямъ, доказательство чего главнымъ образомъ содержится въ ихъ письменныхъ документахъ и разсчетныхъ книгахъ; и очень часто полагаются на ихъ вѣрность).

[74]) l. 1 § 9 D. de officio praefecti urbi 1. 12.

и выросъ среди самого народа безъ всякой посторонней помощи, то само собою понятно, что его существованіе и всякое воспоминаніе о немъ могли исчезнуть только вмѣстѣ съ полнымъ исчезновеніемъ римскаго народа не только какъ политическаго цѣлаго, но и какъ совокупности индивидовъ. Едва-ли надо еще особенно доказывать, что такое исчезновеніе совершенно немыслимо, какимъ бы свирѣпымъ характеромъ ни отличались варвары, разрушившіе римское государство. А если такъ, то и мѣняльный промыселъ, какъ римскій народный продуктъ, не могъ исчезнуть въ средніе вѣка. Правда, варвары стерли съ лица земли римскую имперію съ ея образцовымъ политическимъ укладомъ, водворивъ на его мѣсто анархію и полный хаосъ, но не въ ихъ власти было стереть въ тоже время съ лица земли римскій народъ съ присущими ему нравами и учрежденіями. Продолжая жить при новыхъ политическихъ условіяхъ и пользуясь даже, какъ это весьма убѣдительно доказываетъ Савиньи[75]), своимъ собственнымъ римскимъ правомъ, народъ этотъ, очевидно, долженъ былъ сохранять свои исконные экономическіе пріемы, свои коренныя національныя привычки и развившіеся въ его средѣ институты. Я разумѣю тутъ не юридическую жизнь, т. е. не существованіе, регулированное мѣстными законами, изданными верховною властью даннаго политическаго союза, а существованіе внутренее, фактическое, проявляемое во внѣ въ силу присущихъ народу характера, склада ума и міровоззрѣнія.

И дѣйствительно, если мы обратимся къ сохранившимся до нашихъ дней старѣйшимъ документамъ средневѣковой частной жизни италіанскаго народа, то убѣдимся, что римскій банкирскій промыселъ не прекращалъ своего фактическаго существованія и послѣ паденія римской имперіи, что римскіе наторѣвшіе мѣнялы въ тиши продолжали свое дѣло и безъ помощи законодательства, съ артистическимъ мастерствомъ приспособляясь къ новымъ политическимъ условіямъ, новымъ народностямъ и новой общественной средѣ. Такъ, историкъ *Canale* удостовѣряетъ, что италіанскіе мѣнялы слѣдовали по стопамъ крестоносцевъ, учреждая въ завоеванныхъ послѣдними мѣстахъ свои банки и

---

[75]) См. его сочиненіе **Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter** т. I изд. 2 Heidelberg 1834 zweites Kapitel.

путемъ мѣновыхъ денежныхъ сдѣлокъ сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю наличность тогдашей звонкой монеты, вслѣдствіе чего они сдѣлались на западѣ всемірными заимодавцами.

Банки генуэзцевъ, начиная чуть ли не съ 10-го столѣтія, водворяются въ Палестинѣ, Тирѣ, Константинополѣ, Франціи и Испаніи, не говоря уже объ Италіи, гдѣ въ Генуѣ ихъ было безчисленное множество, причемъ нѣкоторыя банкирскія фирмы пользовались въ то время громкою извѣстностью [76]). Генуэзцы мѣняли деньги, т. е. обмѣнивали одинъ сортъ монетъ на другой, не только на мѣстѣ, принимая однѣ деньги и тутъ же выдавая вмѣсто нихъ другія, но и путемъ перевода въ другое мѣсто, принимая опредѣленную сумму въ одномъ городѣ и выдавая удостовѣреніе на полученіе соотвѣтствующей суммы въ другомъ городѣ. Первый видъ обмѣна носилъ названіе cambium minutum, а второй cambium locale. Наиболѣе живой размѣнъ втораго сорта, т. е. переводъ денегъ съ мѣста на мѣсто, практиковался въ Палестинѣ, Константинополѣ и Франціи, а первый возникъ съ возникновеніемъ крестовыхъ походовъ. Какіе широкіе размѣры принялъ переводъ денегъ, совершавшійся чрезъ посредство италіанскихъ банкировъ, можно видѣть изъ приводимаго тѣмъ же италіанскимъ историкомъ Канале свидѣтельства аббата Констанца Гацера, помѣщеннаго въ запискахъ туринской академіи наукъ (т. VI серія II стр. 241). Аббатъ этотъ удостовѣряетъ, что въ Парижѣ найдена была невѣроятная масса, около двухъ тысячъ, древнихъ генуэзскихъ бумагъ, относящихся ко времени крестовыхъ походовъ. Вмѣстѣ со многими другими документами они достались въ наслѣдство нѣкоему Куртуа отъ его отца, нотаріуса въ какомъ-то провинціальномъ городѣ и большаго любителя старинныхъ документовъ. Большая часть изъ нихъ имѣетъ весьма малые размѣры, отъ двухъ дюймовъ въ длину и не болѣе 6-й или 8-й доли четвертушки листа. Самая структура буквъ и почеркъ указываютъ на ихъ весьма отдаленное происхожденіе; написаны они довольно четко, готическими, буквами съ безчисленными сокращеніями, въ повелительномъ тонѣ, другъ съ другомъ сходно и на узенькомъ простран-

---

[76]) **Michel-Giuseppe Canale.** Nuova istoria della republica di Genova, del suo commercio e della sua letteratura dalle origini all'anno 1797. Firenze, 1860 volume secondo стр. 611.

ствѣ. Содержаніемъ ихъ служатъ приказы уплатить, а равно обязательства, росписки въ полученіи платежа наличными и, наконецъ, всякаго рода писанія, при помощи коихъ разсѣянные во всѣхъ странахъ Востока и въ особенности въ Египтѣ генуэзскіе торговцы пріобрѣтали возможность доказывать и исковымъ порядкомъ требовать отъ благородныхъ крестоносцевъ выданныя имъ суммы денегъ. Документы эти обнимаютъ пространство времени отъ конца 12-го столѣтія, именно отъ 1190 г., до средины 13-го столѣтія, именно до 1234 г.[77]), т. е. періодъ, слѣдовавшій за послѣднимъ крестовымъ походамъ.

Какъ повѣствуетъ тотъ же историкъ, генуэзцы еще до пятаго крестоваго похода и послѣ нимфейскаго трактата самымъ усердным образомъ предавались размѣннымъ оборотамъ именно въ Константинополѣ, причемъ этотъ городъ сталъ какъ-бы центромъ, изъ коего они организовывали свои вексельныя отношенія между Азіею и Европою, между Египтомъ, Палестиною, Чернымъ моремъ и Италіею. Канале, по его увѣренію, собственными глазами видѣлъ въ 1859 году у одного знаменитаго французскаго дворянина пріобрѣтенные имъ за дорогую цѣну долговые документы, на коихъ выставлены 1198, 1202, 1204 и 1205 гг. въ качествѣ времени ихъ выдачи, причемъ два имѣли форму настоящаго векселя. Въ особенности же дѣятельно велись эти операціи во Франціи, гдѣ генуэзцы, будучи вообще разсѣяны по всѣмъ ея частямъ, главнымъ образомъ водворились въ Провансѣ, Лангедокѣ и Ліонѣ, и гдѣ феодалы, благодаря своимъ частымъ экспедиціямъ въ святую землю, весьма нуждались въ деньгахъ [77a]). Ясно отсюда, что крестовые походы застали вполнѣ сложившійся и развитой мѣняльный промыселъ, который однако могъ возникнуть и выработываться въ Италіи только во времена римскаго владычества. И такъ, крестовые походы, обусловившіе собою массовыя передвиженія вооруженныхъ людей въ отдаленные восточные края, потребовали огромныхъ денежныхъ расходовъ; для продовольствованія крестоносцевъ на востокѣ недостаточно было грабежа и реквизицій; необходимо было часто, а быть можетъ, всего чаще прибѣгать къ посредству правильной купли-продажи, но для этого нужны были мѣстныя деньги. Тутъто на помощь и явились италіанскіе мѣнялы. Наторѣвъ въ мѣ-

[77]) **Canale** ibid. стр. 612.

[77a]) **Canale** ibid. стр. 613 прим. 1.

няльномъ промыслѣ еще во времена римскаго владычества, мѣнялы умѣли весьма быстро приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ и съ большою выгодою для себя пріобрѣтать и мѣнять туземныя деньги на европейскія. Вытекшая отсюда необходимость въ передвиженіи большихъ денежныхъ суммъ и связанныя съ этимъ передвиженіемъ крайнія неудобства побудили ихъ, такъ сказать, раздвоить свой промыселъ: вмѣсто немедленнаго обмѣна потребныхъ суммъ на данномъ мѣстѣ и непроизводительнаго скопленія тутъ разнообразныхъ денежныхъ монетъ, они эти же иностранныя монеты принимали въ Европѣ чрезъ своихъ агентовъ, выдавая въ замѣнъ письменные приказы на имя восточныхъ мѣнялъ уплатить туземною монетою соотвѣтствующую принятой сумму. Такимъ образомъ, тотъ изъ рыцарей, который, отправляясь на востокъ, желалъ располагать тутъ опредѣленною денежною суммой, вносилъ ее въ своемъ отечествѣ какою-нибудь европейскою монетою данному мѣнялѣ и отъ него получалъ письмо или иной письменный документъ на имя восточнаго мѣнялы, въ коихъ содержались просьба либо приказъ выдать опредѣленную сумму данными восточными монетами въ замѣнъ уплаченныхъ въ Европѣ. Само собою разумѣется, что изъ подлежащихъ выдачѣ денегъ вычиталось вознагражденіе за размѣнъ и иныя услуги. Такимъ же образомъ поступали и въ томъ случаѣ, когда являлась необходимость мѣнять восточныя деньги на европейскія.

§ 21.

Описаннаго рода денежныя операціи въ концѣ концовъ должны были привести къ выработкѣ одной постоянной формы взаимныхъ денежныхъ сношеній, дѣйствительно выразившейся впослѣдствіи въ видѣ векселя. Едва ли послѣ сказаннаго надо еще прибавлять, что проводниками этой формы явились именно италіанскіе мѣнялы, разселявшіеся по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ нихъ являлась надобность. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя вексель съ разселеніемъ италіанскихъ мѣнялъ по лицу земнаго шара, все-таки нельзя утверждать, что вексель есть явленіе, обязанное своимъ появленіемъ генію и изобрѣтательности италіанцевъ. Если тутъ и возможно говорить объ изобрѣтательности, то ее слѣдуетъ приписать не лицамъ или націи, а силѣ опредѣленнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. На вексельную форму италіанскимъ

мѣняламъ, указали именно эти обстоятельства, и прибѣгая къ ней, эти мѣнялы лишь удовлетворяли потребностямъ тогдашняго оборота, а сами ничего не изобрѣтали.

Мы видѣли, что аналогичныя потребности заставили торговцевъ Ганзейскаго союза прибѣгнуть къ той же формѣ денежныхъ сношеній, къ какой прибѣгли италіанцы, и при томъ вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вліянія и участія италіанскихъ мѣнялъ. Вообще здѣсь мы должны повторить то, что уже было нами выражено въ другомъ мѣстѣ: вексель также мало можетъ быть названъ продуктомъ чьей-либо изобрѣтательности и генія, какъ купля-продажа, наемъ или заемъ могутъ быть сочтены результатомъ генія, предположимъ, римлянъ. Подобно тому, какъ эти формы сдѣлокъ обязаны своимъ происхожденіемъ нуждамъ частнаго и общественнаго хозяйства и являются повсюду, гдѣ появляются экономическіе обороты, такъ и вексель возникъ и долженъ былъ возникать вездѣ, гдѣ того требовали жизненныя условія торговли и общественнаго хозяйства. Вотъ почему, какъ мы смѣемъ думать, прежнія многочисленныя попытки отыскать первоначальныхъ изобрѣтателей векселя и различныя построенныя въ этомъ направленіи гипотезы, сопровождавшіяся соотвѣтствующею аргументаціею, не выдержали критики и не могли привести ни къ какому прочному, общепризнанному результату. Всѣ эти гипотезы, не взирая на крайнія усилія ихъ единичныхъ авторовъ, не въ состояніи были выйдти изъ области гадательныхъ фактовъ и возвыситься до истинной дѣйствительности; всѣ онѣ безъ всякаго преувеличенія должны быть названы безплодными трудами и стали таковыми именно потому, что причину появленія векселя искали не тамъ, гдѣ слѣдовало, не въ бытовыхъ условіяхъ средневѣковаго оборота, а въ случайныхъ историческихъ событіяхъ. Мы уже видѣли, какъ совокупность извѣстныхъ бытовыхъ условій превратила вексель изъ простаго средства перевода и обмѣна денегъ въ процентную сдѣлку. Мы увидимъ далѣе, что такая же совокупность обусловила собою всѣ его дальнѣйшія формаціи, подобно тому, какъ бытовыя же условія влекутъ за собою многоразличныя видоизмѣненія формы договоровъ найма, займа, поклажи и т. п. Однимъ словомъ, какъ институтъ частнаго права, гдѣ личная изобрѣтательность отходитъ на задній планъ, гдѣ все вырабатывается взаимодѣйствіемъ различныхъ экономическихъ факторовъ, вексель съ самаго перваго момента своего появленія и во все по-

слѣдующее свое существованіе подчинялся тѣмъ же законамъ движенія и развитія, какъ и остальные институты гражданскаго права.

Итакъ, италіанскіе мѣнялы, хотя и не сразу и не путемъ присущей имъ изобрѣтательности, а лишь мало по малу и подъ вліяніемъ свойствъ своего промысла приведены были къ однообразной формѣ денежнаго оборота, выразившейся въ первоначальномъ векселѣ. Эти-же мѣнялы, все болѣе и болѣе расширяя районъ своей дѣятельности, тѣмъ самымъ, быть можетъ, безсознательно и помимо собственнаго желанія, привлекали къ участію въ вексельныхъ сдѣлкахъ и лицъ, непричастныхъ мѣняльному промыслу, а вмѣстѣ съ тѣмъ понемногу знакомили и пріучали къ векселю и остальные классы средневѣковаго общества, такъ что въ концѣ концовъ вексельная сдѣлка должна была выйдти изъ узкой среды италіанскихъ мѣнялъ и сдѣлаться общимъ средствомъ обмѣна цѣнностей. На такой выводъ наводитъ то обстоятельство, что, гдѣ зарождается и развивается торговля и гдѣ вслѣдствіе того является крайняя потребность въ частомъ обмѣнѣ и добычѣ денегъ, тамъ водворяются мѣнялы, тамъ возникаютъ ихъ конторы и агентуры и тамъ вслѣдъ затѣмъ являются векселя.

Слѣдуя за крестоносцами, италіанскіе мѣнялы организуютъ свой промыселъ въ Италіи, Франціи и въ восточныхъ краяхъ [78]), и въ этихъ именно мѣстахъ впервые появляются и затѣмъ развиваются вексельныя сдѣлки. Ганзейскіе города сравнительно поздно знакомятся съ мѣняльнымъ промысломъ, не участвуютъ въ крестовыхъ походахъ, не ведутъ непосредственной торговли съ востокомъ, съ Франціею, Испаніею и Италіей, ихъ коммерческіе обороты съ сѣверомъ скорѣе могутъ быть названы торговлею мѣновой, а потому и знакомство съ вексельною сдѣлкою здѣсь появляется несравненно позже, и во всякомъ случаѣ она не достигаетъ тутъ такого распространенія и развитія, какія получила во Франціи, Италіи и др. мѣстахъ, гдѣ водворились и прочно усѣлись италіанскіе мѣнялы. Являясь съ своими услугами на помощь крестоносцамъ, мѣнялы, конечно, не отказывали въ ней италіанскимъ и французскимъ торговцамъ, проникшимъ въ восточныя страны еще раньше крестоносцевъ. Такъ, нѣкоторые италіанскіе города, каковы Венеція, Анкона и Амальфи, а

[78]) **Canale** ib. стр. 612.

по ихъ примѣру и нѣкоторые города Франціи и Аррагоніи состояли въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ востокомъ уже съ 8-го столѣтія. Со времени крестовыхъ походовъ торговля эта лишь упрочилась и расширилась, такъ какъ названные торговцы, воспользовавшись военными успѣхами французовъ, исходатайствовали своимъ городамъ различныя торговыя привилегіи въ восточныхъ коммерческихъ центрахъ [79]). Едва-ли надобно еще особенно доказывать, что помянутые торговцы, какъ и крестоносцы, нуждались для своихъ коммерческихъ операцій въ большихъ количествахъ туземной монеты и что эти монеты всего легче могли доставить имъ тѣ же мѣнялы путемъ обмѣна иностранныхъ денегъ на туземныя, а это совершалось либо на мѣстѣ, либо посредствомъ письменныхъ сношеній. Въ виду того, что и крестоносцы и купцы, хотя и преслѣдовавшіе различныя цѣли, нуждались однако въ однихъ и тѣхъ же средствахъ, вексельная форма удовлетворяла и тѣхъ и другихъ, а потому естественно должна была получить значеніе обыденнаго способа обмѣна цѣнностей.

Забравши на востокѣ товарную и денежную торговлю въ свои руки, италіанцы должны были получить преобладаніе и на коммерческой аренѣ тѣхъ европейскихъ государствъ, коихъ товары главнымъ образомъ отправлялись на востокъ. Въ ряду этихъ государствъ первенствующее мѣсто принадлежало Франціи, Нидерландамъ и Англіи [80]). Особенно широкою дѣятельностью проявили себя италіанскіе мѣнялы въ предѣлахъ Франціи, хотя нельзя сказать, чтобы тутъ дѣла ихъ шли все время вполнѣ гладко. Совершенно наоборотъ, великія бѣдствія и полное разореніе постигали ихъ тутъ неоднократно. Такъ, французскій король Людовикъ Святой, преисполненный благочестія и безграничной преданности интересамъ церкви, вполнѣ усвоилъ себѣ взглядъ столь излюбленныхъ имъ доминиканцевъ и подъ вліяніемъ ихъ внушеній считалъ проценты дѣломъ грѣховнымъ, а людей, взимающихъ таковые, чуть-ли не исчадіями ада. А такъ какъ ростовщичествомъ въ то время главнымъ образомъ занимались евреи и италіанскіе мѣнялы или иначе банкиры, то на нихъ и долженъ былъ обрушиться гнѣвъ благочистиваго монарха,

---

[79]) **Canale** ibid. стр. 613.

[80]) **Martens** Ueber den wahren Ursprung des Wechselrechts стр. 12 § 2. **Neumann** Gesch. des Wuch. стр. 366. b.

И дѣйствительно, еще до возвращенія своего изъ Палестины, онъ приказываетъ подвергнуть евреевъ преслѣдованію и конфискаціи всего ихъ имущества. Но въ 1257 или 1258 г. изъ этого имущества онъ повелѣваетъ возвратить должникамъ евреевъ всѣ уплаченные ими проценты, причемъ этому послѣднему слову даетъ самое широкое толкованіе, обнимающее всѣ вообще прибыли [81]).

Таже, если еще не горьшая, участь постигаетъ италіанцевъ. Около 1226 г. жители города Асти стали пускать свои капиталы въ оборотъ во Франціи, извлекая изъ этого значительныя выгоды. Мирно и безмятежно предавались они этому занятію въ теченіи тридцати лѣтъ, но на 31-мъ году, именно 1-го сентября 1256 г. они совершенно неожиданно, по повелѣнію короля, подвергнуты были аресту во всей Франціи. Всего ихъ оказалось тутъ полтораста человѣкъ, кои роздали въ заемъ французамъ 800000 ливровъ; весь этотъ капиталъ приказано было конфисковать, а всѣ арестованные банкиры препровождены были въ Ліонъ для выдачи графу Савойскому, съ коимъ въ то время городъ Асти состоялъ въ войнѣ. Получивъ банкировъ въ свое обладаніе, графъ Анна IV Савойскій, приходившійся двоюроднымъ братомъ королевѣ Маргаритѣ и находившійся подъ покровительствомъ папы, просилъ у Людовика IX разрѣшенія въ лицѣ этихъ банкировъ расправиться съ своими врагами; просьба эта была бы отвергнута, но на бѣду злополучныхъ банкировъ монахи убѣдили короля, что онъ обязанъ мѣнялъ истреблять. Благодаря этому, означенные мѣнялы болѣе шести лѣтъ протомились въ тюрьмѣ, гдѣ подвергались всякаго рода лишеніямъ, пыткамъ и инымъ мученіямъ, дабы вынудить у нихъ болѣе высокую сумму выкупа [82]).

Горькую чашу испили и другіе водворившіеся во Франціи, италіанскіе банкиры, а именно кагорцы, ломбардцы и флорентинцы, изъ коихъ кагорцы пользовались особымъ покровительствомъ римскаго двора, избравшаго ихъ своими банкирами въ Англіи. Скоро однако всѣ эти италіанцы пріобрѣли славу первостатейныхъ ростовщиковъ, такъ что италіанецъ и ростовщикъ стали словами однозначущими. Понятно, что такой фанатично благочестивый монархъ, какъ Людовикъ IX, не въ состояніи

---

[81]) **Simonde de Sismondi** Histoire des français. Paris 1826 т. 8 стр. 111 и 112.
[82]) **Sismondi** ibid. стр. 26 и сл.

былъ долго выносить присутствіе въ своемъ государствѣ людей, позволявшихъ себѣ открыто преступать запреты церкви относительно взиманія процентовъ. И вотъ въ январѣ 1268 г. онъ издаетъ ордонансъ, въ коемъ повелѣваетъ изгнать изъ предѣловъ Франціи всѣхъ ломбардцевъ и кагорцевъ, предающихся банковымъ операціямъ. Имъ дается только три мѣсяца срока для приведенія ихъ дѣлъ къ окончанію и полученія обратно, и то безъ процентовъ, данныхъ ими въ займы суммъ, причемъ прибавляется, что тѣ изъ италіанцевъ, кои не участвовали въ банкирскихъ спекуляціяхъ, могутъ оставаться въ Франціи [83]).

Въ 1277 г. тоже повторилъ съ италіанскими банкирами и торговцами Филиппъ III. Крайне нуждаясь въ деньгахъ и желая пріобрѣсти наибольшее ихъ количество съ наименьшею затратою времени и жертвъ, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости. Ему извѣстно, что водворившіеся во Франціи италіанцы, благодаря своему умственному превосходству и своимъ огромнымъ капиталамъ, съумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ всю торговлю страны. Чтобы вымучить у этихъ богачей потребную немалую сумму денегъ, Филиппъ III приказываетъ арестовать ихъ всѣхъ въ одно и тоже время; при этомъ имъ объявляется, что они, въ нарушеніе законовъ церкви, предавались ростовщичеству и потому должны ожидать по меньшей мѣрѣ конфискаціи всего ихъ достоянія. Это обвиненіе и эта угроза разсчитаны были на то, что узники, устрашенные ожидающею ихъ участью, пожелаютъ откупиться и не поскупятся дорого заплатить за свое освобожденіе. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: арестованные вступили чрезъ посредство своихъ тюремщиковъ въ переговоры и въ концѣ концовъ предложили сто двадцать тысячъ флориновъ золотомъ, т. е. на нынѣшнія деньги, одинъ милліонъ 500 тысячъ франковъ. Предложеніе было принято и италіанцы получили свободу и разрѣшеніе оставаться во Франціи и продолжать свои прежнія занятія [84]).

Съ теченіемъ времени дѣла ломбардцевъ, истощенныхъ постоянными войнами и мотовствомъ ихъ государей, пришли въ упадокъ; ихъ торговля съ Франціею, Англіею и Фландріею прекратилась и ихъ мѣсто на восточныхъ рынкахъ, а равно во Франціи заступили жители Лукки и Флоренціи, кои подобно

---

[83]) **Sismondi** ibid. стр. 112 и сл.

[84]) **Sismondi** ibid. стр. 280.

своимъ предшественникамъ вынуждены были отъ времени до времени жертвовать частью своихъ капиталовъ ради спасенія своей жизни, свободы и остальнаго своего имущества. Такъ, въ царствованіе Филиппа Красиваго, именно въ ночь на 1-е мая 1291 г., всѣ жившіе къ королевствѣ италіанцы были въ одно и тоже время схвачены и посажены въ тюрьмы. Здѣсь причина ихъ заточенія скрывалась отъ нихъ дотолѣ, пока, согласно разсчету мучителей, страданія и страхъ за ожидающую ихъ участь не разслабили въ конецъ ихъ волю и не лишили ихъ всякой энергіи. Только тогда тюремщики объявили несчастнымъ узникамъ, что ихъ обвиняютъ въ нарушеніи законовъ государства и въ особенности законовъ Людовика Святаго, запрещающихъ процентные займы, и чтобъ исторгнуть у нихъ признаніе въ совершеніи столь ужасныхъ преступленій, ихъ подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ предадутъ всей строгости законовъ. Въ тоже время тюремщики запугивали ихъ далеко не отрадною перспективою пыточныхъ мученій и не совѣтовали знакомиться на дѣлѣ съ извѣданною жестокостью палачей, такъ какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что пытка вырветъ у нихъ такія именно признанія, какія необходимы будутъ для лишенія ихъ жизни и имущества. Между тѣмъ вся торговля во Франціи, какъ уже выше было указано, находилась въ рукахъ италіанцевъ; многіе изъ послѣднихъ были банкирами, а потому и безъ пытки не въ состояніи были бы отрицать того факта, что часто давали въ займы за проценты. Остальные, хотя и неповинные въ этомъ прегрѣшеніи, находились однако подъ гнетомъ неодолимаго страха: предстоящія застѣночныя удовольствія леденили въ нихъ кровь, ими овладѣлъ ужасъ и они рѣшились вступить съ своими судьями въ переговоры, предлагая имъ соблазнительной величины денежный выкупъ; это возымѣло желаемое дѣйствіе и они были освобождены [85]).

Не взирая однако на эти единичные факты дикаго произвола и изумительно грубаго цинизма тогдашнихъ правительствъ, отличавшихся подобными прекрасными качествами не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, италіанскіе мѣнялы преблагополучно продолжали свое дѣло, постепенно забирая въ свои руки всю внутреннюю и внѣшнюю торговлю помянутыхъ странъ

---

[85]) **Sismondi** Histoire des fraçais. Paris 1826 г. т. 8 стр. 4304.

и пріобрѣтая этимъ способомъ колоссальныя богатства, при помощи коихъ они, если не юридически, то фактически господствовали какъ надъ населеніемъ, такъ и надъ владѣтельными особами того времени. Не говоря уже о мелкихъ италіанскихъ государяхъ, мотовство и войны коихъ заставляли ихъ пожирать не только всѣ прошлые и настоящіе, но и будущіе доходы своихъ владѣній и ради этого попадать въ неоплатные должники тогдашнихъ банкировъ и иныхъ спекулянтовъ, этой же участи не избѣгли даже могущественные французскіе короли. Такъ, тотъ же историкъ Сисмонди, котораго мы здѣсь цитировали неоднократно, повѣствуетъ [86]), «что среди италіанскихъ купцовъ, основавшихъ свое богатство на роскоши и сумасбродствѣ двора, выдѣлились два флорентинца, по имени Бичіо и Мусчіато, сыновья Гвидо Франчези, имущество коихъ пріобрѣло колоссальные размѣры. Филиппъ Красивый не ограничивался покупкою у нихъ богатыхъ матерій, но часто бралъ у нихъ деньги, уступая имъ въ замѣнъ доходы различныхъ провинцій. Этимъ путемъ онъ мало по малу отчуждалъ налоги, взиманіе коихъ перешло въ руки италіанцевъ, ибо они въ состояніи были давать громадные авансы и въ счетной части и банковомъ дѣлѣ достигли такихъ успѣховъ, на кои еще не смѣли претендовать французы. Два названные флорентинца, весьма находчивые, быстрые въ исполненіи своихъ плановъ и чуждые угрызеніямъ совѣсти во всѣхъ своихъ дѣлахъ, все болѣе и болѣе втирались въ милость короля, который до конца своего царствованія пользовался ихъ услугами какъ министровъ и банкировъ, причемъ наиболѣе ненавистныя изъ его дѣлъ должны быть приписаны этимъ двумъ братьямъ».

Насколько прочно стояла торговля италіанцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они успѣли водвориться, можно судить изъ приводимаго Пеголотти списка установленныхъ обычаемъ сроковъ платежа по векселямъ въ случаѣ отсутствія на этотъ счетъ соглашенія [87]). Длинный перечень городовъ, разбросанныхъ въ разныхъ государствахъ какъ востока, такъ и Европы, и состоявшихъ между собою въ постоянныхъ вексельныхъ отношеніяхъ

---

[86]) **Sismondi** Histoire ibid. стр. 429.

[87]) См. выше прим. 41. Ср. о положеніи италіанцевъ во Франціи также **Pardessus** Collection des lois maritimes antérieures au XVIII-e siècle: Paris 1831 т. 2 Introduction стр. CXiij.

уже въ началѣ XIV столѣтія, прямо свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, объ обширности района торговыхъ спекуляцій италіанцевъ, а съ другой о томъ, что италіанскіе купцы, а главнымъ образомъ италіанскіе банкиры или иные мѣнялы успѣли уже вполнѣ ознакомить большую часть тогдашняго міра съ употребленіемъ векселей и превратить эту форму денежнаго оборота въ обычное средство торговли.

§ 22.

Что касается *Германіи* и ея торговаго района, то прямыхъ указаній на то, чтобы тамъ тоже водворились италіанскіе мѣнялы, не имѣется, хотя сношеній съ ними нѣмецкихъ купцовъ отрицать нельзя. Мѣняльный промыселъ въ нѣмецкихъ городахъ организовался вполнѣ самостоятельно и попалъ въ руки туземныхъ коммерсантовъ, кои въ своихъ собственныхъ интересахъ должны были употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для устраненія иностранной конкурренціи на этомъ поприщѣ. Въ Германіи, какъ и въ другихъ государствахъ, потребность въ мѣнялахъ дала себя почувствовать весьма рано; она вызвана была тутъ тѣмъ же хаотическимъ состояніемъ монетныхъ системъ, какъ и въ другихъ странахъ. Дѣло въ томъ, что уже съ давнихъ поръ германскіе императоры стали уступать осуществленіе своей монетной регаліи различнымъ духовнымъ и свѣтскимъ владѣтельнымъ особамъ то въ видѣ пожалованія, то на основаніи купли-продажи, то на какомъ-либо иномъ титулѣ. Само собою разумѣется, что отсюда, съ одной стороны, могло родиться лишь большое разнообразіе монетныхъ системъ, а съ другой-путанница въ ихъ взаимномъ отношеніи; путанница эта усугублялась еще тѣмъ, что процентное содержаніе металла въ отдѣльныхъ видахъ монетъ мѣнялось, смотря по нуждамъ и произволу уполномоченнаго къ выпуску чеканной монеты лица или учрежденія. При первой же надобности въ деньгахъ такое лицо или учрежденіе чеканило и пускало въ оборотъ новую монету съ пониженнымъ процентнымъ содержаніемъ и съ обязательнымъ курсомъ прежней высокопробной монеты, получая такимъ образомъ возможность покупать необходимые продукты по вынужденно низкой цѣнѣ. Изымая прежнюю лучшую монету изъ обращенія посредствомъ новой худшей, феодальные владѣльцы пріобрѣтали этимъ путемъ и притомъ безъ всякаго соотвѣтствую-

щаго вознагражденія большія массы благороднаго металла, который, будучи перечеканенъ въ низкопробную монету, являлся богатымъ источникомъ доходовъ и удовлетворенія какъ военныхъ, такъ и иныхъ нуждъ. Что подобное злоупотребленіе монетною регаліею причиняло непоправимый вредъ торговлѣ, что оно разоряло потребителей и производителей, до этого тогдашнимъ правителямъ было мало дѣла, ибо въ тѣ времена такими пустяками, какъ забота объ общественномъ благѣ ради только этого блага, правительства мало интересовались.

Они скорѣе склонны были смотрѣть на гражданъ, какъ на объектъ своего права собственности, какъ на вьючный скотъ, обязанный питать и услаждать своего хозяина. Дѣятельно воспротивиться этому губительному направленію впервые рѣшились города. Они, какъ мы уже выше видѣли, весьма рано и энергично выступили на защиту своего существованія и благоденствія противъ грубыхъ посягательствъ своевольныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Уже при императорѣ Фридрихѣ II, т. е. въ первой половинѣ XIII столѣтія, они начали отказываться принимать монеты по номинальному курсу, а стали цѣнить ихъ только по вѣсу заключавшагося въ нихъ чистаго серебра (argenti pondus). Мѣстами они посредствомъ единовременныхъ взносовъ даже откупались отъ примѣненія къ нимъ монетной регаліи. Такъ граждане Оппельна, Бреславля и вообще жители Шлезвига уплатили своему князю извѣстную сумму отступнаго единственно за то, чтобъ онъ воздерживался отъ дальнѣйшихъ произвольныхъ выпусковъ новой дурнаго качества монеты. Очевидно, что этотъ платежъ имѣлъ своимъ назначеніемъ возмѣстить князю тѣ потери, которыя онъ имѣлъ понести отъ лишенія его возможности чеканить низкопробную монету. Тутъ происходилъ своего рода торгъ, при коемъ одна сторона принимала на себя обязанность не наносить другой ущерба осуществленіемъ своего права, а другая обязывалась за это соотвѣтственно вознаградить первую. Съ 1226 г. мѣстные герцоги и епископы той же провинціи вмѣсто частой перечеканки монетъ обложили всѣ подвластныя имъ недвижимыя имущества общимъ налогомъ (contributio monete, Münzgeld), взимавшимся ежегодно почти правильно [88]).

---

[88]) См. обо всемъ этомъ **Neumann** Geschichte des Wuchers стр. 348.

Но и тамъ, гдѣ мѣстные государи воздерживались отъ злоупотребленія своею регаліею, выпуская высокопробную монету, дѣло стояло далеко не лучше, ибо такую монету скупали и переплавляли другіе государи. Со времени Карла Великаго до 12 столѣтія на Рейнѣ и въ Саксоніи монетный фунтъ уменьшился на 12 лотовъ, а цѣна пфенига упала до половины. Къ 15 столѣтію стоимость монеты понизилась на $^1/_4$ ея первоначальнаго достоинства. Вслѣдствіе постоянно возроставшаго колебанія цѣны марки [89]), замѣнившей прежній фунтъ, на Рейнѣ въ 14 столѣтіи снова возвратились къ счету на фунтъ, а для исчисленія болѣе крупныхъ суммъ ввели въ употребленіе, по примѣру италіанцевъ, счетъ на гульдены. До 1356 г. гульдены чеканили только императоры, а съ этого года и курфюрсты. Но въ 15 столѣтіи подверглась колебанію и цѣна гульденовъ, хотя и не въ такой сильной степени, какъ цѣна остальныхъ монетъ. Вообще серебряная монета въ Германіи отличалась особенною неустойчивостью, подвергаясь постояннымъ колебаніямъ; едва только какой-нибудь видъ ея пріобрѣталъ прочный курсъ и довѣріе, какъ тотчасъ же начиналась перечеканка ея съ уменьшеніемъ процентнаго содержанія въ ней серебра. Гораздо большею устойчивостью и постоянствомъ обладала въ Германіи золотая монета. Зло увеличивалось еще оттого, что монетѣ съ произвольнымъ содержаніемъ благороднаго металла обладатели монетною регаліею придавали произвольный, но обязательный курсъ, что входило въ составъ ихъ монетной регаліи [90]).

Чтобы сколько-нибудь противодѣйствовать пагубнымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей, отзывавшагося не только внутри данной мѣстности, но и по сосѣдству, смежныя области нерѣдко вступали между собою въ монетный союзъ. Такъ въ 1382 г. такой союзъ былъ заключенъ между городами Нижней Саксоніи, именно Гослaромъ, Брауншвейгомъ, Гильдесгеймомъ, Эймбекомъ, Ганновeромъ и др. принявшими на себя обязатель-

[89]) Марка равнялась четыремъ фирдунгамъ (Vierdung), или 24 скудамъ (Scot), или 60 шиллингамъ, или 180 четвертушкамъ (Vierchen) или 720 пфенигамъ. См. **Theodor Hirsch** Handels und Gewerbsgeschichte Danzigs unter der Herrschaft deutschen Ordens. Leipzig 1858 стр. 240.

[90]) Neumann ц. с. стр. 349.

ство лить марки изъ $12^{3}/_{4}$ лота чистаго серебра, что равняется 9—10 талерамъ или 16—18 гульденамъ.

Въ 1386 г. четыре рейнскіе курфюрста точно также согласились держаться опредѣленной пробы гульдена, но союзники не могли устоять противъ соблазна и сами же нерѣдко нарушали это соглашеніе. Такъ какъ высокопробныя монеты цѣнились въ оборотѣ наравнѣ съ низкопробными и такъ какъ это обстоятельство причиняло не малый ущербъ выпускавшимъ лучшую, высокопробную монету, то эти послѣдніе вынуждены бывали уменьшать пробу, а, слѣдовательно, и дѣйствительную цѣнность своихъ монетъ. Противъ этихъ злоупотребленій отъ времени до времени императорами и королями принимались отдѣльныя мѣры. Напримѣръ, въ 1402 г. Рупрехтъ съ существѣ принялъ состоявшееся въ 1399 году монетное соглашеніе между четырьмя рейнскими курфюрстами, причемъ повелѣлъ, чтобы на всякой монетѣ имѣлись гербъ и знакъ выпустившаго ее государя, дабы каждый могъ быть отвѣтственнымъ за ея умаленіе. Но всѣ подобныя мѣры разбивались о корыстолюбіе снабженныхъ монетною регаліею лицъ и учрежденій, коихъ не было возможности заставить держаться одного масштаба [91]). Благодаря этимъ обстоятельствамъ, европейскіе рынки наводнились множествомъ разнохарактерныхъ, разноцѣнныхъ и разноименныхъ монетъ. Въ одномъ Данцигѣ писатель *Гиршъ* [92]), опираясь на изслѣдованіе *Vossberg* (Geschichte der Preuss. Münzen) насчитываетъ къ концу 14 и въ теченіи 15 столѣтій одиннадцать названій иностранныхъ монетъ, каковы гульдены различныхъ странъ, кроны, франки, нобели и нѣсколько видовъ прусской марки, обладавшей различнымъ достоинствомъ, смотря по времени чекана. Наряду съ ними тамъ же курсировали около 15 видовъ собирательной серебряной и мѣдной монеты, т. е. монеты, не имѣющей своего внѣшняго чеканнаго представителя, а опредѣляющейся только счетомъ на иную монету, идеальною совокупностью этихъ послѣднихъ, каковы англійскіе фунты, рижскія, любекскія, шведскія и др. марки. Курсъ всѣхъ перечисленныхъ монетъ, въ зависимости отъ процентнаго содержанія въ нихъ металла и иныхъ обстоятельствъ, то понижался, то повышался и вовсе не

---

[91]) **Neumann** ibid. стр. 350 и сл.

[92]) Danzigs Handels und Gewerbsgeschichte стр. 241 и сл.

обнаруживалъ никакой наклонности къ постоянству и устойчивости. Легко себѣ представить, каково было положеніе средневѣковаго торговца, да и всякаго инаго лица, коему приходилось совершать покупку или продажу чего-либо и платить или получать плату представителями разнообразныхъ монетныхъ системъ, къ тому же не обладавшими никакимъ постояннымъ достоинствомъ и мѣнявшими свой курсъ чуть не ежегодно, а иногда и по нѣсколько разъ въ годъ. Само собою понятно, что такая денежная путанница, требовавшая при производствѣ разсчетовъ трудно дававшагося и близкаго знакомства съ курсировавшими на рынкахъ монетами, ихъ системами и взаимнымъ ихъ отношеніемъ, должна была бы служить для оборота сильнѣйшимъ тормазомъ, если бы не явились люди, сдѣлавшіе монетное дѣло своею спеціальностью и промысломъ. Подобно тому, какъ всегда и вездѣ, гдѣ требуются пріобрѣтаемыя путемъ труда и времени спеціальныя свѣдѣнія, общество выдѣляетъ изъ себя особыхъ, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ лицъ, предлагающихъ свою помощь другимъ за опредѣленное вознагражденіе, такъ и здѣсь, въ виду постоянно возникавшихъ и возраставшихъ затрудненій при размѣнѣ денегъ и разсчетѣ платежей, общество выдѣлило изъ себя знатоковъ денежнаго дѣла, не только хорошо изучившихъ различныя дѣйствующія монетныя системы, но и прекрасно освѣдомленныхъ о фактическомъ положеніи единичныхъ видовъ монетъ. Едва ли надо еще прибавлять, что эти знатоки, получившіе названіе мѣнялъ (Wechsler), такъ какъ главное ихъ занятіе состояло въ размѣнѣ денегъ, предлагали свои услуги не даромъ и что, въ виду неизбѣжности ихъ помощи, промыселъ ихъ долженъ былъ приносить имъ обильныя выгоды. Съ другой стороны, такъ какъ вышеописанные недостатки монетнаго дѣла были явленіемъ не мѣстнымъ только, а повсемѣстнымъ, то у мѣнялъ было дѣла по горло и они должны были приходить въ постоянное соприкосновеніе со всѣми классами народа и, въ особенности, съ купцами, мѣняя чужеземныя монеты на туземныя, старыя на новыя, фальшивыя на настоящія и собирая свѣдѣнія о состояніи постоянно колебавшагося курса. Дѣятельность ихъ принимала особенно широкіе размѣры тамъ, гдѣ строго соблюдалось предписаніе императора, чтобы въ мѣстахъ и областяхъ, обладающихъ собственнымъ правомъ чеканки монетъ, имѣли обращаніе лишь тутъ отчеканенныя деньги, или гдѣ, ради извле-

ченія большихъ прибылей отъ чеканки денегъ, ежегодно издавались запрещенія употреблять старыя монеты, въ замѣнъ каковыхъ выпускались новыя, худшаго достоинства, и обмѣнивались на старыя [93]).

Такъ какъ чуть не вся выпускавшаяся въ обращеніе монета проходила чрезъ руки мѣнялъ и чрезъ нихъ же возвращалась обратно къ уполномоченному на чеканку правительству, то это послѣднее было прямо и сильно заинтересовано въ мѣняльномъ промыслѣ. Къ тому же, монетная путанница открывала недобросовѣстнымъ и алчнымъ мѣнялам широкое поле для всявсякаго рода обмановъ, притѣсненій и вымогательствъ, что само по себѣ, уже независимо отъ инаго интереса, должно было вынудить правительства выступить на защиту общества и ради этого подвергнуть дѣятельность мѣнялъ своему контролю. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что почти повсемѣстно въ Германіи, да и въ другихъ странахъ, гдѣ существовали мѣнялы, мѣняльный промыселъ поставленъ былъ подъ непосредственный и строгій надзоръ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Чтобъ облегчить такой надзоръ, отъ монетнаго дѣла устранены были непривилегированные чужестранцы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мѣняльный промыселъ составлялъ исключительную привилегію особыхъ ассоціацій изъ патриціанскихъ родовъ (т. н. Münzgeschlechter, а члены ихъ Münzbürger), какъ, напр., въ Кельнѣ. Только члены этихъ ассоціацій и ихъ старосты (Münzmeister) въ правѣ были мѣнять деньги въ городахъ, а это находилось въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ дѣятельности мѣнялъ, равно какъ съ принадлежавшими этимъ послѣднимъ полномочіемъ и обязанностью налагать на вѣрную монету штемпель, низкопробную разрѣзать, слѣдить за тѣмъ, чтобы въ оборотѣ не было фальшивой монеты, и контролировать всѣ крупные платежи. Что касается покупки и продажи золота и серебра, то въ однихъ городахъ онѣ ничѣмъ не были ограничены, въ другихъ же онѣ требовали разрѣшенія монетчиковъ. Такъ, оно требовалось по аугсбургскому городовому праву, причемъ только купцамъ, отправлявшимся въ Кельнъ, разрѣшалось вымѣнивать до десяти марокъ серебра. Въ Майнцѣ размѣномъ въ правѣ были заниматься только монетчики, но каждому пре-

---

[93]) **Neumann** цит. с. стр. 354; ср. также **Endemann** Studien стр. 98—103.

доставлялось покупать столько золота и серебра, сколько ему необходимо было увезти съ собою для торговыхъ операцій; равнымъ образомъ всякому золотыхъ дѣлъ мастеру предоставлялось покупать столько золота или серебра, сколько онъ и его слуга въ состояніи были переработать при помощи своихъ молотковъ, но не болѣе.

Уже сказано было, что хаотическое состояніе средневѣковыхъ монетныхъ системъ открывало мѣнялямъ обширное поприще для всякаго рода подвиговъ на почвѣ обмана и обирательства, и что, между прочимъ, это обстоятельство заставило тогдашнія правительства поставить мѣняльный промыселъ подъ свой спеціальный надзоръ. Вслѣдствіе того въ однихъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ германскихъ городахъ, дѣло мѣнялъ вручено было ассоціаціямъ людей, коихъ почетное положеніе въ обществѣ являлось достаточною порукою за ихъ добросовѣстность и честность. Въ другихъ мѣстахъ лица, желавшія заниматься мѣняльнымъ промысломъ, обязаны были прежде добиться принятія ихъ въ число мѣнялъ (campsores) и, напр. во Франціи, предварительно принести присягу въ томъ, что они будутъ соблюдать мѣстные законы, представить надлежащее обезпеченіе и дать обѣщаніе вести въ порядкѣ свои книги; имъ равнымъ образомъ разрѣшалось имѣть свои мѣняльные лавки и столы только въ извѣстныхъ, а не во всѣхъ мѣстахъ города. Такъ, въ *ordonnance sur les monnayes* 1322 прямо говорится: «les changeurs ne pourront changer, qu'aux lieux accoutumés et donneront bonne caution et feront serment de garder les ordonnances et s'ils font le contraire, ils perdront le change et la caution qu'ils ont donné». Указомъ короля Аррагонскаго отъ 1349 г. категорически предписывается барцелонскому магистрату, прежде допущенія кого-либо къ занятію мѣняльнымъ промысломъ, удостовѣряться въ его состоятельности, благонадежности и способности къ этому занятію и только по полученіи благопріятнаго въ этомъ отношеніи результата принимать его съ соблюденіемъ надлежащаго церемоніала, взявъ отъ него напередъ обычное обезпеченіе. Аналогичныя этимъ предписанія помѣщены были въ нѣкоторыхъ испанскихъ законахъ, а равно въ статутахъ города Вероны отъ 1319 г. и города Піаченцы отъ 1391 г. и, наконецъ, въ нидерландскомъ ордонансѣ Максимиліана 1489 г., предоставляющемъ городамъ выбирать такое количество мѣнялъ, какое

они захотятъ имѣть у себя, съ тѣмъ, чтобъ избранные, подъ угрозою штрафа въ 200 флориновъ золота, предварительно представляли удостовѣреніе въ неопороченности своего имени, а затѣмъ являлись къ главному чиновнику для принесенія торжественной присяги [94]).

---

[94]) См. обо всемъ этомъ **Martens** цит. с. стр. 21 и сл. Anhang стр. 111. Испанскій законъ отъ 1436 г., допускающій полную свободу размѣна денегъ, предписываетъ однако строгія правила для тѣхъ, кои желаютъ заниматься размѣномъ публично. Такія лица «должны быть честными, домовитыми и богатыми, должны пользоваться хорошею репутаціею и быть нами (королемъ) при нашемъ дворѣ избранными, опредѣленными, назначенными, а тѣ, кои въ названныхъ городахъ, мѣстностяхъ и мѣстахъ этого королевства (Испаніи) предаются этому занятію, должны быть избираемы и утверждаемы въ должности судьями и режіодорами этихъ городовъ, мѣстностей и мѣстъ, обязанными предварительно приносить надлежащую присягу въ томъ, что они будутъ избирать подобныхъ лицъ указаннымъ образомъ, сообразуясь съ общимъ благомъ, не руководствуясь никакою протекціею, побочными цѣлями, любовью, ненавистью, своекорыстіемъ и другими намѣреніями, а будутъ имѣть въ виду только благо служенія намъ и пользу общества..... и всѣ такимъ образомъ назначенные на названную должность обязаны принести въ надлежащей формѣ присягу, что они это занятіе будутъ вести хорошо, честно и чистосердечно, и должны быть обязываемы представлять богатыхъ поручителей въ обезпеченіе того, что они все это будутъ дѣлать и исполнять, каковые поручители должны быть отвѣтственны своимъ имуществомъ предъ тѣми, у кого названные мѣнялы примутъ какія-либо деньги для размѣна, за все то, что они въ замѣнъ имѣютъ получить отъ мѣнялы..... мы желаемъ также, чтобы въ случаѣ недостачи имущества такихъ мѣнялъ и ихъ поручителей, за нихъ обязаны были платить тѣ, кто ихъ назначилъ.....» Въ испанскомъ же законѣ отъ 1549 г. (ibid. стр. 114—116) преподаются весьма подробныя правила веденія книгъ, между прочимъ, мѣнялами и за несоблюденіе этихъ правилъ назначается довольно суровое наказаніе, именно въ первый разъ утрата всего, что не записано по упущенію, во второй разъ тоже наказаніе удвоивается, а въ третій утрата половины имущества и изгнаніе на вѣчныя времена изъ предѣловъ государства Въ статутѣ города Піаченцы отъ 1391 г. (ibid. стр. 18 и сл.) мѣнялы допусктются къ публичному отправленію своего ремесла не иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія довольно строгихъ правилъ, сходныхъ съ вышеизложенными. Сказанное въ текстѣ о германскихъ городахъ заимствовано у **Neumann** цит. с. стр. 353 и сл. Можно еще прибавить, что въ Кельнѣ запрещеніе имѣть у себя серебро всѣмъ, кромѣ монетчиковъ, было настолько строго, что иностранные купцы, привезшіе его съ собою, не въ правѣ были оставлять его у себя, а обязаны были вымѣнивать его на мѣстную монету, иначе имъ грозилъ личный арестъ со стороны кельнскаго архіепископа и насильственный обмѣнъ находившагося у нихъ серебра на мѣстную монету.

§ 23.

Операціи мѣнялъ не ограничивались однако простымъ размѣномъ монетъ; въ этой узкой сферѣ дѣятельности они вращались только первоначально, при самомъ возникновеніи мѣняльнаго промысла. Съ теченіемъ времени они стали постепенно терять характеръ своихъ первоначальныхъ занятій и ради увеличенія своихъ доходовъ и прибылей начали употреблять большіе накоплявшіеся въ ихъ рукахъ денежные капиталы на иные спекуляціи денежнаго свойства.

Будучи при своемъ первомъ появленіи предназначены къ производству простаго обмѣна однихъ денегъ на другія, они вынуждены были постоянно имѣть на готовѣ опредѣленныя суммы для удовлетворенія требованіямъ единичныхъ лицъ, нуждавшихся въ такомъ обмѣнѣ. Къ этимъ суммамъ мало по малу прирастали тѣ лишки, кои доставались на ихъ долю отъ получавшагося ими вознагражденія за размѣнъ, а вознагражденіе это было далеко не ничтожно. Такимъ образомъ въ ихъ рукахъ скоплялись значительные капиталы, много превышавшіе повседневную потребность въ обмѣнѣ. Оставлять эти деньги безъ употребленія, значило бы превратить ихъ въ мертвый капиталъ, что никоимъ образомъ не могло входить въ разсчеты людей, привыкшихъ считать деньги плодоносною вещью. И вотъ они уже довольно рано пускаютъ въ оборотъ и эти капиталы, то предлагая ихъ за проценты тѣмъ, кои въ нихъ нуждаются, то принимая при ихъ посредствѣ участіе въ разнообразныхъ коммерческихъ оборотахъ какъ на ярмаркахъ, такъ и внѣ ихъ. Скоро дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи настолько расширяется, что они становятся общими кредиторами и опутываютъ своими денежными сѣтями не только частныхъ лицъ, но и коронованныхъ особъ, какъ мы это видѣли выше. Однихъ они прямо ссужаютъ деньгами за вознагражденіе, отъ другихъ принимаютъ порученіе выдать данныя суммы опредѣленнымъ лицамъ въ иныхъ мѣстахъ и исполняютъ эти порученія въ кредитъ за установленное или полюбовное вознагражденіе, за третьихъ, тоже возмездно, уплачиваютъ долги и т. п. Благодаря этимъ операціямъ, они, не ведя никакой дѣйствительной торговли и лишь предоставляя свои деньги другимъ, быстро наживаютъ колоссальныя богатства [95]).

---

[95]) **Martens** цит. с. стр. 23 § 5 въ нач.

Независимо однако отъ этихъ оборотовъ съ собственными капиталами, они принимали чужія денежныя суммы на коммиссію, именно для сохраненія или доставленія изъ однихъ мѣстъ въ другія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи самыми дѣятельными и частыми контрагентами ихъ были римскіе папы и ихъ финансовые агенты. Именно эти пересылки денегъ изъ разныхъ мѣстъ въ резиденцію папы, какъ не безъ достаточныхъ основаній полагаютъ, дали первый толчекъ къ возникновенію денежныхъ ассигновокъ, переводовъ и векселей. Въ концѣ 10-го и началѣ 11-го столѣтій торговля не достигла еще той высоты, на которой она порождаетъ быстрый и частый обмѣнъ большихъ денежныхъ суммъ и тѣмъ самымъ вызываетъ необходимость въ спеціальныхъ средствахъ передвиженія денегъ [96]). Совершенно наоборотъ, въ этотъ періодъ времени она пребывала въ состояніи неподвижности и покоя, переживая тотъ тяжелый процессъ медленнаго развитія зародыша, который выпадаетъ на долю всякаго произведенія рукъ человѣческихъ. Положеніе ея было тѣмъ труднѣе, что ей приходилось своими, въ то время еще весьма слабыми, силами отстаивать собственное существованіе не только отъ профессіональныхъ и непримиримыхъ враговъ всякаго политическаго общенія, каковы разбойники на сушѣ, пираты на морѣ и единичные феодальные владѣльцы, не далеко ушедшіе отъ профессіональнаго разбойника, но и отъ неотвязныхъ, назойливыхъ и злобныхъ приставаній и преслѣдованій канонистовъ, съ точки зрѣнія которыхъ проценты и служеніе сатанѣ были понятіями однозначущими. Не до быстрыхъ оборотовъ и передвиженія большихъ денежныхъ суммъ было торговцамъ, когда имъ приходилось таить самое свое существованіе чуть не отъ цѣлаго свѣта, когда монахи не упускали случая усердно бичевать ихъ и словомъ и дѣломъ, клеймить позоромъ и объявлять ихъ занятіе предметомъ, не только не достойнымъ истиннаго христіанина, но и прямо преступнымъ [97]).

---

[96]) **Max Neumann** Geschichte des Wechsels im Hansagabiete bis zum 17 Jahrhundert. Erlangen 1863 стр. 14.

[97]) Въ видѣ образчика тѣхъ громовъ, какіе низвергались на торговцевъ средневѣковымъ духовенствомъ, приведу слова епископа Іоанна Ботера, по прозванію Италусъ (Iohannus Boterus Italus), помѣщенныя у **Марквардa** Tractatus de jure mercatorum et commerciorum singulari, lib. IV cap. III n.

Само собою разумѣется, что въ эти печальныя годины исторіи торговли не могло быть и рѣчи о чисто денежныхъ передвиженіяхъ и оборотахъ: ослѣпленный фанатизмъ въ лицѣ монашескаго сонма зорко слѣдилъ за всякимъ ея шагомъ и быстро накрывалъ ее всюду, гдѣ только усматривалъ какой ни на есть намекъ на проценты. Только св. престолъ въ правѣ былъ стоять внѣ теченія; только съ нимъ можно было безнаказанно вести денежныя дѣла, не опасаясь назойливаго вмѣшательства моналовъ. Только благодаря обширности и разбросанности денежныхъ отношеній папы не мѣняламъ только, но и средневѣковому обществу впервые удалось познакомиться, хоть и въ зачаточномъ видѣ, съ векселями, депозитами, ассигновками и переводами денегъ.

---

10 (ср. также l. 1. cap. II n. 52). «Въ заключеніе, говоритъ онъ, прибавлю кое-что также о купцахъ и факторахъ, чтобы не сказать грабителяхъ, не о тѣхъ, коихъ торговля сопряжена съ большою выгодою для государства, часто способствуетъ завязыванію дружественныхъ отношеній съ иноземными государями и народами и многими признается полезною также для обыденной жизни людей; но о тѣхъ узкихъ искателяхъ громадныхъ выгодъ и тѣхъ жаднѣйшихъ пожирателяхъ явныхъ добычъ, для коихъ не существуетъ ни родства, ни свойства, ни дружбы, ни общаго спасенія вѣрою, а есть только забота о выгодѣ, кои продаютъ и покупаютъ не съ помощью искусства, а съ помощью замысловатыхъ мошенничествъ; кои повсюду отличаются ложью, клятвопреступленіемъ, обманомъ и надувательствомъ; для коихъ не существуетъ постыднаго способа полученія прибылей: тотъ способъ лучше, который больше имъ приноситъ; кои утверждаютъ, будто и законы дозволяютъ имъ обманывать своихъ контрагентовъ до половины истинной цѣны, такъ что истиннымъ признается то, что купцы между собою взаимно опредѣлили... Да и что хорошаго ожидать, когда вся жизнь ихъ направлена къ корысти, прибыли, богатству, при чемъ ими при случаѣ совершается много гнусностей и достойныхъ казни обмановъ. Тутъ одинъ покупаетъ, другой продаетъ; тамъ одинъ ввозитъ, другой вывозитъ; одинъ вѣритель, другой должникъ; одинъ платитъ, другой получаетъ, третій пишетъ счетъ; всѣ они клятвопреступничаютъ, обманываютъ, мошенничаютъ, подвергаютъ всякаго рода опасностямъ тѣло, душу и состояніе, если только ожидаютъ отъ этого выгодъ. Вотъ какъ всѣ они во всякомъ возрастѣ гоняются за барышами, за богатствомъ. И какихъ только обмановъ не совершается ими при куплѣ-продажѣ шерсти, полотна, шелка, пурпура, драгоцѣнныхъ камней, духовъ, воска, масла, вина, лошадей, скота и, наконецъ, всякаго рода товаровъ! Всѣ это знаютъ, всѣ видятъ, всѣ содрагаются и сильно ощущаютъ причиняемый ими вредъ. Но это еще полъ бѣды; можно указать на гораздо важнѣйшія дѣянія. Кто же, какъ не они, ввозя вредные товары, своею рѣдкостью или неизвѣстностью сильно привлекающіе къ себѣ жен-

Въ противоположность единичнымъ свѣтскимъ государямъ, коихъ право обложенія податями и пошлинами ограничивалось предѣлами территоріи ихъ государствъ, папамъ для тѣхъ же фискальныхъ цѣлей открывался весь міръ, всѣ тѣ страны и уголки земнаго шара, въ кои проникало римско-католическое вѣроученіе и гдѣ водворялись патеры. Такъ, частью добровольными, частью обязательными данниками папскаго престола оказались Англія, Франція, западная, средняя, южная и сѣверная Германія, т. е. всѣ нѣмецкіе города, расположенные на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, Литва, Польша, Галиція, Венгрія, Померанія и Пруссія. Изъ всѣхъ этихъ странъ стекались къ папскому престолу обильныя денежныя приношенія, доставлявшія римскому папѣ широкую возможность вести самую роскошную жизнь и содержать огромный штатъ служителей, чиновниковъ и различныхъ агентовъ. Кромѣ разныхъ пожертвованій, случайныхъ подарковъ (obventiones), легатовъ и иныхъ единичныхъ и повторявшихся доброхотныхъ денежныхъ приношеній, обусловленныхъ усердіемъ вѣрующихъ, римскіе папы съ середины тринадцатаго столѣтія стали требовать уже обязательнаго взноса въ ихъ пользу двадцатой, а впослѣдствіи и десятой доли всѣхъ церковныхъ доходовъ, уплатою коихъ облагались страны внѣ общаго порядка «in terrae sanctae subsidium». Эти папскія

щинъ и юношей, для жизни вовсе ненужные и разсчитанные только на роскошь, пышность, прикрасы, увеселенія, изнѣженность и удовольствіе, ежегодно грабятъ у провинцій и государствъ громадныя суммы денегъ, вносятъ сюда порчу нравовъ, вводятъ чужеземные пороки, уничтожаютъ унаслѣдованные отъ отцовъ обряды, и постоянно изучая новыя и иноземныя дѣла, прививаютъ гибельнѣйшіе обычаи? Кто же, какъ не они, заключая между собою монопольныя товарищества, осуществляютъ монополію вопреки праву, религіи и законамъ, рискуя на все, измышляя и извѣдывая все» и т. д. Читая подобныя грозныя и ужасающія филиппики, можно только удивляться, что торговля, не только существующая до нашихъ дней, но и исполинскими шагами идущая впередъ на пути развитія, доселѣ не ниспровергла міръ земной въ преисподнюю. Въ какой-бы однако благочестивый ужасъ пришелъ почтенный епископъ, еслибы возможно было вызвать его изъ гроба и показать ему способы и размѣры нынѣшней торговли. Онъ едва-ли повѣрилъ бы, что, благодаря этой же пагубной, столь растлѣвающей и развращающей людей торговлѣ, нынѣшнее человѣчество располагаетъ такими чудесами въ области земледѣлія, мануфактуръ и искусствъ, какія и присниться не могли предубѣжденному и суровому монашеству среднихъ вѣковъ

притязанія не только не встрѣчали никакого противодѣйствія со стороны римско-католическаго населенія, но, наоборотъ, пользовались у него полнымъ сочувствіемъ, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена европейскіе народы стояли еще на довольно низкой ступени культуры, на той ступени, когда человѣчество свое благоговѣніе къ религіознымъ догматамъ и святынѣ охотно переноситъ и на служителей алтаря и какимъ-либо отказомъ этимъ послѣднимъ опасается проявить неуваженіе къ самой религіи. Что касается свѣтскихъ властей, то въ виду такого настроенія массы онѣ рѣдко гдѣ рѣшались противодѣйствовать названнымъ сборамъ, убѣдившись изъ опыта, что подобное противодѣйствіе вреднымъ образомъ отражалось лишь на нихъ самихъ.

Съ того времени, какъ въ 1305 г. папы переселились въ южную Францію, устроивъ свою резиденцію въ Авиньонѣ, роскошь папскаго двора стала расти со дня на день, вслѣдствіе чего прежнихъ поступленій уже не хватало и понадобились новые статьи дохода для удовлетворенія обширнымъ нуждамъ папы и его двора. Тогда Іоаннъ XXII (въ 1325 г.) распространилъ существовавшій уже въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Англіи, неизвѣстно еще, подомовый или подушный налогъ, носившій названіе *лепты св. Петра* (Peterspfennig, denarius S. Petri), на Польшу и сопредѣльныя съ нею области, каковы Пруссія, Померанія, Литва, Венгрія и др. Приблизительно съ этого же времени распространена была на названныя области введенная уже въ другихъ странахъ еще Вѣнскимъ соборомъ, по предложенію папы Климента V, десятина всѣхъ fructus, redditus, proventus, т. е. десятая доля со всѣхъ плодовъ, доходовъ и урожая, при чемъ ее обязаны были платить какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица первоначально по истеченіи шести лѣтъ. Въ такомъ видѣ налогъ этотъ просуществовалъ болѣе ста лѣтъ. Сверхъ того, въ тотъ же періодъ папы, смотря по надобности, отъ времени до времени присвоивали себѣ половину доходовъ съ вакантныхъ приходовъ, а въ Польшѣ и смежныхъ съ нею областяхъ доходы эти постоянно и цѣликомъ шли въ папскую казну. Изъ этихъ ново пріобрѣтенныхъ для папскаго вліянія земель ежегодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ стекались въ папскую курію суммы денегъ, составлявшіяся не только изъ перечисленныхъ доходовъ, но и изъ подношеній, штрафовъ и конфискованнаго имущества осужденныхъ духовнымъ судомъ преступниковъ. Эти

конфискаціи случались тѣмъ чаще, что онѣ полагались за подѣлку монетъ и что выгодность занятія этою послѣднею и хаотическое состояніе тогдашнихъ монетныхъ системъ служили великимъ соблазномъ для любителей легкой наживы и непрестанно совращали ихъ на путь преступленія.

Итакъ, всѣ перечисленныя статьи дохода, ежегодно поступавшаго изъ привислянскихъ земель и смежныхъ съ ними областей, скопляли въ папской казнѣ огромныя суммы денегъ. Чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ суммахъ, какія ежегодно поступали къ папамъ, достаточно будетъ привести нѣсколько цифръ: одинъ только Бреславскій епархіальный округъ доставилъ отъ собранной въ его предѣлахъ десятины въ періодъ отъ 1316 до 1320 гг. 2857 флориновъ, что составляетъ около 2143 прусскихъ талеровъ; за тотъ же періодъ времени изъ всей Польши поступило 9576 флориновъ или 7182 талера; въ той же странѣ налогъ, носившій названіе denarius St. Petri, не смотря на крайне незначительное число тутъ домовъ, далъ въ теченіе четырехъ лѣтъ 4986 талеровъ или 6648 флориновъ. Въ 1328 къ 1-го октября въ папскую курію поступило изъ Польши, за вычетомъ издержекъ взиманія, 1375 талеровъ, къ 9-му марту 1125 талеровъ, къ 11-му марту уже около 7000 талеровъ, а 29 апрѣля 1329 г. вновь поступило 6750 талеровъ. Кромѣ наличныхъ денегъ въ пользу церкви поступали слитки металловъ и иныя разнаго рода движимыя вещи [98]).

Непосредственный сборъ этихъ поступленій папы при помощи своихъ писемъ поручали отдѣльнымъ духовнымъ лицамъ различныхъ епархій; но для руководства и наблюденія за этими сборщиками папская курія посылала въ мѣста сбора особыхъ клериковъ въ качествѣ своихъ чиновниковъ (constituti) съ полномочіями на опредѣленное время или впредь до новаго распоряженія. Эти, если можно такъ выразиться, фискальные ревизоры въ правѣ были въ данной мѣстности назначать особыхъ низшихъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію либо для сбора папскихъ доходовъ въ данной мѣстности, либо для записей и счета. Сверхъ

---

[98]) См. **Max Neumann** Gesch. des Wechsels im Hansagebiete стр. 15 и сл. Нѣкоторыя исправленія къ помѣщеннымъ здѣсь свѣдѣніямъ тотъ же авторъ дѣлаетъ въ другомъ своемъ неоднократно цитированномъ уже сочиненіи Gesch. des Wuchers стр. 356 прим. 1.

того имъ предоставлялось взыскивать недоимки, отбирать собранныя или сданныя духовнымъ либо свѣтскимъ лицамъ на храненіе суммы и въ свою очередь сдавать ихъ на храненіе другимъ лицамъ, требовать къ себѣ всѣ счеты и документы по производству сбора, выдавать плательщикамъ квитанціи, облагать наиболѣе суровыми церковными наказаніями, каковы отлученіе отъ церкви, отрѣшеніе отъ должности и запрещенія, не только отдѣльныхъ свѣтскихъ либо духовныхъ лицъ, но и цѣлыя епархіи въ случаѣ допущенныхъ ими небрежности или уклоненія отъ своихъ обязанностей по названному сбору, а равно и разрѣшать отъ такихъ наложенныхъ уже наказаній. Чтобъ облегчить этимъ папскимъ ревизорамъ исполненіе порученнаго имъ дѣла, папы разсылали къ епископамъ и архіепископамъ тѣхъ странъ, въ коп командировались названные ревизоры, особыя посланія, гдѣ помѣщалась просьба оказывать этимъ папскимъ уполномоченнымъ и ихъ подчиненнымъ всяческую защиту и содѣйствіе.

Какъ же, спрашивается, собранныя такимъ образомъ суммы могли въ цѣлости и своевременно достигать папскаго двора въ Римѣ или Авиньонѣ? Денежный оборотъ въ перечисленныхъ различныхъ и частью весьма далеко другъ отъ друга отстоявшихъ странахъ, въ коихъ къ тому же пути сообщенія либо вовсе отсутствовали, либо представляли множество затрудненій для передвиженія по нимъ, само собою разумѣется, долженъ былъ находиться еще въ томъ зародышномъ состояніи, когда нельзя было и помыслить о тѣхъ способахъ передвиженія цѣнностей, какіе возможны лишь при болѣе живыхъ и частыхъ оборотахъ между сосѣдними странами. Найдти тутъ купца, который бы состоялъ въ постоянныхъ коммерческихъ сношеніяхъ съ главнѣйшими центрами населенія сосѣднихъ областей, имѣлъ бы тутъ агентовъ, конторы или командитныхъ товарищей и которому всѣдствіе того легко было бы перевести тѣ или другія суммы денегъ въ ближайшій большой городъ, а оттуда дальше при помощи простыхъ письменныхъ сношеній, было, конечно, немыслимо. А потому приходилось прибѣгать къ пересылкѣ денежныхъ суммъ натурою. Для этого папскіе сборщики черезъ извѣстные промежутки времени объѣзжали свой округъ и отбирали у епископовъ и архіепископовъ накопившіяся у нихъ къ этому времени суммы со всѣми относящимися къ послѣднимъ счетами, при чемъ эти епископи и архіепископы обязаны были

подъ присягою подтверждать правильность счетовъ. Иногда же они поручали епископамъ собранныя у нихъ суммы вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ счетами доставлять чрезъ надежныхъ верховыхъ въ назначенные пункты, откуда суммы эти пересылались далѣе въ болѣе крупные сборные пункты, а отсюда, наконецъ, въ главный сборный пунктъ, коимъ былъ обыкновенно Краковъ. Когда такимъ образомъ всѣ причитавшіеся за данный періодъ сборы находились уже на лицо въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, то они отправлялись отсюда далѣе въ папскую курію. Едва-ли надо еще пояснять, что такой способъ пересылки денегъ сопряженъ былъ съ громадными затрудненіями и опасностями и требовалъ чрезвычайно много времени.

Таково же было положеніе денежныхъ оборотовъ на всемъ пространствѣ отъ перечисленныхъ выше мѣстъ до Италіи и южной Франціи. Нигдѣ еще тутъ не существовало постоянныхъ и правильныхъ торговыхъ связей; взаимныя отношенія гражданъ отдѣльныхъ мѣстностей не были еще такъ часты и не достигали такой сложности, чтобы сильно ощущалась потребность въ замѣнѣ пересылки денегъ натурою иными болѣе легкими, быстрыми и дешевыми способами передвиженія цѣнностей [99]). Случайно возникавшая надобность въ посылкѣ отдѣльной суммы въ ту или другую мѣстность тѣмъ легче удовлетворялась обычною перевозкою денегъ въ натурѣ, что въ перечисленныхъ странахъ не существовало запрещенія вывоза звонкой монеты изъ границъ государства.

Въ болѣе культурныхъ въ то время странахъ, каковыми были Англія, Франція и Нидерланды, гдѣ уже съ XI столѣтія водворились италіанскіе купцы съ своими агентурами, конторами и товариществами, гдѣ мѣнялы уже давно разсѣлись по разнымъ болѣе или менѣе бойкимъ торговымъ пунктамъ, удовлетворяя насущной потребности торговли въ мѣстныхъ деньгахъ и переводя различныя денежныя суммы изъ одного государства въ другое, папы съумѣли устроить свои денежныя дѣла болѣе удобнымъ образомъ: выбравъ тамъ надежныхъ италіанскихъ купцовъ, состоявшихъ членами банкирскихъ домовъ въ Италіи, они поручали имъ дѣло перевода папскихъ доходовъ въ свою резиденцію, называя ихъ *nostri campsores*. Но въ Польшѣ и при-

---

[99]) **Neumann** Gesch. des Wechs. 16—18.

легающихъ къ ней областяхъ ничего подобнаго сдѣлать было невозможно. Италіанскіе купцы и мѣнялы сюда не проникали, ибо не имѣли въ томъ никакого интереса: ничтожная мѣстная торговля, обусловливавшаяся малою развитостью и незначительными и притомъ первичными потребностями туземнаго населенія, крайняя отдаленность этихъ странъ отъ италіанскихъ средоточій и отсутствіе путей сообщенія устраняли всякую фактическую возможность завязать тутъ съ Италіею и другими южными странами дѣятельныя торговыя сношенія. Быть можетъ, всѣ эти препятствія были бы осилены, если бы италіанскіе купцы могли разсчитывать на успѣшный сбытъ тутъ южно-европейскихъ продуктовъ; но некультурность и почти дикость мѣстнаго населенія не давали на это никакой надежды. Открывать же тутъ отдѣленія банка, агентуры или конторы единственно ради перевода сборовъ папскаго дохода не было никакой выгоды, ибо вознагражденіе за такіе переводы далеко не покрыло бы даже расходовъ на содержаніе этихъ учрежденій. Вотъ почему не оставалось инаго средства, какъ перевозка собранныхъ съ населенія денегъ въ наличности, т. е. звонкою монетою.

Но уже выше было сказано, что туземная монета служила средствомъ платежа только въ предѣлахъ той мѣстности, для которой она предназначалась; въ остальныхъ мѣстахъ она могла имѣть значеніе лишь настолько, насколько въ ней содержалось золота или серебра, какъ матерьяла, изъ коего можно вычеканить новую монету. Между тѣмъ папы расходовали свои доходы не только въ предѣлахъ своей резиденціи, но и въ разныхъ другихъ странахъ; а потому имъ нужны были такія монеты, кои имѣли бы повсемѣстное обращеніе, являлись бы какъ бы международными деньгами. Вотъ почему названные выше сборщики, собираясь отправить къ папскому двору опредѣленную сумму, собранную туземною монетою, предварительно мѣняли эту послѣднюю у мѣстныхъ купцовъ, чаще всего краковскихъ, у коихъ на этотъ конецъ, какъ надо полагать, припасалось потребное количество цѣнностей преимущественно въ сыромъ видѣ. Этотъ размѣнъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ то время обозначали словомъ *купить* (comparare, emere), при чемъ мѣстная монета, главнымъ образомъ прусскія марки и скуды, а равно поступленія вещами обмѣнивались на марки золота съ прибавленіемъ впослѣдствіи большею частью «ad pondus Avinionense, Turonense»,

а также «in pulvere». Для устраненія ошибокъ, обмановъ и недоразумѣній размѣнъ производился въ въ присутствіи свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ купца, опредѣлявшаго правильное соотношеніе между обмѣнивавшимися цѣнностями. Только остатокъ, величина коего не позволяла обмѣнять его на марку золота, отсылался туземною монетой [100]). *Нейманъ*, изъ цитируемаго сочиненія коего мы заимствовали всѣ изложенныя свѣдѣнія о способахъ собиранія и пересылки папскихъ доходовъ, выражаетъ не малое удивленіе по поводу того, какимъ образомъ купцы отдаленныхъ восточныхъ странъ Европы, гдѣ оборотъ стоялъ еще на столь низкой ступени развитія, могли совершать вышеописанный размѣнъ, доступный лишь тогдашнимъ мѣнялмъ, обладавшимъ всѣми къ тому средствами. «Но если, говоритъ онъ, взвѣсить, что при размѣнѣ папскихъ денегъ дѣло шло скорѣе о нечеканномъ золотѣ, слѣдовательно, о мѣрилѣ цѣнностей, наименѣе подверженномъ колебаніямъ курса, и что краковскіе купцы, вѣроятно, держали на готовѣ только такое золото, постоянный курсъ коего они могли знать, благодаря ихъ ежегодно по нѣсколько разъ повторявшимся поѣздкамъ съ товаромъ въ Римъ, въ Нидерланды и южную Францію, то дѣло покажется менѣе страннымъ» [101]). Мы однако думаемъ, что для производства вышеописаннаго размѣна не было даже надобности имѣть какія-либо свѣдѣнія о курсѣ золота, а достаточно было знать, сколько золота вѣсомъ содержится въ авиньонской или туринской маркѣ. Дѣло въ томъ, что, принимая звонкую туземную монету, купецъ выдавалъ за нее такое количество золота, какое содержалось въ принятой имъ монетѣ. Если, напр., въ этой послѣдней содержался 1 фунтъ золота, то онъ выдавалъ въ замѣнъ ея одинъ фунтъ этого металла въ слиткѣ или порошкѣ. Слѣдовательно, купцу вполнѣ достаточно было имѣть точныя свѣдѣнія о процентномъ содержаніи золота въ туземной монетѣ—а эти свѣдѣнія онъ всегда могъ получить—чтобы произвести размѣнъ безъ всякаго затрудненія. Что касается серебряной монеты, то ее стоило только обмѣнять или сосчитать на золотую для того, чтобы всякое затрудненіе исчезло. И такъ, для производства обмѣна папскихъ денегъ никакихъ свѣдѣній о существующихъ денежныхъ кур-

---

[100]) **Neumann** тамъ-же стр. 18—21.
[101]) Ibid. стр. 21.

сахъ не требовалось, а достаточно было одной помощи вѣсовъ. Этимъ же можетъ быть объяснено отсутствіе въ историческихъ источникахъ упоминанія о платежѣ за размѣнъ, ибо платежъ этотъ производящій размѣнъ купецъ получалъ уже въ томъ, что чеканная монета въ территоріальныхъ предѣлахъ ея обращенія представляла цѣнность, значительно превышавшую процентъ содержавшагося въ ней благороднаго металла. Счетъ же на авиньонскій, туринскій, краковскій и т. п. вѣсъ (pondus), очевидно, нуженъ былъ самимъ папскимъ сборщикамъ въ интересахъ отчетности, т. е. именно для того, чтобы величину собраннаго показать въ денежныхъ единицахъ.

По размѣнѣ собранныхъ суммъ на вѣсовое золото, выраженное въ маркахъ, въ Краковѣ же или же иномъ центральномъ пунктѣ снаряжались для перевозки этого золота въ Италію или южную Францію, смотря потому, гдѣ находилась папская резиденція, по большей части два клерика; обоимъ имъ вмѣстѣ вручалась общая роспись собранныхъ суммъ съ оправдательными документами по сдѣланнымъ необходимымъ расходамъ. Эти посыльные находились подъ начальствомъ ѣхавшаго съ ними же третьяго духовнаго лица, которое въ случаѣ надобности могло на пути увеличить количество конвоировъ. Чтобъ облегчить этимъ посланцамъ путешествіе и оградить ихъ отъ путевыхъ опасностей и случайностей, ихъ снабжали папскими указами или рекомендательными письмами самого папы либо сборщика къ тѣмъ свѣтскимъ или духовнымъ вельможамъ, чрезъ владѣнія коихъ надо было ѣхать. Само собою разумѣется, что адресаты принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобъ оградить папскую казну отъ обычныхъ въ то время дорожныхъ опасностей, и, конечно, только этимъ можно объяснить, что нападеніе и ограбленіе папскихъ посланцевъ на пути ихъ слѣдованія въ Римъ или Авиньонъ случались весьма рѣдко [102]).

Само собою понятно, что подобный способъ пересылки былъ весьма убыточенъ и требовалъ продолжительнаго времени; а потому папская курія должна была прилагать всѣ старанія къ замѣнѣ его чѣмъ-нибудь болѣе дешевымъ и удобнымъ. Слѣды такой заботливости встрѣчаются уже въ 1287 г.

---

[102]) Ibid. стр. 21 и 22. См. также его же Die Gesch. des Wuchers стр. 355 и 356.

Папа Гонорій IV предписываетъ сборщику въ Польшѣ, канонику *Ада*, всѣ суммы, какія онъ найдетъ на сборныхъ пунктахъ, безпрепятственно передавать Жакомини Альфано и нѣсколькимъ другимъ перечисляемымъ тутъ лицамъ, флорентинскимъ гражданамъ и купцамъ *de Alfanorum societate* (т. е. изъ числа членовъ товарищества Альфановъ), ассигнуя эти суммы папѣ и святой землѣ. Но пересылка этимъ способомъ, повидимому, весьма скоро прекратилась и снова началась перевозка собранныхъ суммъ въ папскія резиденціи въ натурѣ.

Въ началѣ XIV столѣтія, именно со времени переселенія папы въ Авиньонъ, нѣсколько богатыхъ банкирскихъ домовъ во Флоренціи, какъ-то: Frescobaldi, Scali, Acciajoli и въ особенности Peruzzini, мѣсто коего послѣ его банкротства въ 1329 г. занялъ домъ Барди, стали открывать свои конторы въ мѣстахъ пребыванія папы, при чемъ съ 1348 г. такая контора въ Авиньонѣ оставалась и дѣйствовала постоянно. Назначеніе этихъ учрежденій состояло въ снабженіи папскаго двора потребными деньгами въ видѣ ссуды, въ доставленіи въ Авиньонъ поступающихъ въ пользу куріи изо всѣхъ христіанскихъ земель денегъ посредствомъ перевода, во временномъ помѣщеніи собранныхъ суммъ подъ проценты, не взирая на каноническое запрещеніе процентовъ, и въ выдачѣ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ и тѣмъ лицамъ, на коп указывалъ папа. Съ этого-то времени и, въ особенности, благодаря ежегодно съ изумительною быстротою возраставшимъ потребностямъ папскаго двора, начались весьма дѣятельныя и оживленныя денежныя сношенія ради Авиньона между Италіею, Франціею, Брюгге, Брюсселемъ, Парижемъ, Сіеною, Перуджіа, Римомъ, Неаполемъ, Барлеттою и Венеціею. Само собою разумѣется, что это денежное движеніе не могло не коснуться Польши и сопредѣльныхъ съ нею странъ, путемъ церковныхъ поборовъ столь же связанныхъ съ папою, какъ и остальныя перечисленныя земли, въ томъ числѣ и Англія. Дѣло въ томъ, что стеченіемъ различныхъ неблагопріятныхъ для папы политическихъ обстоятельствъ авторитетъ его имени и власти въ Польшѣ и иныхъ восточныхъ краяхъ сильно поколебался; прежняя относительная безопасность папскихъ посланцевъ во время сопровожденія ими папскихъ суммъ въ мѣсто назначенія отошла въ исторію; путевыя случайности и затрудненія, столь заботливо дотолѣ устранявшіяся мѣстными властями, теперь

имъ приходилось преодолѣвать собственными силами; если дотолѣ при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ пересылка денежныхъ суммъ въ Римъ или Авиньонъ сопряжена была съ большими трудностями и расходами, то теперь эти трудности и расходы въ связи съ серіозными опасностями, грозившими со стороны профессіональныхъ разбойниковъ и бродячихъ вооруженныхъ бандъ воюющихъ армій, дѣлали ее почти невозможною. Сила обстоятельствъ заставила такимъ образомъ папскихъ сборщиковъ уклониться отъ прежняго прямаго пути и отыскать, хотя окольный, но болѣе вѣрный путь. По сосѣдству съ Пруссіею находилась страна, гдѣ италіанскіе торговцы и мѣнялы имѣли свои конторы и своихъ постоянныхъ представителей въ лицѣ командитныхъ товарищей, состоявшихъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Италіею и Франціею. Страна эта— Фландрія и въ особенности городъ Брюгге. Въ разсматриваемый періодъ онъ велъ обширную торговлю какъ съ отдаленнымъ сѣвероmъ Европы, именно Готландомъ и Новгородомъ, такъ и съ югомъ Европы, а равно съ прусскими и польскими городами. Это обстоятельство не могло не быть извѣстнымъ бдительнымъ папскимъ сборщикамъ; они равнымъ образомъ знали, что фландрскіе купцы состоятъ въ денежныхъ сношеніяхъ съ италіанскими торговыми домами и мѣнялами, чрезъ посредство коихъ папскія деньги уже давно преблагополучно стали достигать своего назначенія. Мысль воспользоваться ихъ посредничествомъ должна была зародиться у названныхъ сборщиковъ сама собою, даже безъ спеціальнаго указанія на то со стороны папской куріи. И дѣйствительно, приблизительно съ 1320 г. суммы, накоплявшіяся въ главныхъ сборныхъ пунктахъ, каковы Краковъ, Торнъ и Бреславль, начинаютъ направляться въ Брюгге, гдѣ онѣ сдаются агенту либо въ то время весьма извѣстнаго и богатаго дома Барди, либо инаго флорентинскаго банкирскаго дома для врученія ихъ по назначенію. Этотъ способъ пересылки, нужно полагать, далъ весьма удовлетворительные результаты, ибо съ 1330 г. папскіе сборщики въ Польшѣ и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ получаютъ отъ папы уже прямыя предписанія въ этомъ смыслѣ, причемъ указываются и тѣ купцы и агенты, кои взяли на себя обязанность переводить папскія деньги по назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающихъ въ Фландріи агентовъ, имѣющихъ принимать эти деньги, папы снабжаютъ надлежащею

довѣренностью, образецъ которой приведенъ въ цитированномъ сочиненіи Неймана (стр. 24 и 25).

§ 24.

Разъ только описанный способъ пересылки упрочился, то скоро нашлись охотники переводить деньги и непосредственно изъ сборныхъ пунктовъ въ Нидерланды. Уже выше было упомянуто, что вмѣсто пересылки собранныхъ суммъ прямо въ Римъ или Авиньонъ ихъ стали пересылать въ Нидерланды. Но и эта пересылка связана была съ значительными расходами и неудобствами. Между тѣмъ переводъ денегъ чрезъ банкировъ и купцовъ выдержалъ испытаніе и привился. Оставалось, стало быть, это испытанное средство примѣнить и къ пересылкѣ денегъ въ Нидерланды. Надо полагать, что она способна была доставлять немаловажныя выгоды, ибо не только не представилось необходимости особо приглашать и искать такихъ коммиссіонеровъ, но они сами набивались, предлагая весьма выгодныя условія. Въ ряду ихъ были и лица духовныя и купцы, преимущественно тѣ самые, кои производили обмѣнъ туземныхъ монетъ на вѣсовое золото. Они принимали на себя обязательство переводить опредѣленныя суммы денегъ отъ имени главныхъ сборщиковъ въ Брюгге и вообще въ Нидерланды, причемъ крайній срокъ для производства такого перевода не долженъ былъ превышать 10 мѣсяцевъ. Далѣе они не только брали на себя всѣ сопряженные съ такою операціею расходы, но и отвѣтственность за ущербъ, напередъ отказываясь отъ всякихъ возраженій «fortuitus et casus, videlicet furti, incendii, naufragii, suine et rapine». Отвѣтственность за недоставку къ опредѣленному сроку они обезпечивали, если то были духовные, «se ac ecclesiam suam et sua et ipsius ecclesiae bona», а если купцы—всѣмъ своимъ достояніемъ. Договоръ этотъ они закрѣпляли присягою и добровольно подчиняли себя, въ случаѣ его неисполненія, не только помянутымъ залогамъ, но и отлученію отъ церкви, а равно и всѣмъ наказаніямъ, какія наложитъ на нихъ папскій нунцій. Такимъ образомъ эти переводчики папскихъ денегъ по отношенію къ послѣднимъ мало-по-малу превращались въ мѣнялъ, а заключаемые ими съ папскими сборщиками договоры спедиціи (перевозки) постепенно стали совмѣщать въ себѣ всѣ существенные

элементы векселя, каковы: сумма, имя ремиттента, срокъ, подпись выдающаго документъ, обозначеніе мѣста и времени выдачи, а равно и его послѣдствія, каковы: непосредственный переходъ залога въ собственность и, наконецъ, личный арестъ. Этимъ документамъ не доставало только слова вексель, но въ то время такое обозначеніе не составляло еще существенной принадлежности векселя [103]).

§ 25.

Итакъ мѣнялы и мѣняльный промыселъ, коимъ наряду съ профессіональными мѣнялами занимались, какъ мы выше видѣли, и купцы, всюду, кудабъ они ни проникали, вводили въ употребленіе векселя, какъ самое сподручное средство осуществленія ихъ профессіональныхъ функцій. Уже выше было указано, что въ нѣмецкихъ городахъ мѣнялами были купцы и члены особыхъ патриціанскихъ ассоціацій, завѣдывавшихъ монетнымъ дѣломъ вообще и занимавшихся размѣномъ денегъ, какъ одною изъ отраслей монетнаго дѣла. Но вмѣстѣ съ ними съ 13 столѣтія тамъ встрѣчается уже извѣстное число второстепенныхъ мѣнялъ (Nebenwechsler). Они либо состоятъ подъ надзоромъ указанныхъ ассоціацій, либо дѣйствуютъ независимо отъ нихъ, получая отъ городскихъ совѣтовъ разрѣшеніе производить размѣнъ; но для полученія подобнаго разрѣшенія они обязаны были представлять извѣстное обезпеченіе и платить опредѣленный налогъ. Существованіе этихъ второстепенныхъ мѣнялъ подтверждается указаніями на нихъ не только въ тогдашнихъ законахъ и законодательныхъ сборникахъ, но и во многихъ частныхъ документахъ. Они производили мелочной размѣнъ, т. е. обмѣнивали одну монету на другую на мѣстѣ, занимались перевозкою денегъ, давали въ займы подъ заклады, принимали депозиты и по заказу доставали векселя, если только мѣсто платежа по послѣднимъ было не въ дальнемъ разстояніи. Но въ чеканкѣ монеты они никакого участія не принимали [104]). Они начинаютъ появляться съ XIII столѣтія и главнымъ образомъ извѣстны подъ названіемъ *campsores*. Многіе изъ нихъ владѣли своими мѣняльными лавками (скамьями) наслѣдственно, уступая ихъ по своему желанію другимъ не ина-

---

[103]) Ibid. стр. 22—29.

[104]) **Neumann** Gesch. des Wuch. стр. 357.

че, какъ въ присутствіи городскаго совѣта; помѣщались эти лавки вблизи ратуши или биржи [105]).

Во *Франціи* мѣняльный промыселъ, какъ уже неоднократно упоминалось выше, находился въ рукахъ италіанцевъ и водворился тутъ, такъ сказать, на постоянное жительство съ десятаго столѣтія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ италіанцамъ и въ особенности флорентинцамъ на этомъ поприщѣ принадлежало первенствующее положеніе, закрѣпленное за ними рядомъ ордонансовъ французскихъ королей, царствовавшихъ въ періодъ времени между XII и XV столѣтіями включительно. Ордонансъ Филиппа Красиваго, изданный въ февралѣ 1304 г., слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ мѣсто, гдѣ парижане могутъ мѣнять свои деньги: «Мы, Филиппъ, Божьею милостью король французовъ, симъ извѣщаемъ, что мы.... желая внести больше порядка въ положеніе и производство .. размѣна парижанами.... предписываемъ, чтобы размѣнъ въ Парижѣ былъ и производился только выше нашего большаго моста, со стороны лобнаго мѣста (a parte graviae), между церковью св. Лефруа и большою аркою моста, какъ это принято было доселѣ до послѣдовавшей нѣкоторой порчи каменнаго моста.—Равнымъ образомъ, чтобы никому не дозволялось мѣнять или заниматься размѣномъ (какъ промысломъ) въ иномъ мѣстѣ Парижа или его окрестностей (infra banleucam, т. е. ниже выгона—banlieu), кромѣ вышеуказаннаго. Что если кто-либо впослѣдствіи окажется дѣйствующимъ вопреки сему нашему распоряженію, то деньги, кои будутъ размѣнены, или вещи, кои будутъ приспособлены къ размѣну въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ какое нами для этого указано, должны цѣликомъ конфисковаться въ нашу пользу» [106]).

---

[105]) Тамъ-же стр. 359.

[106]) **Fremery** Études de droit commercial стр. 88 и сл. Латинскій подлинникъ приведеннаго ордонанса составленъ былъ въ слѣдующихъ словахъ: «Philippus, Dei gratiâ Francorum rex, notum facimus quod nos.... cambii Parisiensis.... statum et usum in melius ordinare studentes, duximus ordinandum: quod cambium Parisiense erit et tenebitur suprà nostrum magnum pontem solummodo à parte graviae (la grève) inter ecclesiam sancti Leufredi et majorem archam sive deffectum ipsius pontis, prout hactenus, ante corruptionem pontis ejusdem quondam lapidei, extitit consuetum.—Item quod nulli omnino liceat alibi quam in loco illo cambiare seu cambium tenere Parisiis aut infra banleucam. Quod si contra hujusmodi ordinationem nostram

Что во Франціи мѣняльный промыселъ дѣйствительно существовалъ уже въ X вѣкѣ, доказательствомъ тому могутъ служить приводимыя тѣмъ же писателемъ (стр. 91) слова ордонанса Карла Красиваго, отъ 1325 года: «Comme nous soyons suffisament enformés, говоритъ тутъ этотъ монархъ, que par l'espace de deux cents ans et environ toutes manières de change et d'orfevrerie demorant en la ville de Rouen, ont accoustumé à demourer, et tous leurs ouvreurs (ouvriers) de change et d'orfevrerie, en la rue de la Cornoiserie à Rouen, et non ailleurs, fors que depuis un peu de temps, etc....» (Такъ какъ мы достаточно освѣдомлены, что на протяженіи около двухсотъ лѣтъ всякаго рода размѣнъ и золотыхъ дѣлъ мастерство, производящіеся въ городѣ Руанѣ, а равно и всѣ рабочіе по размѣну и золотыхъ дѣлъ мастерству привыкли жить на руанской улицѣ Cornoiserie, а не въ иныхъ мѣстахъ и т. д.).

Что касается Италіи, этой праматери мѣняльнаго промысла, то и тамъ послѣдній организованъ былъ такимъ образомъ, что производство его разрѣшалось лишь въ отведенныхъ для него частяхъ города и запрещалось во всѣхъ иныхъ мѣстахъ. Это ограниченіе можетъ быть объяснено потребностью въ бдительномъ надзорѣ за манипуляціями мѣнялъ и фискальными соображеніями. Размѣнъ денегъ, какъ уже выше было указано, являлся въ средніе вѣка дѣломъ высокой важности, дѣломъ, въ коемъ живо заинтересованы были не только всѣ вообще частныя лица, но и сами правительства, превратившія мѣняльный промыселъ въ предметъ податнаго обложенія, а слѣдовательно, въ источникъ своихъ постоянныхъ доходовъ. Предоставить этихъ промышленниковъ самимъ себѣ, оставляя имъ полную свободу дѣйствія и пребыванія, значило бы, съ одной стороны, отдать имъ жителей края на потокъ и разграбленіе, сдѣлавъ послѣднихъ объектомъ всевозможныхъ ухищреній, плутней и вымогательствъ, а съ другой—

---

secus factum contingat in posterum reperiri, pecunia seu res illa quae alibi quam in loco ad hoc per nos ordinato cambiata fuit vel ad cambiandum fuit ordinata, nobis cedet penitus in commissum». Въ примѣчаніи къ этому ордонансу Фремери объясняетъ, что упоминаемый въ немъ magnus pons часто ломался и возстановлялся, почему и получилъ названіе Pont-au-Change. Церковь св. Лефруа помѣщалась вблизи **Grand Chatelet**, нынѣ **Place du Chatelet**. Та часть Парижа, которая примыкаетъ къ правому берегу рѣки Сены, называлась кварталомъ **Outre-grand-Pont** (ib. прим. 2).

дать мѣнялъмъ возможность уклоняться отъ правильныхъ фискальныхъ взносовъ. Избѣгнуть того и другаго можно было не иначе, какъ сосредоточивъ мѣняльный промыселъ на одномъ пунктѣ и безусловно запретивъ отправленіе его функцій въ иныхъ мѣстахъ; только этимъ путемъ мѣнялы поставлены были въ невозможность укрываться отъ постояннаго и бдительнаго надзора подлежащихъ правительственныхъ органовъ. Надо полагать, что мѣра эта оказалась весьма практичною и цѣлесообразною, ибо она получила примѣненіе не только въ Италіи, но, какъ мы выше уже видѣли, и въ другихъ странахъ, каковы Франція и нѣмецкія земли. Относительно устройства мѣняльнаго промысла въ Италіи у Мартенса [107]) цитируется весьма характерный отрывокъ изъ сочиненія della Decima; тутъ воспроизводится содержаніе тѣхъ постановленій флорентинскаго статута 1299 г., въ коихъ опредѣляются мѣсто и порядокъ производства мѣняльнаго дѣла во Флоренціи. «Промыселъ размѣна (l'arte del cambio), говорится здѣсь, производился на новомъ и старомъ рынкахъ. Всякій, кто желалъ имъ заняться, обязанъ былъ получить свидѣтельство (la matricola) отъ консула о принятіи его въ число мѣнялъ и дать клятвенное обѣщаніе въ исполненіи законовъ и платежѣ тѣхъ налоговъ, какіе относительно этого промысла установлены и будутъ установляемы. Заниматься размѣномъ и иными операціями ихъ промысла мѣнялъмъ разрѣшалось только въ ихъ лавчонкахъ, кои ставились на названныхъ двухъ рынкахъ; здѣсь, предъ этими лавчонками, они обязаны были имѣть скамейку и столъ или столикъ, покрытый ковромъ, книгу счетовъ (il libro del conti) и кассу (la borsa-кошелекъ). Всѣ, совершенные въ теченіи дня операціи, они должны были тщательно записывать въ эту книгу, производя эти операціи при посредствѣ офиціальныхъ маклеровъ (col mezzo de'sensali matricolati dell'arte) и съ уплатою того вознагражденія (di quella provvisione o mercede), какое въ ихъ пользу на эти случаи установлено. Принимать къ себѣ въ компаніоны кого-либо изъ иностранцевъ мѣнялъмъ было воспрещено» и т. д.

---

[107]) Der wahre Ursprung des Wechselrechts стр. 55 прим. к. См. тоже **Biener** Wechselrechtl. Abhandl. стр. 19.

Общіе выводы.

§ 26.

Итакъ, внѣшнимъ признакомъ присутствія въ данномъ мѣстѣ мѣнялъ служили скамейки и поставленные предъ ними покрытые скатертью столы, замѣнявшіе нынѣшнія вывѣски. Отъ этихъ-то скамеекъ (*banco*) и ведетъ свое начало названіе торговцевъ, сдѣлавшихъ денежные обороты своею спеціальностью: прототипомъ новѣйшихъ банковыхъ учрежденій были италіанскіе мѣнялы[108]), удовлетворявшіе денежнымъ нуждамъ своего времени не въ обширныхъ и шикарно обставленныхъ конторахъ, какими щеголяютъ банки нашего времени, а прямо на улицѣ, сидя за столикомъ и имѣя около себя книгу и кошелекъ съ деньгами. Само собою разумѣется, что столь незайтѣйливая обстановка возможна была лишь до тѣхъ поръ, пока денежные обороты не представляли тѣхъ усложненій, какія съ теченіемъ времени стали постепенно съ ними соединяться. Пока дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, чтобъ обмѣнять на мѣстѣ одинъ видъ денегъ на другой, или вмѣсто принятой суммы денегъ туземною монетою выдать письмо на имя обрѣтавшагося въ другомъ городѣ или государствѣ компаніона съ просьбою уплатить тамъ соотвѣтствующую сумму тамошнею монетою, не было надобности въ обширныхъ приспособленіяхъ: для этого вполнѣ достаточно было скамейки и стола, сидя у коего, можно было размѣнять данныя деньги и написать незамысловатое и коротенькое письмецо съ простою ариѳметическою выкладкою.

Но съ теченіемъ времени мѣняльный промыселъ сталъ рости, развиваться и охватывать собою все большее количество разнохарактерныхъ, тѣсно связанныхъ съ денежными расчетами операцій, производство коихъ стало требовать и болѣе сложныхъ приспособленій и болѣе обширныхъ помѣщеній. Всѣ эти операціи скомбинированы у Бинера [109]) въ пяти слѣдующихъ, имѣющихъ не малый историческій интересъ, видахъ: 1) На первомъ планѣ долженъ быть поставленъ простой размѣнъ однѣхъ монетъ на другія соотвѣтствующаго достоинства. Это прежде такъ на-

---

[108]) **Fremery** Etudes стр. 91.
[109]) Wechselrechtliche Abhandlungen стр. 19—21.

зывавшійся cambium minutum или manuale*) (нѣмецкій Hadwechsel). Этотъ размѣнъ совмѣщаетъ въ себѣ какъ первоисточникъ, такъ и первыя жизненныя функціи банкирскаго промысла. Онъ далъ существованіе мѣняльному дѣлу и онъ же обусловилъ собою его дальнѣйшее развитіе. Потребность въ мѣнялахъ возникла въ то время, когда право чеканки монетъ стало достояніемъ не только единичныхъ государственныхъ союзовъ, но и отдѣльныхъ городовъ и даже извѣстныхъ феодаловъ, кои либо самовольно присвоивали его себѣ, либо получали его въ видѣ пожалованія отъ императоровъ и королей. Возникшія отсюда крайнія злоупотребленія и путанница въ монетныхъ системахъ породили необходимость въ особомъ классѣ людей, кои изученіе денежнаго дѣла превратили въ свою спеціальность и тѣмъ самымъ поставлены были въ фактическую возможность безошибочно и съ пользою для себя производить обмѣнъ разноименныхъ и разносистемныхъ монетъ.

2) Необходимость производить размѣнъ въ два пріема, принимая деньги для обмѣна въ одномъ мѣстѣ и выдавая вмѣсто нихъ иныя деньги въ другомъ мѣстѣ, породила потребность во взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ между мѣнялами различныхъ странъ и городовъ, а эти сношенія, имѣя постоянно одинъ и тотъ же предметъ и одно и тоже содержаніе, привели къ установленію однообразной формы писемъ, получившихъ, соотвѣтственно ихъ цѣли, названіе *вексельныхъ писемъ* или *векселей* (littera cambii, la lettre de change, der Wechselbrief, Lettere di cambio). Какое колоссальное и быстрое развитіе получила эта форма денежнаго оборота, можно видѣть изъ того, что къ началу 14-го столѣтія твердо и почти повсемѣстно установились сроки платежа по векселямъ и такса за размѣнъ денегъ посредствомъ векселя. Въ цитированномъ выше сборникѣ *Della decima* помѣщены произведенія *Francesco Balducci Pegolotti* и *Giovanni di Antonio da Uzzano*, въ коихъ предлагаются свѣдѣнія изъ области торговли. И то и другое произведеніе написано въ первой половинѣ XIV столѣтія, а между тѣмъ въ нихъ фигурируетъ уже длинный рядъ мѣстностей, находящихся между собою въ постоянныхъ и настолько правильныхъ вексельныхъ сношеніяхъ, что они успѣли выработать твердые обычаи касательно сроковъ уплаты по предъявленнымъ плательщикамъ векселямъ [110]). Оче-

*) **Heineccii** Elementa iuris cambialis стр. 6. § V.

[110]) **Martens** цит. с. Anhang стр. 2—9.

видно, что подобные обычаи не могли возникнуть вмѣстѣ съ векселями и для своего сформированія и упроченія должны были потребовать болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени.

3) Примѣненіе вексельной формы къ денежнымъ оборотамъ стало настоятельно необходимымъ съ возникновеніемъ ярмарокъ, о коихъ мы скажемъ ниже. Къ этимъ центральнымъ рынкамъ почти всего тогда извѣстнаго міра стекались купцы изъ разныхъ государствъ, городовъ и мѣстностей. Одни изъ нихъ везли туда естественные и искусственные продукты своего околодка и близь лежащихъ мѣстностей съ тѣмъ, чтобы съ выгодою для себя сбыть ихъ, другіе отправлялись туда скупать чужеземные продукты съ тѣмъ, чтобы съ выгодою для себя продать ихъ тамъ, гдѣ въ нихъ ощущалась потребность. Но для того, чтобы производить такія закупки, необходимо было обладать деньгами, имѣвшими ходъ въ странѣ, гдѣ происходила ярмарка, ибо монеты иноземныя, въ силу господствовавшаго тогда политическаго пониманія, въ чужихъ странахъ не должны имѣть обращеніе. Отсюда рождалась необходимость обмѣнивать монеты своей страны на туземныя той страны, гдѣ происходила ярмарка. Такой размѣнъ могъ быть, конечно, произведенъ у многочисленныхъ мѣнялъ, устроивавшихъ свои лавки и конторы на каждой крупной ярмаркѣ. Но съ другой стороны, везти туда крупныя суммы денегъ въ какой бы то ни было монетѣ было въ высшей степени рискованно, ибо дороги кишѣли разбойниками и иными аматерами чужаго достоянія. Въ виду этого не оставалось ничего инаго, какъ обратиться къ мѣнялямъ или купцамъ своего мѣстожительства и чрезъ ихъ посредство добыть на ярмаркѣ потребную сумму тамошнею монетою. Цѣль эта достигалась тѣмъ, что такому мѣнялѣ или купцу вносилась необходимая на ярмаркѣ денежная сумма въ монетѣ мѣста отправленія, а отъ него получалось письмо къ пребывавшему на ярмаркѣ компаніону или агенту съ просьбою или съ порученіемъ выдать такому-то такую-то сумму туземною монетою въ замѣнъ полученной отъ него суммы иною монетою.

Въ совершенно одинаковомъ положеніи были и тѣ купцы, кои отправлялись на ярмарку съ товарными транспортами. По распродажѣ тутъ товара въ ихъ рукахъ оказывались крупныя суммы денегъ туземною монетою. Везти отсюда ихъ домой въ натурѣ было и крайне рисковано, въ виду путевыхъ опасностей, и не-

возможно, ибо въ то время въ весьма многихъ странахъ и городахъ, а въ томъ числѣ и тамъ, гдѣ происходили ярмарки, существовало запрещеніе вывозить туземныя деньги изъ предѣловъ государства. Единственнымъ выходомъ изъ такого затруднительнаго положенія былъ размѣнъ при посредствѣ вексельнаго письма отъ ярмарочнаго купца или мѣнялы на имя агента, товарища или друга, пребывавшаго въ томъ мѣстѣ, куда мѣняющій возвращался. Что такая процедура обмѣна денегъ въ средніе вѣка и послѣдующее время была повседневнымъ явленіемъ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ такой авторитетный писатель и спеціалистъ по торговому праву, какъ *Scaccia*. «Такъ какъ для покупки товаровъ, говоритъ онъ, многимъ нужны деньги, то многіе или въ своихъ, или въ чужихъ мѣстахъ отдаютъ свои деньги въ обмѣнъ на деньги ярмарокъ, чтобы при помощи этихъ послѣднихъ накупить товаровъ, или же въ свою очередь выдаютъ ихъ въ обмѣнъ тѣмъ, кои въ нихъ нуждаются: вотъ почему на ярмарки съѣзжается не мало богатыхъ кассировъ, у коихъ купцы берутъ деньги въ обмѣнъ, а равно стекаются нѣкоторые принимающіе депозиты банкиры, коимъ купцы и кассиры отдаютъ сои деньги на храненіе и кои выплачиваютъ эти деньги по приказамъ депонентовъ, поклажедателей [111])».

4) Уже неоднократно указано было выше, что мѣняльный промыселъ съ самаго своего возникновенія сталъ давать весьма почтенный доходъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія промышленности и торговли, по мѣрѣ того, какъ потребность въ обмѣнѣ денегъ на деньги все разросталась, общая сумма прибылей мѣнялъ настолько увеличилась, что въ ихъ рукахъ стали скопляться огромные капиталы, кои далеко оставили за собою потребность общества въ размѣнѣ денегъ. Эти свободные капиталы мѣнялы не замедлили производительно эксплоатировать въ свою пользу, но не путемъ помѣщенія ихъ въ промышленныя предпріятія, къ коимъ мѣнялы были неспособны или непривичны, а путемъ раздачи ихъ въ заемъ за значительные проценты. Въ желающихъ заключать такіе займы недостатка, конечно, никогда не могло быть, ибо прежнія времена далеко не отличались оби-

---

[111]) §. 1 qu. VI n. 10. Латинскій текстъ этого мѣста см. выше §. 19 прим. 61.

ліемъ денегъ. Въ ряду такихъ займополучателей весьма почетное мѣсто принадлежитъ различнымъ европейскимъ монархамъ. Безмѣрная роскошь, мотовство и непрерывныя войны, требовавшія колоссальныхъ расходовъ, не только поглощали всѣ правильные наличные расходы многихъ государствъ, но вынуждали государей прибѣгать къ кредиту, хотя бы подъ условіями, далеко не соотвѣтсвующими достоинству и положенію главы государства. Не говоря уже о томъ, что за взятыя такимъ образомъ въ займы суммы уплачивалось отъ 12 до 20 и болѣе процентовъ, но своевременный и цѣлостный возвратъ ихъ обезпечивался залогомъ отдѣльныхъ статей государственнаго дохода, а иногда залогомъ личности и всего достоянія монарха. Необходимость поддерживать борьбу за существованіе нерѣдко заставляла и самостоятельные города прибѣгать къ помощи займовъ у тѣхъ же капиталистовъ. Примѣровъ того и другаго можно встрѣтить во множествѣ. Укажу лишь на нѣкоторые.

Въ сѣверной и сѣверовосточной Европѣ существовало весьма оригинальное средство обезпеченія займовъ, настолько не вяжущееся съ новѣйшими представленіями объ обезпеченіи, что съ перваго взгляда оно является даже непонятнымъ. Это средство носило названіе *obstagium*, *Einlager*, *Einreiten*, *Geisselschaft* и др. Средство это практиковалось съ 13 до 17 столѣтія и состояло въ томъ, что должникъ, обыкновенно рыцарь, обязывался, въ случаѣ неплатежа, явиться въ опредѣленное мѣсто вмѣстѣ съ условленнымъ числомъ рыцарей и здѣсь жить въ праздности и довольствѣ на счетъ вѣрителя, дотолѣ, пока долгъ не будетъ всецѣло заплаченъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что наказаннымъ тутъ является именно вѣритель, а не должникъ, но на самомъ дѣлѣ страдалъ карманъ должника. Съ одной стороны, до погашенія долга лишался свободы какъ онъ самъ, такъ и его рыцари, коими онъ въ теченіи этого времени могъ располагать съ пользою для себя, съ другой стоимость проѣденнаго и прокученнаго рыцарями во время нахожденія ихъ въ этомъ добровольномъ плѣну всецѣло падала на должника же, который обязанъ былъ эти издержки кредитору возмѣстить. Издержки же эти, смотря по продолжительности времени пребыванія въ залогѣ и образу жизни заложниковъ, достигали иногда весьма почтенныхъ размѣровъ, такъ что погашеніе ихъ могло поглотить все имущество должника. Такъ, въ 1291 г. аббатъ Мур

бахъ ради возмѣщенія расходовъ къ по такому залогу вынужденъ былъ продать королю Рудольфу городъ Люцернъ [112]).

Не взирая на всю зазорность этого рода обезпеченія, на все его противорѣчіе достоинству вѣнценосца, не взирая на то, что оно низводило короля на степень простаго заложника у какого-нибудь ничтожнаго, хотя и богатаго, торгаша, бывали случаи, когда и вѣнценосныя особы спускались до такого унизительнаго соглашенія и принимали на себя обязанность доставить въ распоряженіе ихъ кредитора опредѣленное число рыцарей, а иногда и самихъ себя. Такъ, датскій, король въ 1272 г. взялъ въ займы у двухъ любекскихъ купцовъ, Iaan Mönk и Hinrico Grawerker, двѣ тысячи марокъ чистаго золота, кои обязался возвратить четырнадцать дней спустя послѣ михайлова дня (т. е. по слѣ празднованія дня св. Михаила), а на случай неуплаты къ этому сроку, тридцать его воиновъ, въ составленномъ на этотъ предметъ особомъ документѣ, приняли на себя обязанность явиться для пребыванія въ Роштокѣ, буде безопасность ихъ личности и имущества будетъ тамъ гарантирована; въ противномъ случаѣ они должны были явиться въ безопасный датскій городъ или деревню, по выбору кредиторовъ, и тамъ оставаться до полнаго погашенія означеннаго долга [113]).

Въ 1312 король шведскій Эрихъ взялъ у четырехъ любекскихъ гражданъ въ займы тысячу марокъ чистаго серебра любекскаго чекана и вѣса и обязался возвратить ихъ въ два срока, именно 500 марокъ къ празднику св. Варѳоломея того-же 1312 г., а остальные 500 въ слѣдующемъ году къ тому же празднику. Если же въ одинъ изъ этихъ сроковъ уплата не будетъ произведена условленнымъ образомъ, то онъ съ поручителями

---

[112]) См. **Neumann** Die Gesch. des Wuch. стр. 126 и 128 прим. 2 и Gesch. des Wech. стр. 63.

[113]) **Sartorius** Urkundl. Gesch. des Ursprunges der deut. Hanse т. II стр. 104 документъ XXXV. Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго, хотя и не исполненнаго, а потому протестованнаго обязательства: «Ericus dei gracia Danorum Slauorumque rex, omnibus presens scriptum cernentibus in domino salutem. Notum facimus universis, quod per presentes recognoscimus, nos, a dilectis amicis nostris, dominis Iaan Mönk, fromoldo Siwardo de bruge, et Hinrico Grawerker, Ciuibus Lubicensibus, Duo milia marcarum puri argenti mutuo recepisse, quod eisdem ciuibus ad XIIII dies post festum beati Michaelis proximum promisimus persoluendum ad eorum be-

(compromissores) или братъ его Вальдемаръ обязаны по истеченіи 14 дней послѣ срока въѣхать въ Стокгольмъ и пребывать тутъ до расплаты. Буде же одинъ изъ поручителей тутъ до полной уплаты умретъ (carnis debitum exsolverit), то онъ долженъ быть замѣненъ инымъ мужемъ равнаго достоинства. Въ случаѣ смерти его, короля, или брата его до полной уплаты, обязательство это цѣликомъ переходитъ къ пережившему. Если же въ этотъ промежутокъ времени оба они умрутъ, то все неуплаченное имѣютъ уплатить наслѣдники его, короля, ибо означенныя деньги всецѣло пошли на пользу его земель и имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязуется возмѣстить названнымъ гражданамъ всѣ издержки, какія они понесутъ по поводу этого займа. Въ слѣдующемъ 1313 г. тотъ же король и его братъ Вальдемаръ взяли вновь у тѣхъ-же гражданъ еще 500 марокъ серебра на подобныхъ же условіяхъ. Въ примѣчаніи къ изложенному долговому обязательству шведскаго короля Сарторіусъ сообщаетъ, что подобные документы выдавались Любеку и другими королями, князьями и вотчинниками [114]).

На югѣ и западѣ Европы обычай этотъ не практиковался. Господствовавшіе тутъ болѣе практичные италіанскіе банкиры, умудренные опытомъ, не довольствовались столь легковѣснымъ и шаткимъ обезпеченіемъ, какъ obstagium, доставлявшимъ кредитору лишь новые расходы съ слабою надеждою на возможность

---

neplacitum voluntatis; Super quo triginta milites nostri, prout in litteris, super hoc confectis, sub sigillis suis continetur, promiserunt bona fide in hunc modum: Quod si dictum argentum in prefato termino persolutum non fuerit ciuibus supradictis, intrare debeant roztok, si securitatem pro personis suis et rebus ibidem intrandi poterint obtinere, alioquin ad XIIII dies, post terminum iam predictum, intrare debeant Ciuitatem aut villam forensem eis securam in Regno nostro, quamcunque predicti Ciues Lubicenses, ipso argento non soluto, eis duxerint assignandam. Volumus eciam bona fide promittentes, dictos Ciues, si in solucione predicti argenti ex parte militum nostrorum promittentium pro eodem aliquid defecerit, super hoc indempnes modis omnibus conservare.

In cuius rei testimonium Sigillum nostrum presentibus duximus apponendum. Datum Nyborch, anno domini MCCLXXII, Mense Maij». На стр. 105 ibid. помѣщенъ и текстъ обязательства, выданнаго означенными 30 воинами тѣмъ же двумъ любекскимъ гражданамъ въ подтвержденіе ихъ обѣщанія быть заложниками при несвоевременной уплатѣ долга.

[114]) **Sartorius** ibid. стр. 259 и сл. докум. CXXIIIa.

возмѣщенія ихъ въ будущемъ. Италіанскіе банкиры предпочитали менѣе унизительные, но зато болѣе вѣрные и болѣе доходные залоги, и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ была настолько обширна, что она охватывала всѣ классы общества, начиная отъ могущественныхъ королей и иныхъ вѣнценосцевъ и кончая бѣднымъ крестьяниномъ. На глазахъ папы и всего духовенства банкиры или мѣнялы открыто и безбоязненно предавались процентнымъ спекуляціямъ, соперничая другъ съ другомъ въ высотѣ взимаемаго роста; и все это имъ не только преблагополучно сходило съ рукъ, но они невозбранно и быстро богатѣли, и какъ бы издѣваясь надъ гнѣвомъ и яростью канонистовъ, привлекали къ участію въ своихъ заклейменныхъ соборами сдѣлкахъ капиталы даже самого духовенства. Да и что могли сдѣлать всякіе громы и вопли богобоязненныхъ и ревностныхъ проповѣдниковъ или писанія монаховъ, если гласъ ихъ раздавался въ пустынѣ? Что значили угрозы проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви и т. п. церковными наказаніями предъ всемогущею денежною нуждою? Чего было бояться, когда сама свѣтская власть всячески потворствовала мѣнялам, когда вопіющая нужда и бѣдность гнали и вельможу и бѣдняка въ банкирскую контору, когда сами могущественные правители безъ особыхъ колебаній отдавали капиталистамъ въ кабалу податные классы своего государства, лишь бы получить сразу и безъ замедленій нужную до зарѣза крупную сумму денегъ!

И дѣйствительно, италіанскія банкирскія фирмы, скопившія въ своихъ рукахъ громадныя богатства, словно добрыя феи благодѣтельствовали направо и налѣво, не забывая однако взимать за это изумительной величины проценты. Такъ, въ 1260 г. банкирскій домъ во Флоренціи подъ фирмою Салимбени даетъ городу Сіена въ займы 20,000 флориновъ, конечно, за приличные проценты. Фирма Фрескобальди, тоже во Флоренціи, снабжаетъ въ 1307 англійскаго короля столь значительными суммами, что только для уплаты процентовъ онъ вынужденъ былъ уступить кредитору свои доходы отъ шерсти. Флорентинскому товариществу *Perusini* англійскій король былъ долженъ 600000 флориновъ золотомъ, а сицилійскій 100000 флориновъ золотомъ, товариществу *Барди* тотъ же король долженъ былъ 900000 флориновъ золотомъ, а сицилійскій 100000. Высокіе проценты, коими эти займы были обложены, оказались не подъ силу даже

названнымъ вѣнценосцамъ, а потому, отказываясь отъ уплаты роста, они заодно уже отказались и отъ уплаты капитальной суммы долга; вслѣдствіе чего оба эти банка лопнули, объявивъ себя несостоятельными на 16 милліоновъ франковъ [115]). Уже выше мы видѣли, какъ французскій король Филиппъ Красивый попалъ въ кабалу къ двумъ мѣнялъмъ, Бичіо и Мусчіато, кои, выручая его изъ денежныхъ затрудненій, забрали его въ свои руки настолько, что фактически распоряжались почти всѣми дѣлами государства.

Въ Германіи отдачею денегъ въ ростъ съ давнихъ временъ стали заниматься евреи. «Свѣтскіе и духовные властители, говоритъ *Neumann* [116]), до императора и папы включительно, общины и частныя лица всѣхъ сословій получали у нихъ (евреевъ) удовлетвореніе ихъ вѣчно не прекращавшейся нуждѣ въ деньгахъ; евреи, соотвѣтственно ихъ почти прирожденному влеченію къ торговлѣ и государственному и общественному положенію въ Германіи, оказались единственными обладателями оборотныхъ денежныхъ капиталовъ, единственными носителями личнаго кредита, никогда, конечно, не забывавшими своей собственной выгоды. Доказательствомъ этому служитъ огромное множество частныхъ документовъ, въ коихъ они въ средней и южной Германіи постоянно фигурируютъ, множество относящихся къ евреямъ разнохарактерныхъ законовъ, обиліе опредѣленій залоговаго свойства, имѣющихъ въ виду именно евреевъ.»

Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ взимавшихся ими процентовъ, достаточно указать, что въ 1358 и 1365 г.г. герцогъ Брига Лудвигъ неоднократно бралъ у еврея Мошо въ займы большія суммы по 54%. Велична процентовъ доходила до 80, 100 и болѣе. Только благодаря этому попустительству властей и закона, могли рости съ такою быстротою долги безденежныхъ государей, долги, въ коихъ неуплаченные проценты играли весьма видную роль. А между тѣмъ въ тѣхъ же германскихъ земляхъ еще съ 13-го столѣтія духовенство неоднократно издавало запрещеніе христіанамъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ евреями, не говоря уже о процентныхъ займахъ. Не взирая однако на то, что нарушеніе этого запреще-

---

[115]) **Martens** цит. с. стр. 24 и сл. **Neumann** Gesch. de Wuch. стр. 389.

[116]) Gesch. des Wuch. стр. 316 и сл.

нія обложено было самыми тяжкими наказаніями и что наблюденіе за его исполненіемъ вмѣнялось въ обязанность свѣтскимъ государямъ, эти блюстители церковнаго запрета первые его нарушали, не переставая вступать съ евреями въ различныя лихоимственные договоры. Такъ, въ 1279 г. синодъ въ Будензе издаетъ запрещеніе ввѣрять евреямъ, какъ и измаилитамъ, сарацинамъ и еретикамъ, какія бы то ни было статьи общественнаго сбора; но на запрещеніе это никто не обращаетъ вниманія и подобныя статьи не перестаютъ фигурировать въ качествѣ залоговаго обезпеченія исправнаго платежа евреямъ процентовъ и капитальной суммы долга. Этого мало; въ 1291 г. въ Эрфуртѣ самъ архіепископъ закладываетъ евреямъ свои доходы, и при томъ, какіе! доходы съ суда!

«Вообще, говоритъ *Нейманъ* (ib. стр. 390), очевидная для всѣхъ прибыльность процентнаго займа была такъ значительна и такъ заманчива, что ни духовные, ни свѣтскіе обладатели денежныхъ капиталовъ, не взирая на ненависть ростовщичества, не взирая на всѣ наказанія за него, не въ состояніи были воздержаться отъ врученія своихъ денегъ мѣнялъ для раздачи ихъ въ займы и для полученія участія въ процентной прибыли Это совершается уже въ двадцатыхъ годахъ тринадцатаго столѣтія и объ этомъ говорится уже въ жизнеописаніи св. Иветты, жившей въ Бельгіи и умершей въ 1228 г.» Какая-то вдова, сказано здѣсь, заботясь о своихъ дѣтяхъ, рѣшаетъ помѣстить получаемыя ею отъ ея имѣньица деньги въ общественныя торговыя предъпріятія (publicis negotiationibus accomodaretur), дабы получать участіе въ наростающихъ прибыляхъ торговцевъ, какъ это, слѣдуя времени, обыкновенно дѣлаютъ многіе почтенные люди (sicut multi et honesti secundum seculi viri idem facere consueverant). Мало того, богатый братъ англійскаго короля Генриха III, Ричардъ Корнвалисскій, пренебрегая своимъ положеніемъ, основываетъ генеральный вексельный банкъ и, исходатайствовавъ для себя исключительное право на производство заемныхъ операцій, подвергаетъ жестокимъ наказаніямъ всякаго, дерзающаго давать въ займы деньги. Доказательствомъ охватившаго всѣ слои общества влеченія помѣщать свои деньги у мѣнялъ для пользованія ими путемъ заемныхъ сдѣлокъ можетъ служить также слѣдующій указъ бамбергскаго синода отъ 1491 г. «excommunicatos denuncient rectores ecclesiarum omnes Christianos, qui apud Iudaeos pe-

cuniam suam locant, ut a Iudaeis usuram recipiant vel ut Iudaei eandem mutuent ad usuram», т. е. настоятели церквей объявляютъ отлученными всѣхъ христіанъ, кои помѣщаютъ свои деньги у іюдеевъ съ тѣмъ, чтобы получать отъ нихъ проценты, или съ тѣмъ, чтобы іюдеи отдавали ихъ въ займы за проценты (ibid. стр. 390 въ к.) Указъ этотъ, очевидно, направленъ былъ противъ начинавшаго уже тогда укореняться обычая вкладывать свои деньги въ банкирскія предпріятія для полученія процентовъ или участія въ прибыляхъ банка. Дѣло въ томъ, что торговые дома, получившіе къ этому времени весьма широкое распространеніе (одни Медичи имѣли въ разныхъ мѣстахъ въ 14 столѣтіи 16 торговыхъ домовъ частью подъ собственнымъ, частью подъ чужими именами), не въ состояніи были одними своими капиталами, какъ бы велики они ни были, вести столь обширныя предпріятія, какія велись ими въ то время. Вслѣдствіе того они вынуждены были привлекать къ себѣ капиталы постороннихъ лицъ. Дѣлалось это двоякимъ способомъ. Было не мало зажиточныхъ людей, каковы прелаты и др., кои лично заниматься раздачею своихъ денегъ въ заемъ подъ проценты или были не въ правѣ, или же почему-либо не могли. Въ виду этого они отдавали свои свободные капиталы въ распоряженіе банкировъ или на время, за опредѣленную пользу, а не за проценты, ибо брать проценты для нѣкоторыхъ, напр., духовныхъ лицъ, было воспрещено, или съ тѣмъ, чтобъ имѣть участіе въ прибыляхъ банка. Первому способу дали названіе *deposito* (сдача на храненіе), очевидно, съ тѣмъ, чтобы прикрыть истинное его назначеніе — полученіе запрещенныхъ каноническимъ правомъ процентовъ; второй назывался *accomenda* и примѣнялся не только въ банкирскихъ конторахъ, но и въ иныхъ обширныхъ торговыхъ предпріятіяхъ [117]).

§ 27.

Въ то время, какъ италіанскіе банкиры, пустившіе глубокіе корни во всѣхъ средневѣковыхъ торговыхъ центрахъ, за исключеніемъ странъ Ганзейскаго Союза, имѣли возможность ограни-

---

[117]) **Martens** цит. с. стр. 26 § 7 и Anhang стр. 18 прим.*

чиваться крупными предпріятіями, нѣмецкіе мѣнялы, районъ дѣйстія коихъ былъ несравненно менѣе значителенъ, должны были для увеличенія своихъ богатствъ пробавляться мелкими сдѣлками, доходность коихъ однако не только не уступала, но весьма значительно превосходила доходность крупныхъ сдѣлокъ. Раздавая множеству лицъ мелкія суммы, они брали неимовѣрно высокіе проценты и этимъ способомъ наживали громадныя богатства. Главными кліентами ихъ были бѣдные ремесленники и промышленники, обезпечивавшіе свои займы вещами изъ своего домашняго скарба. Хотя эта помощь оплачивалась весьма дорогою цѣною, но для бѣдныхъ ремесленниковъ того времени и она была истиннымъ благодѣяніемъ; ибо скудость въ деньгахъ въ тѣ отдаленныя времена была такъ велика, что добыть потребную сумму помимо мѣнялъ было весьма трудно даже для людей состоятельныхъ; для людей же малоимущихъ это было совершенно невозможно. Какъ ни тяжки были условія, подъ коими тогдашнимъ обездоленнымъ бѣднякамъ, напр., ремесленникамъ, удавалось раздобыть крошечную денежную помощь, она все-таки имѣла для нихъ самыя благотворныя послѣдствія: она давала имъ возможность, покрывая необходимыя ремесленныя затраты и удовлетворяя первичнымъ семейнымъ нуждамъ, исполнять заказы, изъ вырученныхъ отсюда денегъ погашать долгъ и проценты и выкупать такимъ образомъ свою заложенную рухлядь. Займы эти дѣлались на самый короткій срокъ, не больше недѣли, а потому величина процентовъ не казалась особенно большою, хотя въ общей сложности она достигала изумительныхъ размѣровъ. Въ подтвержденіе благотворнаго вліянія этихъ краткосрочныхъ займовъ на бытъ ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ Нейманъ (ib. стр. 392) приводитъ слѣдующія слова Сальмазія: «plures pauperes videmus quotidie per totum annum et singulis septimanis mensa utentes Longobardorum, qui tamen ab ea non fiunt pauperiores, sed maximum inde solatium percipiunt et egestatem ultimam mendacitatemque eo remedio vitant.» (каждый день мы видимъ многихъ бѣдняковъ, пользующихся столомъ ломбардцевъ (такъ назывались вообще мѣнялы, откуда произошло и употребительное у насъ слово ломбардъ) въ теченіи цѣлаго года и единичныхъ недѣль, но не становящихся отъ того бѣднѣе, а получающихъ оттуда величайшее утѣшеніе и этимъ средствомъ избавляющихся отъ крайней нужды и лжи).

5) Наконецъ, не мало выгодъ доставляли мѣнялямъ нынѣ т. называемые депозиты. Если въ наше время, когда государствами прилагается столько неусыпныхъ заботъ къ огражденію имущественной безопасности гражданъ, держать большія суммы денегъ при себѣ и дома признается крайне опаснымъ, то что сказать о пережитыхъ человѣчествомъ временахъ средневѣковаго варварства и общественной неурядицы? Само собою понятно, что въ эту эпоху всякій благоразумный и осмотрительный человѣкъ, во избѣжаніе дерзкаго насилія и иныхъ проявленій необузданныхъ хищныхъ инстинктовъ, долженъ былъ помѣщать свои капиталы, буде у него таковые имѣлись, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бъ они находились въ полной безопасности, или въ такихъ рукахъ, кои гарантировали бы цѣлость этихъ капиталовъ своимъ собственнымъ имуществомъ. Роль подобныхъ казнохранителей выпала на долю мѣнялъ, кои, будучи вынуждены имѣть у себя постоянно въ наличности огромныя суммы денегъ для удовлетворенія повседневныхъ требованій своихъ кліентовъ, измышляли и приспособляли наиболѣе цѣлесообразныя охранительныя средства. Оберегая такимъ образомъ цѣлость своихъ капиталовъ, имъ, конечно, уже ничего не стоило заодно охранять и ввѣренные имъ чужіе капиталы, тѣмъ болѣе, что такая услуга хорошо оплачивалась. Депонентъ, при необходимости сдѣлать какую-либо уплату, бралъ отъ депозитарія часть своего вклада. Но такъ какъ такими депонентами были по преимуществу купцы, то имъ слишкомъ часто приходилось прибѣгать къ подобнымъ манипуляціямъ. Сопряженныя съ этимъ неудобства скоро однако навели ихъ на мысль, вмѣсто обременительной процедуры личнаго полученія нужной суммы денегъ, выдавать особыя вѣрительныя записки, въ коихъ данное лицо уполномочивалось получить изъ банка извѣстную сумму денегъ за счетъ вкладчика. Отъ этихъ порученій, приказовъ, ассигновокъ (Anweisungen) или, какъ ихъ нынѣ называютъ, чековъ оставался только одинъ шагъ до векселей. Различныя плательщики такимъ депонентамъ приходилось дѣлать не только тамъ, гдѣ пребывалъ банкъ, но и за предѣлами этого мѣста. Нужно было, стало быть, имѣть при себѣ наличныя суммы денегъ, а это по вышеизложеннымъ причинамъ случалось чрезвычайно рѣдко. Возникавшему отсюда затрудненію помогали тѣ же банки. Вмѣсто уплаты наличными депонентъ выдавалъ письмо,

въ коемъ уполномочивалъ банкъ выдать данному лицу или его уполномоченному потребную сумму. Письмо это вручалось имѣющему получить платежъ и онъ охотно принималъ его въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ему самому или его агенту необходимо было ѣхать въ мѣстопребыванія банка для торговыхъ операцій. Впрочемъ, болѣе подробно объ этомъ будетъ сказано ниже.

Съ другой стороны, банкиры, нуждаясь для своихъ денежныхъ оборотовъ въ колоссальныхъ суммахъ, пришли къ необходимости, какъ мы уже выше видѣли, привлекать къ своимъ предпріятіямъ чужіе капиталы. Чтобы возбудить у зажиточныхъ людей охоту отдавать свои деньги на подобныя предпріятія, мѣнялы стали предлагать опредѣленное вознагражденіе за пользованіе этими капиталами. Естественно, что всякій, имѣвшій свободныя деньги, долженъ былъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ держать ихъ у себя, тратиться на ихъ сбереженіе, находиться подъ гнетомъ страха за ихъ цѣлость, не извлекая изъ того никакой выгоды, лучше отдать ихъ въ вѣрныя руки, могущія гарантировать ихъ своевременное возвращеніе, и еще получать за это прибыль».

Указанное вознагражденіе давалось въ двоякомъ видѣ: вкладчики получали за пользованіе мѣнялами ихъ капиталами либо опредѣленный процентъ, либо соразмѣрное участіе въ прибыляхъ предпріятія, что̀, какъ уже указано было выше, носило названіе accomenda. Это отношеніе построено было по аналогіи съ тѣмъ способомъ торговли, который существовалъ уже въ началѣ XI столѣтія и тоже носилъ названіе accomenda. Онъ состоялъ въ томъ, что частныя лица, обладавшія избыткомъ данныхъ продуктовъ и лишенныя возможности лично вести торговлю за моремъ, гдѣ эти продукты имѣли сбытъ, ввѣряли эти послѣдніе отправлявшемуся туда капитану корабля и по окончаніи экспедиціи дѣлили выручку на пропорціональныя доли, причемъ участіе въ выручкѣ предоставлялось также капитану корабля, хозяевамъ послѣдняго и матросамъ [118]). Такъ какъ этотъ видъ торговли, вопреки мнѣнію Бинера, никакой связи съ зарож-

---

[118]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой формѣ товарищества, родоначальницѣ нынѣшняго коммандитнаго товарищества, см. у **Biener** Wechselrechtl. Abhandl. стр. 21 и сл., а равно у цитированныхъ тутъ писателей.

деніемъ и развитіемъ векселей не имѣлъ, то мы и рѣшились указать на него только между прочимъ, какъ на одну изъ отраслей дѣятельности мѣнялъ, доставлявшей имъ легкую возможность увеличивать свой оборотный капиталъ и расширять свою вексельную дѣятельность, эту основу и непрестанный источникъ изумительнаго возрастанія ихъ несмѣтныхъ богатствъ.

§ 28.

Для завершенія настоящаго отдѣла остается сказать еще нѣсколько словъ объ одной изъ сдѣлокъ, довольно употребительной у италіанскихъ мѣнялъ и, очевидно, служившей имъ подспорьемъ въ дѣлѣ добыванія капиталовъ для главнаго занятія, именно наличнаго и переводнаго обмѣна денегъ. Сдѣлка эта носила названіе *cambium maritimum*. Она ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ и не только была въ частомъ употребленіи у древнихъ грековъ и римлянъ, но и получила, по меньшей мѣрѣ у послѣднихъ, законодательную регламентацію. Она представляла собою своеобразный заемъ, по коему должникъ освобождался отъ долга, если взятыя въ займы деньги или обезпечивавшія эти деньги вещи и товары во время перевозки ихъ чрезъ море погибнутъ. Главнѣйшая особенность этого договора состояла въ томъ, что кредиторъ давалъ свои деньги именно для перевозки черезъ море и бралъ на себя рискъ ихъ гибели во время нахожденія ихъ въ пути. Въ виду крайне несовершеннаго устройства древнихъ кораблей, обладавшихъ весьма малою способностью противостоять дѣйствію разъяренной стихіи, а равно въ виду обилія пиратовъ, свободно разъѣзжавшихъ по морямъ и океанамъ и невозбранно грабившихъ купеческіе корабли, рискъ кредитора былъ весьма серіозенъ, а потому и плата за него должна была быть не малая. Это-то обстоятельство и привело къ тому, что даже въ тѣ времена, когда государства въ огражденіе неимущаго класса отъ хищничества богатыхъ людей, стали ограничивать размѣръ процентовъ, опредѣляя максимумъ ихъ для отдѣльныхъ видовъ сдѣлокъ, названный морской заемъ либо вовсе изымался отъ дѣйствія этихъ ограниченій, либо ставился въ ряду сдѣлокъ, по коимъ разрѣшался наивысшій размѣръ процентовъ. Такъ, по доюстиніановскому римскому праву такой заемъ, носившій у римлянъ названіе *foenus nauticum*, могъ быть опла-

ченъ процентами любаго размѣра, а Юстиніанъ, отмѣнивъ эту свободу, разрѣшилъ при foenus nauticum взимать 12%, то-есть, самый высокій изъ допущенныхъ имъ размѣровъ [119]).

Отъ римлянъ, какъ надо полагать, foenus nauticum перешелъ къ народамъ, населявшимъ Италію въ средніе вѣка, и практиковался у нихъ мѣнялами, кои, какъ мы уже выше видѣли, суть прямые потомки древнеримскихъ мѣнялъ, унаслѣдовавшіе отъ этихъ послѣднихъ ихъ искусство и пріемы. Слѣды этого рода сдѣлокъ встрѣчаются тутъ уже весьма рано. Такъ въ *Statuta Pisana* 1161 г., рубр. 42, содержится постановленіе, прямо изымающее сказанныя сдѣлки отъ запрещенія взиманія процентовъ: «Excipimus praestantias de mari, quas marinarii inter se facere consueverunt, et credentias, quas socii tractores facere consueverunt» [120]) (изымаемъ — отъ запрещенія — морскія обязательства, кои моряки имѣютъ обыкновеніе между собою заключать, и кредиты, обыкновенно совершаемые товарищами-распорядителями). Нѣсколько примѣровъ такого рода сдѣлокъ, заключенныхъ въ концѣ XII столѣтія (между 1160 — 1184 гг.), приведено у Canale [121]).

Когда каноническая догма о процентахъ изъ области отвлеченныхъ вожделѣній спустилась на почву дѣйствительной жизни и стала безпощадно и неутомимо угнетать гражданскій и торговый обороты, преслѣдуя не только всякаго рода проценты, но и все, что съ ними имѣетъ извѣстное сродство, то коммерсанты вынуждены были прибѣгать къ различнымъ изворотамъ для прикрытія истинныхъ цѣлей своихъ сдѣлокъ. Большею частью прибыльныя и процентныя сдѣлки начали маскировать формою договоровъ, съ точки зрѣнія канонистовъ либо дозволенныхъ, либо безразличныхъ. Къ ихъ разряду относились и всѣ случаи, аналогичные съ foenus nauticum. Придравшись къ ученію источниковъ римскаго права (l. 5 pr. D. de nautico foenore 22. 2), что взимаемый въ условныхъ займахъ лишекъ есть не

---

[119]) У **Pardessus** Collection des lois maritimes, т. 1 стр. 46 и сл. приведенъ весьма любопытный текстъ подобнаго рода рисковой сдѣлки, заимствованной этимъ писателемъ изъ рѣчи Демосѳена противъ Лакрита и переведенной имъ на французскій языкъ.

[120]) Biener Wechselr. Abh. стр. 24.

[121]) Nuova istoria della republica di Genova. Volume primo p. 381—382.

проценты, а плата за рискъ (periculi pretium), ибо кредиторъ рискуетъ тутъ, при неосуществленіи условія, потерять всю капитальную сумму долга, мѣнялы стали облекать свои обыкновенныя процентныя сдѣлки въ аналогичную форму морскаго займа. Но монахи скоро проникли эту хитрость и повели противъ нее свою обычную аттаку [122]).

Изъ изложеннаго ясно, что cambium maritimum былъ особымъ видомъ займа, унаслѣдованнымъ средними вѣками отъ древнихъ грековъ и римлянъ. Но почему онъ въ разсматриваемый періодъ получилъ названіе *cambium*, на это ясныхъ указаній въ историческихъ памятникахъ не имѣется. Надо полагать, что это вовсе несоотвѣтствующее его природѣ названіе есть результатъ того же стремленія укрыться отъ дѣйствія каноническаго ученія о процентахъ, коему обязаны своею формою и нѣкоторыя другія сдѣлки. Назвать означенный заемъ его настоящимъ именемъ — foenus nauticum — значило бы сразу навести канонистовъ на подозрѣніе и положить непереступаемый предѣлъ его дальнѣйшему примѣненію, ибо и канонистамъ, и легистамъ прекрасно было извѣстно, что у грековъ и римлянъ онъ тѣсно связанъ былъ съ высокими процентами. А потому, чтобъ отвести глаза монахамъ, мѣнялы снабдили его фальшивымъ паспортомъ и подъ чужимъ именемъ пустили въ оборотъ, надѣясь невиннымъ названіемъ усыпить бдительность тогдашнихъ непримиримыхъ враговъ прибыльной торговли. Но, какъ мы видѣли, разсчетъ этотъ потерпѣлъ фіаско.

Въ цитированномъ сочиненіи *Бинера* (стр. 26 и сл.) приводитъ еще два вида древнѣйшихъ вексельныхъ сдѣлокъ, именно *contractus cambiorum* и *вексель съ ярмарки на ярмарку*. Но точно ли это были особые виды сдѣлокъ, а не часто встрѣчавшіеся и ниже изглаемые случаи обыкновеннаго возмезднаго размѣна денегъ въ два пріема, когда за полученныя деньги въ одномъ мѣстѣ ихъ денежный эквивалентъ выдавался въ другомъ мѣстѣ, этого изъ его аргументовъ вовсе не видно. Онъ приводитъ, правда, въ доказательство существованія contractus cambiorium, какъ особаго вида сдѣлокъ,

---

[122]) Corpus juris canonici, изд. Рихтера т. 2 Decret. Gregor. IX lib. 5 tit. XIX cap. XIX, а также **Fremery** Etudes стр. 250 прим. 3 и **Biener** Wechselr. Abh. стр. 25. Впрочемъ, истинное значеніе приводимой тутъ декреталіи Григорія IX уже было указано выше.

постановленіе высшаго венеціанскаго совѣта отъ 29 марта 1357 г., постановленіе, помѣщенное у Мартенса (Anhang стр. 20 и сл). Но вчитываясь въ него внимательнѣе, никакого указанія на существованіе означеннаго вида не находишь. Тутъ, очевидно, дѣло идетъ о получившемъ въ то время большое распространеніе обычаѣ формою вексельныхъ сдѣлокъ прикрывать взиманіе громадныхъ процентовъ. Чтобы на будущее время положить этому злоупотребленію предѣлъ, совѣтъ предписываетъ купеческимъ консуламъ, при поступленіи къ нимъ на разсмотрѣніе векселей, тщательно изслѣдовать, не скрывается ли подъ ними (векселями) ростовщическіе акты, и если по такомъ разслѣдованіи обнаружится наличность ростовщичества, то они, консулы, обязаны подобный вексель свести къ той суммѣ, какая дѣйствительно была получена, каковую и присудить. Тоже самое предписывается правительственнымъ судьямъ, когда на ихъ разсмотрѣніе при прошеніи будетъ представлена вексельная сдѣлка, облеченная въ форму официальнаго документа.

Столь же произвольнымъ надо признать толкованіе Бинеромъ другаго (ibid. стр. 22) постановленія, изданнаго въ Прегади 23 апрѣля 1594 г. Оно имѣетъ въ виду опровергнуть неправильное мнѣніе нѣкоторыхъ, будто посредствомъ банка можно производить платежъ только по векселямъ *(le lettere di cambio)*, а не вообще по вексельнымъ сдѣлкамъ *(li cambi*, che con donari si fanno qui per altri parti). Для устраненія этого заблужденія тутъ объявляется, что какъ вексельныя письма, такъ и всякаго рода вексельныя сдѣлки (tutti li cambij), могутъ быть оплачиваемы при посредствѣ банка, ибо обладаютъ одинаковою природою. Очевидно, и здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на существованіе какой-то особой сдѣлки подъ именемъ *contractus cambii.* По нашему пониманію, рѣчь идетъ тутъ, съ одной стороны, о вексельныхъ сдѣлкахъ, облеченныхъ въ присвоенную имъ специфическую внѣшнюю форму, именно въ форму вексельнаго письма, а съ другой — о такихъ же сдѣлкахъ, но не облеченныхъ въ форму специфическаго письма. И то и другое разсматриваемый документъ предписываетъ считать одинаковымъ, ибо по существу своему и тамъ и тутъ дѣло идетъ объ одной и той же сдѣлкѣ. Если сдѣлки квалифицировать по способу внѣшняго выраженія, то, встрѣчая выраженія: наемъ и договоръ найма, пришлось бы прійдти къ заключенію, что это два различныя понятія, и на

этомъ основаніи можно было бы утверждать, что надо различать наемъ отъ договора найма, между тѣмъ какъ тутъ одинъ и тотъ же предметъ обозначенъ однимъ и двумя словами.

Что касается третьяго вида векселей, названнаго Бинеромъ векселемъ съ ярмарки на ярмарку, то о его существованіи Бинеръ заключаетъ изъ ордонанса Филиппа Красиваго отъ 1311 г., ордонанса, извлеченіе изъ коего (art. 2) помѣщено у Мартенса (стр. 41 прим. *e*). Хотя этотъ видъ дѣйствительно существовалъ, но въ цитируемомъ отрывкѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на особый видъ векселей, а содержится общее запрещеніе взимать свыше 50 су со ста ливровъ; при этомъ объясняется, что означенное запрещеніе распространяется, какъ на простые займы, такъ и на кредиты, дѣлаемые до слѣдующей ярмарки, и что указанный размѣръ долженъ соблюдаться, будутъ ли проценты назначены въ видѣ роста на капиталъ или въ видѣ интереса. Въ Шампаньи, къ которой и относится настоящее законоположеніе, происходили ярмарки шесть разъ въ годъ. При завершеніи каждой изъ нихъ производились взаимные разсчеты, при чемъ являлась надобность погашать долги. Для этого или совершалось множество займовъ, или уплата долга отсрочивалась до слѣдующей ярмарки. Само собою понятно, что то и другое могло быть достигнуто не иначе, какъ при помощи значительныхъ процентовъ, величина коихъ, какъ можно судить изъ смысла самого законоположенія, переходила всякую мѣру. Въ виду этого ордонансъ предписываетъ, чтобы какъ при простыхъ займахъ (prez), такъ и при отсрочкѣ уплаты до слѣдующей ярмарки (créances des foires en foire), размѣръ процентовъ подъ какимъ бы то ни было видомъ не превышалъ 50 су на сто ливровъ. Но отсрочку уплаты до слѣдующей ярмарки, даже при самомъ широкомъ и свободномъ толкованіи, едва ли можно назвать особымъ видомъ векселей, какъ это дѣлаетъ Биперъ.

Ярмарки.

§ 29.

Въ ряду обстоятельствъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о дальнѣйшихъ фазахъ образованія и развитія векселя, если не первое, то во всякомъ случаѣ не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести ярмаркамъ. Въ нынѣшнее время, при доведенныхъ

до высокой степени совершенства путяхъ сообщенія, при полной безопасности передвиженія по нимъ, при изумительной быстротѣ сношеній и громадномъ развитіи всевозможныхъ видовъ страхованія, ярмарки утратили всякій смыслъ и всякое право на существованіе. Если въ Европѣ онѣ кое-гдѣ и сохранились, то продолжаютъ проявлять лишь едва замѣтные признаки жизни и имѣютъ видъ древней и мизерной руины, невѣдомыми судьбами сохранившейся до нашихъ дней и не возбуждающей даже живаго любопытства. Нынѣ въ каждомъ болѣе или менѣе крупно населенномъ центрѣ имѣются никогда не прекращающіяся ярмарки въ видѣ постоянныхъ магазиновъ, торгующихъ круглый годъ и круглый же годъ не перестающихъ удовлетворять постоянно ростающимъ потребностямъ населенія. Только нѣкоторыя мѣстности нашего необъятнаго отечества, каковы сѣверныя и восточныя его окраины, находятся еще въ такихъ условіяхъ, кои пока не устраняютъ ни возможности, ни полезности ярмарокъ. Въ истари избранныхъ пунктахъ происходятъ тутъ какъ-бы ежегодныя свиданія культурнаго міра съ некультурнымъ, при чемъ первый предлагаетъ послѣднему освоиться съ продуктами его изумительнаго творчества и примкнуть къ нему созданіемъ у себя болѣе развитыхъ потребностей. Отдаленныя сѣверныя и восточныя страны, лишенныя пока легкой возможности состоять въ постоянныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ съ западною Европою, разъ въ годъ высылаютъ своихъ коммерческихъ представителей въ названные пункты съ тѣмъ, чтобы здѣсь ознакомиться съ новыми произведеніями западной цивилизаціи и на цѣлый годъ запастись предметами высшей культуры.

Не то было въ средніе вѣка. Отсутствіе удобныхъ и безопасныхъ путей сообщенія, повсемѣстная политическая неурядица, отсутствіе не только новѣйшихъ усовершенствованій въ дѣлѣ взаимныхъ сношеній, каковы: телеграфы, желѣзныя дороги, пароходы, телефоны и т. п., но и сколько-нибудь правильно устроенныхъ и постоянныхъ почтовыхъ трактовъ, обиліе грубыхъ, своевольныхъ и алчныхъ феодаловъ съ ихъ разнузданными и дикими бандами, словно голодные звѣри выслѣживавшими свою жертву, мирнаго путника, и не желавшими знать инаго закона, кромѣ силы своего кулака, отсутствіе всякихъ признаковъ благоустроенной полиціи и правильно организованнаго и постоянно дѣйствующаго суда сдѣлали бы всякую торговлю не-

мыслимою, если бы присущіе человѣку стяжательные инстинкты и разумъ не оказались неизмѣримо сильнѣе всѣхъ изложенныхъ препятствій, если бы природа не надѣлила его неодолимою энергіею, настойчивостью и изобрѣтательностью, доставляющими ему непрестанную возможность обращать на служеніе себѣ стихіи и сокрушать всякаго рода препятствія на пути своего поступательнаго движенія.

Стремленіе къ наживѣ съ незапамятныхъ временъ побуждало людей предпріимчивыхъ и энергичныхъ знакомить однѣ страны и мѣстности съ искусственными и естественными продуктами другихъ странъ и мѣстностей. Для достиженія этой цѣли, казалось бы, всего сподручнѣе было бы развозить эти продукты по отдѣльнымъ населеннымъ пунктамъ; но такое передвиженіе, въ виду описанныхъ неудобствъ, связано было съ громаднымъ рискомъ и могло привести къ благопріятному результату лишь въ весьма немногихъ счастливыхъ случаяхъ. А потому необходимо было придумать болѣе цѣлесообразное средство, и оно найдено было въ ярмаркахъ. Купцы стали доставлять свои товары въ тѣ центры населенія, къ коимъ обыкновенно тяготѣли жители не только окрестностей, но и цѣлой страны. Замѣтивъ, что къ извѣстному времени въ данный пунктъ собирается весьма значительная часть означеннаго населенія, привлекаемая сюда какимъ-либо общеинтереснымъ событіемъ, напр., празднованіемъ памяти святаго, мощи коего хранятся въ здѣшнемъ монастырѣ, купцы стали къ этому же времени заготовлять тутъ свои товары и во время наибольшаго скопленія народа выставлять ихъ преимущественно на площадяхъ для продажи. Но чтобы товары эти обезопасить на пути ихъ слѣдованія, купцы соединялись въ довольно многочисленные караваны, ограждавшіеся отъ нападенія разбойниковъ значительнымъ контингентомъ вооруженныхъ спутниковъ. Съ теченіемъ времени, когда стали складываться и получать опредѣленный политическій обликъ отдѣльныя государства, единичные представители верховной власти не замедлили обратить вниманіе на такія торжища и, усмотрѣвъ въ нихъ великія выгоды для своихъ государствъ, начали оказывать имъ всяческое покровительство, нерѣдко обращая ихъ въ тоже время въ довольно значительный источникъ своихъ еще скудныхъ фискальныхъ доходовъ. Такъ возникли въ разныхъ странахъ отдѣльныя мѣста всемірной торговли или иначе ярмарки, куда къ

опредѣленному времени стекались разномѣстные и разноплеменные купцы, предлагая во множествѣ собиравшимся тутъ покупателямъ чужестранные продукты искусства, ремеслъ и естественныхъ силъ природы. Мало по малу сами ярмарки обратились въ своего рода празднества и народъ сталъ стекаться сюда уже не ради какихъ-либо церковныхъ торжествъ, отошедшихъ на второй планъ, а ради желанія побывать именно на ярмаркѣ; его влекло сюда, съ одной стороны, масса развлеченій, а съ другой необходимость запастись нужными вещами на предстоящій годъ. Въ свой-чередъ и туземные купцы не преминули эксплоатировать подобные съѣзды въ свою пользу. Скупая мѣстные продукты, могущіе имѣть сбытъ въ чужихъ краяхъ, эти купцы вмѣсто того, чтобы лично вести скупленный товаръ на чужбину и нести на себѣ хлопоты, траты и рискъ ихъ перевозки, продавали его тутъ же, на ярмаркѣ, иноземнымъ купцамъ съ извѣстною уступкою, соразмѣрявшеюся съ расходами и рискомъ его транспортировки. Таковы именно въ самыхъ общихъ чертахъ причины и процессъ возникновенія ярмарокъ.

Едва только ярмарочная торговля упрочилась, какъ она стала душою и главнымъ жизненнымъ нервомъ всемірной торговли: къ ней примостился различный вспомогательный торговый персоналъ, какъ-то: перевозчики, мастера, сторожа, агенты, коммиссіонеры, мѣнялы и т. п.; къ ней же приспособлены были и вексельныя сдѣлки. Такъ какъ каждая ярмарка доставляла неисчислимыя выгоды не однимъ лишь купцамъ, но и самому населенію того мѣста, гдѣ она происходила, привлекая сюда множество иноземцевъ и отдаленныхъ жителей того же государства, увеличивая количество оборотныхъ денежныхъ капиталовъ и оживляя мѣстную торговлю и производительность, то перенесеніе ярмарки въ другой городъ являлось весьма тяжкимъ наказаніемъ для жителей ея прежняго мѣста и чрезвычайною наградою и поощреніемъ для жителей того города, куда она переводилась. Этимъ средствомъ нерѣдко пользовались отдѣльные европейскіе монархи для сведенія своихъ личныхъ счетовъ съ городами, провинившимися противъ нихъ или заслужившими своимъ образомъ дѣйствія поощренія.

Послѣ этой общей характеристики возникновенія и положенія ярмарокъ въ средніе вѣка мы постараемся ознакомить читателя, насколько дозволяетъ имѣющійся у насъ подъ руками

матеріалъ, съ фактическимъ состояніемъ ярмарокъ за тоже время, т. е. мы укажемъ, въ какихъ городахъ ярмарки происходили, каковы были ихъ устройство, отношеніе къ нимъ мѣстной верховной власти и подраздѣленія.

Начну съ Франціи. Наиболѣе извѣстными тутъ и самыми древними слѣдуетъ назвать *les foires de Champagne et de Brie.* Историческіе документы застаютъ ихъ вполнѣ дѣйствующими уже въ 1188 г., когда, какъ сообщаетъ Фремери (ib. стр. 16) въ Труа 23 іюля произошелъ большой пожаръ. «Это было, говоритъ хроника Saint-Marien, во время ярмарки, на которую купцы изъ разныхъ мѣстъ попривозили большія богатства». Два писателя, именно Мартенсъ [123]) и Фремери [124]) сообщаютъ текстъ весьма древняго описанія этихъ ярмарокъ, причемъ первый выписываетъ его изъ сочиненія *Mémoires historiques et critiques pour l'histoire de Troyes* T. I. Paris 1774, въ коемъ на стр. 497 помѣщенъ *Extrait d'un Manuscrit des premières années du 14-ème siècle tiré de la Bibliothèque de M. de Sainte—Palaye.* Очевидно, тотъ же самый текстъ Фремери выписываетъ изъ двухъ древнихъ рукописей, хранящихся въ королевской библіотекѣ, въ коихъ разсматриваемый документъ озаглавленъ: *La devision des foires de Champaigne.* Онъ содержитъ въ себѣ списокъ дней, въ коихъ имѣетъ происходить торговля находящимися на ярмаркѣ товарами; отсюда мы узнаемъ, что товары эти разбиты были на отдѣльныя категоріи и для продажи каждой изъ нихъ назначались особые промежутки въ нѣсколько дней. Такихъ ярмарокъ было въ году шесть: первая происходила въ Леньи на Марнѣ (Laigny-sur-Marne) и начиналась 2-го января (landemain de lanreneuf, т. е. l'an reneuf); 2-я происходила въ Баръ на Оби (Bar-sur Aube) и начиналась во вторникъ масляной недѣли (est livré mardi devant la micaresme); 3-я происходила въ Провансѣ въ маѣ во вторникъ предъ вознесеніемъ (mardi devant l'Ascention); 4-я въ Труа, по названію жаркая, начиналась во вторникъ, 15 дней спустя послѣ Иванова дня, а если онъ приходился во вторникъ, то спустя три недѣли (La foire de Troyes, la Chaude, est livrée le mardi après la quinzaine de la S. Jehan, et se la Saint Jehan est en Mardi, si à III. semaines). 5-я въ Сантъ-Аюлѣ (у Фремери

---

[123]) Martens цит. с. 16 и сл.,
[124]) **Fremery** цит. соч. стр. 14 и сл.

Санъ-Монѣ) въ Провансѣ начиналась въ сентябрѣ въ праздникъ воздвиженія креста (le jour de la Feste Saint Croix en Septembre), и 6-я, по прозванію холодная, въ Труа на другой день послѣ праздника всѣхъ святыхъ (la foire froide de Troyes est livrée lendemain de la Toussaint). Послѣ этого перечня въ названномъ документѣ поясняется, что на каждой изъ этихъ ярмарокъ первые восемь дней предназначаются для впуска товаровъ (En chacune de ces six foires a huit jours d'entrée); по истеченіи этихъ восьми дней начинается продажа суконъ, продолжающаяся десять дней (et d'entrée faillie, jusqu'à hare de dras, a dix jours); послѣ этого происходила продажа разноцвѣтныхъ кожевенныхъ товаровъ, кордуана, (привозившихся изъ Корду, откуда и названіе кордуанъ); она продолжалась 11 дней (et 11 jors après hare de dras vent on cordoan); 15 дней спустя послѣ продажи суконъ производились платежи и продавались товары, требовавшіе взвѣшиванія (et 15 jors après hare de dras faut drois paiemenz; et faut avoir de pois); а мѣсяцъ спустя послѣ того же періода дѣйствовали мѣнялы (et 1 mois aprés hare de dras abatent li changeor), по окончаніи операцій коихъ выдавались ярмарочныя векселя (lettres de foire). Ярмарка въ Леньи совершенно освобождена была отъ ввозныхъ пошлинъ.

Описаніе тѣхъ же ярмарокъ сдѣлано на италіянскомъ языкѣ въ началѣ 14 столѣтія *Balducci Pegolotti* и помѣщено въ сочиненіи XVIII столѣтія *Della decima*, о коемъ неоднократно уже упоминалось выше. «Ярмарка въ Лэньи, говоритъ Пеголотти, начинается съ перваго января и до утра 17 января производится продажа суконъ, а 19 января поздно вечеромъ кричатъ *ара*, послѣ чего суконный товаръ болѣе не выставляется. Съ другаго дня, т. е. съ 20 января начинаютъ дѣйствовать банки, кои продолжаются 4 недѣли, а по истеченіи этого времени приблизительно 15 дней спустя, наступаетъ срокъ расплаты по ярмарочнымъ долгамъ. Тутъ совершается обмѣнъ ярмарочныхъ долговъ на порученія уплатить или получить во Флоренціи (e chi fa cambio nella detta fiera per mandare a pagare o a ricevere in Fierenze), если наступилъ срокъ права полученія» и т. д. Сравнивая эти два описанія, мы замѣчаемъ въ нихъ разницу лишь въ томъ, что у Pegolotti не упоминается о послѣдовательныхъ срокахъ продажи единичныхъ родовъ товаровъ, каковы кожи и товары, требующіе взвѣшиванія, а говорится лишь о продажѣ су-

конъ, которой отводится слишкомъ длинный промежутокъ времени. Это различіе между двумя вышеприведенными описаніями, на нашъ взглядъ, никоимъ образомъ не должно быть относимо насчетъ невѣрности одного изъ нихъ, а можетъ быть объяснено развѣ различіемъ ихъ цѣлей. Pegolotti, какъ уже прежде мы указали, былъ факторомъ пользовавшагося весьма громкою извѣстностью торговаго товарищества Барди. Составляя свое сочиненіе *Pratica della mercatura*, онъ преслѣдовалъ чисто практическія цѣли, а потому преимущественно останавливался на свѣдѣніяхъ, имѣвшихъ практическій интересъ для его соотечественниковъ—итальянскихъ купцовъ, слегка лишь касаясь или вовсе обходя молчаніемъ остальныя свѣдѣнія. Такъ и въ разсматриваемомъ описаніи онъ излагаетъ главнымъ образомъ свѣдѣнія объ обычныхъ срокахъ платежа по векселямъ, выданнымъ на французскихъ ярмаркахъ для уплаты по нимъ во Флоренціи или Генуѣ; все остальное, въ виду его цѣли, имѣетъ второстепенное значеніе, а потому оно затрагивается имъ лишь между прочимъ. Вотъ почему мы, вопреки Мартенсу, отдающему предпочтеніе Pegolotti, склонны думать, что описаніе, сдѣланное въ вышеприведенномъ французскомъ документѣ въ вопросѣ объ организаціи торговли на самихъ французскихъ ярмаркахъ заслуживаетъ полнаго довѣрія. Что касается въ частности этой организаціи, то за отсутствіемъ историческихъ свѣдѣній является непонятнымъ разграниченіе во времени продажи отдѣльныхъ родовъ товара. Почему для продажи каждаго рода товара установлено было особое время, а не производилась, какъ это принято нынѣ, продажа всѣхъ товаровъ совмѣстно, на этотъ вопросъ историческіе документы не даютъ никакого отвѣта. Но весьма можетъ статься, что подобное распредѣленіе обусловливалось отсутствіемъ достаточнаго количества ярмарочныхъ помѣщеній, вслѣдствіе чего въ однихъ и тѣхъ же балаганахъ приходилось продавать различные товары, совмѣстное нахожденіе коихъ въ одномъ зданіи, по свойству ихъ, было невозможно. Впрочемъ, это не болѣе какъ наша догадка, вызванная отсутствіемъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній.

Какъ въ наше время, такъ и въ старину ярмарки заканчивались взаимными разсчетами между купцами, причемъ счеты эти ликвидировались, въ случаѣ отсутствія наличныхъ денегъ или невозможности произвести зачетъ, выдачею векселей съ уплатою ихъ на слѣдующей ярмаркѣ или въ опредѣленныхъ населенныхъ

пунктахъ, о чемъ ниже будетъ сказано особо. Такой именно способъ взаимныхъ разсчетовъ, какъ свидѣтельствуетъ Pegolotti, производился и на названныхъ ярмаркахъ въ Шампаньи.

§ 30.

Кромѣ описанныхъ выше шести ярмарокъ *Марквардъ* упоминаетъ еще о четырехъ ліонскихъ, снабженныхъ французскими королями такимъ большимъ количествомъ привелегій, что собраніе относящихся къ нимъ законоположеній, именно королевскихъ рескриптовъ и эдиктовъ, составило отдѣльный томъ, изданный трудами Антонія Грифіо въ Ліонѣ въ 1574 г. подъ заглавіемъ *Edicts et ordonnances des Foires de Lyon.* На этихъ ярмаркахъ предоставлена была полная свобода торговли всѣмъ націямъ, за исключеніемъ англичанъ, какъ исконныхъ враговъ Франціи. Ліонскія ярмарки, какъ утверждаетъ Мартенсъ (стр. 38 прим. 2), возникли въ нячалѣ 15-го столѣтія, а настоящими ярмарками стали только съ 1468 г.; это, впрочемъ, противорѣчитъ извѣстію, сообщаемому Фремери (стр. 17), который утверждаетъ, что ярмарочныя права, сходныя съ таковыми же Шампаньи, Ліонъ получилъ въ 1419 г. отъ дофина, впослѣдствіи короля Карла VII. Эти привилегіи возобновлены были въ 1468 г. Ярмарки въ Ліонѣ происходили четыре раза въ годъ, а именно, въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ и продолжались по цѣлому мѣсяцу. Первые ихъ зачатки появляются во второй половинѣ 14 столѣтія, когда король Филиппъ Смѣлый разрѣшилъ Флорентинцамъ основывать въ Ліонѣ свои банкирскіе дома. Кромѣ ліонскихъ ярмарка происходила еще въ Бокерѣ, ради которой, какъ полагаетъ Бинеръ (Wechsel. Abh. стр. 44 и сл.), италіанскіе мѣнялы водворились въ Нимѣ и основали тамъ свои банки, ибо самъ Бокеръ, будучи городомъ маленькимъ, не совмѣщалъ въ себѣ необходимыхъ условій для постояннаго пребыванія въ немъ мѣнялъ и банковыхъ учрежденій. Впрочемъ, къ устройству банковаго дѣла и вексельныхъ операцій на французскихъ ярмаркахъ будетъ сказано ниже. Теперь же пока остановимся на нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ съ ярмарками настолько тѣсную связь, что ихъ иногда смѣшиваютъ между собою; при описаніи этихъ учрежденій мы будемъ придерживаться Марквардa, который, хотя и нѣсколько туманенъ въ сво-

ей аргументаціи, тѣмъ не менѣе довольно подробно и обстоятельно скомбинировалъ все, что до него сказано было о томъ же предметѣ.

Марквардъ строго отличаетъ ярмарки отъ базаровъ (n. n. 31 и 32). Подъ *ярмарками* (*nundinae*) онъ разумѣетъ публичные болѣе многолюдные рынки цѣлаго государства или единичной провинціи, происходящіе ежегодно въ одно и то же время, при большомъ стеченіи купцовъ, и притомъ либо съ разрѣшенія государя, либо на основаніи долговременнаго обычая, каковы, напр., франкфуртская, лейпцигская и наумбурская ярмарка. Что касается базаровъ, то онъ упоминаетъ только о еженедѣльныхъ, называя ихъ *nundinae vulgares* seu *hebdomadales* или иначе *Wochenmärcte*. «Это, поясняетъ онъ, малыя ярмарки единичнаго города и не столь многолюдныя. Онѣ могутъ быть учреждаемы самими собственниками данныхъ территорій безъ всякой привилегіи или высочайшаго разрѣшенія. А потому эти собственники, какъ учредители, въ правѣ издавать для такихъ базаровъ законы, напр., о томъ, чтобы жители до назначеннаго и привилегированнаго дня не вывозили сюда своихъ товаровъ или не продавали ихъ въ явный ущербъ для торговли и общественнаго употребленія».

Изъ того же автора мы узнаемъ, что въ его время всѣ ученые держались мнѣнія, будто всѣ права и привилегіи, относящіяся къ ярмаркамъ, базарамъ или рынкамъ, должны исходить отъ верховной власти той страны, гдѣ эти учрежденія находятся (ibid n. n. 2 и 3)[125]). Саксонское право прямо запрещало учреждать какое-либо торжище безъ разрѣшенія короля, собственноручно имъ подписаннаго и присланнаго въ данный городъ, какъ документъ (ibid. n. n. 5 и 6). Существованіе такого разрѣшенія внѣшнимъ образомъ обозначалось выставленіемъ на площади, гдѣ имѣетъ быть базаръ или ярмарка, креста, впослѣдствіи замѣнявшагося статуею государя. Вообще крестъ ставился на тѣхъ мѣстахъ, на коихъ строился новый городъ или открывался рынокъ. Этимъ символомъ обозначалось, что на данномъ мѣстѣ впредь должны царствовать миръ и спокойствіе, а въ подтвержденіе того, что такова именно воля государя, тутъ же на площади вывѣшивалась перчатка короля, какъ символъ при-

---

[125]) Ср. также цит. соч. lib. I cap. V n. 18 стр. 38.

ложенной имъ къ этому дѣлу руки. Въ ознаменованіе того же умиротворенія даннаго мѣста въ саксонскихъ городахъ выставлялась статуя уголовной юстиціи (statua rulandi, отъ старогерманскаго Rügeland). Ею возвѣщалось, что въ данномъ мѣстѣ дѣйствуетъ судъ, есть юрисдикція или, какъ это выражали на древнесаксонскомъ нарѣчіи, имѣется *malum publicum—eine Mahlstadt, da man frey keys. Gericht hält.* Вообще *Mahl* есть слово древнесаксонское и обозначало всякаго рода стеченіе народа, сходку, собраніе для рѣшенія или совершенія какого-нибудь дѣла; отсюда Mittags und Abendmahl (ibid. n n 4. 8. 9).

Разъ торговцы данной страны вступали съ извѣстною мѣстностью въ непрестанныя торговыя сношенія, то у нихъ являлась потребность имѣть постоянное мѣсто, на коемъ бы они могли выгружать и хранить свои товары впредь до ихъ распродажи. Съ этою цѣлью они обыкновенно обращались къ верховной власти того мѣста, на коемъ желали устроить свой складъ, съ просьбою отвести для послѣдняго извѣстный участокъ земли. По полученіи таковаго они его огораживали и воздвигали на немъ потребныя для ихъ товаровъ сооруженія. Право на обладаніе такимъ огороженнымъ и застроеннымъ мѣстомъ носило латинизированное греческое названіе *jus emporii*, подвидомъ коего было *jus stapulae.* Эти два термина большинствомъ старинныхъ ученыхъ считались выраженіемъ одного и того же правомочія, такъ какъ emporium и stapula они принимали за синонимы. Другіе наоборотъ строго ихъ различали между собою. Къ категоріи этихъ послѣднихъ принадлежитъ и цитируемый нами писатель Марквардъ [126]).

Резюмируя мнѣнія различныхъ писателей, онъ утверждаетъ, что оба приведенные термина весьма существенно различаются между собою. *Jus emporii*, по его мнѣнію, гораздо шире jus stapulae; оно, полагаетъ онъ, есть учрежденіе jure gentium и содержитъ въ себѣ «власть безданно и безпошлинно вести морскую торговлю съ иноземцами и иностранцами въ интересахъ и выгодахъ туземцевъ и гражданъ» (n. 8) [127]). Отличительная

---

[126]) Ibid. lib. II cap. 6 n.n. 1—8.

[127]) «Ius namque Emporii, cuius pertinens Ius prohibendae transvectionis, pinguius est ipso Iure Staplulae; estque jus cum exteris et peregrinis quibusvis liberrime in usum et commodum incolarum et Civium maritima commercia exercendi, Iure gentium constitutum».

особенность *iuris emporii* состояла въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно дѣйствовало, чужеземцы могли ввозить и складывать свои чужеземные товары, но распродавать ихъ вправѣ были только мѣстнымъ гражданамъ, у коихъ въ свою очередь они или другіе чужеземцы, буде желали, могли ихъ перекупать и затѣмъ продавать далѣе. Такимъ образомъ *emporia* были мѣста, предназначавшіяся для болѣе удобнаго ввоза и вывоза товаровъ. Они устраивались тамъ, гдѣ происходила самая оживленная морская торговля, куда иностранные купцы имѣли свободный доступъ и куда причаливали корабли съ товарами для продажи ихъ отдаленнымъ народамъ (ibid. n 9). Въ то время, какъ ярмарки были чѣмъ-то въ родѣ всемірныхъ рынковъ, къ коимъ со всѣхъ концовъ земли тянулись купцы съ своими товарами для выгодной ихъ тутъ распродажи, *emporia* были лишь временными пристанищами тѣхъ же купцовъ, попутными станціями къ ярмаркамъ. Если ярмарка происходила не въ приморскомъ городѣ, а гдѣ-нибудь вдали отъ моря, то являлась необходимость предварительно товаръ выгрузить на берегъ, а затѣмъ уже везти его волокомъ дальше къ мѣсту ярмарки. Но какъ выгрузка, такъ и дальнѣйшее слѣдованіе его могли требовать значительнаго времени, въ теченіи коего онъ, оставаясь на открытомъ воздухѣ и подвергаясь дѣйствію атмосферическихъ явленій, могъ испортиться и потерять свою цѣнность. Вотъ почему въ ближайшихъ къ ярмаркамъ приморскихъ пунктахъ устроивались, съ разрѣшенія высшей мѣстной власти, особыя сооруженія, напр., амбары, для храненія выгруженныхъ на берегъ товаровъ. Разъ такія сооруженія были устроены, то не было уже надобности спѣшить и пригонять морскую транспортировку товара ко времени начала ярмарки, а можно было заняться ею исподоволь, не спѣша и съ соблюденіемъ возможной экономіи въ расходахъ. Съ другой стороны, остатки не распроданнаго на данной ярмаркѣ товара находили готовое для себя хранилище въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, либо оставаясь тутъ до слѣдующей ярмарки того же мѣста, либо становясь кладью для кораблей, отправлявшихся на другія ярмарки. Такъ какъ подобные пакгаузы предназначались только для временнаго храненія товаровъ, а не для продажи ихъ на мѣстѣ, то послѣдняя являлась бы превышеніемъ предоставленнаго правомочія; а потому она и была воспрещена; въ видѣ изъятія разрѣшалось продавать хранящіеся тутъ товары лишь

мѣстнымъ жителямъ, у коихъ уже затѣмъ иноземные купцы могли скупать ихъ наравнѣ съ остальными мѣстными продуктами.

Что касается *stapula,* то тотъ же авторъ производитъ это слово отъ французскаго *estable* (établir), причемъ онъ поясняетъ, что другіе признаютъ за этимъ названіемъ саксонское происхожденіе, производя его отъ слова stapeln, означающаго выкладываніе и складываніе товаровъ. Въ дѣйствительности оно означаетъ дарованную округу или городу привилегію устроивать у себя складочное мѣсто для чужеземныхъ товаровъ, ввозимыхъ и обратно по тому же пути отвозимыхъ. Здѣсь эти товары выгружаются и оставляются до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время ихъ продажи, или же увозятся назадъ домой, если отъ продажи ихъ на чужбинѣ ожидается одинъ убытокъ, либо купецъ прослышитъ, что дома отъ нихъ можетъ быть выручена гораздо большая прибыль (ibid nn 12 и 13). Такая обратная перевозка можетъ быть совершаема вполнѣ безпрепятственно даже безъ уплаты установленныхъ таможенныхъ пошлинъ. Тѣ, на коихъ лежала обязанность соблюдать jus stapulae, не въ правѣ были уклоняться отъ него, избирая иныя дороги или прибѣгая къ какимъ-либо изворотамъ. Примѣромъ такой привилегіи можетъ служить Атребатъ, называемый въ просторѣчіи Аррасъ въ Генегау, пользовавшійся jus stapulae относительно привозимыхъ на телѣгахъ французскихъ винъ (ibid nn. 14 и 15). Право обладать обязательнымъ для транзитныхъ товаровъ складочнымъ мѣстомъ пріобрѣталось либо путемъ незапамятной и спокойно протекавшей давности, либо путемъ пожалованія со стороны верховной власти. Городовъ съ подобнымъ правомъ Марквардъ насчитываетъ довольно много, причемъ онъ упоминаетъ лишь о тѣхъ, кои расположены на берегахъ судоходныхъ рѣкъ, каковы Дунай, Эльба, Везеръ, Одеръ, Висла, Рейнъ и др.

Итакъ, даже придерживаясь опредѣленій и аргументовъ самого Маркварда, невозможно указать существенной разницы между *emporium* и *stapulum;* совершенно наоборотъ, нельзя не прійдти къ тому заключенію, что это два названія одного и того же понятія и что, слѣдовательно, между emporium и stapulum никакой существенной разницы нѣтъ. И то и другое одинаково обозначаетъ складочное мѣсто, расположенное на берегу моря или судоходной рѣки и предназначенное для храненія товаровъ впредь до отправленія ихъ на ярмарку или иное мѣсто сбыта.

Быть можетъ, разницу можно усматривать въ томъ, что stapula, въ отличіе отъ emporia, принадлежали самимъ городамъ или округамъ, гдѣ находились, и что уплачиваемые купцами, складывавшими тутъ свои товары, сборы составляли весьма доходную статью для этихъ городовъ или округовъ; изъ-за этого то дохода между отдѣльными городами часто происходили споры и тяжбы, причемъ каждая изъ спорящихъ сторонъ силилась доказать, что привилегія принадлежитъ ей, а не противнику.

§ 31.

Излагая, по Маркварду, сохранившіяся извѣстія о складочныхъ мѣстахъ, устраивавшихся на водяныхъ путяхъ сообщенія, нельзя не остановиться на чрезвычайно любопытномъ описаніи тѣмъ же авторомъ (nn. 45 — 51) антверпенской площади съ ея биржею, тѣмъ болѣе, что при этомъ описаніи Марквардъ указываетъ, откуда произошло самое слово *биржа*, нынѣ повсемѣстно обозначающее одинъ и тотъ же предметъ. Коснувшись слова *forum*, авторъ, съ свойственными ему добросовѣстностью, глубокимъ знаніемъ дѣла и начитанностью, перечисляетъ всѣ различныя значенія этого слова, встрѣчающіяся у болѣе древнихъ писателей. Въ тѣхъ городахъ, говоритъ онъ, гдѣ купечество имѣетъ весьма большое количество представителей, на городскихъ магистратахъ лежитъ обязанность строить публичныя зданія и помѣщенія, куда бы могли приниматься на храненіе привозимые въ городъ чужестранные товары, гдѣ бъ они могли взвѣшиваться на публичныхъ вѣсахъ и куда бы разъ или два въ день купцы могли сходиться съ тѣмъ, чтобы на свободѣ потолковать о своихъ торговыхъ дѣлахъ и вступать между собою въ соглашенія. Мѣсто, на коемъ сосредоточивались такого рода сооруженія, въ однихъ городахъ носило названіе *cambium*, какъ напр., въ Ліонѣ, во Франціи, а въ другихъ *публичной биржи (bursam publicam)*, какъ, напр., въ Лондонѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Гафенѣ и Антверпенѣ. «Здѣсь мы не можемъ воздержаться, прибавляетъ онъ, чтобы не привести хоть нѣсколько строкъ изъ писателя Людовика Гвичіардино (ex Ludovico Guicciardino) о прекрасномъ устройствѣ Антверпенской биржи. Городъ этотъ, описываетъ Гвичіардино, имѣетъ двадцать двѣ площади, частью обширныя,

частью менѣе обширныя. Изъ нихъ самая большая — это площадь сенаторовъ, а самая красивая — купеческая, называемая въ народѣ *бурса*, (bursa), *de Boërse*, выдѣляющаяся своими парными башнями и часами. По многолюднымъ сборищамъ на ней купцовъ ей, безъ преувеличенія, нѣтъ равной въ свѣтѣ. Она свободна отъ проѣзда телѣгъ, лошадей и иныхъ препятствій (для пѣшеходовъ) и окружена крытыми галлереями (porticibus— портиками), имѣющими четыре входа на подобіе воротъ. На портикахъ и стѣнахъ ихъ гуляетъ множество народа, лавки и иныя крытыя помѣщенія здѣсь постоянно переполнены и носятъ одно общее названіе *Perystilium* или *Xystum Pictorum* (крытая галлерея художниковъ), *de Schilders Pandt*, ибо главнымъ образомъ въ нихъ выставляются для продажи картины. Биржа эта основана была въ 1531 г.» Затѣмъ Марквардъ отъ себя добавляетъ нѣсколько объясненій, откуда взялось получившее всеобщее распространеніе названіе *биржа*. Въ фландрскомъ Брюге, говоритъ онъ, была площадь, расположенная весьма удобно по отношенію ко всѣмъ частямъ города. У фасада этой площади стоялъ обширный и старинный домъ, выстроенный членами того дворянскаго рода (van der Beurse), на гербѣ коего имѣлось изображеніе на обточенномъ камнѣ трехъ кошельковъ (quorum in lapide secto praefert insignia, tres videlicet bursas sive marsupia). Отъ этого-то дома и этого наслѣдственнаго герба получила свое названіе сама площадь. Когда купечество въ Брюгге стало посылать своихъ делегатовъ на съѣзды въ Антверпенѣ и Бергенѣ, то тѣ мѣста или тѣ площади, на коихъ брюгенскіе депутаты имѣли обыкновеніе собираться для коммерческихъ переговоровъ, они изъ подражанія названію площади въ Брюгге начали называть тоже биржею (bursa). Изъ Антверпена названіе это перешло во Францію. Въ лондонскомъ сити архитекторъ Балга, по иниціативѣ и на иждивеніе Ѳомы Грассана, выстроилъ, по примѣру антверпенской биржи, огромное и великолѣпное зданіе, тоже окруженное портиками и мѣстами для гулянія. Когда оно было окончено, то королева Елисавета пріѣхала его осмотрѣть и все видѣнное чрезвычайно хвалила. Но, чтобъ оно не напоминало собою копіи съ антверпенской биржи, королева повелѣла наименовать его *Cambii sive Collybii regii* (королевскій мѣновой домъ), запретивъ называть его иначе. Но кличка биржа настолько уже вкоренилась, что, не взирая на это запрещеніе,

указанное лондонское зданіе въ народѣ иначе не называлось, какъ словомъ биржа.

Въ прежнія времена ярмарки носили еще названіе *мессы*, отъ латинскаго слова missa, означающаго обѣдню, литургію. Названіе это, какъ весьма удачно объясняетъ тотъ же Марквардъ, находится въ связи съ прежде господствовавшимъ обычаемъ открывать ярмарки въ годовые мѣстные праздники, когда въ данной мѣстности совершалась торжественная литургія, привлекавшая множество богомольцевъ. Этотъ-то обычай привелъ къ тому, что народъ сталъ отожествлять обѣдню съ ярмаркою, а потому и послѣдней далъ названіе обѣдни — *Messe* (ibid nn 63 и 64). Съ того времени ярмарки начали обозначаться этимъ словомъ не только въ просторѣчіи, но и въ законодательныхъ актахъ.

Итакъ, ярмарки, подобно сильнѣйшему магниту, стягивали къ себѣ купцовъ и продукты разнообразной производительности почти всего міра. Чрезвычайная выгодность подобныхъ всемірно-торговыхъ скопищъ для тѣхъ мѣстъ и государствъ, гдѣ они происходили, заставила отдѣльныя правительства не только не препятствовать ихъ свободному ходу, но и оказывать имъ всяческое содѣйствіе и покровительство. Въ виду этого ярмарки почти повсемѣстно ставились въ привилегированное положеніе; повсюду государи жаловали имъ исключительныя льготы, самоуправленіе и судопроизводство, организованное соотвѣтственно интересамъ купцовъ, а эти льготы и привилегіи съ теченіемъ времени съ ярмарокъ переносились на самихъ купцовъ, буде они въ данномъ городѣ пребывали въ большомъ количествѣ и развертывали тутъ свою торговую дѣятельность въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и на ярмаркахъ.

§ 32.

Какъ высоко цѣнили нѣкоторые правители торговое дѣло, съ какою любовью и пощадою они относились къ нему, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ исторіи торговли во Франціи. Въ іюлѣ 1549 г. Францискъ I далъ Тулузѣ первыя основы консульскаго суда. Онъ учредилъ для купцовъ этого города общую биржу на подобіе ліонской и разрѣшилъ имъ «ежегодно избирать изъ своей среды одного старшину (prieur) и двухъ консуловъ для разсмотрѣнія и рѣшенія

въ первой инстанціи всѣхъ процессовъ, кои будутъ возникать въ Тулузѣ между купцами и фабрикантами по поводу товаровъ, ярмарокъ и страхованія. На рѣшенія этихъ консуловъ и старшины разрѣшается жаловаться тѣмъ лицамъ, коихъ тяжущіяся стороны признаютъ для этого пригодными». По примѣру своего отца Генрихъ II отвелъ купцамъ въ Руанѣ мѣсто для ихъ общихъ собраній, устроивъ его на подобіе тулузской биржи. Онъ повелѣлъ, чтобы собирающіеся на этомъ мѣстѣ купцы ежегодно соединялись съ пріѣзжающими на руанскую ярмарку иностранными купцами въ одно собраніе, на коемъ бы изъ своей среды избирали по большинству голосовъ старшину и двухъ консуловъ для такого же суда, какой предоставленъ былъ тѣмъ же избранникамъ въ Тулузѣ и блюстителямъ ліонскихъ ярмарокъ (conservateurs des foires de Lyon). Еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ Франциск II. Опасаясь, чтобы формальности консульскаго суда не стали большою помѣхою для торговли, онъ задумалъ освободить купцовъ отъ всякаго формальнаго суда. Желаніе это категорически выражено имъ во введеніи къ его орданансу отъ августа 1560 г. «Имѣя въ виду устроить своимъ подданнымъ спокойную жизнь, онъ, говорится тутъ, ежедневно предавался размышленіямъ о новыхъ средствахъ противодѣйствовать возникновенію процессовъ и о пресѣченіи процессовъ немедленно по возбужденіи; извѣстно, что ничто такъ не обогащаетъ города, страны и государства, какъ торговля, но она всецѣло опирается и покоится на довѣріи купцовъ, кои всего чаще во взаимныхъ, между собою сдѣлкахъ полагаются только на свою добросовѣстность, избѣгаютъ свидѣтелей и нотаріусовъ и не соблюдаютъ предписываемыхъ законом̀ъмел очей; благодаря этому люди злонамѣренные и коварные вовлекаютъ своихъ контрагентовъ въ процессы и тѣмъ отвлекаютъ ихъ отъ ихъ торговыхъ дѣлъ, ниспровергая такимъ путемъ взаимное между купцами довѣріе и замедляя и останавливая ходъ торговыхъ дѣлъ». По этимъ соображеніямъ король повелѣваетъ, чтобы «впредь ни одинъ купецъ не смѣлъ возбуждать противъ другаго купца по торговымъ дѣламъ процессовъ въ судѣ или иномъ мѣстѣ, а если дѣло этого требуетъ, то выбиралъ бы съ обоюднаго согласія не болѣе трехъ купцовъ или иныхъ лицъ и предлагалъ бы на ихъ разрѣшеніе возникшія между нимъ и его противникомъ несогласія; все этими посредниками обсужденное и разрѣшенное должно имѣть

такую же силу, какъ и рѣшеніе самого короля, а судьи по просьбѣ сторонъ, обязаны такія третейскія рѣшенія, не сообщая имъ формы процесса, исполнять или предписывать исполненіе ихъ сокращеннымъ порядкомъ и всецѣло, какъ если бы рѣшенія эти исходили отъ нихъ самихъ. Буде же тяжущіеся не захотятъ или не въ состояніи будутъ согласиться между собою на счетъ выбора помянутыхъ посредниковъ, то общій судья обязанъ ихъ принудить къ такому выбору, а въ случаѣ ихъ отказа или истеченія предоставленнаго имъ срока, онъ обязанъ выбрать или назначить такихъ посредниковъ самъ, не допуская никакого обжалованія такого назначенія». Вѣроятно, вслѣдствіе своей непрактичности, законъ этотъ оказался мертвою буквой съ самого своего изданія и подобно мертворожденному плоду погибъ еще до проявленія своей жизни [128]), не переставая однако служить неизгладимымъ воспоминаніемъ о благородныхъ намѣреніяхъ короля. Послѣдній, очевидно, не подозрѣвалъ даже, что третейскій судъ, лишенный всѣхъ гарантій, даваемыхъ судомъ постояннымъ, совмѣщаетъ въ себѣ въ то же время столько неудобствъ, что они способны у всякаго отбить охоту прибѣгать къ этой формѣ разбирательства. По стопамъ помянутыхъ монарховъ пошелъ и Карлъ IX: эдиктомъ отъ ноября 1563 г. онъ учредилъ и въ Парижѣ консульскую юрисдикцію, состоявшую изъ одного судьи и четырехъ консуловъ, избираемыхъ изъ среды купцовъ.

Но гораздо болѣе древняго происхожденія учрежденная для ліонскихъ ярмарокъ должность ярмарочнаго блюстителя подъ именемъ *conservateur des foires de Lyon.* Задача этого должностнаго лица состояла въ храненіи дарованныхъ этимъ ярмаркамъ привилегій и въ разбирательствѣ споровъ и недоразумѣній, возникавшихъ между купцами, когда дѣло касалось договоровъ, офиціальнымъ образомъ совершенныхъ на ярмаркѣ (sous le scel des foires de Lyon) и когда одна сторона обѣщала другой совершить платежъ по истеченіи одной изъ четырехъ ярмарокъ этого города. Какъ утверждаетъ Merlin [129]), эта тор-

---

[128]) **Merlin** Répertoire universel et raisonné de jurisprudence, quatrième édition. Tome troisième. Paris 1812 стр. 12 и 13.

[129]) Répertoire т. II стр. 903 слова: Conservation de Lyon (статейка составлена Рубо).

говая юрисдикція должна быть названа первою по времени и наиболѣе обширною во всемъ французскомъ королевствѣ.

§ 33.

Изъ приведенныхъ выше документовъ легко усмотрѣть, что купечество Франціи первоначально на ярмаркахъ, а впослѣдствіи и въ другихъ районахъ своей дѣятельности снабжено было весьма важными и обширными привилегіями, въ ряду коихъ главное мѣсто занимаетъ самоуправленіе и собственный судъ, свободный отъ всякихъ узаконенныхъ формальностей. Но этимъ своимъ устройствомъ французское купечество всецѣло обязано было не собственному юридическому творчеству, а водворившимся во Франціи выходцамъ изъ Италіи, кои вмѣстѣ съ коммерческими оборотами перенесли въ новое мѣсто своего населенія свое отечественное внутреннее устройство [130]). Переселяясь въ чуждую страну, они, подобно всѣмъ иноплеменникамъ, очутившимся въ чужомъ отечествѣ, крѣпко держались другъ друга и жили гнѣздами, образуя изъ себя нѣчто въ родѣ колоніи. Чуждаясь мѣстныхъ нравовъ и законовъ, но нуждаясь въ тоже время въ опредѣленномъ внутреннемъ устройствѣ, они естественно должны были заводить у себя тотъ порядокъ, который имъ былъ уже давно знакомъ, съ которымъ они свыклись, сжились у себя дома и который къ тому же напоминалъ имъ милое, хотя и не далекое отечество [131]). Само собою разумѣется, что порядокъ этотъ въ чужой странѣ первоначально не имѣлъ никакой законодательной подкладки, а держался единственно силою привычки и общимъ желаніемъ подчиняться ему. Когда французскіе короли изъ опыта убѣдились въ громадной пользѣ, извлекаемой ихъ государствомъ изъ иностранной торговли, и стали оказывать ей всяческое покровительство, то они вознамѣрились дать торговлѣ и торговцамъ у себя такое устройство,

---

[130]) **Fremery** цит. с. стр. **14** «C'est par les foires de Champagne et de Brie que les Italiens firent pénétrer en France les coutumes commerciales et, plus tard, en s'établissant eux-mêmes dans nos principales villes, pour y exploiter cette industrie de la banque dont ils possédaient le mécanisme bien mieux que les autres peuples». Ср. также **Biener** Abhandl. ib. стр. **140**.

[131]) См. **Biener** Abhandl. aus d. Geb. der Rechtsgesch. стр. **63** выпускъ I.

которое освободило бы ихъ отъ господствовавшей въ то время запутанной, тяжеловѣсной и формалистической юстиціи, этой пестрой амальгамы невыясненныхъ римскихъ юридическихъ началъ съ началами національнаго права. Для осуществленіи этого своего стремленія имъ не было надобности много думать и далеко искать; они нашли готовый уже порядокъ, съ помощью обычая царившій тутъ же, во Франціи, у италіанцевъ, и такъ какъ онъ ближе всего соотвѣтствовалъ вожделѣніямъ тогдашняго купечества, то короли и остановились на немъ, какъ на наилучшемъ образцѣ. Порядокъ же этотъ, выросшій, какъ уже сказано, на италіанской почвѣ, состоялъ въ слѣдующемъ.

Какъ извѣстно, весь средневѣковой общественный строй насквозь проникнутъ былъ цеховыми началами. Всѣ общественные классы разбиты были на единичныя замкнутыя группы подъ именемъ цеховъ и гильдій, изъ коихъ каждая группа разсматривалась какъ нѣчто цѣлое, своего рода политическая единица, а потому и имѣла свое отдѣльное управленіе. Въ италіанскихъ городахъ во главѣ цеховъ и гильдій стояли *consules*, коимъ принадлежала не только административная, но и судебная власть надъ сочленами. Тѣмъ же устройствомъ обладали купцы и мѣнялы (mercatores и campsores); а такъ какъ италіанскіе города издавна сосредоточили свою дѣятельность почти исключительно на торговлѣ, то и гильдіи ихъ купцовъ и мѣнялъ занимали почетное положеніе, какъ представители самаго питательнаго и самаго почтеннаго для населенія дѣла. Стоявшіе во главѣ ихъ консулы, подобно консуламъ другихъ цеховъ, обладали судебною властью, а потому на нихъ лежала обязанность разрѣшать различныя недоразумѣнія и споры между цеховыми членами. Первоначально предоставленные въ этомъ дѣлѣ собственнымъ силамъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ руководствъ, уставовъ и отдѣльныхъ законовъ, они вынуждены были сами выработывать руководящія начала для своей юрисдикціи, сообразуясь съ обстоятельствами дѣла, здравымъ смысломъ и интересами отечественной торговли. Такъ какъ восходившія на ихъ разсмотрѣніе тяжбы, по роду занятій названныхъ гильдій, вращались главнымъ образомъ въ области торговли, то совокупность юридическихъ нормъ, выработанныхъ судебною практикою этихъ консуловъ, явилась, такъ сказать, родоначальнымъ ядромъ, изъ коего впослѣдствіи выросла и широко развернулась

особая наука торговаго права. Водворяясь ради своихъ коммерческихъ спекуляцій въ чужестранныхъ городахъ, италіанскіе купцы и мѣнялы приносили съ собою не только свое отечественное устройство, но и выработанные дома торговые обычаи и правила. Сдѣлать это было для нихъ тѣмъ легче, что тѣ города, куда они въ началѣ среднихъ вѣковъ проникали, стояли еще на весьма низкой ступени развитія и въ замѣнъ италіанскихъ торговыхъ порядковъ не могли дать не только ничего болѣе цѣлесообразнаго, но и вообще ничего своего. Съ теченіемъ времени это положеніе вещей утвердилось настолько, что мѣстные монархи стали санкціонировать его, по обычаю того времени, съ помощью особыхъ привилегій. У Мартенса (стр. 53 и сл.) такихъ пожалованныхъ привилегій приводится цѣлый рядъ. Такъ, испанскій король Альфонсъ X въ 1256 г. пожаловалъ пизанцамъ право назначать изъ своей среды консуловъ, имѣющихъ у нихъ исключительную судебную власть [132]). Такую же привилегію пожаловалъ имъ въ 1268 г. сицилійскій король Конрадъ II [133]). Въ 1264 и 1278 гг. французскій король предоставилъ италіанцамъ (коихъ тутъ именовали ломбардами), нѣсколько привилегій, разрѣшавшихъ имъ между прочимъ и въ Нимѣ имѣть своихъ consules и capitaneum. Въ 1291 г. іерусалимскій король Генрихъ предоставилъ пизанцамъ, между прочимъ, привилегію имѣть въ Кипрскомъ королевствѣ своихъ собственныхъ консуловъ, коимъ дано было право подвергать по своему усмотрѣнію тюремному заключенію и т. д. (Martens ibid).

Равнымъ образомъ нѣтъ недостатка и въ историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу того, что и въ италі-

---

[132]) «Damus et concedimus pro comuni Pisano—ut in praedictis Regnis et terris nostris et in unaquaque ipsarum terrarum in qua dicti Pisani se reciperent, possint ipsi Pisani facere et creare Consules et Rectores de se ipsis, et stare ad rationem sub eis tantum et esse sub omni eorum iurisdictione tantum, sive mera sive mixta, inter se ipsos et de se ipsis secundum formam Brevis et Constituti Pisani comunis».

[133]) «Quod Pisani ubicunque et in quibuscumque Terris aut Locis et Regnis haberent Consulem, seu Consules, possint et debeant habere Loggias. Et quod Pisani in qualibet Terra Regni in qua essent aliqui Pisani possint habere Consulem vel Consules de se ipsis qui habeat iurisdictionem civilem et Criminalem excepto quod de sanguine in Pisanos, et qui Pisano nomine censentur, ita quod ipsi Pisani —ad aliam curiam trahi et conveniri non possint praeterquam de sanguine, a quorum sententiis appellari non possit».

анскихъ городахъ консулы и ихъ юрисдикція были дѣломъ привычнымъ, существовавшимъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ, въ торговомъ договорѣ, заключенномъ въ 1306 г. между Вероною и Венеціею, этой послѣдней предоставляется имѣть въ Веронѣ своего консула [134]). Въ *statuta civilia domus mercatorum Veronae* отъ 1319 г. [135]) установляется, между прочимъ, порядокъ разбирательства въ случаѣ неплатежа покупной цѣны за проданный товаръ, уплату коей покупатель обѣщалъ совершить немедленно. Потерпѣвшій въ правѣ обратиться съ заявленіемъ объ этомъ къ подестѣ или къ консуламъ (et inde reclamatio fuerit facta coram me, т. е. подесты, vel Consulibus meis), кои имѣютъ принудить покупателя къ немедленному платежу, а въ случаѣ отказа отъ платежа подвергнуть его личному задержанію (*personaliter eum faciam detineri*). Въ статутѣ Венеціи отъ 1357 г. марта 29 на купеческихъ консуловъ (consules mercatorum) возлагается обязанность тщательно провѣрять поступающіе на ихъ разсмотрѣніе векселя въ томъ отношеніи, не прикрываютъ ли они собою ростовщическія сдѣлки и т. д.

Всѣ эти документы съ очевидностью доказываютъ, что консульская юрисдикція возникла именно въ италіанскихъ городахъ и существовала тутъ съ весьма давняго времени, ибо, какъ извѣстно, италіанскіе статуты, въ коихъ объ ней упоминается, не творили новыхъ учрежденій и законовъ, а закрѣпляли своимъ законодательнымъ авторитетомъ лишь то, что задолго до того выработывала сама практическая жизнь, облекая продукты своего разумнаго творчества въ форму юридическихъ обычаевъ.

Возвращаясь отъ этихъ общихъ замѣчаній къ французскимъ ярмаркамъ, еще разъ напоминаемъ, что въ основу ихъ внутренняго устройства положены были италіанскія торговыя учрежденія, настолько соотвѣтствовавшія тогдашнимъ интересамъ торговцевъ вообще, что распространеніе ихъ на туземныхъ и иныхъ пришлыхъ купцовъ не встрѣтило никакого ропота и противодѣйствія. Незначительный процентъ грамотныхъ людей

---

[134]) **Martens** цит. съ стр. 54 прим. д. Quod dominus dux possit facere eligere unum consulem quem voluerit et sibi placuerit, qui Veronae stare debet et inter mercatares Venetiarum et fideles D. ducis rationem facere debet **secundum usum.**

[135]) **Martens** ц. с. Anhang стр. 24.

даже между тогдашнимъ купечествомъ и чрезвычайная трудность установленія истиннаго содержанія словесныхъ сдѣлокъ, когда по поводу ихъ возникало судебное разбирательство, необходимость для торговыхъ дѣлъ въ простотѣ и быстротѣ судопроизводства привели къ требованію французскаго законодательства, чтобы договоры купцовъ другъ съ другомъ на ярмаркахъ въ Шампаньи облекались въ письменную форму, засвидѣтельствованную приложеніемъ ярмарочной печати (soubs scel de foire), безъ чего на нихъ не должны были распространяться ярмарочныя привилегіи. Только италіанцы, эти живые источники и глашатаи тогдашнихъ торговыхъ порядковъ, изъяты были отъ дѣйствія этого правила. Имъ разрѣшалось свидѣтельствовать свои взаимные договоры у своихъ нотаріусовъ (tabellions), коихъ на ярмаркѣ было два [136]). Изъятіе это допущено было, очевидно, въ виду того, что италіанцы имѣли свой особый судъ (судъ консуловъ), который вѣдалъ ихъ взаимные споры, а потому распространіе на нихъ дѣйствія общаго закона въ этомъ отношеніи лишено было бы практическаго смысла [137]).

§ 34.

Въ ряду особенностей, способствовавшихъ процвѣтанію ярмарокъ, а затѣмъ и торговли въ иныхъ центрахъ торговыхъ оборотовъ, весьма почетное мѣсто занимаетъ исполнительное производство по безспорнымъ обязательствамъ. Благодаря прекрасному труду *Бригледа* Geschichte des Executiv-Prozesses явилась нынѣ возможность не только дать точное понятіе этого процесса въ его средневѣковомъ значеніи, но и прослѣдить его историческое развитіе съ указаніемъ этапныхъ пунктовъ въ его поступательномъ движеніи. Обыкновенный процессъ сопряженъ съ цѣлымъ рядомъ утомительныхъ и нерѣдко дорого стоющихъ формальностей и тонкостей, требующихъ спеціальнаго знакомства съ ними для достиженія благопріятнаго результата. Но главное его неудобство состоитъ въ протеченіи довольно значительнаго промежутка времени до полученія такого рѣшенія, противъ коего не допускается уже никакого спора. Письменное из-

---

[136]) **Martens** ц. с. стр. 19 прим. i.

[137]) **Biener** цит. с. вып. I стр. **141.**

ложеніе исковыхъ требованій, обмѣнъ состязательныхъ бумагъ, вызовъ къ судоговоренію въ связи съ сроками для явки въ судъ, различные отводы и возраженія, обжалованіе его и затѣмъ апелляціонное разбирательство, истощаютъ средства и терпѣніе сторонъ даже въ новое время, когда тяжущіеся имѣютъ дѣло съ умѣлыми и подготовленными судьями и съ усовершествованнымъ законодательствомъ, написанномъ на родномъ, понятномъ и простомъ языкѣ; что же сказать о среднихъ вѣкахъ, когда въ области юриспруденціи и законодательства царили броженіе, неопредѣленность и туманъ, когда судъ, стоя на рубежѣ между отжившимъ римскимъ и впервые зарождающимся новымъ правосозерцаніемъ, не зналъ, чего держаться, къ какому изъ этихъ правосозерцаній примкнуть, когда онъ находился еще въ нерѣшительности, оказать ли предпочтеніе вполнѣ сложившейся стройной римской системѣ права, способной дать прямой или косвенный отвѣтъ на всякаго рода юридическіе вопросы, вывести юриста изъ всевозможныхъ затрудненій, но всецѣло принадлежащей другому міровоззрѣнію, недостаточно понятой и освоенной, унаслѣдованной отъ политически разложившагося народа и не пустившей еще корней у новыхъ германскихъ народовъ, или склониться на сторону новой правовой системы, грубой, несовершенной, еще не вышедшей изъ зародышнаго состоянія, лишенной твердыхъ, незыблемыхъ устоевъ и больше инстинктивно понимаемой, чѣмъ сознанной разумомъ, когда, наконецъ, и самое законодательство, гдѣ оно имѣлось, изложено было большею частью на чуждомъ народнымъ массамъ латинскомъ языкѣ?

Едва ли надо еще особенно пояснять, что подобный судъ не могъ внушать никакихъ симпатій сѣрой массѣ населенія, что онъ могъ быть по плечу развѣ ученымъ легистамъ, открывая имъ широкій просторъ для примѣненія столь излюбленныхъ въ то время схоластическихъ пріемовъ и казуистическихъ толкованій, и что онъ могъ даже нравиться различнымъ крючкодѣямъ, получавшимъ при его посредствѣ легкую возможность обѣлять черное и очернять бѣлое и буквоѣдствомъ губить правыя дѣла. Простой же людъ его боялся и избѣгалъ; онъ страшился утонуть въ пучинѣ непонятныхъ судебныхъ формальностей и считалъ его непостижимою для себя тайною; только крайняя необходимость могла привести его въ соприкосновеніе съ тогдашними офиціальными служителями Немезиды. Средневѣковое купе-

чество выдѣлялось изъ этой сѣрой массы лишь своимъ богатствомъ и духомъ предпріимчивости, вполнѣ сливаясь съ нею во всемъ остальномъ; а потому и оно не могло питать къ тогдашнему суду иныхъ чувствъ, кромѣ тѣхъ же самыхъ. Но обойтись безъ суда ему, по свойству его профессіи, было невозможно. Пришлось такимъ образомъ подыскивать удобный выходъ изъ этой дилеммы, и такой выходъ дѣйствительно былъ найденъ, благодаря изворотливости, изобрѣтательности, смѣлости и находчивости, присущихъ торговымъ людямъ вообще.

Дѣло въ томъ, что для каждаго истца и отвѣтчика самое важное въ процессѣ не процессуальная процедура, а заключительный ея моментъ, т. е. судебное рѣшеніе. А такъ какъ всего больше отнимаетъ времени и причиняетъ затрудненій именно эта процедура, то необходимо было устраивать свои отношенія такимъ образомъ, чтобъ это рѣшеніе постановлялось заранѣе, вслѣдствіе чего отпадали бы всѣ промежуточныя стадіи процесса, и въ случаѣ надобности оставалось бы только готовое уже рѣшеніе привести въ исполненіе. Достигалось это, какъ объясняетъ *Бриглебъ* (стр. 45 и сл. изд. 2), слѣдующимъ образомъ. «Контрагенты облекали свое обязательство въ форму судебнаго или какъ бы судебнаго признанія (confessio in jure), которое они первоначально совершали предъ обыкновеннымъ судьею, а впослѣдствіи предъ изготовлявшимъ договорный документъ нотаріусомъ (judex chartularius) и отъ него получали судебное предписаніе исполнить обѣщанное въ теченіе извѣстнаго срока (praeceptum seu mandatum de solvendo executivum, какъ начало всякаго исполненія, здѣсь главнымъ образомъ называвшееся praeceptum guarantigiae)». Это предписаніе помѣщалось въ концѣ документа и замѣняло собою окончательное судебное рѣшеніе, постановленное на основаніи разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла; такъ что въ случаѣ неисполненія подобнаго обязательства кредитору не было надобности предъявлять формальный искъ и затѣмъ доказывать свои требованія на судѣ, опровергая возраженія отвѣтчика, а достаточно было предъявить подобный документъ суду и требовать немедленнаго понужденія отвѣтчика къ исполненію обязательства. Документы, содержавшіе въ себѣ такого рода судебныя рѣшенія, носили названіе *instrumenta exequibilia, instrumenta paratam executionem habentia* или прямо *instrumenta guarantigiae s. guarantigiata.* Объ нихъ коротко говорилось:

что они paratam executionem habent, prout sententiae, quae in rem judicatam transierunt (ibid. стр. 35).

Первые, напавшіе на подобную счастливую мысль, были, какъ увѣряетъ тотъ же Бриглебъ, основываясь на историческихъ документахъ (стр. 36), жители Тосканы, ибо о такихъ документахъ впервые упоминается въ статутахъ именно города Тосканы средины XIII столѣтія. Въ ходѣ своего постепеннаго развитія институтъ этотъ, какъ резюмируетъ свой историческій очеркъ Бриглебъ (стр. 82), проходилъ слѣдующія ступени: 1) въ XII столѣтіи употребленіе *instrumenta confessionata*, основанное на симуляціи дѣйствительнаго состязанія сторонъ предъ судьею, было лишь простымъ юридическимъ обычаемъ; 2) въ XIII столѣтіи къ instrumenta guarentigiata въ тѣсномъ смыслѣ присоединились instrumenta confessionata въ обширномъ смыслѣ, основанные на установленной статутами замѣнѣ обыкновеннаго судьи нотаріусомъ, т. е. совершавшееся прежде признаніе предъ обыкновеннымъ судьею городскими статутами замѣнено было тѣмъ же признаніемъ предъ составлявшимъ документъ нотаріусомъ, котораго статуты предписывали въ подобныхъ случаяхъ считать обыкновеннымъ судьею; 3) въ XIV столѣтіи присоединившееся дотолѣ къ документу предписаніе судьи исполнить обязательство къ опредѣленному сроку замѣнено было простою оговоркою въ договорѣ, что отвѣтчикъ обязуется подъ страхомъ неустойки явиться, по требованію кредитора, въ судъ и признать тутъ свой долгъ; 4) въ XV столѣтіи въ виду укоренившагося обычая въ каждый нотаріальный документъ вносить судебный приказъ объ исполненіи въ теченіи опредѣленнаго срока заключающагося въ этомъ документѣ обязательства и въ виду того, что подобная оговорка вносилась всегда съ согласія контрагентовъ, пришли къ тому заключенію, что такое фиктивное судебное рѣшеніе цѣликомъ зиждется на частномъ соглашеніи контрагентовъ, а потому это послѣднее стали отожествлять съ помянутымъ судебнымъ рѣшеніемъ, такъ что разъ въ документѣ имѣлись несомнѣнные признаки желанія контрагентовъ исполнить обязательство какъ судебное рѣшеніе, то его уравнивали съ документомъ, заключавшимъ въ себѣ означенное судебное приказаніе. На этомъ основаніи мѣстные статуты того времени стали вносить параграфы, допускавшіе принудительное исполненіе по всѣмъ оффиціальнымъ, т. е. надлежаще засвидѣтельствованнымъ

документамъ. 5) Такимъ образомъ въ томъ же XV столѣтіи встрѣчаются рядомъ всѣ перечисленные виды документовъ, подлежащихъ исполнительному порядку взысканія, причемъ въ одной территоріи Италіи преобладалъ одинъ видъ, а въ другой—другой, но такъ, что практика повсемѣстно требовала внесенія въ документъ какой-либо оговорки о безспорномъ исполненіи, все равно, будетъ ли оговорка эта заключаться въ отказѣ отъ всякихъ возраженій, въ обѣщаніи уплатить, не доводя дѣло до суда, въ отказѣ отъ принадлежащихъ отвѣтчику личныхъ льготъ (beneficia), въ обѣщаніи признавать доказательствомъ послѣдовавшаго исполненія только росписку въ полученіи предмета исполненія и т. д.

Изъ Италіи обычай выдавать документы со внесеннымъ въ нихъ судебнымъ приказомъ исполнить въ опредѣленный срокъ содержаніе документа перешелъ въ Испанію, Францію, Германію и въ папскую камеру по поводу договоровъ, заключаемыхъ этою камерою съ владѣльцами церковныхъ приходовъ о платежѣ десятины и т. п. Договоры эти носили названіе *obligationes camerales* или *obligationes in forma camerae.* Что касается въ отдѣльности Франціи, то и тамъ нотаріальные документы имѣли силу судебнаго рѣшенія лишь въ томъ случаѣ, когда въ концѣ ихъ имѣлось письменное предписаніе судьи объ исполненіи даннаго договора. «Такъ какъ нотаріусы во Франціи, говоритъ Бриглебъ (ib. т. 1 стр. 185 и сл.), не были облечены квази судебною властью, какая необходима для изданія praeceptum judicis in confessum, то въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ не существовало прямыхъ статутовъ, какъ напр., въ Пуату, уже рано должна была образоваться привычка получать praeceptum in confessum отъ дѣйствительнаго судьи. Нотаріусы заготовляли документы, въ коихъ стороны, по примѣру болѣе древнихъ камеральныхъ (т. е. папскихъ) обязательствъ, объявляли, что подчиняются судебному принужденію извѣстнаго суда и принимаютъ mandatum executivum, что̀ удостовѣрялось приложеніемъ судебной печати упомянутаго въ этой подпискѣ судьи. Поэтому обязываться подъ извѣстною печатью означало не что иное, какъ принять praeceptum executivum отъ того, кто приложилъ печать». Но такъ какъ документы, снабженные подобною судебною припискою, предоставлявшею самому обязательству paratam executionem, имѣли силу судебныхъ рѣшеній лишь въ предѣ-

лахъ того судебнаго округа, въ коемъ дѣйствовалъ приложившій печать судья, то контрагенты большею частью стремились заручиться предписаніемъ такого судьи, власть коего простиралась бы на все государство. Ею обладалъ именно канцлеръ Франціи, какъ намѣстникъ королевской судебной власти въ государствѣ. Въ виду этого самыми дѣйствительными были тѣ документы, къ коимъ приложена была большая королевская печать, находившаяся въ распоряженіи канцлера. Это положеніе вещей уже рано привело къ обычаю обязываться подъ королевскою печатью, ради чего отдѣльные провинціальныя судебныя мѣста снабжались малою королевскою печатью, а впослѣдствіи повсюду назначались особые чиновники для прикладыванія ея къ контрактамъ, т. н. *scelleurs, garde-scels,* кои въ качествѣ делегатовъ французскаго канцлера совершали свои функціи отъ имени короля. Такою же привилегіею, но еще болѣе старою, обладали ярмарочные судьи Шампаньи и Бри. Съ XIII столѣтія начались стремленія, въ особенности со стороны итальянскихъ купцовъ, распространить эту привилегію и на внѣярмарочныя сдѣлки.

§ 35.

Итакъ, сознаніе крайней необходимости и полезности для государства торговли повсюду приводило власть имущихъ къ стремленію ставить ее въ привилегированное положеніе и съ этою цѣлью уничтожать для нея тѣ тормазы и оковы, кои съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, навязывались средневѣковому обществу царившими тогда невѣжествомъ, фанатизмомъ, а въ особенности учеными казуистами; эти люди, занимая судейскія должности, стремились новыя явленія дѣйствительной жизни пригонять не къ духу, а къ буквѣ римскаго права, умышленно закрывали глаза на наступившую новую эру въ исторіи человѣчества и старались увѣрить и себя и другихъ, что со времени изданія законодательныхъ сборниковъ Юстиніана никакихъ коренныхъ перемѣнъ въ жизни народовъ не случилось и что, слѣдовательно, фрагменты этихъ сборниковъ по прежнему могутъ и должны служить единственнымъ мѣриломъ правомѣрности и законности жизненныхъ явленій. Торговые люди, существованіе коихъ при такихъ условіяхъ было совершенно немыслимо, съумѣли стать внѣ ихъ и создать въ своей средѣ такіе порядки,

которые въ данную эпоху всего ближе подходили къ ихъ интересамъ, а средневѣковые сюзерены, ознакомившись на дѣлѣ съ благотворными результатами обширной торговли, не только не ставили послѣдней въ этомъ отношеніи никакихъ препонъ, но безъ колебаній освящали своимъ верховнымъ авторитетомъ всѣ выработанные торговцами новые институты права. На италіанскіе города выпалъ жребій быть руководителями въ этомъ дѣлѣ: поставленные въ болѣе благопріятныя условія, они вырабатывали одинъ институтъ за другимъ и, размѣщаясь въ разныхъ удобныхъ и доступныхъ для нихъ торговыхъ пунктахъ тогдашняго міра, они вмѣстѣ съ своими торговыми оборотами приносили сюда и свое отечественное торговое устройство. Будучи весьма практичнымъ для торговли вообще, оно прежде всего находило себѣ сочувствіе на ярмаркахъ и сравнительно скоро тутъ упрочивалось даже при помощи законодательной власти, а оттуда распространялось и на тѣ пункты, кои съ теченіемъ времени являлись центрами для постоянныхъ торговыхъ сношеній. Такъ было съ консулами и консульскою юрисдикціею, а равно съ договорами, имѣвшими силу судебнаго рѣшенія, такъ было и съ личнымъ задержаніемъ въ качествѣ понудительной мѣры къ скорѣйшему и полному исполненію торговыхъ обязательствъ. Подобно другимъ и эта мѣра есть прямой и непосредственный продуктъ средневѣковой торговли, интересы которой требовали быстраго и неукоснительнаго исполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Если въ новое время, при вполнѣ окрѣпшемъ политическомъ устройствѣ отдѣльныхъ государствъ, при почти повсемѣстномъ сходствѣ процессуальныхъ началъ и формъ, рѣшенія гражданскаго суда одного государства не всегда и не вездѣ имѣютъ обязательную силу для такого же суда другаго государства, а потому могутъ быть приводимы здѣсь въ исполненіе не иначе, какъ путемъ дипломатическихъ сношеній, то что сказать о тѣхъ давно прошедшихъ временахъ, когда каждое государство разсматривало себя какъ замкнутое цѣлое, существующее внѣ всякой связи съ остальными державами, когда сверхъ того и въ предѣлахъ одного и того же государства исполненіе судебнаго рѣшенія, исходящаго отъ суда другаго города, встрѣчало часто такія препятствія, предъ коими блѣднѣютъ всѣ препятствія новаго времени. Затрудненія эти достигали громадныхъ размѣровъ, когда взыскателемъ и отвѣтчикомъ являлись купцы

различныхъ общинъ или различныхъ мѣстностей. Временно и случайно столкнувшись на данной ярмаркѣ, кредиторъ и должникъ не могли имѣть, да по большей части и дѣйствительно не имѣли никакихъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній объ имущественномъ положеніи другъ друга на этомъ мѣстѣ, а потому обратить взысканіе на имущество должника, которое, какъ совокупность движимыхъ, легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто вещей, безъ затрудненія могло быть сокрыто или удалено изъ даннаго округа, для кредитора представлялось почти невозможнымъ. Но еслибъ даже оно и было возможно, то самая процедура его настолько сложна, подвержена такимъ случайностямъ и требуетъ такъ много времени, что для купца, постоянно разъѣзжающаго съ ярмарки на ярмарку и дорожащаго каждымъ днемъ, подобное взысканіе могло лишь повлечь за собою убытки, величиною своею далеко превосходившіе сумму отыскиваемаго долга. Для торговца, поспѣшающаго съ шампанской ярмарки въ какой-нибудь Брюгге, чтобы тамъ присоединить свои товары къ отправляющемуся въ далекій край купеческому каравану, потерять хоть одинъ лишній день значило тогда понести громадный ущербъ, значило упустить благопріятный случай выгодно пристроить свой товаръ. Эти и многія другія неудобства уже рано должны были навести купцовъ на мысль вмѣсто всякихъ имущественныхъ взысканій подвергать должника личному задержанію.

Подобное средство, при тогдашнихъ условіяхъ торговаго оборота, должно было приводить къ самымъ быстрымъ и плодотворнымъ результатамъ. Съ одной стороны, оно избавляло взыскателя отъ необходимости разыскивать, арестовывать и продавать имущество должника на удовлетвореніе своей претензіи, съ другой—оно на самого должника производило настолько удручающее дѣйствіе, что во избѣжаніе его онъ долженъ былъ не противодѣйствовать, а употребить всѣ зависящія отъ него мѣры къ скорѣйшему удовлетворенію кредитора. Не касаясь уже прелестей тогдашняго тюремнаго заключенія, которыя однѣ могли привести въ содроганіе человѣка даже съ столь крѣпкою нервною системою, какъ у средневѣковыхъ купцовъ, легко себѣ представить нравственныя терзанія коммерсанта, стремящагося поскорѣе выѣхать въ данное мѣсто для совершенія выгодныхъ коммерческихъ операцій или для спасенія себя отъ разоренія и

удерживаемаго, да еще въ тюрьмѣ, ради какого-нибудь сравнительно незначительнаго долга. Само собою понятно, что такой должникъ не остановится ни предъ какою возможною комбинаціею, лишь бы поскорѣе избавиться отъ своего тягостнаго положенія, лишь бы добыть средства къ платежу и освободить себя этимъ отъ тяжкой неволи.

Идею и первообразъ личнаго ареста дала Италія, которая ранѣе другихъ пользовалась относительною свободою торговли, а потому ранѣе другихъ странъ и народовъ должна была прилагать свои старанія къ устраненію различныхъ помѣхъ, преградъ и тормазовъ этой свободѣ. Если обратиться къ сохранившимся историческимъ извѣстіямъ касательно этого вопроса, то они дадутъ не одно подтвержденіе сказаннаго. Такъ съ примѣненіемъ личнаго задержанія за долги мы впервые встрѣчаемся въ италіанскихъ городахъ.

Напримѣръ, въ статутѣ Венеціи за 1244 г., именно въ *statutis iudicum petitionum* прямо предписывается тремъ назначеннымъ для взысканія частныхъ долговъ судьямъ въ случаѣ, если просьба истца о взысканіи долга окажется справедливою и законною и если при этомъ должникъ пользуется подозрительною репутаціею, схватить и задержать его, арестовавъ и охранивъ его движимое и недвижимое имущество для удовлетворенія претензіи кредитора [138]).

Въ статутѣ Анконы отъ 1357 г. точно также предписывается «лично и имущественно задерживать отвѣтчика», не опровергнувшаго въ установленный срокъ требованія истца, причемъ задержаніе это должно продолжаться впредь до полнаго удовлетворенія кредитора. «Желая положить предѣлъ тяжбамъ, говорится здѣсь, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не тянулись до безконечности и чтобъ освободить стороны отъ трудовъ и расходовъ, настоящею нашею конституціею мы утверждаемъ и предписыва-

---

[138]) **Martens** цит. с. Anhang стр. 20: ....sel paresse ad essi tre savii, che la querela di creditori sia vera et justa, et che la fama de la suspition sia contra il debitor secondo la lor discretion, alhora con auttorità nostra, et del nostro consejo et del commun di Venetia facciano ditto debitore per questa cason **pigliar** et **retegnire** et i beni suoi mobili et immobili intrometter, et conservare per far la satifaction de ditti beni a i creditori etc». Тутъ же сдѣлана прибавка, что должникъ долженъ содержаться въ тюрьмѣ до удовлетворенія кредитора.

емъ, что если кто-либо предъявитъ гражданскому судьѣ просьбу о вызовѣ его должника и о взысканіи съ него какой-нибудь суммы денегъ или какой-нибудь вещи въ силу законнаго основанія и въ подтвержденіе этого требованія представитъ противъ должника офиціальный документъ не погашенный, не похѣренный и не опороченный въ какой-либо своей части, и если этотъ документъ будетъ содержать въ себѣ обѣщаніе или обязательство требуемой суммы или вещи, то вышесказанный судья обязанъ выдать отвѣтчику формальную копію и назначить ему срокъ для предъявленія и подкрѣпленія доказательствами всѣхъ возраженій, какія ему принадлежатъ или могутъ принадлежать противъ самого документа или самого кредитора. Если же должникъ въ теченіи этого срока не станетъ возражать или свои возраженія не докажетъ, то для уплаты по означенному долгу онъ, буде пожелаетъ вѣритель, подвергается реальному и личному задержанію до полнаго удовлетворенія долга»[139]).

О личномъ задержаніи упоминается далѣе въ статутахъ Флоренціи 14-го столѣтія, Милана 1398 г. и Генуи 1414 г.[140]), гдѣ предписывается брать съ должника поручительство въ исполненіи имъ его формальнаго обязательства въ теченіи десяти дней, отъ представленія каковаго поручительства онъ освобождается лишь къ томъ случаѣ, когда предпочтетъ быть заключеннымъ въ тюрьму[141]). Равнымъ образомъ и въ статутѣ Не-

---

[139]) **Бриглебъ** ц. с. т. II стр. 210 и сл. «Finem litibus imponere cupientes, ne immortales existant, et ut parcatur laboribus partium et expensis, praesenti nostra constitutione firmamus et ordinamus, quod si quis coram iudice ad causas civiles deputato suum debitorem fecerit evocari et coram ipso iudice ab eodem suo debitore petierit aliquam pecuniae quantitatem vel rem certam ex quancunque causa legitima et pro ipso debito contra ipsum debitorem produxerit publicum instrumentum non abolitum, non cancellatum nec vituperatum in aliqua parte sui, quod instrumentum contineat promissionem vel obligationem ipsius quantitatis vel rei petitae, quod iudex praedictus faciat dari copiam parti secundum formam iuris et terminum ei statuat ad opponendum et probandum contra ipsum instrumentum et ipsum creditorem omnes exceptiones sibi competentes vel quae competere possent contra ipsum instrumentum et ipsum creditorem, quod si infra ipsum terminum non opposuerit vel opposita non probaverit, ad solutionem tunc talis debiti dictus debitor realiter et personaliter constringatur ad voluntatem creditoris, donec ipsi creditori fuerit plenarie satisfactum».

[140]) **Biener** Abhandl. вып. I стр. 144.

[141]) **Бриглебъ** ц. с. т. 2 стр. 225.

аполя 1420 г. должники по неопровергнутымъ официальнымъ документамъ подвергаются аресту до полнаго удовлетворенія или до представленія надлежащихъ доказательствъ въ произведенной уже уплатѣ [142]).

Вмѣстѣ съ официальными договорами, имѣвшими силу судебнаго рѣшенія, изъ Италіи перешелъ во Францію и обычай подвергать должниковъ по такимъ документамъ личному задержанію до полнаго удовлетворенія кредитора. Это задержаніе прямо установлено было законодательнымъ путемъ относительно исполненія документовъ, предъявлявшихся ко взысканію у блюстителя ярмарокъ, носившаго, какъ мы уже видѣли, названіе *conservator nundinarum, maître des foires, conservateur des foires.* Если у него предъявлялся письменный договоръ, совершенный на ярмаркѣ soubs scel de foire, то онъ издавалъ mandement de foire, указъ объ арестѣ должника, что̀ и было одною изъ главныхъ ярмарочныхъ привелегій [143]). Обычай личнаго задержанія съ первоначальныхъ французскихъ ярмарокъ въ Шампаньи и Бри при помощи тѣхъ же италіанцевъ уже рано перешелъ и въ другіе французскіе города. По крайней мѣрѣ касательно Нима въ этомъ отношеніи сохранились даже нѣкоторыя историческія указанія. Такъ Мартенсъ (стр. 51 прим. y) говоритъ, что у *du Cange* имѣется отрывокъ договора, заключеннаго въ 1278 г. французскимъ королемъ съ Фулконе Качіо, гражданиномъ города Піаченцы, старшиною (capitaneo) общины (universitatis) ломбардскихъ и тосканскихъ купцовъ, имѣющаго также спеціальныя полномочія отъ консуловъ римскихъ, венеціанскихъ, лукскихъ, болоньскихъ и т. д. Какъ можно заключать изъ приведеннаго тѣмъ же авторомъ (стр. 52 прим. z) отрывка, въ означенномъ договорѣ предоставлена была италіанцамъ, пребывавшимъ въ Нимѣ, ярмарочная привилегія подвергать должниковъ личному задержанію впредь до полнаго погашенія долга. По крайней мѣрѣ въ Lettres par les quelles le Roy confirme l'autorité de Iuge des conventions de Nîmes отъ 19 августа 1345 г. (прим. z) говорится между прочимъ слѣдующее: «Iuxta vires et Privilegia dictarum conventionum, quae imitantur vires et privilegia nundinarum Campaniae et Briae, ac etiam Burgesiarum Regiarum parisiis inter

---

[142]) Ibid. стр. 203.

[143]) **Martens** ц. с. стр. **14** n. **4, 15, 19** и **31** n. **1.**

caetera privilegia—eorum (mercatorum Italicorum) debitores ad solvendum compellantur, prout consueverunt compelli illi qui in nundinis Campania et Briae compelluntur». Когда Ліону были предоставлены привилегіи шампаньскихъ ярмарокъ, то и на ліонскихъ ярмаркахъ стало примѣняться личное задержаніе, ибо оно составляло одну изъ главнѣйшихъ преимуществъ ярмарочнаго судопроизводства. Изъ Ліона оно переходило въ тѣ французскіе города, купечеству коихъ жаловалось право заводить у себя порядки, господствующіе на шампаньскихъ ярмаркахъ. Такъ оно дано было Тулузѣ въ 1549 г., Руану въ 1566 г. и Парижу въ 1563 г.[144]).

Въ ряду ярмарочныхъ привилегій первенствующее положеніе занимало право свободнаго провоза на ярмарку товаровъ и свободнаго пребыванія тамъ во все продолженіе ярмарки; даже взысканіе по долгамъ и личный арестъ начинались уже тогда, когда заканчивались всѣ операціи по продажѣ и куплѣ товаровъ. Сверхъ того, товарные транспорты ради безопасности конвоировались вооруженными людьми, каковой канвой сопровождалъ эти транспорты и при обратной перевозкѣ ихъ съ ярмарки[145]).

§ 36.

Перечисленіе ярмарочныхъ привилегій было бы неполно, еслибъ мы не указали еще на нѣкоторыя преимущества во взысканіи долговъ, преимущества, извѣстія о коихъ сохранились, по меньшей мѣрѣ, относительно французскихъ ярмарокъ и мѣстъ, пользовавшихся ярмарочными привилегіями. Такъ, *cessio bonorum*, т. е. добровольная уступка должникомъ всего своего имущества кредиторамъ, вездѣ освобождала должниковъ отъ личнаго ареста, за исключеніемъ ярмарокъ. Равнымъ образомъ по ярмарочнымъ долгамъ личному задержанію подвергались не только мужчины, но и женщины. Ярмарочные долги имѣли преимущество предъ всѣми остальными долгами, хотя бы и утвержденными королевскою печатью Chatelet. Въ случаѣ повѣшенія кого-либо и конфискаціи его имущества по распоряженію haut justicier, шампаньскіе ярмарочные кредиторы казненнаго, не взирая на такое

---

[144]) Болѣе подробно объ этомъ см. у **Biener** Abh. ibid. стр. 143 и сл.
[145]) **Martens** ц. с. стр. 14 nn. 1 и 2.

распоряженіе, въ правѣ были арестовать и продать это имущество, уплативъ судьямъ *quint denier*. Для исполненія рѣшеній ярмарочныхъ судовъ Шампани въ Парижѣ учрежденъ былъ даже особый чиновникъ подъ именемъ *executor litterarum nundinarum Campaniae* [146]). Личному задержанію за ярмарочный долгъ могъ быть подвергнутъ не только самъ должникъ, но и его земляки. О существованіи такого права можно заключить изъ того факта, что въ *Lettres en faveur des marchands du Pays de Brabant* 1304 г. брабантскіе купцы въ видѣ привилегіи освобождаются отъ отвѣтственности за чужіе долги кромѣ долговъ, совершенныхъ на шампаньскихъ ярмаркахъ, на коихъ однако такому задержанію изъ постороннихъ дѣлу лицъ могли подвергаться лишь факторы должника [147]).

Я уже прежде упомянулъ, что рѣшенія суда внѣ предѣловъ подсудности послѣдняго, не говоря уже объ иныхъ распоряженіяхъ, весьма неохотно приводились въ исполненіе даже судьями того же государства, къ коему принадлежалъ постановившій рѣшеніе судъ. Хотя у ярмарочныхъ начальниковъ не было власти требовать отъ начальства другихъ городовъ исполненія распоряженій, сдѣланныхъ во время ярмарки, но они могли понудить къ такому исполненію косвеннымъ путемъ, не пуская на ярмарку купцовъ изъ того города, начальство коего оставалось глухо къ подобнымъ требованіямъ. Къ такимъ *defensa* въ 1306 и 1318 гг. прибѣгли *custodes nundinarum Campaniae* противъ городовъ Монпелье, Сена и Понтуаза, т. е. противъ уклоненія отъ исполненія законныхъ требованій со стороны властей такихъ мѣстъ, кои вмѣстѣ съ

---

[146]) См. обо всемъ этомъ у **Biener** Wechsetr. Abh. стр. 39 и сл.

[147]) **Martens** ц. с стр. 15 прим. с. Впрочемъ обычай задерживать иностранцевъ за провинности ихъ соотечественниковъ настолько упрочился повсюду еще въ первыя времена среднихъ вѣковъ, что мѣстные короли освобождали отъ него отдѣльныя категоріи лицъ лишь въ видѣ изъятія. Такъ, Савиньи (Geschichte des Römichen Rechts in Mittelalter, изд. 2 т. III стр. 170) говоритъ, что на основаніи привилегіи ломбардскаго короля Фридриха I отъ ноября 1158 г. болоньскимъ студентамъ, въ виду и безъ того великихъ трудностей, какимъ они добровольно подвергаютъ себя изъ любознательности, даруется право безпрепятственно повсюду путешествовать и запрещается подъ страхомъ тяжкихъ наказаній подвергать ихъ оскорбленіямъ и задерживать ихъ за преступленія или долги, совершенные ихъ соотечественниками. Много примѣровъ задержанія ганзейскихъ купцовъ и ихъ товаровъ за долги и провинности ихъ земляковъ разсѣяно въ цитированномъ выше сочиненіи Сарторіуса.

шампаньскими ярмарками принадлежали одному и тому же государству. Это же средство пускалось въ ходъ и противъ чужеземныхъ городовъ. Такъ, сенешалъ города Нима въ 1308 г. запретилъ проживавшимъ тамъ генуэзцамъ и флорентинцамъ дальнѣйшее пребываніе въ городѣ, причемъ онъ предложилъ имъ выѣхать въ теченіи года и сорока дней и подъ страхомъ наказанія никогда болѣе въ него не возвращаться. Поводомъ къ такому распоряженію послужило то, что генуэзскія власти отказались взыскать вознагражденіе, слѣдовавшее съ генуэзцевъ за совершенный ими надъ фразцузскими подданными морской разбой, а флорентинскія власти отказались исполнить требованіе сенешала по отношенію къ флорентинцамъ, бѣжавшимъ изъ Нима и пребывавшимъ во Флоренціи [148]).

§ 37.

Большія удобства, связанныя съ договорами, совершенными и засвидѣтельствованными на ярмаркѣ, часто порождали желаніе внѣярмарочнымъ контрактамъ придавать силу ярмарочныхъ, облекая ихъ въ форму этихъ послѣднихъ и прилагая къ нимъ ярмарочную печать. Обладая такимъ документомъ, можно было потребовать исполненія его на ярмаркѣ и этимъ путемъ воспользоваться привилегіями послѣдней. Надо полагать, что подобнаго рода случаевъ было не мало, ибо ихъ счелъ нужнымъ запретить спеціальный законъ, именно ордонансъ Филиппа IV отъ 1311 г. По поводу этихъ документовъ art. 6 этого ордонанса говоритъ слѣдующее: «Jtem car plusieurs Creanciers de leurs deptes et contrauts faits hors des foires de Champagne et plusieurs fois en autres lieux, font escrire aussi comme faites en cors de foires par lettres de foires de Champagne ou autres laquelle chose ils font pour avoir les privilèges des foires de Champagne à recouvrer leurs debtes et qui bien verité regarde, c'est en grant dammage des foires et en grande lesion de ceux qui leur doivent» etc. (Ибо многіе кредиторы свои долговые документы и контракты, совершенные внѣ шампаньскихъ ярмарокъ и часто въ другихъ мѣстахъ, пишутъ такъ, какъ еслибъ они были совершены на названныхъ ярмаркахъ посредствомъ засвидѣтельствованныхъ тутъ документовъ, что дѣлается для того, чтобы

[148]) **Biener** ibid. стр. 40 и 43.

воспользоваться привилегіями этихъ ярмарокъ относительно взысканія долговъ, и что, говоря по справедливости, весьма убыточно для самихъ ярмарокъ и весьма оскорбительно для должниковъ подобныхъ кредиторовъ [149]). Запрещеніе это однако не остановило погони за означенными привилегіями. Изобрѣтательные торговцы придумали другой выходъ для внѣярмарочнаго пользованія ярмарочными привилегіями. Петръ Делавернь (Petrus de Vergnia), бывшій въ 1500 г. профессоромъ въ Анжерскомъ университетѣ, собщаетъ (Бриглебъ т. II стр. 322), что онъ самъ видѣлъ, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи многіе включаютъ въ свой нотаріальный договоръ оговорку, что они во всей строгости подчиняются суду сенешаловъ и офиціаловъ, суду ярмарокъ въ Шампаньи и Бри и т. д. Эту добровольную подсудность отнюдь не слѣдуетъ однако относить къ особенностямъ Франціи: она довольно часто встрѣчается въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ коронные судьи въ разсматриваемое время, какъ уже выше было замѣчено, весьма мало способны были внушить къ себѣ довѣріе, а напротивъ того отпугивали отъ себя своею волокитою, схоластикою и формализмомъ.

§ 38.

Это тяготѣніе къ ярмаркамъ проявилось не только въ стремленіи примѣняться къ обычнымъ формамъ ярмарочныхъ договоровъ ради господствовавшаго тамъ упрощеннаго и ускореннаго судопроизводства, но и въ приспособленіи всѣхъ платежей къ ярмарочнымъ срокамъ. Будучи всемірно центральными рынками, на коихъ сходились продавцы и покупатели почти со всѣхъ концовъ земли, ярмарки давали купцамъ возможность путемъ личныхъ свиданій и личныхъ объясненій ликвидировать свои взаимные разсчеты и взыскивать и погашать свои долги при помощи выручаемыхъ тутъ денегъ. Наиболѣе удачное и ясное описаніе самой процедуры такого рода взаимныхъ разсчетовъ мы находимъ у *Savary* (Le parfait negocian, изд. 2 Paris 1749 г. т. I стр. 274). Вотъ, напр., что говоритъ онъ о ліонскихъ ярмаркахъ: «Ліонъ является законодателемъ въ дѣлѣ опредѣленія цѣны за переводъ денегъ (le prix du change) во всѣ

---

[149]) **Martens** ц. с. стр. 20.

главнѣйшіе города Европы за исключеніемъ Плезанса, и въ немъ происходятъ въ году четыре ярмарки, носящія названія *payements*, а именно: *le payement des Rois*, начинающаяся 1-го марта и продолжающаяся цѣлый мѣсяцъ; *le payement de Pâques*, начинающаяся 1-го іюня и продолжающаяся весь мѣсяцъ; *le payement d'Août*, продолжающаяся съ 1-го сентября весь мѣсяцъ, и *le payment de Toussaints*, продолжающаяся тоже въ теченіи цѣлаго мѣсяца, начиная съ 1-го сентября. Достойна удивленія манера, при помощи которой банкиры и негоціанты Ліона совершаютъ взаимные акцепты (пріемъ векселей) и платежи по векселямъ, выдаваемымъ прямо и обратно въ разныхъ мѣстахъ Европы для уплаты по нимъ на названныхъ ярмаркахъ; тутъ въ какіе-нибудь два-три часа уплачиваются иногда милліоны ливровъ безъ всякой помощи наличныхъ денегъ (не вынимая изъ кошелька ни одного су); такъ какъ это должно возбуждать не малое удивленіе въ тѣхъ, кои не знаютъ, какъ эти платежи дѣлаются, то кстати будетъ сказать тутъ объ этихъ платежахъ. Каждая изъ четырехъ ярмарокъ открывается въ первый непраздничный день мѣсяца послѣ двухъ часовъ пополудни собраніемъ главныхъ негоціантовъ площади, какъ французовъ, такъ и иностранцевъ, въ присутствіи купеческаго старшины (le prevôt des marchands), а за его отсутствіемъ въ присутствіи старѣйшаго эшевена; въ этомъ собраніи начинаются акцепты векселей, подлежащихъ платежу на данной ярмаркѣ, и продолжаются до шестого дня включительно, послѣ чего въ теченіи всѣхъ остальныхъ дней мѣсяца векселедатели могутъ протестовать векселя, оставшіеся непринятыми. Въ прежнія времена принятіе векселя происходило на словахъ, а не на письмѣ; но банкиры и негоціанты приносили съ собою на площадь книженку, которую они называли bilan des acceptations; въ нее они записывали всѣ выданные на ихъ имя и предъявленные имъ векселедателями векселя. Если какой изъ внесенныхъ въ эту книгу векселей они принимали, то съ боку противъ него ставили крестъ, что означало: принятъ, но если они желали еще подумать, можно ли его принять, то писали противъ него *V*, что означало Vû; буде же они вовсе не желали его принять, то писали S. P., что означало sous protest, т. е. векселедержатель долженъ былъ протестовать его въ теченіи трехъ дней послѣ прекращенія ярмарки, что соотвѣтсвовало третьему числу слѣдующаго мѣсяца. Но нынѣ, продолжаетъ Са-

вари, акцепты совершаются письменно, на основаніи 3-й статьи ордонанса іюня 1667 г. Въ третій день мѣсяца устанавливалась цѣна размѣновъ (т. е. векселей) съ ярмарки по соглашенію съ иностранцами, для чего точно также происходило собраніе въ присутствіи купеческаго старшины. На шестой день открывался биланъ (т. е. купцы сообщали другъ другу свои записи въ книгахъ акцепта векселей) и начинались взаимные разсчеты (virement de parties), кои продолжались до послѣдняго дня ярмарки включительно; по прошествіи этого дня прекращались всякіе писанія и разсчеты, а буде они все-таки будутъ совершены, то на основаніи ордонанса признавались ничтожными; вотъ почему въ теченіи времени платежа негоціанты, обладатели билановъ, входили въ камеру размѣна (la loge du change) въ десять часовъ утра и выходили оттуда въ одиннадцать съ половиною часовъ вечера; въ остальные часы никакихъ уже писаній и разсчетовъ не совершалось. Эти разсчеты производились слѣдующимъ образомъ. Банкиры и негоціанты носятъ съ собою на площади свои книжки дебета и кредита, т. е. съ одной стороны они пишутъ то, что имъ должны, а съ другой то, что они должны; они обращаются къ тѣмъ, коимъ они должны, предлагаютъ сосчитаться и уступаютъ имъ одного или двухъ должниковъ на подобную же сумму, дѣлаютъ соотвѣтственныя отмѣтки въ своихъ книгахъ и въ одинъ моментъ разсчетъ законченъ, причемъ принимающій чужихъ должниковъ беретъ на себя страхъ и рискъ за остальное. Вотъ какимъ способомъ совершаются платежи. Въ концѣ мѣсяца тѣ, у коихъ окажется больше долга, чѣмъ имъ должны, уплачиваютъ этотъ лишекъ наличными деньгами векселедержателямъ. Если банкиръ или негоціантъ, носившій съ собою свой биланъ на площадь, въ теченіи мѣсяца не найдетъ никого, желающаго съ нимъ списаться, т. е. продѣлать описанную процедуру, то онъ считается обанкрутившимся; нѣтъ мѣста въ мірѣ, гдѣ бы купцы могли такъ легко раззоряться, какъ въ Ліонѣ; но за то нѣтъ мѣста, гдѣ бы такъ пунктуально платили, ибо если будетъ просроченъ хоть одинъ день, то это можетъ подорвать кредитъ просрочившаго и привести его къ несостоятельности».

Не менѣе интересныя свѣдѣнія о ліонскихъ ярмаркахъ мы находимъ у другаго стариннаго писателя, именно *Рафаэля-де-Турри* (Tractatus de cambiis disp. prima quaes. quarta §§ 32—34),

подобно Саварп утверждающему, что въ Ліонѣ ярмарки происходили по четыре раза въ годъ съ промежутками въ три мѣсяца между каждою. Счастливое географическое положеніе этого города, говоритъ де-Турри, дѣлавшее его какъ бы центральнымъ пунктомъ между Германіею, Галліею, Бургундіею и Италіею, и близость къ мѣсту сліянія двухъ рѣкъ, Роны и Ары, открывающихъ возможность прямаго проѣзда къ нему, превратили Ліонъ въ знаменитѣйшій складочный пунктъ всей Европы. Въ немъ съѣзжается, преимущественно ко времени открытія ярмарки, множество купцовъ со всевозможными товарами, привлекаемые сюда свободою отъ податей и пошлинъ, продолжающеюся въ теченіи нѣсколькихъ дней. Трудно даже повѣрить, продолжаетъ де-Турри, (но я знаю объ этомъ отъ восьмидесятилѣтнихъ мужей, въ свою очередь слышавшихъ о томъ же, какъ они увѣряли, еще юношами отъ стариковъ), какое множество товаровъ, какія богатства, сколько разнообразныхъ народовъ, какія удобства торговли и польза купцовъ возвеличиваютъ торжественность этихъ ярмарокъ». Десять дней спустя послѣ открытія ярмарки, торговля тутъ получаетъ столь широкіе размѣры и начинаетъ производиться съ такою быстротою, что платежи за купленные и проданные товары, дабы они не отнимали времени и не останавливали продажи, совершаются въ концѣ ярмарки. Только уже въ это время кредиторамъ уплачивается цѣна пріобрѣтенныхъ вещей марками, т. е. слитками серебра или золота въ восемь унцій каждый, во избѣжаніе разнообразія монетъ. «Но съ того времени, какъ христіаннѣйшіе французскіе короли повелѣли чеканить скуды изъ чистѣйшаго золота съ вытѣсненнымъ на нихъ солнцемъ, 65 коихъ составляли марку [150]), всѣ платежи на ліонскихъ ярмаркахъ стали производиться на скуды золота, хотя марки по имени продолжали еще существовать». Опираясь на писателей, живших въ 15-мъ столѣтіи, де-Турри утверждаетъ, что въ это

---

[150]) Любопытное объясненіе названія этой монеты даетъ **Scaccia** Tractatus de commerciis § II Gl. III стр. 315 n. n. 2—10. Названіе скуды, утверждаетъ онъ, происходитъ отъ латинскаго слова scutum—щитъ и наименована она такъ потому, что, подобно потому, какъ щитъ прикрываетъ и ограждаетъ воина, такъ она прикрываетъ и ограждаетъ человѣка отъ его нуждъ. Такое значеніе онъ выводитъ путемъ сравненія съ названіями другихъ монетъ; такъ, solidus, полагаетъ онъ, происходитъ отъ

время ярмарочныя векселя не были извѣстны и стали возникать лишь впослѣдствіи и то мало по малу (ibid nn. 23 — 29). Относительно же своего времени онъ говоритъ (n. 34), что не всѣ и не всегда являются на ярмарки съ товарами, что часто сюда пріѣзжаютъ съ тѣмъ, чтобъ истребовать отъ другихъ свои долги, или чтобы самимъ расплатиться съ своими кредиторами, предназначая для платежей по договорамъ, заключеннымъ внѣ ярмарки, множество товаровъ, сложенныхъ на ярмаркѣ; что не всѣ и не всегда привозятъ съ собою деньги, но въ теченіи ярмарки истрачивая взысканныя деньги на покупку товаровъ или уступая ихъ нуждающимся купцамъ, сами прибѣгаютъ къ помощи векселей на другія мѣста.

Не менѣе интересно описаніе ярмарокъ, помѣщенное у *Scaccia* (§ II gl. IV стр. 332 n 3). Давъ опредѣленіе слова *fiera* и объяснивъ, что подъ *feriae cambiorum* разумѣются тѣ именно ярмарки, на коихъ происходитъ размѣнъ денегъ, каковы въ Италіи ярмарки въ Піаченцѣ (Placentiae), во Франціи ярмарки въ Ліонѣ, въ Испаніи ярмарки въ Метинѣ и въ Германіи ярмарки во Франкфуртѣ, онъ затѣмъ продолжаетъ, что всѣ эти ярмарки происходятъ въ разное время года. Такъ въ Піаченцѣ (Placentiae) они бываютъ четыре раза въ годъ чрезъ каждые три мѣсяца; первая называется явленскою отъ звѣзды, явившейся волхвамъ, что приходится въ праздникъ Епифаніи, именно 6 января. Но ярмарка начинается почти на мѣсяцъ позднѣе, именно въ день очищенія, который приходится 2 февраля. Хотя она довольно далеко отстоитъ отъ дня явленія звѣзды, но купцы стали называть ее явленскою вѣроятно потому, что въ началѣ она происходила нѣсколько позднѣе праздника Епифаніи, или въ честь богоявленія, какъ великаго праздника, въ который Господь явился людямъ. Вторая ярмарка называлась пасхальною и начиналась 1-го мая, третья открывалась въ началѣ августа, а четвертая въ началѣ ноября, и такъ какъ она приходилась въ праздникъ всѣхъ святыхъ (Sanctorum), то и называлась этимъ именемъ. Каждая ярмарка продолжалась восемь дней. Далѣе

того, что монета эта была цѣльная, безъ недочета, названіе денарія произошло отъ слова **decem** и т. д.; самое слово монета происходитъ или отъ monere (напоминать), ибо она вытѣсненнымъ на ней знакомъ напоминаетъ намъ ея автора и цѣну, или оттого, что она напоминаетъ намъ, что она вычеканена изъ настоящаго металла. Вообще же scutus была мелкая золотая или серебряная монета, 65 штукъ коихъ равнялись одной маркѣ.

дается весьма поверхностное и неточное описаніе ліонскихъ ярмарокъ и говорится, что въ Испаніи, какъ и во Фландріи, ярмарки тоже происходятъ четыре раза въ годъ. Что касается Германіи, то краткое описаніе франкфуртскихъ ярмарокъ имѣется у *Леонарда Лессія* [151]). Онъ утверждаетъ, что онѣ происходили два раза въ годъ, одна во время пасхи, а другая въ сентябрѣ, и какъ на той, такъ и на другой производились платежи по векселямъ, причемъ онъ сообщаетъ нѣсколько примѣрныхъ свѣдѣній относительно цѣны вознагражденія за дачу денегъ подъ вексель; цѣна эта соразмѣрялась съ количествомъ мѣсяцевъ, остававшихся отъ времени выдачи денегъ до открытія ярмарки. На всѣхъ вышеприписанныхъ ярмаркахъ выдавались обыкновенные и обратные векселя, причемъ ради удобства срокъ платежа по нимъ назначался въ три мѣсяца, т. е. равнялся промежутку между двумя послѣдовательными ярмарками въ данной странѣ. Этотъ срокъ сами купцы прозвали *recapitar le lettere.* На этихъ ярмаркахъ, какъ говоритъ Рафаэль-де-Турри [152]), каждый банкиръ имѣлъ свою книжечку (scartafacium libri), въ корой тщательно отмѣчалъ всѣ какъ обыкновенные, такъ и обратные векселя, поступавшіе къ нему въ теченіи данной ярмарки. Въ нее вносились векселя не только на имя самого банкира, но и на имена тѣхъ купцовъ, отъ коихъ онъ имѣлъ довѣренность (mandatum). Тутъ же тщательно обозначались въ отдѣльности всѣ сдѣлки, заключенныя банкиромъ какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени тѣхъ, представителемъ коихъ онъ являлся на ярмаркѣ. Но сюда вносилось только то, что имѣло мѣсто на данной ярмаркѣ, почему для каждой изъ послѣднихъ приготовлялась особая книжка, получавшая названіе отъ этой ярмарки, напр. scartafacium ярмарки всѣхъ святыхъ 1632 г. и т. п. Далѣе де-Турри говоритъ о биланахъ (bilantium), которые онъ изображаетъ почти согласно съ вышеприведеннымъ описаніемъ Савари. Это, говоритъ онъ, краткія записи, въ кои купецъ вносилъ всѣ относящіяся къ нему статьи дебета и кредита. Когда итогъ статей дебета вполнѣ равнялся итогу кредита, то это называли *bilantium bilantiare.* Когда же одинъ итогъ превы-

---

[151]) De Iustitia et Iure ceterisque virtutibus Cardinalibus libri IV. Lovanii anno 1605 liber 2 cap. 23 dubitatio 6 n. 53 стр. 293.

[152]) Цит. соч. disput. secunda quaestio prima nn. 14—18.

шалъ другой, то это выражали словомъ *sbilantiare.* Каждый банкиръ вписывалъ сюда статьи изъ своего scartafacium и располагалъ ихъ на цѣлыхъ листахъ бумаги (in folio appapiri). Составленные такимъ образомъ биланы должены были скрѣплять консулъ и совѣтники ярмарки, внося ихъ въ книгу ярмарочныхъ актовъ. Они же ex officio обязаны были сличать между собою всѣ биланы означенныхъ банкировъ и изъ нихъ составлять одинъ общій ярмарочный баланъ. Если при составленіи послѣдняго дебетъ сходился съ кредитомъ, т. е. если итоги того и другаго были между собою равны, то отсюда было вполнѣ ясно, что отдѣльные биланы ведены правильно, что все въ нихъ записано тщательно и добросовѣстно; если же итоги не сходились, то ясно было, что кто-либо приписалъ за кѣмъ-нибудь лишнее, а кто именно это сдѣлалъ и съ какимъ намѣреніемъ, это легко открывалось путемъ сличенія дебета или кредита единичныхъ купцовъ съ дебетомъ и кредитомъ ихъ контрагентовъ. Изъ этого-то офиціальнаго контроля единичныхъ купеческихъ книжекъ родилось огромное и обязательное довѣріе къ биланамъ, такъ что они стали служить безспорнымъ доказательствомъ всякаго рода актовъ и дѣйствій, совершенныхъ на ярмаркѣ. Составленіе общаго ярмарочнаго билана весьма облегчалось тѣмъ, что во всѣхъ векселяхъ, по коимъ платежъ имѣлъ быть совершенъ на ярмаркѣ, фигурировалъ одинъ и тотъ же видъ денегъ, именно *scudo di merche* [a]), цѣна коего до слѣдующей ярмарки опредѣлялась ярмарочнымъ магистромъ.

Въ началѣ каждой ярмарки всѣ банкиры сходились въ удобномъ для того мѣстѣ, имѣя при себѣ свои записныя книжки (scartafacia), и каждый изъ нихъ громкимъ голосомъ возвѣщалъ сумму и лицо, которое имѣетъ уплатить по векселю, либо выданному самому вызывающему, либо присланному ему для полученія по немъ платежа, либо вообще полученному отъ кого-либо другаго. И когда тотъ, кому адресованъ вексель, соглашался уплатить по немъ, или на такую уплату выражалъ согласіе кто-либо другой, то объ этомъ дѣлалась отмѣтка въ записной книжкѣ. Это-то согласіе носило названіе *acceptatio*, а время, когда подобные акцепты совершались, именно начало ярмарки, называлось *временемъ акцептовъ* (*tempus acceptationum*). Впрочемъ,

a) **Biener** Wechselr. Abh. стр. 50.

этотъ порядокъ акцептаціи безусловно обязателенъ не былъ; его лишь обыкновенно придерживались купцы и банкиры; но никому не возбранялось предъявлять къ принятію и принимать векселя и въ остальное время ярмарки. Самый платежъ по векселямъ производился большею частью не наличною звонкою монетою, а путемъ зачета — *scontro*. Если у банкира оказывались векселя, выданныя даннымъ лицомъ отъ себя, и векселя, платежъ по коимъ имѣетъ получить тоже лицо, то они другъ друга уничтожали, насколько общія суммы тѣхъ и другихъ совпадали; буде же на той или другой сторонѣ получался лишекъ, то онъ записывался въ биланъ въ качествѣ дебета или кредита, смотря потому, имѣлъ ли записывающій этотъ лишекъ уплатить или получить (ibid. n. 30).

Описанный ходъ торговли на ярмаркахъ даетъ ясныя указанія на то, какимъ образомъ эти всемірные рынки, первоначально предназначенные для простаго сбыта и пріобрѣтенія товаровъ, мало по малу превратились въ мѣста взаимныхъ купеческихъ разсчетовъ и арену для всякаго рода вексельныхъ сдѣлокъ. Въ стародавнія времена, какъ уже выше было замѣчено, вся торговая дѣятельность скучивалась и ютилась около ярмарокъ, какъ около центровъ, ибо, если коммерческія сдѣлки и заключались въ другихъ мѣстахъ, если и тамъ производились операціи купли-продажи, то почти исключительно съ тѣмъ, чтобы подготовить матеріалъ для ярмарочныхъ оборотовъ: скупались продукты мѣстной производительности, нанимались люди и перевозочныя средства для доставленія купленнаго на мѣсто назначенія, дѣлались по дорогѣ склады и т. п., только для того, чтобы во время поспѣть на ярмарки съ товаромъ. Заключая различнаго рода такъ-сказать подготовительныя сдѣлки, купцы, по прежде изложеннымъ причинамъ, должны были обходиться безъ помощи денегъ, и вмѣсто дѣйствительнаго платежа выдавать на себя письменныя обязательства, мѣстомъ исполненія коихъ назначалась та или другая ярмарка. Такого рода сдѣлки были выгодны для обѣихъ сторонъ; каждому по своимъ личнымъ дѣламъ хотѣлось или нужно было побывать на ярмаркѣ и каждому необходимы были тутъ деньги; чтобы не возить ихъ съ собою и не подвергать себя риску утраты ихъ въ пути, всего цѣлесообразнѣе было довѣрить ихъ купцу, который все равно имѣлъ быть на той же ярмаркѣ. Съ другой стороны, и для купца не-

сравненно удобнѣе было расплачиваться именно здѣсь, ибо внѣ ярмарки у него имѣлись только товары; тутъ же онъ эти товары обмѣнивалъ на деньги и этимъ способомъ пріобрѣталъ потребныя суммы для расплаты съ своими кредиторами. Такого рода комбинаціи обстоятельствъ первоначально были дѣломъ только случая; но затѣмъ эти случаи стали повторяться такъ часто, что подъ конецъ твердо установился обычай приспособлять всѣ главнѣйшіе разсчеты и платежи именно къ ярмаркамъ. Въ виду этого у каждаго торговца накоплялось подобныхъ счетовъ ко времени ярмарки не малое количество; нужно полагать, что ликвидированіе ихъ въ теченіи всего ярмарочнаго срока причиняло много хлопотъ и неудобствъ и отрывало купцовъ отъ непосредственнаго ихъ занятія — купли-продажи товаровъ. Всего удобнѣе было производить эти разсчеты по прекращеніи означенныхъ операцій, ибо въ это время у рѣдкаго купца не имѣлось на рукахъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи товаровъ; вотъ чѣмъ можно объяснить не менѣе твердо установившійся обычай посвящать взаимнымъ купеческимъ разсчетамъ послѣдніе дни ярмарочнаго срока.

Не всегда однако торговецъ имѣлъ возможность расплачиваться съ долгами вырученными деньгами; нерѣдко случалось, что денегъ этихъ не хватало, и тогда приходилось прибѣгать къ займамъ; а такъ какъ, съ одной стороны, расплата по подобнымъ займамъ, а съ другой — полученіе по нимъ всего удобнѣе было дѣлать именно на ярмаркахъ по причинамъ, кои только-что были указаны, то какъ сроки, такъ и мѣсто платежа стали приспособлять къ главнѣйшимъ ярмаркамъ. Письменная же форма, въ которую такіе долги облекались, установилась еще прежде; это было вексельное письмо или иначе вексель, который сообразно мѣсту своего назначенія и выдачи сталъ называться ярмарочнымъ.

ГЛАВА IV.

Положеніе векселя до XVI столѣтія.

Введеніе. Первоначальная форма векселя. Причины возникновенія письменной формы въ вексельныхъ сдѣлкахъ. Виды векселей по сообщенію Скачча. Увѣдомительныя письма и ихъ значеніе. Cambia sicca. Попытки и примѣры обхода запрещенія процентовъ. Законодательныя мѣры противъ этихъ обходовъ. Ярмарочная денежная единица или марка скудъ. Способы обозначенія въ векселяхъ валюты. Обычай выдавать по нѣсколькуэкземпляровъ векселя. Первоначальная юридическая природа векселя; участвующія въ немъ стороны; коренная перемѣна въ первоначальномъ назначеніи векселя. Значеніе четырехъ участниковъ въ векселѣ. Первая юридическая квалификація вексельнаго документа. Акцептъ и сроки платежа по векселю. Форма акцепта. Протестъ. Платежъ за честь векселедателя. Способы погашенія векселя: recambia и cambia con la ricorsa; различныя воззрѣнія на нихъ писателей XVIII вѣка.

§ 39.

Еще въ началѣ настоящаго изслѣдованія мы старались густо оттѣнить мысль, что говорить по отношенію къ векселю и вексельному праву объ изобрѣтеніи и изобрѣтателяхъ было бы настолько же произвольно и несправедливо, какъ говорить о томъ же по отношенію къ любому изъ институтовъ гражданскаго права. Если допустить, что вексель и вексельное право обязаны генію, талантамъ или находчивости единичныхъ лицъ либо даже единичныхъ общественныхъ группъ, то вѣдь тоже самое можно сказать о куплѣ-продажѣ, наймѣ, займѣ, залогѣ, поручительствѣ и т. п. институтахъ частнаго права. Между тѣмъ по отношенію къ этимъ институтамъ никому и въ голову не приходитъ доискиваться, кому собственно они обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ, кого именно можно назвать ихъ изобрѣтателемъ, ихъ авторомъ. Встрѣчая ихъ въ каждомъ сколько-нибудь уже сложившемся политическомъ обществѣ и при томъ еще на первыхъ ступеняхъ его существованія и развитія, находя ихъ уже въ такихъ зачаточныхъ обществахъ, о культурѣ коихъ еще рѣчи быть не можетъ, всякій считаетъ ихъ неразлучнымъ

спутникомъ политическаго общенія частныхъ лицъ и отсутствіе ихъ въ послѣднемъ принимаетъ за признакъ младенческаго колыбельнаго состоянія даннаго союза. Никто не сомнѣвается, что названные институты рождаются изъ факта общежитія сами собою, безъ всякой замѣтной иниціативы единичнаго лица, безъ всякаго участія творческаго направленія частнаго ума. Вопросъ о томъ, кто первый придумалъ мѣну, куплю-продажу, страхованіе и т. п., показался бы столь же наивнымъ и дѣтскимъ, какъ и вопросъ о томъ, кому первому взбрело на умъ умываться, одѣваться, строить жилища и т. д.

Между тѣмъ относительно векселя и регулирующаго его права такой вопросъ сталъ явленіемъ настолько обычнымъ, что многіе изслѣдователи въ области вексельнаго права считаютъ чуть ли не священною обязанностью преломить копье съ своими учеными собратами за правильное его разрѣшеніе и внести и свою лепту въ общую сокровищницу выраженныхъ по его поводу предположеній. Это явленіе, вслѣдствіе своей частой повторяемости никого уже не удивляющее, можно объяснить двоякою причиною: во первыхъ силою традиціи, проявляющею свое непреоборимое могущество во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, а въ томъ числѣ и въ области отвлеченнаго мышленія; первоначально слегка лишь затронутый одними, вопросъ этотъ сталъ затѣмъ горячо обсуждаться другими, сначала изъ подражанія, а тамъ уже и по привычкѣ; во вторыхъ, сравнительно недавнимъ происхожденіемъ интересующаго насъ института. Уложивши свое, если можно такъ выразиться, юридическое міросозерцаніе въ рамки и формы римскаго права, принявъ за норму только правоотношенія, формулированныя и регламентированныя въ законодательныхъ сборникахъ Юстиніана, воспитавшись на воззрѣніяхъ римскихъ юристовъ, средневѣковая, а отчасти новѣйшая, юриспруденція приходила и приходитъ въ немалое изумленіе при встрѣчѣ со всякими новыми построеніями въ юридическомъ быту народовъ, и такъ какъ эти построенія римскому обществу извѣстны не были и въ римскомъ правѣ потому никакого отголоска себѣ не нашли, то она считала и отчасти доселѣ продолжаетъ считать ихъ чѣмъ то анормальнымъ, чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ и тратитъ не мало силъ на объясненіе этой анормальности и обнаруженіе первыхъ виновниковъ ея появленія. Вексель и вексельное право римскому

народу и римскимъ юристамъ извѣстны не были и самыя тщательныя усилія, самыя ревностныя изысканіи не могли открыть въ римскихъ юридическихъ памятникахъ никакого замѣтнаго слѣда этого своеобразнаго института. А разъ римляне его не знали, то, слѣдовательно, онъ подъ норму не подходитъ, если же это такъ, то, значитъ, онъ есть нѣчто анормальное, исключительное, и потому исключительны должны были быть и причины и люди, его создавшіе. Отсюда вопросъ: кто и ради чего его создалъ? И вотъ начинается довольно длинный рядъ безплодныхъ попытокъ открыть и изловить его автора, съ документами въ рукахъ изобличить, если не отдѣльное лицо, то отдѣльный народъ въ отступленіи отъ нормальнаго, общепризнаннаго юридическаго строя, формулированнаго римскимъ правомъ, и въ созданіи такого типа отношеній, который такъ смѣло и неожиданно прокладываетъ себѣ дорогу во внутреннюю жизнь новыхъ народовъ, вовсе не справляясь съ нормами римскаго права, и который наперекоръ средневѣковымъ фанатизму и невѣжеству покоряетъ своему господству цѣлыя области экономическихъ отношеній и безотчетно хозяйничаетъ тутъ на протяженіи столѣтій.

Между тѣмъ въ дѣйствительности векселя никто не изобрѣталъ, никто не ломалъ себѣ головы надъ созданіемъ и разработкою его идеи, ничьему геніальному творчеству онъ не обязанъ своимъ существованіемъ; все совершилось само собою, помимо воли кого бы то ни было, единственно по велѣнію всемогущаго и всевластнаго времени и причудливо складывавшихся въ немъ обстоятельствъ. Подобно тому, какъ никто въ отдѣльности не создавалъ остальныхъ институтовъ гражданскаго права, а они складывались и зарождались сами собою подъ напоромъ развивавшейся общественной жизни и ея потребностей, такъ никто не создавалъ, не оформливалъ и не развивалъ векселя, такъ и онъ обязанъ своимъ существованіемъ и своею юридическою судьбою совершенно своеобразно и неожиданно сложившейся средневѣковой общественной жизни. Наплывъ новыхъ потребностей, полное разрушеніе античнаго общественнаго строя и міросозерцанія, временное исчезновеніе съ міровой сцены римскаго права, загипнотизированный сухимъ, черствымъ и мертвящимъ схоластицизмомъ человѣческій разумъ, воцареніе ослѣпленнаго религіознаго фанатизма въ лицѣ каноническаго права, чрезвычайно смутное представленіе о государственныхъ задачахъ, пре-

обладаніе дикаго, необузданнаго своеволія, грабежа и разбоя, извѣстныхъ подъ именемъ кулачнаго права, религіозныя войны за освобожденіе Гроба Господня или иначе крестовые походы, хаотическое состояніе монетнаго дѣла и упрочившаяся ярмарочная торговля, вотъ совокупность какихъ обстоятельствъ создали вексель и вексельное право, вотъ тотъ истинный изобрѣтатель, творчеству коего средневѣковой міръ обязанъ не векселемъ только, но и многими иными соціальными явленіями. Отдаленныя и глухія отзвучія этихъ послѣднихъ слышатся еще въ наше время, постепенно замолкая въ новыхъ формахъ жизни и уступая свое мѣсто ясному, освобожденному отъ средневѣковыхъ оковъ и облагороженному сознанію человѣчества.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались ознакомить читателя съ тѣми міровыми событіями и положеніями, кои повели къ возникновенію и развитію векселя. Мы охотно признаемъ, что намъ не удалось разъяснить, въ какой послѣдовательности и связи эти обстоятельства вліяли на возникновеніе и упроченіе идеи нашего института; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло заявляемъ, что точное воспроизведеніе этой послѣдовательности и связи едва ли возможно по отношенію къ какому бы то ни было крупному явленію внутренней общественной жизни человѣчества. Въ этой жизни нѣтъ внѣшнихъ перегородокъ, нѣтъ отмежеванныхъ предѣловъ, или строго очерченныхъ, замкнутыхъ сферъ, гдѣ бы каждая отрасль дѣятельности проявлялась и развивалась вполнѣ самостоятельно, внѣ всякой зависимости отъ остальныхъ сферъ и гдѣ бы вслѣдствіе того возможно было съ точностью воспроизвести то внутреннее броженіе мелкихъ интересовъ, при наличности коего складывалось и развивалось данное общечеловѣческое учрежденіе. Единственнымъ источникомъ всѣхъ совершающихся тутъ измѣненій является человѣкъ; онъ альфа и омега всего, что здѣсь происходитъ. Но человѣчество никогда не разбивалось на столь замкнутые круги, чтобы дѣятельность каждаго изъ послѣднихъ не соприкасалась съ дѣятельностью остальныхъ. Совершенно наоборотъ, все здѣсь такъ перепутывается, такъ тѣсно сплетается между собою, что провести ясную разграничительную линію между процессомъ творчества въ той или другой области знанія и искусства почти совершенно немыслимо. Можно лишь въ общихъ чертахъ намѣтить, какіе именно факты вліяли на достиженіе данныхъ результатовъ; но съ точностью указать,

какъ, когда и что именно сплело ихъ между собою, это такъ же невозможно, какъ невозможно для посторонняго человѣка съ точностью воспроизвести весь ходъ мыслительнаго процесса даннаго лица при стремленіи его къ достиженію извѣстной цѣли.

§ 40.

Итакъ, ознакомившись въ отдѣльности съ тѣми факторами, совокупность коихъ привела человѣчество къ созданію вексельнаго института, указавъ, что вексель обязанъ своимъ существованіемъ не италіанцамъ, кои явились лишь случайными выразителями потребностей международнаго торговаго оборота, а взаимодѣйствію цѣлаго ряда причинъ или, лучше сказать, общему положенію внутренней средневѣковой жизни европейскихъ народовъ, мы переходимъ къ историческому освѣщенію тѣхъ формъ, которыя вексельный институтъ принималъ при своемъ поступательномъ движеніи со времени своего зарожденія.

Являясь такимъ же средствомъ удовлетворенія потребностей гражданскаго и торговаго оборота, какъ и остальные институты частнаго права, разсматриваемое учрежденіе въ общихъ чертахъ должно было проходить тѣ же стадіи развитія, какъ и эти послѣдніе. Придумавъ какое-либо средство удовлетворенія народившейся потребности, общество сначала мало заботится объ облеченіи его въ опредѣленную и однообразную форму, облегчающую его распознаваніе и регламентированіе. Первоначально оно либо пользуется уже сложившимися и нормированными сдѣлками и къ нимъ приспособляетъ новоизобрѣтенное средство, что̀ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда судебная защита предоставляется лишь извѣстнымъ, упрочившимся уже формамъ правоотношеній, какъ это было въ Римѣ съ залоговыми сдѣлками, завѣщаніями и т. п., либо облекаетъ это средство въ любую подходящую форму, какая при данныхъ обстоятельствахъ представится наиболѣе удобною. Это бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ законодательство вслѣдствіе своего зачаточнаго состоянія относится еще вполнѣ безразлично къ частной жизни и частнымъ интересамъ гражданъ, гдѣ оно предоставляетъ имъ самимъ устроивать и ограждать свои отношенія и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на выработкѣ и упроченіи данной организаціи государства; въ такомъ положеніи были средневѣковыя государства при пер-

вомъ появленіи вексельной сдѣлки. Но таково же положеніе законодательства, достигшаго уже высокой степени совершенства; и оно весьма мало обращаетъ вниманія на внѣшнюю форму отношеній гражданъ, защищая всякое частное соглашеніе, буде оно не противно кореннымъ началамъ государственнаго устройства и не устраняетъ возможности распознать въ немъ дѣйствительное намѣреніе контрагентовъ; но въ отличіе отъ положенія средневѣковыхъ законодательствъ оно эти отношенія все-таки защищаетъ, а не предоставляетъ ихъ собственной участи.

Въ исторіи векселя можно прослѣдить тѣ же черты. Народившаяся потребность въ обмѣнѣ разномѣстныхъ денегъ первоначально облекалась въ любую подходящую форму. Когда дѣло касалось обмѣна такихъ денегъ на мѣстѣ, то въ придумываніи какой-либо особой формы не было надобности; требуемыя деньги прямо переходили изъ рукъ въ руки и сдѣлка этимъ заканчивалась. Но когда этотъ обмѣнъ нужно было произвести на большомъ разстояніи, тогда сдѣлку по необходимости приходилось дробить на двѣ части: тѣ единичныя дѣйствія, кои при простомъ размѣнѣ производились въ одно и тоже время, тутъ разграничивались между собою болѣе или менѣе длинными промежутками, причемъ одна сторона получала данный видъ денегъ, а другая вынуждена была выжидать встрѣчнаго исполненія на протяженіи довольно долгаго времени и притомъ въ совершенно иномъ, хотя и обусловленномъ мѣстѣ. Отсюда для этой другой стороны рождалась необходимость въ обезпеченіи себѣ легкой возможности будущаго полученія встрѣчнаго исполненія; другими словами, она должна была запастись такими средствами, кои бы облегчили для нея осуществленіе права потребовать добровольной уплаты слѣдуемаго, а буде такое требованіе оставлено будетъ безъ исполненія, то прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. Строго установленной письменной формы, разсчитанной именно на такое обезпеченіе и по преемству перешедшей къ намъ, въ то время еще вовсе не существовало; она выработалась лишь впослѣдствіи, мало по малу, по мѣрѣ того какъ вексельныя отношенія учащались и развивались. Первоначально же контрагенты придавали вексельнымъ сдѣлкамъ такой внѣшній видъ, какой соотвѣтствовалъ особенностямъ даннаго случая, даннымъ обстоятельствамъ и даннымъ обоюднымъ отношеніямъ сторонъ. Нѣкоторые изъ приведенныхъ въ первой главѣ образцовъ векселей уже многимъ

напоминаютъ позднѣйшіе вексельные тексты; но, основываясь на этомъ одномъ, утверждать, что уже въ отдаленнѣйшія времена среднихъ вѣковъ твердо установилась болѣе или менѣе однообразная письменная форма векселя, значило бы неосмотрительно, изъ двухъ-трехъ фактовъ, быть-можетъ, совершенно случайныхъ, выводить заключеніе, прямо идущее въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ эпохи и съ духомъ того времени. Нѣкоторое сходство формы въ подобныхъ образцахъ можетъ быть объяснено вообще присущимъ торговому люду стремленіемъ къ краткости, точности и непритязательности слога, а равно одинаковостью обстоятельствъ тѣхъ случаевъ, кои дали поводъ къ написанію этихъ векселей. Торговый человѣкъ, какъ нынѣ, такъ и въ старину, весьма дорожилъ временемъ, да къ тому же для внесенія разнообразія въ свои писанія не только не обладалъ высокою степенью образованія, но и достаточною грамотностью. Сочиненіе длиннаго, подробнаго и литературно обработаннаго письма было для него истинно сизифовою работою и во всякомъ случаѣ стоило бы ему несравненно бо́льшихъ умственныхъ усилій, чѣмъ самая замысловатая коммерческая афера. Холодный разсчетъ и здравый смыслъ должны были подсказывать ему, что чѣмъ проще и короче писать, тѣмъ яснѣе и вразумительнѣе будетъ для читающаго, тѣмъ скорѣе можно избѣгнуть ошибокъ и неправильной передачи мысли, тѣмъ меньше поводовъ къ невѣрному истолкованію смысла сказаннаго и тѣмъ во всякомъ случаѣ легче, ибо меньше затрачивается умственнаго труда. Вотъ, быть можетъ, чѣмъ объясняется нѣкоторое сходство внѣшней формы сохранившихся образцовъ, не смотря на то, что они относятся къ разнымъ эпохамъ. Одинаковая комбинація однихъ и тѣхъ же условій приводитъ къ одному и тому же результату. И дѣйствительно, пересматривая помянутые образцы, мы изъ ихъ немногихъ, но вразумительныхъ словъ сразу можемъ видѣть все, что писавшій хотѣлъ сказать, хотя тамъ нѣтъ ни одной лишней фразы и ни одного лишняго слова. Такъ какъ обстоятельства, послужившія поводомъ къ составленію этихъ писемъ, были совершенно одинаковаго характера, то само собою понятно, что и слова, употребленныя для ихъ выраженія, должны были получить между собою почти полное сходство, ибо къ ихъ употребленію прибѣгали не люди высокой учености или литературныхъ дарованій, умѣющіе безконечно разнообразить выраженіе одной

и той же мысли, а простые еле грамотные смертные, кои, весьма можетъ быть, не мало пролили поту надъ составленіемъ и этихъ незатѣйливыхъ посланій.

Какъ бы однако ни было, мысль, что общеупотребительная вексельная форма установилась лишь долго спустя послѣ появленія векселей, находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ словахъ такихъ безспорныхъ и авторитетныхъ знатоковъ средневѣковаго состоянія торговли, какъ Скачча и Рафаэль де-Турри. Такъ, Скачча, подраздѣляя всѣ виды векселей на дозволенные и недозволенные или правильные и неправильные (cambium licitum seu iustum et cambium illicitum seu iniustum), предпосылаетъ разсмотрѣнію этого дѣленія замѣчаніе, что «тотъ родъ обмѣна наличныхъ денегъ на отсутствующія, который обыкновенно совершается посредствомъ писемъ и который вслѣдствіе частаго употребленія подобныхъ писемъ получилъ названіе per litteras, можетъ совершаться и безъ писемъ, когда купцы довѣряютъ и безъ посредства таковыхъ, а равно и чрезъ посланныхъ ..... Въ договорѣ мѣны, продолжаетъ онъ, письменная форма не составляетъ существа его, ...а лишь облегчаетъ доказываніе и быстроту исполненія договора»[153]).

Тоже утверждаетъ Рафаэль де-Турри, слѣдуя въ этомъ отношеніи Скачча и еще болѣе старинному автору *Наваррѣ*, изъ коего не мало черпаютъ всѣ послѣдующіе писатели, касавшіеся вопросовъ вексельнаго права. Говоря о возраженіяхъ, кои можно бы сдѣлать противъ его опредѣленія существа вексельной сдѣлки, де-Турри между прочимъ замѣчаетъ, что вексельныя

---

[153]) Tractatus de commerciis et cambio § 1 qu. V n. 9 и 10 «Nunc priusquam ad horum omnium cambiorum explicationem deveniam, est advertendum, quod hoc secundum genus cambij de pecunia praesenti cum pecunia absenti, quod regulariter fieri per litteras dixi supra numero 3 hacque ratione frequentis usus litterarum vocatur per litteras .... potest fieri etiam sine litteris, quando fides haberetur mercatori sine litteris; seu fieret per nuntiam, qui, quod fiat per litteras, vel sine, non pertinet ad iustitiam cambii ... quod in contractu cambii de pecunia praesenti cum pecunia absenti ... scriptura non est de essentia contractus cambii, praesertim si loquamur in foro interiori (т. е. говоря о существѣ дѣла), sed requiritur solum ad probationem, et celerum contractus executionem in foro exteriori (т. е. въ судѣ)». Въ существѣ тоже повторяется имъ въ § VI Glossa I n. 76.

письма (litteras cambii) вовсе не составляютъ элемента векселя[154]). Итакъ, еще въ XVII столѣтіи лучшіе знатоки вексельнаго права[155]) утверждаютъ, что письма не составляютъ существенной принадлежности вексельной сдѣлки и что эта послѣдняя могла совершаться, сообразно желанію контрагентовъ, въ любомъ видѣ; письма же имѣли лишь значеніе процессуальнаго удобства, ничего не прибавляя къ существу договора; но и тамъ, гдѣ они употреблялись, они точно также не были однообразны, а зависѣли отъ произвола контрагентовъ[156]).

§ 41.

Наиболѣе характеристичная черта вексельной сдѣлки, помогавшая отличать послѣднюю отъ другихъ сходныхъ съ нею сдѣлокъ, состояла именно въ обмѣнѣ денегъ, т. е. въ обмѣнѣ одного сорта денегъ на другой. По своему составу съ векселемъ довольно большое сходство имѣлъ переводъ денегъ, или иначе, приказъ уплатить данному лицу опредѣленную сумму въ извѣстномъ мѣстѣ; такого рода приказы обыкновенно писались на имя опредѣленной конторы или агента и выдавались банкирами частнымъ лицамъ, не желавшимъ везти съ собою свои деньги въ отдаленный край, а предпочитавшимъ переводить ихъ туда чрезъ банкира. Совмѣщая въ себѣ почти всѣ признаки вексельной сдѣлки, подобные приказы отличались однако отъ нея именно отсутствіемъ въ нихъ обмѣна одного сорта денегъ на другой.

Съ теченіемъ времени возроставшая и развивавшаяся торговля устанавливала болѣе частыя, тѣсныя и близкія отношенія между торговцами, вслѣдствіе чего среди нихъ легко стали складываться различные обычаи, касавшіеся области торговыхъ дѣлъ. Вексельныя сдѣлки главнымъ образомъ практиковались среди купцовъ, а потому неудивительно, что и онѣ, удовлетворяя тор-

---

[154]) Tractatus de cambiis disput. prima quaest. undecima n. 14 ... litteras Cambij non esse de substantia contractus Cambij, ut plures alii dixere».

[155]) Первое изданіе сочиненія Скача сдѣлано было въ 1614 г., а сочиненія Рафаэля де-Турри въ 1640. См. объ этомъ **Biener** Wechselrechtl. Abh. стр. 83 и его же Abhandlungen стр. 97 и 99.

[156]) Scaccia ibid. n. 10 въ кон. «.... sciendum est, quod scriptura cambij non habet certam praescriptam formam, ideoque potest diversis modis concipi».

говымъ потребностямъ этого сословія, скоро подчинились вліянію торговыхъ интересовъ и облеклись въ такія внѣшнія формы, кои наиболѣе соотвѣтствовали этимъ интересамъ. Частое же и однообразное пользованіе векселями превратило эти формы въ обычныя. Такимъ образомъ тѣже торговцы, кои путемъ непрерывныхъ сношеній и тѣснаго сцѣпленія ихъ взаимныхъ аферъ творили и упрочивали различные торговые обычаи, создали и обычныя формы векселей, а мѣстныя законодательства, когда стала созрѣвать потребность регламентированія вексельныхъ отношеній, между прочимъ, санкціонировали своимъ авторитетомъ установленныя обычаемъ вексельныя формы. Но каковы же, спрашивается, были эти формы? Довольно подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у много разъ цитированнаго уже нами Скачча.

Всѣ виды векселей онъ подраздѣляетъ на двѣ категоріи: къ первой онъ относитъ т. н. *cambium minutum seu manuale*, подъ коимъ онъ разумѣетъ обыкновенный размѣнъ денегъ, «совершаемый на одномъ и томъ же мѣстѣ и обыкновенно на мелкія суммы». Ко второй категоріи онъ относитъ тоже размѣнъ денегъ, но совершаемый въ двухъ разныхъ мѣстахъ; въ виду именно того, что размѣнъ этотъ производится не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ, онъ обыкновенно облекается въ форму письма, а потому носитъ названіе *cambium per litteras*. Эта послѣдняя категорія векселей, смотря по мѣсту, съ котораго и на которое они совершаются, распадается на два разряда. Это во первыхъ, *cambium simplex*, простой, не ярмарочный вексель, коего Скачча называетъ такъ потому именно, что что уплата по немъ происходитъ не на ярмаркѣ, а въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, напр. вексель выданъ въ Луккѣ, а платежъ по немъ назначенъ въ Миланѣ или Римѣ. Во вторыхъ, *ярмарочный вексель (cambium nundinale);* онъ или выдается на ярмаркѣ, или погашается на ярмаркѣ, или выдается на одной ярмаркѣ, а погашается на другой ярмаркѣ. Будучи ярмарочнымъ, этотъ видъ векселей подчиняется потому ярмарочнымъ срокамъ и порядкамъ. Такъ какъ въ старину ярмарки происходили сначала въ Ліонѣ, а послѣ въ Безансонѣ, то многіе называютъ эти векселя либо ліонскими, либо безансонскими. На томъ же основаніи, прибавляетъ нашъ авторъ, ихъ можно было бы назвать піаченскими, такъ какъ нынѣ (т. е. во времена Скачча) ярмарки бываютъ и въ Піачен-

цѣ; но всего лучше называть ихъ, совѣтуетъ онъ, общимъ именемъ *ярмарочныя векселя*. Оба эти вида векселей, т. е. простой и ярмарочный, могутъ содержать въ себѣ заемъ, гдѣ заимодавцемъ будетъ либо мѣняла, когда онъ выплачиваетъ размѣнную сумму прежде полученія ея равноцѣнности, либо мѣняющій, когда онъ первый выдаетъ опредѣленную сумму мѣнялѣ съ тѣмъ, чтобы получить ея равноцѣнность въ другомъ назначенномъ имъ мѣстѣ. Ярмарочный вексель совершается троякимъ способомъ: или съ обыкновеннаго города на ярмарку, или съ ярмарки на обыкновенный городъ, или съ ярмарки на ярмарку. Напр., вексель пишется въ Римѣ, а платежъ по немъ долженъ быть произведенъ на піаченской ярмаркѣ, и наоборотъ; либо вексель пишется на піаченской ярмаркѣ съ назначеніемъ платежа по немъ на Ліонской ярмаркѣ. Въ свою очередь, два названные вида векселей сообразно ихъ единичнымъ качествамъ и особенностямъ носятъ въ практикѣ и различныя названія. Такъ со стороны цѣны различаютъ векселя *al conto*; это именно тѣ векселя, платежъ по коимъ приведенъ сторонами въ соотвѣтствіе съ цѣнами, какія на данный видъ денегъ установлены магистратами какъ ярмарки, гдѣ деньги имѣютъ быть получены, такъ и города, гдѣ онѣ даны для размѣна, такъ что тутъ происходитъ двоякій разсчетъ валюты: по мѣстной цѣнѣ и по ярмарочной цѣнѣ. Напримѣръ, за полученныя векселедателемъ 100 скудъ золотомъ по мѣстной разцѣнкѣ имѣетъ быть выдана на той или другой предстоящей ярмаркѣ та же сумма по разцѣнкѣ, совершенной прошлымъ купеческимъ магистратомъ. Далѣе различаютъ векселя *all prezzo corrente*. Подъ ними, объясняетъ Скача, разумѣются векселя, совершенные послѣ установленія въ началѣ ярмарки магистратомъ цѣны на деньги. При совершеніи такихъ векселей контрагенты обязаны строго придерживаться установленной цѣны, ибо отступать отъ нея позволяется лишь въ весьма малыхъ дробяхъ, причемъ подобными документами обязываются только богатые купцы, стыдящіеся прибѣгать къ векселямъ *al conto* (§ I qu. 5. n n 2—7, 53—56 и 70).

Если затѣмъ, продолжаетъ нашъ авторъ, разсматривать векселя со стороны способа ихъ погашенія, т. е. со стороны лица, платящаго за должника, то одни векселя могутъ быть названы *свободными* (*cambium liberum*), а другіе *несвободными* или, какъ иначе называютъ ихъ, *con ricapitar le lettere sopra il datore*,

con le contation и *con la ricorsa.* Подъ *cambium liberum* разумѣются тѣ случаи, когда принимающій деньги для размѣна возлагаетъ, при помощи вексельнаго письма, на своего корреспондента или кого другаго порученіе уплатить за эти деньги, вслѣдствіе чего дающій деньги для размѣна получаетъ болѣе твердую увѣренность въ исполненіи вексельной сдѣлки на ярмаркѣ. Что касается несвободныхъ векселей, то ихъ три вида: во первыхъ, *con recapitar le lettere sopra il datore*, подъ коимъ разумѣется тотъ случай, когда векселедатель проситъ векселепринимателя, чтобъ онъ поручилъ своему корреспонденту уплатить по векселю самому себѣ. Если перевести это на болѣе простой, общедоступный языкъ, то мы получимъ такую комбинацію: предположимъ, А, имѣющій надобность въ опредѣленной суммѣ мѣстныхъ денегъ въ Руанѣ, обращется въ своемъ городѣ къ какому нибудь купцу съ просьбою доставить ему означенную сумму въ Руанѣ, ради чего уплачиваетъ тутъ же соотвѣтствующую сумму тузенными деньгами. Но у купца этого въ Руанѣ нѣтъ ни конторы, ни командитистовъ, ни корреспондентовъ, между тѣмъ какъ у А такіе корреспонденты имѣются. И вотъ обѣ стороны выходятъ изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ: А проситъ своего корреспондента въ Руанѣ быть на этотъ разъ коммиссіонеромъ названнаго купца, а этотъ послѣдній пишетъ вексель, плательщикомъ по коему назначаетъ корреспондента А. Такимъ образомъ А получаетъ отъ своего корреспондента потребную сумму, не будучи вынужденнымъ для этого доставить ему равноцѣнность, а корреспондентъ этотъ уже вѣдается съ помянутымъ купцомъ, съ коимъ такъ или иначе сводитъ счеты.

Второй видъ несвободныхъ векселей—это т. н. *векселя con le contationi.* По словамъ Скачча, этотъ видъ векселей отличается отъ предыдущаго лишь тѣмъ, что въ послѣднемъ векселедатель платитъ провизію только одному корреспонденту, а здѣсь, т. е. при векселѣ *con le contationi* онъ уплачиваетъ провизію и корреспонденту, и тому, у кого этотъ корреспондентъ возьметъ деньги тоже подъ вексель. Тутъ, стало быть, имѣется въ виду тотъ случай, когда у корреспондента своихъ денегъ не окажется и ему для выполненія возложеннаго на него порученія приходится взять потребную сумму отъ третьяго лица или когда этотъ послѣдній заемъ совершается фиктивно для полученія двойной провизіи. Наконецъ, третій видъ—это векселя *con la ricorsa.*

Отличались они отъ векселей перваго вида именно тѣмъ, что въ этихъ послѣднихъ дающій вексель просилъ ремиттента самому позаботиться объ исполненіи векселя, между тѣмъ какъ при векселяхъ *con la ricorsa* дающій деньги иначе не соглашался дать ихъ, какъ только съ тѣмъ, чтобы получающій ихъ назначилъ въ векселѣ плательщикомъ корреспондента дающаго (ibid nn. 8 и 83). Впрочемъ, практическое значеніе всѣхъ перечисленныхъ видовъ выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ виды векселей, кои ко времени Скачча въ его отечествѣ не только вполнѣ уже сложились, но отчасти получили законодательное признаніе и регламентацію въ статутѣ 1589 г. для Генуи. Въ главѣ II кн. 4 этого статута подъ заглавіемъ *De causis brevioribus*, если всѣ эти векселя не названы по имени, то тѣмъ не менѣе они перечисляются по существу ихъ содержанія [157]). Такъ какъ въ цитируемомъ сочиненіи Скачча вполнѣ отразилось современное ему положеніе вексельнаго дѣла, которое въ свою очередь смѣло можетъ быть названо результатомъ мирной работы предыдущей эпохи, то для характеристики разсматриваемаго періода времени всего цѣлесообразнѣе будетъ по возможности воспроизвести тѣ доводы и свѣдѣнія о векселяхъ, кои въ указанномъ мѣстѣ предлагаетъ этотъ писатель.

§ 42.

Мы уже видѣли, что размѣнъ денегъ онъ дѣлитъ на простой обмѣнъ однихъ денегъ на другія безъ помощи вексельнаго письма, называя таковой обмѣнъ *cambium minutum*, и на размѣнъ при помощи письма, который онъ называетъ *cambium nundinale* или *non nundinale*. Первый производится на одномъ и томъ же мѣстѣ, но можетъ быть совершенъ и въ двухъ разныхъ мѣстахъ, не нуждаясь, впрочемъ, для этого въ вексельномъ письмѣ.

---

[157]) Названный здѣсь документъ помѣщенъ у Martens цит. соч. приложенія стр. 40; текстъ его воспроизводится у Скачча § 7 Gl. I, причемъ тутъ же помѣщено нѣсколько комментарій къ нему. «In causis cambiorum et recambiorum, говорится въ этомъ документѣ, de quibus constet per litteras cambii scriptas, vel subscriptas et acceptatas, vel quae redierint cum protestatione, vel de quibus cambiis et recambiis constet per partitam scripam in cortulariis Sancti Georgii, vel in cartulario cambiorum etc.., teneatur magistratus» и т. д.

Что касается размѣна при посредствѣ вексельнаго письма, то cambium non nundinale по существу своему, говоритъ Скачча, имѣетъ много сходнаго съ *cambium minutum*. Во первыхъ, и тотъ и другой размѣнъ должны быть названы реальными, ибо въ нихъ происходитъ дѣйствительный и непосредственный обмѣнъ денегъ на другія. Съ точки зрѣнія каноническаго ученія о процентахъ это самый желательный и самый безобидный размѣнъ, ибо тутъ не можетъ быть мѣста процентамъ, а контрагентъ возвращаетъ другому дѣйствительно полученное отъ него, удерживая къ свою пользу лишь вознагражденіе за трудъ. Вотъ почему Скачча, ссылаясь на тогдашніе ученые авторитеты, называетъ этотъ видъ размѣна *verum*, *licitum* и *justum*. Во вторыхъ, они сходны въ томъ, что оба одинаково полезны и необходимы для государства, и, въ третьихъ, они совпадаютъ въ томъ отношеніи, что въ обоихъ участвуютъ не мнимыя, а дѣйствительныя, реальныя лица. Различаются же они между собою 1) тѣмъ, что *cambium minutum* совершается на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ перерыва во времени (incontinenti), а потому и безъ посредства письма, тогда какъ *cambium non nundinale* требуетъ для себя опредѣленнаго промежутка времени, заканчивается не въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается, потому нуждается въ письмѣ. Такъ какъ первый видъ размѣна начинается и заканчивается на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ перерыва, то при немъ не можетъ имѣть мѣсто заемъ, а стало быть, и проценты, вслѣдствіе чего онъ называется *cambium purum*, между тѣмъ какъ второй видъ, благодаря входящему въ его составъ разстоянію во времени, содержитъ въ себѣ примѣсь займа, а потому называется *cambium impurum*.

2) Второе различіе между ними состоитъ въ томъ, что при *cambium minutum* мѣняла сначала получаетъ отъ мѣняющаго деньги, а затѣмъ выдаетъ ему ихъ эквивалентъ, или, по меньшей мѣрѣ, оба эти моменты такъ близки другъ отъ друга, что трудно опредѣлить, который изъ нихъ слѣдуетъ за другимъ; между тѣмъ *cambium non nundinale* не можетъ быть осуществлено непосредственно и на одномъ и томъ же мѣстѣ, а совершаясь при посредствѣ письма, требуетъ такого промежутка времени, какой необходимъ для доставленія письма на мѣсто назначенія. Отсюда по необходимости входитъ въ этотъ размѣнъ элементъ кредита, довѣрія, ибо кто раньше даетъ съ тѣмъ, чтобы по-

лучить таковое въ другомъ мѣстѣ, тотъ становится кредиторомъ и занимаетъ мѣсто покупателя, а кто полученное имѣетъ выдать въ этомъ другомъ мѣстѣ по истеченіи извѣстнаго времени, тотъ является должникомъ и какъ-бы продавцомъ. «Когда я, поясняетъ Скачча, прошу перевести мнѣ 100 скудъ въ Римъ, то я поступаю какъ покупатель, желающій купить эти скуды въ Римѣ, а потому подобно покупателю обязанъ прежде уплатить покупную цѣну, а потомъ получить купленную вещь».

3) Третье различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ *cambium minutum* участвуютъ только два лица, а *cambium nundinale* совершается при участіи трехъ, а иногда и четырехъ лицъ, смотря по тому, долженъ ли платежъ быть совершенъ лично самому кредитору или, по его порученію, третьему лицу; ибо если платежъ имѣетъ быть совершенъ тому же лицу, которое дало деньги, то участвуютъ только три лица, а именно: дающій деньги, принимающій эти деньги для размѣна и выплачивающій, по порученію этого послѣдняго, тому, кто далъ деньги. Если же уплата должна быть произведена не тому, кто далъ деньги, а другому лицу, тогда имѣютъ участіе четыре лица, а именно къ тремъ перечисленнымъ присоединяется тотъ, кто имѣетъ получить платежъ (ibid nn. 28—35). Для поясненія изложеннаго Скачча приводитъ рядъ примѣровъ, изъ коихъ мы наудачу возьмемъ два. Испанецъ, имѣющій вести процессъ въ папскомъ судѣ (in sacra Rota Romana), гдѣ судопроизводство не отличается быстротою, желаетъ ѣхать въ Римъ и взять съ собою приличный кушъ денегъ. Во избѣжаніе опасностей, неудобствъ и значительныхъ издержекъ, съ коими сопряжена дѣйствительная перевозка денегъ, а равно для отвращенія потерь отъ утраты монетою своей цѣны, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она можетъ вовсе не имѣть ходу, а въ другихъ цѣниться ниже своего номинальнаго достоинства, онъ обращается въ своемъ отечествѣ или въ томъ мѣстѣ, откуда выѣзжаетъ, къ мѣнялѣ, имѣющему торговыя связи съ Римомъ, и выплачиваетъ этому мѣнялѣ цѣну тѣхъ денегъ, кои желаетъ получить въ Римѣ, беря отъ него взамѣнъ вексельное письмо (ibid n. 36). Другой примѣръ. Испанскому королю для веденія войны противъ Бельгіи нужно двѣнадцать милліоновъ дукатовъ (nummorum aureorum). Два или три изъ именитѣйшихъ генуэзскихъ купцовъ, прослышавъ о желаніи короля, обращаются къ его министрамъ и пред-

лагаютъ ему свои услуги, обязываясь выплатить королю всю означенную сумму въ опредѣленныхъ мѣстахъ и опредѣленные періоды времени. Въ свою очередь король обѣщаетъ имъ въ назначенные промежутки времени и въ назначенныхъ мѣстахъ Испаніи и Португаліи (Lusitaniae) уплатить стоимость этихъ дукатовъ; во исполненіе этого обѣщанія онъ даетъ имъ письма, въ коихъ поручаетъ чиновникамъ названныхъ мѣстъ въ свое время ассигновать и уплатить помянутымъ купцамъ стоимость означенныхъ дукатовъ. Тутъ, говоритъ онъ, мы имѣемъ дѣло съ *cambium reale u sine nundinis.* Само собою разумѣется, что купцы эти остаются не безъ выгоды, ибо получаютъ вознагражденіе какъ за издержки перевозки денегъ, такъ и за страхъ этой перевозки. Но названные два купца не располагаютъ такимъ огромнымъ количествомъ денегъ, а потому вынуждены посредствомъ векселей добывать ихъ отъ частныхъ лицъ, коимъ изъ получаемыхъ отъ короля прибылей выплачиваютъ вексельный интересъ. Эти векселя относятся именно къ разряду тѣхъ, въ коихъ мѣняла прежде даетъ, а потомъ получаетъ, а потому Скачча заодно съ Наваррою причисляетъ ихъ къ подозрительнымъ. Изложивъ этотъ послѣдній примѣръ, Скачча прибавляетъ, что описанный договоръ, носящій въ Италіи названіе *partitum*, а въ Испаніи — *assientos*, заключенъ былъ нѣкоторыми богатѣйшими купцами, преимущественно генуэзцами, съ испанскимъ королемъ, и что онъ долженъ быть названъ justus, такъ какъ въ немъ дѣйствительно имѣются истинныя издержки, трудъ и страхъ (ibid n. 39).

Изложенные примѣры разсчитаны были на указаніе тѣхъ случаевъ, въ коихъ примѣнялся неярмарочный вексель; но затѣмъ Скачча приводитъ нѣсколько случаевъ изъ практической жизни для ознакомленія читателя съ тою письменною формою, какая была употребительна въ названнаго рода векселяхъ. Вотъ, напр., формула векселя, въ коемъ фигурируютъ только три лица: «Pagate per me al portator di questa ducati cento per altri tanti havuto». (т. е. уплатите вмѣсто меня предъявителю сего сто дукатовъ, полученныхъ иною монетою соотвѣтственной цѣны). А вотъ еще такой же вексель, взятый Скачча у Іоанна Азорія: «Hisce primis litteris visis, et perlectis, solvas Titio, vel Iulio ejus filio, vel procuratori, centum aureos, quia hic Romae ab eo totidem accepi» (т. е. по разсмотрѣніи и прочтеніи тобою этого

перваго экземпляра письма [векселя] уплати Тицію или сыну его Юлію или ихъ повѣренному сто дукатовъ, такъ какъ я здѣсь въ Римѣ столько же получилъ). Вексель этотъ адресованъ былъ изъ Рима въ Ліонъ и является, какъ и предыдущій вексель, простѣйшею формою вексельнаго письма, ибо тутъ участвуютъ три лица и мѣняла получилъ деньги для размѣна до выдачи письма. Что касается формулы векселя, въ коемъ участвуютъ четыре лица, то нашъ авторъ заимствовалъ ее изъ consilia Балда (именно 348 cons). Мы уже имѣли случай ознакомиться съ нею въ первой главѣ. Вотъ ея текстъ: Pagate per questa prima à di 9 Ottobre à Luca de Goro lib. 45 sono per la valuta, qui da Masio Rena, al tempo li pagate et ponete a mio conto, et R. che Christo vi guardi. Bonromeo de Bonromei salute, di Milano à di 9. di Marzo 1325. На оборотѣ Alexandro de Bonromei, et Domenico a'Andrea Inurea prima de li. 45», (т. е. уплатите по этому первому экземпляру 9 октября Лукѣ де Горо 45 ливровъ, стоимость коихъ мною получена отъ Мазіо Рена. Уплатите въ срокъ и запишите на мой счетъ, и да хранитъ васъ Христосъ. Бонромео отъ Бонромео привѣтъ. Миланъ. 9 марта 1325 г.). Приводя этотъ образецъ, я могу лишь, во избѣжаніе повторенія сказаннаго, отослать читателя къ тому, что по поводу того же векселя сказано было раньше въ первой главѣ. Только что изложенный текстъ есть образецъ векселя, въ коемъ наглядно участвуютъ четыре лица. Но бывали векселя, въ коихъ по внѣшности участвовало только три лица, на самомъ же дѣлѣ ихъ было четыре. Это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда одно и тоже лицо управляло дѣлами и векселедателя и векселеполучателя.

Въ качествѣ образца подобнаго сочетанія обстоятельствъ Скачча приводитъ слѣдующій вексель: «Al nome de Dio Amen, à dì 1. de Febraro 1381. «Pagate per questa prima littera ad usanza à voi medesimo libro 43 de grossi, sono per cambio de ducati 440. c'hò riceuuto da Seio. Sempronio à Titio. (т. е. Во имя Господа аминь. 1-го февраля 1381 г. Заплатите по этому первому экземпляру векселя, согласно обычаю, вамъ самимъ 43 ливра грошей, которые мною для размѣна получены отъ Сея въ суммѣ 440 дукатовъ. Семпроній Тицію) (ibid. 40, 41, 42 и 44). Здѣсь въ одномъ лицѣ соединяется и плательщикъ и получатель. Тицій, заправляя дѣлами векселедателя Семпронія и собственника валюты

Сея, уплачиваетъ самому себѣ только по внѣшности. На самомъ же дѣлѣ онъ производитъ платежъ какъ уполномоченный Сея, такъ что въ дѣйствительности тутъ имѣется четыре лица, изъ коихъ два лишь случайно слились въ одномъ [158]).

Всѣ изложенные образцы разсчитаны на то, чтобы наглядно показать, какъ въ дѣйствительности составлялись обыкновенные векселя, коихъ Скачча называетъ *cambium non nundinale*. Но спрашивается, чѣмъ же отличались отъ нихъ векселя ярмарочные? На этотъ вопросъ нашъ авторъ даетъ столь же ясный и обстоятельный отвѣтъ, какъ и на вопросъ о томъ, что такое обыкновенный вексель. Ярмарочный вексель, говоритъ онъ, имѣетъ сходство съ послѣднимъ въ троякомъ отношеніи. И тотъ, и другой должны быть отнесены къ разряду векселей дѣйствительныхъ, т. е. имѣющихъ своимъ содержаніемъ дѣйствительный размѣнъ денегъ (cambium reale), а потому съ точки зрѣнія каноническаго права дозволенныхъ. Во вторыхъ, и тамъ и тутъ купецъ, дающій свои деньги для размѣна, считается покупателемъ, ибо покупаетъ скуды марки (emit scutos marcharum), а принимающій эти деньги признается продавцомъ, ибо продаетъ скуды марки. Въ третьихъ, и тамъ, и тутъ существуетъ соотвѣтствіе между дѣйствительною стоимостью продаваемаго и полученною за него цѣною. Но различаются они между собою только тѣмъ, что въ обыкновенныхъ векселяхъ не обозначенъ срокъ платежа по нимъ, ибо по тогдашнему состоянію путей сообщенія нельзя было не только съ точностью, но и приблизительно опредѣлить, въ какой срокъ вексельное письмо будетъ доставлено по назначенію, между тѣмъ какъ въ ярмарочныхъ

---

[158]) **Martens** ц. с. стр. 44 безъ всякаго видимаго основанія утверждаетъ, будто Скачча приводитъ этотъ вексель, какъ образецъ cambio con la ricorsa, на что справедливо указалъ и **Biener** Abban. стр. 150, но и онъ столь же неправъ, утверждая, будто Скачча неясно указалъ, что здѣсь одно лицо играетъ двоякую роль. Совершенно наоборотъ, какъ уже выше въ текстѣ указано, Скачча очень ясно говоритъ, что Тицій управляетъ дѣлами и Семпронія, и Сея, а потому распоряженіе, чтобы Тицій уплатилъ самому себѣ, вполнѣ ясно и естественно и ни въ какомъ исправленіи не нуждается. Въ виду этого едва ли можно принять предлогаемую Бинеромъ замѣну словъ **voi medesimo** словами **pagate à Sejo**; такая замѣна совершенно исказила бы смыслъ векселя и намѣреніе контрагентовъ, изъ коихъ Сей отнюдь не желалъ самъ получить деньги, а, очевидно, имѣлъ въ виду доставить своему управляющему нужныя ему деньги для устройства дѣлъ самого Сея.

этотъ срокъ обозначенъ и равняется промежутку времени, остающемуся до слѣдующей ярмарки (ib. nn. 45 и 46).

Затѣмъ Скачча излагаетъ рядъ случаевъ, въ коихъ ярмарочный вексель является самымъ полезнымъ средствомъ удовлетворенія нуждамъ не только торговцевъ, но и людей иныхъ профессій, когда у нихъ является надобность въ иноземныхъ деньгахъ, хотя эти случаи онъ приводитъ въ подтвержденіе чрезвычайной полезности мѣняльнаго промысла. Предположимъ, говоритъ онъ, что ты, имѣя 200 скудъ въ Генуѣ, хочешь перевести эту сумму въ Неаполь. Если пожелаешь воспользоваться для этого обыкновеннымъ векселемъ, то мѣняла дастъ тебѣ за эти 200 скудъ въ Неаполѣ только 160. А потому ты посредствомъ векселя переводишь означенную сумму изъ Генуи на піаченцскую ярмарку, а оттуда тѣмъ же путемъ дѣлаешь переводъ на Неаполь, что̀ называютъ *de reditu nundinarum*. При помощи этихъ двухъ векселей ты получаешь въ Неаполѣ не только 200 скудъ, но и нѣсколько болѣе. Таковъ первый случай, въ коемъ польза ярмарочныхъ векселей проявляется съ очевидностью. Но вотъ второй случай. Отъ имени жителя Генуи ты ведешь въ Римѣ процессъ въ папскомъ судѣ (in Sacrae Rotae tribunali) и тратишь свои сто скудъ на уплату вознагражденія защитникамъ (sollicitatoribus), повѣреннымъ, адвокатамъ, писцамъ и т. п.; затѣмъ вдругъ оказывается, что эти 100 скудъ тебѣ нужны самому. Слѣдуя предварительному разрѣшенію, данному тебѣ означеннымъ генуэзцомъ, чтобы ты возвратилъ себѣ свои расходы путемъ векселя, ты берешь эти деньги подъ вексель на піаченцскую ярмарку, ибо этимъ путемъ ты быстро получаешь удовлетвореніе, да и генуэзцу это выгодно, такъ какъ благодаря этому, онъ уплачиваетъ тебѣ съ меньшими потерями и съ большимъ удобствомъ. Получивъ названные 100 скудъ подъ вексель, ты увѣдомляешь объ этомъ генуэзца съ тѣмъ, чтобъ онъ погасилъ этотъ вексель на ярмаркѣ. Третій случай. Генуэзскій купецъ желаетъ перевести изъ Генуи десять тысячъ скудъ въ Мессаны, чтобы тамъ заняться торговлею шелковыми товарами; но въ Генуѣ онъ не находитъ желающаго сдѣлать этотъ переводъ, или если они и имѣются, то предлагаютъ чрезвычайно убыточныя условія. Вотъ почему онъ названную сумму переводитъ на предстоящую піанченцскую ярмарку и оттуда уже легко и безъ убытка переводитъ (ex reditu nundinarum) на Мес-

сану. Еще примѣръ. Миланецъ переводитъ посредствомъ векселя 2000 скудъ на будущую ближайшую ярмарку въ Піаченцѣ. Въ промежуточное, между тѣмъ, время ему понадобилось 1500 скудъ въ городѣ Неаполѣ, гдѣ онъ занимается торговлею. А потому онъ беретъ эту сумму подъ вексель на ту же ярмарку, гдѣ изъ полученныхъ 2000 скудъ, переведенныхъ туда посредствомъ векселя, уплачиваетъ 1500 скудъ, должныхъ имъ тоже по векселю. Наконецъ, можетъ получить мѣсто такая комбинація обстоятельствъ. Генуэзецъ имѣетъ въ Генуѣ тысячу скудъ; онъ не желаетъ помѣстить ихъ ни въ товаръ, ни въ вѣрную и доходную покупку, но и не желаетъ также оставить ихъ безъ употребленія. А потому онъ отдаетъ ихъ подъ вексель на ярмарку въ Піаченцѣ съ порученіемъ перевести ихъ къ нему обратно въ Геную или въ иное мѣсто, но съ причитающимися на вексель выгодами и прибылью (ibid 47—51).

Предложивъ эти примѣры для поясненія полезности мѣнялъ и выгодности ярмарочныхъ векселей и указавъ два вида послѣднихъ, именно *al conto* и *al prezzo corrente*, о коихъ рѣчь была уже выше, онъ приводитъ затѣмъ случай и образецъ ярмарочнаго векселя. Случай этотъ слѣдующій: Петръ, торговавшій на базарѣ въ Піаченцѣ и всѣми считавшійся настолько состоятельнымъ, что онъ въ состояніи уплатить не только 101 скуду, но и болѣе, спрашиваетъ у Франциска, не можетъ ли онъ дать ему, Петру, подъ вексель до слѣдующей ближайшей ярмарки всѣхъ святыхъ сто скудъ золотомъ. Францискъ соглашается и даетъ ему требуемую сумму, считая каждую скуду марокъ равною 67 сольдамъ. Петръ, принявъ эти сто скудъ, пишетъ Франциску вексельное письмо такого содержанія: «1614. 21 Ottobre. in Genoua.

scut. 101. 9. 9. de marche.

A pagamenti di fiera prossima de Santi pagate per questa prima di cambio a Seio scudi 101. 9 et 9 de marche per la valuta, hauuta di contanti da Francesco; ponete à nostro conto, à Dio.

Pietro.

A Titio.

Piacenza per fiera de Santi».

(т. е. 1614 г. октября 21. Женева. 101 скуда 9 сольдовъ и 9 денаровъ марки. Въ платежные дни ближайшей ярмарки всѣхъ святыхъ уплатите по этому первому экземпляру векселя Сею 101 скудъ 9 сольдовъ и 9 денаровъ по ярмарочному счету (de marche)

на основаніи полученной отъ Франчески валюты; запишите на нашъ счетъ. До свиданія. Петръ Тицію. Піаченца на ярмарку святыхъ).

Нужно замѣтить, поясняетъ далѣе нашъ авторъ, что этого рода векселя пишутся въ двухъ, трехъ и болѣе экземплярахъ съ совершенно одинаковымъ текстомъ и съ тою лишь разницею, что въ одномъ говорится *per questa prima*, въ другомъ *per questa seconda*, въ третьемъ *per questa terza* и т. д., или въ каждомъ изъ нихъ вообще говорится: *pagate per una volta sola* (уплатите только единажды). Всѣ эти экземпляры выдаются на руки тому, кто далъ деньги подъ вексель, и притомъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ утраты какого-либо экземпляра, ремиттентъ могъ воспользоваться однимъ изъ остающихся. Въ ярмарочныхъ векселяхъ можетъ принимать участіе три, а равно и четыре лица. Изъ нихъ два вступаютъ въ вексельную сдѣлку на мѣстѣ совершенія векселя, именно дающій подъ вексель и принимающій подъ вексель, а остальные два примыкаютъ къ сдѣлкѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ быть исполнена; изъ нихъ одинъ является, по порученію должника, плательщикомъ, а другой—тотъ, кому кредиторъ пишетъ, чтобъ онъ получилъ платежъ. Въ примѣненіи къ вышеприведенному образцу первому лицу соотвѣтствуетъ Францискъ, второму Петръ, третьему Тиціій, а четвертому Сей. Такіе векселя съ четырьмя участниками считаются съ точки зрѣнія каноническаго права нормальными, а потому дозволенными. Но число участниковъ въ нихъ съ четырехъ можетъ быть сведено къ тремъ и даже къ двумъ. Это получаетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда доставитель валюты, въ приведенномъ примѣрѣ Францискъ (кредиторъ), имѣетъ въ виду самъ пріѣхать на ярмарку; тогда получателемъ онъ назначаетъ въ векселѣ самого себя; равнымъ образомъ, когда должникъ, въ нашемъ примѣрѣ Петръ, имѣетъ такое же намѣреніе, то плательщикомъ онъ назначаетъ самого себя. Если же оба они разсчитываютъ быть на ярмаркѣ, то одинъ назначаетъ себя плательщикомъ, а другой получателемъ платежа, такъ что въ векселѣ является только два дѣйствительныхъ участника, между тѣмъ какъ, судя по внѣшности, въ немъ имѣется четыре участника. Но случается, что получателемъ платежа въ векселѣ назначенъ самъ кредиторъ, въ нашемъ примѣрѣ Францискъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній по полученіи векселя раздумалъ ѣхать на ярмарку, а рѣшилъ поручить полученіе платежа

Сею, который въ векселѣ не значится. Тогда онъ, Франциск&ъ, по наступленіи ярмарки и дней разсчета (*die spacci*) посылаетъ тому же Сею на ярмарку названный вексель съ надлежащею довѣренностью на полученіе платежа и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ ему увѣдомительное письмо — *littera d'aviso* seu *de spaccio* согласно слѣдующей формѣ: «1614 à 27. Ottobre in Genoua».

«Magn. hon. In contesta fiera di Santi vi rimetto per mio conto scudi 101. 9 et 9 da Titio per lettera di Pietro, ne procurate accetatione, et pagamento, dantomene credito, et facendomene rimessa qua per vostra littera, o d'altri sopra di voi, leuandone la vostra prouisione d'un terzo, et undecena de gabella. A Dio. Francesco à Seio. Piacenza.» т. е. 1614 г. октября 27 Женева. Милостивый Государь! Въ настоящую ярмарку святыхъ Вы имѣете получить за мой счетъ 101 скуду 9 сольдовъ и 9 денаровъ отъ Тиція по векселю Петра, позаботьтесь о принятіи (векселя) и платежѣ по немъ, согласно данной мною довѣренности, и переведите полученное мнѣ обратно посредствомъ вашего или иного векселя, удержавъ причитающуюся Вамъ провизію $^1/_3$ (вѣроятно, процента) и одиннадцатипроцентный налогъ. До свиданія. Франциск&ъ Сею. Піаченца).

Такимъ же порядкомъ должникъ посылаетъ назначенному въ его векселѣ плательщику увѣдомительное письмо *littera d'aviso* seu *de spaccio*) о предстоящемъ ему платежѣ, придерживаясь при этомъ слѣдующей формулы; «1614 à 27 Ottobre, Genoua.

«Magn. hon. come vedrete per mei di cambio, ut hò tratto scudi 101. 9 et 9 in Seio, contimi da Francesco, sarete contento pagarli, darmente debito, et con vostre spese valeruene qua da me, che li compiro. Dio vi guardi. Pietro à Titio. Piacenza». (т. е- 1614 г. октября 27 Женева. М. Г. какъ усмотрите изъ моего векселя, я перевожу 101 скудъ 9 с. и 9 д. Сею, переданные мнѣ Франческо, а потому соблаговолите уплатить помянутый долгъ и съ вашими издержками перевести мнѣ сюда, чтобъ я ихъ тутъ уплатилъ. Да хранитъ Васъ Богъ. Петръ Тицію. Піаченца). Ibid. nn. 71—78.

Приведя эти образцы увѣдомительныхъ писемъ, носившихъ названіе *aviso* или *de spaccio* ***), Скачча замѣчаетъ, что объ нихъ

***) Рафаэль де Турри (disp. secunda qu, prima nn. 10, 11 и 12) даетъ нѣсколько иное объясненіе слову spaccium, которое онъ пишетъ

весьма опредѣленно упоминается уже въ Decisiones Rotae Genuae, а равно у Іоанна Баптиста Лупуса и у нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ писателей. Принимая во вниманіе, что *Decisiones Rotae Genuae* суть сборникъ рѣшеній, составленный еще въ 16-мъ столѣтіи [159]), что писатели Лупусъ и др. жили ранѣе Скачча, что обычай посылать увѣдомительныя письма къ 16-му столѣтію уже достаточно укрѣпился, слѣдуетъ думать, что aviso или spaccium были извѣстны задолго до конца 16-го и начала 17-го столѣтія, когда жилъ и писалъ Скачча, а это обстоятельство безспорно свидѣтельствуетъ въ пользу огромнаго развитія векселей въ разсматриваемомъ періодѣ.

Возвратимся однако къ историческимъ даннымъ, изложеннымъ въ цитированной книгѣ Скачча. Эти данныя имѣютъ для насъ тѣмъ бо́льшую цѣну, что даютъ легкую возможность про-

---

spacchium, при чемъ онъ предостерегаетъ читателя отъ неправильнаго будто бы объясненія этого термина со стороны Скачча. По де Турри spacchium было родъ частныхъ писемъ, весьма употребительныхъ между купцами ярмарокъ. Въ этихъ письмахъ перечислялись въ частности всѣ тратты и римессы, кои адресованы на ярмарку или съ ярмарки на имя того, кому писалось такое увѣдомительное письмо. Тутъ съ точностью обозначались и лица, относящіяся къ тому или другому изъ отдѣльныхъ траттъ и римессъ, и отдѣльные римессы. Такъ какъ тѣ и другіе векселя рѣдко уравновѣшивали другъ друга своими общими итогами, т. е. рѣдко когда случалось, чтобъ общая сумма, на которую выданы прямыя тратты, равнялась такой же суммѣ римессъ, при чемъ являлась бы возможность взысканною по первымъ векселямъ суммою покрывать сумму, имѣющую быть уплаченною по римессамъ, то отправитель spacchium въ этомъ послѣднемъ дѣлалъ распоряженія или давалъ указанія, какъ поступать относительно пополненія оказывающагося недочета. Что касается **litterae advisii,** то самъ де-Турри говоритъ, что они мало чѣмъ отличаются отъ spacchiis, ибо они предназначались для той же цѣли, какъ и spaccia, такъ что въ сущности разница между ними только въ названіи. Въ дѣйствительности, говоритъ Турри, различіе состоитъ лишь въ томъ, что litterae advisii употребляются въ векселяхъ неправильныхъ (подъ коими онъ разумѣетъ cambia non nundiale), адресуемыхъ съ одного торговаго мѣста на другое (in Plateis pro Plateis) и что въ нихъ нѣтъ перечня траттъ и римессъ, какъ это дѣлается въ увѣдомительныхъ письмахъ, адрессуемыхъ съ ярмарки или на ярмарку, а говорится лишь объ одномъ какомъ-либо векселѣ, относящемся къ адресату. Такія письма посылались съ тѣмъ, чтобъ увѣдомить плательщика, что ему имѣетъ быть предъявленъ такой-то вексель для принятія и платежа и что онъ долженъ по совершеніи платежа поступить такимъ-то образомъ.

[159]) См. **Biener** Wechselr. Abh стр. 82.

слѣдить вексельныя отношенія въ ихъ дѣйствительномъ практическомъ примѣненіи, что они изображаютъ не одинъ простой оставъ векселя, а вексель со всѣми его аттрибутами и обстановкою, рисуютъ всю его бытовую сторону, весь его, такъ сказать, организмъ съ плотью и кровью. Приводимые имъ факты въ высшей степени упрощаютъ дѣло и облегчаютъ пониманіе многихъ явленій въ области вексельнаго оборота, кои безъ этихъ фактовъ имѣютъ почти загадочный характеръ.

Мы ознакомились выше съ двумя формулами увѣдомительныхъ писемъ, адресуемыхъ ремиттентомъ и векселедателемъ плательщику и получателю платежа. На эти письма означенные адресаты отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: плательщикъ Тиціи пишетъ Петру, должнику.

«1614 à 8 Nouembre, in Piacenza.

«Magn. hon. per risposto del vostro spaccio, hauuto in qeusta fiera de'Santi, dirò haueruida ò debito de scudi 101. 9. 9. çhe mi hauete tratti in Seio per la valuta de Francesco, è più scudi 0. 6 per mia provisione, et scudi 0. 2 di gabella de cambij che in tutto sono scudi 101. 18. 5. li qualí vi ho tratto à sol. 69. in lo mio Titio de costi per li 24. di qesto, che pagarete, saldandone il conto. Titio. A Pietro. Genoua» (т. е. 1614 г. ноября 8. Піаченца. М. г. Въ отвѣтъ на Ваше увѣдомительное письмо, полученное въ нынѣшнюю ярмарку всѣхъ святыхъ, скажу, что приписалъ къ вашему долгу 101 скуду 9 и 9, которые Вы перевели на меня для уплаты Сею за валюту Франческо; сверхъ того 0. 6 скуды слѣдующей мнѣ провизіи и 0. 2 скуды вексельнаго налога, что въ общемъ составляетъ 101 скуду 18 сольдовъ и 5 денаровъ, каковую сумму я перевелъ по 69 сольдовъ туда съ тѣмъ, чтобы Вы уплатили 24 ноября, на чемъ и заключите счетъ). Ibid. n. 79.

По совершеніи этого повѣренный Франческо Сей, получивъ отъ Тиція сумму въ 101 скуду 9 и 9 и вычтя изъ нея причитающіеся ему провизію и вексельный налогъ, даетъ на піаченцской ярмаркѣ Антонію 101 скуду 1 сольдъ и 1 денаръ по счету на марки и по 69 сольдовъ за скуду для обмѣна ихъ въ городѣ Женевѣ, въ удовлетвореніе чего Антоній выдаетъ Сею вексель, въ коемъ поручаетъ Мевію, проживающему въ томъ же городѣ, уплатить Франческо полученную отъ Сея сумму. Формула этого векселя слѣдующая: «1614 à 5 di Nouembre, in Piacenza. Scudi

101. 1 et 1. A 24. del presente pagate per questa prima di cambio à Francesco scudi 101. 1 et 1. à sol. 69. per scudo, in scudi d'argento, conforme al decreto de Serenissimo Senato, per la valuta hanuta da Sei, et ponete, come s'avisa. Adio. Antonio. A Maevio, Genova». (1614 г. ноября 5. Піаченца. 101 скуда 1 сольдъ и 1 денаръ. 24-го сего мѣсяца уплатите по этому первому экземпляру векселя Франческо 101 скуду 1 и 1 по 69 сольдовъ за скуду, въ скудахъ серебра, согласно декрету сіятельнѣйшаго сената, такъ какъ валюта получена отъ Сея, и затѣмъ поступите, какъ въ увѣдомительномъ письмѣ сказано. До свиданія. Антоній Мевію въ Женевѣ). Сей, получивъ этотъ вексель, посылаетъ его къ Франческо ко дню предстоящаго ярмарочнаго акцепта векселей вмѣстѣ съ увѣдомительнымъ письмомъ, въ коемъ говоритъ, что причитающіяся Франческо деньги онъ отдалъ по такой-то цѣнѣ Антонію подъ вексель и что по этому векселю означенную сумму имѣетъ уплатить ему, Франческо, проживающій въ Женевѣ Мевій. По прибытіи этихъ писемъ Франческо требуетъ уплаты на ихъ основаніи 101 скуды 1 сольда и 1 денара. Такимъ образомъ, Франческо, прибавляетъ Скачча, путемъ указанныхъ прямаго и возобновленнаго векселей получилъ въ общей сложности прибыли 2 скуды серебромъ, 10 сольдовъ и 10 денаровп (ibid. nn. 80 и 81).

§ 43.

Говоря о различныхъ видахъ вексельной сдѣлки, выработавшихся въ разсматриваемый періодъ, нельзя умолчать о такъ называемыхъ *cambia sicca* не потому, чтобъ они играли какую-либо выдающуюся роль въ дѣлѣ развитія векселя, но потому, что они своимъ возникновеніемъ и существованіемъ мозолили глаза богословамъ и канонистамъ, служа прикрытіемъ столь ненавистныхъ послѣднимъ процентовъ. Въ сущности сдѣлки эти не были векселями въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. не были обмѣномъ одного сорта денегъ на другой, имѣющій быть выданнымъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ; они были простыми денежными займами, чаще всего сопутствуемыми платежомъ весьма крупныхъ процентовъ [160]). Чтобъ укрыться отъ преслѣдованія

[160]) Громадный размѣръ процентовъ, который позволяли себѣ брать мѣнялы въ Италіи, не могъ не вызвать репрессивныхъ мѣръ со стороны

канонистовъ, чтобы болѣе или менѣе удачно отвести послѣднимъ глаза, мѣнялы придумали ехидную уловку, на первыхъ порахъ не только поставившую ихъ внѣ страха наказанія за взиманіе процентовъ, но и стяжавшую имъ благоволеніе и защиту самихъ канонистовъ. Своимъ займамъ они начали придавать форму векселя, прикрывая взимаемые ими крупные проценты разноименностью монетъ. Дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: давая въ долгъ одинъ видъ денегъ, они заставляли писать себѣ вексель, въ коемъ векселедатель обязывался уплатить полученную сумму другимъ сортомъ денегъ по той цѣнѣ, какую этотъ сортъ имѣетъ въ извѣстномъ мѣстѣ, напр. въ Венеціи. Такимъ образомъ открылась вполнѣ безопасная и легкая возможность маскировать всякіе проценты разницею въ курсѣ. Попреки и нареканія за подобные изворотливымъ мѣнялъ привелось на свободѣ пользоваться плодами своего хитраго маневра.

тамошнихъ правительствъ. Какъ великъ долженъ былъ быть этотъ размѣръ, можно судить изъ того, что въ 1420 г. магистратъ Флоренціи предписалъ взимать не болѣе 25% и съ цѣлью противодѣйствовать возроставшему ростовщичеству рѣшилъ пригласить въ этотъ городъ евреевъ съ тѣмъ, чтобъ они брали не больше 20%. См. **Martens** ц. с. стр. 40 прим. **c.** Если 25 и 20% самимъ правительствомъ признавались настолько умѣренными процентами, что имъ можно было предоставить судебную защиту, то легко себѣ представить, до какой громадной величины долженъ былъ возрасти размѣръ недозволенныхъ процентовъ.

[161]) **Martens** цит. с. стр. 41, гдѣ въ прим. **e** приведено достословное извлеченіе изъ этого ордонанса.

Бдительное око охранителей силы и неприкосновенности канонического ученія о процентахъ скоро проникло эти махинаціи и оцѣнило ихъ по достоинству. Правда, названіе *cambium*, копмъ банкиры прикрывали свои ростовщическіе займы, за этими послѣдними осталось, но въ отличіе отъ векселей нормальныхъ эти симулированные векселя стали называть или *мертвыми (cambia mortua)* или *сухими (cambia sicca*, quae non habent humorem) [162]), причемъ послѣднее названіе было самымъ употребительнымъ. Объясняется оно тѣмъ, что, по воззрѣнію писателей среднихъ вѣковъ, плоды, т. е. право на вознагражденіе за трудъ и страхъ, могли давать только векселя настоящіе, нормальные. Векселя же симмулированные, прикрывавшіе простой процентный заемъ, не содержали въ себѣ главнаго элемента векселей, именно обмѣна денегъ наличныхъ на иноименныя отсутствующія, а потому не могли приносить и вексельныхъ плодовъ, обусловленныхъ именно трудомъ и рискомъ перевозки денегъ съ мѣста на мѣсто. Стало быть, подобные векселя лишены были своей продуктивной силы, а потому прозваны были мертвыми, безплодными или иначе сухими, *cambia sicca*. Посмотримъ теперь, какъ къ этого рода векселямъ относились его современники.

Рафаэль де Турри, трудъ коего содержитъ въ себѣ весьма полныя практическія и теоретическія свѣдѣнія о векселяхъ его времени, предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе *cambia sicca*. «Siccum cambium, говоритъ онъ, анализируя одинъ изъ консиліумовъ Романуса (Tractatus de cambiis. Disput. secunda qu. vigesima quarta n. 6) dictum fuisse ex eo quod sine litteris fiebat: quod ab Ambrosio de Vignate appellatur Casuale, et hoc modo fiebat. Promissor se obligabat, ad solvendum libras decem grossorum monetae Venetiarum pro pretio, et valuta habita florenorum centum sex: quarum librarum, nec fiebat solutio, nec destinabatur Venetiis, sed post certum tempus, repetebantur a stipulatore, in eadem Civitate Florentiae; non in dicto genere librarum; sed in totidem florenis, servata tamen valutatione tempore solutionis curente Venetiis. Quod facile est credere, semper factum fuisse cum aliquo augmento, floremorum illorum, qui nominae valutae primo loco, a stipulatore soluti fuere. Quod genus cambii auctores praedicti probant, tanquam a labe usuraria im-

[162]) Ibid. стр. 143.

mune, cuius fides sit penes ipsos, cum, ut constat, et ibi diximus, nostris hisce temporibus exoleuerit» (т. е. siccum cambium онъ назывался оттого, что совершался безъ письменной формы, а Амвросій де Виніате именовалъ его casuale; совершался онъ слѣдующимъ образомъ: должникъ, предположимъ, обязался уплатить десять фунтовъ грошей венеціанскою монетой за полученные имъ 106 флореновъ; эти фунты грошей на дѣлѣ не уплачивались и не переводились въ Венецію, а по истеченіи извѣстнаго времени кредиторъ требовалъ ихъ въ томъ же городѣ Флоренціи, но не въ видѣ названныхъ фунтовъ грошей, а въ видѣ того же количества флореновъ, придерживаясь однако той цѣны, какая существовала на нихъ въ Венеціи въ срокъ исполненія. Какъ не трудно повѣрить, подобный размѣнъ давалъ нѣкоторый лишекъ по сравненію съ тѣми флоринами, кои выданы были кредиторомъ въ первомъ мѣстѣ, т. е. во Флоренціи. Этотъ родъ размѣна прежніе писатели одобряютъ, какъ свободный отъ ростовщическаго пятна, въ чемъ мы спорить съ ними не будемъ, ибо, какъ извѣстно, въ наше время онъ уже вышелъ изъ употребленія). Изъ этого опредѣленія легко видѣть, что главная и существенная черта cambium siccum состояла въ томъ, что одно лицо давало другому извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобъ эта сумма возвращена была съ нѣкоторымъ лишкомъ. Иначе говоря, тутъ имѣлся простой заемъ въ соединеніи съ условіемъ о процентахъ. Въ обходъ канонической догмы заемъ этотъ облекался въ форму нормальнаго векселя, по коему платежъ имѣетъ быть произведенъ иностранною монетою, причемъ проценты прикрывались лишкомъ стоимости возвращеннаго противъ стоимости полученнаго. Изъ того же Рафаэля де Турри мы знакомимся съ ученіемъ его предшественниковъ о различныхъ видахъ векселей; въ disputatio I quaestio V подъ заглавіемъ *quotuplex sit cambium* онъ предлагаетъ ученіе о сказанномъ предметѣ Родольфино, Амвросія де Виньяте, Сильвестра, кардинала Каэтана, Медины, Навары, Іоанна Баптиста Лупуса, Молины и Сигизмунда Скачча, но ни однимъ изъ этихъ мнѣній онъ не удовлетворяется. Изъ всѣхъ этихъ писателей о cambium siccum говорятъ лишь нѣкоторые; другіе же ограничиваются болѣе общими, генерическими рубриками, ставя во главѣ своихъ подраздѣленій какой-нибудь частный принципъ. Къ писателямъ первой категоріи можно отнести *Родольфино*, который въ своемъ сочиненіи

Tractatus de usuris подъ *cambium siccum* разумѣетъ особый видъ договора слѣдующаго содержанія: мѣняла даетъ во Флоренціи нуждающемуся десять фунтовъ грошей, равняющихся во время совершенія договора 106 флоренамъ золота, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы получающій эти деньги по истеченіи пятнадцати дней возвратилъ ихъ въ той же Флоренціи, но въ суммѣ, соотвѣтствующей въ назначенное время ихъ стоимости въ Венеціи. Тутъ въ результатѣ можетъ получиться иногда больше, иногда меньше противъ данной въ займы суммы. Это опредѣленіе отличается отъ вышеприведеннаго опредѣленія де Турри только тѣмъ, что Родольфино не признаетъ полученія лишка существеннымъ элементомъ договора, а потому считаетъ *cambium siccum* сдѣлкою дозволенною.

Вторымъ изъ относящихся сюда писателей слѣдуетъ назвать *Амвросія Виніате*. Въ своемъ *Tractatus de usuris* онъ названіе cambium siccum замѣняетъ названіемъ *cambium casuale* и по отношенію къ этому послѣднему почти дословно повторяетъ опредѣленіе Родольфино, употребляя даже тотъ же примѣръ. Третій писатель — это *Сильвестръ*, который въ своей *Summa* подъ словомъ *usura* говоритъ, что *cambium siccum* совершается семью способами. Первый способъ — это тотъ, когда мѣняла въ Миланѣ даетъ нуждающемуся десять фунтовъ грошей, стоющихъ въ это время сто флореновъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи мѣсяца получившій ихъ возвратилъ тамъ же столько, сколько полученные ливры стоили дней десять спустя въ Венеціи, что иногда можетъ дать больше или меньше противъ полученнаго. Второй способъ состоялъ въ томъ, что нуждающемуся въ маркѣ золота по цѣнѣ 60 скудъ мѣняла даетъ эти 60 скудъ съ тѣмъ, чтобы марка была отдана въ Ліонѣ на ярмаркѣ, но эти скуды онъ даетъ не по ліонской оцѣнкѣ, по которой каждая скуда равняется 30 грошамъ, а по миланской, по которой скуда равняется 28 грошамъ. Стало быть, тутъ мѣняла даетъ меньше, а получаетъ больше. Третій способъ былъ слѣдующій: миланскій мѣняла даетъ Петру сто червонцевъ (aureos—дукатовъ) съ тѣмъ, чтобы по истеченіи трехъ мѣсяцевъ было уплачено въ Лондонѣ иною монетой, напр., такимъ количествомъ фунтовъ стерлинговъ, какое, по разсчету мѣнялы, общею своею суммой превзойдетъ стоимость выданныхъ монетъ. Четвертый способъ: мѣняла даетъ въ Миланѣ сто скудъ съ тѣмъ, чтобы

столько же было уплачено на ярмаркѣ; здѣсь и даются, и получаются скуды, но разной стоимости. Разсчетъ состоялъ въ томъ, что скуда при заключеніи договора могла стоить 32 гроша, а при выполненіи его въ Лондонѣ стоимость ея могла равняться 30 грошамъ, такъ что должникъ, принявшій скуды по лондонской оцѣнкѣ, возвращалъ кредитору больше, чѣмъ получилъ. Пятый способъ. Мѣняла даетъ Петру въ Миланѣ сто золотыхъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы по истеченіи мѣсяца Петръ возвратилъ столько же золотыхъ въ Римѣ, гдѣ, какъ надѣется мѣняла, къ этому времени они будутъ стоить дороже. Шестой способъ самый плохой и прозывается cambium и recambium. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: мѣняла даетъ Петру въ Миланѣ сто по цѣнѣ, установленной для векселей въ Лондонѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, Петръ, написалъ вексель. Хотя этотъ послѣдній въ Лондонъ не отсылается, но кредиторъ получаетъ свыше капитала, даннаго въ займы, путемъ взиманія платы за мнимое отправленіе въ Лондонъ и полученіе оттуда обратнаго векселя. Наконецъ седьмой способъ практиковался въ римской куріи и состоялъ въ слѣдующемъ: клерикъ получаетъ бенефицій, т. е. право собирать доходы съ даннаго церковнаго имущества, и будучи обязаннымъ доставить половину этихъ доходовъ за протекшій годъ апостолической камерѣ, беретъ для этого у мѣнялы сто, обѣщая ему возвратить ихъ по частямъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится означенное имущество, и сверхъ того уплатить шесть или пять на сто, смотря потому, сколько пройдетъ времени до полнаго платежа—(де Турри ibid n. n. 1, 3 и 4). Вотъ всѣ приведенныя у де Турри опредѣленія *cambium siccum;* что же касается остальныхъ изъ упомянутыхъ писателей, то у нихъ особаго объясненія тогоже предмета де Турри не указываетъ. Обращаясь же къ приведеннымъ опредѣленіямъ, мы въ нихъ въ существѣ находимъ одно и тоже: вексель прикрываетъ собою простой, столь ненавистный для канонистовъ процентный заемъ, ибо во всѣхъ ихъ дѣло идетъ о возвратѣ полученныхъ денегъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ они взяты, съ придаткомъ однако извѣстнаго лишка, соразмѣряемаго съ величиною прибыли, взимаемой при переводѣ денегъ съ мѣста на мѣсто вексельнымъ путемъ. Чтобы замаскировать запрещенный процентный заемъ, контрагенты продѣлывали всѣ аллюры обыкновеннаго векселя. Должникъ выдавалъ кредитору вексельное письмо на опредѣленное мѣсто, на-

значая плательщикомъ себя же, а получателемъ кредитора. Вслѣдствіе мнимаго неплатежа денегъ на назначенномъ мѣстѣ кредиторъ выдавалъ подставному лицу вексель на тотъ городъ, гдѣ проживалъ должникъ, назначая себя или своего повѣреннаго получателемъ платежа, причемъ въ этомъ возобновленномъ векселѣ (cambium con la ricorsa) размѣръ данныхъ въ займы денегъ увеличивался суммою, равною платѣ за вексельный переводъ денегъ по первоначальному и возобновленному векселямъ, а равно суммою вексельной пошлины за оба эти векселя. Эта комбинація подвергалась сообразно обстоятельствамъ тѣмъ или другимъ видоизмѣненіямъ, и всего чаще первоначальный и возобновленный векселя писались тутъ же, на мѣстѣ совершенія заемной сдѣлки, причемъ и тотъ и другой преспокойно лежали у кредитора впредь до возникновенія въ нихъ надобности [163]).

§ 44.

Я уже прежде указалъ, что духовенство и канонисты, сначала безмятежно и довѣрчиво смотрѣвшіе на эти хитросплетенія мѣнялъ, ибо не успѣли еще проникнуть ихъ уловки, скоро однако прозрѣли, спохватались и объявили подобнымъ симулированнымъ векселямъ войну. Поводомъ къ ней, какъ сообщаетъ *Рафаэль де-Турри* (disp. tertia qu. prima n. 21), послужили весьма часто практиковавшіеся займы со стороны духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Римъ для полученія священническаго прихода. Чтобы добыть потребные для того документы, называвшіеся буллами, эти лица нуждались въ значительныхъ суммахъ денегъ для уплаты папскимъ чиновникамъ, и такъ какъ уплату эту необходимо было производить еще до полученія прихода въ Испаніи, изъ доходовъ коего потребныя деньги могли бы быть выплачены впослѣдствіи, то названные аспиранты добывали ихъ въ Римѣ подъ векселя, имѣющіе быть погашенными въ Испаніи изъ названныхъ доходовъ. Изъ этого возникло широкое поле для наживы, причемъ заимодавцы — купцы ради большаго своего обезпеченія удерживали у себя въ качествѣ заклада документы, въ просторѣчіи прозванные буллами. Эти буллы они возвращали собственникамъ тогда лишь, когда получали изъ

[163]) **Biener** Abhandl. стр. 74 и 75.

Испаніи увѣдомленіе, что данныя подъ ихъ обезпеченіе въ займы деньги сполна уплачены. Подобныя манипуляціи купцовъ заставили верховнаго святителя, какъ называетъ римскаго папу де-Турри, назначить крайніе предѣлы вознагражденія за помянутые займы. Изданное по этому поводу повелѣніе папы Пія IV достословно приводится какъ у де-Турри (ibid. n. 22), такъ и у Скавча (§ IX стр. 502 и сл.). Въ этомъ повелѣніи папа объясняетъ, что онъ къ великому своему прискорбію узналъ, что, не смотря на обнародованное имъ 27 мая 1560 г. распоряженіе, корыстолюбіе, это худшее изъ всѣхъ пороковъ зло, чрезвычайно разрослось и продолжаетъ распространяться среди римскихъ купцовъ, что каждый изъ нихъ въ короткій срокъ наживаетъ большое состояніе на деньги духовныхъ лицъ (curialis) города Рима, а въ особенности цизальпійскихъ странъ, и что это дѣлается съ помощью т. н. въ просторѣчіи cambium и recambium. Забывъ страхъ Божій, спасеніе души, христіанское человѣколюбіе и евангельское ученіе, внушающее намъ не корыстоваться дарованными намъ Богомъ богатствами и давать взаймы милосердно, эти купцы не только перешли всякіе дозволенные прежними папами предѣлы во взиманіи вознагражденія за первоначальные и возобновленные векселя, но и пытаются брать суммы, достигающія чрезвычайныхъ размѣровъ, почти ростовщическія, осужденныя и исповѣдующимъ христіанскую религію прямо запрещенныя священными канонами. Весьма многіе изъ названныхъ духовныхъ лицъ, побуждаемыя нуждою, берутъ у купцовъ деньги подъ тяжкіе проценты и ручаются предъ ними за своихъ друзей, облекая свои обязательства въ форму актовъ, засвидѣтельствованныхъ въ апостольской камерѣ. Между тѣмъ различныя путевыя невзгоды и несообразности въ мѣстныхъ деньгахъ ставятъ этихъ должниковъ въ невозможность въ срокъ уплатить своимъ кредиторамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе своими дерзостями вынуждаютъ ихъ прибѣгать съ большими для себя убытками къ помощи возобновленныхъ векселей, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже подвергаютъ безчеловѣчному и продолжительному содержанію въ тюрьмѣ, заставляя ихъ терять при этомъ здоровье, имущество, честь и доброе имя. Желая въ отеческой заботливости о своей паствѣ оказать возможно быстрое противодѣйствіе подобному злу, папа подъ угрозою тяжкаго наказанія запрещаетъ своимъ судьямъ по какимъ бы то ни было обязательствамъ взыскивать возна-

гражденіе свыше той мѣры, какая слѣдовала бы дѣйствительнымъ купцамъ, оперирующимъ настоящими, а не фиктивными векселями (ultra summam convenientem, quae mercatoribus realibus, qui vera cambia realia et non sicca faciunt, de iure et stylo mercantili vere deberetur).

Столь же рѣшительно, хотя и не столь витіевато и многословно, какъ Пій IV, выступилъ противъ симмулированныхъ векселей и папа Пій V. Въ своей буллѣ отъ февраля 1575 г. онъ сообщаетъ о дошедшихъ до него слухахъ, что законное употребленіе векселей, введенное необходимостью и общественною пользой, настолько обезображивается стремленіемъ къ противозаконной наживѣ, что многіе подъ видомъ такихъ векселей предаются ростовщическому разврату. Внявъ поданнымъ ему на это нынѣ жалобамъ и желая законодательнымъ путемъ положить этому навсегда предѣлъ, дабы людямъ злонамѣреннымъ ихъ козни не приносили пользы, а люди невѣжественные отъ своего незнанія не терпѣли убытковъ, онъ, папа, полагаетъ, что лишь исполнитъ свой пастырскій долгъ, если всѣми способами постарается избавить ввѣренную ему паству отъ опасности вѣчнаго осужденія. А потому онъ осуждаетъ всѣ такъ называемые векселя *sicca*, при составленіи коихъ контрагенты дѣлаютъ видъ, будто совершаютъ векселя на ярмарки или иныя мѣста, причемъ получающіе деньги какъ будто переводятъ ихъ туда посредствомъ векселей; на самомъ же дѣлѣ этихъ послѣднихъ туда вовсе не посылаютъ, или посылаютъ именно съ тѣмъ, чтобы по истеченіи условленнаго времени они возвратились обратно безъ исполненія, или же никакихъ векселей не пишутъ, а прямо требуютъ возвращенія денегъ съ процентами въ томъ мѣстѣ, гдѣ договоръ былъ заключенъ, или потому, что между контрагентами при самомъ заключеніи договора состоялось такое соглашеніе, или потому, что между ними условлено было, чтобы на ярмаркахъ либо иныхъ мѣстахъ исполненія векселя не нашлось никого, кто бы принялъ и уплатилъ по немъ, и т. д. Дабы затѣмъ на будущее время и въ области векселей уничтожить всякій поводъ къ грѣху и преступленію ростовщиковъ, онъ, папа, постановляетъ, чтобы впредь никто не осмѣливался вступать въ договоръ объ уплатѣ опредѣленныхъ процентовъ либо съ самаго начала, т. е. при самомъ заключеніи сдѣлки, либо впослѣдствіи въ случаѣ неисполненія прежняго договора, а равно, чтобы никто дѣйствитель-

ныхъ векселей не писалъ иначе, какъ съ платежемъ по нимъ на первой предстоящей ярмаркѣ или по истеченіи того срока, какой въ данномъ мѣстѣ, куда направленъ вексель, на такой платежъ обычаемъ установленъ. Отступленіе отъ этого предписанія имѣетъ влечь за собою всѣ тѣ взысканія, какія священными канонами установлены для ростовщиковъ. Тѣ же, кои вступятъ въ стачку, или стянутъ къ себѣ отовсюду деньги, чтобъ обладать какъ бы денежною монополіей, должны, какъ повелѣваетъ папа, подлежать такимъ же наказаніямъ, какія установлены закономъ противъ монополистовъ [164]).

Итакъ, *cambium siccum* въ силу предписанія папъ долженъ былъ сойдти со сцены, но вмѣстѣ съ нимъ не могъ исчезнуть выгодный промыселъ отдачи денегъ подъ проценты, тѣмъ болѣе, что промыселъ этотъ получалъ весьма обильную пищу въ вопіющей потребности этого времени въ деньгахъ. Озадаченные на первыхъ порахъ приведенными буллами Пія IV и Пія V, мѣнялы однако скоро оправились и придумали весьма простой выходъ изъ своего, казалось бы, безвыходнаго положенія. Въ ихъ распоряженіи оставались еще возобновленные векселя — *recambia*, кои удостоились даже спеціальнаго одобренія со стороны того же папы Пія V, правда, не прямо, а путемъ утвержденія болоньскаго вексельнаго устава, въ коемъ этимъ векселямъ предоставляется полная свобода. И вотъ къ такимъ то по существу своему весьма безобиднымъ и справедливымъ векселямъ и прибѣгли мѣнялы, чтобъ обойдти вѣчно душившій ихъ кошмаръ въ видѣ запрещенія взиманія процентовъ. Дабы сообщить своимъ лихвеннымъ оборотамъ вполнѣ законную форму, мѣнялы придавали имъ внѣшность возобновленныхъ векселей. Эти въ дѣйствительности фиктивные документы, предназначенные для прикрытія запрещенныхъ процентныхъ сдѣлокъ, получили названіе *cambia con la ricorsa*, а въ Италіи извѣстны были также подъ именемъ *cambia obliqua*. Процедуру ихъ совершенія вкратцѣ и, придерживаясь Скавча, неоднократно цитированный нами Мартенсъ (стр. 43 и сл.) изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Тотъ, кто бралъ деньги въ займы, писалъ вексель на

---

[164]) Полный латинскій текстъ этой буллы приведенъ у **Scaccia** § IX Const. Pii IV et. Pii V super cambiis **стр. 503** и сл., а также у Raphael de Turri disput. tertia qu. prima n. **33 стр. 346.**

самого себя, какъ на третье лицо, поручая этому третьему лицу, т. е. самому себѣ, уплатить опредѣленную сумму въ опредѣленномъ мѣстѣ и опредѣленнымъ сортомъ денегъ самому себѣ, т. е. самому должнику. Большею частью оба контрагента знали, что въ томъ мѣстѣ деньги уплачены не будутъ; но когда вексель возвращался обратно безъ исполненія или, какъ большею частью случалось, туда вовсе не посылался, то на ближайшей ярмаркѣ должникъ обязанъ былъ сверхъ капитальнаго долга уплатить двойную разницу въ денежныхъ курсахъ, провизію и остальныя издержки.

2) При такихъ же точно обстоятельствахъ и съ тою же цѣлью должникъ трассировалъ на своего кредитора, т. е. въ векселѣ поручалъ ему уплатить самому себѣ въ какомъ либо иномъ мѣстѣ ту сумму, которую ему долженъ векселедатель. Затѣмъ считалось, что это порученіе исполнено, и на слѣдующей ярмаркѣ мнимо себѣ уплатившій кредиторъ требовалъ отъ своего должника за этотъ платежъ провизію, возмѣщеніе издержекъ и производилъ съ нимъ разсчетъ по денежному курсу [165]).

Буде въ обоихъ этихъ случаяхъ должникъ къ слѣдующей ярмаркѣ уплатить былъ не въ состояніи, а кредиторъ соглашался отсрочить долгъ, то описанная процедура съ фиктивными векселями возобновлялась, причемъ новый вексель писался уже на ту сумму, которую слѣдовало уплатить по послѣднему замѣняемому векселю. Напр., по прежнему векселю слѣдовало получить 100 скудъ долга и 9 сольдовъ провизіи, налога и т. п. расходовъ; новый вексель писался на эту именно сумму, т. е. валюта въ немъ равнялась 100 скудамъ и 9 сольдамъ, такъ что

---

[165]) Придерживаясь Скачча, подобное же объясненіе фиктивныхъ векселей con la ricorsa даетъ **Fremery** Etudes стр. 94 пр. 1; **Потье** въ своемъ Traité du Contrat de Change, по отношенію къ этимъ векселямъ, стоитъ на той почвѣ, что дѣйствительный вексель имѣется лишь тогда, когда деньги, данныя въ одномъ мѣстѣ, должны быть возвращены въ другомъ болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ, а потому возобновленные векселя должны считаться дѣйствительными въ томъ случаѣ, когда у ихъ контрагентовъ было дѣйствительное намѣреніе перевести деньги изъ одного города въ другой; въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ договоромъ займа. Того же мнѣнія придерживается и **Pardessus** Traité du contrat et des lettres de change Paris 1809 т. 1 стр. 26—30, который просто дословно воспроизводитъ изложенное мнѣніе Потье.

при расплатѣ должнику приходилось уплатить эту сумму плюсъ вексельные расходы. Этотъ маневръ могъ повторяться въ теченіи нѣсколькихъ ярмарокъ подрядъ, причемъ первоначальная сумма долга съ каждою ярмаркой возростала.

Однако эти ловко сфабрикованные возобновленные векселя скоро привели духовенство въ недоумѣніе, ибо истинное ихъ значеніе не могло укрыться отъ его опытнаго и проницательнаго глаза. Съ одной стороны, векселя эти прямо подходили подъ слова папы: «litterae mittuntur, sed redeunt inanes et pecunia reposcitur ubi contractus fuerat celebratus», а съ другой — тотъ же папа утвердилъ болоньскій вексельный уставъ, въ коемъ о возобновленныхъ векселяхъ (recambia) весьма категорично выражено, что «possa ogni persona ancora dar à cambio, et far, che siano recapitate le lettere sopra essi datori, et così tenerli sopra cambii sin che saranno rimborsati da chi hauerà preso il denaro[167])». Отсюда у духовныхъ судей возникъ вопросъ, какъ поступить при наличности такого противорѣчія, слѣдуетъ ли *cambia con la ricorsa* подвести подъ дѣйствіе вышеприведенной буллы Пія V или они подъ нее не подходятъ? Вопросъ этотъ возбудилъ архіепископъ города Палермо. Чтобы разрѣшить это недоумѣніе, папа Григорій XIII собралъ совѣтъ изъ трехъ кардиналовъ, который далъ слѣдующій отвѣтъ: «Congregatio auctoritate S. D. N. censuit huiusmodi cambium litteris Pii V. fel. recordae, minime comprehendi» [168]).

Не смотря однако на такое вполнѣ благопріятное для cambia con la ricorsa рѣшеніе вопроса, Генуэзская республика, очевидно, желая задобрить папу въ свою пользу и отдѣлаться отъ слишкомъ докучливой бдительности папскихъ судей, рѣшилась чрезъ своего адвоката представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе его святѣйшества Урбана VIII три образца тѣхъ способовъ, коими въ то время, именно въ 1625 г., совершались вексельныя сдѣлки. Нижайшая просьба, при которой представлены были эти образцы, заканчивалась слѣдующими словами: «дабы онъ, папа, удостоилъ пересмотрѣть эти векселя и возвѣстилъ, имѣется ли въ этихъ обстоятельствахъ что-либо такое, что дѣлаетъ договоръ неправеднымъ или противнымъ постановленіямъ священныхъ ка-

---

[167]) **Raphaele de Turri** ibid. стр 347 столбецъ 1-й сверху.
[168]) **Raph. de Turri** ibid. n 27.

ноновъ, съ тѣмъ, чтобъ исправить недостатки и преобразовать практику именно такъ, какъ онъ, папа, укажетъ». Верховный святитель внялъ просьбѣ Генуэзской республики и собралъ совѣтъ изъ именитѣйшихъ богослововъ римской куріи, допустивъ въ него также юрисконсульта (Juris Interprete) папскаго суда въ Римѣ, декана Кочино. 23 апрѣля 1626 этому совѣту было предложено на обсужденіе все дѣло, и послѣ долгихъ преній 4 іюня 1627 г. составленъ былъ отвѣтъ, согласно смыслу коего республикѣ сообщенъ былъ папскій рескриптъ. Отвѣтъ этотъ оказался неблагопріятнымъ для всѣхъ трехъ векселей.

Устрашенная этимъ рѣшеніемъ Генуэзская республика, чтобъ избѣгнуть паники и разоренія, къ коимъ могло привести обнародованіе этого отвѣта, упросила архіепископа повременить этимъ обнародованіемъ, выставляя въ качествѣ законнаго препятствія къ тому свое рѣшеніе исходатайствовать болѣе ясные отвѣты на изложенные вопросы, а потому вновь представить на благоусмотрѣніе верховнаго архипастыря все дѣло.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того республика представила свои почтительныя, но довольно меткія замѣчанія и возраженія на весьма сжатые, отрывочные и неясные отвѣты совѣта. Эти замѣчанія подвергнуты были новому подробному обсужденію въ томъ же совѣтѣ и послѣ споровъ, тянувшихся нѣсколько лѣтъ, совѣтъ выработалъ отвѣтъ, который удостоился утвержденія папы. Отвѣтъ этотъ, составленный 27 сентября 1631 г., въ противоположность первому, содержалъ въ резолютивной части слѣдующее положеніе: «nihil in praedictis casu, et circumstantijs contineri, quo minus licite practicari possint» (т. е. въ предыдущихъ случаяхъ и обстоятельствахъ не содержится ничего такого, что могло бы быть запрещено дѣлать [169]).

§ 45.

Какъ ни велики однако были усилія духовенства, подъ эгидою святѣйшаго отца, уничтожить всякіе способы ко взиманію процентовъ, какъ ни бдительно оно было въ этомъ направленіи, но, съ одной стороны, присущая человѣку страсть къ наживѣ при возможно меньшей затратѣ физическаго труда, а съ другой—

---

[169]) **Raph. de Turri** disp. tertia qu. secunda nn. 29—37.

нужда и крайность превозмогали всякія препятствія и дѣлали прежняго аферіста равнодушнымъ къ щедро сыпавшимся изъ вѣчнаго города угрозамъ. Папа и его приспѣшники громили всѣми способами ростовщиковъ, клеймили ихъ позоромъ отверженія и отлученія отъ церкви, а они, словно дѣло касалось вовсе не ихъ, продолжали, нерѣдко даже безъ всякой опаски, предаваться своему прибыльному промыслу, ограждая свои интересы разнообразными гарантіями. Такъ, *cambia sicca*, объявленныя папою великимъ грѣхомъ и обложенныя тяжкими наказаніями, продолжали тѣмъ не менѣе процвѣтать настолько, что Скачча, жившій во второй половинѣ 16-го и въ началѣ 17-го столѣтія, т. е. въ періодъ изданія вышеприведенныхъ папскихъ буллъ, приводитъ въ своей книгѣ нѣсколько образцовъ векселей, весьма близко подходящихъ къ злополучнымъ cambia sicca, и заявляетъ при этомъ, что такого рода сдѣлки въ его время имѣли характеръ обычнаго явленія. Такъ, изъ протоколовъ римскаго суда онъ выписываетъ слѣдующій случай: нѣкій Гундисалвъ Ксимепецъ получилъ подъ вексель отъ Юлія Боско и Павла Гавотта, торговавшихъ въ Римѣ негоціантовъ, сто дукатовъ золотомъ, за кои обѣщалъ уплатить въ городѣ Мадридѣ названнымъ купцамъ 470 марапетовъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, а въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ дать имъ въ куріи удостовѣреніе въ послѣдовавшей уплатѣ, въ противномъ случаѣ онъ обязывался уплатить означенную сумму въ Римѣ съ процентами и вексельнымъ вознагражденіемъ (ц. с. § 1 qu. 5 n. 12). Тутъ съ перваго же взгляда видно, что дѣло идетъ о размѣнѣ, который Скачча называетъ sine litteris, и что приведенная сдѣлка въ конечномъ результатѣ прямо разсчитана на полученіе значительныхъ процентовъ за заимообразно выданную сумму. И этотъ процентный заемъ совершается не только съ вѣдома, но и утвержденія трибунала апостолической камеры въ то время, какъ папа на весь міръ осудилъ проценты и разсчитанныя на нихъ сдѣлки. Такой разладъ между словомъ и дѣломъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько безсильны всякія искусственныя мѣры противъ насущныхъ потребностей дѣйствительной жизни и какъ эта жизнь умѣетъ подчинять себѣ самыхъ ожесточенныхъ антагонистовъ.

Второй документъ, который Скачча видѣлъ въ Генуѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: Нѣкій Сей, по добровольной и сознательной просьбѣ какого-то Тиція совершилъ вексель на городъ Неа-

поль на сумму 1000 скудъ италіанскаго золота, съ тѣмъ, чтобъ эта сумма была уплачена Семпронію. Вексель этотъ былъ адресованъ Мевію съ порученіемъ, чтобы по уплатѣ 1000 скудъ онъ возвратилъ себѣ эту сумму путемъ векселя на Безансонъ или Ліонъ. Затѣмъ тотъ же Тицій, желая дать Сею обезпеченіе, призналъ (въ судѣ) названный долгъ въ присутствіи Сея и обѣщалъ уплатить ему по первому его простому требованію эти 1000 скудъ, а равно обязался возмѣстить ему, Сею, всѣ издержки, сопряженныя съ совершеніемъ первоначальныхъ и возобновленныхъ векселей, не требуя дѣйствительнаго совершенія таковыхъ. Сверхъ того, буде уплата означенныхъ издержекъ въ первый срокъ не послѣдуетъ, то они должны быть причислены къ капитальной суммѣ долга и на нихъ затѣмъ имѣетъ быть уплаченъ особый интересъ, какъ на капиталъ. Тоже должно быть сдѣлано въ случаѣ неплатежа во второй срокъ и т. д. (ibid. n. 14). Въ этой сдѣлкѣ стороны не считаютъ даже нужнымъ скрывать истинный характеръ заключеннаго ими между собою договора: кредиторъ вполнѣ откровенно выговариваетъ себѣ право на полученіе вознагражденія за такія дѣйствія, относительно коихъ онъ заявляетъ, что они имъ совершены не будутъ, а это вознаграженіе должно было составить весьма изрядный кушъ, въ общемъ не уступающій самымъ высокимъ процентамъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ тутъ дѣло съ настоящею ростовщическою сдѣлкою, въ которой однако стороны всячески воздерживаются отъ употребленія слова *usura*. И тутъ нельзя не обратить вниманія на то, что эта сдѣлка, своимъ содержаніемъ явно издѣвавшаяся надъ канонической догмою, совершается не тайно, не гдѣ-нибудь въ глухомъ захолустьи, а открыто, на глазахъ у всѣхъ, почти въ самомъ центрѣ католицизма, въ Генуѣ, вблизи папской резиденціи.

Далѣе тотъ же Скачча приводитъ два письменныхъ образца вексельнаго соглашенія, которое онъ называетъ *per apodissam privatam*. Терминъ этотъ Мартенсъ (ц. с. приложенія стр. 40 прим.*), слѣдуя du Cange, переводитъ словами *mandatum de pecunia exhibenda* (порученіе истребовать деньги). Первый образецъ представляетъ собою слѣдующее соглашеніе. Какіе-то Ѳома и Альфонсъ солидарно взяли взаймы у какого-то Доминика N 2000 скудъ, кои они обѣщали употребить на вексельныя операціи. Эти послѣднія они имѣли вести отъ своего имени и на свой страхъ и

свои издержки, съ тѣмъ однако же, что по истеченіи года, считая съ августовской ярмарки въ Піаченцѣ 1612 г. по ту же ярмарку 1613 г., они обязываются возвратить означенныя двѣ тысячи скудъ со всею прибылью и выгодами, какія изъ этой суммы будутъ извлечены. Этотъ платежъ они имѣютъ сдѣлать такою серебряною или золотою монетой, какою будутъ платить на ярмаркахъ, куда будутъ направлены ихъ векселя. Въ обезпеченіе этого обязательства они представляютъ не только себя самихъ, но и свое имущество. Сверхъ того за все время, въ теченіи коего означенныя деньги будутъ находиться у нихъ, они обязываются вмѣсто названныхъ прибыли и выгоды уплачивать тому же N не болѣе пяти процентовъ въ годъ и т. д. (§ I qu. I n. 14).

Обязательство это заключено въ Женевѣ въ 1612 г., т. е. ровно 37 лѣтъ спустя послѣ торжественнаго осужденія папою Піемъ V сухихъ векселей (cambia sicca). Нужно замѣтить, и тутъ стороны нисколько не скрываютъ своихъ корыстныхъ и любостяжательныхъ плановъ, не опасаясь даже открыто говорить о столь ненавистныхъ для канонистовъ процентахъ и не только прямо опредѣляя ихъ размѣръ, но и заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что сверхъ этихъ процентовъ будетъ уплачена прибыль, вырученная отъ вексельныхъ операцій. Однимъ словомъ, стороны дѣйствуютъ тутъ такъ смѣло, какъ если бы дѣло шло о самой законной сдѣлкѣ и никакихъ запрещеній насчетъ процентовъ и денежной прибыли не существовало.

Другое приводимое Скачча соглашеніе заключено въ Генуѣ 15 іюля 1597 г. и точно также предоставляетъ кредитору за данный имъ въ займы капиталъ въ 14200 скудъ золота право на полученіе cambium, recambium и всѣхъ настоящихъ и будущихъ издержекъ. Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ соглашенія выясняется, что должникъ Скотто принялъ на себя обязанность уплачивать по векселямъ кредитора въ предѣлахъ полученной отъ него суммы. Но для насъ документъ этотъ имѣетъ интересъ именно съ той стороны, что и въ немъ должникъ открыто обѣщаетъ кредитору уплатить капитальную сумму долга въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее получилъ, и за пользованіе этою суммою обязывается сверхъ того уплатить довольно высокіе проценты подъ видомъ вознагражденія за первоначальные и возобновленные вексельные переводы. И все это въ то время, когда духовенство, напутствуемое католическимъ верховнымъ архи-

пастыремъ, не находитъ достаточно сильныхъ словъ для порицанія всякаго рода лихвы, когда оно каждаго, занимающагося процентными сдѣлками, готово объявить чуть ли не исчадіемъ сатаны.

Надо однако полагать, что такого рода сдѣлки замѣчены были духовенствомъ, не замедлившимъ наложить на нихъ свое veto. Это предположеніе мы основываемъ на томъ, что для огражденія ихъ отъ преслѣдованія канонистовъ измышленъ былъ особый видъ договоровъ, именно товарищество съ обязанностью однихъ товарищей принимать на страхъ вносимые въ товарищество капиталы другихъ товарищей, и за такой страхъ пользоваться опредѣленною долею прибылей съ этихъ капиталовъ. Такъ, Лессіусъ [170]) передаетъ, что кардиналъ *Caietanus* призналъ запрещеннымъ слѣдующій предложенный ему на обсужденіе договоръ: нѣкій Петръ вручаетъ какому-то купцу Павлу сто флориновъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто доходовъ съ этого капитала, Петру уплачивалось ежегодно пять флориновъ, а доходы Павелъ удерживалъ въ свою пользу, причемъ Павелъ обязался также сохранить въ цѣлости капиталъ. Противозаконность такого рода договоровъ *Каетанъ* усматривалъ 1) въ томъ, что тутъ одинъ товарищъ принимаетъ на свой страхъ капиталъ другаго товарища, ничего за это не получая, а равно обязывается возвратить опредѣленную прибыль, между тѣмъ какъ едва ли кто согласится дать за неизвѣстную, неопредѣленную выгоду ту опредѣленную цѣну, которая здѣсь требуется отъ товарища; 2) въ томъ, что не можетъ быть дозволено въ одномъ и томъ же договорѣ вмѣщать три договора, хотя бы по каждому изъ нихъ взаимныя обязательства сторонъ уравновѣшивались, ибо въ договорахъ нельзя возлагать на одну изъ сторонъ обязанности, выходящія изъ предѣловъ природы даннаго договора. Подобно тому, какъ того, кто беретъ въ займы, нельзя облагать обязанностью въ свою очередь дать въ займы своему кредитору, такъ точно при заключеніи договора товарищества нельзя возлагать на своего контрагента обязанность вступить вмѣстѣ съ тѣмъ въ договоръ застрахованія капитала и покупку за опредѣленную цѣну неопредѣленной выгоды. Всѣ эти договоры могутъ быть заключаемы не

---

[170]) De Iustitia et Jure. Lovanii anno 1605 Lib. 2 cap. 25 dubitatio 3 nn. 22—30.

иначе, какъ каждый порознь и при томъ съ сохраненіемъ въ каждомъ равенства. Еще дальше въ этомъ отношеніи идутъ *Cotmo* и нѣкоторые другіе, не допускающіе заключенія такихъ договоровъ ни вмѣстѣ, ни порознь главнымъ образомъ въ силу того, что кто передаетъ свои деньги другому съ тѣмъ, чтобы послѣдній принялъ на себя отвѣтственность за страхъ, тотъ отдаетъ ихъ въ заемъ, а не ради товарищества; а такъ какъ по займамъ нельзя требовать проценты, то, стало быть, приведенный договоръ противенъ закону. Сверхъ того, передающій свои деньги товарищу на страхъ теряетъ на нихъ право собственности въ пользу товарища; ибо хозяиномъ считается тотъ, кто данную вещь теряетъ, а теряетъ ее принявшій на страхъ. Всѣ эти доводы Лессіусъ оспариваетъ, признавая помянутый договоръ дозволеннымъ. Какъ ни любопытны его аргументы сами по себѣ, я на нихъ останавливаться не стану, ибо это завело бы насъ дальше предѣловъ настоящаго изслѣдованія; ограничусь соображеніями Скачча, коими онъ оправдываетъ соглашенія, гдѣ одна сторона отдаетъ другой свой капиталъ на страхъ, при чемъ въ видѣ вознагражденія за такой страхъ разрѣшаетъ ей удерживать доходы съ этого капитала за вычетомъ опредѣленной ихъ доли, имѣющей поступить въ пользу хозяина капитала. «Кто, говоритъ онъ (§. III Gl. III n. 26), вкладываетъ свой капиталъ въ товарищеское предпріятіе, тотъ вправѣ застраховать себя отъ потери этого капитала, передавъ страхъ такой потери товарищу, заплативъ ему за это стоимость страха или вмѣсто платы уступивъ ему такую часть выгодъ, какая равняется этой стоимости; ибо товарищъ на томъ же основаніи, какъ и всякое третье лицо, можетъ принять на себя страхъ, заключая съ отдающимъ на страхъ три контракта, а именно: 1) договоръ товарищества, въ коемъ одинъ контрагентъ вноситъ въ общее дѣло деньги, а другой — трудъ и искусство; 2) договоръ, по коему тотъ, кто вноситъ свой трудъ, принимаетъ на страхъ деньги другаго товарища, получая за это справедливую цѣну или удерживая въ свою пользу соотвѣтственную часть прибыли другаго; 3) за избавленіе отъ недовѣрія и тягостей составленія счетовъ тотъ, кто доставляетъ свой трудъ, удерживаетъ изъ опредѣленной выгоды извѣстную долю въ свою пользу; ибо всѣ согласны въ томъ, что вносящій деньги въ товарищество въ правѣ застраховать не только ихъ капиталъ, но и опредѣленную ихъ прибыль, всту-

пая для этого съ третьимъ лицомъ въ двоякій договоръ, именно страхованія и прибыли; на томъ же самомъ основаніи онъ можетъ вступить въ эти договоры съ товарищемъ, отбросивъ всякое притворство и злоупотребленіе».

Къ категоріи *cambia sicca* Скачча относитъ также внесенныя въ хартуларіи банка св. Георгія отмѣтки о вексельныхъ сдѣлкахъ. Подъ хартуларіями, объясняетъ онъ (§ VII Gl. III n. I), разумѣется книга, въ которую банкъ св. Георгія вносилъ выдачи и взносы на имена кредиторовъ и должниковъ, вступавшихъ между собою въ соглашенія чрезъ посредство этого банка. Эта книга пользовалась въ Генуѣ особымъ довѣріемъ и имѣла силу судебнаго доказательства (§ 1 qu. 1 n. 17), потому именно, что названный банкъ учрежденъ былъ общественною властью, что его записи стояли выше записей публичныхъ нотаріусовъ, что книги эти съ незапамятныхъ временъ постоянно и непоколебимо пользовались всеобщимъ довѣріемъ, наконецъ, потому, что оказывать имъ такое довѣріе рекомендовали сами генуэзскіе статуты. Довѣріе это возростало еще оттого, что книги хранились въ публичномъ зданіи и писались рукою нотаріуса (§ VII Gl. III n. I)[171]). Ведя, по порученію своихъ вкладчиковъ, разсчеты съ третьими лицами, списывая съ вклада одного лица то, что слѣдовало уплатить отъ его имени другому вкладчику, и приписывая этотъ платежъ къ вкладу получателя, банкъ производилъ этотъ разсчетъ не только по словеснымъ и инымъ порученіямъ вкладчиковъ, но и на основаніи вексельныхъ сдѣлокъ. Сумма, которую причиталось уплатить по этой сдѣлкѣ даннаго вкладчика, списывалась тутъ съ вклада векселедателя и приписывалась къ вкладу векселепредъявителя. Операція эта производилась

---

[171]) Тутъ же (n. 7) Скачча ставитъ вопросъ, почему эти хартуларіи назывались св. Георгія? и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: книги, называемыя **cartularia**, составляются и хранятся въ Генуѣ, въ домѣ св. Георгія. А домъ этотъ помѣщается близъ банковой площади у берега моря на купеческомъ мосту. Въ этомъ домѣ 420000 паевъ (loca) принадлежитъ св. Георгію, что составляетъ, считая по 25 скудъ каждый пай, десять милліоновъ золотыхъ монетъ и 500 тысячъ скудъ. Каждый пай даетъ въ годъ три или три съ половиною процента, при чемъ капиталъ никогда не можетъ быть взятъ обратно. Впрочемъ, Скачча сознается, что всѣ сообщенныя имъ объ этомъ банкѣ свѣдѣнія онъ добылъ не изъ непосредственныхъ источниковъ, а отъ разныхъ свѣдущихъ въ банковомъ дѣлѣ лицъ.

путемъ особыхъ записей въ книгѣ, нѣсколько образцовъ коихъ Скачча приводитъ въ своемъ сочиненіи (§ I qu. 5 n. 17 лит. A и B) [172]).

§ 46.

Процентные займы подъ фирмою векселей первоначальныхъ и возобновленныхъ практиковались въ широкихъ размѣрахъ не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ Европы. По меньшей мѣрѣ въ Испаніи они, надо полагать, настолько укоренились, что тамошнее правительство вынуждено было нѣсколько разъ запрещать ихъ законодательнымъ путемъ. Такъ, у *Мартенса* (приб. стр. 116—120) приводится три законодательныхъ акта, имѣющихъ своею цѣлью запрещеніе лихвенныхъ оборо-

---

[172]) **Biener** Wechselr. Abh. стр. 104 утверждаетъ, что и **Rota Romana**, рѣшенія которой собраны у Рафаэля де Турри (ц. с. стр. 478—563), относилась весьма снисходительно къ cambia sicca и смотрѣла сквозь пальцы на проценты. Но просматривая эти рѣшенія, убѣждаешься только въ томъ, что въ большинствѣ ихъ дѣло идетъ о вознагражденіи за damnum emergens, который контрагентъ понесъ вслѣдствіе неисполненія другимъ контрагентомъ обязательства. Большею частью дѣло происходитъ такимъ образомъ, что одна сторона то, что ей слѣдовало, но не получено отъ другой стороны, вынуждена добывать путемъ векселя и нести при этомъ расходы, сопряженные съ вексельною операціею. Эти расходы не суть проценты или утрата выгодъ (lucrum cessens), а истинная потеря наличнаго имущества (damnum emergens). А такъ какъ эта потеря происходила по винѣ другой стороны, то эта послѣдняя и должна возмѣстить ее. Въ этомъ смыслѣ и рѣшаетъ подобныя дѣла Rota Romana. Но отсюда до признанія процентовъ и процентнаго займа еще далеко. Впрочемъ, Biener въ отдѣльности рѣшеній, въ коихъ оправдываются проценты, не указываетъ. Замѣчу еще, что къ числу издержекъ относилась также уплата особаго вексельнаго налога, носившаго названіе **gabella**. Какъ сообщаетъ Рафаэль де Турри (цит. c. disp. sec. qu. prima n. 58), габелла есть платежъ въ пользу генуэзскаго правительства $^1/_{10}$ скуды съ каждой входящей въ составъ вексельной суммы сотни скудъ. Налогъ этотъ взимался только съ векселей, трассированныхъ между Генуею и ярмарками. Для записки такихъ векселей въ банкѣ св. Георгія имѣлась особая книга (cartularium gabellae cambiorum), куда они обыкновенно вносились, во первыхъ, для того, чтобъ отнять у контрагентовъ по вексельной сдѣлкѣ возможность уйдти отъ уплаты налога и тѣмъ нанести ущербъ казнѣ, а во вторыхъ для того, чтобы гарантировать мѣнялмъ взысканіе по векселю, ибо, внося свои векселя въ банковую книгу, они придавали имъ характеръ официальныхъ документовъ, взысканіе по коимъ производилось въ порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній, т. е. безъ предварительнаго состязательнаго процесса (**Scaccia** § 7 Gl. III n. 30).

товъ. Именно законъ 1552 г. запрещаетъ на будущее время лицамъ всякаго званія и состоянія, туземцамъ и иностранцамъ, давать деньги *a cambio*, ради какого-либо интереса, съ одного мѣста королевства на другое или съ одной ярмарки на другую. Нарушители этого предписанія должны считаться ростовщиками и подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ, какъ и эти послѣдніе, т. е. утратѣ всего подъ проценты даннаго въ пользу должника. Законъ 1608 г. подтверждаетъ всѣ предшествующія законоположенія, запрещавшія сухіе векселя—*cambia sicca*, грозя за нарушеніе этихъ законоположеній наказаніемъ. Угрожаемое наказаніе простирается и на тѣ случаи, когда берущіе подъ вексель деньги не имѣютъ ни денегъ, ни кредита, ни собственныхъ корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ внѣ Испаніи, куда они адресуютъ свои векселя, а равно и на тѣ, когда во время полученія денегъ подъ вексель стороны соглашаются, чтобы платежъ могъ быть отсроченъ до какой-либо дальнѣйшей ярмарки, чтобы вексельныя издержки, причитавшіяся въ первую ярмарку, приписаны были къ капитальной суммѣ долга съ тѣмъ, чтобы и за нихъ получить вексельную прибыль, и чтобъ эта процедура приписки къ капиталу могла повторяться въ каждую слѣдующую ярмарку. Для противодѣйствія довольно распространенному въ то время обычаю прикрывать высокіе проценты возобновленіемъ векселя и сопряженныхъ съ этимъ издержекъ, законъ далѣе предписываетъ слѣдующее: впредь никто не долженъ имѣть право путемъ соглашенія установлять, что одной простой клятвы или одного слова того, кто далъ деньги подъ вексель, достаточно для доказательства, что вексель, адресованный въ какое-либо мѣсто внѣ предѣловъ королевства, дѣйствительно туда достигъ, тамъ былъ принятъ и оплаченъ, а равно, что обратные векселя, возвращающіеся изъ-за границы, суть истинные векселя, что показанная въ нихъ цѣна денегъ дѣйствительно была таковою, какъ она тамъ показана; но какъ эти, такъ и иныя условія дѣйствительности векселя должны быть доказываемы не иначе, какъ официальными и аутентическими документами, свидѣтелями или иными судебными доказательствами. Всякое, противорѣчащее этому соглашеніе объявляется ничтожнымъ и лишеннымъ всякихъ юридическихъ послѣдствій.

Въ томъ же году былъ изданъ еще законъ, направленный уже не противъ однихъ только фиктивныхъ векселей, но и про-

тивъ обычныхъ въ то время способовъ отдачи своихъ капиталовъ въ ростъ. Съ этою цѣлью законъ запрещаетъ людямъ всякаго состоянія и званія отдавать свои деньги купцамъ или торговцамъ съ тѣмъ, чтобъ они на эти деньги могли совершать вексельныя сдѣлки, если только прибыль и убытки падаютъ не на самого собственника означенныхъ денегъ и если такая отдача не подходитъ подъ случаи, разрѣшенные закономъ. Законъ имѣетъ здѣсь въ виду обычай отдавать свои капиталы банкирамъ для вексельныхъ операціи съ тѣмъ, чтобы банкиры уплачивали за такое пользованіе опредѣленное вознагражденіе и гарантировали возвратъ капитала. Рискъ и убытки при этомъ падаютъ всецѣло на банкира, а собственникъ капитала получаетъ только напередъ опредѣленную выгоду, но за то прибыли, превышающія эту выгоду, достаются банкиру.—Далѣе законъ прямо запрещаетъ брать проценты за тѣ деньги, кои отдаются депозитаріямъ, купцамъ или торговцамъ *a deposito* или инымъ образомъ въ заемъ, будутъ ли эти проценты скрываться подъ видомъ *damnum emergens* или *lucrum cessans* или подъ личиною чего либо такого, что не подходитъ подъ закономъ разрѣшенные случаи. Ослушникамъ этого распоряженія законъ грозитъ утратою такимъ образомъ даннаго капитала, распредѣляющагося въ этомъ случаѣ между камерою, судьею и доносителемъ, изъ коихъ каждый получаетъ третью часть. Въ такомъ же размѣрѣ уплачиваетъ штрафъ и тотъ, кто указаннымъ способомъ принимаетъ деньги, причемъ штрафъ этотъ распредѣляется, какъ только что указано. Всякіе договоры и соглашенія, противорѣчащіе изложеннымъ запрещеніямъ, объявляются недѣйствительными и лишенными всякой юридической силы, «дабы предъ угрозою означеннаго штрафа воздерживались отъ нихъ въ будущемъ».

§ 47.

Тормозящее вліяніе католическаго духовенства, повсюду, гдѣ оно чувствовало подъ собою твердую почву, громившее проценты и всякую лихву, не ограничивалось одною Италіею, Франціею и Испаніею; оно проникло даже въ Англію, относительно которой сохранились извѣстія, что со времени Генриха VII до Эдуарда VI, т. е. въ періодъ времени между 1485 и 1553 гг., *cambia sicca* разсматривались, очевидно, подъ вліяніемъ духо-

венства, какъ ростовщическія сдѣлки, а потому были запрещены [173]).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ видовъ векселей особою благосклонностью и покровительствомъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ властей пользовались *ярмарочные векселя.* Ихъ считали векселями наиболѣе нормальными, всего ближе отвѣчающими назначенію векселя—служить простымъ средствомъ обмѣна разномѣстныхъ денегъ и всего менѣе пригодными для обхода запрещенія взиманія процентовъ и для прикрытія лихвенныхъ соглашеній. Къ тому же, самимъ торговцамъ ярмарочный вексель служилъ великую службу: онъ избавлялъ ихъ отъ необходимости производить расплаты наличными деньгами и парализовалъ тотъ вредъ, который терпѣли торговыя дѣла отъ монетной неурядицы и монетныхъ злоупотребленій. Только благодаря помощи этого векселя, многіе негоціанты, а равно банкиры, отправлявшіеся на ярмарку для милліонныхъ оборотовъ, брали съ собою сюда самыя незначительныя суммы денегъ, способныя покрыть лишь текущіе расходы нѣсколькихъ дней жизни [174]); только благодаря ему, они уплачивали многотысячные долги, не прибѣгая для этого ни къ какой звонкой монетѣ. Ничего нѣтъ, стало быть, удивительнаго, что ярмарочный вексель привлекалъ къ себѣ всеобщія симпатіи, признавался явленіемъ не только терпимымъ, но и весьма желательнымъ, и пользовался особымъ фаворомъ у духовенства, громы коего оставляли его въ сторонѣ. Какимъ образомъ вексель приспособился къ интересамъ ярмарокъ и какъ онъ тутъ устроился, мы уже видѣли выше. Но всѣ главнѣйшія ярмарочныя операціи, именно зачетъ взаимныхъ требованій при помощи векселей и опредѣленіе вексельнаго курса съ ярмарки

---

[173]) **Biener** Wechselr. Abh. стр. **104** въ к.

[174]) **Raphael de Turri** disp. sec. qu. prima prologomena n. 29 по этому поводу говоритъ, что платежи наличными деньгами происходили весьма рѣдко и въ дѣйствительности почти никогда. Особенное удивленіе на ярмаркахъ во всякомъ вызывало то обстоятельство, что во взаимныхъ отношеніяхъ контрагентовъ наименьшее участіе принимали именно деньги и, не смотря на то, что обороты въ дѣйствительности производились на огромныя суммы денегъ, въ сихъ послѣднихъ всегда былъ великій недостатокъ. «Et illi ipsi bancherii, продолжаетъ де Турри, qui centies centena aureorum millia, in qualibet feria verè, et cum effectu commutant, vix tot pecunias afferunt, quae ad expensas victus paucorum dierum sufficiant».

на тѣ мѣста, кои состоятъ съ нею въ дѣловой связи, были бы совершенно немыслимы, если бы купцы держались существующихъ монетныхъ системъ. Возможно ли было урегулировать и опредѣлить правильное соотношеніе монетъ одной системы къ монетамъ другой, когда эти системы всего менѣе повинны были въ постоянствѣ, когда онѣ чуть не каждый мѣсяцъ мѣнялись по прихоти и мимолетнымъ нуждамъ субъектовъ монетной регаліи, когда рѣдкая монета соотвѣтствовала своей пробѣ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ была ниже ея, причемъ даже трудно было сказать, насколько ниже? При такомъ положеніи вещей не было ни малѣйшей фактической возможности не на обумъ, а правильно указать въ векселѣ, какая сумма должна быть выдана на данномъ мѣстѣ за полученную векселедателемъ валюту. Поставленное въ столь, казалось бы, безвыходное положеніе, купечество однако и тутъ скоро нашлось, и средство, которое помогло ему производить свои разсчеты, игнорируя дѣйствительное состояніе монетныхъ системъ, по всей справедливости должно быть названо однимъ илъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ продуктовъ купеческой изобрѣтательности [175]). Это средство есть установленіе однообразнаго масштаба для измѣренія цѣнностей; назывался онъ *scutus marcharum.* Это не была индивидуальная монета, обладавшая опредѣленнымъ вѣсомъ и пробою, это была въ дѣйствительности вовсе не существующая, мнимая монета, или иначе постоянная математическая величина, съ помощью которой на италіанскихъ ярмаркахъ измѣрялись одноименныя съ нею дѣйствительныя монеты. Причина, почему масштабъ этотъ названъ словомъ скуда, кроется именно въ томъ, что дѣйствительная золотая скуда была весьма употребительна въ различныхъ территоріяхъ, хотя въ каждой изъ нихъ имѣла различное достоинство, а потому всего естественнѣе было назвать новую монету тѣмъ же именемъ, а затѣмъ уже не трудно было придумать и эпитетъ, отличавшій ее отъ дѣйствительной скуды. О происхожденіи этого эпитета Іеронимъ де Лука, а за нимъ Скачча (§ II Gl. III n. 30) разсказываютъ слѣдующее: употребленіе марки получило свое начало отъ того факта, что марки продавались на рынкѣ, подобно остальнымъ товарамъ. На пер-

---

[175]) **Endemann** Studien стр. 180.

выхъ порахъ, когда ярмарки происходили въ Женевѣ или въ другомъ мѣстѣ (въ какомъ именно, Скачча не знаетъ, ибо ничего опредѣленнаго у писателей своихъ предшественниковъ не нашелъ), туда стекались купцы изъ всѣхъ частей свѣта, въ томъ числѣ не мало и изъ Германіи; эти послѣдніе привозили съ собою и продавали золото въ отдѣльныхъ слиткахъ, по восьми унцій въ каждомъ; вотъ эти-то слитки и назывались марками. Многіе изъ италіанскихъ купцовъ, привозившіе туда же различные товары, на вырученную отъ продажи послѣднихъ цѣну накупали этихъ марокъ, отвозили ихъ въ свои родные города, чеканили тутъ изъ нихъ деньги и такимъ путемъ пріобрѣтали еще нѣкоторую выгоду.

Такимъ образомъ, въ маркѣ средневѣковой торговый міръ пріобрѣлъ опредѣленный и неизмѣнный масштабъ оцѣнки цѣнностей и по сравненію его съ тогдашнею вѣчно колеблющеюся, пестрою и разнообразною монетою масштабъ этотъ оказался чрезвычайно удобнымъ и вполнѣ пригоднымъ для торговыхъ цѣлей. Не подвергаясь никакой отдѣлкѣ и чеканкѣ, марка вслѣдствіе того не нуждалась ни въ какихъ постороннихъ примѣсяхъ, а потому не переставала заключать въ себѣ одно и тоже количество золота, именно 8 унцій, присутствіе коихъ легко было провѣрить посредствомъ простаго доступнаго всякому взвѣшиванія. Наличность такихъ удобствъ весьма скоро заставила торговыхъ людей обратить марку въ обычное мѣрило цѣнностей и замѣнить ею всѣ остальныя тогдашнія неустойчивыя, обманчивыя и вѣроломныя монеты, тѣмъ болѣе, что для пользованія маркою не требовалось никакого особеннаго знакомства съ какою-либо монетною системою, ибо опредѣленный вѣсъ чистаго золота не могъ представить никакихъ усложненій для его обнаруженія.

Впослѣдствіи, когда всесвѣтныя ярмарки перенесены были въ Ліонъ, употребленіе слитковъ золота вѣсомъ въ 8 унцій прекратилось, но представленіе объ нихъ, какъ о мѣрилѣ цѣнностей, и стремленіе измѣрять все на марки золота уже глубоко вкоренились въ торговомъ мірѣ, а потому продолжали твердо держаться среди купцовъ. При посредствѣ векселей купцы на свои чеканныя деньги покупали марки золота, которыя, открывая имъ возможность производства торговыхъ операцій на ярмаркѣ съ представителями различныхъ странъ и государствъ, въ тоже время могли быть легко и во всякое время обмѣниваемы на ту или

другую туземную монету. Рафаэль де-Турри (disp. prima qu. quarta n. 33) сообщаетъ, что марка на ліонскихъ ярмаркахъ была общеупотребительнымъ средствомъ расплаты во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ и французскимъ королямъ удалось вытѣснить ее изъ употребленія лишь тогда, когда они начали чеканить скуды изъ чистѣйшаго золота, 65 штукъ коихъ равнялись одной маркѣ. Съ этого времени купцы стали расплачиваться скудами, но названіе марки продолжало еще сохраняться.

Такимъ образомъ прежняя марка, состоявшая изъ восьми унцій чистаго золота, превратилась теперь въ собирательную единицу, распадавшуюся на 65 равныхъ долей, носившихъ названіе *scuti marcharum*. Этимъ именемъ обозначались именно точныя и постоянно одинаковыя математическія доли марки, а не золотыя чеканныя монеты, которыя назывались просто скудами и проба коихъ далеко не отличалась устойчивостью. Такимъ образомъ мѣсто прежней марки заняла марка скудъ, состоявшая изъ 65 равныхъ частей восьми унцій золота, т. е. восемь унцій дѣлилось на 65 частей, изъ коихъ каждая называлась скудою марки. Эта устойчивая, постоянная и опредѣленная монетная единица полагалась въ основаніе всѣхъ взаимныхъ разсчетовъ разномѣстныхъ и разноплеменныхъ купцовъ; ею измѣрялись различныя суммы денегъ, вексельнымъ путемъ переводившіяся изъ другихъ городовъ на ярмарку, ибо она играла роль международнаго масштаба измѣренія цѣнностей, а такъ какъ ярмарки были именно международными рынками, то естественно, что примѣненіе для себя масштабъ этотъ нашелъ именно здѣсь, на ярмаркахъ. Въ виду этого каждый, выдававшій векселъ на ярмарку, являлся въ роли продавца скудъ марки, эквивалентъ за которыя онъ получалъ отъ покупателя туземною монетой. Но когда векселъ выдавался на ярмаркѣ для реализаціи его въ другомъ мѣстѣ, то предметомъ покупки являлась монета, имѣющая обращеніе въ этомъ мѣстѣ, такъ что въ этихъ случаяхъ валюта выражалась въ скудахъ марки, а сумма, подлежащая выдачѣ, опредѣлялась туземною монетой [176]).

---

[176]) **Raphael de Turri** disp. prima qu. 22 n. 7. «Sed si de regularibus Cambiis sermo sit, quae sunt in qualibet mundi parte pro feria Placentina, seu Bisuntina, nullum aliud genus monetae tamquam rem deduci posse in contractu, praeter scutum marcharum; si de illis vero Cambijs, quae in dic-

Итакъ, скуда марки превратилась въ постоянную счетную единицу, съ помощью которой можно было однообразно измѣрять цѣнность всякаго товара и устанавливать соотношеніе между монетами различныхъ системъ. Такъ какъ вѣсъ золота въ каждой скудѣ марки былъ извѣстенъ и никакихъ колебаній не претерпѣвалъ, то для опредѣленія соотношенія между нею и тузем-ною монетой стоило лишь установить вѣсъ золота въ этой послѣдней, и тогда ихъ взаимное отношеніе становилось вполнѣ яснымъ. Если, напр., въ туземной монетѣ золота было на поло-вину меньше, чѣмъ въ скудѣ марки, то само собою понятно, что скуда марки равнялась двумъ означеннымъ монетамъ. Только благодаря наличности подобнаго твердаго мѣрила и возможно было поставить вексельный оборотъ на твердую почву и сооб-щить ему ту устойчивость, которую не могли поколебать нака-кія злоупотребленія мѣстною звонкою монетою. Что̀ бы обладатель монетною регаліей ни продѣлывалъ съ своею монетою, какъ бы онъ ни уменьшалъ ея пробу, какой бы курсъ онъ ей ни при-давалъ, купецъ, обладая незыблемою, твердою единицею, всегда могъ опредѣлить истинную цѣну подобной монеты и указать ей подобающее значеніе и достоинство на международномъ рынкѣ.

Какъ можно судить изъ словъ Скачча (§ II gl.ª III n. 68), честь изобрѣтенія подобной монеты принадлежитъ генуэзцамъ. Перечисляя существующія собирательныя монеты и опредѣляя ихъ подраздѣленія, Скачча говоритъ, что золотую скуду, какъ фиктивную монету, состоящую изъ 68 солидовъ, изобрѣли ге-нуэзцы для частныхъ вексельныхъ сдѣлокъ (inventae a Genuen-sibus pro particulari negotiatione cambiorum in Republica Ge-nuensi) [177]).

---

tis feriis pro qualibet mundi parte, et de irregularibus, quae de platea ad plateam fiunt; illud tantummodo genus pecuniarum est deducibile, quod in qualibet ex dictis plateis est constitutum ad Cambia celebranda, puta tam Romae, quam Genuae scutorum auri in aure de quinque stampis..... Venetiis, Neapoli, ducatorum, Mediolani et Bergomi ducatonorum, et sic de reliquis»,

[177]) Въ этихъ словахъ Эндеманъ (ib. стр. 183) усматриваетъ почему-то намекъ на то, что созданію этой монеты соотвѣтствовало «стремленіе ис-кусственнымъ появленіемъ подобныхъ фиктивныхъ денегъ обмануть догму о лихвѣ насчетъ вексельной прибыли». Мы, по меньшей мѣрѣ, въ цитирован-ной латинской фразѣ такого намека не усматриваемъ. Равнымъ образомъ неправильно, на нашъ взглядъ, толкуетъ Эндеманъ приводимыя имъ изъ Р. де Турри (disp. I qu. 22 n. 12) слова, относя ихъ къ скудамъ марки, между

«Чтобы выйти изъ безотраднаго положенія монетныхъ системъ, говоритъ Эндеманъ (ib. стр. 184), купцы создали для себя воображаемую монету», ибо права чеканки монеты, которое бы уполномочило ихъ чеканить и выпускать въ обращеніе дѣйствительную монету, у нихъ не было. Что же касается установленія фиктивныхъ монетъ, то это возбранено имъ быть не могло, ибо этимъ они ничьей монетной регаліи не затрогивали, да и никакой монетной регаліи не осуществляли. Имѣя въ своемъ распоряженіи подобную постоянную и идеальную единицу мѣры, купцы безъ всякаго затрудненія справлялись съ разнообразнѣйшими курсами и разнообразнѣйшими монетными системами. По внѣшности выходило, что эта единица постоянно колебалась въ цѣнѣ, но это только казалось и притомъ вслѣдствіе того, что купцы ее, если можно такъ выразиться, переводили на языкъ мѣстныхъ денегъ, т. е. выражали ее въ томъ количествѣ мѣстныхъ денегъ, которое ей соотвѣтствовало. Такъ, если одна скуда золота, т. е. 68-я доля марки, равнялась въ Генуѣ одной скудѣ и, положимъ, 8 денарамъ, т. е. одна скуда и 8 денаровъ мѣстной монеты соотвѣтствовали одной фиктивной скудѣ, то говорили, что скуда въ Генуѣ стоитъ 1 скуду и 8 ден. Такихъ комбинацій могло быть безчисленное множество, но относительно всѣхъ ихъ освѣдомленный купецъ ни на минуту не сомнѣвался: онъ прекрасно понималъ, что тутъ дѣло идетъ о результатѣ, получившемся при измѣреніи мѣстной монеты общеупотребительнымъ и неизмѣннымъ денежнымъ масштабомъ. Этотъ же масштабъ служилъ контрагентамъ и въ томъ случаѣ, когда они совершали векселя изъ такихъ и на такія мѣста, гдѣ не было ярмарокъ. Такъ какъ ярмарочный магистратъ тутъ не дѣйствовалъ и цѣны денегъ, по сравненію съ идеальною мѣстною единицею, не устанавливалъ, то эту функцію совершали сами контрагенты, причемъ для прикрытія процентовъ могли выражать не дѣйствительное соотношеніе единицы измѣренія къ данной мѣстной монетѣ, а большую или меньшую противъ нормы стоимость послѣдней, смотря по надобности и интересамъ сторонъ [178]). Ясно,

---

тѣмъ какъ они сказаны по поводу введенія въ употребленіе прежней еще нераздѣльной марки, равной 8 унціямъ золота.

[178]) Именно эти мысли и выражаетъ Рафаэль де Турри въ disputatio secunda quaestio decima octava n. 35. См. объ этомъ также **Endemann** ц. с. стр. 182 — 184.

стало быть, что въ такіе векселя легко могли прокрасться произволъ, несправедливость, истинное ростовщиство и т. п. качества, недоступныя для ярмарочныхъ векселей, гдѣ разсчетъ и оцѣнка монетъ производились согласно нормѣ, установленной ярмарочнымъ магистратомъ. Вотъ чѣмъ объясняется повсемѣстное благосклонное отношеніе въ разсматриваемую эпоху къ ярмарочнымъ векселямъ и, наоборотъ, подозрительность по отношенію къ остальнымъ векселямъ, и вотъ почему де Турри называетъ ярмарочные векселя правильными, нормальными, а остальные неправильными, ненормальными.

Помянутый масштабъ необходимъ былъ также для измѣренія валюты векселя, которая и въ разсматриваемую эпоху составляла непремѣнную вексельную принадлежность, отличавшую вексель отъ простой ассигновки или простаго перевода денегъ. Внося въ вексельное письмо указаніе на валюту и обозначая, въ чемъ она состояла и кто ее доставилъ, векселедатель тѣмъ самымъ гарантировалъ плательщику валюты возможность обратнаго требованія къ нему, векселедателю, если вексель въ свое время и въ своемъ мѣстѣ не будетъ оплаченъ. Что касается способа обозначенія валюты, то въ началѣ разсматриваемаго періода контрагенты аще не вполнѣ отрѣшились отъ первоначальнаго назначенія векселя — быть посредникомъ обмѣна однѣхъ денегъ на другія, а потому и самая форма его продолжала соотвѣтствовать этому назначенію. Въ векселѣ по прежнему продолжалось обозначеніе того рода и той суммы денегъ, которые приняты для размѣна, а равно того количества данныхъ тузем-ныхъ денегъ, какое имѣетъ быть выдано въ замѣнъ полученнаго. Съ теченіемъ времени, когда вексель сталъ уклоняться отъ своего первоначальнаго назначенія, когда онъ сталъ служить всякимъ коммерческимъ цѣлямъ, но всего менѣе размѣну денегъ, подробное и точное обозначеніе валюты отошло на задній планъ, такъ что въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ въ векселяхъ насчетъ валюты уже стали выражаться глухо, ограничиваясь словами, что она получена, и указаніемъ, отъ кого и какъ она получена; прежняго ариѳметическаго разсчета, гдѣ обозначались сумма, родъ и курсъ полученныхъ денегъ, и указывалось, сколько за нихъ слѣдуетъ въ данномъ мѣстѣ выдать тамошними деньгами, теперь уже какъ не бывало. Въ сборникѣ рѣшеній генуэзскаго суда (Decisiones Rotae Ge-

nuae)[179]), именно въ рѣшеніяхъ помѣщенныхъ тутъ подъ №№ XXXII и XLIV, уже прямо говорится о купеческомъ обычаѣ обозначать въ векселѣ полученіе валюты словами: *pro valuta habita* или *per la valuta avuta.* Выраженія же *pro totidem cambiatis (cambiati con noi, conti ànoi)* означали, что валюта въ дѣйствительности не была уплачена, но векселедатель согласился обождать ея уплаты, оказать векселепринимателю кредитъ въ размѣрѣ величины валюты или разсчитался съ нимъ по ея поводу иначе, напр., въ замѣнъ ея получилъ вексель, по коему онъ состоялъ плательщикомъ. Такъ, если векселедатель долженъ былъ уплатить по другому векселю равную валютѣ сумму тому лицу, которое обязано представить эту валюту, то замѣнить послѣднюю могъ означенный вексель, ибо, освобождая векселедателя отъ платежа значащейся въ вексельномъ документѣ суммы, эта послѣдняя какъ бы ему уплачивается.

§ 48.

Уже раньше сказано было, что у купцовъ сложился обычай запасаться не однимъ, а двумя или болѣе экземплярами одного и того же векселя. Къ какому именно времени слѣдуетъ отнести первое возникновеніе этого обычая, сказать невозможно, ибо во всѣхъ институтахъ частнаго права, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ не предписанію законодательной власти, а народному обычаю, указать съ точностью, кому, когда и при какихъ обстоятельствахъ пришло въ голову первому прибѣгнуть къ данной формѣ частныхъ отношеній, немыслимо, ибо никто такихъ фактовъ не записываетъ, никого они не удивляютъ и никому они не бросаются въ глаза. На нихъ начинаютъ обращать вниманіе тогда лишь, когда частое повтореніе этихъ фактовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ общественномъ характерѣ, указываетъ на то, что не только тѣ или другіе единичные индивиды усвоили себѣ данный пріемъ или данную форму отношеній, но что этимъ послѣднимъ сопричастно все общество.

---

[179]) По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ мы съ этой части нашего изслѣдованія лишены возможности пользоваться этимъ сборникомъ, а вынуждены цитировать помѣщенные въ немъ рѣшенія по инымъ монографіямъ. Тутъ они цитируются по **Biener**'у Wechselr. Abh. стр. 106.

Итакъ, кто и когда впервые прибѣгъ къ помощи копій векселя, это безусловно неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что обычай этотъ довольно давняго происхожденія, ибо объ немъ упоминается уже въ одномъ изъ прежде изложенныхъ нами консиліумовъ Балда отъ 1395 г., гдѣ между прочимъ говорится, что требованіе выдачи втораго и третьяго экземпляра векселя, согласно установившемуся между торговцами обычаю, не встрѣчаетъ отказа. Если въ 1395 г. объ этомъ говорится, какъ объ установившемся обычаѣ, то, значитъ, возникнуть этотъ обычай долженъ былъ несравненно раньше, ибо не одинъ десятокъ, а быть можетъ, даже не одна сотня лѣтъ могли протечь прежде, чѣмъ онъ окончательно сложился. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ его возникновенію послужили условія средневѣковыхъ сношеній. Великія опасности, выпадавшія на долю путника при слѣдованіи по тогдашнимъ дорогамъ, унесли съ собою не мало человѣческихъ жизней и добра и заставили прибѣгать къ различнымъ и чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ для противодѣйствія, если не самому злу, то, по меньшей мѣрѣ, его послѣдствіямъ. Правильныхъ путей сообщенія, какъ мы прежде видѣли, вовсе не было: почтовой гоньбы въ позднѣйшемъ смыслѣ слова тогдашнія государства еще не знали, а всякій, имѣвшій надобность отослать что-либо въ другое отдаленное мѣсто, долженъ былъ или выжидать благопріятной оказіи, или снарядить своего собственнаго гонца. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ никто не могъ поручиться за успѣшный результатъ, никто не могъ съ увѣренностью сказать, что посылка своевременно или даже вообще достигнетъ до мѣста назначенія, ибо дороги кишѣли разбойниками, коп, почти не встрѣчая никакого противодѣйствія и организованнаго преслѣдованія со стороны высшихъ властей, безбоязненно и свободно предавались своей хищнической профессіи. Впрочемъ, и помимо разбойниковъ путникъ, не защищенный внушительною вооруженною силой, могъ натолкнуться на иныя разнообразныя опасности и притомъ среди мирнаго населенія, хищные инстинкты коего далеко еще не окончательно подавлены были правильною внутреннею организаціей государствъ и устройствомъ сильной администраціи, готовой во всякую минуту энергическими мѣрами прекратить нарушеніе порядка, законности и дисциплины. Такимъ образомъ каждый, отсылавшій вексельное письмо куда-либо на ярмарку

или въ другое мѣсто, не могъ быть увѣренъ, что письмо это достигнетъ мѣста своего назначенія и притомъ прибудетъ туда своевременно: гонецъ могъ дорогой письмо затерять, могъ быть задержанъ гдѣ-либо болѣзнью, могъ подвергнуться нападенію разбойниковъ и, наконецъ, могъ быть убитъ въ дракѣ съ буйными представителями мирнаго населенія; подобная же участь могла постигнуть и случайныхъ путниковъ, отправлявшихся въ мѣсто назначенія письма и взявшихъ это послѣднее съ собою для доставленія, кому слѣдуетъ. Чтобы парализовать результаты такихъ весьма обычныхъ въ то время несчастныхъ случаевъ, не оставалось инаго средства, какъ послать нѣсколько экземпляровъ одного и того же письма различными способами въ томъ разсчетѣ, что по меньшей мѣрѣ одинъ изъ этихъ экземпляровъ своевременно и благополучно прибудетъ къ мѣсту назначенія. Отказать въ выдачѣ такихъ копій никакой векселедатель въ то время не рѣшался, ибо это значило бы явно обнаружить свою недобросовѣстность, открыто проявить безнравственное вожделѣніе при помощи чужаго несчастія освободиться отъ исполненія своего обязательства; а такіе поступки способны были только подорвать къ векселедателю всякое довѣріе въ коммерческомъ мірѣ и навсегда погубить его торговое реноме, его доброе имя среди торговцевъ. И дѣйствительно, указанія на случаи такого отказа въ сохранившихся документахъ не встрѣчается: наоборотъ, выдавая такія копіи, векселедатели лишь обозначали въ каждой изъ нихъ, что она есть копія и притомъ вторая, третья и т. д. Дѣлалось это для того, чтобъ предупредить возможность требованія двукратнаго исполненія по одному и тому же векселю.

Такая выдача копій, обязанная своимъ первоначальнымъ появленіемъ силѣ необходимости, съ теченіемъ времени превратилась въ привычку, а затѣмъ въ торговый обычай, исполненіе коего стало уже обязательнымъ и о существованіи коего свидѣтельствуютъ Балдъ въ указанной своей консультаціи, а равно вышеприведенные образцы векселей отъ 1381, 1384, 1395 и 1404 гг., въ текстахъ коихъ упоминается, что они суть первый экземпляръ. Сверхъ того о существованіи такого обязательнаго обычая прямо свидѣтельствуетъ писатель Скакча (§ I qu 5 n. 44), который, приведя обычную въ его время формулу векселя, по ея поводу между прочимъ замѣчаетъ, что доставитель валюты можетъ и не удовлетвориться однимъ экземпляромъ, а по требо-

вать два или три, «cum posset evenire casus, объясняетъ Скачча, ut primae, vel secundae amitterentur». Когда законодательная дѣятельность государствъ охватила собою и область вексельнаго права, то она нашла уже готовыя правила и формулы, сложившіяся путемъ обычая, а потому она начала съ того, что утвердила эти правила и формулы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ застала, а вмѣстѣ съ ними она санкціонировала и право плательщика валюты требовать выдачи векселя въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Такъ, знаменитый ордонансъ Людовика XIV отъ 1673 г. (Edit du Roy, servant de reglement pour le Commerce des Négocians et Marchands, tant en gros qu' en détail. Donné à Saint Germain en Laye au mois de Mars 1673) [180]), представляющій собою не что иное, какъ законодательное закрѣпленіе существовавшихъ дотолѣ торговыхъ обычаевъ, въ article XVIII tit. V постановляетъ, что платежъ можетъ быть потребованъ и учиненъ по второму экземпляру векселя (en vertu d'une seconde lettre) безъ представленія обезпеченія, если первый имѣетъ получить опредѣленное лицо, а не любой предъявитель, причемъ требуется только, чтобы на векселѣ было обозначено, что онъ второй экземпляръ и что первый или вообще всѣ предыдущіе экземпляры объявляются ничтожными. *Bornier* (Conferences des ordonnances, Tome second стр. 590), толкуя слова приведеннаго артикла: «le payement en pourra être poursuivi et fait en vertu d'une seconde lettre», поясняетъ, что векселя суть маленькіе и отдѣльные листки, ни къ чему не прикрѣпленные (papiers volans), а потому легко утрачивающіяся, а безъ нихъ банкиръ-корреспондентъ, пожалуй, откажется платить; въ виду этого трассатъ и его корреспондентъ нуждаются въ копіи векселя. «Банкиръ изъ осторожности, говоритъ далѣе Борнье, долженъ написать и доставить двѣ или три копіи одного и того же векселя совершенно одинаковаго содержанія, отъ того же числа и того же адресса, какъ утверждаетъ Язонъ въ своемъ 348 заключеніи (conseil) [181]), съ тѣмъ

---

[180]) Напечатанъ у Iohann Gottlieb Siegels Corpus juris Cambialis. Leipzig 1742 т. 1 стр. 442—469, а равно у **Борнье** Conférences des ordonnances de Louis XIV т. 1 стр. 437—755.

[181]) **Jason de Mayno** родился въ 1435 г. и умеръ въ 1519 г.; съ 1467 г. былъ профессоромъ въ Павіи, Падуѣ и Пизѣ. См. **Briegleb** ц. с. т. 2 стр. 183.

однако же, чтобы на первомъ экземплярѣ обозначалось, что онъ первый, а на второмъ, что онъ второй и что по нему слѣдуетъ платить, если не уплачено по первому. Это введено ради того, *ne fides cambii jam contracti periret et ne amissis seu interceptis primis vel secundis litteris cambii, cogatur ad campsorem iterum redire*» (т. е. дабы совершенные уже векселя не утратили кредита и потеря или похищеніе перваго или втораго экземпляра векселя не заставили вновь обращаться къ мѣнялѣ). Слова эти, очевидно, принадлежатъ Язону, на cosilium коего указываетъ Борнье.

§ 49.

Доселѣ мы останавливались преимущественно на бытовыхъ условіяхъ вексельной сдѣлки, стараясь скомбинировать тѣ причины и условія, наличность и совокупность коихъ привели, съ одной стороны, къ возникновенію векселя вообще, а съ другой-къ различнымъ его видоизмѣненіямъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ представлялась въ разсматриваемую эпоху юридическая природа векселя; другими словами, что̀ представлялъ собою вексель съ точки зрѣнія юриспруденціи того времени.

Прежде всего необходимо замѣтить, что вексель, по воззрѣнію того времени, не былъ самостоятельною бумагою, существующею и циркулирующею вполнѣ независимо отъ того отношенія, отъ той causa, изъ которой и ради которой она возникла. Совершенно наоборотъ, вексель былъ заключительнымъ моментомъ договорнаго соглашенія, которое въ немъ получало свой окончательный и безповоротный обликъ. Въ него это соглашеніе воплощалось и чрезъ него оно воспринимало подобающую ему наружность. Договоръ этотъ происходилъ собственно между двумя лицами, именно между платящимъ или обѣщающимъ валюту, съ одной стороны, и обѣщающимъ выдать въ замѣнъ ея эквивалентъ въ видѣ извѣстной суммы опредѣленнаго сорта денегъ съ другой. Такъ понимаетъ вексель одинъ изъ старинныхъ спеціалистовъ по вексельному праву, именно Рафаэль де Турри (q. c. disp. 1 qu. sec. n. 10), поясняющій, что въ векселѣ участвуетъ четыре и больше лица, но контрагентовъ собственно въ немъ два, причемъ подъ контрагентами, предостерегаетъ онъ, слѣдуетъ понимать не лица, а стороны, ибо хотя послѣднихъ только двѣ, но на каждой изъ нихъ можетъ быть по нѣскольку

лицъ, представляющихъ собою вмѣстѣ одну сторону. Такъ, напр., къ векселедателю можетъ присоединиться поручитель, и тогда тутъ будетъ два лица и даже два обязательства, но оба будутъ изображать собою одну сторону. Эти двѣ стороны Скачча (§ 1 qu. 3 n. 7) называетъ *campsor* и *campsuarius*, поясняя, что подъ *campsuarii* можно понимать тѣхъ, кои просятъ дать имъ подъ вексель, а подъ *campsores* тѣхъ, у коихъ просятъ подъ вексель. Такимъ образомъ, оба названные писателя признаютъ въ вексельной сдѣлкѣ только двѣ стороны, давая этимъ послѣднимъ лишь различныя названія. Этому послѣднему обстоятельству едва ли можно придавать какое-нибудь рѣшающее значеніе: шаткость терминологіи свидѣтельствуетъ тутъ не о различномъ пониманіи существа дѣла, а лишь о томъ, что составныя части сдѣлки, въ силу сравнительно недавняго происхожденія вексельнаго института, не получили еще вполнѣ однообразной клички, благодаря чему всякій писатель, коему приходилось объ нихъ говорить, самъ придумывалъ имъ подходящее съ его точки зрѣнія названіе. Это явленіе относительно новыхъ институтовъ наблюдается и въ наше время съ тою лишь разницею, что нынѣ гораздо скорѣе придумываются термины, чѣмъ въ тѣ отдаленныя времена, когда писали оба названные писателя, и когда развитіе институтовъ гражданскаго права шло медленно и вяло.

И такъ, и Скачча и Рафаэль де Турри вполнѣ согласны между собою насчетъ количества участвующихъ въ вексельной сдѣлкѣ сторонъ. Если первый изъ нихъ и называетъ ихъ campsor и campsuarius, то этимъ онъ вовсе не хочетъ сказать, что векселя суть аттрибутъ только мѣнялъ. Надо думать, что давая эти названія, онъ отправлялся отъ существа вексельной сдѣлки, какъ оно понималось въ его время: при векселѣ, по тогдашнему пониманію, дѣло идетъ объ обмѣнѣ однѣхъ денегъ на другія, а потому того, кто мѣняетъ, всего ближе было назвать *campsor*, а кому мѣняютъ *campsuarius*, такъ что тѣмъ и другимъ могли быть не только мѣнялы, но и всякія иныя лица, производящія вексельную операцію[182]). Самый естественный и нормальный

[182]) Ср. также **Эндемана** ц. с. стр. 193 и сл., съ нѣкоторою натяжкой объясняющаго оба приведенныя названія тѣмъ, что нуждающіеся въ векселѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обращались для этого къ мѣнялѣ (campsor) или банкиру и валютою покупали у нихъ потребный вексель. Мое объясненіе я считаю ближе отвѣчающимъ истинному смыслу

ходъ вексельной сдѣлки состоялъ въ томъ, что имѣвшій надобность въ иномъ мѣстѣ по истеченіи извѣстнаго времени въ опредѣленной суммѣ денегъ обращался къ банкиру или иному лицу, желавшему оказать эту услугу, и уплачивалъ ему равноцѣнную валюту, получая въ замѣнъ ея вексель, долженствовавшій доставить къ данному сроку потребную сумму. Тутъ, какъ выражались старинные юристы, наличными деньгами покупались отсутствующіе или наличныя мѣнялись на отсутствующія. Но эта же процедура съ теченіемъ времени приняла обратное направленіе. Такъ какъ для полученія векселя предварительно уплачивалась опредѣленная сумма денегъ, эквивалентъ которой имѣлъ быть выданъ впослѣдствіи, то нужда въ деньгахъ и слѣпое преслѣдованіе процентовъ со стороны канонистовъ скоро научили людей возможности эксплоатировать описанную процедуру въ интересахъ процентныхъ займовъ. Для этого нуждающійся въ деньгахъ уже самъ просилъ дать ему въ займы извѣстную валюту подъ опредѣленные проценты, въ обезпеченіе уплаты каковой выдавалъ вексель. По внѣшности тутъ все оставалось по старому: отъ третьяго лица получалась валюта или, что тоже, опредѣленная сумма туземными деньгами съ тѣмъ, чтобъ эта сумма къ извѣстному сроку была выдана назначенному лицу деньгами инаго указаннаго въ соглашеніи мѣста. Этимъ способомъ вся внѣшняя обстановка векселя сохранялась въ неприкосновенномъ видѣ, и съ этой стороны ни одинъ канонистъ не могъ бы найдти повода къ придиркѣ. Тѣмъ не менѣе такого рода векселя принципіально отличались отъ прежнихъ. Прежде векселедатель былъ не просителемъ, не нуждающимся въ извѣстной услугѣ лицомъ, а самъ оказывалъ эту услугу, за которую и получалъ опредѣленное вознагражденіе; вексель являлся лишь средствомъ осуществленія, реализаціи этой услуги.

Теперь роли перемѣнились. Векселедатель самъ предварительно искалъ денегъ; полученіе этихъ послѣднихъ было уже

терминовъ Скакча, ибо во времена послѣдняго вексель не отрѣшился еще отъ своей первоначальной идеи быть орудіемъ размѣна денегъ. Такой взглядъ Скакча на вексель прямо усматривается изъ § I qu. 4 n. 2 (tertia et ultima est [permutatio] pecuniae cum pacunia, et iste proprie dicitur cambium). Впрочемъ, я не особенно настаиваю на своемъ объясненіи, ибо и воззрѣніе Эндемана можетъ быть подкрѣплено между прочимъ § I qu. 7 Par. II Ampliatio 6 n 9 въ срединѣ.

услугою не его, а ему, за которую не ему, а онъ долженъ былъ уплатить; другими словами, вопреки прежнему положенію вещей, въ роли просителя являлся самъ векселедатель, который за полученную имъ валюту вынужденъ былъ не получать, а платить вознагражденіе собственнику ея; вексель пересталъ играть роль простаго удостовѣренія права получить эквивалентъ, а пріобрѣлъ значеніе документа, удостовѣряющаго заемъ. Казалось бы, чѣмъ прибѣгать къ такого рода маскараду, всего сподручнѣе было бы выдать простую заемную росписку. Но безусловно господствовавшая въ то время каноническая догма о процентахъ парализовала даже всякую мысль о возможности подобнаго прямаго и простаго средства достиженія цѣли: выдача обыкновенной росписки съ прямымъ или скрытымъ въ ней указаніемъ процентовъ, взысканныхъ или имѣющихъ быть взысканными при уплатѣ капитальной суммы долга, связана была съ громаднымъ рискомъ: кредиторъ, который дерзнулъ бы публично потребовать по такой роспискѣ платежа, пошелъ бы на встрѣчу опасности не только окончательно лишиться принадлежащей ему капитальной суммы долга, но и подвергнуться установленнымъ за лихоимство наказаніямъ. Привелось такимъ образомъ искать иныхъ болѣе окольныхъ путей для удовлетворенія обыкновенныхъ житейскихъ нуждъ. Самымъ сподручнымъ въ этомъ отношеніи путемъ былъ вексель, удостоившійся полнаго одобренія даже чистыхъ богослововъ и торжественно признанный всемогущимъ въ то время верховнымъ римскимъ архипастыремъ. Не лучше ли было воспользоваться столь безопаснымъ, общепризнаннымъ, получившимъ безспорное право гражданства средствомъ, чѣмъ раздражать въ то время всесильное, фанатичное и стойкое въ своихъ заблужденіяхъ католическое духовенство со всѣмъ сонмомъ его не выходившихъ изъ религіознаго экстаза свѣтскихъ приспѣшниковъ и поборниковъ.

Понятно, что пронырливые и изобрѣтательные аферисты, съ одной стороны, и толкаемые вопіющею и неотложною нуждою въ деньгахъ торговцы и иные дѣятели, съ другой, не замедлили воспользоваться столь безопаснымъ и легкимъ средствомъ удовлетворенія ихъ взаимной потребности и постарались эксплоатировать его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Это обстоятельство не укрылось отъ зоркихъ и бдительныхъ глазъ канонистовъ и богослововъ, кои легко угадали въ новыхъ векселяхъ стремленіе

законными средствами обойти запрещеніе процентовъ, т. е. фактически обезсилить ихъ родное дѣтище, воспитаніе коего стоило имъ такъ много труда, борьбы и неослабнаго вниманія. Изъ богословскаго и каноническаго лагеря стали раздаваться весьма энергичные протесты противъ новой манипуляціи съ вексельными сдѣлками. Но среди юристовъ того времени нашлись и защитники этого новаго примѣненія вексельныхъ сдѣлокъ, столь неизбѣжнаго и необходимаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Въ роли такого защитника выступаетъ даже членъ іезуитскаго ордена, профессоръ Львовской академіи въ концѣ XVI стокѣтія, Леонардъ Лессій, сочиненіе коего въ первый разъ изданное въ 1605 г. подъ заглавіемъ: *De Iustitia et Iure caeterisque virtutibus cardinalibus libri IV*, было, какъ онъ самъ въ предисловіи объясняетъ, не что иное, какъ исправленный, значительно дополненный и приспособленный къ печати читанный имъ въ Львовской академіи курсъ о справедливости и правѣ.

«Нѣкоторые полагаютъ, говоритъ онъ (Lib. 2 cap. 23 dubitatio 4 n 27 — 34), что мѣняла не въ правѣ брать какую-либо пользу въ томъ случаѣ, когда онъ даетъ съ тѣмъ, чтобы получить данное обратно въ другомъ мѣстѣ: ибо онъ тогда не пересылаетъ чужихъ денегъ, но лишь даетъ свои въ займы съ тѣмъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ получить ихъ обратно съ приращеніемъ, а это ростовщиство». Но онъ, Лессій, заодно съ такими учеными, какъ Конрадъ, Каетанъ, Сото и Наварра, держится противнаго мнѣнія. Основанія этого его воззрѣнія состоятъ въ слѣдующемъ. Вопервыхъ, тутъ имѣется дѣйствительный переводъ денегъ, или, что одно и тоже, тутъ наличныя деньги стоютъ дороже отсутствующихъ. Кто предоставляетъ такія наличныя деньги лицу, имѣющему отсутсвующія деньги, тотъ оказываетъ послѣднему такую же услугу, какъ если бы онъ эти отсутствующія деньги перевелъ сюда. А такъ какъ услуга, состоящая въ переводѣ денегъ, допускаетъ оцѣнку на деньги, то и уплата наличными деньгами за отсутствующія тоже поддается денежной оцѣнкѣ, ибо она равносильна дѣйствительному переводу. Иначе говоря, кто предоставляетъ другому наличную сумму денегъ, имѣющую быть уплаченною въ другомъ мѣстѣ, тотъ достигаетъ такого же результата, какой получился бы, если бъ отсутствующія деньги были перевезены и выданы въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ уже получилъ должникъ. А разъ такой переводъ есть оплачи-

ваемая услуга, то почему же не должно быть оплачено дѣйствіе, устраняющее необходимость такого перевода и приводящее къ тому же результату? Далѣе, кто проситъ дать ему наличныя за отсутствующія, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ освободить его отъ труда перевозки его денегъ въ это мѣсто; но отъ этого труда освобождаетъ его мѣняла, уплачивая наличными и принимая на себя дѣло перевода отсутствующихъ денегъ. Если бы онъ возложилъ этотъ трудъ на мѣнялу, если бъ онъ прямо поручилъ ему перевести отсутствующія деньги, не получая отъ него никакихъ наличныхъ денегъ, то за исполненіе этого порученія долженъ былъ бы заплатить; почему же онъ не долженъ платить, когда отсутствующія деньги доставляются безъ реальнаго перевода ихъ? Надо замѣтить, однако, говоритъ Лессій, что нѣкоторые ученые отвергаютъ примѣненіе изложенныхъ основаній къ этого рода векселямъ. Они говорятъ, что кто прежде получаетъ отъ мѣнялы, а затѣмъ ему въ другомъ мѣстѣ возвращаетъ, тотъ скорѣе переводитъ въ это другое мѣсто деньги мѣнялы, чѣмъ мѣняла его деньги, а потому вознагражденія заслуживаетъ не мѣняла, а его контрагентъ. Далѣе, мѣняла не можетъ перевести деньги изъ другаго мѣста сюда прежде ихъ дѣйствительнаго полученія; но вѣдь въ разсматриваемомъ случаѣ онъ ихъ не получаетъ. На эти доводы противниковъ Лессій съ своей стороны возражаетъ слѣдующими соображеніями. Считается, что мѣняла перевелъ деньги потому именно, что онъ доставляетъ равноцѣнный трудъ и освобождаетъ своего контрагента отъ перевода. Если даже стать на точку зрѣнія противниковъ и допустить, что не мѣняла переводитъ деньги контрагента, а этотъ послѣдній переводитъ деньги мѣнялы, то мѣняла не обязанъ ничего платить, ибо о такомъ переводѣ не просилъ. Таковы доводы противъ перваго возраженія. Что касается втораго возраженія, то Лессій соглашается, что до дѣйствительнаго полученія переводимой суммы мѣняла не можетъ ее перевезти, но за то онъ можетъ перевезти ея эквивалентъ, ибо онъ совершаетъ такое дѣйствіе, которое уравновѣшиваетъ фактъ дѣйствительнаго полученія и перевода денегъ изъ одного мѣста въ другое. Если я прошу во Львовѣ нотаріуса перевести мнѣ сюда изъ Антверпена сто червонцевъ и онъ мнѣ вручитъ во Львовѣ эти сто червонцевъ прежде, чѣмъ получитъ ихъ въ Антверпенѣ, то онъ переводитъ равноцѣнность означенныхъ денегъ. Но если даже допу-

стить, что при разсматриваемыхъ векселяхъ мѣняла въ дѣйствительности не переводитъ чужихъ денегъ, то онъ все-таки имѣетъ право на нѣкоторую пользу уже въ силу размѣна, ибо деньги, находящіяся вдали отъ мѣста соглашенія, цѣнятся ниже наличныхъ; стало быть, за обмѣнъ отсутствующихъ наличными деньгами можно взимать извѣстную выгоду. Приведенный тезисъ о большей стоимости присутствующаго противъ отсутствующаго можетъ быть доказанъ, во первыхъ, тѣмъ, что отсутствующее по самой природѣ вещей не можетъ доставить такой легкости и такого удобства, какъ присутствующее; во вторыхъ, тѣмъ, что отсутствующее безъ издержекъ и опасностей, смотря по природѣ вещи, не можетъ быть сдѣлано присутствующимъ. Этимъ же объясняется, что отсутствующіе товары стоютъ дешевле присутствующихъ.

Напрасно стали бы возражать, продолжаетъ Лессіусъ, что мѣняла можетъ въ приведенномъ случаѣ сдѣлать отсутствующія деньги присутствующими безъ всякихъ затратъ и риска. Во первыхъ, это не всегда вѣрно, ибо мѣнялы въ этомъ отношеніи нерѣдко подвергаются большимъ расходамъ и риску, а равно факторы, коихъ они имѣютъ въ другихъ мѣстахъ, стоютъ имъ большихъ денегъ. Во вторыхъ, если бы даже дѣло было такъ, какъ говорятъ противники, то это уже надо отнести насчетъ искусства или счастья принимающаго на себя переводъ денегъ. Какъ бы однако ни было, достаточно и того, что отсутствующія деньги, по самому положенію вещей, цѣнятся ниже присутствующихъ именно потому, что наличными деньгами нельзя обладать безъ издержекъ и риска. Пусть также не говорятъ, что мѣнялѣ иногда удобно имѣть деньги отсутствующими, ибо такая выгода пропстекаетъ не изъ отсутствія самого по себѣ, но изъ искусства мѣнялы, умѣющаго съ пользою употреблять отсутствующія деньги; а на этомъ одномъ основаніи нельзя его заставить выше цѣнить отсутствующія деньги. Подобно тому, какъ тотъ, кому выгодно перевести лошадь изъ Парижа въ Львовъ, вовсе не обязанъ изъ-за этой выгоды увеличивать плату за перевозку лошади, такъ и мѣняла, для коего выгодно деньги, данныя въ Севиллѣ, получить обратно въ Антверпенѣ, не обязанъ ставить эту выгоду въ счетъ или требовать меньше за свой трудъ, когда кто-либо проситъ его употребить въ дѣло его искусство. Изъ изложеннаго выясняется, во первыхъ, что мѣняла имѣетъ право

на прибыль, хотя бы переводимыя деньги въ обоихъ мѣстахъ, т. е. и тамъ, откуда они переводятся, и тамъ, куда они переводятся, имѣли одинаковую цѣну. Во вторыхъ, онъ имѣетъ право на выгоду даже тогда, когда деньги должны быть ему возвращены въ предѣлахъ того же государства, ибо подобно тому, какъ трудъ, затрачиваемый на перевозку ихъ изъ одной провинціи въ другую, есть предметъ, подлежащій оцѣнкѣ, такъ такой же оцѣнкѣ подлежитъ переводъ ихъ изъ одного города въ другой городъ той же провинціи.

Второе основаніе, оправдывающее взиманіе прибыли въ этого рода векселяхъ состоитъ въ томъ, что деньги имѣютъ высшую цѣну тамъ, гдѣ ихъ даютъ, чѣмъ тамъ, гдѣ ихъ отдаютъ. Затѣмъ Лессіусъ поясняетъ разницу между принудительнымъ и биржевымъ курсомъ денегъ и доказываетъ, что какъ относительно одного, такъ и относительно другаго курса мѣняла въ правѣ взимать извѣстную выгоду помимо разницы въ курсѣ.

§ 50.

Я не стану останавливаться на дальнѣйшей аргументаціи названнаго ученаго, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; но и приведеннаго вполнѣ, на мой взглядъ, достаточно для доказательства, какъ силенъ былъ натискъ противниковъ всякаго рода лихвы на этотъ новый маневръ коммерческихъ дѣльцовъ въ области вексельнаго оборота. Довольно ловкая и смѣлая механика этихъ дѣльцовъ, направленная къ тому, чтобы прикрыть свои лихвенные обороты дозволенною вексельною формулою, скоро была разоблачена не менѣе хитрыми, умными и прозорливыми поборниками канонической догмы о процентахъ и вызвала съ ихъ стороны открытое нападеніе. Между тѣмъ сознаніе необходимости подобныхъ займовъ сдѣлало уже такіе успѣхи, настолько уже вкоренилось среди не ослѣпленныхъ религіознымъ фанатизмомъ умовъ, что даже такіе богобоязненные и благочестивые служители алтаря, какъ Леонардъ Лессій, а затѣмъ кардиналъ Каетанъ, Сото и Наварра считаютъ необходимымъ для спасенія оборота отъ новаго тормаза и гнета открыто выступить на защиту векселей, несомнѣнно прикрывающихъ собою лихвенные обороты. Выше я привелъ почти дословно аргументы Лессія, чтобы дать образчикъ тѣхъ научныхъ пріемовъ, къ коимъ

прибѣгали ученые разсматриваемой эпохи. Въ наше время изложенные аргументы Лессія могутъ показаться дѣтски наивными и могутъ быть сочтены ударами, расточаемыми воздуху. Кто же теперь сомнѣвается, что никто не въ правѣ даромъ располагать чужими капиталами, что капиталистъ, отдающій свои деньги въ пользованіе другому, тѣмъ самымъ оказываетъ этому послѣднему цѣнную услугу, а стало быть, имѣетъ право на вознагражденіе за эту услугу, такъ какъ никто не обязанъ услуживать другому даромъ, что заимодавецъ, уступая другому свои деньги, отнимаетъ у себя возможность пользоваться ими и предоставляетъ ее другому, что, лишаясь извѣстныхъ выгодъ въ пользу должника, заимодавецъ въ правѣ потребовать себѣ отъ послѣдняго вознагражденія за такую уступку? Въ наше время всѣ эти положенія стали безспорными истинами, противъ коихъ можетъ возражать лишь тронутый умственно человѣкъ.

Но во времена Лессія ихъ не смѣли даже громко произнести. Кто же дерзнулъ бы открыто учить, что взиманіе умѣренныхъ процентовъ и законно и справедливо, когда всесильные монахи въ фанатическомъ ослѣпленіи и съ пѣною у рта громили всякую лихву и призывали всѣ бѣды и проклятія на головы тѣхъ, кои позволяли себѣ извлекать изъ своихъ денежныхъ капиталовъ какую-либо денежную выгоду помимо непосредственной затраты ихъ на производительную дѣятельность? Чтобы хоть нѣсколько ослабить оковы, коими богословы и канонисты крѣпко опутали тогдашній гражданскій оборотъ, люди интеллигенціи, даже изъ среды самого духовенства, вынуждены были прибѣгать къ различнымъ натяжкамъ, софистическимъ тонкостямъ, искусственнымъ діалектическимъ пріемамъ и дѣланнымъ аргументамъ для доказательства и защиты такихъ положеній, въ истинности коихъ нынѣ никто уже не сомнѣвается. Какъ бы однако ни было, уже то обстоятельство, что на защиту означенныхъ векселей выступили писатели, лично принадлежавшіе къ духовному сословію, каковы Леонардъ Лессій, кардиналъ Каетанъ, Сото и др., весьма ясно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что векселя эти къ этому времени получили широкое примѣненіе и настолько полюбились тогдашнему обществу, что считались явленіемъ нормальнымъ, полезнымъ и желательнымъ. Если такія лица, какъ только что перечисленныя, не смотря на свой высокій духовный санъ, рѣшились открыто стать на сторону этихъ векселей, если

ихъ не устрашила даже возможность упрека въ религіозной неблагонадежности, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ пошатнувшагося положенія канонической догмы о процентахъ и укоренившагося уже въ тогдашнемъ обществѣ сознанія полезности и безгрѣшности описанныхъ вексельныхъ сдѣлокъ.

Итакъ, вексель съ точки зрѣнія писателей 16-го и 17-го столѣтій былъ не что иное, какъ договорное соглашеніе между двумя контрагентами объ обмѣнѣ денегъ. Соглашеніе это, въ виду тогдашнихъ бытовыхъ условій и удобства формы, стали эксплоатировать для прикрытія процентныхъ займовъ, коимъ начали придавать форму обыкновеннаго векселя. Участвовать въ совершеніи такого векселя въ качествѣ контрагентовъ могли не только купцы и торговцы, но и лица всѣхъ классовъ и сословій. На это прямо указываетъ Скачча (§ 1 qu. 7 Par. II Ampl. 17 n. 1), говоря, что вексель дѣйствителенъ «хотя бы берущій деньги подъ вексель (accipiens cambio), будетъ ли то *крестьянинъ*, *ремесленникъ*, *бѣднякъ* и т. п., не вселялъ въ дающемъ несомнѣнной увѣренности въ томъ, что взятое будетъ возвращено на ярмаркѣ или въ другомъ мѣстѣ», другими словами, вексель дѣйствителенъ, не смотря на то, что дающій деньги подъ вексель не увѣренъ, что берущій можетъ выполнить его содержаніе. Но, какъ видно изъ дальнѣйшей аргументаціи, которою сопровождается приведенное мѣсто, Скачча все еще не можетъ освободиться отъ каноническаго фантома въ видѣ грѣховности процентовъ и, какъ бы оправдывая свой проступокъ, выставляетъ пять аргументовъ въ пользу приведеннаго афоризма. Аргументы эти предназначены для убѣжденія читателя, что увѣренность въ выполненіи содержанія векселя со стороны получающаго послѣдній вовсе не составляетъ необходимаго аттрибута вексельной сдѣлки, а потому обыкновенная денежная неблагонадежность такихъ лицъ, какъ крестьянинъ, ремесленникъ и бѣднякъ, не можетъ служить препятствіемъ къ признанію векселя дозволеннымъ.

Но если Скачча все еще не можетъ разстаться съ монашескимъ міросозерцаніемъ, то тамъ, то тутъ проявляя къ его неосуществимымъ требованіямъ и предразсудкамъ почтительное вниманіе, то уже Рафаэль де Турри почти вовсе не стѣсняется канонической догмой и прямо безъ всякихъ резоновъ объявляетъ, что вексельная сдѣлка (contractus cambij) не перестанетъ быть таковою отъ того, что вексельная валюта во время выдачи

векселя еще не была получена, или въ текстѣ векселя помѣщено какое-либо порученіе либо указаніе, что онъ замѣняетъ собою платежъ со стороны того, кому онъ адресованъ, и т. п. Равнымъ образомъ на дѣйствительность векселя не можетъ оказать никакого вліянія и то, что вексель выдается на руки не самому кредитору, а какому-нибудь третьему лицу, или тому, кто назначенъ въ немъ получателемъ платежа, либо отъ его имени другому лицу и т. д. (disp. sec. qu. sec. n. 2 и 3)

§ 51.

Кромѣ двухъ вышеуказанныхъ непосредственныхъ контрагентовъ вексельной сдѣлки въ векселѣ участвовало еще два лица, кои являлись уполномоченными, повѣренными этихъ контрагентовъ. Одинъ изъ нихъ, векселедатель, поручалъ въ извѣстномъ мѣстѣ своему агенту или иному лицу произвести платежъ вексельной суммы; нынѣ это лицо называется *трассатомъ*; другой контрагентъ, съ своей стороны, поручалъ въ томъ же городѣ своему агенту или иному лицу получить этотъ платежъ; нынѣ такой уполномоченный называется *презентентъ*. Участіе четырехъ лицъ въ векселѣ, наблюдаемое уже въ самыхъ старыхъ изъ сохранившихся вексельныхъ образцовъ, какъ вполнѣ справедливо объясняетъ Бинеръ [183]), было результатомъ первоначальнаго практическаго примѣненія вексельной сдѣлки. Уже неоднократно въ разныхъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія указывалось, что вексельныя письма или по просту векселя возникли изъ потребности заручиться извѣстной суммою данныхъ туземныхъ денегъ. Если негоціанту, проживающему, предположимъ, въ Римѣ, необходимо было снабдить своего агента въ Парижѣ извѣстною суммою французскихъ денегъ для торговыхъ цѣлей, то онъ обращался для этого къ римскому банкиру, уплачивалъ ему туже сумму римскими деньгами или вступалъ съ нимъ по поводу этого платежа въ иное соглашеніе и получалъ отъ него обѣщаніе выдать соотвѣтствующую сумму французскими деньгами означенному агенту. Для этого банкиръ уполномочивалъ въ Парижѣ своего корреспондента совершить эту выдачу и въ качествѣ документа такого уполномочія писалъ ему письмо. Это по-

---

[183]) Wechselrechtl. Abhandl. стр. 71, 83 и сл.

слѣднее вручалось уплатившему валюту и уже онъ отъ себя отправлялъ его къ своему агенту съ порученіемъ получить значащуюся въ письмѣ сумму. Такъ какъ такая комбинація лицъ и обстоятельствъ встрѣчалась всего чаще, то отсюда у тогдашнихъ коммерсантовъ и людей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ торговлѣ, зародилось убѣжденіе, что въ нормальномъ векселѣ должно непремѣнно участвовать четыре лица. Когда же въ немъ участвовало меньше лицъ, то это казалось какою-то аномаліею, отступленіемъ отъ нормальнаго порядка вещей. Чтобы разсѣять возникавшія на этотъ счетъ сомнѣнія и недоумѣнія, прежніе лучшіе спеціалисты по вексельному праву, Скакча и Рафаэль де Турри, занялись анализомъ такихъ казавшихся аномалій, при чемъ ясно и наглядно доказали, что число четыре и тутъ въ идеѣ остается неприкосновеннымъ; если же на самомъ дѣлѣ нерѣдко случается, что вмѣсто четырехъ въ векселѣ фигурируетъ только три и даже два лица, то это объясняется тѣмъ, что одно и тоже лицо является либо представителемъ обоихъ контрагентовъ, либо принимаетъ на себя роль и плательщика и получателя платежа, или даже соединяетъ въ своемъ лицѣ три функціи, именно: плательщика валюты, получателя и плательщика вексельной суммы. Въ виду сдѣланныхъ противъ подобныхъ комбинацій возраженій Рафаэль де Турри вдается въ подробныя объясненія, при чемъ естественность, возможность и законность этихъ комбинацій доказываетъ посредствомъ параллельнаго сопоставленія подходящихъ случаевъ изъ римскаго права [184]). Какъ бы однако ни было, главныхъ контрагентовъ въ векселѣ, какъ и во всякомъ иномъ договорѣ, только два; остальные два фигурирующіе въ немъ лица являются уже не контрагентами, а дополнительными лицами, введенными, какъ выражается де Турри, ради возможности осуществленія сдѣлки (ad perfectionem et implementum cambii) [185]). Эти четыре лица могутъ обратиться въ три и даже въ два, смотря по тому, кто

---

[184]) Disp. prima qu. XV См. также **Скачча** § 1 qu. 5 n. **35** и 36, признающаго участіе трехъ лицъ столь же нормальнымъ, какъ и четырехъ; надобность въ четвертомъ лицѣ является лишь тогда, когда собственникъ валюты получаетъ плату не самъ, а довѣряетъ полученіе ея своему корреспонденту или кому либо иному, что и означается въ текстѣ векселя.

[185]) **Endemann** ц. с. стр. 197.

платитъ и получаетъ по векселю въ назначенномъ мѣстѣ. Если собственникъ валюты имѣлъ получить эквивалентъ ея въ назначенномъ для платежа мѣстѣ лично, то въ четвертомъ участникѣ не было надобности; равнымъ образомъ, если векселедатель имѣлъ въ виду къ опредѣленному сроку лично прибыть на мѣсто исполненія векселя и лично же произвести тутъ это исполненіе, то въ третьемъ участникѣ не было надобности, и вексель сводился къ обыкновеннымъ двумъ контрагентамъ. Въ этомъ случаѣ онъ уже ничѣмъ не отличался отъ простаго договора мѣны или купли-продажи денегъ, каковымъ его считали прежніе юристы. Стало быть, участіе четырехъ лицъ въ векселѣ вызывалось вовсе не существомъ послѣдняго, а чисто бытовыми условіями тогдашняго оборота. А потому такое участіе не должно было бы разсматриваться, какъ необходимый аттрибутъ вексельной сдѣлки. Но когда, съ одной стороны, развившаяся торговля создала много крупныхъ коммерсантовъ и цѣлыя торговыя компаніи, районъ дѣятельности коихъ обнималъ обширныя территоріальныя пространства и вызывалъ необходимость имѣть въ разныхъ географическихъ пунктахъ особыхъ агентовъ, особыя конторы или компаніоновъ, а съ другой—мѣняльное и вексельное дѣло стянули къ своимъ рукамъ профессіональные мѣнялы, кои либо учреждали въ разныхъ мѣстахъ свои агентуры и конторы, либо вступали въ постоянныя сношенія съ иными осѣдлыми мѣнялами, то участіе четырехъ лицъ въ векселѣ стало явленіемъ обычнымъ и почти неизбѣжнымъ. Конечно, это не могло устранить возможности прежнихъ комбинацій, когда для наличности вексельной сдѣлки вполнѣ достаточно было участія двухъ лицъ, разъ имѣлся обмѣнъ одного сорта денегъ на другой и разъ этотъ обмѣнъ раздвоялся между двумя различными территоріальными пунктами [186]). Тѣмъ не менѣе съ развитіемъ торговли вексель съ четырьмя участниками сдѣлался явленіемъ обыкновеннымъ, а съ меньшимъ количествомъ лицъ явленіемъ исключительнымъ. Благодаря этому обстоятельству, въ практикѣ упрочился взглядъ, что участіе четырехъ лицъ есть неизбѣжный аттрибутъ векселя.

Взглядъ этотъ нашелъ для себя особенно сильную опору въ каноническомъ ученіи о лихвѣ. Мы уже прежде видѣли, что

---

[186]) См. **Scaccia** § **1** qu. V n. **75.**

торговая практика съумѣла весьма искусно и кореннымъ образомъ измѣнить первоначальное назначеніе векселей, оставивъ не тронутою ихъ внѣшнюю форму. Изъ первоначально денежно-мѣновой сдѣлки или, какъ ее считали прежніе юристы, купли-продажи денегъ, вексель обратился въ форму процентнаго займа, продолжая сохранять всѣ аттрибуты прежней купли-продажи денегъ. Мы указали также, что измѣненіе это обязано своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ преслѣдованію процентныхъ сдѣлокъ. Облекая процентный заемъ въ форму обычной вексельной сдѣлки, банкиры и торговцы получали возможность укрыться отъ докучливаго вторженія духовенства въ ихъ частныя дѣла и противопоставлять придиркамъ послѣдняго невинную по своему виду и закономъ разрѣшенную вексельную формулу.

Но чтобы такой обманъ имѣлъ вполнѣ желательные результаты, необходимо было устранить всѣ видимые поводы къ заподозрѣванію вексельнаго значенія данной сдѣлки. Всего лучше цѣль эта достигалась соблюденіемъ обычной формы векселя съ четырьмя участниками. Вотъ почему фиктивные векселя, маскировавшіе простой процентный заемъ, писались такимъ образомъ, что съ формальной стороны въ нихъ всегда было четыре участника, хотя на самомъ дѣлѣ ихъ было не больше двухъ или трехъ, и что въ нихъ вносилось упоминаніе о валютѣ, мѣстѣ выдачи векселя и мѣстѣ и способѣ платежа по векселю. Написать въ векселѣ откровенно, что за полученную валюту векселедатель обязуется по истеченіи извѣстнаго срока возвратить равную ей сумму съ ростомъ, значило бы разоблачить лихвенный характеръ сдѣлки и навлечь на себя кару не только церковнаго, но иногда и свѣтскаго закона, ибо подобные векселя прямо подходили подъ категорію запрещенныхъ папою *cambia sicca* [187]). Между тѣмъ замаскировать заемъ было легко въ особенности, когда и кредиторъ, и должникъ имѣли свои филіальныя отдѣленія въ одномъ и томъ же городѣ. Въ подобномъ случаѣ эти отдѣленія играли роль самостоятельныхъ участниковъ въ вексельной сдѣлкѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли лишь служебное значеніе, будучи простыми органами истинныхъ контрагентовъ сдѣлки.

---

[187]) **Endemann** ibid. стр. 198 и сл.

Итакъ, четыре участника въ вексельной сдѣлкѣ, хотя и не составляютъ непремѣнной принадлежности векселя, но по исторически сложившимся бытовымъ условіямъ прежняго торговаго оборота были самымъ обычнымъ явленіемъ въ особенности въ ярмарочныхъ векселяхъ. Письменный документъ, въ коемъ рѣзко отмѣчены были роли всѣхъ этихъ четырехъ лицъ и гдѣ имѣлось не двусмысленное указаніе на наличность обмѣна присутствующихъ денегъ на отсутствующія, служилъ укрѣпленіемъ, ограждавшимъ собою всевозможныя прибыльныя сдѣлки, нынѣ практикующіяся открыто и безнаказанно.

§ 52.

Спрашивается теперь, какое практическое значеніе имѣлъ этотъ письменный документъ самъ по себѣ? Былъ ли онъ фокусомъ и цѣлью, около котораго и къ которому сводилась вексельная сдѣлка, или онъ являлся лишь второстепеннымъ аттрибутомъ, присутствіе коего на юридическое существованіе сдѣлки и ея дальнѣйшую судьбу никакого вліянія не оказывало? Или, выражаясь болѣе технически, считалась ли вексельная сдѣлка возникшею и стало, быть, влекущею за собою судебную защиту только по написаніи векселънаго письма и врученіи его собственнику валюты, или самое это письмо вовсе не обусловливало собою перфекціи сдѣлки? Если для разрѣшенія этого вопроса обратиться къ писателямъ разсматриваемой эпохи, то мы у нихъ найдемъ совершенно ясный, не допускающій никакихъ сомнѣній отвѣтъ, что вексельное письмо вовсе не составляло существа вексельной сдѣлки, что оно имѣло лишь значеніе средства, облегчающаго ея осуществленіе и судебное доказываніе ея наличности и ея условій. Сама по себѣ эта сдѣлка есть не что иное, какъ обыкновенный договоръ, для возникновенія коего достаточно простаго соглашенія двухъ контрагентовъ. Существованіе такого соглашенія и его содержанія можетъ быть доказываемо различными способами, въ ряду коихъ конечно первое мѣсто занимаетъ вексельное письмо.

Такъ, напр., Леонардъ Лессій [188]) для перфекціи векселънаго соглашенія считаетъ достаточнымъ участія четырехъ лицъ, имен-

---

[188]) De Iustitia et Jure Lib. 2 cap. 23 dubitatio 5 n. 48 и 49.

но, *campsor*, *campsarius*, *respondens campsoris* и *respondens campsarii*, совершенно умалчивая о вексельномъ письмѣ. Еще опредѣленнѣе на этотъ счетъ выражается *Scaccia* (§. 1 qu. 7 Par. III Limit. V n. 6). Письмо, говоритъ онъ, само по себѣ вовсе не необходимо, но его требуютъ только для доказательства, что размѣнъ произведенъ не для того же, а для болѣе отдаленнаго мѣста (litterae non sint praecise, et simpliciter necessariae, sed solum requirantur, prout patefaciunt, cambium fieri non pro eodem loco, sed pro alia distanti); если окажется, продолжаетъ онъ, даже безъ предъявленія письма, что размѣнъ дѣйствительно произведенъ для другаго отдаленнаго мѣста и съ искреннимъ намѣреніемъ мѣняющихъ, чтобъ исполненіе послѣдовало на ближайшей ярмаркѣ, тогда совершенно безразлично, совершенъ ли размѣнъ съ письмомъ или безъ таковаго, ибо письмо не относится къ существу вексельной сдѣлки, а служитъ только для обнаруженія этого существа, такъ что если существо это можетъ быть доказано и помимо письма, то это послѣднее излишне (ceterum si, litteris etiam non confectis, appareret, cambium vere, et realiter fieri pro alio distanti loco, et cum sincere cambientium intentione, ut sequatur solutio in proximis nundinis, tunc nihil referret, an fierit cum litteris, vel sine litteris..... quia litterae non sunt de iustitia cambij, sed solum sunt ad ostendendam iustitiam cambij, quae si aliter, quam per litteras, appareat, superfluae sunt litterae). «Scriptura, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ (§. I qu. V n. 10) non est de essentia contractus cambij, praesertim si loquamur in foro interiori».

Что вексельное письмо было далеко даже не единственнымъ доказательствомъ существованія и содержанія вексельнаго соглашенія, явствуетъ уже изъ того, что не только искъ, но даже требованіе исполенія вексельнаго соглашенія, безъ предварительнаго формальнаго иска, могло быть предъявлено на основаніи отмѣтки, сдѣланной въ хартуляріяхъ банка св. Георгія. Засвидѣтельствованная выписка изъ такой книги имѣла не только равную, но даже большую силу, чѣмъ вексельное письмо, ибо аутентичность названной отмѣтки избавляла отъ необходимости предъявленія иска и уполномочивала требовать исполненія, какъ по рѣшенію, вошедшему въ законную силу [189]).

[189]) **Scaccia** § VII Gl. III nn. 1 и 2, 7, 8 и 9. Предъявленіе такого иска было невозможно непосредственно въ томъ лишь случаѣ, когда мѣняла

Другой авторитетный знатокъ вексельнаго права разсматриваемой эпохи, Рафаэль де Турри, опредѣляя существо вексельнаго договора, какъ уплату на данномъ мѣстѣ опредѣленной суммы денегъ по извѣстной цѣнѣ, съ одной стороны, и обѣщаніе уплатить равную сумму по истеченіи опредѣленнаго времени и въ условленномъ мѣстѣ — съ другой, между прочимъ говоритъ, что договоръ этотъ совершается или словесно, или посредствомъ письма, посланца либо участія маклера. Словесно договоръ этотъ, говоритъ онъ, заключается рѣдко, но когда онъ совершается этимъ способомъ, то называется *cambium da buono à buono*, т. е. вексель, заключенный какъ бы безъ интернунція, безъ прикрасъ и лжи (disp. prima qu. 2 n. 1, 2 и 3). Такимъ образомъ и де Турри для возниковенія вексельной сдѣлки считаетъ вполнѣ достаточнымъ словеснаго соглашенія, ни однимъ словомъ не промолвившись въ пользу необходимости для перфекціи этого договора вексельнаго письма. Это послѣднее онъ, какъ и Скачча, считаетъ только средствомъ осуществленія и взысканія по вексельной сдѣлкѣ [190]).

Само собою разумѣется, что вексельное письмо было неизбѣжно, ибо безъ него почти невозможно было исполненіе вексельной сдѣлки, имѣющей осуществиться въ отдаленномъ отъ мѣста заключенія городѣ. Тѣмъ не менѣе одно это обстоятельство не могло измѣнить юридической природы сдѣлки, ибо письмо съ теоретической точки зрѣнія играло роль простой обстановки, при помощи которой можетъ быть осуществлена идея сдѣлки. Однако невозможность обойтись безъ вексельнаго письма во всѣхъ сдѣлкахъ, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ выдачу денегъ въ отдаленномъ мѣстѣ (а такія сдѣлки и считались истинными, нормальными вексельными сдѣлками) мало по малу стало вкоренять въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ сознаніе необходимости вексельнаго письма для признанія даннаго отношенія вексель-

---

обязался выдать вексельное письмо, ибо въ этомъ случаѣ договоръ считался законченнымъ лишь по полученіи контрагентомъ мѣнялы этого письма, а потому въ случаѣ неполученія послѣдняго слѣдовало сначала требовать исковымъ порядкомъ выдачи послѣдняго, а потомъ уже можно было предъявить искъ объ исполненіи самой вексельной сдѣлки. Таково мнѣніе Скачча ibid n. 9.

[190]) См. Disp. 1 qu. 11 n. 14: «litteras Cambij non esse de substantia contractus Cambij».

ною сдѣлкою. Такъ какъ исполненіе этой послѣдней безъ письма къ плательщику вексельной суммы было невозможно, ибо ни одинъ благоразумный агентъ или корреспондентъ не согласится уплатить ту или другую сумму отъ имени своего патрона, если требующій такого платежа не предъявитъ надлежащаго уполномочія къ полученію таковой то наличность вексельнаго письма стали третировать, какъ несомнѣнный признакъ существованія самой вексельной сдѣлки. Отсутствіе же такого письма даже при существованіи всѣхъ остальныхъ элементовъ вексельной сдѣлки, рождало лишь подозрѣніе, что дѣло обстоитъ несовсѣмъ благополучно, что данная сдѣлка имѣетъ въ виду вовсе не обмѣнъ разновидныхъ денегъ, а прикрываетъ собою лихвенное соглашеніе. Это прямо выражаетъ *Скачча* (§ I qu 7 Par. 3 limit. V n. 6) въ слѣдующихъ словахъ: «... cum litteris non confectis, haec non appareant (т. е. нѣтъ доказательства, что исполненіе должно послѣдовать на ближайшей ярмаркѣ), ideo cambium sine litteris dicatur siccum». Разъ нѣтъ вексельнаго письма и нѣтъ иныхъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что дѣло идетъ о выдачѣ извѣстной суммы денегъ на ярмаркѣ или въ иномъ городѣ въ возмездіе за полученную въ другомъ мѣстѣ валюту, то принималось, что стороны заключили между собою запрещенное *cambium siccum*. Вообще слѣдуетъ сказать, что прежніе писатели единогласно относятъ вексельный договоръ къ разряду тѣхъ сдѣлокъ, для возникновенія коихъ достаточно словеснаго соглашенія, и прямо предостерегаютъ отъ искушенія относить его къ литеральнымъ договорамъ.

Но если вексельный договоръ облеченъ въ письменную форму, если онъ воплотился въ вексельномъ письмѣ, то это послѣднее можетъ служить доказательствомъ существованія и содержанія самого вексельнаго договора тогда лишь, когда оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ элементы, присущіе этому послѣднему. Оно, какъ образно выражается Рафаэль де Турри, должно быть *veluti vehiculum et totum continens illius*, т. е. какъ бы двигателемъ, носителемъ и вмѣщающимъ въ себѣ весь договоръ (disp. sec. qu. tertia n I); т. е. оно составляется такимъ образомъ, что его можно сравнить съ повозкою, всюду развозящею съ собою договоръ во всемъ его объемѣ. Будучи точнымъ воспроизведеніемъ договора, вексельное письмо должно удовлетворять тѣмъ же требованіямъ, какъ и самый договоръ, и подобно тому, какъ

этотъ послѣдній признается дѣйствительнымъ тогда лишь, когда въ немъ содержатся всѣ существенные элементы такого рода соглашеній, такъ и вексельное письмо можетъ имѣть силу въ томъ только случаѣ, когда оно будетъ содержать въ себѣ тѣ же существенные элементы (disp. sec. qu 3 n. 2—10), не считая остальныхъ, присущихъ самому письму, какъ таковому (n. 15).

§ 53.

Такое удовлетворяющее помянутымъ требованіямъ письмо выдавалось на руки лицу, представившему валюту (cambio dans) или, что тоже, кредитору (stipulator), ибо, отдавъ свою валюту съ тѣмъ, чтобъ эквивалентъ ея полученъ былъ впослѣдствіи, онъ являлся въ роли вѣрителя, согласившагося ожидать встрѣчнаго исполненія. Если такой кредиторъ не имѣлъ въ виду или не могъ самъ ѣхать въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ произойдти платежъ, то онъ отсылалъ письмо къ своему корреспонденту, обозначенному въ текстѣ письма. Здѣсь оно должно было быть предъявлено назначенному въ немъ плательщику для *принятія* (*акцепта*). Это предъявленіе необходимо было сдѣлать непремѣнно до истеченія срока, назначеннаго для платежа, дабы плательщикъ имѣлъ время приготовить потребную для платежа сумму [191]). Но буквально это исполнялось только по отношенію къ неярмарочнымъ векселямъ. Ярмарочные же векселя, какъ мы уже видѣли, не предъявлялись, а векселедержатели въ первый день ярмарки, явившись въ общее собраніе ярмарочныхъ торговцевъ, вызывали тутъ плательщиковъ. Впрочемъ, довольно подробное описаніе процедуры акцепта и его послѣдствій имѣется въ безансонскомъ вексельномъ статутѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ *Зигеля* (Corpus juris cambialis Leipzig 1742 г. стр. 510 и слѣд.). Всѣ сдѣлки, говорится здѣсь, исполненіе коихъ назначено на безансонскихъ или иныхъ ярмаркахъ, должны на этихъ именно

---

[191]) См. **Scaccia** § II Gl. V nn. 1—9. Въ векселяхъ non nundinale, говоритъ онъ, для производства платежа по предъявленнымъ безсрочнымъ векселямъ обычаемъ предоставлялось нѣсколько дней со дня предъявленія векселя къ принятію. Этотъ льготный срокъ равнялся отъ одного до десяти днямъ, просрочкой не признавался и имѣлъ своею цѣлью дать плательщику время приготовиться къ платежу, ибо «creditor non debeat venire cum sacco paratus».

ярмаркахъ быть акцептованы и оплачены въ назначенные здѣсь для того дни. Далѣе опредѣляется, какіе для этого назначены дни на піаченцкихъ ярмаркахъ. «По истеченіи восьми дней съ того времени, какъ по ярмарочнымъ правиламъ долженъ произойдти акцептъ, разрѣшается всякому произвести требованіе и протестъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, согласно законамъ, расположены ярмарки, по поводу суммъ, какія имѣютъ быть уплачены предъявителемъ по счетамъ, векселямъ или иному основанію. Нотаріусъ и канцлеръ ярмарки обязаны принимать просьбы и протесты и выдавать съ нихъ засвидѣтельствованныя копіи, а за отсутствіемъ ярмарочныхъ нотаріуса и канцлера тоже самое разрѣшается дѣлать всѣмъ инымъ нотаріусамъ» (стр. 511 и 512). До явки на *акцепты* канцлеру ярмарки должны быть предъявляемы довѣренности какъ на право акцептировать самимъ отъ имени своихъ довѣрителей, такъ и на право принимать отъ того же имени акцепты отъ другихъ. Если же кто явится сюда, не предъявивъ предварительно своей довѣренности, то такой повѣренный отвѣчаетъ лично, а не его довѣритель (стр. 516). Акцепты должны вписываться въ собственные ярмарочные меморіалы (scartafacci), какъ это принято было доселѣ, а не въ scontri, и отъ каждой принятой статьи, (т. е. отъ каждой записи, обозначающей принятый документъ) должна быть проведена линія до обозначенія суммы въ скудахъ (et che ad ogni partita accettata se li faccі la linea alli scuti); но если кредиторъ желаетъ, чтобъ акцептъ означенъ былъ на векселѣ рукою самого должника, то послѣдній обязанъ это исполнить (стр. 517). Каждый имѣетъ въ теченіи 24 часовъ, считая съ момента начала акцептовъ, свободно высказать свою волю насчетъ принятія, протеста или непринятія, дабы кредиторы обезпечены были насчетъ взысканія и въ случаѣ уклоненія отъ платежа могли совершать протестъ (стр. 518 art V). Цѣна векселямъ должна быть установляема на каждой ярмаркѣ отдѣльно и согласно существующему обычаю, а именно каждый банкиръ обязанъ подать свой голосъ, т. е. опредѣлить цѣну, какую онъ признаетъ для своего мѣста справедливою, а затѣмъ счетъ голосовъ долженъ начинаться съ высшей суммы и переходить къ нисшей, пока не будетъ получена сумма, соединяющая на своей сторонѣ большую половину числа голосовъ. Если же получатся двѣ суммы, изъ коихъ каждая будетъ соединять на своей сторонѣ равное число

голосовъ, т. е. ровно половину, то слѣдуетъ остановиться на той, которая ближе подходитъ ко всѣмъ выраженнымъ цѣнамъ (che sono piu prossimi nel modo in tutto, e per tutto), какъ это доселѣ было принято (стр. 521 art. VIII). По истеченіи восьми дней, считая отъ дня, когда имѣютъ быть акцепты, и кончая истеченіемъ восьмаго дня, подсчитанные биланцы должны быть переданы консулу, дабы закончить платежи или *scontro*. Если послѣ этого останутся не вполнѣ уплатившіе должники, то кредиторамъ предоставляется такихъ своихъ должниковъ принудить къ выдачѣ въ объемѣ долга векселя на Геную, Миланъ, Флоренцію, Римъ, Венецію, Неаполь или Антверпенъ, на ярмарки въ Мединѣ, Аркалѣ (около Мадрида) и Нантѣ, либо на Мадридъ или иное мѣсто, какое болѣе будетъ соотвѣтствовать расчетамъ кредитора» (стр. 524 art. XIII).

Такіе векселя, когда они выдавались съ платежомъ не на ярмаркѣ, а въ какомъ-либо городѣ, гдѣ ярмарки мѣста не имѣли, назывались *cambia de reditu feriarum*. Что касается сроковъ, на кои они давались, то хотя контрагенты въ правѣ были сами опредѣлять время платежа, но въ практикѣ, въ интересахъ удобства и справедливости, принятъ былъ иной способъ: если вексель имѣлъ быть исполненъ въ одномъ изъ городовъ, съ коимъ существовали постоянныя вексельныя сношенія, то въ немъ выставлялся срокъ, установленный для этого города на ярмаркѣ [192]). Эти сроки устанавливались на общемъ собраніи купцовъ ярмарки [193]), причемъ принималось въ соображеніе существующее положеніе вещей, напр., состояніе путей сообщенія, разстоянія, мѣстныя условія и т. п.

Когда дѣло шло о векселяхъ, выдававшихся не съ ярмарки на городъ или съ города на ярмарку, а съ города на городъ, то установленіе такихъ постоянныхъ сроковъ оказывалось не-

---

[192]) Ibid. n. 12 и 13. Въ **capitulis feriarum Genuensium** установлены были для платежа по векселямъ слѣдующіе сроки: для векселей на Геную, Миланъ и Бергамо 20 дней, на Флоренцію, Римъ, Венецію, Луку, Болонью 25 дней, на Неаполь, Валенцію, Барцелону, Сарагассу 30 дней, на Антверпенъ, Кельнъ, Леккію, Бари 35 дней, Панорму, Мессану и Мадридъ 45 дней, Севилью и Лиссабонъ два мѣсяца; срокъ этотъ считался включительно со дня выдачи векселя.

[193]) См. **Raphael de Turri** disp. 1 qu. 31 n. 14.

возможнымъ, ибо невозможны были правильные съѣзды купцовъ, изъ коихъ большинство обладало бы точными свѣдѣніями о взаимныхъ разстояніяхъ городовъ, состояніи путей сообщенія, способахъ сношенія и т. п., а потому въ этихъ векселяхъ срокъ платежа опредѣлялся самими контрагентами. Но такъ какъ и контрагенты лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ въ состояніи были съ точностью знать время, когда вексель дойдетъ по назначенію, то обыкновенно они крайняго со дня выдачи срока векселя не назначали, а ограничивались опредѣленіемъ таковаго со дня предъявленія векселя. Техническіе термины, соотвѣтствовавшіе нынѣшнему *по предъявленію*, по свидѣтельству Скачча (§ II Gl. V n. 3 — 11), были слѣдующаго рода: 1) не опредѣляя никакого срока, стороны выражались просто *pagate*. Въ этомъ случаѣ платежъ имѣлъ быть произведенъ безотлагательно. Но это вовсе не означало, что его слѣдовало совершить немедленно. Если, разсуждаетъ Скачча, по векселямъ съ платежомъ на ярмаркѣ предоставляется восьмидневный срокъ со времени акцепта, то почему же въ такой отсрочкѣ было отказывать остальнымъ векселямъ? И дѣйствительно, обычаемъ введено было, что по предъявленіи такого векселя плательщику предоставлялся краткій промежутокъ времени, отъ одного до десяти дней, для уплаты. Количество дней, въ предѣлахъ этого промежутка, находилось въ зависимости отъ занятій, богатства, бѣдности или несостоятельности плательщика, а равно отъ необходимости произвести разцѣнку суммъ. 2) Иногда въ векселяхъ говорилось: *pagate à lettera vista*. Хотя это выраженіе уполномочивало требовать немедленнаго платежа, но практика и тутъ отступила отъ буквы и по тѣмъ же соображеніямъ предоставляла плательщику такой же промежутокъ времени для уплаты по векселю, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. 3) Довольно часто въ векселяхъ помѣщалось выраженіе *ad uso* или *à suo tempo*. Въ этихъ случаяхъ платежъ имѣлъ быть произведенъ или до истеченія или послѣ истеченія десяти дней по предъявленіи и принятіи векселя, причемъ число этихъ дней опредѣлялось согласно обычаю того мѣста, гдѣ платежъ долженъ былъ послѣдавать. Всѣ приведенныя техническія выраженія употреблялись только въ неярмарочныхъ векселяхъ; въ ярмарочныхъ же они были излишни, такъ какъ тамъ срокъ опредѣлялся напередъ общимъ собраніемъ ярмарочныхъ купцовъ. 4) Иногда стороны сами назначали опре-

дѣленный срокъ для платежа по предъявленіи. Обсужденіе этого случая не представляетъ никакихъ затрудненій, ибо ясно выраженная воля контрагентовъ подлежала непремѣнному исполненію.

Предположимъ теперь, что вексель достигъ мѣста своего назначенія и явилась необходимость осуществить его содержаніе. Возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ осуществленіе это совершалось, что̀ требовалось для того, чтобы получить платежъ по векселю? Мы уже видѣли, что прежде всего вексель предъявлялся плательщику. Такое предъявленіе вызывалось силою необходимости. Плательщикъ не всегда былъ лишь простымъ агентомъ векселедателя, а если онъ даже таковымъ и былъ, то не всегда располагалъ потребными суммами денегъ. Чтобы добиться своевременнаго исполненія векселя, прежде всего необходимо было заблаговременно поставить плательщика въ извѣстность насчетъ предстоящаго платежа. При этомъ плательщикъ —агентъ, такимъ образомъ увѣдомленный, принималъ мѣры къ тому, чтобы къ назначенному времени требуемая сумма была на лицо, а плательщикъ—постороннее лицо, узнавъ о векселѣ, въ состояніи былъ тоже загодя отказаться отъ платежа по послѣднему, буде онъ почему-либо прервалъ или не желалъ продолжать дѣловыхъ сношеній съ векселедателемъ, или наконецъ, не располагалъ требуемою суммой денегъ. Это послѣднее могло произойдти и съ агентомъ. Въ этихъ случаяхъ отвѣчалъ передъ ремиттентомъ самъ векселедатель. Принимая валюту, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя обязанностя доставить хозяину соотвѣтствующій денежный эквивалентъ въ назначенномъ болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ. Вексельное письмо было лишь средствомъ осуществленія этой обязанности. Если изложенное въ немъ порученіе не выполнялось даннымъ плательщикомъ, то векселедатель оказывался неисправнымъ должникомъ, а потому на него же должны были пасть и послѣдствія такой неисправности. Такъ именно и смотрѣли на это дѣло въ разсматриваемый періодъ. Напр., Балдъ въ своемъ consilium отъ 1395 г. говоритъ по поводу частнаго случая, что векселедатель «non tenetur, nisi ad scribendum litteras mandati, scilicet cum effectu, ut acceptentur et earum vigore solvatur». Тоже говорится въ одномъ изъ рѣшеній Rotae Genuae (Decis. IV n. 7. 8). «Scribens se obligat ad restituendam pecuniam casu, quo illae literae non acceptarentur vel acceptatae

non complerentur. Talis conditio tacite inest contractui cambii»[194]). Объ означенной обязанности въ самомъ вексельномъ письмѣ вовсе не упоминалось, ибо въ этомъ не было надобности: вексельное письмо служило лишь доказательствомъ, что заключена извѣстнаго содержанія вексельная сдѣлка, изъ которой означенная обязанность вытекала сама собою. Такъ на это дѣло смотритъ вексельный уставъ Болоньи отъ 1569 года, гдѣ въ §§ XVIII и XIX предъявителю векселя разрѣшается въ случаѣ непринятія или неудовлетворенія либо неполнаго удовлетворенія векселя послѣ принятія обратить взысканіе на векселедателя или всякое иное заинтересованное въ исполненіи векселя лицо и требовать отъ нихъ удовлетворенія какъ за неполученное по самому векселю, такъ и за всѣ убытки и утрату выгодъ[195]). Еще яснѣе и раньше на этотъ счетъ высказывается болоньскій статутъ 1454 г. въ § 15, гдѣ судьѣ предписывается, въ случаѣ предъявленія ему возвратившихся въ Болонью вслѣдствіе непринятія или неплатежа векселей, присуждать векселедателя или лицо, въ интересахъ коего вексель выданъ, къ уплатѣ какъ всей показанной въ векселѣ суммы, такъ и всѣхъ убытковъ и расходовъ, понесенныхъ вслѣдствіе неплатежа[196]).

§ 54.

Но для того, чтобы требовать отъ векселедателя исполненія означенной обязанности, необходимо было представить ему доказательства, что вексель дѣйствительно и въ надлежащее время былъ предъявленъ плательщику, что этотъ послѣдній принять его отказался или, принявши, своевременно не произвелъ по немъ платежа вовсе или въ цѣлости, ибо ремиттентъ могъ продержать

---

[194]) **Biener** Wechselrechtl. Abh. стр. 108.

[195]) См. **Martens** ц. с. Anhang. стр. 55 въ к. и **Siegel** Corp. jur cam. m. 1 стр. 507.

[196]) **Martens** ibid. стр. 61 «Quam quantitatem in ipsis Literis contentam incontinenti solvere debeat, cum dictae Literae dicto Iudici fuerint praesentatae, et ipsarum executio fuerit postulata, ipsas Literis executioni mandare, seu mandari facere contra eum Scribentem, seu illum, cuius Factor, aut Socius dictas Literas scripsisset, cogendo talem ad integram satisfactionem, et solutionem contentorum in dictis Literis, et damnorum, et expensarum, quas qui recipere debuerit quantitatem in ipsis Literis contentam substinuisset, seu fecisset occasione praedicta...»

вексель у себя, въ безгласности, голословно затѣмъ заявить, что послѣдній остался безъ удовлетворенія и причинить тѣмъ векселедателю незаслуженные убытки. Мы уже видѣли, что относительно ярмарочныхъ векселей актъ принятія, т. е. изъявленія согласія уплатить по нимъ, не сопровождался никакимъ письменнымъ удостовѣреніемъ. Векселедатель съ своимъ меморіаломъ (scartafacci) являлся на общее собраніе ярмарочнаго купечества и здѣсь громко и отчетливо вызывалъ плательщика, указывая при этомъ размѣръ предстоящаго платежа. Плательщикъ точно также, если онъ былъ на лицо, также громко соглашался или отказывался платить по этому векселю. Согласіе обозначалось въ меморіалахъ обоихъ контрагентовъ проведеніемъ короткой черты отъ статьи, включавшей въ себѣ этотъ вексель, до написанной противъ нея вексельной суммы въ скудахъ марки. Здѣсь никакого письменнаго удостовѣренія акцепта или отказа отъ принятія не требовалось, да въ немъ и не было надобности, ибо дѣло происходило на глазахъ у многолюднаго собранія и закрѣплялось взаимною отмѣткою въ меморіалахъ сторонъ, а въ случаѣ какого-нибудь сомнѣнія и спора легко было найдти не одного, а многихъ имовѣрныхъ свидѣтелей, которые удостовѣрили бы фактъ принятія или отказа. Надо полагать однако, что даже при такихъ условіяхъ отсутствіе письменнаго удостовѣренія причиняло не мало хлопотъ и неудобствъ, ибо мы уже видѣли, что безансонскій вексельный и ярмарочный уставъ разрѣшаетъ предъявителю векселя требовать отъ плательщика собственноручнаго обозначенія акцепта на векселѣ.

Но если акцептъ по ярмарочнымъ векселямъ обставлялся торжественностью, устранявшею необходимость въ письменномъ удостовѣреніи, то того же нельзя сказать о другихъ векселяхъ. *Cambium non nundinale* исполнялся при совершенно иныхъ условіяхъ. Общеобязательныхъ, напередъ опредѣленныхъ сроковъ для явки и платежа по такимъ векселямъ не было, предъявленіе векселя не обставлено было никакою торжественностью и совершалось оно не въ опредѣленное время, а равно не въ опредѣленномъ мѣстѣ, но тогда и въ той части назначеннаго для платежа города, когда и въ какой можно было найдти плательщика и добиться отъ него акцепта. При такихъ обстоятельствахъ векселедержателю помимо письменнаго удостовѣренія доказать наличность и своевременность предъявленія векселя было весьма

трудно. Въ виду этого вполнѣ естественно заключить, что уже весьма рано, быть можетъ, даже на первыхъ ступеняхъ развитія вексельнаго института, векселедержатели должны были прилагать свое посильное стараніе къ тому, чтобы фактъ принятія плательщикомъ векселя или отказа его отъ послѣдняго былъ закрѣпленъ тѣмъ или другимъ письменнымъ удостовѣреніемъ. Какую форму это послѣднее имѣло, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ сказать довольно трудно. Но всего вѣроятнѣе, что оно дѣлалось на самомъ векселѣ и притомъ рукою плательщика, ибо, съ одной стороны, это самый естественный и самый цѣлесообразный способъ закрѣпленія факта принятія или непринятія векселя, а съ другой — прямое указаніе на него встрѣчается уже въ одномъ изъ законодательныхъ памятниковъ весьма ранней эпохи. Именно въ постановленіи барцелонскаго магистрата отъ 18 марта 1394 г. говорится, что «городскіе совѣтники и городскіе представители, во избѣжаніе большихъ злоупотребленій и различныхъ убытковъ, часто возникавшихъ для многихъ изъ дѣла уплаты по векселямъ согласно ихъ содержанію, постановили, чтобы всякій, къ какому бы сословію, округу или состоянію онъ ни принадлежалъ, обязанъ былъ впредь въ этомъ городѣ (Барцелонѣ), буде ему представленъ будетъ вексель, дать въ теченіи 24 часовъ по представленіи послѣдняго отвѣтъ, желаетъ ли онъ дать по нему удовлетвореніе или нѣтъ, и отвѣтъ этотъ писалъ бы на оборотѣ векселя, обозначая вмѣстѣ день и часъ, въ какіе таковой представленъ. Если же этого отвѣта въ теченіи 24 часовъ дано не будетъ, то такое молчаніе должно считаться принятіемъ и должно влечь за собою обязанность того, кому вексель представленъ, уплатить по послѣднему въ назначенное въ немъ время» [197]).

Рафаэль де Турри категорически утверждаетъ, что векселя предъявляются тѣмъ лицамъ, кои назначены въ нихъ плательщиками, и притомъ представляются именно для того, чтобъ они хорошенько осмотрѣли представленный документъ и сдѣлали бы на оборотѣ его собственноручную надпись въ томъ смыслѣ, что они вексель видѣли и его принимаютъ, при чемъ долженъ быть обозначенъ тутъ же день предъявленія документа къ обозрѣнію [198]).

---

[197]) **Martens** ц. с. Anhang стр. 108.

[198]) Disputatio secunda quuestio secunda n. n. **15** и **16**.

Хотя долгъ чести, торговый обычай и мѣстами даже предписаніе закона возлагали на назначенныхъ въ векселѣ плательщиковъ обязанность собственноручно отмѣчать на оборотѣ векселя о времени предъявленія векселя для обозрѣнія и о желаніи или нежеланіи ихъ, плательщиковъ, платить по немъ, но плательщикъ всегда имѣлъ возможность фактически уклониться отъ исполненія этой обязанности, при чемъ назначенный получатель платежа развѣ въ рѣдкихъ и счастливыхъ случаяхъ въ состояніи былъ прочно констатировать фактъ такого уклоненія. И въ самомъ дѣлѣ, если въ новое время, при весьма усовершенствованномъ соціальномъ строѣ, заставить назначеннаго плательщика собственноручно обозначить на самомъ векселѣ свой отказъ отъ принятія послѣдняго едва ли возможно, то какъ было достигнуть этого въ эпоху почти полнаго господства варварства, грубости и неустройства, какою являются средніе вѣка, и какъ было удостовѣрить векселедателя, что его мандатарій дѣйствительно отказался отъ исполненія возложеннаго на него въ векселѣ порученія, хотя о существованіи этого порученія онъ своевременно поставленъ былъ въ извѣстность? Да и независимо отъ желанія плательщика могли встрѣтиться такія обстоятельства, при наличности коихъ уничтожалась возможность совершить указанную отмѣтку. Такъ, напр., плательщикъ могъ оказаться неграмотнымъ, что̀ въ тѣ времена крайняго невѣжества было явленіемъ обыкновеннымъ, могъ отсутствовать въ назначенномъ для платежа мѣстѣ, могъ оказаться несостоятельнымъ, умершимъ и т. д.

§ 55.

Сама необходимость такимъ образомъ требовала пріисканія средствъ, способныхъ вполнѣ замѣнить собою собственноручную надпись плательщика, способныхъ обладать такою же степенью достовѣрности и безспорности, какъ означенная надпись. Изъ такихъ средствъ наиболѣе цѣлесообразнымъ представлялось письменное удостовѣреніе компетентными лицами факта предъявленія векселя плательщику и отказа послѣдняго отъ исполненія возложеннаго на него порученія. Ограничиться простымъ привлеченіемъ къ этому дѣлу постороннихъ лицъ въ качествѣ очевидцевъ отказа было непрактично уже потому, что доказывать этотъ отказъ необходимо было не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ произошелъ,

а въ томъ, гдѣ вексель выданъ, вслѣдствіе чего воспользоваться показаніями означенныхъ лицъ являлось почти невозможнымъ. Общечеловѣческая наставница и вдохновительница — нужда подсказала торговцамъ возможность удостовѣренія свидѣтельскими показаніями означеннаго факта безъ необходимости личнаго допроса ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пребывалъ векселедатель. Вмѣсто устнаго завѣренія, требовавшаго ихъ личнаго присутствія, они удостовѣряли фактъ отказа письменно. Но такъ какъ и подобнаго удостовѣренія было недостаточно, ибо векселедатель не обязанъ былъ вѣрить всякому письменному заявленію, а, наоборотъ, въ правѣ былъ возразить, что этихъ свидѣтелей онъ не знаетъ, что онъ не увѣренъ, точно-ли это дѣйствительные, а не фиктивные свидѣтели и т. п., то установился обычай привлекать къ этому дѣлу офиціальный органъ, показаніе коего имѣло бы на своей сторонѣ презумцію достовѣрности и не могло бы быть голословно отвергаемо. Такимъ органомъ былъ нотаріусъ. Его засвидѣтельствованіе дѣйствительнаго участія данныхъ свидѣтелей въ дѣлѣ предъявленія векселя и правдивости ихъ показанія было безспорнымъ доказательствомъ, устранявшимъ необходимость въ личномъ допросѣ свидѣтелей. Такое удостовѣреніе получило названіе *протеста* (отъ protestatio — засвидѣтельствованіе, protestari—явно, открыто выражать, изъяснять). Но разъ удостовѣреніе нотаріуса закрѣпляло существованіе и безспорность свидѣтельскаго показанія, разъ оно обладало такою силою, что по отношенію къ нему простое сомнѣніе не допускалось, то отсюда естественнымъ путемъ должно было явиться то умозаключеніе, что привлеченіе къ протесту свидѣтелей совершенно излишне и что для удостовѣренія факта непринятія векселя къ платежу показанія одного нотаріуса вполнѣ достаточно. И въ самомъ дѣлѣ, если письменнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ обязаны были дать вѣру именно потому, что ихъ дѣйствительное существованіе завѣрено было нотаріусомъ, то эти показанія оказались совершенно лишнимъ придаткомъ, и достаточно было непосредственнаго удостовѣренія означеннаго факта самимъ нотаріусомъ. Вѣдь его засвидѣтельствованіе простому оспариванію, или лучше сказать, голословному отрицанію не подлежало, ибо онъ былъ общественнымъ органомъ, уже по самому своему положенію заслуживающимъ и имѣющимъ право на довѣріе; на какомъ же основаніи было не довѣрять ему, когда

онъ заявлялъ, что лично при немъ данный вексель предъявленъ былъ плательщику и тотъ отъ принятія его къ платежу отказался? Это соображеніе привело къ тому послѣдствію, что съ теченіемъ времени протестъ свелся къ простому нотаріальному протоколу, къ письменному засвидѣтельствованію нотаріусомъ, безъ участія свидѣтелей, факта непринятія векселя къ платежу.

Но выдавая вексель, принимающій валюту, какъ уже было сказано, вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя обязанность выдать векселепринимателю или его уполномоченному опредѣленную сумму денегъ въ назначенномъ мѣстѣ. Если векселедержатель этой суммы въ условленное время не получалъ, то векселедатель оказывался не исполнившимъ этой своей обязанности, а потому подлежалъ имущественной отвѣтственности въ размѣрѣ причиненнаго его неисправностью вреда. Отвѣтственность эта наступала съ того момента, какъ своевременное требованіе платежа осталось неудовлетвореннымъ. Но подобно тому, какъ векселедатель не обязанъ былъ вѣрить на слово, что вексель въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ предъявленъ былъ плательщику къ принятію, а въ правѣ былъ требовать подтвержденія этого обстоятельства доказательствами, такъ онъ не обязанъ былъ вѣрить на слово, что принявшій вексель плательщикъ отказался произвести своевременно платежъ, а могъ требовать представленія доказательствъ. Спрашивается, какъ же было доказать это обстоятельство? Отвѣтъ на этотъ вопросъ напрашивается самъ собою. Если протестъ служилъ вполнѣ имовѣрнымъ доказательствомъ факта непринятія векселя, то почему же тотъ же протестъ не могъ служить такимъ же доказательствомъ факта платежа? Разъ пригодное средство было найдено, то уже не было никакого ни логическаго, ни практическаго основанія не пользоваться имъ во всѣхъ сродныхъ и сходныхъ случаяхъ. И дѣйствительно, купечество стало прибѣгать къ его помощи весьма рано не только для удостовѣренія отказа принять вексель, но и для закрѣпленія факта неплатежа, такъ что протестъ сталъ совершаться какъ при непринятіи векселя, такъ и при неплатежѣ по принятому векселю.

Бинеръ [199]), ссылаясь на Фремери, утверждаетъ, что отдѣленіе момента принятія векселя отъ момента платежа по немъ обязано своимъ происхожденіемъ вышеописанному ярмарочному

[199]) Wechselrechtl. Abh. стр. 109 и сл.

обычаю собираться въ назначенный для того день для предложенія плательщикамъ высказаться насчетъ адрессованныхъ имъ вексельныхъ писемъ, что этотъ обычай отразился на процедурѣ взысканія по неярмарочнымъ векселямъ и что такимъ образомъ по отношенію и къ этимъ послѣднимъ явилась необходимость въ двухъ протестахъ, одинъ въ непринятіи, а другой въ неплатежѣ по принятому векселю. Но съ этимъ мнѣніемъ весьма трудно согласиться уже потому, что Фремери высказываетъ его несовсѣмъ ясно и вполнѣ голословно. Онъ даже утверждаетъ, что обычай выдавать векселя распространился съ ярмарокъ на остальные торговые пункты («l'usage des lettres de change s'étendit des foires aux places de commerce» ц. с. стр. 108). Прежде всего нельзя не назвать произвольнымъ тезисъ, что векселя впервые появились на ярмаркахъ: въ пользу этого предположенія не имѣется никакихъ историческихъ данныхъ, а если принять въ расчетъ все, изложенное нами выше, то слѣдуетъ прійдти къ діаметрально противоположному заключенію, слѣдуетъ допустить, что возникновеніе неярмарочныхъ векселей предшествовало возникновенію ярмарочныхъ. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе отсутствія достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, категорически настаивать на справедливости того или другаго изъ указанныхъ предположеній рѣшительно невозможно.

Еще менѣе справедливымъ кажется намъ завѣреніе, что обычай акцепта векселя впервые возникъ на ярмаркахъ, а оттуда перешелъ въ другія торговыя мѣста. Если имѣть въ виду естественный ходъ вещей, если припомнить, что акцептъ разсчитанъ былъ на то, чтобы дать контрагентамъ время, съ одной стороны, приготовиться къ платежу, а съ другой — отыскать потребную сумму денегъ помимо плательщика, буде онъ векселъ отвергнетъ, то станетъ понятнымъ, что отдѣленіе извѣстнымъ промежуткомъ времени двухъ означенныхъ моментовъ, именно акцепта и платежа, было еще болѣе необходимо для неярмарочныхъ, чѣмъ для ярмарочныхъ векселей, и даже всего вѣроятнѣе, что обычай отдѣлять эти моменты возникъ впервые по отношенію къ неярмарочнымъ векселямъ, а отсюда уже перешелъ на ярмарки. Какъ бы однако ни было, сказать на этотъ счетъ что-нибудь опредѣленное, выйдти тутъ изъ области догадокъ и предположеній и стать на твердую почву историческихъ фактовъ за отсутствіемъ данныхъ совершенно невозможно.

Несомнѣнно доказаннымъ представляется только то, что акцепты и платежъ отдѣлялись другъ отъ друга извѣстнымъ промежуткомъ времени и что какъ фактъ непринятія векселя, такъ и неплатежа по немъ закрѣплялся протестомъ. Что касается времени первоначальнаго возникновенія протеста, то по той же причинѣ сказать объ этомъ что нибудь безусловно вѣрное совершенно невозможно. Принимая во вниманіе, что въ области торговаго, а въ особенности вексельнаго права всѣ институты складывались путемъ обычая, а для образованія твердо установившагося обычая требуется продолжительное время, нужно думать, что обычай закрѣплять протестомъ факты отказа въ принятіи и платежѣ по векселю возникъ уже весьма рано, быть можетъ, непосредственно за возникновеніемъ самого вексельнаго отношенія. Это свое предположеніе мы основываемъ на томъ, что у Гольціуса (прил. X стр. 219 и сл.) помѣщенъ латинскій текстъ нотаріальнаго протеста, совершеннаго при участіи двухъ свидѣтелей, по формѣ своей напоминающій позднѣйшіе и отчасти даже нынѣшніе протесты и относимый къ 1384 г. Эта вполнѣ сложившаяся и точная по своему изложенію форма говоритъ за довольно продолжительное предшествующее существованіе протеста. Чтобы въ то варварское и темное время, когда письменность ютилась почти исключительно въ монастыряхъ и у незначительнаго контингента представителей интеллигенціи, могла сложиться такая ясная, краткая, точная и вразумительная формула протеста, нужно было много времени и много предварительныхъ опытовъ, а затѣмъ необходимъ былъ не малый промежутокъ времени, чтобы данная конкретная форма стала всеобщимъ достояніемъ и получила одинаковое повсемѣстное примѣненіе.

О протестѣ, какъ обычномъ явленіи, упоминается затѣмъ въ одномъ процессѣ, производившемся по поводу выданнаго въ 1404 г. векселя. Случай этотъ Бинеръ [200]) заимствовалъ изъ сочиненія Бекмана (Beiträge zur Geschichte der Erfindungen Band V стр. 300) и въ немъ въ настоящую минуту насъ интересуетъ лишь то обстоятельство, что векселя были предъявлены въ Барцелонѣ къ принятію и платежу и вслѣдствіе непослѣдовавшаго платежа были протестованы. Но въ 1454 г. мы уже находимъ законодательное требованіе, чтобы судья допускалъ регрессъ и

---

[200]) Abhandl. aus d. Gebiete der Rechtsgesch. стр. 151.

взысканіе убытковъ лишь въ томъ случаѣ, когда вексель назначеннымъ плательщикомъ и въ назначенномъ мѣстѣ не будетъ принятъ и когда это обстоятельство будетъ удостовѣрено протестомъ. Именно въ статутѣ города Болоньи отъ 1454 г. § 15 (*Martens* Anh. стр. 61) относительно протеста говорится слѣдующее: «Teneatur etiam, et debeat dictus Iudex omnes, et singulas Literas Cambii per quoscunque, seu quoruncunque Factores, aut Socios scriptas, seu factas in Civitate Bonon., et ad alia loca destinatas, quae reportatae fuerint, quia ipsis non fuerit obtemperatum, et acceptatae non fuerint in eo loco, seu per eum, ad quem, vel cui fuerint destinatae, si ibidem, seu in loco ordinato fuerint praesentatae, quod constare debeat dicto Iudici *per protestationem* factam ei, cui dictae Literae fuerint destinatae, seu per ipsius subscriptionem» (Названный судья обязывается и долженъ присуждать [вексельную сумму и убытки] по всѣмъ векселямъ, лично или чрезъ факторовъ или товарищей написаннымъ или совершеннымъ въ городѣ Болоньѣ и адресованнымъ въ другія мѣста и отсюда обратно привезеннымъ вслѣдствіе неудовлетворенія или непринятія ихъ въ томъ мѣстѣ или тѣмъ лицомъ, куда или кому они были адресованы, если они тамъ или въ назначенномъ мѣстѣ будутъ представлены, въ чемъ названный судья долженъ быть удостовѣренъ *протестомъ* заявленнымъ тому, коему адресованъ былъ вексель, или собственноручною такого адрессата подписью).

Съ теченіемъ времени совершаемый чрезъ нотаріуса протестъ по поводу непринятія или неплатежа по принятому векселю получилъ такое распространеніе, что Скачча говоритъ о немъ, какъ о чемъ-то совершенно обычномъ, не требующемъ особаго поясненія. Въ двухъ мѣстахъ (§ 6 Gl. I n. 98 и § 7 Gl. 2 n. 16) онъ приводитъ даже самую формулу протеста; въ одномъ случаѣ онъ разрѣшаетъ вопросъ, кто долженъ протестовать вексель, когда и плательщикъ, и векселедатель соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ и когда это лицо въ качествѣ плательщика отказывается отъ принятія векселя? Говоря, что протестовать въ этомъ случаѣ должно то же лицо, словно бы вексель предъявленъ былъ не ему, а кому-либо другому, Скачча приводитъ и самую формулу совершаемаго въ случаѣ непринятія векселя протеста. Въ другомъ мѣстѣ (§ 7 Gl. 2 n. 16) онъ приводитъ, за немногими измѣненіями, такую же точно формулу протеста

въ случаѣ отказа на ярмаркѣ уплатить по векселю [201]). Въ концѣ этого протеста приводится присяжное показаніе двухъ официальныхъ маклеровъ по вексельнымъ дѣламъ, что въ текущую ярмарку за сто скудъ марки давали вексель на Римъ въ сто два дуката. Такое удостовѣреніе, надо полагать, присоединялось къ протесту ради отклоненія подозрѣнія въ ростовщическомъ харак-

---

[201]) Формула въ случаѣ отказа принять вексель гласила, какъ она изложена у Скачча, слѣдующее: «Al nome di Dio sia; l'anno mille seicento quattordeci, correndo l'indittione duodecima, à di quindeci di Novemb. constituto alla presenza di me Gio. Marià Pinceto notaro: et cancelliero infra scritto, et di testimonij sotto nominati, il Mag. Frances. Numio dimanda à se stesso pagamento discudi mille d'oro di marche per lettera di Roma Lanfranco del Forno, responde non volerli pagare, laqual risposta fatta, detto Mag. Franc. Numio per ogni melior modo, ragione, via, et forma, per li qualimeglio ha potuto, et può solennemente, et debitamente hà protestato, et protesta contro detto Lanfranco del Forno, et qualsi vogli suoi beni, et contro tutti coloro, quali per detto cambio fossero obligati, et altri, a'quali aspetta, et apparente questo cambio, et che potesse spettare, et appartenere così al presente, come in l'avenire di tutti li danni, et interessi, missioni, cambij, recambij, spese fatte, et da farsi in l'avenìre per detto Mag. Frances. Numio, per non esserli stata pagata detta partita, pendente la fiera de Santi, fatta nella presente Citta di Piacenza, et pigliare detta partita à spese, danni, interessi di detto Lanfranco del Forno, ò altri, à quali detto cambio appartenesse, ò potesse appartenere in qual si voglia modo in l'avenire, a cambio, et recambio, ò per Genova, ò qual si voglia, parte del mondo, della quali cose detto Mag. Frances. Numio ha richiesto me gia detto notaro, et cancelliero, che le ne facci publice instromento, il quale li ho dato sotto questa forma, fatto in la detta Citta di Piacenza l'anno, inditione, mese et giorno predetti, presenti Scipione Panetero, et Alessandro Caponico, testimonij chiamati. «Послѣ этого приводится слѣдующій текстъ протестуемаго векселя: «Al magnif. Francesco Numio, Piacenza fiera de Santi 161[4] à 10 Ottobre in Genova scudi 1000. marche.—A pagamenti di fiera prossima de Santi pagate par questa prima di cambio à voi stesso scudi mille di marche, per la valuta havuta nel cartulario della gabella de cambij dal vestro Francesco Numio di qui, et ponete à conto mio, à Dio. Lanfranco del Forno».

«A di detto li N. Tomasso Pinceto, et Giovanettino Bezzo publici mediatori di cambij hanno riferto per loro giuramento, essersi cambiato, pendente detta fiera, per Genova à sol. settant à uno per scudo. Gio, Maria Pinceto notaro, et detti fiere cancelliero». (Во имя Господа 1614 г. текущаго 12-го индикта, 15 ноября, въ присутствіи меня, Іоанна Маріи Пинчета, нотаріуса и канцлера нижеподписавшагося, и нижепоименованныхъ свидѣтелей, предсталъ достославный Францискъ Нуміо и потребовалъ упла-

терѣ обратнаго векселя, къ коему обыкновенно прибѣгалъ неудовлетворенный на ярмаркѣ векселедержатель. Такъ какъ сумма въ подобномъ векселѣ всегда превосходила сумму, не полученную по первому векселю, то могло явиться подозрѣніе, что подъ обратнымъ векселемъ скрывается лихвенная сдѣлка, и кредиторъ рисковалъ понести всѣ невыгоды такого подозрѣнія. Чтобы предупредить эти послѣдствія, нотаріусъ, очевидно, по просьбѣ того же кредитора, вносилъ въ свой протестъ и свѣдѣніе о вексельномъ курсѣ на то мѣсто, куда выданъ вексель. Такого рода свѣдѣніе добыть было очень не трудно, ибо, какъ мы уже прежде видѣли, общее собраніе ярмарочныхъ купцовъ еще во время ярмарки устанавливало вексельные курсы на различные города, съ коими существовали вексельныя сношенія; а потому для полученія указанія подлежащаго курса достаточно было обратиться къ любому изъ офиціальныхъ ярмарочныхъ органовъ, каковыми между прочимъ были и вышеупомянутые маклера. Такимъ образомъ векселеприниматели заранѣе заручались офиціальнымъ документомъ, который они могли противопоставить спору противъ вексельнаго характера обратнаго векселя.

Къ концу XVI столѣтія обычай протестовать векселя въ случаѣ ихъ непринятія или неплатежа настолько проникъ въ юридическое сознаніе народовъ, что онъ сталъ не только досто-

---

ты 1000 скудъ марки золотомъ по векселю изъ Рима на имя Ланфранко де Фурно: этотъ послѣдній отвѣтилъ, что не хочетъ платить. По полученіи такого отвѣта сказанный достославный Франциск Нумію всевозможными лучшими способами, какіе только ему доступны и были доступны, торжественно и надлежащимъ образомъ протестовалъ и протестуетъ противъ сказаннаго Ланфранко де Фурно и всякаго рода и всякаго вида его имущества по поводу этого векселя и всевозможныхъ его принадлежностей, и касательно всего, что можетъ относиться, въ настоящемъ или будущемъ, ко всякаго рода ущербу, выгодамъ, посылкамъ, обратнымъ векселямъ, произведеннымъ и будущимъ издержкамъ достословнаго Франциска Нумію, и по поводу того, что этотъ вексель не былъ оплаченъ въ теченіи текущей ярмарки всѣхъ святыхъ, происходящей въ настоящемъ городѣ Піаченцѣ и т. д.). Эта чрезвычайно многословная, безтолковая и запутанная формула сама собою краснорѣчиво говоритъ въ пользу довольно низкой степени грамотности, на которой стояли дѣльцы времени Скачча. Невольно однако бросается въ глаза, что приведенная у Гольціуса гораздо болѣе древняя формула протеста оказывается несравненно точнѣе, короче и яснѣе, чѣмъ вышеприведенный велерѣчивый и фразистый продуктъ канцелярскаго нотаріальнаго творчества послѣдующаго времени.

яніемъ законодательства, но и несоблюденіе его обложено было опредѣленными невыгодными послѣдствіями. Такъ, генуэзкій статутъ отъ 1589 г. прямо возлагаетъ на вексельнаго кредитора или лицо, имѣющее получить по векселю платежъ, обязанность въ случаѣ непринятія или неплатежа протестовать вексель въ въ теченіи тридцати дней со времени наступленія срока платежа; въ противномъ случаѣ они остаются отвѣтственными за вексельную сумму и ея выгоды впредь до полнаго платежа, даже когда имѣющій произвести платежъ освободится отъ этой обязанности («Si cambium aliquod esset solvendum, et non acceptaretur, vel non solveretur, taneatur creditor, seu ille, cui cambium solvendum esset, protestari intra dies triginta a die solutionis faciendae, aliter remaneat obligatus pro ipso cambio, et pro interessibus usque ad integram solutionem, etiam si ille, qui solvere debebat, non teneretur. *Martens* Anhang стр. 48 и 49). Это постановленіе простираетъ свое дѣйствіе на векселя, не только совершенные въ самой Генуѣ, но и внѣ ея, а равно на векселя, заключенные между генуэзцами и чужестранцами. Протесту должно предшествовать приказаніе подлежащаго чиновника должнику уплатить по данному векселю въ теченіи 24 часовъ, каковое приказаніе дается по порученію взыскателя. Только по оставленіи этого требованія въ теченіи 24 часовъ должникомъ безъ исполненія статутъ разрѣшаетъ опротестовать вексель («Prohibitum sit cuicunque protestari litteras cambii, nisi prius mandato magistratus factum fuerit praeceptum illi, qui solvere debet quatenus intra hores viginti quatuor solvere debeat; et ipsis horis transactis possint fieri protestationes»). Названное требованіе должно предъявляться лично должнику; если же онъ не будетъ найденъ, то оно оставляется въ его квартирѣ, а буде и квартиры у него нѣтъ, то выставляется въ Генуѣ на одной изъ банковыхъ калонъ и въ иномъ обычномъ мѣстѣ. Никакія словесныя заявленія и возраженія кромѣ дѣйствительнаго платежа или представленія инаго полнаго удовлетворенія по векселю не могутъ остановить совершеніе протеста («et huiusmodi praecepta exequantur personaliter, et eis non repertis exequantur ad domum, et respectu non habentium domos, exequantur Genuae ad unam ex columnis bancorum, et alibi ad locum solitum, et non retardetur protestatio etiam si verbo, vel scripto fieret aliqua responsio, et exceptio, sed omnis responsio, et exceptio habeatur

pro reiecta, nisi fieret vera solutio, vel satisfactio in contentamento debentis recipere cambium») [202]). Предварительное требованіе платежа въ теченіи 24 часовъ, по объясненію Скачча (§ 2 Gl. 5 n. 321), имѣло мѣсто только въ Генуѣ, а не на ярмаркахъ, гдѣ достаточно было совершенія протеста по истеченіи 24 часовъ послѣ часа акцептовъ.

Протестъ, какъ объясняетъ *Рафаэль де Турри* (dis. 2 qu. 2 n. 23) и какъ подтверждаетъ вышеприведенная формула протеста, касался не только суммы, обозначенной въ векселѣ, но и всѣхъ убытковъ, имѣющихъ произойти какъ отъ того, что означенная сумма не была уплачена въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, такъ и отъ того, что предъявитель векселя ради полученія этой суммы изъ постороннихъ рукъ прибѣгъ къ первоначальнымъ и возобновленнымъ векселямъ, платя за это проценты и иное вознагражденіе.

Уже выше было замѣчено, что обрядъ протеста возникъ изъ необходимости удостовѣрить векселедателя въ томъ, что вексель дѣйствительно достигъ мѣста своего назначенія и тутъ былъ предъявленъ плательщику для исполненія. При отсутствіи такого удостовѣренія векселедатель, въ случаѣ предъявленія къ нему иска объ убыткахъ, въ правѣ былъ возразить, что хотя онъ и обязался выдать опредѣленную сумму денегъ въ условленномъ мѣстѣ, но истецъ для полученія таковой не явился ни самъ, ни чрезъ уполномоченнаго и тѣмъ самымъ поставилъ его, отвѣтчика, въ невозможность исполнить названное обязательство. Въ этихъ именно видахъ и Скачча (§ 2 Gl. 5 n. 316) совѣтуетъ кредиторамъ совершать протестъ, дабы получить возможность предъявить къ должнику искъ, не требующій въ Генуѣ сложнаго состязательнаго процесса, а допускающій т. н. paratam

---

[202]) На этотъ же параграфъ генуэзскаго статута ссылается **Scaccia** (§ VII Gl. II n. 17, а также § 2 Gl. 5 n. n. 318—320), поясняющій, что, когда вексель касается того, кому слѣдовало произвести платежъ, то несовершеніе протеста и невозвращеніе протестованнаго векселя въ теченіи тридцати дней влечетъ за собою утрату права требовать возмѣщенія убытковъ; если же вексель относится къ кому-либо иному, хотя онъ заключенъ былъ тѣмъ, коему слѣдовало произвести платежъ, то опущеніе протеста въ означенный срокъ влечетъ за собою отвѣтственность такого получателя предъ тѣмъ, къ кому вексель относится, какъ за убытки, такъ и за лишеніе выгодъ въ будущемъ.

executionem, съ сущностью коею мы уже познакомились по цитированному выше изслѣдованію Бриглеба. Эта *parata executio* узаконена была въ Генуѣ тамошнимъ статутомъ, но путемъ обычая она практиковалась и въ другихъ мѣстахъ, если подлинность векселя подкрѣплялась аутентическимъ письменнымъ документомъ (§ VII Gl. V n. 4).

§ 56.

Мы уже знаемъ, что по существу и назначенію своему вексель есть не что иное, какъ письменное порученіе пребывающему въ опредѣленномъ мѣстѣ лицу произвести платежъ извѣстной суммы данному субъекту. Изъ этого ясно, что въ векселѣ всегда необходимо было обозначеніе лица плательщика, безъ чего вексель утрачивалъ свое специфическое значеніе и превращался въ простое заемное обязательство. Такимъ образомъ платежа по векселю можно было требовать только отъ этого лица, и если оно отказывалось исполнить возложенное на него векселедателемъ порученіе, то самый вексель не достигалъ своей цѣли и лишь уполномочивалъ на полученіе возмѣщенія убытковъ отъ того, по чьей винѣ они послѣдовали, т. е. отъ векселедателя. Таковъ самый естественный и логическій ходъ вещей и онъ дѣйствительно осуществлялся на практикѣ вплоть до 15 столѣтія. Но къ этому времени мало по малу сложился обычай платить за честь векселедателя, или какъ тогда выражались, *sopra protesto*, *super protestu s. praetextu*, *in honorem literarum*. Точно опредѣлить моментъ возникновенія этого обычая также невозможно, какъ это, по самому свойству дѣла, невозможно и по отношенію къ другимъ юридическимъ обычаямъ. Трудно даже сказать, въ теченіи какого періода времени обычай этотъ складывался. Несомнѣнно только, что къ концу 15 столѣтія онъ окончательно укрѣпился, ибо къ этому времени, какъ ниже будетъ видно, онъ уже становится предметомъ законодательнаго регулированія. Разъ законодательство считаетъ необходимымъ ввести этотъ обычай въ районъ своего вліянія, то, стало быть, онъ настолько созрѣлъ, что его нужно признать общественнымъ явленіемъ, т. е. явленіемъ, затрогивающимъ интересы не единичныхъ только лицъ, но и всего общества. Спрашивается, однако, что такое принятіе и платежъ *super protestu?*

Рафаэль де Турри (disp. sec. qu. sec. n. 19) слѣдующимъ

образомъ опредѣляетъ это понятіе: «Тотъ, кому въ качествѣ плательщика вексель адресованъ, можетъ отказаться отъ принятія и платежа по такому векселю прямо, но совершить и то, и другое послѣ протеста. Это имѣетъ то значеніе, что онъ не желаетъ исполнить данныя ему лично въ векселѣ и въ увѣдомительномъ письмѣ или spachia порученія. Тѣмъ не менѣе онъ хочетъ ихъ исполнить за ихъ честь». Иными словами это опредѣленіе можно выразить слѣдующимъ образомъ: плательщикъ не хочетъ дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго отъ векселедателя, не намѣренъ явиться простымъ исполнителемъ приказаній послѣдняго, но принимаетъ и уплачиваетъ по векселю, какъ постороннее лицо, оказывая добровольную услугу векселедателю и по собственному великодушному побужденію спасая его кредитъ и честное имя. Уже то обстоятельство, что это дѣлаетъ назначенный плательщикъ, что именно онъ желаетъ подвести и подводитъ себя подъ разрядъ посторонних лицъ въ дѣлѣ исполненія векселя, указываетъ на прочно установившійся обычай платить по чужимъ векселямъ и безъ полученія спеціальнаго на то порученія. Впрочемъ, о существованіи этого обычая прямо свидѣтельствуетъ почти современникъ де Турри, Марквардъ (Tractatus de Jure mercatorum lib. II cap. XII n. 44). «De stylo et consuetudine mercatorum Italorum, говоритъ онъ, quisque litteras Cambii, etiam ad se non directas solvere in honorem scribentis, solvendoque sibi acquirere actionem, et obligatum eum habere potest, qui scripsit» (среди италіанскихъ купцовъ существуетъ обычай платить по векселямъ, хотя и не адресованнымъ платящему, но за честь векселедателя, при чемъ такимъ платежомъ пріобрѣтается искъ и обязательство противъ векселедателя). Въ подкрѣпленіе этихъ словъ Марквардъ ссылается на Decis. Rotae Gen. 32 n. 1 и ст. 9 Statut. Hamb. de Camb. «Но въ наши дни, продолжаетъ онъ, обычай этотъ понимается такимъ образомъ, что платежъ за честь векселедателя можетъ получить мѣсто лишь тогда, когда тотъ, кому вексель адресованъ (т. е. назначенный въ векселѣ плательщикъ), откажется отъ его принятія и имѣющій получить платежъ опротестуетъ этотъ отказъ».

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что въ средніе вѣка среди купечества прочно сложился обычай, въ силу коего, буде назначенный въ векселѣ плательщикъ откажется принять послѣдній или уплатить по нему, эти дѣйствія могъ совершить всякій желающій,

становясь тѣмъ самымъ въ положеніе кредитора по отношенію къ векселедателю. Если это право принадлежало каждому постороннему лицу, то оно могло принадлежать и назначенному въ векселѣ плательщику, когда онъ своимъ отказомъ отъ солидарности съ векселедателемъ ставилъ себя въ положеніе посторонняго лица (см. Scaccia § 2 gl. V n. 358). И въ самомъ дѣлѣ, разъ назначенный плательщикъ отказывается отъ этого званія, разъ онъ открыто и офиціально заявляетъ, что не желаетъ принимать на себя никакихъ обязательствъ по данному векселю, то онъ относительно послѣдняго становится лицомъ постороннимъ, а потому и послѣдующій съ его стороны платежъ по тому же векселю не можетъ разсматриваться иначе, какъ добровольный платежъ со стороны третьяго лица ради избавленія векселедателя отъ невыгодныхъ матеріальныхъ и въ особенности нравственныхъ послѣдствій несвоевременнаго удовлетворенія имъ обязательства. Такъ какъ подобный платежъ носилъ характеръ услуги, оказываемой векселедателю, то надо полагать, что первоначально онъ практиковался между друзьями, при чемъ возникавшія отсюда юридическія отношенія безъ всякаго затрудненія опредѣлялись правилами, регулировавшими у римлянъ отношенія negotiorum gestor къ хозяину сдѣлки. Съ теченіемъ времени къ желанію оказать услугу своему хорошему знакомому, пріятелю или земляку могли примкнуть соображенія чисто практическаго свойства, каковы между прочимъ намѣреніе закупить у векселедателя опредѣленную партію товаровъ и расплатиться за нее вмѣсто наличныхъ денегъ, кои не всегда можно было достать, купленнымъ векселемъ, желаніе заблаговременно погасить свой долгъ векселедателю, что̀ избавляло отъ необходимости доставать и заготовлять къ данному сроку и въ данномъ мѣстѣ опредѣленную сумму денегъ, и т. д. Такимъ образомъ въ основу этого обычая можно полагать не только причины чисто нравственнаго свойства, каково благородное побужденіе вызволить своего человѣка иза затруднительнаго и опаснаго положенія, но и коммерческія соображенія, кои съ теченіемъ времени, весьма вѣроятно, получили даже преобладающее значеніе, тѣмъ болѣе, что подобные платежи стали пользоваться законодательнымъ признаніемъ и защитою суда уже не въ силу требованія справедливости, а на основаніи предписанія закона.

Такъ въ *Costumen van Antwerpen* 1578 г. art. 5 уже имѣются

постановленія касательно вмѣшательства третьихъ лицъ въ чужое вексельное отношеніе [203]). Въ statutorem civilium Reipublicae Genuensis nuper roformatum libri VI, отъ 1589 г. lib. IV cap. XIV содержатся подробныя опредѣленія, касающіяся принятія векселя и платежа по немъ за честь векселедателя [204]). «Кто захочетъ, говорится здѣсь, адресованный на его имя вексель оплатить *supra protestum* съ тѣмъ, чтобъ адресовавшій вексель или поручившій уплатить по немъ извѣстную сумму денегъ, оставался обязаннымъ предъ такимъ плательщикомъ, тотъ имѣетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для платежей по векселямъ установлено особое время, сдѣлать въ присутствіи свидѣтелей вносимое въ нотаріальные акты заявленіе въ теченіи 24 часовъ послѣ представленія векселя, что онъ принимаетъ послѣдній supra protestum, при каковомъ заявленіи долженъ участвовать тотъ, кто вексель представилъ, и такимъ образомъ подкрѣпить свой протестъ занесеніемъ его въ акты, иначе считается, что онъ вексель принялъ безъ всякихъ оговорокъ (libere), и что никакого протеста совершено не было, хотя бы при этомъ относительно того же векселя были сдѣланы какія-либо иныя удостовѣренія. Сверхъ указаннаго протеста тоже лицо должно вторично совершить такой же протестъ при платежѣ по векселю; въ противномъ случаѣ, не взирая на первый протестъ, считается, что вексель принятъ и исполненъ безъ оговорокъ, хотя бы при этомъ были сдѣланы какія-либо иныя завѣренія..... На ординарныхъ же ярмаркахъ, гдѣ для принятія векселей назначенъ особый срокъ, достаточно ради достиженія того же результата, т. е. для сохраненія векселедателя обязаннымъ предъ плательщикомъ, совершить протестъ одинъ разъ при участіи предъявителя векселя и съ соблюденіемъ всего, что предписано для обыкновенныхъ акцептовъ на этихъ ярмаркахъ. Когда же одно и тоже лицо является и предъявителемъ векселя и плательщикомъ по нему, то оно обязано, буде пожелаетъ произвести платежъ super protestum, заявить объ этомъ у публичнаго нотаріуса въ присутствіи двухъ свидѣтелей; въ противномъ случаѣ вексель считается принятымъ и оплаченнымъ безъ оговорокъ, и векселедатель не остается обязательнымъ предъ плательщикомъ». Сверхъ того послѣдній

---

[203]) **Biener** Wechselrechtl. Abh. стр. 114.
[204]) **Martens** ц. с. Anhang. стр. 40, 42—45.

ради того же результата обязанъ позаботиться о томъ, чтобы въ обычное и удобное для того время долгъ былъ для уплаты его векселедателемъ переведенъ въ то мѣсто, откуда вексель отправленъ. Иначе уничтожается дѣйствіе даже правильно совершенныхъ протестовъ, развѣ бы соблюденію этого предписанія помѣшало дѣйствительное препятствіе.

«Если такой долгъ или вексель будетъ присланъ изъ мѣста, не имѣющаго вексельныхъ сношеній съ мѣстомъ исполненія векселя, или если ко времени полученія векселя нельзя будетъ найдти желающаго вступить въ вексельную сдѣлку, то уплачивающіе supra protestum могутъ выдать вексель на одно изъ мѣстъ, ближайшихъ къ тому мѣсту, откуда вексель присланъ, но для этого по меньшей мѣрѣ два цензаріуса, а за ихъ отсутствіемъ два купца подъ присягою должны удостовѣрить, что нельзя было найдти вексель, или вступить за обыкновенную либо сходную цѣну въ вексельную сдѣлку на то мѣсто, откуда вексель полученъ. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ о сказанномъ увѣдомлять векселедателей, иначе совершенные протесты признаются недѣйствительными и произведенный платежъ считается сдѣланнымъ безусловно».

Вполнѣ сходныя, хотя съ нѣкоторыми смягченіями, постановленія имѣются и въ безансонскомъ вексельномъ уставѣ, въ коемъ платежу за честь векселедателя посвящены статьи 34 и 35, представляющія собою дополненія, установленныя декретомъ безансонскаго сената отъ 29 апрѣля 1602 г.[205]) «При всѣхъ обязательствахъ, говорится здѣсь въ ст. 34, имѣющихъ быть уплаченными *sopra protesto*, долженъ быть соблюдаемъ доселѣ дѣйствовавшій обычай, а именно: всякій, платящій *supra protesto*, обязанъ въ теченіи ярмарки озаботиться, чтобъ это обстоятельство было отмѣчено въ книгѣ канцлера, который затѣмъ отбираетъ словесный отзывъ отъ того лица, коему платежъ сдѣланъ, или отъ тѣхъ, кои вмѣсто этого лица получили этотъ платежъ; этимъ способомъ закрѣпляется обязательство лица, выдавшаго оплаченный за его честь вексель, хотя бы при этомъ не была соблюдена формула генуэзскаго статута о платежѣ по обязательствамъ за честь должника».

---

[205]) **Siegels** Corpus juris cambialis. Capitoli et ordini delle fiere de Bisenzone стр. **541** и сл.

Итакъ, въ случаѣ отказа со стороны назначеннаго въ векселѣ плательщика не только принять, но и выполнить возложенное на него векселедателемъ порученіе, всякое третье, не участвующее въ вексельной сдѣлкѣ лицо въ правѣ было въ силу установившагося обычая принять на себя роль плательщика. Но отношеніе такого третьяго лица къ векселедателю какъ до, такъ и послѣ платежа по векселю большею частью существенно отличалось отъ отношенія къ тому же векселедателю назначеннаго въ векселѣ плательщика. Въ то время, какъ платежъ со стороны послѣдняго былъ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ исполненіемъ порученія векселедателя, а потому рождалъ между плательщикомъ и векселедателемъ отношенія, возникающія изъ договора довѣренности или, что тоже, препорученія, а обязательства, отсюда возникавшія, погашались при помощи обоюдныхъ зачетовъ и иныхъ взаимныхъ разсчетовъ, платежъ со стороны лица посторонняго самъ собою превращалъ векселедателя въ должника уплатившаго третьяго лица и сверхъ того отягощалъ векселедателя излишними расходами, ибо третье лицо въ правѣ было удовлетворить себя за уплаченную сумму путемъ выдачи векселя на то мѣсто, гдѣ проживалъ названный векселедатель, и назначить этого послѣдняго плательщикомъ. Иначе говоря, уплатившее по чужому векселю постороннее лицо могло получить уплаченную сумму тутъ же на мѣстѣ отъ инаго купца либо наличными, либо товаромъ, либо зачетомъ, выдавъ такому купцу векселъ на то мѣсто, гдѣ проживалъ помянутый векселедатель, и назначивъ послѣдняго плательщикомъ. А такъ какъ такой векселъ всегда сопряженъ былъ съ извѣстными расходами, то первоначальный долгъ отъ этого значительно увеличивался, ибо прежнему векселедателю необходимо было возвратить и эти расходы. Само собою понятно, что никто не обязанъ становиться въ худшее положеніе лишь въ силу голаго произвола третьяго лица; а потому, если это послѣднее являлось плательщикомъ безъ всякой въ томъ надобности, т. е. не дождавшись отказа отъ принятія векселя и платежа по нему со стороны назначеннаго въ немъ плательщика, то векселедатель въ правѣ былъ игнорировать подобную неумѣстную, безполезную и навязанную услугу. Только въ томъ случаѣ, когда констатировано было отреченіе отъ векселя со стороны плательщика, отреченіе, ставившее векселедателя въ тяжелое матеріальное и нравственное положеніе, только тогда

онъ обязанъ былъ принять чужую услугу и возмѣстить всѣ сдѣланныя ради него затраты. Изъ этого для посторонняго плательщика рождалась необходимость безспорно констатировать фактъ означеннаго отказа. Наиболѣе же пригоднымъ средствомъ для такого констатированія являлся извѣданный уже въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ протестъ. Вотъ почему сначала торговый обычай, а затѣмъ законодательства признаютъ векселедателя обязаннымъ отвѣчать за совершенный отъ его имени платежъ третьимъ лицомъ лишь тогда, когда отказъ отъ исполненія векселя со стороны назначеннаго въ послѣднемъ плательщика будетъ удостовѣренъ протестомъ, совершеннымъ согласно предписаннымъ для того правиламъ.

Но случалось что изъявляли готовность уплатить за честь векселедателя не одно, а нѣсколько лицъ одновременно; напр., въ то время, какъ по предъявленіи векселя къ принятію или платежу плательщикъ, отказавшись исполнить возложенное на него порученіе, выражалъ желаніе уплатить за честь векселя, такое же желаніе выражалось и векселеполучателемъ, т. е. лицомъ, получившимъ вексель для предъявленія, и совершенно посторонннимъ или посторонними лицами. Бывало и такъ, что самъ векселедатель въ своемъ векселѣ назначалъ лицо, которое должно уплатить supra protesto въ случаѣ, если вексель окажется непринятымъ или неисполненнымъ. Такимъ образомъ нѣсколько лицъ могли въ одно и тоже время претендовать на уплату за честь векселедателя. Возникаетъ вопросъ: кому же изъ нихъ дать предпочтеніе? Генуэзскій и безансонскій статуты рѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что безусловнаго предпочтенія заслуживаетъ тотъ, кому право уплатить за честь векселедателя предоставлено въ самомъ векселѣ (т. н. Nothadresse); если же такого лица назначено не было или оно не пожелало исполнить порученіе векселедателя, то предпочтеніе должно давать получателю векселя, а затѣмъ уже плательщику и третьимъ лицамъ [206]).

§ 57.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о послѣднемъ мо-

---

[206]) См. объ этомъ **Martens** Anhang стр. 44 въ к. и 45, **Siegel** capitoli e ordini delle fiere de Bisenzone ст. 35 стр. 542 и сл. **Raphael de Turri** disp. sec. qu. decima quinta. **Scaccia** §. 2 gl. V nn. 382. 389 — 391. **Biener** Wechselr. Abh. стр. 114 и сл. **Endemann** ц. с. стр. 208 и сл.

ментѣ въ жизни векселя, именно о платежѣ по немъ. Какъ справедливо замѣчаетъ *Эндеманъ* (ц. с. стр. 209), платежъ въ большинствѣ случаевъ былъ тожественъ съ акцептомъ векселя. Въ ряду векселей разсматриваемаго времени самое почетное и преобладающее мѣсто занимали ярмарочные векселя, ибо вексельное обязательство, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго изложенія, предназначалось для удовлетворенія торговыхъ потребностей, а торговля въ то время сосредоточивалась главнымъ образомъ на ярмаркахъ. Но изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній о ярмарочныхъ порядкахъ разсматриваемой эпохи легко было замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ или, лучше сказать, обыкновенно вексельные платежи производились не наличными деньгами, а посредствомъ зачета. На это прямо указываетъ *Scaccia* (§ II Gl. V n. 55), говоря, что «apud mercatores in solutione, quam faciunt accomodationem scripturarum in eorum libris, quia illa scriptura obtinet vim solutionis...» Еще опредѣленнѣе тоже самое говоритъ *де Турри* (Disp. sec. qu. octava n. 6) «... in Cambijs regularibus, quorum solutiones destinantur in feriis, cum solutiones omnes fiant vel in bilantio, vel in scontris...»

Такимъ образомъ на ярмаркахъ дѣло обходилось безъ дѣйствительнаго платежа. Разъ купецъ или банкиръ принялъ вексель, онъ вступалъ въ соглашеніе съ предъявителемъ векселя о зачетѣ суммою этого векселя соотвѣтствующаго долга, числившагося за собственникомъ векселя. Операція этого зачета производилась чрезвычайно просто. Акцептировавшій вексель плательщикъ отмѣчалъ въ своемъ ярмарочномъ меморіалѣ (scarta-faccі), что отъ собственника векселя значащійся за нимъ въ этой книгѣ долгъ получилъ, а собственникъ векселя въ свою очередь отмѣчалъ въ своей книгѣ, что платежъ по векселю получилъ. Такимъ образомъ торговцы на ярмаркахъ почти вовсе обходились безъ денегъ, ограничиваясь простыми отмѣтками въ своихъ биланцахъ. Благодаря этимъ причинамъ, акцептъ векселя совпадалъ на ярмаркахъ съ платежемъ; въ дѣйствительности послѣдній вовсе не производился, а дѣло ограничивалось простою отмѣткою; а потому тутъ никакихъ вопросовъ, сопряженныхъ съ моментомъ платежа, какъ самостоятельнымъ актомъ, и возникать не могло. Правда, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же де Турри (disp. prima qu. 27 n. 4), должникъ могъ требовать, чтобы кредиторъ принялъ отъ него уплату наличными деньгами. Но въ

виду того, что такая уплата признавалась весьма обременительною для кредитора, причиняя ему лишніе хлопоты и расходы по поводу сбереженія денегъ и перевода ихъ въ отечество купца, подобный платежъ обставленъ былъ довольно стѣснительными правилами. А именно: cap. 12 capitoli e ordini delle fiere di Besenzone (прим. къ соч. Raph. de Turri) обязывалъ должника, желавшаго уплатить по векселю звонкою монетою, произвести такой платежъ не далѣе, какъ чрезъ четыре дня по срокѣ принятія векселей, считая въ томъ числѣ и день принятія. Буде же онъ пожелаетъ такимъ способомъ уплатить во время передачи биланцовъ консулу, то онъ могъ это сдѣлать не иначе, какъ предварительно въ теченіи означенныхъ четырехъ дней размѣстивъ причитающуюся сумму въ мѣшечки, запечатанные публичною печатью. Предписывалось это, очевидно, въ виду того, что купцы, какъ тутъ же объясняетъ де Турри, питали отвращеніе къ звонкой монетѣ, считая платежъ ею убыточнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что́ бы сталъ дѣлать купецъ съ крупною суммою звонкой монеты? Везти ее съ собою было бы и убыточно, и опасно, и безцѣльно: будучи очень тяжолою и емкою, она требовала спеціальнаго вмѣстилища, значительно увеличивая собою тяжесть багажа; но привезенная домой, она оказывалась безполезною, такъ какъ тамъ она рыночнаго обращенія не имѣла, а потому должна была или лежать безъ употребленія или быть обращенною въ слитки съ явною и значительною потерей для хозяина. Сверхъ того самая перевозка ея домой сопряжена была съ серіозными опасностями, ибо своимъ присутствіемъ она распаляла хищническіе инстинкты рыцарей и иныхъ героевъ большихъ дорогъ. Даже до перевозки ея домой она могла причинить не мало заботъ и огорченій, ибо въ виду отсутствія въ то время сколько-нибудь организованной полиціи и почти безграничнаго господства кулака и разнузданныхъ и дикихъ страстей нужны были чревычайныя мѣры для охраненія ея отъ чужаго посягательства. Эти обстоятельства заставляли тогдашнихъ купцовъ предпочитать письменные документы, а полученныя суммы звонкой монеты поскорѣе мѣнять у банкировъ на векселя.

§ 58.

Между способами удовлетворенія по векселямъ весьма вид-

ную роль играли т. н. *возобновленные векселя* или *recambia*, о коихъ уже неоднократно упоминалось въ предшествующемъ изложеніи, а потому тутъ, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи по векселямъ, о *recambium* слѣдуетъ сказать въ отдѣльности. Часто случалось, что вексель, достигнувъ мѣста назначенія, не получалъ удовлетворенія или потому, что плательщикъ отказывался принять вексель, или потому, что онъ отказывался платить по принятому векселю, или потому, что впадалъ въ несостоятельность. Въ этихъ случаяхъ вексель возвращался съ протестомъ или векселепринимать означенную въ векселѣ сумму добывалъ у третьяго лица, выдавая отъ себя вексель, плательщикомъ въ коемъ назначалъ векселедателя. Когда вексель возвращался съ протестомъ и векселедатель не въ состояніи былъ уплатить по немъ, то онъ съ согласія кредитора выдавалъ послѣднему новый вексель на ту же сумму съ присоединеніемъ къ ней суммы вознагражденія за потери по предыдущему векселю. Этотъ то новый вексель носилъ названіе *recambium*. Такъ какъ подъ его личиною легко было совершать запретные процентные займы, то онъ скоро обратился въ особую форму лихвенныхъ сдѣлокъ и получилъ такое распространеніе, что ко времени де Турри далеко оставилъ за собою обыкновенные векселя.

Если задаться вопросомъ, когда собственно такіе векселя возникли, то едва ли возможно будетъ дать на него вполнѣ удовлетворительный и точный отвѣтъ. Будучи призваны къ жизни исключительными обстоятельствами, съ коими мы познакомились уже въ первой части настоящаго изслѣдованія, возобновленные векселя должны были возникнуть уже довольно рано и, быть можетъ, непосредственно затѣмъ, какъ торговый оборотъ достаточно ознакомился и освоился съ обыкновенными векселями. Но точно указать время, когда они впервые стали употребляться, невозможно уже потому, что не сохранилось никакихъ данныхъ, при помощи коихъ можно было бы проникнуть ко времени первыхъ зачатковъ этого института. Не взирая однако на непроницаемый мракъ, окутывающій время младенчества этихъ векселей, можно, благодаря, правда, счастливой случайности, сказать, что они существовали уже къ концу 14-го столѣтія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ помѣщенный у Гольціуса и относимый къ 1384 г. протестъ, въ коемъ упоминается о *recambium*. Это же названіе приводится также въ письмѣ магистрата въ Брюгге

къ барцелонскому магистрату [207]). Затѣмъ объ arrière-changes говорится въ одномъ изъ эдиктовъ Людовика XI отъ 1462 г.[208]). Но свѣдѣнія эти настолько неопредѣлены и случайны, что по нимъ нѣтъ ни малѣйшей возможности установить то значеніе, въ коемъ слово recambium употреблялось въ означенное время.

Позднѣе мы уже встрѣчаемся съ рѣзко очерченнымъ гоненіемъ, воздвигнутымъ противъ возобновленныхъ векселей папами и ихъ литературными приспѣшниками. Папы Пій IV и V относятъ эти векселя къ разряду *cambia sicca* и въ изданныхъ по этому поводу декретахъ, съ содержаніемъ коихъ мы познакомились уже выше, предаютъ ихъ анаѳемѣ. Лишь настойчивое ходатайство Генуэзской республики, какъ мы видѣли тамъ же, смягчаетъ гнѣвъ папы и спасаетъ эти векселя отъ полнаго крушенія и каноническихъ преслѣдователей и преслѣдованій. Уже то обстоятельство, что сами папы сочли нужнымъ вмѣшаться въ дѣло и объявить названные векселя запрещенными лихоимственными изворотами, весьма рѣшительно свидѣтельствуетъ не только въ пользу того, что къ 16-му столѣтію они получили большое распространеніе, но и за то, что они стали тогда даже излюбленною формою лихвенныхъ сдѣлокъ. Не взирая, однако, на это, они оказались въ то время настолько цѣлесообразными, въ такой мѣрѣ приспособленными къ тогдашнимъ денежнымъ затрудненіямъ, съ такою полнотою удовлетворяющими торговымъ потребностямъ, что изгнать ихъ изъ оборота значило бы лишить его главнѣйшаго жизненнаго нерва, одного изъ первѣйшихъ условій его существованія и дальнѣйшаго процвѣтанія. Понятно отсюда, что названный папскій приговоръ долженъ былъ крайне смутить, взволновать и даже привести въ ужасъ весь торговый міръ; понятно также настойчивое и, можно сказать, назойливое рвеніе, которое проявила Генуэзская республика, защищая предъ папскимъ престоломъ законность и безвредность существованія *recambia*. Тоже сознаніе ихъ необходимости вынудило ученыхъ заняться ихъ изученіемъ и пріисканіемъ моти-

---

[207]) **Biener** Abhandl. стр. 151 и сл.
[208]) **Endemann** ц. с. стр. 254.

вовъ для оправданія ихъ существованія. Однимъ изъ первыхъ обратилъ на нихъ вниманіе іезуитъ и профессоръ богословія въ Львовской академіи Леонардъ Лессій, который въ цитированномъ уже выше сочиненіи *De Justitia et Jure* (lib. 2 cap. 23 dubit. 7—11) весьма тщательно снимаетъ съ этихъ векселей нареканіе въ лихоимственномъ характерѣ, доказывая, что взимаемые при нихъ плата и лишекъ ничего общаго съ процентами не имѣютъ, а являются самою справедливою платою за трудъ, если не прикрываютъ собою процентный заемъ. Еще подробнѣе этими векселями занимается *Азорій* [210]), но всего обстоятельнѣе тогдашнее ученіе о нихъ изложено у двухъ главнѣйшихъ представителей прошлой литературы вексельнаго права, именно у *Scaccia* и *de Turri*

Первый изъ нихъ (§ I qu. 4 nn. 38 — 42) опредѣляетъ *recambium*, какъ «secundum seu novum cambium, procedens ab antecedenti cambio, pro alia summa, pro alio tempore, et pro alio loco». Съ точки зрѣнія этого писателя recambium есть вексель, такъ-сказать, производный, проистекающій отъ предшествующаго векселя и отличающійся отъ послѣдняго и суммой, и временемъ, и мѣстомъ. Разсматриваемый съ точки зрѣнія доставляемой имъ выгоды, его можно представить въ троякомъ видѣ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ дѣло идетъ о платимомъ однимъ и тѣмъ же должникомъ интересѣ за интересъ; другими словами, къ какому бы виду возобновленный вексель ни принадлежалъ, онъ сводится къ тому, что должникъ обязанъ, сверхъ полученной суммы, уплатить не только причитающіеся на нее проценты по первоначальному векселю, но и проценты на сумму этихъ неуплаченныхъ процентовъ. Такимъ образомъ о возобновленномъ векселѣ могла быть рѣчь лишь тогда, когда имѣлись на лицо слѣдующіе элементы: въ свое время неисполненный вексель и заключеніе новаго векселя съ цѣлью покрытія понесеннаго отъ неоплаты перваго векселя ущерба, обнимавшаго собою капитальную сумму долга и всѣ затраты, сопряженныя съ выдачею и перваго, и втораго векселей.

Первый видъ этихъ векселей, по ученію Scaccia, имѣетъ мѣсто тогда, когда вслѣдствіе неплатежа вексельнымъ должникомъ кредиторъ вступаетъ въ соглашеніе съ третьимъ лицомъ

---

[210]) **Endemann** ц. с. стр. 257 прим. 24.

и беретъ у послѣднаго подъ вексель сумму, неуплаченную по означенному векселю, а это лицо въ свою очередь беретъ такія же деньги у другихъ. Въ поясненіе этого Scaccia приводитъ слѣдующій примѣръ: «я твой кредиторъ по векселю въ 100 скудъ, и такъ какъ ты мнѣ этихъ денегъ не платишь, то я эти 100 скудъ беру у Тиція до слѣдующей ярмарки и пишу ему вексель, въ коемъ поручаю тебѣ уплатить Тицію; ты ихъ не платишь, почему Тицій беретъ эти 100 скудъ и сумму, причитающуюся въ видѣ вексельной выгоды, у Петра и пишетъ ему вексель, въ коемъ поручаетъ мнѣ уплатить Петру, а такъ какъ я не плачу, то Петръ беретъ у Сея и выдаетъ ему вексель, въ коемъ поручаетъ Тицію, своему должнику, уплатить Сею. Тицій тоже не платитъ, а потому Сей беретъ у Семпронія и выдаетъ ему вексель, въ коемъ поручаетъ Петру, своему должнику, уплатить Сею. Петръ тоже не платитъ и т. д. Такимъ путемъ первоначальная сумма переписывается изъ векселя въ вексель, причемъ на нее каждый разъ наростаютъ новые проценты; процедура эта продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ погашенъ послѣдній вексель, вмѣшающій въ себѣ не только первоначально данную подъ вексель сумму, но и всѣ издержки, сопряженныя съ выдачею послѣдующихъ векселей. Тому, кто пріймета послѣдній вексель, ты обязанъ возмѣстить все, имъ уплаченное, ибо всѣ наросшіе въ промежуточное время проценты на проценты возникли изъ того, что ты не уплатилъ по первому векселю. По твоей винѣ произошли эти излишнія затраты, ты и долженъ за нихъ отвѣчать». Впрочемъ, этотъ примѣръ самъ *Scaccia* находитъ слишкомъ суровымъ и говоритъ, что въ виду этого подобные случаи болѣе не встрѣчаются, а потому онъ предлагаетъ другой болѣе краткій, легкій и соотвѣтствующій практикѣ примѣръ. «Я, говоритъ онъ, твой кредиторъ на 100 скудъ, взятыхъ у меня подъ вексель, и имѣю по условію право въ случаѣ твоего неплатежа взять эту же сумму подъ вексель и возобновленный вексель и переводить ее на тебя, пока не получу удовлетворенія. Такъ какъ ты не платишь, то я беру эту сумму у Тиція подъ вексель, въ коемъ поручаю тебѣ уплатить ее Тицію. Ты не платишь и вексель съ протестомъ возвращается обратно, а потому я для уплаты вынужденъ рзять подъ вексель эту же сумму плюсъ наросшіе на нее проценты и вновь письменно предлагаю тебѣ уплатить. Такъ какъ ты вновь не платишь и

вексель возвращается съ протестомъ, то я опять беру подъ вексель, чтобы уплатить по предыдущему векселю, и т. д. Это, говоритъ Scaccia, называется recambia, ибо въ нихъ выгода, т. е. вексельные проценты всегда превращаются въ капиталъ, увеличивая собою требованіе противъ того же должника». Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, слѣдовательно, что подъ первымъ способомъ возникновенія возобновленныхъ векселей *Scaccia* разумѣетъ тотъ простой случай, когда предъявитель векселя, не получивъ своевременнаго и надлежащаго платежа по послѣднему, вынужденъ добыть ту же сумму, на которую выданъ вексель, изъ третьихъ рукъ тоже подъ вексель. Само собою разумѣется, что даромъ такую услугу едва ли кто рѣшится оказать; за нее нужно заплатить, а потому первоначальный должникъ, по винѣ коего такая плата послѣдовала, обязанъ возмѣстить не только капитальную сумму долга, но и этотъ приростъ. Тоже соображеніе получаетъ примѣненіе и въ томъ случаѣ, когда первый возобновленный вексель вслѣдствіе неплатежа вернется съ протестомъ и явится необходимость вновь добывать извѣстную сумму денегъ на погашеніе этого вернувшагося векселя.

Второй способъ состоялъ въ томъ, что должникъ, не уплатившій по первому векселю, продолжалъ до полной уплаты выдавать возобновленные и простые векселя на имя того же кредитора, каковую процедуру, говоритъ Scaccia, купцы называютъ векселемъ *con la ricorsa*. Въ поясненіе онъ приводитъ изъ сочиненія Іоанна Азорія (De institutionum moralium) слѣдующій примѣръ: «ты даешь государю деньги въ Испаніи съ тѣмъ, чтобъ онѣ были уплачены въ Бельгіи. Затѣмъ ты посылаешь вексель этого государя въ Бельгію для полученія платежа, но оттуда вслѣдствіе неплатежа онъ возвращается пустымъ въ Испанію. Въ виду этого названный здѣсь государь обязанъ уплатить не только капитальную сумму долга, но и проценты за первоначальный и возобновленный вексель, т. е. уплатить не только проценты на капиталъ, но и проценты на проценты. Если государь такого платежа совершить не въ состояніи, то онъ выдаетъ новый вексель на первоначальную сумму плюсъ наросшіе проценты, что въ видѣ выдачи первоначальныхъ и возобновленныхъ векселей продолжается до тѣхъ поръ, пока весь долгъ не будетъ погашенъ государемъ». Этотъ второй способъ, приводящій къ тому же результату, какъ и первый, отличается отъ него

только тѣмъ, что при второмъ путемъ выдачи новыхъ векселей долгъ погашаетъ самъ должникъ, тогда какъ при первомъ способѣ это дѣлаетъ кредиторъ, назначая въ своихъ векселяхъ плательщикомъ должника.

Третій способъ, сравнительно съ первымя двумя краткій и легкій, состоялъ въ томъ, что кредиторъ, не прибѣгая къ формальнымъ первоначальнымъ и возобновленнымъ векселямъ, констатировалъ лишь фактъ просрочки должника, и если онъ, кредиторъ, занимался отдачею своихъ денегъ подъ первоначальные и возобновленные векселя, то, установивши фактъ просрочки, требовалъ отъ должника возмѣщенія тѣхъ выгодъ, кои онъ, кредиторъ, получилъ бы, если бы деньги ему своевременно были возвращены и онъ не лишенъ былъ бы неуплатою ихъ возможности воспользоваться представившимися случаями къ дачѣ и полученію ихъ подъ векселя. Этотъ способъ, по словамъ Scaccia, практиковался у генуэзцевъ.

Подобные возобновленные векселя (recambia), совершаемые съ однимъ и тѣмъ же должникомъ, при возрастаніи капитальнаго долга отъ приписки къ нему процентовъ, не слѣдуетъ, предостерегаетъ *Scaccia*, смѣшивать съ тѣми векселями, кои совершаются на ярмаркахъ ради того, чтобы перевести пріобрѣтенныя тутъ деньги домой. Кредиторъ, получивши здѣсь слѣдуемую уплату по векселю, отдавалъ полученныя такимъ образомъ суммы другимъ подъ векселя, платежъ по коимъ имѣлъ быть произведенъ въ условленныхъ мѣстахъ. Такіе векселя носили названіе *de reditu nundinarum* или *in nundinis proxime futuris*, и какъ уже выше объяснено было, совершались, съ одной стороны, ради того, чтобъ избавиться отъ перевозки денегъ, а съ другой — для того, чтобъ капиталъ не оставался безъ употребленія, а продолжалъ приносить доходы.

Сличая между собою всѣ три приведенные у *Scaccia* способа возникновенія векселей, не трудно замѣтить, что по существу своему возобновленные векселя ничѣмъ отъ первоначальныхъ не отличаются, что первые суть такіе же векселя, какъ и послѣдніе, и что различіе между ними находится, такъ-сказать, внѣ ихъ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что въ возобновленныхъ векселяхъ къ капитальной суммѣ долга приписываются недоимочные проценты на эту сумму. Такъ какъ при возобновленныхъ векселяхъ все дѣло вертится около процентовъ, кои составляютъ

центръ тяжести этихъ векселей, въ отличіе отъ первоначальныхъ, то *Scaccia* имѣлъ полное основаніе отнести къ recambia и тѣ случаи, когда вмѣсто составленія векселей прямо взыскивались проценты, какіе кредиторъ могъ бы получить, если бы капитальная сумма долга была своевременно уплачена и онъ затѣмъ могъ бы отдавать ее подъ векселя. По своему результату оба первые способа вполнѣ совпадаютъ съ этимъ третьимъ; но хотя онъ и представлялъ ту выгоду, что велъ къ цѣли прямымъ и наиболѣе краткимъ путемъ, тѣмъ не менѣе, будучи слишкомъ откровеннымъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ навлекать на себя гоненіе со стороны богослововъ и канонистовъ, какъ открыто разсчитанный на проценты; а потому, если онъ и практиковался генуэзцами, то, надо думать, контрабаднымъ путемъ, безъ посредства суда и иныхъ офиціальныхъ властей. Правда, и первые два способа разсчитаны были на тотъ же результатъ, но, облекаясь въ форму дозволенныхъ векселей и называя проценты платою за трудъ и рискъ, они обезоруживали поборниковъ канонической догмы о процентахъ, отнимая у нихъ всякій поводъ къ преслѣдованію [211]).

Воздвигнутое папами преслѣдованіе противъ recambia, какъ уже было указано, прямо свидѣтельствуетъ въ пользу того, что этотъ видъ векселей изъ первоначально невиннаго средства удовлетворенія вексельныхъ требованій съ теченіемъ времени выродился въ безнаказанный способъ взиманія самыхъ высокихъ процентовъ, тѣмъ болѣе, что ими весьма легко было прикрывать эти послѣдніе. Давать деньги на честное слово было весьма опасно, такъ какъ въ случаѣ неуплаты кредиторъ не въ состояніи былъ бы подкрѣпить свой искъ никакими доказательствами. Брать заемную росписку было еще опаснѣе, ибо обнаруженіе ея процентнаго характера могло повлечь за собою утрату капитальной суммы долга. Всего сподручнѣе было облекать заемъ въ форму векселя и для взиманія болѣе высокихъ процентовъ замѣнять этотъ вексель другимъ, ибо въ этомъ случаѣ должникъ обязанъ былъ возмѣстить всѣ тѣ, быть-можетъ, мнимые расходы, какіе связаны были съ полученіемъ денегъ подъ возобновленный вексель, а эти расходы, по общей суммѣ своей, могли далеко оставить за собою обыкновенные

---

[211]) **Endeman** ibid. стр. 259 и сл.

умѣренные проценты. Сверхъ того кредиторъ пріобрѣталъ въ такихъ векселяхъ твердое доказательство своего права требованія и могъ воспользоваться имъ и въ судѣ, не опасаясь обвиненія во взиманіи процентовъ, ибо векселя объявлены были внѣ преслѣдованія. Правда, это средство имѣло и свои неудобства: давать деньги подъ вексель разрѣшалось только на одинъ терминъ, т. е. до слѣдующей ярмарки, или иначе, на три мѣсяца; переносить такіе долги съ одной ярмарки на другую, въ видахъ противодѣйствія лихвеннымъ сдѣлкамъ, было возбранено. Но эти неудобства легко устранялись путемъ соединененія возобновленныхъ векселей съ *ricorsa* векселями. Кредиторъ, желавшій отсрочить уплату долга до слѣдующей ярмарки, дѣлалъ видъ, что деньги по векселю получилъ и чрезъ своего агента вновь отдалъ ихъ подъ вексель, въ коемъ плательщикомъ назначался тотъ же должникъ, а получателемъ платежа самъ кредиторъ. Такимъ образомъ получалась возможность оттягивать платежъ съ одной ярмарки на другую, увеличивая каждый разъ размѣръ процентовъ посредствомъ приписки ихъ къ капитальному долгу [212]).

Не взирая на очевидно лихвенный характеръ подобныхъ векселей, имъ удалось не только утвердиться, но и развиваться въ тогдашемъ коммерческомъ оборотѣ, не только не возбуждая противъ себя никакого преслѣдованія, но, напротивъ, привлекая на свою сторону лучшія интеллектуальныя силы, выступавшія на ихъ защиту всякій разъ, какъ только появлялись попытки обнаружить ихъ нелегальный характеръ и тѣмъ поколебать ихъ положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, по виду это были обыкновенные векселя, совмѣщавшіе въ себѣ всѣ аттрибуты послѣднихъ. Каждый возобновленный вексель по внѣшней формѣ ничѣмъ не напоминалъ своей тѣсной связи съ инымъ векселемъ, ничто не обнаруживало въ немъ происхожденія его отъ послѣдняго; судя по его редакціи, валюта уплачивалась съ тѣмъ, чтобъ она возвращена была въ иномъ мѣстѣ и иною монетою, какъ это дѣлалось въ обыкновенномъ векселѣ. Къ чему жа, спрашивается, могли придраться восторженные и несговорчивые канонисты и богословы? Да и папы, одно время ополчаясь противъ такихъ векселей и приравнивая ихъ къ cambia sicca, имѣли въ виду лишь тѣ случаи, когда контрагенты никакого дѣйствительнаго

---

[212]) Ibid. стр. 260—263.

перевода валюты съ мѣста на мѣсто не совершаютъ и векселей съ этою цѣлью въ чужіе города не посылаютъ, а ведутъ себя такъ, словно бы вексель уже побывалъ въ назначенномъ городѣ и оттуда возвратился безъ удовлетворенія. Но противъ истинныхъ возобновленныхъ векселей они, повидимому, ничего не имѣли.

Однако лихвенный характеръ, который стяжательные инстинкты тогдашнихъ аферистовъ съумѣли придать этимъ векселямъ, мозолилъ глаза не одному благочестивому служителю алтаря и поборнику означенной канонической догмы, а потому не обошлось безъ попытокъ, если не опровергнуть ихъ право на существованіе, ибо съ этой стороны они были неуязвимы, то разоблачить ихъ дѣйствительную роль въ торговлѣ и этимъ привлечь на нихъ вниманіе власть имущихъ.

Одинъ изъ такихъ, очевидно, наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ обличителей, именно *Михаилъ Салонъ*, вызвалъ своими замѣчаніями противъ означенныхъ векселей энергичныя и подробныя возраженія со стороны Азорія и, въ особенности, Рафаэля де Турри. *Салонъ*, который, по свидѣтельству де Турри, первый изъ ученыхъ профессіонально заговорилъ о recambia, посвятилъ имъ подробную главу (disputatio) въ своемъ комментаріи на твореніе св. Ѳомы, изданномъ въ 1608 г.[213]). Не имѣя этого сочиненія Салона подъ руками, мы вынуждены ограничиться тѣми отрывками, какіе приведены изъ него у де Турри, снабдившаго ихъ подробными критическими, весьма, впрочемъ, для нихъ нелестными замѣчаніями.

Подъ двойными или возобновленными векселями Салонъ разумѣетъ такіе, кои на назначенномъ для платежа мѣстѣ или не были приняты, или не были уплачены, а потому агентъ банкира, отославшаго такой вексель, по совершеніи фиктивнаго протеста, отправлялъ его, т. е. вексель, обратно съ присоединеніемъ къ нему новыхъ процентовъ. Благодаря этому, отъ злополучнаго должника, говоритъ Салонъ, взимаются удвоенные проценты, одни за вексель, не принятый на мѣстѣ платежа, а другіе за тотъ вексель, который, вслѣдствіе неудовлетворенія по первому, былъ выданъ для отсылки въ то мѣсто, откуда явился первый. Этотъ-то второй вексель, совмѣщающій въ себѣ сумму перваго съ процентами,

---

[213]) **Raph. de Turri** disp. 3 qu. 12 n. 2. **Endemann** ц. с. § 6 стр. 170.

и называется *recambium*. Это названіе, говоритъ Салонъ, вѣроятно произошло отъ того, что *recambium* является какъ бы вторымъ векселемъ, съ коимъ обратно отсылается первый [214]).

При этомъ контрагенты вступаютъ между собою въ соглашеніе, въ коемъ вѣритель выговариваетъ себѣ право, буде вексель въ назначенномъ мѣстѣ платежа останется не исполненнымъ, то агентъ кредитора можетъ таковой прислать обратно съ замѣткою объ издержкахъ; если онъ и по возвращеніи не будетъ исполненъ, то кредиторъ въ правѣ вторично отослать его на слѣдующую ярмарку съ тѣмъ, что, буде онъ тутъ останется не исполненнымъ, прислать его обратно съ отмѣткою о такихъ же расходахъ, и такъ безъ конца. Иногда подобныя путешествія векселей съ одной ярмарки на другую совершаются и безъ всякаго предварительнаго договора на этотъ счетъ (ibid. n. 12).

Эта вылазка ученаго богослова противъ возобновленныхъ векселей, имѣвшая своею цѣлью разоблачить ихъ лихвенное происхожденіе и любостяжательныя цѣли, оказалась выстрѣломъ въ пространство. Ополчаясь противъ новаго способа обхода запрещенія процентовъ, Салонъ не постарался предварительно ознакомиться съ теоретическою и практическою стороной дѣла и этимъ самъ далъ противникамъ оружіе противъ себя. И дѣйствительно, они не замедлили воспользоваться послѣднимъ и безъ усилія опровергли доводы несвѣдущаго въ юриспруденціи, хотя въ своей спеціальности весьма ученаго богослова. Особенною безпощадностью въ этомъ отношеніи отличается де Турри, который неотразимо доказалъ Салону, что онъ вовсе не знакомъ съ практикою, а потому дѣйствительное положеніе вексельнаго

---

[214]) **Raph. de Turri** ibid. n. 3 «Cum campsuarij litteris a Valentia in Metinam datis non existit Metinae qui illas admittat, et recipiat vocant acceptasse illas, vel si ab aliquo illae recipiantur non persoluuntur, factor campsoris factis quibusdam protestantionibus, seu figmentis, quibus constet in loco solutionis litteras illas a nemine fuisse admissas vel solutas, remittit easdem ad campsorem Valentinum cum alio novo interesse superaddito. Quo fit ut duplex interesse in hoc contractu a misero campsuario exigatur, aliud ratione cambij celebrati à Valentia Metinam, aliud vero ratione illarum litterarum, quae Metinae admissae non fuerint, vel non solutae, in Valentiam fuere remissae, quam remissionem litterarum cum hoc secundo pretio et interesse, vocant recambium. Cuius nominis ea forsan ratio est, et origo, quia velut secundum cambium cum remissione earumdem litterarum».

оборота изобразилъ въ совершенно превратномъ видѣ, и что онъ еще менѣе знакомъ съ теоретическою стороною вексельныхъ отношеній, воображая, будто можно совершать фиктивные протесты и будто recambia суть нѣчто въ родѣ перехожихъ каликъ, путешествующихъ съ мѣста на мѣсто, съ родины на ярмарку и оттуда опять на родину, принося съ собою каждый разъ лишь новые проценты. На весьма, впрочемъ, любопытныхъ самихъ по себѣ возраженіяхъ де Турри мы останавливаться здѣсь не станемъ, ибо они завели бы насъ дальше предначертанной нами себѣ задачи: изображенія бытовыхъ условій прошлой жизни векселя и привели бы въ дебри ученой полемики, къ тому же имѣющей вполнѣ отжившій теоретическій интересъ.

Другаго болѣе свѣдущаго, а потому и болѣе опаснаго противника возобновленные векселя встрѣтили въ *Леонардѣ Лессіи*, сочиненіе коего, относящееся къ разсматриваемому нами предмету, уже цитировано нами выше. Какъ глубоко ученый и просвѣщенный человѣкъ и къ тому же большой знатокъ вексельнаго дѣла, онъ представляетъ себѣ дѣло вполнѣ ясно, а потому также ясно выражаетъ и свои мысли о немъ. Прежде всего онъ опровергаетъ воззрѣніе нѣкоторыхъ, кои въ принципѣ отвергаютъ возобновленные векселя, считая ихъ лишь оруdіемъ взиманія лихвы (lib. 2 cap. 23 dubit. 7 n. n. 59—67), а затѣмъ излагаетъ свое собственное воззрѣніе на это дѣло. «Для объясненія моего собственнаго взгляда, говоритъ онъ (ibid n. 68), скажу во первыхъ, что, если тотъ, кто проситъ у банкира денегъ, самъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ другомъ мѣстѣ ни наличныхъ, ни должныхъ ему другими, и если банкиръ это знаетъ, то онъ грѣшитъ противъ справедливости, давая просителю подъ вексель на то мѣсто. Таково мнѣніе ученыхъ Сильвестра, Наварра и Ѳомы Бонинсигнія. Это основано на томъ, что дача подъ вексель равносильна или обмѣну наличныхъ денегъ на отсутствующія, или покупкѣ отсутствующихъ денегъ, или перевозкѣ денегъ. Но здѣсь (на мѣстѣ выдачи векселя) нѣтъ той вещи, которая можетъ быть банкиромъ или куплена или обмѣнена на наличныя деньги; слѣдовательно, тутъ имѣется фиктивная покупка или фиктивный обмѣнъ, а потому возникающая отсюда прибыль лишена законнаго основанія подобно тому, какъ если бы кто либо купилъ быковъ у человѣка, вовсе ихъ не имѣющаго, и затѣмъ отдалъ бы ихъ въ наймы, то онъ полу-

чилъ бы неправильную прибыль, ибо тутъ былъ бы не дѣйствительный, а фиктивный наемъ».

Конечно, если кредиторъ (campsor) даетъ другому деньги подъ вексель въ искреннемъ убѣжденіи, что у должника дѣйствительно имѣются или будутъ въ данномъ мѣстѣ деньги, то такой кредиторъ сохраняетъ право требовать отъ должника исполненія договора на томъ основаніи, что онъ, кредиторъ, съ своей стороны послѣдній исполнилъ (ib. n 69).

«Если берущій подъ вексель деньги не имѣетъ въ условленномъ мѣстѣ никого инаго, кто бы за него уплатилъ, кромѣ самого кредитора (campsor) или его товарища, коимъ эти деньги должны быть тамъ уплачены, то въ этомъ случаѣ можно допустить, что давать подъ вексель противно закону. Противоположное мнѣніе, правда, не можетъ быть названо невѣроятнымъ и относительно болѣе справедливо, но никѣмъ не раздѣляется и не легко дозволяется. Сказанное предъ этимъ одобряется потому, что многіе ученые усматриваютъ здѣсь скрытый заемъ, ибо деньги тутъ, очевидно, даны съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онѣ возвращены были на томъ же мѣстѣ, гдѣ даны; стороны дѣйствуютъ не серіозно, а съ тѣмъ, чтобы прикрыть основаніе займа...» (ibid. n. 71).

«Кредиторъ не можетъ заключать съ должникомъ договоръ, по коему, если онъ, должникъ, по истеченіи срока не уплатитъ, то обязуется принять на ту же сумму возобновленный вексель, развѣ бы выгода, получаемая отъ такого векселя, была одинакова съ предстоящею потерею отъ несвоевременной уплаты: причина этого та, что кредиторъ не въ правѣ требовать на основаніи просрочки болѣе, съ одной стороны, утраченныхъ выгодъ, а съ другой — страховыхъ за капиталъ. А такъ какъ издержки, сопряженныя съ возобновленнымъ векселемъ, часто превышаютъ эти потери, то должникъ не можетъ быть принуждаемъ къ принятію возобновленнаго векселя. Но если кредиторъ нравственно былъ убѣжденъ, что при уплатѣ въ срокъ онъ въ состояніи будетъ эти уплаченныя деньги отдать подъ вексель болѣе или одинаково выгодно, то можетъ согласиться съ должникомъ, чтобы онъ, должникъ, обязанъ былъ принимать первоначальные и возобновленные векселя въ предѣлахъ должной суммы до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ капитальную сумму долга, ибо это равносильно обязательству должника возмѣстить утраченныя выгоды». (ibid. dub. 9 n. 82).

Близкое знакомство Лессія съ практикою вексельнаго дѣла, знакомство, о коемъ засвидѣтельствовалъ и самъ де Турри [215]), не спасло этого ученаго богослова отъ ходячихъ предубѣжденій его времени. Подобно многимъ его современникамъ, онъ стоитъ еще на точкѣ зрѣнія первоначальнаго назначенія векселя и едва только замѣчаетъ отсутствіе обмѣна, или какъ тогда выражались, покупки иноземныхъ денегъ наличными, то повторяетъ за своими современниками избитыя тирады о грѣховности такихъ векселей и о противорѣчіи ихъ существующему запрету лихвенныхъ сдѣлокъ. Тѣмъ не менѣе въ его возраженіяхъ противъ recambia, обставляемыхъ, какъ видно уже изъ приведенныхъ отрывковъ, всякаго рода оговорками и смягченіями, выражаемыхъ безъ обычнаго богословскаго задора и паѳоса и даже робко, неувѣренно, слышется уже вѣяніе новаго направленія и чувствуется побѣда дѣйствительной жизни и освободившагося отъ средневѣковыхъ путъ торговаго духа надъ коснымъ, предубѣжденнымъ и одностороннимъ теократизмомъ. Это вѣяніе съ особенною силою сказывается въ критикѣ Рафаэля де Турри, который, хотя и не дерзаетъ еще открыто выступить противъ канонической догмы, и какъ будто признаетъ ее воплощеніемъ непреложной истины, тѣмъ не менѣе смѣло защищаетъ направленные къ обходу этой догмы продукты современнаго ему юридическаго творчества торговаго оборота. Не смотря на, очевидно, лихвенный характеръ, какой въ его время уже успѣли принять возобновленные векселя, не взирая на то, что этотъ характеръ, конечно, не могъ укрыться отъ столь образованнаго и свѣдущаго въ коммерческихъ оборотахъ человѣка, какъ де Турри, онъ безъ всякихъ колебаній беретъ эти векселя подъ свою защиту и путемъ тонкаго и детальнаго юридическаго анализа старается доказать ихъ законность, справедливость и безвредность. Онъ рѣзко и смѣло опровергаетъ аргументы противниковъ и безъ всякаго стѣсненія уличаетъ послѣднихъ въ близорукомъ и неумѣломъ блужданіи въ области вексельныхъ отношеній, хотя не забываетъ воздавать должную дань уваженія ихъ учености. Мы не станемъ останавливаться на этихъ возраженіяхъ де Турри, ибо

---

[215]) Disp. tertia qu. 14 n. 1: «Pater Leonardus Lessius... inter omnes qui de cambio scripserunt siue Theologi, siue Iuristae, praxim cambiorum intimius nouit».

они имѣютъ преимущественно полемическій характеръ и весьма мало уясняютъ бытовыя условія возобновленныхъ векселей, касаясь различныхъ теоретическихъ тонкостей. Мы ограничимся тутъ воззрѣніемъ лишь самого де Турри на *recambia*. Это намъ необходимо потому, что этотъ писатель спеціально и глубоко изучилъ вексельное дѣло, коему, какъ уже указываемо было, посвятилъ обширнѣйшее изслѣдованіе, гдѣ доказалъ свое весьма близкое знакомство и съ теоретическою, и съ практическою стороною векселей. Вслѣдствіе того на его опредѣленіе понятія рекамбіи можно положиться гораздо больше, чѣмъ на опредѣленіе остальныхъ писателей того времени, не исключая даже *Scaccia*, къ коему самъ де Турри относится съ большимъ уваженіемъ.

Уясненію этого понятія онъ посвящаетъ особую quaestio, именно: *disputatio tertia quaestia tertia*. Здѣсь онъ, предостерегая отъ смѣшенія рекамбіи съ другими сходными вексельными формами, даетъ возобновленному векселю слѣдующее описательное опредѣленіе: «истинное recambium бываетъ тогда, когда одна и та же сумма, которая должна быть уплачена для погашенія и исполненія векселя, служитъ также для заключенія втораго векселя, каковой собственно и называется *recambium*. Это доказывается какъ общею всѣмъ купцамъ практикою, такъ и доктриною богослововъ и канонистовъ; всѣ они полагаютъ, что recambia совершаются тогда, когда вексельный должникъ, не имѣя на мѣстѣ исполненія векселя инаго средства погасить вексельный долгъ, заботится лишь о томъ, чтобы кто-либо другой погасилъ этотъ долгъ посредствомъ векселя, обращая туже должную по векселю сумму въ основаніе возобновленнаго векселя, т. е. въ новое основаніе долга... Заключенный вексель содержитъ въ себѣ рекамбію лишь тогда, когда сумма, которую необходимо было уплатить для исполненія векселя, обращается въ сумму, на какую выдается второй вексель» (n. 13). Если вникнуть въ эти слова де Турри и сличить ихъ съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ, то не трудно будетъ замѣтить, что подъ recambium онъ разумѣетъ тотъ случай, когда въ видѣ удовлетворенія по одному векселю выдается другой вексель на ту же сумму. Этотъ другой вексель заступаетъ тутъ мѣсто дѣйствительнаго платежа и можетъ исходить какъ отъ самого должника, такъ и отъ инаго лица, напр., его корреспондента. Главнѣйшая отличительная черта рекамбіи состоитъ въ томъ,

что основаніемъ какъ первоначальнаго, такъ и возобновленнаго векселя является тотъ же самый долгъ; какъ первый, такъ и второй вексель возникаютъ изъ одной и той же causa debendi, въ виду чего recambium можно назвать вторымъ или повореннымъ векселемъ. Съ этой точки зрѣнія за recambium нельзя признать тотъ случай, когда вѣритель вслѣдствіе непринятія или неудовлетворенія векселя назначеннымъ въ немъ плательщикомъ беретъ у кого-либо туже сумму въ займы и выдаетъ на нее вексель, въ коемъ плательщикомъ назначаетъ того же должника. Тутъ имѣется не повтореніе документа по одному и тому же долгу, но совершенно новое основаніе долга, для возникновенія коего неудовлетворенный вексель послужилъ лишь толчкомъ, поводомъ. Иначе говоря, новый вексель возникъ тутъ не изъ того, что кредиторъ далъ валюту для перевода ея въ другое мѣсто, а изъ того, что неуплатою по векселю кредиторъ поставленъ былъ въ необходимость заключить вексельную сдѣлку отъ своего имени. Выдача такого векселя не замѣняетъ и не уничтожаетъ неоплаченнаго векселя, а лишь даетъ должнику, уплатившему по такому векселю, возможность парализовать требованіе отъ него платежа по первому неоплаченному векселю. Напр., *А* выдалъ вексель *Б*, который въ назначенномъ мѣстѣ предъявилъ его къ принятію и платежу, но отъ того и другаго плательщикъ отказался. Б неуплаченную по векселю сумму беретъ у Д и выдаетъ ему вексель, плательщикомъ по коему назначаетъ А. Этотъ послѣдній уплачиваетъ. Но платежъ этотъ не уничтожаетъ его прежняго векселя, а потому Б можетъ предъявить къ А искъ объ уплатѣ по первому векселю. Возражать противъ такого иска, что этотъ вексель замѣненъ вторымъ, было бы напрасно, ибо совершеніе этого послѣдняго вовсе не соотвѣтствуетъ новаціи, элементовъ которой оно въ себѣ не содержитъ. Но А можетъ противопоставить иску Б встрѣчный искъ о возмѣщеніи той суммы съ издержками, какую А уплатилъ по векселю Б, и тѣмъ уничтожить дѣйствіе перваго иска. Въ иномъ положеніи дѣло представляется въ случаѣ рекамбіи: тутъ оба векселя выдаются по одному и тому же основанію и одинъ изъ нихъ прямо замѣняетъ другой. Нужды нѣтъ, что второй вексель можетъ исходить отъ инаго лица; лишь бы основаніе было тоже самое. Это другое лицо можетъ въ своемъ векселѣ назначить должника плательщикомъ и выразиться слѣдующимъ образомъ: «извольте за-

платить такую-то сумму, такому-то которую Вы отъ него получили тогда-то такими-то деньгами». Тутъ самая редакція векселя указываетъ, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же долгѣ, который остался неудовлетвореннымъ, а потому замѣненъ новымъ векселемъ (ср. де Турри disp. 3 qu. 12 n. 14).

Равнымъ образомъ recambium, какъ его опредѣляетъ де Турри, не должно быть смѣшиваемо съ тѣмъ случаемъ, когда плательщикъ, или иначе трассатъ, уплативъ по присланному на его имя векселю и желая возвратить себѣ израсходованную при этомъ сумму, беретъ эту послѣднюю у третьяго лица и выдаетъ ему на нее вексель, плательщикомъ по коему назначаетъ перваго векселедателя, или совершаетъ такой вексель до уплаты по первому векселю, съ тѣмъ, чтобы совершить эту уплату. Хотя поводомъ къ совершенію втораго векселя послужилъ первый, тѣмъ не менѣе тутъ нѣтъ замѣны одного векселя другимъ, при чемъ второй выдается въ уплату за первый, а тутъ имѣется два самостоятельныхъ векселя, возникшихъ изъ разныхъ основаній и выданныхъ не съ тѣмъ, чтобъ однимъ изъ нихъ погасить другой (disp. 3 qu. 13 nn. 26—31). Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, не взирая на то, что второй вексель совершается ради уплаты по первому и что плательщикомъ по этому второму векселю назначается должникъ по первому векселю, мы имѣемъ дѣло все-таки не съ *recambium*, а съ векселями инаго сорта. Неудовлетворенный по векселю кредиторъ могъ по просьбѣ должника принять въ уплату recambium, но это случалось рѣдко; всего же чаще сами кредиторы требовали неоднократнаго возобновленія векселя впредь до наступленія опредѣленнаго срока, въ который долженъ получить мѣсто дѣйствительный платежъ. Дѣлалось это съ тѣмъ, чтобы повторенными векселями скрывать платежъ наростающихъ процентовъ. Но чтобы такія манипуляціи не возбудили подозрительности блюстителей канонической догмы о процентахъ, векселя эти при повтореніи измѣнялись въ содержаніи; такъ, одинъ вексель выдавался на такую-то ярмарку, замѣняющій его вексель адресовался съ ярмарки на данный городъ а оттуда опять на другой городъ, и т. д. (ibid disp. 3 qu. 1 nn. 5—7); при этомъ, само собою разумѣется, въ повторенные векселя могли быть вносимы разнообразныя измѣненія противъ первоначальнаго векселя, при чемъ измѣненія эти могли касаться участниковъ въ векселѣ и иныхъ

второстепенныхъ пунктовъ. Выгодная сторона такихъ возобновляемыхъ векселей состояла въ томъ, что къ первоначальной суммѣ долга кредиторъ могъ безнаказанно и даже на законномъ основаніи приписывать нароставшіе въ промежуточное время проценты, давая имъ названіе обычныхъ и укаконенныхъ расходовъ по совершенію векселей. Такимъ образомъ возобновленные векселя оказались самымъ пригоднымъ средствомъ для совершенія кредитныхъ сдѣлокъ и для взиманія даже весьма высокихъ процентовъ, ибо анатоцизмъ могъ тутъ повторяться по нѣсколько разъ, облекаясь въ легальную форму вознагражденія за размѣнъ и страхъ.

§ 59.

Лихвеннаго характера возобновленныхъ векселей, скрывавшагося подъ личиною законно совершеннаго втораго векселя, не могъ не понимать такой глубокій знатокъ вексельнаго дѣла, какъ Рафаэль де Турри; но сознавая ихъ великую пользу для торговаго оборота и желая потому оградить ихъ отъ послѣдствій разоблаченій не по разуму усердныхъ канонистовъ и богослововъ, онъ путемъ своеобразной и искусственной аргументанціи старается доказать полное соотвѣтствіе этихъ векселей нормальному строю и предписаніямъ закона. Наибольшею уязвимостью они обладали въ томъ отношеніи, что являлись отсрочкою платежа по тому же долгу и прикрывали собою наросшіе промежуточные проценты. Съ этой стороны и напали ни нихъ ихъ противники. Чувствуя всю опасность этого нападенія, де Турри, для огражденія возобновленныхъ векселей отъ пагубныхъ послѣдствій, прибѣгаетъ къ слѣдующимъ силлогизмамъ. Въ возобновленіи векселей, говоритъ онъ, не содержится и не можетъ содержаться ничего несправедливаго. Напротивъ того, слишкомъ смѣло будетъ утверждать противное. Если же нѣкоторые виды рекамбіи совмѣщаютъ въ себѣ кое-что противозаконное, то это происходитъ отъ вымысловъ и притворствъ, кои при нихъ случаются, а отнюдь не отъ природы этихъ векселей.

Разъ простой и самостоятельный вексель считается справедливымъ и законнымъ, то онъ не перестаетъ быть таковымъ, сколько бы разъ онъ ни повторялся, сохраняя при повтореніи всѣ свойственные векселю реквизиты. Повторенный вексель, утверждаютъ противники, не есть истинный вексель, ибо онъ

не имѣетъ валюты; тутъ въ дѣйствительности нѣтъ денегъ, данныхъ векселедателю для обмѣна ихъ въ другомъ мѣстѣ; валюта тутъ только воображается и самый вексель нуженъ лишь для прикрытія процентовъ. Противъ этого аргумента де Турри возражаетъ, что онъ въ дупликаціи векселя никакой несовмѣстимости, на которую указываютъ антагонисты, не находитъ. Хотя однѣ и тѣ же деньги, кои послужили предметомъ заключеннаго на ярмаркѣ перваго договора, служатъ затѣмъ предметомъ тамъ же заключеннаго другаго договора, тѣмъ не менѣе тутъ ничего ненормальнаго нѣтъ, ибо обѣ эти несовмѣстимыя функціи онѣ отправляютъ въ двухъ совершенно различныхъ договорахъ; въ первомъ изъ нихъ эти деньги въ качествѣ объекта фигурируютъ въ натурѣ, во второмъ въ томъ же качествѣ являются не онѣ, а ихъ цѣнность. «Подобно тому, какъ ничто не мѣшаетъ домъ, который я долженъ передать во исполненіе прежде заключеннаго договора продажи, послѣ передачи дѣлать предметомъ такого же или инаго договора, такъ и данныя деньги могутъ быть объектомъ двухъ вексельныхъ договоровъ, заключенныхъ раздѣльно и въ двухъ отдѣльныхъ формахъ» (disp. 3 qu. 2 nn. 8—9). Дальнѣйшіе аргументы де Турри, который всего менѣе можетъ похвастать простотою и ясностью изложенія и языка, направлены къ тому, чтобы доказать, что *cambium* и *recambium* не суть одинъ и тотъ же вексель, лишь для отвода глазъ облеченный въ новую форму, какъ утверждаютъ антагонисты а, наоборотъ, это два отдѣльныхъ самостоятельныхъ векселя, между коими общее состоитъ лишь въ одинаковости суммы капитальнаго долга. Но существо векселя составляетъ не эта сумма, а иныя обстоятельства, каковы время и мѣсто выдачи векселя. А въ этомъ отношеніи между двумя названными векселями существенная разница: выдаются они въ разное время и на разныхъ мѣстахъ, а потому ихъ никоимъ образомъ нельзя счесть результатами одного и того же договора (ibid. n. 10).

Итакъ, по воззрѣнію Турри, оба названные векселя суть результаты двухъ отдѣльныхъ договоровъ, заключенныхъ въ разное время и въ разномъ мѣстѣ; а такъ какъ предметомъ обоихъ этихъ договоровъ является одна и та же сумма денегъ и такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ не можетъ быть въ одно и тоже время объектомъ двухъ одинаковыхъ договоровъ, то, само собою понятно, второй договоръ можетъ возникнуть

лишь тогда, когда прекратится первый. Слѣдовательно и второй вексель можетъ существовать лишь тогда, когда будетъ погашенъ первый. Отсюда, если контрагенты пишутъ новый вексель на ту сумму, на которую вексель уже выданъ прежде, то они самымъ этимъ фактомъ выражаютъ желаніе прекратить прежній договоръ и прежній вексель, какъ результатъ этого договора, и заключить новый съ выдачею новаго векселя. Стало быть, возобновленный вексель (recambium) никоимъ образомъ нельзя считать продолженіемъ прежняго соглашенія, а нужно разсматривать, какъ результатъ новаго договора, заключеннаго по прекращеніи перваго. Хотя силлогизмъ этотъ у де Турри въ такой формѣ не выраженъ, но насколько можно судить изъ всего, что̀ имъ говорится по поводу recambia и въ опроверженіе противниковъ этихъ векселей (а говорится у него по этому поводу очень много), таковъ именно долженъ быть смыслъ его аргументаціи (ср., впрочемъ, disp. 3 qu. 3 n. 1). Чтобы спасти recambia отъ направленныхъ противъ нихъ сокрушительныхъ доводовъ ихъ антагонистовъ, де Турри вдается въ многословныя разсужденія и прибѣгаетъ къ натяжкамъ и софистикѣ, имѣющимъ своимъ назначеніемъ уличить противниковъ въ непониманіи юридическаго существа векселя и тѣмъ ниспровергнуть ихъ убійственныя для recambia указанія. Такъ, онъ подробно распространяется о томъ, что хотя въ возобновленныхъ векселяхъ дѣло идетъ о деньгахъ, кои уже служатъ объектомъ такихъ же предыдущихъ векселей, т. е. хотя въ тѣхъ и другихъ векселяхъ рѣчь идетъ о томъ же самомъ долгѣ, но это не тотъ же, а два разные долга: въ одномъ векселѣ данная сумма денегъ фигурируетъ въ натурѣ, въ другомъ — въ видѣ цѣны. Другими словами, при первомъ векселѣ сами деньги передаются изъ рукъ въ руки, при второмъ передается стоимость этихъ денегъ. Но эта стоимость безъ денегъ въ натурѣ пустой звукъ и никоимъ образомъ предметомъ сдѣлки быть не можетъ, ибо не имѣетъ никакой рыночной цѣны, а стало быть, не можетъ доставить никакихъ вещей. Этотъ и иныя ему подобные доводы и софизмы понадобились де Турри, очевидно, для отвода глазъ и сокрытія дѣйствительнаго положенія вещей. А это положеніе сводилось именно къ тому, на что основательно указывали противники возобновленныхъ векселей. Говоря a priori, нельзя, конечно, ничего возразить противъ возможности погашенія одного векселя выдачею въ замѣнъ его другаго векселя. Но дѣло

въ томъ, что въ дѣйствительности вторые векселя выдавались вовсе на ради погашенія первыхъ, а ради замаскированія взиманія цроцентовъ и притомъ часто ничѣмъ не уступавшихъ ростовщическимъ. Заручившись возобновленнымъ векселемъ, заимодавецъ пріобрѣталъ безспорный письменный документъ, который давалъ ему возможность судебнымъ порядкомъ истребовать не только капитальную сумму долга, но и высокіе проценты на нее, вопреки общему запрещенію лихвы. Вотъ на это то противорѣчіе и эту логическую несообразность и указывали означенные противники. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, твердо установленъ и всѣми признанъ принципъ, отрицающій проценты во всѣхъ видахъ, а съ другой — самъ судъ ставится въ необходимость оказывать свою защиту именно акту взиманія процентовъ, да еще въ наиболѣе злостной ихъ формѣ, въ формѣ анатоцизма. Эта очевидная contradictio in adjecto не могла нравиться такимъ прямолинейнымъ людямъ, какъ прежніе богословы и канонисты, не желавшіе знать никакихъ компромиссовъ съ запросами и нуждами дѣйствительной жизни, а требовавшіе строгаго и неукоснительнаго примѣненія принципа. Съ своей точки зрѣнія они были вполнѣ правы и стояли на твердой почвѣ, а потому и возражать имъ было довольно трудно. «Или отмѣните принципъ, могли они сказать всякому, и тогда допускайте процентныя сдѣлки, или, если вы признаете принципъ, то запрещайте всякія противныя ему проявленія. Такъ какъ къ такимъ явленіямъ должны быть отнесены recambia, какъ чисто лихвенные извороты, то и они подлежатъ запрещенію».

Если теперь сличить опредѣленіе возобновленныхъ векселей, данное юристомъ *Scaccia*, съ таковымъ же опредѣленіемъ у *Рафаэля де Турри*, то окажется, что оба эти писателя понимали recambium совершенно одинаково, оба они въ возобновленномъ векселѣ видятъ замѣну одного векселя другимъ съ цѣлью погашенія перваго. Разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что *Scaccia*, будучи менѣе способенъ къ юридическимъ обобщеніямъ и анализу, теряется въ частностяхъ и вмѣсто отвлеченія отъ нихъ общаго принципа нерѣдко самимъ этимъ частностямъ придаетъ значеніе общихъ правилъ. Оттого у него являются различные роды и виды тамъ, гдѣ въ сущности имѣются лишь единичные случаи примѣненія общаго начала, своею конкретною обстановкою, какъ и естественно, нѣсколько отличаю-

щіеся другъ отъ друга. Въ противоположность ему Рафаэль де Турри долженъ быть названъ мастерскимъ аналитикомъ и во всякомъ случаѣ превосходящимъ *Scaccia*, если не юридическими познаніями, то юридическимъ чутьемъ. Онъ не принимаетъ единичный случай за правило, не теряется въ деталяхъ, не распредѣляетъ эти послѣднія по категоріямъ, придавая имъ значеніе принциповъ, вообще онъ не истрачивается на мелочи, а безъ труда распознаетъ въ нихъ проявленіе общаго начала и съ точки зрѣнія этого начала весьма искусно, умѣло и тонко анализируетъ и конструируетъ конкретные случаи. Благодаря этимъ своимъ особенностямъ, онъ безъ труда справляется съ преобладающими въ его время искусственными, односторонними доктринами и чужими, часто весьма послѣдовательными аргументаціями, если онѣ стоятъ у него на пути и препятствуютъ ему въ достиженіи цѣли. Сознавая въ себѣ выдающееся юридическое чутье и превосходство умственныхъ силъ, онъ мало церемонится съ чужими мнѣніями и тенденціями, немилосердно побиваетъ ихъ своею логикою, въ особенности, когда они направлены противъ того, что онъ считаетъ безусловно полезнымъ и необходимымъ для его времени, и переводя ихъ на юридическій языкъ, прямо уличаетъ въ абсурдности. Не взирая однако на эти выдающіяся достоинства де Турри, его съ полнымъ основаніемъ можно упрекнуть въ отсутствіи строго обдуманной системы изложенія и въ неумѣніи комбинировать матеріалъ, коимъ онъ пользуется; отсюда случайность и разбросанность доводовъ и частое повтореніе одного и того же, отсюда же необходимость въ испещреніи изложенія постоянными напоминаніями и ссылками на то, что говорилось уже въ другихъ мѣстахъ его сочиненія.

§ 60.

Разнообразныя затрудненія въ денежномъ обращеніи уже рано пріучили представителей торговаго міра къ мысли обходиться во взаимныхъ разсчетахъ безъ посредства наличныхъ денегъ и, насколько возможно, замѣнять эти послѣднія удобными и подходящими суррогатами. Потребность въ такой замѣнѣ должна была особенно сильно ощущаться на ярмаркахъ, гдѣ всякаго рода торговые люди обыкновенно ликвидировали свои взаимные разсчеты. Такъ какъ результатомъ такой ликвидаціи явля-

лись извѣстные остатки, кои представляли собою, съ одной стороны, право требовать, а съ другой — обязанность совершить извѣстную уплату, то рождалась необходимость въ обладаніи тѣми или другими суммами денегъ; удовлетворять этой необходимости звонкою монетою, хотя и было возможно, но и невыгодно и неудобно по причинамъ, которыя уже подробно изложены были выше. Всего естественнѣе было бы замѣнить реальный платежъ выдачею долговой росписки. Но дѣло въ томъ, что эта послѣдняя могла доставить кредитору право требовать уплаты лишь капитальной суммы долга; требованіе же процентовъ на эту сумму шло бы въ разрѣзъ съ доктриною о лихвѣ и потому могло привести къ далеко нежелательнымъ для кредитора послѣдствіямъ. Въ такомъ положеніи торговые люди должны были подумать о пріисканіи инаго средства обезпеченія платежа не только капитальнаго долга, но и процентовъ. Ожидать платы безъ всякаго возмездія, значило бы добровольно отказаться отъ тѣхъ выгодъ, какія могъ доставить кредитору капиталъ, еслибъ онъ находился въ его распоряженіи во все промежуточное время вплоть до дѣйствительнаго платежа; а такая жертва не только ничѣмъ не оправдывалась, но прямо противорѣчила идеѣ торговли, преслѣдующей исключительно извлеченіе выгодъ. Особенно долго думать и искать имъ не пришлось: у нихъ имѣлось уже подъ руками весьма удобное и привиллегированное средство въ видѣ обыкновеннаго векселя. Мы уже прежде видѣли, какъ легко и удобно было прикрывать вексельною формою различныя лихвенныя сдѣлки; мы указали уже, что всякаго рода и всякой величины проценты маскировались какъ въ разницѣ курсовъ разномѣстной монеты, такъ и въ вознагражденіи за трудъ и рискъ. Эти удобства должны были навести ярмарочныхъ торговцевъ на мысль облекать свои долговыя претензіи въ форму обыкновеннаго векселя. Но при этомъ они должны были натолкнуться на слѣдующее, довольно значительное затрудненіе: обыкновенный вексель, какъ уже неоднократно указывалось выше, былъ результатомъ соглашенія, по коему одинъ контрагентъ принималъ на себя обязанность выдать за условленное вознагражденіе другому контрагенту въ назначенномъ мѣстѣ опредѣленную сумму денегъ туземною монетою вмѣсто ранѣе полученнаго отъ перваго контрагента эквивалента. Если эту простѣйшую вексельную форму стали бы прямо примѣнять къ означеннымъ ярма-

рочнымъ ликвидаціямъ, то получились бы весьма невыгодныя для кредиторовъ комбинаціи. Роли тутъ распредѣлились бы такимъ образомъ.

Кредиторъ имѣетъ получить отъ должника извѣстную сумму денегъ; но онъ желаетъ принять ее или должникъ желаетъ отдать ее у себя дома; если эту предстоящую уплату обезпечить обыкновеннымъ векселемъ, выданнымъ должникомъ кредитору, то должникъ явился бы въ роли мѣнялы, принявшаго для перевода въ условленное мѣсто извѣстную сумму денегъ и имѣющаго право на опредѣленное за то вознагражденіе. Такимъ образомъ вышло бы, что проценты, прикрытые тутъ этимъ вознагражденіемъ, долженъ былъ бы уплатить не должникъ кредитору, а кредиторъ должнику. Въ виду этого явилась необходимость, сохраняя весьма выгодную вексельную форму, придумать такую комбинацію, при которой должникъ не игралъ бы роли мѣнялы. Изобрѣтательный торговый умъ весьма скоро и побѣдоносно вышелъ и изъ этого затрудненія. Роль мѣнялы сталъ принимать на себя самъ кредиторъ, а должникъ бралъ на себя функціи агента такого мнимаго мѣнялы и дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: кредиторъ писалъ на якобы полученную имъ сумму, равную долгу, плюсъ причитающееся за переводъ ея вознаграженіе, вексель, адресованный въ то мѣсто, гдѣ имѣетъ произойдти платежъ; плательщикомъ въ этомъ векселѣ назначался должникъ, а получателемъ платежа агентъ кредитора. При помощи такой комбинаціи платежъ на самомъ дѣлѣ производился истиннымъ должникомъ, уплачивавшимъ при этомъ кредитору въ лицѣ его агента не только капитальную сумму долга, но и проценты на нее. Такого рода векселя получили впослѣдствіи названіе *cambia con la ricorsa*, причемъ описанный типъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ, подвергался тѣмъ или другимъ болѣе или менѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ, съ коими мы познакомимся ниже изъ аргументаціи Scaccia. Разъ эта форма кредита была найдена и оказалась на высотѣ своего призванія, то естественно было прійдти къ заключенію, что ее можно утилизировать не только въ вышеописанныхъ случаяхъ ликвидаціи взаимныхъ разсчетовъ, но и въ иныхъ аналогическихъ случаяхъ.

Не взирая однако на невинную внѣшность *рикорза векселей*, лихвенное ихъ назначеніе не могло укрыться отъ тогдашнихъ ревнителей церквей; слишкомъ развитые для того, чтобъ

не разгадать, что за спиною этихъ якобы обыкновенныхъ векселей скрывается необыкновенный процентный заемъ, и горячо преслѣдуя лихву, они, конечно, не могли равнодушно взирать на эти новые извороты, колебавшіе и ниспровергавшіе столь дорогую для нихъ каноническую догму о процентахъ. И дѣйствительно, они скоро забили тревогу и открыли противъ нихъ пальбу. Но не дремала и противная сторона; сознавая всю громадность потери, могущей постигнуть ее въ случаѣ запрещенія рикорза векселей, она постаралась выставить противъ своихъ враговъ достойныхъ и могучаго ума ратоборцевъ; въ ряду этихъ послѣднихъ наиболѣе выдающееся мѣсто должно быть отведено *Scaccia*, слѣдуя коему, мы изложимъ доводы противниковъ названныхъ векселей, а затѣмъ приведемъ и возраженія противъ этихъ доводовъ самого Scaccia.

Въ началѣ посвященной этимъ векселямъ глоссы (§ VI Gl. 1) *Scaccia* помѣщаетъ слѣдующій типичный образецъ *recursae cambium*, соотвѣтствующій сложившейся ко времени этого писателя формѣ.

«1613 à 20 Nouembre, In Genoua scudi 101. 9 et 9. de marche. A pagamenti di fiera prossimo de apparitione pagate per questa prima di cambio a voi stesso, etc. ponete à mio conto à Dio. A voi stesso».

Слова *à voi stesso*, по объясненію Scaccia, адресуются тому, кому адресовано вексельное письмо; если оно адресовано самому мѣнялѣ, дающему деньги подъ вексель, т. е. кредитору, то означенныя слова относятся къ нему и означаютъ, что онъ долженъ уплатить самому себѣ отъ имени должника, какъ его повѣренный; если же должникъ адресуетъ вексельное письмо на свое собственное имя, то означенныя слова относятся къ нему самому, т. е. онъ имѣетъ получить отъ самого себя платежъ въ качествѣ повѣреннаго вѣрителя. Иныхъ объясненій по поводу приведеннаго вексельнаго текста Scaccia не даетъ, но самое существованіе подобной формы векселей служитъ наглядным доказательствомъ той высокой степени развитія, до какой ко времени Scaccia достигли рикорза векселя. Чтобы дойти до комбинаціи, гдѣ должникъ отправляетъ обязанности и плательщика и получателя платежа по присланному векселю, гдѣ онъ является и самимъ должникомъ и представителемъ кредитора, и чтобы подобная комбинація, кажущаяся весьма странною и даже неес-

тественною, не являла никакой опасности для интересовъ кредитора, нужны были весьма продолжительная практика и многократные опыты, научившіе контрагентовъ искусству предупреждать очевидныя опасности подобной комбинаціи. Но послѣдуемъ однако далѣе за ученіемъ *Scaccia* о рикорза векселяхъ.

Какъ относиться, спрашиваетъ онъ, къ такому написанному должникомъ cambium recursae, которое кредиторъ (campsor) отсылаетъ или къ себѣ самому, или къ должнику (campsorio), его написавшему, и въ которомъ самъ мѣняла, давшій подъ вексель, является переводчикомъ и доставителемъ (portitor et nuntius) письма самому себѣ или должнику, написавшему это письмо? Слѣдуетъ ли подобный вексель считать вымышленнымъ и недозволеннымъ?

На этотъ вопросъ сначала отвѣчали утвердительно, признавъ такой вексель дѣйствительно фиктивнымъ, а потому недозволеннымъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведено было десять основаній. 1) Употребленіе писемъ обязано своимъ происхожденіемъ необходимости говорить съ отсутствующими, съ коими пишущій иначе не можетъ объясниться, какъ посредствомъ письма; между тѣмъ въ рикорза векселяхъ этотъ обычай является въ извращенномъ видѣ, ибо пишущій письмо должникъ либо пишетъ тутъ же присутствующему кредитору, коему и вручаетъ письмо, либо себѣ самому. Такой пріемъ долженъ непремѣнно наводить на подозрѣніе, что дѣло идетъ о незаконной сдѣлкѣ, ибо идущій по непроходимымъ и необычнымъ мѣстамъ или поступаетъ дурно, или хочетъ поступить дурно, такъ какъ, очевидно, ненавидитъ гласность; а ненавидитъ ее тотъ, кто поступаетъ дурно.

2) При recursae cambio мѣняла (вѣритель), дающій подъ вексель, завѣдомо покупаетъ у должника скуды марки, коихъ у послѣдняго нѣтъ и не будетъ въ будущемъ; а что это извѣстно мѣнялѣ, ясно изъ того, что должникъ пишетъ и вручаетъ открытое письмо самому кредитору, чтобъ онъ самъ себѣ заплатилъ; слѣдовательно, такой вексель относится къ разряду недозволенныхъ и долженъ быть названъ *siccum*, осужденнымъ постановленіемъ Пія V; онъ сводится къ фиктивной и необязательной куплѣ-продажѣ; ибо если кто-либо фиктивно покупаетъ у крестьянина быковъ, коихъ тотъ не имѣетъ, и затѣмъ этихъ быковъ отдаетъ тому же крестьянину въ наймы съ тѣмъ, чтобъ онъ со-

хранилъ ихъ въ цѣлости и уплатилъ наемныя деньги, то онъ заключаетъ договоръ несправедливый и лихвенный. То же нужно сказать о названномъ векселѣ. Подобно тому, какъ взиманіе плодовъ съ товарищества и ссуднаго предпріятія (mons) есть дѣло недозволенное, ибо товарищество и mons неспособны доставлять плоды, такъ тѣмъ болѣе не можетъ быть дозволено получать вексельныя выгоды отъ данныхъ подъ векселъ денегъ, кои не могутъ быть предметомъ обмѣна, ибо мѣняла, т. е. покупатель завѣдомо покупаетъ свою собственную вещь, когда по порученію должника, т. е. продавца, уплачиваетъ себѣ своими собственными деньгами за деньги, ему проданныя, какъ это ясно изъ вышеприведеннаго вексельнаго образца. А такой вексель въ виду того, что вексель вообще есть купля-продажа денегъ, также недѣйствителенъ, какъ и покупка собственной вещи. Но онъ недѣйствителенъ и какъ мѣна денегъ, ибо природа этого договора требуетъ, чтобъ одинъ получилъ отъ другаго, а этотъ другой отъ перваго, между тѣмъ при рикорза-векселѣ получаетъ одинъ только должникъ.

3) Въ одномъ и томъ же субъектѣ предполается тутъ въ одно и тоже время и продавецъ, и покупатель, и датель, и принимать, и кредиторъ, и должникъ, и мѣняющій, и мѣняла, между тѣмъ какъ никто не можетъ быть своимъ собственнымъ должникомъ, а потому никто не можетъ требовать отъ самого себя.

4) Въ этомъ векселѣ конкурируетъ нѣсколько фикцій, что не можетъ быть допущено, съ одной стороны, потому, что совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ фикцій не допускается, а съ другой—потому, что онѣ направлены лишь къ сокрытію подъ видомъ векселя лихвы (cambii siccitatem), ибо если снять тутъ эти фикціи, то окажется, что въ дѣйствительности дѣло идетъ о лихвенномъ и недозволенномъ векселѣ (cambium siccum et illicitum).

5) Въ рикорза векселѣ кредиторъ беретъ большіе барыши при незначительной опасности, ибо онъ имѣетъ тутъ дѣло только съ однимъ должникомъ, между тѣмъ какъ при обыкновенномъ векселѣ эти выгоды получаются при гораздо большей опасности, такъ какъ кредиторъ имѣетъ при немъ дѣло съ нѣсколькими лицами, относительно состоятельности коихъ ему приходится опасаться. А извѣстно, что чѣмъ больше опасности, тѣмъ больше разрѣшается брать выгодъ.

6) Изъ очевидной фиктивности этого векселя неизбѣжно вытекаетъ и его лихвенный характетъ (siccitas), а это дѣлаетъ его негоднымъ, во первыхъ, на основаніи изданной Піемъ V конституціи, во вторыхъ, въ силу дѣйствовавшаго до Пія V права, кои оба, разрѣшая вексель, присовокупляютъ ограниченіе, что разрѣшеніе это не распространяется на векселя фиктивные и вредные, ибо они суть не что иное, какъ заемныя письма.

7) Въ названныхъ векселяхъ проценты обращаются въ капитальный долгъ и такимъ образомъ изъ этихъ процентовъ рождаются новые проценты посредствомъ запрещеннаго правомъ анатоцизма и повтореннаго возникновенія.

8) Истинный вексель (cambium reale) долженъ совершаться съ одного мѣста на другое; но если онъ совершается на то же мѣсто, гдѣ написанъ, то онъ есть *siccum* и осужденъ конституціею Пія V. Между тѣмъ въ приведенномъ recursae cambio контрагенты съ самаго начала соглашаются, чтобы долгъ погашенъ былъ на ярмаркѣ посредствомъ acceptilatio и на самомъ дѣлѣ возвратился въ Геную, гдѣ совершенъ вексельный договоръ.

9) Насчетъ рикорза векселя весьма сомнѣваются даже тѣ, кои по профессіи стоятъ за дозволенность векселей.

10) Въ виду того, что вексель этотъ не дозволенъ и вообще совершаетъ круговое путешествіе, повторяясь на многихъ ярмаркахъ, будучи выдаваемъ и переписываемъ (campsando et recampsando), напр., съ Генуи на Піаченцу, съ Піаченцы на Геную и вновь съ Генуи на Піаченцу, и т. д., его слѣдуетъ признать достойнымъ порицанія и такимъ векселемъ, коего нужно избѣгать, ибо онъ не имѣетъ своего особаго назначенія (non habet suum finem), а является единственно средствомъ пріобрѣтенія выгодъ; да и придать ему особую окраску ни купцы, ни мѣнялы не могутъ, ибо лихвенное свойство его слишкомъ явно. А именно, если какой-либо испанскій дворянинъ, нуждаясь въ деньгахъ, обращается къ купцу съ просьбою дать ему, дворянину, въ займы опредѣленное количество золота, и купецъ отказываетъ, то испанскій дворянинъ предлагаетъ заимообразно полученное возвратить во Фландріи; на это купецъ соглашается, такъ какъ считаетъ себя въ этомъ случаѣ въ правѣ получить выгоду на томъ основаніи, что онъ будто бы вынужденъ будетъ перевести деньги изъ Фландріи въ Испанію. Между тѣмъ въ дѣйствительности дворянинъ этотъ не имѣетъ во Фландріи ни-

какихъ денегъ, а купецъ и не помышляетъ о какой-либо перевозкѣ ихъ изъ Фландріи въ Испанію, несправедливо прикрываясь щитомъ мѣнялы. Въ виду этого онъ проситъ у дворянина письма изъ Фландріи, каковое онъ дѣйствительно пишетъ и адресуетъ къ служащимъ того же купца, словно бы у нихъ имѣются деньги этого дворянина; затѣмъ эти служащіе какъ будто пересылаютъ деньги агентамъ (factores) кредитора въ Метинѣ съ присоединеніемъ къ нимъ новыхъ процентовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого рода мнимыя посылки и обратныя пересылки имѣютъ своею цѣлью только протянуть время до истеченія срока займа и высосать изъ должника побольше процентовъ. Такого рода вексель дозволеннымъ не считается. Другой примѣръ. Мѣняла Тицій даетъ въ Генуѣ деньги подъ вексель Каю съ тѣмъ, чтобы получить ихъ обратно съ выгодою въ Лондонѣ; а потому Кай пишетъ вексель въ Лондонъ на имя того, кого предложилъ мѣняла, и поручаетъ уплатить по этому векселю отъ имени его, Кая. Это письмо вручается Тицію, имѣющему получить лично или чрезъ своего агента деньги въ Лондонѣ, и остается у него, Тиція, до истеченія шести мѣсяцевъ, въ которые, предполагается, письмо дошло до Лондона и оттуда вернулось въ Геную; затѣмъ Тицій прикидывается, что онъ получилъ письмо отъ проживающаго въ Лондонѣ своего повѣреннаго, въ коемъ тотъ увѣдомляетъ, что у него не было денегъ для уплаты за Кая, а потому онъ добылъ ихъ отъ другихъ подъ вексель съ тѣмъ, чтобъ Кай заплатилъ ихъ Тицію въ Генуѣ; а потому Кай вынужденъ уплатить сначала проценты на деньги, полученныя въ Генуѣ, а затѣмъ вторично обязанъ уплатить проценты въ той же Генуѣ за деньги, кои, предполагается, взяты для него въ Лондонѣ подъ вексель. Такой вексель есть процентный заемъ, а не обмѣнъ денегъ, ибо въ Лондонъ никакихъ писемъ не посылалось, а если и посылалось, то съ тѣмъ, чтобъ они оттуда вернулись безъ исполненія (ibid. nn. 1—20).

Таковы въ общихъ чертахъ всѣ главныя возраженія противъ рикорза-векселей, кои Scaccia нашелъ у Сото, Іеронима де Лука, Фабіана, Наварра, Сильвестра, Азорія и у нѣкоторыхъ другихъ. Пересматривая эти возраженія, не трудно замѣтить, что рикорза-вексель, вызванный первоначально необходимостью и по идеѣ своей не представлявшій никакого отступленія отъ обыкновеннаго векселя, ко времени Scaccia сталъ служить

совсѣмъ инымъ цѣлямъ и превратился въ форму и средство взимать высокіе проценты, усугублявшіе негодованіе монаховъ и вызвавшіе ихъ вышеизложенныя разоблаченія. Какъ однако ни велики были эти проценты, какъ ни тягостно должно было быть положеніе должниковъ, вынужденныхъ столь дорого оплачивать оказываемый имъ кредитъ, тѣмъ не менѣе нужда въ послѣднемъ и неизбѣжность его въ дѣлѣ преуспѣванія самой торговли были такъ велики, что вышеприведенныя разоблаченія не только не привели ни къ какому благотворному результату, но, совершенно наоборотъ, вызвали энергичныя попытки дать рикорза-векселямъ юридическое обоснованіе и тѣмъ самымъ поставить ихъ подъ защиту закона. Соображенія, при помощи коихъ цѣль эта можетъ быть достигнута, *Scaccia* формулируетъ слѣдующимъ образомъ. 1) Вексель есть купля-продажа. 2) А изъ этого вытекаетъ, что и ярмарочный вексель есть купля-продажа, при которой продавцу дается опредѣленный срокъ для передачи покупателю проданной вещи. 3) Отсюда все, что дозволено въ договорѣ купли-продажи съ отсрочкою, должно быть дозволено и при рикорза-векселяхъ, но не наоборотъ. Почему изъ того, что дозволено въ договорѣ купли-продажи остальныхъ товаровъ, можно заключать, что тоже дозволено и въ векселѣ, но дозволено ли и отрицательное, этого, говоритъ *Scaccia*, я не утверждаю. 4) Въ векселяхъ допускаются многія несообразности (improprietas) и фикціи, вслѣдствіе коихъ вексельная сдѣлка кажется химерическою, призрачною, и допускаются онѣ потому, что того требуетъ существо денежныхъ сдѣлокъ. Вексельный договоръ прежде всего требуетъ быстроты, а быстрота тутъ безъ фикцій невозможна; благодаря этимъ фикціямъ, избѣгаютъ дѣйствительнаго круговаго движенія векселя между отдѣльными лицами, при чемъ однако совершается все то, что разрѣшено совершать при такомъ движеніи. Въ этомъ ничего предосудительнаго нѣтъ, разъ только въ дѣло не вносится ничего злонамѣреннаго и вреднаго (ibid. nn. 21 — 23 и 79). Такія фикціи не съ меньшею легкостью прмѣняются въ остальныхъ договорахъ продажи. Первая фикція состоитъ въ томъ, что скуды марки, являющіяся объектомъ договора купли-продажи, лишены матеріи и формы, а потому фиктивны. Отсюда контрагенты иначе исчисляютъ эти скуды при заключеніи вексельнаго договора и иначе при уплатѣ. Вторая фикція и другая неточность состоятъ въ томъ, что монета, являющаяся цѣною и мѣриломъ

покупаемой вещи, воображается вещью, подлежащею продажѣ, и такимъ образомъ оказывается и измѣряющею и измѣряемымъ. Третья фикція сводится къ тому, что одинъ изъ конрагентовъ служитъ воображаемымъ представителемъ другаго своего контрагента; такъ, кредиторъ можетъ быть представителемъ своего должника, когда уплачиваетъ самому себѣ, какъ это бываетъ на практикѣ, и наоборотъ, должникъ можетъ быть представителемъ своего кредитора, когда уплачиваетъ самому себѣ. Въ подтвержденіе возможности подобной комбинаціи Scaccia ссылается на Decisiones Rotae Genuae nn. 1, 2 и 23. (ib. nn. 23 — 26).

5) Указанныя фикціи и несообразности допускаются въ векселяхъ потому, что не только не причиняютъ вообще никакого зла, но и въ частности никому не приносятъ ущерба.

6) Фикція или воображаемое участіе нѣсколькихъ лицъ, чтобы получить послѣдствія дѣйствія, для совершенія коего необходимо требуется нѣсколько присутствующихъ лицъ, дозволена и допустима, когда въ ней не только не содержится никакого противорѣчія, злаго умысла или вреда, но имѣется даже нѣкоторая польза, ибо если вмѣшать въ дѣло многихъ физическихъ лицъ, то это повлекло бы за собою большіе расходы и тягостныя неудобства. Такое представительство не только допустимо, но и похвально и согласно съ благоразуміемъ и законами, ибо безполезно вмѣшивать многихъ тамъ, гдѣ дѣло могутъ совершить немногіе (ibid. nn. 33 и 34). Въ этихъ возраженіяхъ *Scaccia* намѣчаетъ лишь въ общихъ чертахъ тѣ соображенія, кои приведены были въ опроверженіе возраженій противъ рикорза-векселей. Затѣмъ онъ переходитъ къ болѣе подробной ихъ мотивировкѣ. 1) Всякій договоръ купли-продажи, говоритъ онъ, въ случаѣ сомнѣнія, считается дозволеннымъ, но вѣдь уже доказано, что вексельная сдѣлка есть договоръ купли-продажи. 2) Если продавецъ по полученіи истинной платы и по истеченіи предоставленнаго ему срока для передачи проданной вещи не передастъ послѣдней покупателю, и удерживая у себя вещь и плату, совершитъ просрочку, то онъ обязанъ вознаградить покупателю ущербъ, каковой, вообще говоря, по закону подлежитъ возмѣщенію при неисполненіи всякаго договора. Но вѣдь кто беретъ подъ вексель, тотъ продаетъ скуды марки, а потому если онъ ихъ не доставляетъ, то долженъ отвѣтствовать за ущербъ, что̀ ликвидируется и уплачивается путемъ совершенія

новаго векселя. 3) «Должникъ при рикорза-векселяхъ не несетъ бо̀льшихъ потерь, чѣмъ при векселяхъ безъ рикорза, кои по общему признанію суть векселя истинные, свободные, реальные и дозволенные. Напротивъ того, при рикорза-векселяхъ онъ подвергается гораздо меньшимъ неудобствамъ, а вѣритель не получаетъ большихъ выгодъ, что ясно изъ слѣдующаго: если ты подъ истинный вексель (cambio libero et reali) берешь у меня 100 скудъ до ближайшей будущей піаченцкой ярмарки и если по наступленіи ярмарки ты, не имѣя чѣмъ заплатить мнѣ, возмешь подъ истинный вексель другіе 100 скудъ у Тиція, коими уплатишь первый вексельный долгъ, то всѣ соглашаются, что эти два векселя, какъ совершенные по честной цѣнѣ, безъ посредства недозволенныхъ соглашеній и въ формѣ обычныхъ, истинныхъ и реальныхъ векселей, согласныхъ съ требованіями конституціи Пія V, будутъ векселями свободными, реальными и дозволенными. Равнымъ образомъ, если ты при полученіи отъ меня означенныхъ 100 скудъ подъ вексель вступишь со мною же въ соглашеніе, чтобы, въ случаѣ неуплаты ихъ на слѣдующей ярмаркѣ, я въ правѣ былъ отъ твоего имени и на твои издержки взять подъ вексель у кого-либо другаго эти же 100 скудъ, и если вслѣдствіе твоего неплатежа я беру ихъ подъ вексель у Тиція, то такой вексель будетъ тоже дѣйствительнымъ и дозволеннымъ, и ты долженъ будешь отвѣчать по нему, ибо я совершилъ только то, что по закону долженъ былъ совершить ты. Но вѣдь въ рикорза-векселѣ точь въ точь содержится то, что содержится въ двухъ предыдущихъ векселяхъ, ни кредиторъ не получаетъ, ни должникъ не платитъ больше того вознагражденія, какое уплачивается по обоимъ названнымъ векселямъ; перемѣна происходитъ только въ лицѣ кредитора, ибо въ первомъ векселѣ, называемомъ тобою свободнымъ и дѣйствительнымъ, ты продаешь скуды марки Тицію, а во второмъ, называемомъ тобою *cum recursa*, ты продаешь ихъ мнѣ; но продажа одному или другому за ту же самую цѣну и на одинаковыхъ условіяхъ, это чрезвычайно незначительная случайность, не имѣющая ничего общаго съ правотою или неправотою договора. И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло закону, разуму, нравственности, государству или юстиціи до договора, посредствомъ коего ты получаешь подъ вексель отъ Тиція или отъ меня? Какое дѣло юстиціи до договора, коимъ ты поручаешь посред-

ствомъ письма Тицію уплатить *de contanti* (наличными) твой долгъ, или коимъ ты поручаешь уплатить мнѣ, если ты становишься должникомъ или Тиція, или моимъ въ одинаковой суммѣ и если тѣмъ и другимъ способомъ между даннымъ и возвращеннымъ сохраняется равенство, что̀ соотвѣтствуетъ справедливости и природѣ контракта купли-продажи и что въ куплѣ и торговлѣ есть осѣдлость и фундаментъ воздаятельной справедливости».

«И такъ, если и по существу, и по фактической сторонѣ, и по справедливости къ рикорза-векселямъ прилагается все то, что прилагается къ векселямъ безъ рикорза, то напрасно мы стали бы сомнѣваться, дозволителенъ или недозволитенъ рикорза-вексель, разъ законъ примѣняется не къ словамъ, а къ дѣламъ» (ibid. nn. 38—42).

4) Въ доказательство законности рикорза-векселей ссылаются на мнѣнія Михаила Салона, Бонинсегнія, а также Наварра, воззрѣніе коего на этотъ счетъ напечатано лишь послѣ его смерти и въ принадлежности каковаго мнѣнія именно Наварру нашъ авторъ ни мало не сомнѣвается, хотя сомнѣваться и можно, и слѣдуетъ, ибо въ сочиненіяхъ этого ученаго, напечатанныхъ при его жизни, этого мнѣнія, какъ самъ *Scaccia* признаетъ, не оказывается, а оно появилось лишь послѣ его смерти. Наконецъ въ пользу изложеннаго взгляда на рикорза векселя приводятъ еще утвержденный въ ноябрѣ 1569 г. папою Піемъ V болонскій уставъ, въ коемъ среди посвященныхъ векселямъ главъ находится глава 2, въ которой говорится о рикорза-векселяхъ въ слѣдующихъ словахъ: «appresso che sia etc. etc. possa ogni persona ancora dar denari à cambio, et far che sieno recapitate le lettere sopra essi datore, et cosi tenerli su li cambij, sin che faranno rimborsati da chi hauera preso il denaro». Равнымъ образомъ совѣтъ кардиналовъ, созванный въ 1574 г. папою Григоріемъ XIII по поводу запроса палермскаго епископа, не запрещены ли означенные векселя названнымъ постановленіемъ Пія V, отвѣчалъ, что постановленіе это на нихъ не распространяется.

5) Въ дѣлахъ сомнительныхъ, при обсужденіи ихъ съ точки зрѣнія свѣтскаго суда, необходимо принимать то толкованіе, которое способно поддержать договоръ и устранить преступленіе, а при обсужденіи ихъ съ точки зрѣнія духовнаго суда надо поступать осторожно, дабы не осудить безразсудно многихъ хри-

стіанъ. 6) Если кто-либо дозволеннымъ способомъ что-нибудь увеличиваетъ, зная, что этимъ въ дѣйствительности совершается порочная лихва, то на этомъ основаніи его нельзя назвать ростовщикомъ (ibid. nn. 43—46). Дѣйствительно по поводу рикорза-векселей есть основаніе сомнѣваться, должны ли они быть сочтены дозволенными или лихвенными, но такъ какъ къ ихъ употребленію прибѣгаютъ лучшіе купцы, то это сомнѣніе устраняется обычаемъ этихъ послѣднихъ, слѣдовательно векселя эти законны. Такъ какъ тутъ предъ нами предлежатъ, съ одной стороны, мнѣнія, признающія эти векселя сомнительными, а съ другой—обычай, этотъ лучшій истолкователь сомнѣній, доказывающій противоположное, то мы вынуждены признать, что сомнѣніе уничтожено и что, слѣдовательно, противное рикорза-векселямъ мнѣніе должно быть отвергнуто безъ всякаго колебанія, съ точки зрѣнія свѣтскаго суда оно должно быть отвергнуто потому, что обычай употребленія этихъ векселей примѣняется уже такъ давно, что чрезвычайно трудно будетъ отъ него отказаться, а въ подобномъ случаѣ лучше допустить, буде возможно, обычай, дабы запрещеніемъ его не сдѣлать хуже;съ точки зрѣнія духовнаго суда оно не можетъ быть допущено, во первыхъ, потому, что, если допустить преобладаніе истолковательнаго обычая надъ сомнѣніемъ, дозволенъ ли, или не дозволенъ какой-либо вексель, то совершающій послѣдній согласно обычаю заслуживаетъ, чтобъ ему прощенъ былъ этотъ грѣхъ, во вторыхъ, потому, что означенное противное мнѣніе можетъ дать поводъ къ угрызеніямъ совѣсти и привести къ совершенію еще большаго грѣха какъ бы чрезъ запретительный законъ, согласно поговоркѣ: *не будь закона, не было бы и грѣха.*

7) Мы вообще сильно склонны считать дозволенными и честными тѣ дѣйствія, кои на нашихъ глазахъ публично совершаются христіанами, обладающими доброю и чуткою совѣстью. Но вѣдь мы видимъ, что многіе добросовѣстные христіане употребляютъ этого рода векселя въ разныхъ мѣстахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Михаилъ Салонъ и Наварръ, говорящій, что безчисленное множество честныхъ христіанъ сдѣлало эти векселя источникомъ своего существованія, что между такими христіанами есть духовные, кои ежегодно исповѣдуются, получаютъ отпущеніе грѣховъ и пріобщаются и что, слѣдовательно, безразсудно было бы осудить какъ всѣхъ ихъ, такъ и ихъ духовниковъ. Напротивъ того, пользованіе этими векселями на-

столько явно, что объ этомъ вѣроятно дошло до свѣдѣнія верховнаго архипастыря и иныхъ духовныхъ властей, кои, если бы считали это недозволеннымъ, конечно, не потерпѣли бы такого нарушенія. Ибо римскіе архипастыри, справедливые и святые мужи, осуждавшіе нелѣпые мѣстные обычаи въ своихъ конституціяхъ, ни разу не осудили пользованіе этого рода векселями. Нельзя сказать, чтобъ они не знали объ этомъ пользованіи, ибо это извѣстно было почти всѣмъ христіанскимъ государямъ и этотъ вексельный договоръ заключаютъ даже многіе религіозные люди, по крайней мѣрѣ, берутъ подъ вексель.

8) Ни въ Генуѣ, ни, насколько извѣстно, въ иныхъ мѣстахъ церковная курія не преслѣдуетъ заключающихъ рикорза векселя, а между тѣмъ вексель этотъ въ большомъ употребленіи повсемѣстно (ib. 53—56).

Вслѣдъ за этими соображеніями, кои мы старались передать по возможности въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены у *Scaccia*, нашъ авторъ приводитъ еще третье мнѣніе, занимающее середину между двумя приведенными воззрѣніями. Оно не содержитъ въ себѣ ничего оригинальнаго, а, обращая вниманіе на намѣреніе сторонъ, соглашается то съ первымъ, то со вторымъ взглядомъ (ib. nn. 57—59). На немъ въ виду этого мы останавливаться не станемъ, а перейдемъ къ болѣе любопытному ученію о рикорза векселяхъ самого *Scaccia*.

При такомъ разнообразіи мнѣній и такихъ колебаніяхъ богослововъ, говорящихъ о рикорза-векселяхъ, онъ, *Scaccia*, для вящшаго уясненія дѣла считаетъ необходимымъ предпослать слѣдующій примѣръ: должникъ беретъ въ городѣ Генуѣ подъ вексель 1000 скудъ до первой ліонской ярмарки, и такъ какъ въ Ліонѣ у него нѣтъ знакомаго и нѣтъ никого, кому бы онъ могъ поручить уплату этихъ 1000 скудъ, то кредиторъ, давшій ему эту сумму въ займы, предлагаетъ ему своего повѣреннаго или приказчика, который, какъ бы въ качествѣ приказчика-должника, можетъ уплатить самому себѣ, какъ приказчикъ кредитора. Принявъ это предложеніе, должникъ пишетъ сказанному приказчику (ministro), чтобъ онъ уплатилъ самому себѣ, и тоже самое пишетъ ему кредиторъ въ письмѣ, называемомъ *aviso*. Затѣмъ приказчикъ по полученіи обоихъ писемъ уплачиваетъ самому себѣ или изъ собственныхъ денегъ или изъ денегъ кредитора, послѣ чего письменно увѣдомляетъ должника, чтобъ онъ уплатилъ кре-

дитору эти 1000 скудъ и нѣкоторый лишекъ за размѣнъ. Такимъ образомъ должникъ уплачиваетъ двойную провизію, одну въ Лiонѣ, гдѣ погашенъ первый вексель платежомъ приказчика кредитора, а другую въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается второй платежъ и пишется новый вексель. Вотъ этотъ-то второй платежъ многіе отвергаютъ.

Сдѣлавъ это введеніе, *Scaccia* разрѣшаетъ три случая, имѣющіе мѣсто при рикорза-векселяхъ. Первый случай состоитъ въ томъ, что кредиторъ по просьбѣ должника или по собственному побужденію предлагаетъ должнику кого-либо, кто можетъ уплатить по векселю собственными деньгами. Въ этомъ случаѣ, говоритъ Scacciа, вексель дозволителенъ, хотя бы уплачивающій состоялъ корреспондентомъ, товарищемъ, повѣреннымъ или приказчикомъ самого кредитора, представляя при этомъ двухъ лицъ, именно лицо должника въ актѣ уплаты и лицо кредитора въ актѣ принятія уплаты. Изъ подобнаго одновременнаго представительства за разныхъ лицъ рождается нѣсколько обязательствъ. Во первыхъ, изъ него возникаетъ обязательство въ пользу уплатившаго приказчика и противъ должника, поручившаго ему уплатить самому себѣ. Если порученіе это исполнено, то должникъ обязанъ по правиламъ actio mandati возмѣстить приказчику уплаченныя деньги; это возмѣщеніе производится посредствомъ уплаты по векселю, который впослѣдствіи тотъ же приказчикъ пишетъ обратно на должника; ибо съ момента уплаты по этому векселю считается, что должникъ исполнилъ свое обязательство по отношенію къ приказчику. Второе обязательство возникаетъ въ пользу кредитора противъ приказчика, который полученіемъ платежа именемъ кредитора обязанъ дать послѣднему отчетъ въ употребленіи полученныхъ денегъ; такое представленіе отчета производится посредствомъ пересылки этихъ денегъ кредитору въ видѣ векселя или рекамбіи. Третье обязательство возникаетъ противъ кредитора, который, въ случаѣ невозвращенія должникомъ приказчику уплаченнаго, отвѣчаетъ предъ тѣмъ же приказчикомъ по правиламъ contraria actione mandati на подобіе поручителя. А слѣдовательно, если должникъ не платитъ кредитору по присланному на него, должника, векселю, то приказчикъ можетъ еще освободиться отъ своего обязательства путемъ возраженія, ибо кредиторъ въ этомъ случаѣ не можетъ искать съ приказчика въ виду того, что послѣдній

можетъ искать съ кредитора, какъ поручителя того же неплатящаго должника; отсюда обязательство приказчика въ пользу кредитора прекращается именно вслѣдствіе того, что приказчикъ письменно предложилъ должнику уплатить кредитору, ибо если будетъ уплачено, то приказчикъ тѣмъ самимъ освобождается отъ своего обязательства; если же уплачено не будетъ, то онъ все равно освобождается на томъ основаніи, что самъ кредиторъ поручился за должника, и наоборотъ, обязательство кредитора въ пользу приказчика въ случаѣ неплатежа должникомъ прекращается именно потому, что приказчикъ обязанъ былъ эти самыя деньги передать кредитору, ибо требовалъ онъ ихъ только именемъ послѣдняго, такъ что въ результатѣ кредитныя отношенія остаются все-таки только между кредиторомъ и должникомъ.

Второй случай состоитъ въ томъ, что кредиторъ предлагаетъ должнику своего приказчика не по собственному побужденію или по просьбѣ, но даетъ деньги именно съ тѣмъ условіемъ, чтобы по векселю уплатилъ его приказчикъ или другое лицо по указанію кредитора. Въ этомъ случаѣ *Scaccia* считаетъ рикорза вексель не дозволеннымъ, ибо онъ прямо разсчитанъ и совершенъ ради кредитора, а потому безстыденъ и противозаконенъ.

Третій случай имѣетъ мѣсто тогда, когда приказчикъ или повѣренный кредитора уплачиваетъ изъ денегъ самого кредитора; въ этомъ случаѣ вексель считается недозволеннымъ или по меньшей мѣрѣ весьма сомнительнымъ, причемъ все равно, самъ ли по собственному почину предложилъ кредиторъ должнику воспользоваться приказчикомъ перваго, или это произошло по просьбѣ должника. Недозволеннымъ или сомнительнымъ вексель считается тутъ потому, что онъ равносиленъ, какъ говоритъ Іоаннъ Азорій, займу (ibid nn. 60—62).

По изложеніи этихъ трехъ комбинацій, при коихъ практикуется употребленіе рикорза векселей, *Scaccia* заявляетъ, что онъ лично примыкаетъ ко второму изъ выше изложенныхъ мнѣній, т. е. объявляетъ себя сторонникомъ дозволенности и нормальности рикорза-векселей, а затѣмъ въ качествѣ такого сторонника занимается критическою оцѣнкою и опроверженіемъ какъ изложенныхъ десяти доводовъ противоположнаго воззрѣнія, такъ и доводовъ срединнаго мнѣнія (ibib nn. 63—87). Чтобы не слишкомъ злоупотреблять терпѣніемъ читателя, мы не станемъ

воспроизводить тутъ эти критическія соображенія, имѣющія главнымъ образомъ полемическій характеръ и потому едва ли что-либо могущія прибавить къ уясненію какъ бытовыхъ условій, такъ и существа рикорза-векселей. И то, и другое достаточно выяснилось изъ того очерка противоположныхъ воззрѣній на юридическое значеніе названныхъ векселей, какой, слѣдуя *Scaccia*, приведенъ нами выше. Возгорѣвшаяся между тогдашними учеными горячая полемика по поводу этихъ векселей уже сама собою, своимъ появленіемъ свидѣтельствуетъ о той высокой степени распространенности, какой къ тому времени достигли рикорза-векселя, равно какъ и о той коренной перемѣнѣ, какая произошла въ первоначальномъ назначеніи послѣднихъ. Будучи сначала лишь просто средствомъ ликвидаціи взаимныхъ разсчетовъ, векселя эти мало по малу превратились въ форму, прикрывавшую лихвенныя и часто чисто ростовщическія сдѣлки. Пока плательщики по истиннымъ векселямъ съ помощью рикорза-векселей возвращали себѣ отъ векселедателей уплаченныя за нихъ суммы, пока они, чтобъ возмѣстить свои издержки, брали соотвѣтствующія этимъ послѣднимъ суммы у третьихъ лицъ подъ векселя, плательщиками по коимъ назначали векселедателей, ревнители церкви молчали, ибо въ такихъ векселяхъ даже при самомъ придирчивомъ отношеніи нельзя было обнаружить не только ничего противнаго правиламъ торговой чести и нравственности, но и никакого намека на столь ненавистные прежнимъ богословамъ и канонистамъ проценты. Но когда, съ одной стороны,потребность въ кредитѣ, возрастаніе которой шло объ руку съ возрастаніемъ торговыхъ оборотовъ, а съ другой—алчность и сребролюбіе капиталистовъ или, лучше сказать, банкировъ превратили эти невинные по своему содержанію векселя въ ширмы, прикрывавшія взиманіе нерѣдко самыхъ разбойныхъ процентовъ, то антагонисты процентовъ зашевелились и стали указывать на этотъ новый обходъ канонической догмы, на это новое ухищреніе любителей легкой наживы и требовать прекращенія этого новаго злоупотребленія.

Съ своей точки зрѣнія они, какъ я уже замѣтилъ прежде по поводу возобновленныхъ векселей, были вполнѣ правы: разъ самый принципъ взиманія процентовъ признавался противозаконнымъ, то противозаконными слѣдовало признать и всѣ его проявленія, какую бы личину они на себя ни надѣвали. Что-

нибудь одно: или надо было объявить помянутую каноническую догму лишенною всякаго права на практическое примѣненіе, результатомъ продолжительнаго заблужденія не по разуму усердныхъ богослововъ, пересадившихъ безъ всякой надобности благочестивые вожделѣнія отцовъ церкви на почву практической жизни, или, признавая противозаконность и безнравственность самого принципа процентовъ, добросовѣстно противодѣйствовать всѣмъ внѣшнимъ его проявленіямъ. Вышеизложенныя воззрѣнія показываютъ, что ученые защитники процентовъ избрали фальшивый путь, что вмѣсто того, чтобы схватить быка прямо за рога, они только около него суетились, ставя ему чисто формальныя, крючкотворныя препятствія. Они не могли не знать, да и прекрасно знали истинную роль, какую играли рикорза-векселя въ оборотѣ; они должны были сознавать тотъ лихвенный характеръ, который придали этимъ векселямъ изворотливые аферисты; они не могли не видѣть, что часто подъ эгидою этихъ векселей скрывается самое злокачественное обирательство, что эти векселя являются рѣшительнымъ протестомъ и даже издѣвательствомъ надъ формально дѣйствующимъ еще запрещеніемъ процентовъ; но у нихъ не хватило мужества открыто высказать истину, прямо объявить, что принципъ процентовъ ничего безнравственнаго въ себѣ не содержитъ, что если можно взимать плату за уступку пользованія непотребляемыми вещами, то нѣтъ основанія отрицать такое право въ случаѣ уступки пользованія потребляемыми вещами, каковы деньги, что противъ алчнаго и безсовѣстнаго ростовщичества нужно бороться иными средствами, но не прибѣгать къ формалистикѣ, не умалчивать о дѣйствительномъ намѣреніи контрагентовъ, не прилѣпляться къ формѣ, не строить на ней своей аргументеціи и лишь подъ ея защитою и съ фарисейскимъ лицемѣріемъ подводить мины подъ каноническое ученіе о процентахъ.

Какъ бы однако ни было, бумажная борьба за существованіе рикорза-векселей закончилась полною побѣдою защитниковъ послѣднихъ. Такому исходу не мало способствовало и то, что сами папы, хотя и весьма неохотно, не нашли въ этихъ векселяхъ ничего запретнаго и тѣмъ самимъ дали означеннымъ защитникамъ могущественное орудіе въ руки. Если такой безспорный и верховный религіозный авторитетъ, какъ римскій папа, косвеннымъ образомъ призналъ законность существованія

рикорза-векселей, то могли-ли что-нибудь значить всѣ вопли и жалобы остальнаго духовенства, какихъ бы энергичныхъ, ученыхъ и искусстныхъ борцовъ оно ни выставило? Всѣ ихъ усилія и доводы можно было сразить и уничтожить простымъ указаніемъ на помянутое рѣшеніе папы, коему всѣ и въ особенности духовенство обязаны были безусловно подчиниться, буде не желали возбудить противъ себя гнѣвъ и немилость могущественнаго римскаго первосвященника. Въ виду этого препирательство *Scaccia* съ противниками рикорза-векселей на почвѣ отвлеченнаго мышленія, опроверженіе ихъ доводовъ при помощи теоретическихъ соображеній можетъ быть объяснено развѣ уваженіемъ *Scaccia* къ наукѣ и ученымъ авторитетомъ, ибо вмѣсто всякихъ сложныхъ соображеній ему достаточно было просто сослаться на означенное рѣшеніе папы, чтобы наложить на своихъ противниковъ печать молчанія. Вѣдь слово папы, по крайней мѣрѣ, для духовенства западной церкви, имѣло авторитетъ и силу закона. Папа рикорза-векселя дозволилъ, стало быть, со стороны канонистовъ и богослововъ было безтактно и безумно запрещать ихъ, ибо это значило идти на перекоръ предписаніямъ папы. Быть-можетъ, именно этимъ и объясняется, что, не взирая на строгое порицаніе этихъ векселей, исходившее изъ духовнаго лагеря, они безпрепятственно продолжали жить и примѣняться до той поры, когда дѣйствительная жизнь нашла возможность обходиться безъ ихъ помощи и предала ихъ забвенію.

ГЛАВА V.

Передаточная надпись (индоссаментъ).

Введеніе. Идея индоссамента. Причины поздняго появленія индоссамента. Первоначальные способы передачи векселей. Время проникновенія индоссамента въ Италію. Сконтрированіе, какъ первообразъ индоссамента. Передача векселя путемъ оставленія въ вексельномъ текстѣ пустаго мѣста для вписанія будущаго получателя платежа. Оговорка: уплатить по приказу и причина ея возникновенія. Образцы векселей по приказу у Dupuis de la Serra. Векселя на предъявителя въ Италіи и Франціи. Billets и ихъ виды. Документы на предъявителя въ Германіи. Юридическая природа документовъ на предъявителя. Индоссаментъ и время его появленія. Юридическая природа индоссамента. Положеніе его во Франціи. Signatures en blanc. Срокъ взысканія по векселямъ по ордонансу 1673 г. Положеніе индоссамента въ Италіи и Германіи. Опроверженіе воззрѣнія Геца на происхожденіе индоссамента.

§ 61.

Въ предыдущемъ изложеніи мы постоянно имѣли дѣло съ такимъ векселемъ, въ коемъ участвуетъ четыре лица. Подобное количество участниковъ, какъ уже во многихъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія было указано, отнюдь не обусловливалось самою природою вексельной сдѣлки, а возникло изъ сочетанія бытовыхъ словій, существовавшихъ въ то время, какъ складывалась эта форма юридическихъ отношеній. Обмѣнъ разномѣстныхъ денегъ, происходившій не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ двухъ болѣе или менѣе далеко отстоящихъ другъ отъ друга пунктахъ, создалъ необходимость въ парѣ лицъ на каждой сторонѣ. Въ одномъ мѣстѣ нуждающійся въ такомъ обмѣнѣ обращался обыкновенно къ мѣнялѣ съ предложеніемъ принять опредѣленное количество туземныхъ денегъ и вмѣсто нихъ выдать соотвѣтствующее количество иностранныхъ денегъ въ другомъ мѣстѣ. Въ случаѣ согласія на это со стороны мѣнялы возникалъ двусторонній договоръ, при коемъ одинъ контрагентъ

свое вытекающее изъ этого договора обязательство исполнялъ и ожидалъ соотвѣтствующаго исполненія отъ другаго контрагента. Вотъ именно необходимость этого встрѣчнаго исполненія рождала потребность въ посредствующихъ лицахъ, каковы исполнители векселя. Присутствіе этихъ послѣднихъ было бы совершенно излишне, если бы сами контрагенты ко времени исполненія договора могли находиться на мѣстѣ этого исполненія: тутъ они сами и являлись бы исполнителями. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда контрагенты по заключеніи сдѣлки лично отправлялись на означенное мѣсто, они же и были исполнителями. Но когда имъ самимъ ѣхать туда было почему-либо невозможно, то надо было имѣть двухъ довѣренныхъ лицъ, изъ коихъ одно уплачивало бы условленную сумму отъ имени мѣнялы, а другое принимало бы эту сумму отъ имени мѣняющаго. Такъ какъ поименованныя четыре лица за рѣдкими исключеніями почти постоянно участвовали въ вексельныхъ сдѣлкахъ, то общество скоро привыкло смотрѣть на это участіе, какъ на необходимый аттрибутъ всякаго векселя, и когда послѣдній удостоился особаго вниманія со стороны духовныхъ властей и духовныхъ писателей, то недочетъ въ этомъ числѣ лицъ наводилъ на подозрѣніе въ лихвенныхъ изворотахъ и уполномочивалъ къ обвиненію въ нарушеніи запрещенія процентовъ. Въ виду этого съ теченіемъ времени стали искусственно вводить въ каждый вексель четыре лица, хотя бы на самомъ дѣлѣ въ немъ участвовало всего только два. Къ такимъ искусственнымъ пріемамъ, какъ мы видѣли, коммерческіе люди прибѣгали въ т. н. рекамбіо и рикорза-векселяхъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ расширялась и развивалась торговля и вслѣдствіе того множились и усложнялись случаи нужды въ платномъ кредитѣ, коммерческій міръ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ первоначальнаго взгляда на вексель, какъ на обмѣнъ разномѣстныхъ денегъ въ двухъ отстоящихъ другъ отъ друга географическихъ пунктахъ, и хотя долго еще соблюдалъ соотвѣтствовавшую этому назначенію внѣшнюю форму векселя, но уже оперировалъ съ послѣднимъ какъ съ кредитною бумагою. Утверждать, будто эта форма удерживалась именно потому, что она соотвѣтствовала чисто коммерческимъ потребностямъ, значило бы говорить противъ исторической правды. Мы уже видѣли, что она служила только щитомъ противъ

господствовавшаго прежде упорнаго преслѣдованія процентовъ, что ею лишь замыкали уста несговорчивымъ обвинителямъ, отговариваясь точнымъ соблюденіемъ ими же одобреннаго порядка. Но когда рвеніе преслѣдователей процентовъ стало мало по малу ослабѣвать, когда сознаніе неизбѣжности платнаго кредита начало уже побѣждать слѣпой фанатизмъ и упорство богослововъ и канонистовъ, кои вынуждены были съ внѣшнимъ спокойствіемъ смотрѣть на различныя манипуляціи, продѣлывавшіяся коммерческими людьми надъ векселями, то прежніе вексельные аттрибуты уступили мѣсто новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ нуждамъ торговли. Благодаря этому, явилась возможность отказаться отъ первоначальнаго назначенія векселя и обратить его въ обыкновенное средство платежа и ликвидаціи обоюдныхъ коммерческихъ разсчетовъ. Эта метафорфоза, эта коренная перемѣна въ первоначальномъ назначеніи вексельной сдѣлки обязана своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ изобрѣтенію передаточныхъ надписей или иначе индоссамента, т. е. уступкѣ правъ по векселю одному или нѣсколькимъ лицамъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, каковая уступка обозначалась на оборотной сторонѣ вексельнаго письма; отсюда и названіе *индоссаментъ* (отъ италіанскаго слова *dosso*—спина, хребетъ, горбъ).

§ 62.

Въ сущности такая передача векселя изъ рукъ въ руки ничего предосудительнаго или противнаго законамъ и даже канонической догмѣ о процентахъ въ себѣ не заключала. Едва ли можно усмотрѣть что-нибудь преступное въ томъ, что хозяинъ валюты, уплатою послѣдней пріобрѣвшій право получить извѣстную сумму денегъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, отказывается отъ этого права въ пользу другаго за вознагражденіе или безъ онаго. Если означенная сумма, какъ признавали прежніе юристы и какъ соглашались съ этимъ даже богословы, принадлежала уплатившему валюту на правѣ собственности, ибо считалась или купленною, или промѣненною послѣднимъ, то передача ея такимъ собственникомъ другимъ лицамъ въ силу какого-нибудь законнаго титула должна была разсматриваться только, какъ осуществленіе законно пріобрѣтеннаго права. Таковымъ же слѣдовало признать и положеніе правопреемника перваго покупателя.

Пріобрѣтая чрезъ посредство уступки ему векселя власть получить значущуюся въ послѣднемъ сумму денегъ, онъ точно также это свое право цѣликомъ или въ осуществленіи могъ передать другому, а тотъ третьему и т. д., пока сама эта сумма не будетъ получена въ дѣйствительности. Этотъ преемственный переходъ векселя изъ однихъ рукъ въ другіе носитъ на себѣ отпечатокъ столь естественнаго и при томъ столь невиннаго характера, что даже самое недовѣрчивое око едва-ли въ состояніи было бы открыть въ немъ результатъ какого-либо злоупотребленія, хотя-бы и по отношенію къ запрещенію процентовъ. Но прежній книжный людъ настолько привыкъ видѣть вексель съ четырьмя въ немъ участниками, что отсутствіе этого количества лицъ наводило на подозрѣніе въ наличности лихвенныхъ изворотовъ. Сила же привычки такова, что, какъ мы увидимъ ниже, такое же подозрѣніе рождалось и въ томъ случаѣ, когда имѣлся лишекъ противъ четырехъ лицъ, не смотря на то, что лишекъ этотъ былъ явленіемъ вполнѣ законнымъ и нисколько не противорѣчилъ запрещенію взиманія процентовъ.

Хотя переходъ векселя изъ рукъ въ руки былъ свободенъ отъ упрековъ въ лихвенныхъ ухищреніяхъ и доставлялъ великія удобства въ дѣлѣ взаимныхъ коммерческихъ разсчетовъ, тѣмъ не менѣе купечество стало прибѣгать къ нему уже довольно поздно, именно съ 17 столѣтія, до каковаго времени переходъ этотъ, очевидно, не былъ извѣстенъ, ибо иначе сохранились бы отъ него какіе-либо слѣды. Это можетъ быть объяснено только отсутствіемъ свободы въ обращеніи съ векселями. Подавленный постоянными заботами о томъ, чтобъ утихомирить рвеніе и усердіе воинствующихъ церковниковъ, озабоченный пріисканіемъ способовъ усыпить ихъ бдительность и такимъ путемъ хоть нѣсколько расправить свои крылья для болѣе широкаго полета, торговый оборотъ избѣгалъ всякаго отступленія отъ установившейся вексельной формы, обращался съ нею весьма бережно и прикрывался ею лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда удавалось находить способы совершенія сдѣлокъ при сохраненіи этой формы. Передаточныя же надписи, не взирая на ихъ невинный характеръ, были уже отступленіемъ отъ обыкновеннаго векселя, а потому, конечно, не могли явиться тамъ, гдѣ духовенство продолжало еще держать въ своихъ тискахъ весь общественный строй, гдѣ его вліяніе не настолько еще ослабѣло, чтобы не было осо-

бенной надобности считаться съ его предразсудками и причудами. Къ 17 столѣтію мертвая петля, въ видѣ сонма разнообразныхъ церковныхъ приспѣшниковъ душившая сначала весь торговый оборотъ, начала постепенно ослабѣвать въ предѣлахъ католическаго міра, и въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ, какъ напр. во Франціи, свѣтская власть успѣла скинуть съ себя вѣковое и тяжкое иго духовенства и нѣсколько освободиться отъ душившаго ее кошмара въ видѣ злополучнаго гонененія процентовъ, торговля получила нѣкоторую возможность воспрянуть отъ вѣковаго оцѣпенѣнія, въ коемъ держало ее духовенство, и на свободѣ удовлетворять своимъ потребностямъ тѣми средствами, какія она находила для себя наиболѣе пригодными. Только съ этого времени торговые люди стали безъ опаски обращаться съ векселями и безнаказанно уклоняться отъ ихъ первоначальнаго назначенія. Только тутъ векселя, уже прежде часто являвшіеся посредниками въ нѣкоторыхъ денежныхъ оборотахъ, стали употребляться и какъ средство погашенія разнообразныхъ обязательствъ и замѣнять собою звонкую монету и иные официальные денежные знаки.

Правда, и прежде ощущалась и даже удовлетворялась та же потребность въ погашеніи обязательствъ векселями, но удовлетворялась она обходнымъ путемъ и при прямомъ соблюденіи обычныхъ вексельныхъ аттрибутовъ. Такъ, въ векселѣ, какъ мы уже видѣли, всегда обозначалось то лицо, которое имѣетъ получить платежъ; такимъ лицомъ могъ быть и самъ ремиттентъ. Если онъ (ремиттентъ) по сложившимся обстоятельствамъ не могъ получить платежъ самъ, а желалъ или долженъ былъ уступить право полученія вексельной суммы другому лицу, то давалъ этому послѣднему довѣренность на такое полученіе вмѣстѣ съ самимъ векселемъ, а если лицо это находилось уже на мѣстѣ полученія, то, посылая ему означенную довѣренность съ векселемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ препровождалъ къ нему увѣдомительное письмо *(aviso)*, гдѣ пишущій излагалъ свое желаніе или распоряженіе по поводу имѣющей быть полученною вексельной суммы [216]). Передача могла быть сдѣлана и чрезъ посредство фактора или товарища (socius) векселедателя, кои вмѣсто получен-

---

[216]) **Scaccia** §. 1 qu. 5 nn. 76 и 77.

наго писали новый вексель въ качествѣ представителей векселедателя и назначали въ этомъ новомъ векселѣ получателемъ платежа именно то лицо, коему вексель передается. Такой новый вексель былъ обязателенъ для первоначальнаго векселедателя въ силу существовшаго среди купечества и нынѣ законодательнымъ путемъ закрѣпленнаго обычая, по коему принципалъ обязанъ отвѣчать за дѣйствія назначеннаго имъ по своимъ дѣламъ фактора или компаніона. Объ этомъ обычаѣ упоминается уже весьма рано. Такъ, въ сборникѣ *Olim* (T. III. p. 124 n. 14)[217]) излагается судебный процессъ отъ 1303 г. причемъ въ качествѣ consuetudo ярмарокъ въ Шампаньи приводится, что *socius* или *factor societatis* въ правѣ принимать на себя обязательства отъ имени самого *societas* (товарищества, фирмы). Далѣе въ болоньскомъ статутѣ отъ 1454 г. § 13 между прочимъ сказано: «statuimus, quod quilibet Iudex ad Civilia deputatus teneatur, et debeat ad requisitionem cuiuscunque petentis aliquas Literas Cambii executioni mandari, praecipue ei, qui seu *cuis Factor aut Socius* fuerit etc» (*Martens* въ Anh. стр. 60). Въ этомъ § судьѣ по гражданскимъ дѣламъ дается инструкція, какъ поступать въ случаѣ предъявленія ему векселей ко взысканію. Еще яснѣе на означенный обычай указывается въ болоньскомъ статутѣ отъ 1569 г. § XVII (*Siegels* Corp. juris camb. стр. 506 ч. I): «L'accettatione delle dette lettere di Cambio, che saranno arivate à pagarsi in Bologna, si debba fare solamente per mani di chi havera il compimento della ratione, alla quale sarrano stati tratti i denari, ò sia patrone ò institore, che habbi tal compimento» etc. (Акцептъ помянутыхъ векселей, кои прибудутъ въ Болонью для платежа по нимъ, долженъ совершаться рукою того, кто будетъ уполномоченъ къ веденію разсчетовъ того, кому поручено произвести платежъ, все равно, будетъ ли такимъ полномочіемъ обладать хозяинъ или управляющій).

Итакъ, приведенныя доказательства не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что уже съ весьма давняго времени купечество признавало для себя обязательнымъ дѣйствія, совершенныя отъ ихъ имени ихъ управляющими или компаніонами. Обы-

---

[217]) Я цитирую тутъ по **Biener** Wechselr. Abh. стр. 121, такъ какъ по совершенно отъ меня независящимъ обстоятельствамъ сборникъ этотъ не находился у меня подъ руками.

чай этотъ держался настолько прочно, что онъ внесенъ въ качествѣ законодательнаго правила и въ самые статуты. А разъ купецъ обязанъ былъ отвѣчать за всякія дѣйствія своего представителя, не выходившія изъ предѣловъ ввѣреннаго ему управленія, то отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ былъ платить и по векселямъ, выданнымъ отъ его имени его управляющимъ.

Вотъ почему, когда являлась надобность погасить обязательство вексельнымъ путемъ, то кампаніоны или факторы писали извѣстный векселъ отъ имени своего принципала или назначали послѣдняго исполнителемъ векселя.

§ 63.

Но независимо отъ этого способа, о существованіи коего даетъ право заключить вышеприведенный обычай, векселедержатели для достиженія той же цѣли прибѣгали къ помощи цессіи, прямое указаніе на что имѣется въ *Decisiones Rotae Genuae*. Именно въ decis. 10 приводится случай такой цессіи. Нѣкоему Іерониму былъ уступленъ какимъ-то Октавіаномъ векселъ, по коему этотъ послѣдній имѣлъ получить деньги, данныя Николаемъ Франциску подъ векселъ. Иными словами, Францискъ получилъ отъ Николая деньги, въ замѣнъ каковыхъ выдалъ Николаю векселъ, въ коемъ получателемъ платежа назначенъ былъ Октавіанъ. Этотъ.то Октавіанъ по полученіи векселя уступилъ его Іерониму. По предъявленіи этого векселя ко взысканію противъ Франциска, этотъ послѣдній отрицалъ свою обязанность произвести платежъ на томъ основаніи, что, во первыхъ, самую цессію онъ не признавалъ дѣйствительною, а во вторыхъ, если самъ Октавіанъ, будучи только solutioni adjectus, не въ правѣ предъявлять иска, ибо деньги даны Николаемъ, слѣдовательно, только ему и принадлежитъ право требовать ихъ обратно, то тѣмъ паче этого не можетъ сдѣлать Іеронимъ, коему Октавіанъ не могъ передать того права, какого самъ не имѣлъ (nemo potest in alium transferre plus iuris quam ipse habeat). Судъ съ этими доводами согласился и отказалъ въ искѣ (*Scaccia* §, 2 Gl. 7 nn. 73 и 74). Однако это рѣшеніе *Scaccia* не считаетъ правильнымъ на томъ основаніи, что назначенный получателемъ платежа далеко не всегда можетъ разсматриваться, какъ простой solutionis causae adjectus, а всего чаще бываетъ хозяиномъ

подлежащей уплатѣ вексельной суммы. Кромѣ того, разъ вексель принятъ назначеннымъ въ немъ плательщикомъ, то этотъ послѣдній обязанъ произвести платежъ именно предъявителю векселя, и эта обязанность настолько безусловна, что отъ нея не можетъ освободить даже уплата, совершенная прислашему вексель, т. е. кредитору. Стало быть, получатель можетъ искать отъ своего имени, а потому можетъ и передать такой искъ другому. *Такъ оно и практикуется въ дѣйствительности*, увѣряетъ *Scaccia* (ib. nn. 75 и 76).

§ 64.

Но эти слабыя и неопредѣленныя попытки, само собою разумѣется, еще весьма далеки отъ истиннаго индоссамента, коему суждено было дать векселю наибольшее развитіе. До простой передаточной надписи Италія вовсе не могла додуматься, не смотря на то, что именно она ознакомила міръ съ вексельными операціями. Помянутая надпись въ чистомъ своемъ видѣ оставалась ей неизвѣстною даже въ то время, когда она уже практиковалась во Франціи, именно въ 17 столѣтіи, и только съ 18 столѣтія она появилась и въ Италіи. Это доказывается тѣмъ, что такіе знатоки вексельнаго дѣла, какъ *Scaccia* и *Raphael de Turri*, оба италіанцы и оба жившіе въ 17 столѣтіи, ничего еще не знаютъ объ индоссаментѣ, а напротивъ того, *Scaccia*, какъ мы только что видѣли, еще пресеріозно подбираетъ мотивы для оправданія возможности передачи взысканія по векселю посредствомъ цессіи. Даже *Matthias Bode* въ своей докторской диссертаціи, озаглавленной *De cambiis* и напечатанной въ 1646 г. въ Марбургѣ, очевидно, еще ничего не знаетъ объ индоссаментѣ, ибо онъ объ немъ вовсе не упоминаетъ. Въ этомъ положеніи Италія оставалась въ теченіи почти всего 17 столѣтія. Только въ 1690 г. впервые встрѣчается замѣтный слѣдъ употребленія тутъ векселя съ платежомъ по приказу (à l'ordre). По крайней мѣрѣ, *Фремери* (стр. 128), ссылаясь на одного изъ новыхъ писателей, *Ghius. Ghio* (Discorso della clausula all'ordine 1772), утверждаетъ, что споръ по поводу векселя съ подобною оговоркою впервые въ этомъ году поступилъ на разсмотрѣніе римскаго суда. Ученые юристы *Ансальдъ* и *Казарегисъ* были адвокатами, первый предъявителя по передаточной надписи, а второй

уступившаго вексель по этой надписи. По разсмотрѣніи дѣла судъ нашелъ, что оговорка *à l'ordre (all'ordine)* даетъ векселепринимателю бозповоротное право также безповоротно передать свои права третьему лицу.

Но и въ остальной Европѣ не сразу додумались до нынѣ употребительныхъ передаточныхъ надписей. Первый толчекъ въ этомъ направленіи, какъ справедливо замѣчаетъ *Мартенсъ* (стр. 69 и сл.), векселя получили на ярмаркахъ въ институтѣ *сконтрированія*. Погашая тутъ одну вексельную претензію другою, купцы заставляли векселя совершать за одинъ разъ тотъ круговоротъ, который впослѣдствіи сталъ производиться на протяженіи прдолжительнаго времени при помощи передаточныхъ надписей. Но на ярмаркѣ о надписяхъ не могло и рѣчи возникнуть, ибо въ нихъ не было ни малѣйшей надобности: всѣ кредиторы и должники были на лицо, всѣ они собирались на одномъ и томъ же мѣстѣ именно съ тѣмъ, чтобы ликвидировать свои разсчеты и погашать числящіяся за ними вексельныя претензіи. А потому для производства всякаго рода зачетовъ достаточно было простаго словеснаго заявленія и выраженнаго словеснаго согласія, такъ что вексель тутъ же могъ переходить изъ рукъ въ руки, погашая собою единичныя претензіи, пока не достигнетъ рукъ истиннаго должника по немъ. Закрѣплять такой переходъ какими-либо внѣшними знаками или письменною процедурою не было надобности уже потому, что хозяинъ векселя находился тутъ же и своимъ личнымъ вмѣшательствомъ и изустными разъясненіями всегда могъ разсѣять и разъяснить всякія сомнѣнія и недоразумѣнія. Въ виду этого едва-ли мы будемъ далеки отъ правды, если скажемъ, что сконтрированіе послужило первообразомъ позднѣйшихъ передаточныхъ надписей. Правда, было бы несправедливо утверждать, что надписи эти именно возникли изъ сконтрированія, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что послѣднее помогло купцамъ напасть на мысль о возможности передавать векселя изъ рукъ въ руки и этимъ способомъ облегчать свои взаимные разсчеты.

§ 65.

Однако цѣль эта первоначально помимо сконтрированія достигались не путемъ передаточныхъ надписей, а инымъ способомъ. Мы уже видѣли, что вексельная сдѣлка совершалась соб-

ственно между двумя контрагентами, именно между плательщикомъ валюты и принимающимъ ее для обмѣна въ другомъ мѣстѣ. Остальныя два лица, обыкновенно участвовавшія въ сдѣлкѣ, были не контрагентами, а, т. сказать, представителяли контрагентовъ, имѣвшими привести ее въ исполненіе отъ имени послѣднихъ. Если плательщикъ валюты намѣренъ былъ перевести деньги въ извѣстное мѣсто не для своихъ спекуляцій, а для врученія ихъ своимъ кредиторамъ, то получателемъ исполненія онъ назначалъ того изъ кредиторовъ, коего желалъ или коего обязанъ былъ удовлетворить раньше другихъ, буде ихъ было нѣсколько. Если жъ онъ предполагалъ удовлетворить не настоящихъ, а своихъ будущихъ кредиторовъ, напр., того изъ купцовъ или фабрикантовъ, у коего имъ будетъ купленъ данный товаръ, или не могъ еще опредѣлить, кого изъ кредиторовъ, обрѣтающихся на мѣстѣ исполненія векселя, ему необходимо будетъ удовлетворить первымъ, то въ той части вексельнаго текста, гдѣ указывается обыкновенно приниматель, или лучше сказать, взыскатель по векселю, онъ оставлялъ пустое мѣсто. На этомъ-то пустомъ мѣстѣ онъ затѣмъ, по возникновеніи надобности, вписывалъ то лицо, коего необходимо было удовлетворить вексельною суммой, и этому лицу передавалъ и самый вексель.

Прямое подтвержденіе сказаннаго можно найдти у того же *Мартенса*. На стр. 71 онъ приводитъ подлинный текстъ эдикта, изданнаго во Франціи въ маѣ 1716 г., запрещающаго на будущее время время употребленіе т. н. *billets au porteur*. Въ видѣ мотива такого запрещенія эдиктъ объясняетъ, что «*les billets en blanc*, auquels ils (les billets au porteur) ont succédé et dont ils ne diffèrent proprement que de noms inventés au commencement du dernier siécle par des negocians de mauvaise foi.... Изъ этихъ словъ эдикта ясно, что описаннаго рода векселя вошли въ употребленіе гораздо прежде векселей на предъявителя и носили въ то время, по меньшей мѣрѣ, во Франціи, названіе *billetes en blanc*. Какъ видно изъ послѣдующихъ словъ того же законодательнаго акта, документы на предъявителя были въ большомъ употребленіи еще до 1604 г., ибо въ этомъ году купцы жаловались депутатамъ палаты на большую неурядицу, внесенную этими бумагами въ коммерческія дѣла, и просили возстановить въ торговлѣ порядокъ, почему парижскій парламентъ неоднократно затѣмъ запрещалъ такіе документы.

§ 66.

Полагать надо, что billets en blanc, рѣчь о коихъ ниже, не въ состояніи были всецѣло удовлетворять тѣмъ потребностямъ, ради коихъ они были придуманы. Когда торговля настолько расширилась, что купцы, въ особенности крупные, не могли уже лично справляться съ своими дѣлами, и явилась надобность въ разныхъ торговыхъ пунктахъ имѣть своихъ уполномоченныхъ агентовъ, ведшихъ торговыя операціи принципала почти вполнѣ самостоятельно, то вмѣстѣ съ тѣмъ родилась необходимость дать этимъ агентамъ болѣе широкую возможность утилизировать кредитъ своихъ принципаловъ. Однимъ изъ наиболѣе сподручныхъ средствъ для подобной утилизаціи служили векселя. Но по этимъ послѣднимъ агентъ, буде онъ назначался въ нихъ принимателемъ исполненія, въ правѣ былъ получить только лично; между тѣмъ обстоятельства могли сложиться такимъ образомъ, что онъ не имѣлъ въ данное время возможности лично получить по векселю, тогда какъ производство даннаго платежа должно было послѣдовать немедленно. Онъ могъ бы уплатить имѣвшимися у него векселями его патрона, но для этого необходимо было совершить уступку права полученія по нимъ денегъ. Между тѣмъ уполномочія на такую уступку у него не имѣлось, а безъ этого она была недѣйствительна. Чтобы вывести своихъ агентовъ изъ подобнаго затруднительнаго положенія, купцы придумали помѣщать въ самомъ вексельномъ текстѣ это полномочіе и выражали его, по своему обыкновенію весьма ясными и немногими категорическими словами: «уплатите такому-то или кому онъ прикажетъ». Такое расширеніе предѣловъ дѣйствія векселя было тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ мы уже прежде видѣли, купцы по многимъ весьма основательнымъ причинамъ уклонялись отъ употребленія при своихъ взаимныхъ разсчетахъ звонкой монеты, а предпочитали зачеты и векселя. Такимъ образомъ вексель изъ первоначальнаго обмѣна валюты на деньги превратился въ средство платежа и заступилъ собою звонкую монету, не теряя однако своей прежней формы. Перемѣна эта не содержала въ себѣ ничего криминальнаго, ибо вносимое въ вексельный текстъ означеное полномочіе не содержало въ себѣ ничего противозаконнаго и предосудительнаго и даже нисколько не шло въ разрѣзъ съ каноническимъ ученіемъ о процентахъ. И въ самомъ дѣлѣ, ученіе это заинтересовано

было только въ томъ, чтобы подъ видомъ векселя не совершалось лихвенныхъ сдѣлокъ. А между тѣмъ едва ли что-нибудь лихвенное можно было усмотрѣть въ томъ, что платежъ по векселю вмѣсто агента получалъ кто-либо другой по уполномочію послѣдняго. Вѣдь этотъ агентъ былъ не что иное, какъ повѣренный хозяина валюты. А если хозяинъ этотъ имѣлъ общепризнанное право довѣрить полученіе денегъ своему служащему, фактору или компаніону, то трудно было бы даже самымъ ретивымъ противникамъ процентовъ указать какое-либо юридическое основаніе, по коему хозяину слѣдовало бы возбранять предоставленіе права передовѣрія [218]).

§ 67.

По мѣрѣ того, какъ назначеніе векселя расширялось и видоизмѣнялось, торговый міръ придумывалъ для него новыя формы, приспособленныя для удовлетворенія тѣхъ или другихъ вновь нарождавшихся единичныхъ потребностей. Къ числу такихъ формъ должны быть отнесены и векселя, въ коихъ векселедатель вовсе не обозначалъ лица получателя платежа, а предоставлялъ себѣ указать это лицо впослѣдствіи. Это выражалось въ текстѣ векселя: «уплатите по моему приказу (payez à mon ordre)». Прежде, какъ мы видѣли, въ подобныхъ случаяхъ въ текстѣ векселя оставлялось пустое мѣсто, на коемъ затѣмъ, по возникновеніи надобности, вписывалось имя получателя. Но такіе документы разсчитаны были на интересы не векселедателя, а плательщика валюты, коему указаннымъ пробѣломъ давалась возможность утилизировать вексель въ качествѣ платежнаго средства: вмѣсто платежа звонкою монетою онъ передавалъ своему кредитору этотъ документъ и вписывалъ въ текстъ послѣдняго имя этого кредитора. Но вышепомянутые векселя по приказу имѣли въ виду интересы самого векселедателя. Въ чемъ собственно эти интересы заключались, это понять довольно трудно, если не прибѣгать къ помощи такихъ догадокъ, какія предлагаетъ одинъ изъ старинныхъ французскихъ спеціалистовъ по торговому праву, именно *Dupuis de la Serra*. Въ своемъ L'art des lettres de change, стр. 12 (прод. Le parfait negociant par Savary) онъ при-

---

[218]) Ср. **Biener** Wehselr Abh. стр. 123; его же Abhandl. aus dem Geb. der Rechtsg. Heft 1 стр. 75.

водитъ слѣдующій образецъ подобнаго векселя: «Monsieur, A deux usances, il vous plaira payer par cette première Lettre de change, à mon ordre, la somme de mille livres pour valeur en moi-même, et mettez à compte, comme par l'avis de

A Monsieur,
Monsieur François
A Rouen

Votre très-humble serviteur,
Gervais.

«Этотъ родъ векселей, говоритъ *de la Serra*, комментируя вышеприписанный образецъ, встрѣчается рѣдко; но я ихъ видѣлъ, и нѣкоторые сомнѣвались, точно ли это векселя. Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, нужно знать основаніе, порождающее подобные векселя; я намѣчаю два такихъ основанія: одно состоитъ въ томъ, что банкиръ имѣетъ порученіе (a l'ordre) дать подъ вексель на извѣстное мѣсто по опредѣленной цѣнѣ, признаваемой имъ, банкиромъ, выгодною; но не находя никакого случая ни по этой, ни по другой цѣнѣ написать на то мѣсто вексель, за отсутствіемъ требованія туда денегъ, и не желая отказать своему другу въ услугѣ, онъ рѣшается самъ себѣ уплатить валюту и въ ожиданіи случая, когда валюта ему будетъ возвращена, пишетъ вексель, имѣющій быть уплаченнымъ по его, банкира, приказу». Это весьма замысловатое объясненіе могло бы, на нашъ взглядъ, съ успѣхомъ быть замѣнено гораздо болѣе простымъ и естественнымъ. Какъ показываетъ самый текстъ приведеннаго векселя, векселедатель создалъ для себя этимъ послѣднимъ платежное средство и вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ связывать своего кредитора, принявшаго этотъ вексель въ уплату, возложеніемъ на него обязанности лично получить воксельную сумму, а хотѣлъ предоставить ему указать на лицо, которое можетъ получить платежъ. Этимъ способомъ кредиторъ, принявшій этотъ вексель, получалъ возможность въ свою очередь уплатить имъ своему будущему кредитору, личность коего къ моменту составленія векселя еще не выяснилась. Признавъ такое предположеніе достовѣрнымъ, можно пойдти еще дальше и допустить возможность перехода этого векселя изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока онъ не дойдетъ до лица, желающаго реализировать его, т. е. получить означенную въ немъ сумму деньгами. Заявивъ объ этомъ векселедателю, лицо это можетъ потребовать отъ него, чтобъ онъ сдѣлалъ обѣщенное въ векселѣ распоряженіе о выдачѣ ему, предъявителю, означенной вексельной суммы.

Другое основаніе выдачи векселей, уплачиваемыхъ по приказу векселедателя, сводится, по словамъ того же автора, къ тому, что векселедатель является кредиторомъ того, на кого вексель выдается; еще до взысканія должной ему суммы кредиторъ желаетъ облечь самый долгъ въ вексельную форму съ тѣмъ, чтобы воспользоваться привилегированнымъ положеніемъ векселей. Стала быть, означенный вексель въ этомъ случаѣ является ничѣмъ инымъ, какъ новаціею, совершаемою въ интересахъ кредитора. Чтобы простой долгъ обставить тѣми же гарантіями и и удобствами, какими обставлены торговые договоры вообще и векселя въ частности, кредиторъ пишетъ вексель на сумму долга и назначаетъ плательщикомъ своего должника. Разъ онъ вексель акцептуетъ, то вмѣстѣ съ такимъ акцептомъ возникаетъ право взыскивать съ должника вексельнымъ порядкомъ.

Въ обоихъ описанныхъ случаяхъ *Dupuis de la Serra* не считаетъ возможнымъ сомнѣваться насчетъ того, что дѣло идетъ о настоящихъ векселяхъ, ибо въ нихъ имѣются наиболѣе существенные элементы векселя, каковы переводы валюты съ мѣста на мѣсто (la remise de place en place) и соглашеніе между плательщикомъ валюты и векселедателемъ, закрѣпленное принимающимъ вексель къ платежу (l'accepteur). Хотя это соглашеніе проявлено въ векселѣ только со стороны одного лица, но оно тѣмъ не менѣе должно считаться состоявшимся, ибо лицо это представляетъ собою два лица, именно довѣрителя и повѣреннаго, т. е. дающаго порученіе и исполняющаго таковое. Правда, могутъ возразить, что во второмъ случаѣ соглашенія между двумя лицами не существуетъ, но отсутствіе такого предварительнаго соглашенія всецѣло восполняется принятіемъ векселя должникамъ къ платежу, ибо въ такомъ принятіи проявляется желаніе другой стороны считать себя контрагентомъ въ этой новой сдѣлкѣ.

Кромѣ вышеприписаннаго вексельнаго образца тамъ же приводится еще одинъ, относительно коего de la Serra заявляетъ, что подобные векселя встрѣчаются весьма рѣдко. Образецъ этотъ слѣдующій:

«A Caën, ce 20 Août 1679 pour l. 3000.

Au vingtième Décembre je payerai dans Paris chez Monsieur P... à l'ordre de Thomas, la somme de trois mille livres pour valeur reçûe de lui en Marchandises.

N. Clement I...»

Тутъ имѣется, говоритъ *de La Serra* (ib. стр. 13), только два обязывающихся контрагента: пишущій вексель обѣщаетъ, что по послѣднему будетъ уплачено, а взнесшій валюту обѣщаетъ, что вексель будетъ акцептированъ. Остальныя два лица, т. е. плательщикъ по векселю и получатель платежа появляются лишь во время предъявленія векселя къ платежу; тѣмъ не менѣе, смотря по обстоятельствамъ, они могутъ искать судебнымъ порядкомъ. Стало быть, въ приведенномъ образцѣ имѣются векселедатель, плательщикъ валюты и обязанность векселедателя возмѣстить валюту въ иномъ городѣ. Не обозначенъ только тотъ, кто имѣетъ получить платежъ. Но это обстоятельство не можетъ уничтожить вексельнаго значенія приведеннаго образца, ибо получатель платежа есть только повѣренный собственника валюты, а такая довѣренность, какъ всецѣло зависящая отъ произвола означеннаго собственника, можетъ быть дана въ любое время до дѣйствительнаго платежа. Собственникомъ валюты въ изложенномъ образцѣ является какой-то Ѳома, который иносказательно заявляетъ, что получатель платежа будетъ имъ указанъ впослѣдствіи. Слѣдовательно, помянутый образецъ есть одна изъ наиболѣе чистыхъ формъ векселя, и если *Dupuis de la Serra* называетъ его весьма рѣдко встрѣчающимся, то вѣроятно только въ виду его дѣйствительно необычной редакціи.

§ 68.

Всѣ изложенныя вексельныя формы имѣли своимъ назначеніемъ упростить и облегчить вексельную сдѣлку. Всѣ они разсчитаны были на то, чтобы доставить векселю большую подвижность и приспособить его къ всевозможнымъ потребностямъ оборота въ качествѣ платежнаго средства; другими словами, когда употребленіе векселей вполнѣ упрочилось и кущы изъ опыта убѣдились, что документы эти съ удобствомъ могутъ служить не только для перевода денегъ съ мѣста на мѣсто, но и для замѣны звонкой монеты, то со свойственною имъ изобрѣтательностью стали придумывать такія измѣненія въ установившейся вексельной формѣ, кои, не касаясь существа вексельныхъ свойствъ, облегчали бы однако возможность перехода его изъ рукъ въ руки. Уже выше представлено было нѣсколько направленныхъ къ этой цѣли попытокъ; тамъ указано было, что подвижности векселя

главнымъ образомъ препятствовалъ одинъ лишь его элементъ, именно напередъ назначенный въ немъ приниматель платежа. А потому купцы, стремясь къ устраненію этого препятствія, придумывали такія комбинаціи, при коихъ изъ векселя выключался бы означенный элементъ безъ разрушенія установившагося долговременнымъ обычаемъ вексельнаго существа.

Достигнуть этого было тѣмъ легче, что какъ плательщикъ, такъ и получатель платежа не были контрагентами сдѣлки, а играли роль только уполномоченныхъ этихъ контрагентовъ. Выборъ такого повѣреннаго всецѣло зависѣлъ отъ векселепринимателя; другая же сторона, какъ вовсе въ этомъ не заинтересованная, играла при этомъ пассивную роль, ибо ей безразлично было, кому выдать деньги. Въ виду этого хозяинъ валюты могъ либо вовсе не назначать получателя платежа, оставляя эту роль за собою, либо назначить такое лицо впередъ при самомъ совершеніи векселя, либо предоставить себѣ указать получателя послѣ, либо, наконецъ, объявить, что получить деньги онъ довѣряетъ всякому, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться вексель. Вотъ этотъ-то послѣдній способъ назначенія плательщика, нисколько не противорѣча ни существу вексельной сдѣлки, ни правомочіямъ контрагентовъ ея, придавалъ векселю особую подвижность, особенную способность ходить по рукямъ, не нуждаясь для этого ни въ какомъ посредствующемъ актѣ. Достаточно было только фактической передачи документа и отсутствія основанія подозрѣвать, что документъ украденъ, чтобы тѣмъ самымъ обратить его въ родъ ходячей монеты, способной въ размѣрѣ представляемой ею цѣнности служить средствомъ платежа. Такіе документы носили названіе *векселей на предъявителя* и въ существѣ своемъ ничѣмъ не отличались отъ векселей, уплачивавшихся по приказу. Разница между ними состояла только въ томъ, что въ послѣднихъ хозяинъ валюты предоставлялъ себѣ право впослѣдствіи назначить лицо, имѣющее получить платежъ, между тѣмъ какъ при векселяхъ на предъявителя тотъ же хозяинъ впередъ объявлялъ, что въ дѣлѣ полученія платежа будетъ считать своимъ представителемъ всякаго, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться вексель.

Уже указывалось прежде, что назначеніе получателя платежа обязано своимъ происхожденіемъ исключительно тому обстоятельству, что обмѣнивавшій одинъ видъ денегъ на другой,

имѣющій быть выданнымъ въ иномъ мѣстѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ лично отправлялся на это послѣднее и лично получалъ причитающуюся ему сумму. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ такой обмѣнъ вызывался тѣмъ, что обмѣнивающему контрагенту необходимо было доставить своему агенту, компаніону, приказчику или вообще близкому человѣку, находившемуся въ извѣстномъ мѣстѣ, ту или другую потребную сумму денегъ. Чтобы дать такому лицу легкую возможность получить эту сумму, мѣняющій, или что тоже, хозяинъ валюты просилъ мѣнялу обозначить въ вексельномъ письмѣ, что подлежащая выдачѣ сумма должна быть вручена обозначенному тутъ же лицу. Но случалось, что мѣняющему необходимо было располагать извѣстною суммою денегъ, имѣющихъ ходъ въ данной мѣстности, но онъ почему-либо въ моментъ совершенія размѣна не въ состояніи еще былъ указать лицо, коему желаетъ поручить полученіе этой суммы, а между тѣмъ самъ онъ точно также не разсчитывалъ ѣхать въ означенную мѣстность. Если дѣло было къ спѣху, то мѣняющій просилъ мѣнялу включить въ векселъ распоряженіе, чтобы плательщикъ выдалъ данную сумму денегъ предъявителю векселя. Такой документъ первоначально не могъ вызывать противъ себя никакихъ подозрѣній, ибо не содержалъ въ себѣ ничего подозрительнаго, противозаконнаго и безнравственнаго даже съ точки зрѣнія самыхъ требовательныхъ богословъ. Вотъ почему подобные векселя встрѣчаются уже въ очень раннюю эпоху среднихъ вѣковъ и не возбуждаютъ противъ себя ни благочестиваго негодованія, ни преслѣдованія. Они извѣстны были въ разныхъ государствахъ Европы.

Такъ, относительно *Италіи Biener* [219]) приводитъ документъ отъ 1200 г., собщенный фонъ-Реймономъ въ Blätter für litterarische Unterhaltung 1848 № 333—335. Содержаніе этого документа, изложеннаго на латинскомъ языкѣ и переведеннаго Реймономъ на нѣмецкій языкъ, приведено нами уже выше и тамъ же сдѣлана критическая его оцѣнка. Какъ бы однако ни было, появленіе его въ то отдаленное время, да еще въ такой редакціи, служитъ довольно убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу того, что онъ далеко не былъ, какъ полагаетъ *Biener*,

---

[219]) Wechselr. Abh. стр 53, 90 и 124.

результатомъ случайнаго и единичнаго соглашенія, а наоборотъ указываетъ на извѣстную привычку обращаться съ подобными документами. Правда, другихъ подобныхъ же документовъ, относящихся къ тому времени, не сохранилось, но это не даетъ права заключать, что ихъ вовсе не было. Скорѣе можно предполагать, что ихъ было много, но до насъ, за исключеніемъ помянутаго, они не дошли.

Въ половинѣ XVI столѣтія италіанскій писатель-юристъ *Benevenutus Straccha* считаетъ уже необходимымъ подробно остановиться на разсмотрѣніи юридической роли предъявителя въ документахъ, написанныхъ на предъявителя. Въ своемъ сочиненіи *Tractatus de adjecto*, изданномъ въ 1575 г. (pars VIII) [220]), онъ задается вопросомъ, слѣдуетъ ли предъявителя «instrumentum cum clausula de solvendo ei qui exhibuerit» (документа съ оговоркою уплатить тому, кто его предъявитъ) разсматривать только какъ solutioni adjectus, или онъ можетъ и предъявить искъ, и различаетъ относительно такихъ документовъ три случая: 1) когда предъявитель докажетъ, что документъ переданъ ему «animo donandi vel alio legitimo titulo praecedente et habili ad dominii translationem» (съ намѣреніемъ одарить или на основаніи инаго предшествующаго законнаго титула, способнаго передать право собственности), то ему принадлежатъ права цессіонарія. 2) Когда предъявитель кромѣ факта обладанія документомъ можетъ лишь доказать, что послѣдній переданъ ему кредиторомъ, то возникаетъ споръ, причемъ одни всецѣло отправляются отъ предположенія, что предъявитель есть повѣренный (прокураторъ), другіе допускаютъ это предположеніе только въ случаѣ родственныхъ отношеній между кредиторомъ и предъявителемъ. 3) Если предъявитель не въ состояніи доказать даже факта передачи ему документа, но ссылается только на свое фактическое владѣніе послѣднимъ, то въ томъ случаѣ, когда документъ содержитъ въ себѣ означенную оговорку, эта послѣдняя можетъ заступать мѣсто передачи, «quoniam hujusmodi praesumtionem, quae suboritur ex verbis chirographi, de solvendo ei qui exhibuerit, puto in hoc casu non esse infe-

---

[220]) **Biener** ibid. стр. 125 и **Kuntze** Inhaberpap. Erste Abtheilung. Leipzig 1857 стр. 98 § 25

riorem illa, quae colligitur ex probatione traditionis instrumentorum a domino factae» (ибо такая презумція, проистекающая изъ словъ документа объ уплатѣ тому, кто его предъявитъ, полагаю, не можетъ быть ниже той презумціи, какая получается изъ доказательства передачи документовъ хозяевами ихъ). Изъ этого долженъ быть изъятъ тотъ случай, когда предъявитель есть «domesticus creditoris», ибо тутъ близость отношеній рождаетъ подозрѣніе въ кражѣ. Наконенъ, *Straccha* сообщаетъ помянутой оговоркѣ еще то дѣйствіе, что если предпринимающій путешествіе кредиторъ пересылаетъ такой долговой документъ своему компаніону, то сама эта пересылка рождаетъ презумцію, что кредиторъ желаетъ сдѣлать адрессата своимъ повѣреннымъ, «nam mercatores abfuturi variis et diversis de causis talia chirograrha penes alios mercatores dimittere consueverunt, ut pecuniae debitae exigantur, idque experientia non semel vidi..... et valet argumentum ab eo, quod plerumque fit» (ибо отъѣзжающіе купцы имѣютъ обыкновеніе по различнымъ причинамъ отсылать такіе документы къ другимъ купцамъ для истребованія должныхъ денегъ, и такого рода поступки я наблюдалъ неоднократно..... и они дѣйствительны, потому что совершаются часто).

Итакъ, это стремленіе *Straccha* юридически оправдать и квалифицировать оговорку о платежѣ предъявителю документа уже само по себѣ свидѣтельствуетъ въ пользу того, что къ этому времени документы на предъявителя, а стало быть и векселя на предъявителя, какъ такіе же документы, достигли значительнаго распространенія. Но и независимо отъ того, въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (Pars IV qu. 8)[221]) *Straccha* прямо свидѣтельствутъ, что долговые документы (chirographa) на предъявителя были среди купцовъ являніемъ обыкновеннымъ[222]). *Scacaia* (§. I qu. 5 n. 40) тоже приводитъ образцы документовъ, несомнѣнно указывающихъ на обычное въ Италіи употребленіе векселей на предъявителя. Такъ, въ качествѣ векселя, въ коемъ участвуетъ только три лица, онъ приводитъ слѣдующій образецъ: «pagate per me al portator di questa ducati cento per altri tanti

---

[221]) **Biener** ib.

[222]) По невозможности добыть цитированное сочиненіе **Straccha** я вынужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что приведено изъ него у **Кунце** по поводу разсматриваемыхъ документовъ.

havuti» (уплатите за меня предъявителю сего сто, полученные мною отъ такого-то). А вслѣдъ затѣмъ въ качествѣ образца векселя, въ коемъ мѣняла получаетъ деньги съ тѣмъ, чтобъ ихъ выдать въ другомъ мѣстѣ, онъ выписываетъ изъ сочиненія *Іоанна Азорія Institutionum moralium* (par. 3 lib. 10 tit. de camb. cap. 5 q. 4) слѣдующій латинскій текстъ: «Hisce primis litteris visis et perlectis, solvas Titio, vel Iulio ejus filio, vel *procuratori* centum aureos, quia hic Romae ab eo totidem accepi» (По обозрѣніи и прочтеніи сего письма уплати Тицію или сыну его Юлію, или повѣренному его сто червонцевъ, ибо я отъ него здѣсь въ Римѣ столько же получилъ). Оба эти образца *Biener* (ibid.) называетъ простыми ассигновками, переводами (Anweisungen), и по содержанію своему они дѣйствительно напоминаютъ обыкновенный переводъ денегъ чрезъ банкирскую контору, но *Scaccia* называетъ ихъ векселями и имѣетъ для этого полнѣйшее основаніе, ибо въ нихъ имѣются на лицо всѣ существенные элементы векселя. Въ заблужденіе Бинера привело, очевидно, то обстоятельство, что въ воспроизведенныхъ выше образцахъ нѣтъ прямаго указанія на обмѣнъ разномѣстной монеты; въ дѣйствительности, однако, такой обмѣнъ существуетъ, но мѣняла не счелъ нужнымъ излагать въ своемъ векселѣ обычнаго въ векселяхъ разсчета, быть можетъ, потому, что плательщикомъ назначенъ имъ не компаньонъ, предъ коимъ онъ обязанъ отчетомъ, а свой же служащій, весьма статься можетъ, приказчикъ, коему дѣла нѣтъ до того, какъ его хозяинъ разсчитывалъ. Въ виду сказаннаго векселедатель считаетъ вполнѣ достаточнымъ указанія, что эквивалентъ въ видѣ валюты имъ полученъ, и выражаетъ это словами: «per altri tanti avuti» и «totidem accepi».

На существованіе въ Италіи въ 16-мъ столѣтіи документовъ, а въ томъ числѣ и векселей на предъявителя указываютъ еще два приведенные у *Кунце* (ibid. стр. 99) италіанскіе писателя, именно: *Франциска Мантика* (*Franciscus Mantica*) и *Тиберій Даціанъ*. Изъ нихъ первый жилъ между 1534 и 1614 г. Въ своемъ сочиненіи «Vaticanae lucubrationes de tacitis et ambiguis conventionibus», (Результаты ночныхъ бдѣній въ Ватиканѣ о молчаливыхъ, т. е. подразумѣваемыхъ и сомнительныхъ договорахъ). lib. VII tit. 9 онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Si quis exhibuerit chirographum, in quo scriptum est, quod exhibenti solvatur, quod in eo continetur, tacite mendatum inte-

ligitur a creditore, ut possit agere et exigere» (если кто предъявитъ письменный документъ, въ коемъ сказано, что предъявителю должно быть уплачено то, что въ этомъ документѣ содержится, то предполагается, что кредиторъ молчаливо уполномочилъ этого предъявителя искать и требовать). Въ подтвержденіе своихъ словъ *Mantica* ссылается на болѣе древняго писателя, *Тиберія Деціана (Tiber. Decianus)*, жившаго между 1508 и 1581 гг. тоже въ Италіи. Совокупность такихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ исключаетъ всякое сомнѣніе насчетъ того, что векселя на предъявителя появились въ Италіи весьма рано и были въ постоянномъ употребленіи вплоть до появленія и распространенія тамъ индоссамента. Если векселя эти не получили тамъ широкаго развитія, то это можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что потребности тогдашней италіанской торговли вполнѣ удовлетворялись остальными видами векселей. Нельзя также при этомъ не вспомнить, что вексельныя сдѣлки нашли себѣ тамъ преимущественное примѣненіе въ области процентныхъ отношеній, служа плащемъ, прикрывавшимъ взиманіе всякаго рода лихвы, и что векселя на предъявителя, какъ вводившіе въ сдѣлку постороннихъ ей лицъ, всего менѣе годились для такого прикрытія, хотя съ успѣхомъ могли замѣнять звонкую монету.

§ 69.

Переходя затѣмъ къ *Франціи*, нужно сказать, что хотя невозможно указать съ точностью время первоначальнаго появленія тамъ векселей на предъявителя, но благодаря сохранившимся свидѣтельствамъ, можно смѣло сказать, что и тамъ къ употребленію ихъ стали прибѣгать весьма рано. Такъ *Biener* (ib. стр. 125) изъ сборника *Olim* (L. IV p. 1362 n. 27) приводитъ гражданскій процессъ отъ 1318 г., въ коемъ дѣло идетъ о долговомъ документѣ, обязывающемъ произвести платежъ кредитору vel litterarum portatori. *Кунце* (ibid. стр. 64 и сл.) утверждаетъ, что древнѣйшее указаніе на употребленіе въ долговыхъ документахъ оговорки объ уплатѣ предъявителю принадлежитъ парижскому юристу *Іоанну Галлу* (Jean Coq). Въ своемъ когда-то знаменитомъ твореніи «Decisiones Parlamenti Parisiens» онъ подвергаетъ обсужденію юридическіе вопросы, разрѣшавшіеся высшимъ судомъ въ періодъ времени отъ 1384 до 1414 гг. и въ quaestio

IV упоминаетъ о случаѣ, въ коемъ платежъ по долговому документу имѣлъ быть произведенъ предъявителю, «lator instrumenti». Подробнѣе по этому поводу высказались позднѣе *Boërius*[223]) и *Ребуффъ*[224]). Первый изъ нихъ утверждаетъ, что въ Парижѣ весьма часто случается, что «obligationis instrumentum portet, quod illius delatori sive portatori debitor solvere teneatur» (въ обязательственномъ документѣ значится, что должникъ обязанъ уплатить предъявителю этого документа). Равнымо образомъ и Ребуффъ выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «In instrumentis Parisiis conscriptis solet debitor obligari ad dandum Titio creditori, vel portatori praesentis obligationis» (въ документахъ, написанныхъ въ Парижѣ, должникъ обыкновенно обязывается дать [уплатить] кредитору Тицію или предъявителю даннаго обязательства). О документахъ на предъявителя (au porteur) упоминаетъ также *Карлъ Молинеусъ* или, какъ его чаще прежде называли, *Molina*[225]), жившій въ первой половинѣ 16 столѣтія.

Но документы эти, какъ справедливо утверждаетъ *Кунце* (стр. 65), отличаются отъ послѣдующихъ документовъ на предъявителя (au porteur) именно тѣмъ, что въ первыхъ передъ сло-

---

[223]) Сочиненіе его озаглавлено: «Decisiones supremi Senatus Burdegalensis (Bourdeaux), Francof. 1655. **Boërius** или **Boyer** родился въ 1469 г. въ Монпелье, первый издалъ новеллы Юстиніана, составленныя на латинскомъ языкѣ, и умеръ президентомъ парламента въ Бордо въ 1539 г. См. **Kunze** ц. с. стр. 95 прим. 4. Ср. также **Briegleb** Executiv-Prozesz т. 2. стр. 318.

[224]) Его сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: «Commentaria in Constitutiones seu Ordinationes regias, ed. Andom. Rebuffus, nepos. Lugduni 1599. Петръ Ребуффъ родился въ 1487 г. въ Монпелье, былъ профессоромъ въ Парожѣ, гдѣ и умеръ въ 1557 г. См. **Кунце** ibid. стр. 96 прим. 5.

[225]) Въ **Syllabus Authorum** Marquard'a, составляющемъ приложеніе къ его сочиненію Tractatus de jure mercatorum изд. 1662 г., кромѣ комментарій поименовывается четыре сочиненія, принадлежащія перу Молины. Онъ родился въ 1500 г. и умеръ въ 1566 г. Между прочимъ онъ издалъ вышеназванное (прим. 223) сочиненіе Галла, которое снабдилъ своими комментаріями. Въ комментаріи къ quaest. IV книги Галла онъ пишетъ слѣдующее: «Haec est phantasia, ego dico quod sequestratio sive depositum justius fieri debet instante latore instrumenti vel clausulae «et au porteur» и т. д. Какъ объясняетъ **Кунце** (ц. с. стр. 97 и прим. 7), дѣло тутъ идетъ о томъ, какъ лучше поступать предъявителю при взысканіи по документу, имѣющему оговорку «et au porteur».

вами «au porteur» помѣщалось имя того или другаго получателя платежа; напр., «уплатите Ивану или кому онъ прикажетъ», между тѣмъ какъ въ послѣднихъ имя получателя вовсе не обозначалось. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что оговорка *au porteur* дѣлалась единственно въ интересахъ ремиттента, который во время написанія векселя еще не въ состояніи былъ съ точностью опредѣлить, кому онъ поручитъ полученіе платежа. Но кредиторомъ все-таки былъ именно онъ, а потому и платежъ имѣлъ производиться только ему. Если же таковой производился иному лицу, то не иначе, какъ по порученію того же кредитора. Вслѣдствіе того ничего не можетъ быть страннаго въ томъ, что векселедатель поручалъ плательщику уплатить именно взнесшему валюту, а буде этотъ послѣдній пожелаетъ, то его довѣренному лицу по его указанію. Вотъ эта-то оговорка и выражалась вкратцѣ словами «et au porteur». Лишь впослѣдствіи, именно къ началу 17 столѣтія, появились документы безъ обозначенія имени получателя, а прямо на предъявителя.

§ 70.

Но едва лишь выяснилась возможность отступленія отъ обычной вексельной формы и сообщенія векселю большей подвижности, эластичности и, если можно такъ выразиться, ходкости при помощи оговорки о платежѣ предъявителю, какъ коммерческій міръ не замедлилъ воспользоваться этимъ новооткрытымъ удобствомъ для разнообразныхъ аферъ, изъ коихъ не малое число оказалось съ оттѣнкомъ чистѣйшаго хищничества и обмана. Способы, коими эксплоатировалось это новое открытіе, и цѣли, къ коимъ оно приспособлялось, съ достаточною полнотою изложены въ цитированномъ выше учебникѣ *Savary* (t. I chap. VII стр. 207 — 216), откуда мы вкратцѣ и приведемъ относящіяся сюда свѣдѣнія.

Прежде всего онъ различаетъ векселя въ истинномъ смыслѣ отъ т. н. *billets de change*, кои имѣютъ много видовъ, но изъ нихъ только два могутъ быть названы billets de change въ собственномъ смыслѣ, а остальные суть не что иное, како простыя росписки (simples promesses); но при помощи оговорокъ уплатить по приказу или предъявителю и эти росписки могутъ быть отчуждаемы. Что касается собственно *billets de change*, то къ пер-

вому виду относятся тѣ, въ коихъ сказано, что валюта получена векселемъ. Состоятъ они, какъ объясняетъ Savary, въ слѣдующемъ: предположимъ, негоціанту, проживающему къ данномъ городѣ, нужны деньги въ другомъ городѣ для уплаты за купленные тамъ товары или для покупки таковыхъ на тѣхъ или другихъ ярмаркахъ и рынкахъ, гдѣ у него нѣтъ запасныхъ денегъ. Онъ обращается къ банкирамъ и купцамъ съ просьбою продать ему на то изъ мѣстъ, въ коемъ ему нужно произвести платежъ, вексель. Осуществивъ на мѣстѣ этотъ послѣдній, онъ получитъ потребную ему сумму денегъ. Вмѣсто платежа за этотъ вексель онъ выдаетъ продавцу или, что тоже, векселедателю письменный документъ отъ себя, въ коемъ обѣщаетъ ему къ сроку, установленному соглашеніемъ, уплатить опредѣленную сумму денегъ, соотвѣтствующую назначенной въ векселѣ суммѣ. Въ этомъ-то документѣ и говорится, что валюта получена векселемъ. Такъ что такой *billet de change* служитъ лишь удостовѣреніемъ, что валюта по полученному векселю не уплачена, а кредитована векселепринимателю; стало быть, *billet de change* въ сущности есть простая долговая росписка, но свое названіе получила она, вѣроятно, отъ того, что возникала изъ обоюднаго обмѣна кредитныхъ обязательствъ: одна сторона получаетъ кредитный документъ въ формѣ векселя, а другая сторона въ замѣнъ выдаетъ отъ себя кредитный документъ въ формѣ росписки. Практическая выгода такого обмѣна, какъ можно понять изъ объясненія *Savary*, состояла въ томъ, что ею легко прикрывалось взиманіе любой величины процентовъ, скрывавшихся тутъ подъ видомъ вексельныхъ выгодъ, т. е. платежа за актъ обмѣна, разсчета и воображаемой перевозки денегъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ, говоритъ *Savary*, банкиры и купцы стали всѣ свои росписки обращать въ *billets de change*, хотя на самомъ дѣлѣ въ займы даются наличныя деньги. Причина этого двоякая: во первыхъ, этимъ способомъ они скрываютъ свое ростовщичество, во вторыхъ, такъ какъ въ означенныхъ документахъ дѣло идетъ о векселяхъ, выданныхъ или имѣющихъ быть выданными, то является возможность воспользоваться при взысканіи по нимъ всѣми вексельными привилегіями, подвергать должниковъ личному задержанію, къ какому бы сословію они ни принадлежали, и разбираться въ консульскомъ судѣ. Для пресѣченія возникавшихъ отсюда злоупотребленій art. 28 тит. 5 ордонанса Людови-

ка XIV отъ 1673 г. было постановлено, чтобъ относительно имѣющихъ быть доставленными векселей обозначалось въ документѣ, на кого векселя, составляющіе валюту, будутъ выданы, кто уплатилъ по нимъ валюту и состоитъ ли она въ деньгахъ, товарахъ или иныхъ вещахъ, иначе самый документъ не признается дѣйствительнымъ.

Ко второму виду *billets de change* относятся тѣ документы, въ коихъ сказано: «за каковую сумму я обѣщаюсь доставить векселя на Ліонъ или другія мѣста» (pour laquelle somme je promets fournir lettres de change sur Lyon, ou autres endroits). Эти документы, говоритъ *Savary*, доставляютъ большія выгоды торговцамъ, и притомъ по слѣдующей причинѣ: купецъ, имѣющій въ своей кассѣ свободныя деньги, предназначенныя для уплаты его долговъ на предстоящей ліонской ярмаркѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, каковы Амстердамъ, Антверпенъ, Лондонъ или иной городъ, вмѣсто того, чтобы держать ихъ безъ движенія въ своемъ сундукѣ и не получать съ нихъ никакой пользы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, остающихся до срока платежа, отдаетъ ихъ за опредѣленное вознагражденіе другимъ банкирамъ или купцамъ, имѣющимъ въ названныхъ мѣстахъ денежные запасы или денежныя получки къ тому же сроку. Беря деньги въ займы, они въ замѣнъ этого выдаютъ письменное обязательство на доставленіе заимодавцу соотвѣтствующихъ взятой суммѣ векселей, по коимъ онъ, заимодавецъ, по наступленіи срока его платежамъ, можетъ истребовать деньги, необходимыя ему въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему предстоитъ произвести платежъ. Эти письменныя обязательства, разсчитанныя на доставленіе векселей, пользуются тѣми же привилегіями, какъ и эти послѣдніе, «ибо, говоритъ *Savary*, тотъ, въ пользу кого такой документъ написанъ, или тѣ, къ коимъ онъ перешелъ по приказу, могутъ заставить должника доставить имъ векселя на обусловленное мѣсто, а въ случаѣ его отказа принудить его возвратить полученныя имъ деньги и, сверхъ того, возмѣстить тѣ убытки, какіе причинило недоставленіе векселей». *Savary* не находитъ достаточно сильныхъ словъ для порицанія тѣхъ громадныхъ злоупотребленій, какія совершаются съ этими билетами рыцарями наживы, каковы евреи и банкиры, занимающіеся ростовщичествомъ. Эти общественныя піавки, ловящія въ свои сѣти простодушныхъ и довѣрчивыхъ мелкихъ торговцовъ, создаютъ банкротства и на-

носятъ страшный вредъ торговлѣ, сами въ тоже время почти никогда не процвѣтая, ибо ослѣпленные алчностью, они кидаются на тѣхъ заемщиковъ, кои предлагаютъ наибольшіе проценты, и вовсе не принимаютъ въ разсчетъ, что такіе люди самые ненадежные плательщики.

Кромѣ *billets de change*, существо и виды коихъ указаны выше, между купцами были въ употребленіи еще такъ называемые *billets en blanc*. Они состояли въ томъ, что составитель такого документа оставлялъ пустое мѣсто тамъ, гдѣ должно быть написано имя имѣющаго получить по этому документу платежъ; дѣлалось это съ тѣмъ, чтобы тотъ, въ чью пользу документъ выданъ, могъ бы во всякое время, когда ему заблагоразсудится, восполнить этотъ пробѣлъ или своимъ именемъ, или именемъ кого-либо другаго. Кромѣ того, въ документѣ означалось, что вообще валюта получена, но не прибавлялось, кѣмъ она уплачена и въ чемъ она состояла; такъ что такіе документы переходили изъ рукъ въ руки при полной неизвѣстности относительно того, въ пользу кого они составлены. По объясненію *Savary*, они придуманы купцами именно для того, чтобы скрыть ростовщичество и коварство тѣхъ, въ интересахъ коихъ они выданы. Переходя изъ рукъ въ руки, они устраняли для пострадавшаго возможность прибѣгнуть къ регрессу противъ дѣйствительнаго виновника, ибо всякому держателю документа достаточно было лишь сослаться на то, что онъ купилъ его у предыдущаго обладателя, чтобы добиться рѣшенія въ свою пользу. Большія неудобства, возникавшія изъ этихъ документовъ въ особенности при банкротствахъ, привели къ тому, что они были запрещены нѣсколькими arrêts; такъ что во времена Savary, какъ онъ самъ заявляетъ, они стали появляться весьма рѣдко.

Третій родъ документовъ *Savary* не обозначаетъ никакимъ спеціальнымъ названіемъ, но даетъ ему слѣдующее весьма любопытное и описательное опредѣленіе: «Большая часть банкировъ, кои ни о чемъ не думаютъ, кромѣ пріисканія случаевъ отдать свои деньги за возможно большее вознагражденіе и вступать въ торговыя отношенія со всякаго рода людьми, даже вовсе не занимающимися торговыми операціями,—тѣ, говорю я, кои свои деньги отдаютъ въ займы молодымъ людямъ, до страсти предающимся игрѣ, женщинамъ и вину, готовымъ брать серебряные экю за луидоры, вздумали, въ виду запрещенія billets en

blanc, составлять ихъ такимъ образомъ, чтобы платежъ по нимъ производился предъявителю, безъ всякаго упоминанія въ нихъ какъ лицъ, представившихъ валюту, такъ и того, въ чемъ послѣдняя состояла. Этотъ третій видъ документовъ, коими пользуются въ торговлѣ банкиры и купцы, такъ же опасенъ, какъ и billets en blanc» и притомъ по тѣмъ же причинамъ.

«Четвертый видъ billets суть тѣ, кои составляются съ тѣмъ, чтобъ уплатить данному лицу или его приказу». Эти документы *Savary* признаетъ наиболѣе желательными и самыми честными, если только въ нихъ обозначено, отъ кого валюта получена и въ чемъ она заключалась, ибо они даютъ возможность видѣть, кто первоначальный кредиторъ и изъ какой сдѣлки они возникли. Сверхъ того, достоинство этихъ документовъ состоитъ въ томъ, что они не передаются въ другія руки при помощи простаго обозначенія на оборотѣ имени кредитора, а потому не путешествуютъ по неизвѣстнымъ рукамъ, какъ это дѣлается съ предыдущими видами billets.

«Billets, говоритъ *Savary*, по коимъ уплачивается предъявителю или приказу, служили купцамъ для того,чтобъ извлекать другъ у друга выгоды отъ своихъ денегъ, когда не представлялось случаевъ спекулировать векселями». Хотя ихъ и именовали billets de change, но на самомъ дѣлѣ они были простыми росписками (simples promesses), ибо они не имѣли своимъ содержаніемъ обмѣна разномѣстныхъ денегъ въ двухъ отстоящихъ другъ отъ друга географическихъ пунктахъ, а оплачивались тамъ же, гдѣ и выданы. Вообще *Savary* стоитъ еще на точкѣ зрѣнія первоначальнаго пониманія векселя и утверждаетъ, что только при наличности указаннаго обмѣна можно говорить о векселѣ и только при послѣднемъ можетъ быть разрѣшено взиманіе нѣкоторой выгоды, ибо дача денегъ подъ вексель сопряжена съ большимъ рискомъ. Онъ разражается при этомъ грозною филиппикою противъ банкировъ и купцовъ, кои вопреки установленной ордонансомъ Людовика XIV таксѣ берутъ проценты безъ всякой мѣры и совѣтуетъ молодымъ купцамъ бѣжать отъ этихъ торговыхъ піавокъ, если они не хотятъ въ короткое время погибнуть подъ бременемъ ихъ алчности и ихъ ростовщичества. Будучи самъ составителемъ и редакторомъ помянутаго ордонанса, онъ не упускаетъ случая выхвалять его достоинства; а потому и тутъ онъ иронически говоритъ о томъ, какъ непріятно должно

быть ростовщикамъ требованіе ордонанса, чтобы въ документѣ указывались составляющія валюту векселя въ подробности. Далѣе онъ упоминаетъ о томъ, что документы на предъявителя, замѣнившіе собою *billets en blanc*, создали въ торговлѣ массу злоупотребленій, въ виду коихъ Людовикъ XV нашелъ, что ничто лучше не можетъ ознаменовать первые годы его царствованія, какъ изгнаніе этихъ документовъ изъ области торговли. Вотъ почему въ маѣ 1716 г. онъ издаетъ эдиктъ, который почти цѣликомъ приводится у *Savary* и нѣкоторыя выраженія коего приведены нами выше. Во введеніи къ нему король говоритъ о доведенномъ до его свѣдѣнія фактѣ, что документы на предъявителя (les billets payables au porteur) служатъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ уже много лѣтъ продолжающихся злоупотребленій въ различныхъ отрасляхъ торговли товарами, деньгами и бумагами, и что эти злоупотребленія совершаются лицами всѣхъ состояній и профессій. Затѣмъ вкратцѣ сообщается о постепенно изданныхъ законодательныхъ актахъ съ цѣлью воспрещенія *billets en blan*, этихъ предтечей *billets au porteur*, отличающихся отъ первыхъ только своимъ именемъ, а далѣе относительно возникновенія *billets au porteur* въ эдиктѣ говорится слѣдующее: «Тѣ, кои злоупотребляли означенными документами (billets en blanc), все-таки нашли средство прикрывать свои лихвенные проценты и производить тѣ же злоупотребленія, дѣлая свои бланковыя подписи на оборотной сторонѣ (au dos) векселей и billets de change безъ присоединенія къ этимъ подписямъ какихъ бы то ни было распоряженій». Эта практика запрещена была тремя законодательными актами, именно: регламентомъ парижскаго парламента отъ 7 сентября 1660 г., королевскою декларацією отъ 9 января 1664 г. и ордонансомъ мая 1673 г. Не взирая на эти запрещенія, «гибельное употребленіе документовъ на предъявителя вновь введено было путемъ злонамѣреннаго толкованія, даннаго названному ордонансу. Мало по малу, по возстановленіи всѣхъ столько разъ осужденныхъ злоупотребленій, употребленіе документовъ на предъявителя послужило прикрытіемъ огромнѣйшихъ лихвенныхъ процентовъ и самыхъ злостныхъ банкротствъ, давая богатѣйшимъ (состоятельнѣйшимъ) должникамъ полную власть располагать своимъ имуществомъ въ ущербъ и разореніе ихъ истинныхъ кредиторовъ. Къ такому результату приводитъ свобода (легкость) при посредствѣ документовъ на предъяви-

теля выдавать себя за должниковъ, обремененныхъ огромными долгами, надписывать эти документы въ любомъ количествѣ и отъ любыхъ чиселъ и дѣлать предъявителями ихъ фальшивыхъ (подставныхъ) кредиторовъ для того, чтобы владычествовать надъ легальными кредиторами и заставлять ихъ дѣлать значительныя скидки. Такимъ образомъ очень часто случается, что недобросовѣстный должникъ оказывается гораздо богаче послѣ банкротства, закончившагося вынужденнымъ соглашеніемъ, чѣмъ до того: и безнаказанно пользуясь добромъ лицъ, ввѣрившихъ ему свои деньги, онъ ставитъ этихъ же лицъ въ необходимость объявлять себя банкротами, что влечетъ за собою сумятицу въ торговлѣ и раззореніе множества лицъ». А такъ какъ всякаго рода законодательныя мѣры, какъ прошедшія, такъ и будущія, безсильны бороться съ этимъ зломъ, пока будутъ допускаться векселя и иные документы на предъявителя, то онъ, король, считаетъ себя обязаннымъ отмѣнить ихъ вполнѣ. По этимъ основаніямъ онъ повелѣваетъ, чтобы всѣ собственники векселей и *billets de change*, а равно и другихъ документовъ, предоставляющихъ полученіеплатежа предъявителю, кѣмъ бы оные до обнародованія настоящаго эдикта ни были подписаны, представили ихъ въ теченіи 15 дней съ этого обнародованія парижскому нотаріусу въ chatelet для записи въ книгу [226]), ... а равно чтобы на будущее время никто, къ какому бы состоянію или званію онъ ни принадлежалъ, не смѣлъ принимать никакого документа на предъявителя, каковые документы объявляются безусловно ничтожными. Распоряженіе это не распространяется на векселя и иные документы, въ коихъ лица, имѣющія получить платежъ, точно обозначены и кои могутъ переходить по надписямъ къ другимъ, но тоже точно обозначеннымъ лицамъ и т. д.». Въ такомъ положеніи были векселя во Франціи до времени водворенія тамъ индоссамента, о коемъ будетъ сказано ниже.

§ 71.

Въ *Германіи*, какъ и во Франціи, индоссаментъ появился не сразу, а ему точно также предшествовалъ рядъ различныхъ

---

[226]) Châtelet было не что иное, какъ коронный городской судъ въ Парижѣ. **Biener** Wechs. Abl. стр. 134 прим. 29.

манипуляцій съ обыкновенными векселями, подготовившій переходъ къ простой передаточной надписи. Наиболѣе характерныя явленія въ вексельной практикѣ разсматриваемой эпохи собраны *Дункеромъ* въ статьѣ, озаглавленной *Ueber Papiere auf den Jnhaber* и помѣщенной въ *Zeitschrift für das deutsche Recht*, Bd. V (1841). Ихъ воспроизводитъ съ добавленіями и комментаріями *Кунце* въ неоднократно цитированномъ уже нами общеизвѣстномъ его сочиненіи *Die Lehre von den Inhaberpapieren* (§ 18 стр. 67—71, § 20 стр. 75—79). Краткости ради я буду придерживаться изложенія *Кунце*. По изысканіямъ *Дункера* документы на предъявителя встрѣчаются нерѣдко уже въ 14 и 15 столѣтіяхъ во всякаго рода долговыхъ отношеніяхъ. Многіе изъ сохранившихся отъ этого періода документовъ опредѣляютъ обоюдныя отношенія монастырей къ частнымъ лицамъ; эти послѣднія часто жертвовали монастырямъ опредѣленное имущество, возлагая на нихъ въ то же время извѣстныя обязанности въ пользу жертвователя или какихъ-либо богоугодныхъ и благочестивыхъ цѣлей; въ обезпеченіе постояннаго и надлежащаго исполненія этихъ обязанностей монастырское начальство выдавало на себя письменное обязательство, по коему *всякому обладателю учредительнаго документа*, сопровождавшаго означенное пожертвованіе, давалось право контролировать и требовать исполненія принятыхъ монастыремъ на себя обязанностей. Въ этомъ обычаѣ Дункеръ усматриваетъ первый зародышъ послѣдующаго обыкновенія въ самомъ документѣ указывать на предъявителя (Inhaber), какъ на одного изъ управомоченныхъ, а отсюда обыкновеніе это переселилось въ гражданскій оборотъ и стало проявляться въ отдѣльныхъ долговыхъ отношеніяхъ. Не оспаривая этого предположенія, *Кунце* однако утверждаетъ, что положительныхъ историческихъ данныхъ ни за, ни противъ его привести нельзя. Самъ же онъ полагаетъ, что первоначальное возникновеніе обычая вносить въ документъ оговорку о предъявителѣ слѣдуетъ искать въ Италіи, куда его могли занести купцы-евреи. Весьма статься можетъ, что италіанскіе монастыри скоро освоились съ этою новою формою, стали употреблять ее въ своихъ долговыхъ отношеніяхъ и этимъ дали поводъ къ быстрому распространенію документовъ на предъявителя въ другихъ краяхъ. Вѣдь первоначально умѣніе писать было почти исключительнымъ достояніемъ монастырей. Этимъ путемъ можно

объяснить и то замѣченное Дункеромъ явленіе что, эта новая форма долговыхъ документовъ впервые появилась въ сдѣлкахъ монастырей.

Въ большей части документовъ, относящихся къ 14 и 15 столѣтіямъ, предъявитель не является единственнымъ лицомъ, уполномоченнымъ на полученіе платежа, а ему предшествуетъ обозначеніе дѣйствительнаго кредитора; въ свою очередь, въ большинствѣ этихъ документовъ открыто высказывается мысль, что предъявитель можетъ обладать и предъявлять документъ только съ согласія кредитора; въ подтвержденіе этого приводится Дункеромъ нѣсколько выраженій, заимствованныхъ изъ документовъ означеннаго періода; такъ, напр., «swer den brief inne hat mit der Chlosterfrawen wille, dem sein wir gepunden, — oder swer der brief inne hat mit irem guten willen» и т. п. Но встрѣчаются и документы, гдѣ по отношенію къ предъявителю такой оговорки не сдѣлано. Нужно также замѣтить, что огромное большинство документовъ сказаннаго періода имѣетъ своимъ предметомъ не сдѣлки торговыхъ людей между собою, а сдѣлки монастырей, покупки ренты, пожертвованія для богоугодныхъ и благотворительныхъ цѣлей и т. д.[227]).

Документовъ просто на предъявителя, безъ всякаго упоминанія имени кредитора, въ то время встрѣчается такъ мало, что *Дункеръ* могъ отыскать лишь одинъ такой документъ; въ немъ какой-то мюнхенскій пріоръ обязываетъ себя и своихъ преемниковъ ежегодно справлять годовщину смерти какой-то г-жи Вальпургенъ и уполномочиваетъ каждаго обладателя этого документа (wer dann den brief ynn hat) принуждать къ совершенію такой годовщины «mit geystleichen rechten».

Впрочемъ, о существованіи въ Германіи обычая писать документы на предъявителя уже въ помянутый періодъ свидѣтельствуютъ также писатели, жившіе въ 16 и началѣ 17 столѣтія. Такъ *Colerus* (Köhler), жившій между 1537 и 1587 гг. въ своемъ сочиненіи: *De processibus executivis in causis civilibus*, изд. 2 стр. 288 между прочимъ говоритъ[228]) слѣдующее: «Usitatum est nostris temporibus in omnibus instrumentis mutui et aliorum contractuum exprimi, quod debitor teneatur solvere non tantum

---

[227]) **Biener** ц. с. стр. 128

[228]) См. **Kuntze** ц. с. стр. 75 и 107 прим. 1 и 2.

creditori et ejus haeredibus, sed etiam quibuslibet b. f. possessoribus ac detentatoribus instrumenti, prout illa clausula communissima est Ich gerede und gelobe meinem Gleubiger seinen Erben un Erbnehmern oder sonstigen trewen Brieffsinnehabern auff N Tag uund Iahr Zahlung zu thun». (Въ наше время принято во всякаго рода заемныхъ документахъ и иныхъ контрактахъ обозначать, что должникъ обязанъ уплатить не только кредитору и его наслѣдникамъ, но также всякому добросовѣстному владѣльцу и фактическому держателю документа, что всего чаще выражается въ слѣдующей оговоркѣ: обѣщаю и клянусь уплатить въ такой-то годъ и день моему кредитору, его наслѣдникамъ или инымъ добросовѣстнымъ обладателямъ документа).

Другой писатель *Cothmann*, живший между 1557 и 1624 гг. въ своемъ сборникѣ ростокскихъ юридическихъ мнѣній [229]) говоритъ слѣдующее: «consuetudine et moribus receptum est, ut creditores non sibi tantum, sed et possessoribus futuris, in quas obligatorias literas alienaturi sint, prospiciant et actionem adquirant» (обычаями и нравами принято, что кредиторы заставляютъ обѣщать и предоставляютъ право иска не только себѣ, но и будущимъ владѣльцамъ, коимъ будутъ отчуждены обязательственные письменные документы).

Третій писатель *Marquard* въ своемъ сочиненіи *Tractatus de jure mercatorum* lib. II cap. XIV n 8 и 9 говоритъ о принятомъ между купцами обычаѣ обозначать въ книгахъ платежи тому, отъ имени или по порученію кого они совершены, а не тѣхъ, коимъ на самомъ дѣлѣ платежъ учиненъ. Въ купеческіе долговые документы очень часто, говоритъ онъ, включается оговорка: «eive, qui hanc fert. Bringer oder Zeiger dieses oder getreuer Einhaber dieser Handschrift» (тому, кто сіе предъявитъ. Подателю или предъявителю этого, или правомѣрному обладателю этой рукописи). *Кунце* по поводу этихъ словъ справедливо замѣчаетъ, что, имѣя дѣло въ цитированномъ сочиненіи главнымъ образомъ съ торговлею и ея отношеніями, *Marquard* заинтересованъ былъ исключительно коммерческими сдѣлками, а потому умолчалъ о частомъ примѣненіи документовъ на предъявителя и въ общегражданскомъ оборотѣ, а отмѣтилъ лишь распространенность ихъ въ торговомъ оборотѣ.

---

[229]) Ibid. стр. 76 и 103 прим. 3.

§ 72.

Употребленіе документовъ на предъявителя въ разсматриваемое время было достояніемъ лишь практики, но еще не подвергалось законодательной регламентаціи. Правда, *Biener* (стр. 126) приводитъ нѣсколько законодательныхъ актовъ, касающихся означенныхъ документовъ, но всѣ они изданы были уже въ 17 и отчасти даже въ 18 столѣтіи. Съ своей стороны *Кунце* привѣтствуетъ такое молчаніе законодательства, находя, что оно послужило только къ спасенію самого института; ибо если принять во вниманіе царившее въ то время направленіе въ законодательной области, то можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что законодатели посмотрѣли бы на документы на предъявителя весьма неблагосклонно.

Что касается вопроса, когда именно впервые стали появляться эти документы, то на этотъ счетъ, говоритъ *Кунце* (стр. 76 и сл.), ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Очень можетъ быть, что возникновенію ихъ не мало содѣйствовало зарожденіе во Франціи уже выше описанныхъ billets en blanc и billets au porteur. Во всякомъ случаѣ пользованіе документами на предъявителя продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока на смѣну имъ не явился индоссаментъ, который, постепенно укореняясь, совершенно вытѣснилъ изъ употребленія оговорки о предъявителяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и теорія, не будучи въ состояніи справиться съ документами на предъявителя, относилась къ нимъ недоброжелательно и недовѣрчиво и предпочла имъ индоссаментъ, болѣе доступный ея пониманію и анализу.

§ 73.

Если затѣмъ обратиться къ разрѣшенію вопроса, какъ слѣдуетъ опредѣлять юридическую природу документовъ, а въ томъ числѣ и векселей на предъявителя, то, просматривая сохранившіеся акты примѣненія этихъ документовъ, и принимая въ соображеніе все сказанное уже выше, можно придти къ слѣдующему выводу: признавалось вообще, что передача документа безъ согласія должника не можетъ имѣть юридическую силу, но кредиторъ путемъ особаго договора съ должникомъ могъ получить отъ послѣдняго обѣщаніе признавать своимъ кредиторомъ

не только того, съ кѣмъ непосредственно было заключено данное долговое обязательство, но и всякое третье лицо, коему такой кредиторъ уступитъ свое право по обязательству. Согласіе это давалось тѣмъ охотнѣе, что должнику совершенно безразлично было, кому платить, разъ платить было необходимо. Такимъ образомъ каждый долговой документъ на предъявителя считался результатомъ двоякаго соглашенія: одного, коимъ устанавливалось долговое обязательство, и другаго, коимъ должникъ признавалъ себя отвѣтственнымъ, какъ предъ кредиторомъ, предъ всякимъ добросовѣстнымъ пріобрѣтателемъ даннаго долговаго документа на предъявителя. Слѣды такого двоякаго соглашенія ясно сказываются и въ сохранившихся отъ того времени единичныхъ сдѣлкахъ. Такъ *Biener* (ц. с. стр. 130 и сл.) приводитъ изъ Кунце (стр. 70 и сл.) сдѣлку, заключенную въ 1482 г.; въ ней открыто предусматривается случай перехода документа въ другія руки и должники объявляютъ, что выполнятъ обязательство даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ: «(Wir bekennen) «das wir... zu kauffen geben dem I. S. seiner Elichen Hausfrawen und allen Iren Erben oder wem sy es vergunden mit namen drei schilling ewiger und Ierlicher gatter gult... Hierauf so geloben... wir... das wir und vnnser Erben In vnd iren Erben oder wer den brieff mit Irem gutten willen Inn hat... dy benannten drey schilling... antwurten... sullen und wellen. — Sy haben auch gewalt und gutt recht albeg die drey schilling... wiederumb ainen anderen zuuersetzen zuverwechseln zuuerkauffen und zuvermachen vnd wem sy sollichs vergunden und alsdann mit disem brieff ersucht, dem sein wir alles das verpflicht und verpunden mit aller Inhallt ditz brieffs als In selbs»... и т. д. (Мы симъ признаемъ, что продали I. C., его законной женѣ и всѣмъ его наслѣдникамъ или кому они то уступятъ ежегодную ренту въ три шиллинга хорошей пробы. Затѣмъ мы симъ обѣщаемъ, что мы и наши наслѣдники желаемъ и обязаны отвѣчать за эти три шиллинга предъ ними и ихъ наслѣдниками или предъ тѣмъ, кто будетъ владѣть настоящимъ документомъ съ ихъ добровольнаго согласія. Они (покупатели ренты) властны и вправѣ всячески эти три шиллинга въ свою очередь заложить, промѣнять, продать и завѣщать всякому иному лицу, и кому бы этотъ документъ они ни уступили, предъ тѣмъ мы отвѣчаемъ во всемъ содержаніи этого документа, какъ предъ ними самими). Это письменное обя-

зательство приведено здѣсь въ силу его особенной типичности, въ силу того, что помянутая выше двойственность соглашенія проявляется въ немъ весьма наглядно. Но явственные слѣды той же двойственности замѣчаются и во многихъ другихъ документахъ, приведенныхъ у *Кунце* на стр. 68 и 69.

Во всѣхъ нихъ упоминается объ обязанности должника отвѣчать не только предъ первоначальнымъ кредиторомъ, но и предъ всякимъ обладателемъ документа, получившимъ таковой по свободному желанію кредитора. А это въ свою очередь приводитъ къ тому заключенію, что должникъ считался отвѣтственнымъ не предъ всякимъ предъявителемъ документа, а лишь предъ такимъ, коему кредиторъ уступилъ послѣдній добровольно.

Отсюда далѣе слѣдуетъ, что когда обязательство предъявлялось должнику третьимъ лицомъ къ исполненію, то должникъ въ правѣ былъ потребовать доказательства, что обязательство досталось предъявителю съ вѣдома и согласія самого кредитора или его наслѣдниковъ. Какимъ способомъ фактъ такой передачи доказывался, на этотъ счетъ не сохранилось никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ нельзя думать, что такимъ доказательствомъ служила передаточная надпись на оборотѣ документа, ибо въ разсматриваемое время такія надписи еще не были въ ходу. Надо думать, что для этого факта еще не выработалось особаго специфическаго доказательства, а примѣнялись общія правила о доказательствахъ вообще, т. е. въ случаѣ сомнѣнія и спора предъявитель въ правѣ былъ подтвердить добросовѣстность и законность своего обладанія документомъ всѣми легальными способами, установленными для подтвержденія спорныхъ обстоятельствъ вообще. Но если спора не было, то въ пользу предъявителя, думать надо, говорилъ самый фактъ обладанія документомъ, другими словами, такое обладаніе служило презумціею въ пользу добросовѣстнаго пріобрѣтенія предъявляемаго обязательства.

Сравнивая изложенный способъ цессіи долговыхъ документовъ, бывшій въ употребленіи въ Германіи въ 14 и 15 столѣтіяхъ, съ римскою цессіею, *Biener* (ib. стр. 131) находитъ, что описанный германскій способъ передачи долговыхъ документовъ нисколько не противорѣчитъ римскому, а является лишь дальнѣйшимъ его развитіемъ, ибо и тамъ, и тутъ для дѣйствительной цессіи требовалось согласіе должника. Разница состояла лишь

въ томъ, что по римскому праву согласіе это должно было проявиться во время совершенія самой цессіи, между тѣмъ какъ въ Германіи оно давалось впередъ на случай совершенія цессіи. Но выводъ этотъ едва ли можно назвать удачнымъ. Цессіи въ ея нынѣшнемъ значеніи римское право прямо никогда не признавало: для перехода обязательства къ другимъ контрагентамъ тамъ требовались или совершеніе новаго обязательства (новація), или уступка кредиторомъ своего права иска, въ каковомъ случаѣ цессіонарій выступалъ на судѣ, какъ повѣренный цедента, но удерживалъ въ свою пользу взысканную судебнымъ порядкомъ сумму. Лишь мало по малу цессіонарій сталъ признаваться хозяиномъ обязательства и то не прямо, а обходнымъ путемъ, сначала посредствомъ признанія его прокураторомъ in rem suam, а впослѣдствіи посредствомъ предоставленія ему actio utilis, когда по существу соглашенія его съ цедентомъ этотъ послѣдній обязанъ былъ бы сдѣлать цессіонарія своимъ cognitor или procurator. Между тѣмъ въ Германіи твердо держался принципъ, что само собой обязательство, а не осуществленіе его могло переходить изъ рукъ въ руки посредствомъ уступки со стороны кредитора, причемъ должникъ заранѣе давалъ свое согласіе на нее. Въ виду сказаннаго мы едва ли отступимъ отъ правды, если скажемъ, что цессія, какъ прямая уступка обязательства, или иначе, самого права требованія, есть продуктъ средневѣковаго гражданскаго оборота, хотя нельзя отрицать, что по существу она не чужда была и древнимъ римлянамъ, ибо необходимость ея ощущалась уже и ими, и тамъ уже практическая жизнь ступила на путь выработки спеціальныхъ способовъ удовлетворенія ей.

Въ подтвержденіе сказаннаго о первоначальномъ возникновеніи цессіи можно бы привести тѣ примѣры, кои *Biener* (стр. 133 и сл.) заимствовалъ изъ разныхъ французскихъ сборниковъ обычнаго права различныхъ городовъ во Франціи за разсматриваемый періодъ. Но достаточно и одного простаго сопоставленія документовъ на предъявителя съ римскими способами уступать третьимъ лицамъ обязательства, чтобы сказанное могло быть поставлено внѣ всякаго спора.

Уже было указано, что передача обязательствъ въ средніе вѣка совершалась не иначе, какъ съ согласія должника, очевидно, въ видахъ удобства дававшагося при самомъ составленіи доку-

мента и вносившагося въ текстъ послѣдняго. Въ виду этого послѣдующая передача могла совершаться безъ всякаго участія и даже безъ вѣдома должника. Но дѣло въ томъ, что если цессія совершалась безъ вѣдома должника, то она могла привести къ крупнымъ практическимъ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ. Должникъ, ничего не знающій о послѣдовавшей цессіи его долга, можетъ уплатить долговую сумму либо самому кредитору, либо его повѣренному, либо его наслѣдникамъ. Въ такомъ случаѣ рождается вопросъ: погашаетъ ли такой платежъ обязательство, т. е. освобождается ли отъ послѣдняго должникъ? Хотя на этотъ вопросъ средневѣковая судебная практика (см. *Biener* ibid.) отвѣтила утвердительно, но въ виду того, что случаи подобнаго рода ведутъ за собою тяжбы, волокиты и потери, установился обычай о каждой послѣдовавшей цессіи увѣдомлять (signifier) должника. Обычай этотъ ради его практичности съ теченіемъ времени настолько упрочился, что превратился въ обязательное правило, имѣвшее то значеніе, что съ полученіемъ такого увѣдомленія должникъ уже не въ правѣ былъ уплатить цеденту, а если онъ такой платежъ тѣмъ не менѣе совершилъ, то не освобождался отъ долга, и стало быть, обязанъ былъ уплатить вторично. Это правило обычнаго права окончательно сакціонировано *Code civil*, который въ art. 1690 и 1691 говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: «Le cessionnaire n'est saisi à l'égard des tiers que par la signification du transport faite au débiteur..... Si, avant que le cédant ou le cessionnaire eût signifié le transport au débiteur, celui-ci avait payé le cédant, il sera valablement libéré».

§ 74.

Если затѣмъ свести все сказанное о передачѣ векселей третьимъ лицамъ къ одному знаменателю, если сопоставить между собою всѣ выработанные прошлою практикой способы передачи и прослѣдить ихъ взаимную связь и послѣдовательность, то нельзя будетъ не прійдти къ заключенію, что всѣ они возникли изъ права ремиттента поручать полученіе платежа своему повѣренному. Это естественное право, противъ коего не дерзали спорить даже наиболѣе пылкіе и фанатичные поборники канонической ученія о процентахъ, первоначально осуществлялось при самомъ составленіи вексельнаго письма и вы-

ражалось въ порученіи векселедателя уплатить данному, напередъ ему, векселедателю, указанному повѣренному ремиттента. Съ теченіемъ времени, когда векселя стали не только обычнымъ явленіемъ, но и получили весьма дѣятельное участіе въ торговомъ оборотѣ, когда ихъ первоначальное назначеніе: быть средствомъ размѣна разномѣстныхъ денегъ расширилось до способа легчайшимъ и быстрѣйшимъ образомъ ликвидировать взаимные купеческіе разсчеты, потребовались нѣкоторыя измѣненія въ его первоначальной внѣшней формѣ, приспособленныя къ новымъ торговымъ нуждамъ. Но сначала измѣненія эти никакого отступленія отъ истинной задачи векселя въ себѣ не заключали, а вызывались только случайными удобствами контрагентовъ; лишь впослѣдствіи чисто практическимъ путемъ купцы и мѣнялы дошли до сознанія возможности эксплоатировать новопридуманныя удобства и для чисто спекуляторскихъ цѣлей. Такъ, ремиттентъ не всегда въ состояніи былъ въ моментъ написанія векселя указать лицо, имѣющее получить по векселю платежъ, вслѣдствіе чего онъ просилъ оставлять въ вексельномъ текстѣ пустое мѣсто съ тѣмъ, чтобы вписывать туда имя получателя впослѣдствіи, когда выяснится, кому можно и слѣдуетъ поручить полученіе платежа. Примѣненіе этого самого по себѣ незначительнаго удобства навело на мысль, что вексель можно употреблять какъ платежное средство при покупкѣ товаровъ и иныхъ сдѣлкахъ, и притомъ средство, одинаково выгодное, какъ для плательщика, такъ и для получателя платежа, ибо перваго оно избавляло отъ необходимости платить столь рѣдкою въ то время звонкою монетою, а послѣдняго освобождало отъ убыточной и опасной перевозки этой монеты въ другой край. Но нѣтъ такого невиннаго средства, которое не могло бы выродиться въ злоупотребленіе; это случилось и съ описанными бланковымя векселями. Мы уже выше видѣли, что аферисты не замедлили, по крайней мѣрѣ, такъ сообщаетъ *Savary*, эксплоатировать ихъ для своихъ плутней и ехидныхъ изворотовъ, чѣмъ вызвали запрещеніе ихъ, по меньшей мѣрѣ, во Франціи.

Изъ такого же чисто случайнаго удобства родились векселя на данное лицо и предъявителя и просто на предъявителя. Уже прежде было объяснено, что назначенный въ векселѣ получатель платежа не всегда въ состояніи былъ лично выполнить порученіе ремиттента, а это вело за собою большія затрудненія, ибо

ремиттентъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ присылать особое и формальное полномочіе уже иному лицу и притомъ спеціально для реализаціи векселя. Предусматривая такія затрудненія и желая ихъ устранить, ремиттенты стали просить векселедателей включать въ вексельный текстъ право передовѣрія, что̀ и выражалось въ краткой, но вразумительной формулѣ: «уплатите такому-то или кому онъ прикажетъ». Съ теченіемъ времени купцы и банкиры изъ опыта убѣдились, что эта формула въ состояніи служить и для погашенія различныхъ обязательствъ. Компаніону или агенту, получившему векселъ съ означенною оговоркою и по сложившимся обстоятельствамъ имѣвшему произвести немедленный платежъ, стоило лишь для этого уступить свое право полученія по векселю тому, кому нужно было произвести платежъ. А это онъ легко могъ сдѣлать на основаніи предоставленнаго ему въ самомъ векселѣ передовѣрія. Если судить по аналогіи, то полагать надо, что изъ подобнаго же случайнаго сочетанія обстоятельствъ возникли и векселя прямо на предъявителя. По всей вѣроятности, эти послѣдніе болѣе поздняго происхожденія и поводомъ къ ихъ возникновенію послужили именно векселя, въ коихъ назначенному въ векселѣ получателю платежа предоставлялось право передовѣрія. Разъ додумались до того, что векселъ путемъ передовѣрія можетъ переходить изъ рукъ въ руки, то не трудно уже было затѣмъ догадаться, что векселъ можетъ ходить по рукамъ и безъ посредства промежуточныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что приниматель платежа по векселю, какъ уже неоднократно указывалось выше, былъ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ повѣреннымъ, уполномоченнымъ собственникомъ векселя на одно спеціальное дѣяніе, именно полученіе платежа. Кому такое порученіе будетъ сдѣлано, это для векселедателя было вопросомъ совершенно постороннимъ и безразличнымъ. Онъ обязывался въ вексельномъ письмѣ уплатить въ опредѣленномъ мѣстѣ извѣстную сумму денегъ, а получитъ ли ее самъ кредиторъ или кто-либо другой по порученію кредитора, это не могло оказать никакого вліянія ни на свойство, ни на срокъ, ни на объемъ обязательства. Въ виду этого векселедатель, играющій въ вексельной сдѣлкѣ роль должника, безъ всякихъ затрудненій соглашался на предложеніе кредитора, т. е. плательщика валюты, поручить своему уполномоченному произвести платежъ указанному этимъ кредиторомъ лицу. На томъ же основаніи векселедатель

вовсе не обозначалъ такое лицо, а оставлялъ лишь для его имени мѣсто въ вексельномъ текстѣ, предоставляя восполненіе этого пробѣла самому кредитору.

Когда торговая практика указала векселю новую роль въ оборотѣ, когда изъ средства обмѣна и перевода денегъ вексель превратился въ орудіе платежа, то таже практика должна была навести купцовъ и банкировъ на мысль, что всего лучше получателя исполненія не обозначать никакими индивидуальными признаками, а предоставить такое полученіе всякому, въ чьихъ рукахъ вексель будетъ находиться. И въ самомъ дѣлѣ, принимающій послѣдній въ счетъ платежа могъ еще до реализаціи его, т. е. до предъявленія его къ платежу, оказаться въ необходимости обратить его въ орудіе расплаты, какъ это сдѣлалъ первоначальный кредиторъ; между тѣмъ, если въ документѣ будетъ назначенъ индивидуально опредѣленный получатель, то дальнѣйшая передача его безъ посредства перваго собственника станетъ невозможною, ибо для ея осуществленія потребуется предварительное полученіе отъ этого собственника права передовѣрія. Чтобъ избѣжать сопряженныхъ съ этимъ проволочки времени и другихъ неудобствъ, кредиторъ, желавшій дать своему векселю способность свободно переходить изъ рукъ въ руки, ибо такой вексель охотнѣе принимался въ уплату, обыкновенно просилъ векселедателя обозначить въ вексельномъ текстѣ, что платежъ имѣетъ быть произведенъ всякому, кто предъявитъ таковой документъ. По изложеннымъ причинамъ исполненіе подобной просьбы не могло встрѣтить со стороны векселедателя никакого противодѣйствія и онъ осуществлялъ ее тѣмъ, что писалъ въ векселѣ: «уплатите предъявителю сего». Надо думать, что отсутствіе возможности, при внѣшней формѣ этихъ векселей, точно установить ихъ *causa debendi*, добраться до подлинной причины ихъ выдачи навело любителей легкой наживы и охотниковъ до чужаго достоянія на мысль воспользоваться этими документами для устройства злостныхъ банкротствъ; по крайней мѣрѣ, такія поползновенія низменныхъ аферистовъ торжественно засвидѣтельствованы въ вышеприведенномъ эдиктѣ Людовика XV отъ 1716 г., запретившаго употребленіе въ торговлѣ всякихъ документовъ на предъявителя, въ томъ числѣ и векселей на предъявителя.

§ 75.

Насколько позволялъ имѣвшійся у насъ подъ руками матеріалъ, мы старались по возможности сходно съ дѣствительностью воспроизвести тотъ жизненный путь, который вексель проходилъ съ момента своего зарожденія до новаго времени, когда новоизобрѣтенный способъ передачи векселей, выражающійся въ формѣ индоссамента (оборотной передаточной надписи), являясь новою, а быть можетъ, и послѣднею формою развитія вексельной сдѣлки, устранилъ собою всѣ ея предшествующія формы и почти заставилъ забыть о ея первоначальномъ назначеніи. Въ виду этого намъ остается сдѣлать еще одинъ и послѣдній шагъ, чтобы закончить предпринятый нами историческій очеркъ движенія векселя.

Если трудно и, можно сказать, почти невозможно было со всею точностью воспроизвести жизнь векселя на первыхъ ступеняхъ его развитія, когда экономическій бытъ народовъ находился еще въ зачаточномъ состояніи, то еще труднѣе сдѣлать это по отношенію къ новому времени, когда явленія и нововведенія въ этой же экономической жизни смѣняются съ головокружительною быстротой, почти не оставляя по себѣ никакого слѣда. Если прежде каждая форма экономическихъ отношеній складывалась постепенно и, завоевывая себѣ право на существованіе упорною борьбою съ чуждыми и враждебными элементами, оставляла по себѣ замѣтный слѣдъ въ законодательствѣ, литературѣ, судебной практикѣ и т. п., то въ новое время, когда бороться уже не съ кѣмъ, когда экономическому развитію народовъ не только не противополагается никакихъ препонъ, но напротивъ того, изощряются въ устраненіи всякихъ, даже случайныхъ препятствій на его пути, указать зародышъ и дальнѣйшій жизненный процессъ данной экономической формы отношеній совершенно невозможно. Кому первому и по какому поводу она пришла въ голову, кто и когда пустилъ ее въ оборотъ и какъ она распространилась по лицу земли и сдѣлалась общечеловѣческимъ достояніемъ, вполнѣ сознательно и правильно отвѣтить на эти вопросы въ новое время невозможно уже потому, что, какъ мы прежде упоминали, институты гражданскаго права, будучи продуктами внутренней мирной жизни народовъ, вырабатываются въ тиши, совершенно незамѣтно для посторонняго глаза и

становятся предметомъ наблюденія, изученія и законодательной регламентаціи лишь съ того момента, когда они уже окончательно сложились и стали явленіемъ, затрогивающимъ общественные интересы. Если положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько иное въ средніе и два послѣдующіе за ними вѣка, то не потому, чтобы тогда эти институты возникали и складывались иначе, чѣмъ въ новѣйшее время, а потому, что въ то время имъ, такъ-сказать, приходилось пробиваться сквозь тѣснины различныхъ внѣшнихъ препятствій, причемъ непріязненные элементы для болѣе успѣшнаго нападенія сами обозначали и характеризовали предметъ своего нападенія. Только благодаря этой упорной и продолжительной борьбѣ, для нашего времени явилась возможность болѣе или менѣе вѣрно, если не обрисовать весь ходъ развитія институтовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ среднимъ вѣкамъ, то, по меньшей мѣрѣ, намѣтить общее направленіе и тѣ этапные пункты, по коимъ проходили эти институты до новѣйшаго времени.

§ 76.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести зарожденіе индоссамента, этого даже приблизительно опредѣлить невозможно, ибо, въ противоположность другимъ формамъ вексельныхъ отношеній, онъ своимъ появленіемъ и развитіемъ не вызвалъ противъ себя никакой борьбы и преслѣдованія со стороны не экономическихъ элементовъ общества; вслѣдствіе того ему удалось развиваться мирно и въ тишинѣ, не привлекая на себя ничьего вниманія. Объ немъ заговорили лишь тогда, когда онъ сталъ повседневнымъ явленіемъ и когда рѣдкій вексель обходился безъ индоссамента. Если вникнуть въ существо индоссамента, то его необходимо будетъ характеризовать, какъ уступку обязательства со стороны кредитора безъ участія въ этомъ дѣлѣ должника. Но уступка эта, по сравненію съ обыкновенною цессіей обязательствъ, расширяетъ отвѣтственность цедента предъ цессіонаріемъ, заставляя перваго отвѣчать какъ за veritas, такъ и за bonitas уступаемаго обязательства. При этомъ каждая цессія, въ противоположность прежнему переходу векселей изъ рукъ въ руки, оставляетъ свой слѣдъ на самомъ векселѣ въ видѣ оборотной уступочной надписи и тѣмъ гарантируетъ каждому пріобрѣта-

телю векселя осуществимость обратнаго требованія къ цеденту. Если сравнить этотъ способъ цессіи съ тѣми, кои уже разсмотрѣны выше, то нельзя будетъ не признать въ индоссаментѣ большаго шага впередъ, сдѣланнаго вексельною сдѣлкою, нельзя будетъ не видѣть тутъ очевиднаго и притомъ громаднаго и существеннаго улучшенія.

Мы уже видѣли, что прежніе способы уступки векселей легко вырождались въ злоупотребленія, благодаря именно тому, что переходъ ихъ изъ рукъ въ руки не обставленъ былъ никакими формальностями, способными констатировать каждую передачу и въ случаѣ несостоятельности должника облегчить опредѣленіе достоинства векселя, правильность и добросовѣстность его происхожденія и дальнѣйшаго путешествія. Такъ какъ цеденты оставались въ неизвѣстности, то конкурсъ, разбираясь въ дѣлахъ несостоятельнаго должника, не въ состояніи былъ констатировать истинныхъ причинъ выдачи послѣднимъ предъявленныхъ векселей, а стало быть, не могъ рѣшить, имѣетъ ли онъ въ данномъ случаѣ дѣло съ векселемъ, по коему валюта дѣйствительно получена, или предъ нимъ находится дутый документъ, выданный безъ всякой валюты и единственно для того, чтобъ обдѣлить добросовѣстныхъ и правомѣрныхъ кредиторовъ. Если затѣмъ вспомнить, что этого рода неудобства особенно наглядно сказались во Франціи, этой главной торговой странѣ прошлаго времени, и вызвали тамъ полное запрещеніе всякихъ документовъ на предъявителя, и если сопоставить съ этимъ фактомъ то обстоятельство, что индоссаментъ впервые появился во Франціи же и притомъ послѣ названнаго запрещенія, то ихъ взаимная связь обнаружится сама собою. Такъ какъ векселя на предъявителя законодательнымъ путемъ были уничтожены, а между тѣмъ потребность въ передачѣ векселей должна была ощущаться не только въ той же, но въ еще большей степени, ибо торговые обороты продолжали расширяться и усложняться, то подъ гнетомъ нужды купечество измыслило такой способъ передачи, который и не противорѣчилъ означенному законодательному запрещенію, и нисколько не мѣшалъ быстротѣ обращенія векселей. Векселя на предъявителя были запрещены, а потому торговые люди стали писать векселя по прежнему. Но они перестали обозначать въ текстѣ векселя получателя платежа, а равно ничего не упоминали объ обязанности

плательщика выдавать вексельную сумму предъявителю. Такимъ образомъ изъ четырехъ прежнихъ участниковъ въ векселѣ осталось только три: векселедатель, ремиттентъ, т. е. хозяинъ валюты, и плательщикъ. Право ремиттента получать по векселю платежъ не уничтожилось, да и уничтожиться не могло, ибо оно логически и естественно вытекаетъ изъ существа вексельной сдѣлки: онъ вручаетъ векселедателю валюту именно съ тѣмъ, чтобы получить за нее въ извѣстномъ мѣстѣ опредѣленную сумму денегъ; стало быть, онъ и есть хозяинъ, собственникъ этой суммы, которую по наступленіи срока можетъ потребовать не только непосредственно, но и чрезъ посредство суда. А если онъ хозяинъ ея, то стало быть, онъ можетъ и отчудить ее всякому, кому онъ пожелаетъ. Это отчужденіе въ виду того, что помянутая сумма находится еще въ постороннихъ рукахъ, можетъ быть совершено только путемъ передачи права полученія ея отъ фактическаго обладателя. Подобную уступку можно было бы облечь въ форму особаго письменнаго акта; но составленіе такихъ актовъ требуетъ и времени и юридическаго умѣнія, чего у купцовъ, какъ извѣстно, не было и не бываетъ; а потому, слѣдуя своей исконной привычкѣ выражаться кратко и сжато и избѣгать всякихъ сколько-нибудь сложныхъ формальностей, купцы стали обозначать актъ уступки права полученія платежа по векселю на оборотной сторонѣ послѣдняго, употребляя для этого въ видахъ выигрыша времени и мѣста сжатыя и краткія надписи. Когда такая надпись свидѣтельствовала о передачѣ права собственности на данный вексель, то между надписателемъ, или иначе, цедентомъ и цессіонаріемъ возникали такія же отношенія, какъ и между хозяиномъ валюты и векселедателемъ, ибо при передаточной надписи цессіонарій для пріобрѣтенія векселя уплачивалъ цеденту или такую же валюту, какую уплатилъ послѣдній, или равную ей по достоинству. Вслѣдствіе чего какъ цедентъ, не получивъ по векселю платежа, въ правѣ былъ обратиться съ обратнымъ искомъ къ векселедателю, такъ тоже самое могъ сдѣлать цессіонарій по отношенію къ цеденту, ибо отношенія тамъ и тутъ были одинаковы. Сверхъ того, цессіонарій, буде желалъ, могъ обратиться съ обратнымъ искомъ къ векселедателю непосредственно и притомъ по слѣдующимъ основаніямъ: получая вексель, цедентъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ право на полученіе опредѣленной суммы денегъ. Будучи, такъ-

сказать, собственникомъ этого права, цедентъ могъ осуществить его или лично или уступить это осуществленіе другому лицу. И подобно тому, какъ самъ цедентъ властенъ былъ потребовать отъ векселедателя выдачи обѣщанныхъ денегъ, буде вексельный плательщикъ ихъ не выдалъ, такъ и цессіонарій, какъ сингулярный преемникъ цедента, какъ заступившій мѣсто послѣдняго, властенъ былъ предъявить тоже самое требованіе. Такимъ образомъ изъ каждой передаточной надписи, устанавливавшей переходъ векселя въ собственность къ новому лицу, рождалось такое же отношеніе, какъ и при первоначальной выдачѣ векселя, съ тою, впрочемъ, разницею, что количество кредиторовъ и должниковъ увеличивалось и что каждый изъ нихъ могъ солидарно требовать и отвѣчать за одинъ и тотъ же долгъ. Другими словами, создавалось весьма своеобразное солидарное обязательство, въ коемъ одни и тѣ же лица могли выступать то въ качествѣ солидарныхъ кредиторовъ, то въ качествѣ солидарныхъ должниковъ. Въ этомъ своемъ видѣ вексель унаслѣдованъ и нашимъ временемъ.

§ 77.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній постараемся изложить вкратцѣ, и насколько дозволяетъ сохранившійся матеріалъ, нѣсколько свѣдѣній о судьбѣ индоссамента въ нѣкоторыхъ первостепенныхъ культурныхъ странахъ. Уже выше было сказано, что родиною индоссамента слѣдуетъ считать Францію и *Biener* (стр. 139) считаетъ даже весьма вѣроятнымъ, что индоссаментъ возникъ тутъ вполнѣ самостоятельно, а не проникъ изъ Италіи, какъ это можно сказать о прочихъ формахъ вексельныхъ отношеній. *Savary* во 2-мъ томѣ своего *Le parfait nogociant.*, именно въ систематическомъ сборникѣ своихъ заключеній или pareres [230]), данныхъ имъ въ разное время, когда къ нему обращались за совѣтомъ по торговопроцессуальнымъ вопросамъ и сомнѣніямъ,

---

[230]) Слово parere, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Savary (préface ко 2-му тому стр. 2 въ кон.), произошло отъ италіанскаго глагола **parere.** Когда къ единичнымъ купцамъ по поводу какихъ-либо недоразумѣній въ области торговли обращались съ вопросомъ, какіе относительно даннаго случая господствуютъ въ торговой практикѣ обычаи, то они имѣли привычку отвѣчате **mi paré, che**, т. е. я полагаю, что. Отсюда и пошло названіе купеческихъ экспертизъ **парере**

въ двухъ мѣстахъ по поводу оборотныхъ надписей заявляетъ, что онѣ стали употребляться во Франціи не прежде 1620 г. Въ одномъ изъ этихъ заключеній (стр. 585 и сл.) дѣло идетъ о billet de change, на коемъ оборотная надпись слѣдующаго содержанія: «J'ay reçû à valoir la somme de 500 livres, ce 15 Aout 1664. Joseph. Pour Monsieur Antoine».

Въ другомъ парере (стр. 598 и сл.) приводится текстъ домицилированнаго векселя, имѣющаго на оборотѣ четыре передаточныхъ надписи, кои не безъинтересно будетъ воспроизвести здѣсь въ видѣ образца надписей, практиковавшихся въ прошлое время.

Первая гласитъ слѣдующее: «Mon ordre est de payer le contenu en la lettre de change de l'autre part à Monsieur de la Saleine, Receveur des Tailles à Clamecy, pour valeur reçue, ce 16. Avril 1686. Подпись Parent».

Вторая: «Mon ordre est de payer à Monsieur Beau, Marchand Commissionnaire de Vins à Tonnerre, ou ordre, valeur reçue en marchandises de Vin qu'il a acheté pour moi. Fait le 9 Mai 1686». Подпись De la Saleine.

Третья: «Mon ordre est de payer à Monsieur de la Magdelaine, ou ordre, le contenu de l'autre part, valeur reçue à Tonnerre, ce 11 Mai. Beau».

Четвертая: «Pour moi payez à Monsieur Gamart, Conseiller-Secretaire du Roi, ou ordre, valeur reçue, le 11 Mai 1686. La Magdelaine».

Разрѣшая одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ относительно перваго изъ только-что указанныхъ образцовъ, именно вопросъ о томъ, нужно ли документъ, въ коемъ значится valeur reçue en lettres de change, считать billet de change, хотя въ немъ не помѣщены слова *ou à ordre*, *Savary* между прочимъ говоритъ (стр. 588 въ н.) слѣдующее: помѣщеніе въ billet de change оговорки о платежѣ по приказу (payable à ordre) не составляетъ существеннаго элемента этого рода документовъ, такъ что вполнѣ зависитъ отъ произвола доставляющаго вексель какъ валюту обозначить въ документѣ, что платежъ имѣетъ быть произведенъ имъ лично или по его приказу. Послѣднее практикуется между купцами только для того, чтобы производить отчужденіе документа безъ помощи цессіи и передачи, ибо приказъ, обозначенный на оборотѣ billet de change или

векселя и содержащій въ себѣ указаніе на полученіе валюты въ деньгахъ, товарахъ или иныхъ предметахъ, имѣетъ тоже дѣйствіе, какъ цессія и передача; мало того, обычай дѣлать надписи на оборотѣ документа, содержащаго въ себѣ оговорку «по приказу», не примѣнялся до 1620 г., ибо до этого года ни одинъ писатель, трактующій объ означенныхъ документахъ, не упоминаетъ о немъ.

Затѣмъ по поводу втораго изъ упомянутыхъ документовъ *Savary* (стр. 602) между прочимъ говоритъ: слова *ou à son ordre* настолько мало относятся къ существу векселей, что до 1620 г. мѣнялы никогда не включали ихъ въ свои векселя. И въ самомъ дѣлѣ, ихъ придумали банкиры, купцы и мѣнялы для обмѣна ихъ денегъ однѣ на другія и для облегченія ихъ денежныхъ оборотовъ, ибо, не будучи въ состояніи лично получать отъ тѣхъ, кои назначены въ векселѣ плательщиками, имъ по необходимости приходилось давать засвидѣтельствованныя у нотаріуса довѣренности такимъ лицамъ, кои проживали въ мѣстахъ, куда адресовались векселя, и уполномочивать этихъ лицъ къ полученію исполненія по векселю, а это было въ высшей степени неудобно для банковыхъ и вексельныхъ оборотовъ. Между тѣмъ какъ нынѣ посредствомъ помѣщенія на векселѣ приказовъ, въ коихъ обозначается, что платежъ долженъ быть произведенъ такому-то лицу или его приказу, вексель можетъ быть переданъ пять или шесть разъ еще до наступленія срока платежа, при чемъ нѣтъ никакой надобности въ выдачѣ засвидѣтельствованныхъ у нотаріуса довѣренностей..... Есть въ Италіи много городовъ и въ особенности Венеція, въ коихъ купцы и банкиры, будучи назначены въ векселяхъ плательщиками, уплачиваютъ не иначе какъ по довѣренности того, кто назначенъ получателемъ платежа. Такъ что, кто выдаетъ вексель на Венецію, никогда не помѣщаетъ въ векселѣ распоряженія уплатить лицу, въ пользу коего вексель выданъ, или по его приказу, ибо слова *ou à son ordre* не имѣютъ въ томъ городѣ никакого значенія для плательщиковъ.

Это свидѣтельство столь компетентнаго въ торговой практикѣ писателя, какъ *Savary*, жившаго во второй половинѣ 17 столѣтія [231]), служитъ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ

---

[231]) Jacques Savary родился въ Дуэ 22 сентября 1622 г., былъ помѣ-

въ пользу того, что употребленіе оборотныхъ надписей началось послѣ 1620 года и что въ Италіи эти надписи, если и были извѣстны, то не имѣли еще никакого юридическаго значенія.

щенъ сначала въ пансіонъ къ одному изъ парламентскихъ прокуроровъ, откуда короткое время спустя опредѣленъ былъ къ нотаріусу въ Châtelet, гдѣ также оставался недолго. Послѣ этого онъ отданъ былъ въ обученіе къ купцамъ и по окончаніи установленнаго срока обученія онъ занялся оптовою торговлею. По пріобрѣтеніи въ непродолжительное время довольно значительнаго состоянія онъ въ 1658 г. бросилъ торговлю. Хотя впослѣдствіи имущество его было конфисковано и онъ вынужденъ былъ вступить на частную службу, тѣмъ не менѣе ему удалось представить многократныя доказательства его обширной торговой опытности и блестящаго ума, вслѣдствіе чего его часто выбирали въ третейскіе судьи и совѣтовались съ нимъ по коммерческимъ процессамъ; результатомъ этого явились его **pareres**. Упрочившаяся за нимъ слава первостепеннаго знатока въ торговыхъ дѣлахъ побудила французское правительство пригласить его въ 1670 г. для участія въ выработкѣ предположеннаго тогда торговаго кодекса, который дѣйствительно и явился черезъ три года подъ именемъ **Ordonnances de Louis XIV, roy de France et de Navarre, sur le commerce des negociants et marchands, donneés à S. Germain en Laye au mois de mars 1673.** Представленные имъ въ учрежденную для выработки означеннаго кодекса коммиссію мемуары такъ понравились, что онъ былъ назначенъ членомъ ея, и здѣсь онъ проявилъ такую солидность мнѣній и такое стойкое противодѣйствіе различнымъ опаснымъ для торговли послабленіямъ, кои желала допустить коммиссія, что̀ почти всѣ статьи Ordonnances были редактированы согласно его представленіямъ. Вотъ почему Пюссоръ, президентъ означенной коммиссіи, иначе не называлъ этотъ кодексъ, какъ **le Code Savary.** Когда коммиссія закончила свою дѣятельность, то президентъ и остальные ея члены настоятельно и неотступно стали совѣтовать **Savary** не лишать публику тѣхъ прекрасныхъ мыслей, кои высказаны были имъ изустно и въ мемуарахъ, представленныхъ въ коммиссію. Онъ послушался и чрезъ два года по закрытіи коммиссіи издалъ въ печати свое знаменитое сочиненіе **Le Parfait Negociant.** Это было въ 1675 г., а въ 1679 г. изданіе это было повторено. Послѣдующія затѣмъ изданія обязаны своимъ появленіемъ главнымъ образомъ сыновьямъ и внукамъ **Savary. Le parfait negociant** переведенъ былъ на голландскій, англійскій и италіанскій языки и пользовался такимъ авторитетомъ, что на него стали смотрѣть какъ на сборникъ торговыхъ правилъ и ссылались на него еще при жизни автора въ судахъ, честь, которая до того оказана была только Куяцію. Собраніе его заключеній подъ именемъ **Pareres** въ первый разъ появилось въ печати въ 1688 г. подъ заглавіемъ **Pareres ou Avis et Conseils sur les plus importantes matieres du Commerce.** Второе изданіе было сдѣлано въ 1715 г. его сыномъ и пополнено 39 новыми pareres. **Savary** умеръ 7 октября 1690 г. шестидесяти восьми лѣтъ и 15 дней отъ роду. См. обо всемъ сказанномъ **La vie de Mr Savary,** помѣщенное въ началѣ 1-го тома его **Parfait Negociant** изд. 1749 г.

Нельзя также не обратить вниманія и на то, что оборотныя надписи, какъ изъ того же свидѣтельства видно, появились во Франціи въ видахъ устраненія проволочки во времени и иныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ выдачею формальныхъ, совершенныхъ у нотаріуса довѣренностей на полученіе платежа по векселю, и что, слѣдовательно, надписи эти въ торговой практикѣ вполнѣ замѣнили собою особую довѣренность; даже больше, онѣ были тѣ же довѣренности, но писавшіяся на оборотѣ самого долговаго документа, причемъ надписатель вмѣстѣ съ предоставленіемъ другому лицу полномочія заявлялъ, что онъ отчудилъ этому же лицу свое право полученія платежа. Такимъ образомъ, каждая подобная надпись должна быть названа результатомъ двухъ разнородныхъ и одновременныхъ соглашеній: въ силу одного соглашенія кредиторъ за извѣстный эквивалентъ (валюту) уступаетъ другому свое право требованія; въ силу другаго соглашенія онъ уполномочиваетъ этого цессіонарія получить платежъ вмѣсто него, цедента. Этимъ способомъ устраняется необходимость участія должника въ уступкѣ самого обязательства, безъ какового участія по римскому праву, какъ мы уже видѣли, она не могла быть совершена. Разъ оборотная надпись имѣла такое значеніе, а это подтверждается вышеприведенными образцами надписей, то оговорка въ вексельномъ текстѣ о платежѣ по приказу ремиттента является совершенно излишнею, ибо пріобрѣтатель векселя по надписи можетъ потребовать платежа, какъ представитель или повѣренный первоначальнаго хозяина векселя, а помѣщаемая въ самой надписи отмѣтка о полученіи валюты не имѣетъ никакого отношенія къ плательщику, служа лишь для самого пріобрѣтателя векселя доказательствомъ уступленнаго ему права требованія и гарантируя ему будущее осуществленіе регресса. Такое значеніе оборотной надписи способно устранить необходимость обозначенія въ текстѣ, что платежъ можетъ быть произведенъ не только самому ремиттенту, но и по его приказу. Если надпись замѣняетъ собою формальную довѣренность на полученіе платежа, то стало быть, уполномоченнымъ на такое полученіе долженъ считаться всякій, въ чью пользу она сдѣлана, и плательщикъ обязанъ совершить такому лицу платежъ, хотя бы въ текстѣ векселя не было оговорки о платежѣ по приказу, подобно тому, какъ нѣтъ юридическаго основанія отказывать въ платежѣ и въ томъ случаѣ, когда извѣстнымъ лицомъ будетъ

предъявлена формальная довѣренность отъ ремиттента на полученіе исполненія по векселю.

§ 78,

Но возвратимся однако къ исторіи постепеннаго возникновенія и распространенія индоссамента. Только-что было указано, что *Savary* относитъ начало употребленія надписей къ 1620 г. на томъ основаніи, что до этого времени у авторовъ, писавшихъ о векселяхъ, объ индоссаментѣ еще вовсе не упоминается. Между тѣмъ *Фремери* (стр. 127) говоритъ, что *Maréchal*, написавшій въ 1625 г. сочиненіе подъ заглавіемъ *Traité des changes et rechanges*, объ оборотныхъ надписяхъ тоже еще вовсе не упоминаетъ. Въ тоже время *Cleirac*, писавшій около 1650 г. сообщаетъ, какъ о чемъ-то обычномъ, что оговорка *à l'ordre* даетъ ремиттенту власть уступить *(céder)* содержащуюся въ векселѣ сумму другому лицу или посредствомъ оборотной надписи уполномочить кого-либо къ полученію платежа по векселю. Сопоставляя между собою эти свѣдѣнія, мы приходимъ къ тому заключенію, что во Франціи оборотная надпись зародилась и затѣмъ довольно быстро окончательно сложилась въ промежутокъ времени между 1620 и 1650 г., такъ что менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ торговый людъ Франціи съ нею вполнѣ освоился.

Правда, въ тотъ же промежутокъ времени у французскихъ банкировъ и купцовъ были въ употребленіи т. н. *signatures en blanc*, но они имѣютъ весьма мало общаго съ истинными передаточными надписями или индоссаментомъ, въ виду чего эти signatures нельзя считать переходною ступенью къ изобрѣтенію передаточной надписи въ ея подлинномъ смыслѣ. Какъ сообщаетъ *Savary* въ 36 parere (т. 2 стр. 249 и сл.), купцы прибѣгали къ названнымъ signatures единственно ради удобства платежа по счетамъ и инымъ долговымъ документамъ. Когда звонкой монеты въ оборотѣ было мало, а между тѣмъ приходилось сразу выплачивать крупныя суммы денегъ, то купцы часть долга погашали звонкою монетою, насколько ея имѣлось у нихъ на лицо, а остальная часть уплачивалась тоже имѣвшимися у нихъ въ наличности векселями, срокъ платежа по коимъ уже наступилъ. Чтобы дать кредитору, получающему этимъ способомъ платежъ, возможность истребовать по названнымъ документамъ значащія-

ся въ нихъ суммы денегъ, уплачивающій этимъ способомъ должникъ выставлялъ на оборотѣ векселя свой бланкъ, т. е. свою подпись, предъ которою, въ случаѣ полученія платежа, писалась квитанція въ такомъ полученіи. Такимъ образомъ выходило, что собственникъ векселя давалъ на самомъ векселѣ росписку въ полученіи платежа. Напр., Иванъ долженъ уплатить Петру 40000 ливровъ; между тѣмъ у Ивана имѣется въ наличности звонкою монетою лишь 20000. Въ виду этого онъ платитъ эти двадцать тысячъ, а на остальные 20000 выдаетъ имѣющіеся у него векселя, по коимъ послѣдовалъ акцептъ и срокъ платежа уже наступилъ. Вмѣсто того, чтобы передать ихъ въ собственность путемъ цессіи, должникъ поручаетъ кредитору потребовать по нимъ платежа отъ его, должника, имени и по полученіи таковаго росписаться въ томъ на оборотѣ векселя, для чего должникъ пишетъ на томъ же оборотѣ свою фамилію, оставляя передъ нею пустое пространство, на коемъ могла бы уписаться росписка въ полученіи. Когда вексель удовлетворенъ, то получившій платежъ кредиторъ пишетъ на немъ названную росписку такимъ образомъ, чтобы конецъ ея пришелся у фамиліи должника, или чтобъ эта фамилія пришлась какъ разъ подъ нею. Соглашаясь принять въ уплату векселя съ такими signatures en blanc, кредиторъ лишь оказывалъ услугу должнику и во всякомъ случаѣ могъ при ихъ реализаціи дѣйствовать единственно именемъ послѣдняго.

Относительно этихъ бланковыхъ надписей *Savary* между прочимъ сообщаетъ слѣдующее[232]): «Достопримѣчательно, что въ теченіи 1647, 1648 и 1649 гг. деньги были такъ рѣдки въ торговлѣ, что при расплатахъ выдавалась наличными деньгами только четвертая часть долга, а остальныя три четверти уплачивались billets de change или векселями съ бланковыми надписями, служившими лишь для росписокъ (endossement), а не для передачи права полученія (et non d'ordre). Такимъ образомъ купцы, негоціанты и банкиры ввели у себя обычай этимъ способомъ разсчитываться. Но случившіеся въ это же время банкротства де Лерви, де ла Шапель, де Леби и де Мебрэна, знаменитыхъ агентовъ банка, занимавшагося банкирскими и век-

---

[232]) **Savary** т. 2 стр. 250 и сл. parere XXXVI.

сельными операціями, имѣли своимъ результатомъ то, что въ рукахъ почти всѣхъ купцовъ, негоціантовъ и банкировъ Парижа оказалось болѣе, чѣмъ на двадцать милліоновъ ливровъ долговыхъ документовъ, выданныхъ означенными банкротами. По этимъ документамъ первоначально предполагалось уплатить векселями или иными письменными документами; но теперь кредиторы требовали платежа чистыми деньгами, отказываясь отъ всякаго инаго способа расплаты. Это обстоятельство породило большую сумятицу въ торговыхъ дѣлахъ, слѣдствіемъ которой было безконечное число банкротствъ не только въ Парижѣ, но и во всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ королевства; по этой причинѣ, деньги стали такъ рѣдки, что цѣна ихъ очень поднялась. Такъ, луидоры и испанскія пистоли, стоившіе прежде десять ливровъ, теперь поднялись почти до двѣнадцати, а серебрянные экю, стоившіе дотолѣ три ливра, теперь дошли до трехъ ливровъ двѣнадцать су».

§ 79.

Итакъ, бланковыя надписи имѣли значеніе квитанцій въ полученіи платежа, причемъ текстъ этихъ квитанцій писался лишь при полученіи исполненія; стало быть, приводить ихъ въ какую-либо связь съ передаточными надписями, значило бы извращать ихъ дѣйствительный смыслъ. Существенно иное значеніе имѣли оборотныя передаточныя надписи: онѣ, какъ показано было выше, воспроизводили вексельное отношеніе между надписателемъ и пріобрѣтателемъ векселя. Подобно всѣмъ остальнымъ формамъ вексельныхъ отношеній, онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ и окончательною конструкціею не творчеству юристовъ или законодательства, а единственно торговой практикѣ, или, лучше сказать, находчивости и изобрѣтательности купцовъ, кои не будучи вовсе юристами и не преслѣдуя никакихъ высшихъ научныхъ цѣлей, съ изумительнымъ мастерствомъ умѣли примирять всякіе новые запросы жизни съ буквою закона и побѣдоносно выходить изъ различныхъ затрудненій, созидавшихся ихъ близорукими и односторонними противниками. Творчество торговой практики почти всегда упреждало и юристовъ, и законодателей, всегда заставало ихъ въ расплохъ и обрекало на пассивное констатированіе и истолкованіе готовыхъ продуктовъ

гибкаго, изворотливаго и находчиваго коммерческаго ума, почти всегда изощряемаго стремленіемъ къ быстрой наживѣ, сребролюбіемъ и борьбою съ разнообразными какъ естественными, такъ и искусственными препятствіями. Такъ было со многими институтами, созданными средневѣковою и послѣдующею коммерческою жизнью, такъ было и съ индоссаментомъ.

Когда французское законодательство поставлено было въ необходимость обратить вниманіе на индоссаменты, то оно застало ихъ въ видѣ уже вполнѣ сложившагося института, который оставалось только санкціонировать законодательнымъ авторитетомъ чтобы придать ему наибольшую крѣпость; это и было сдѣлано, но чисто случайнымъ путемъ. У какого-то Ферре[233]) оказалось два векселя на значительную сумму, надписанные нѣкіемъ Пиду. Они были протестованы противъ назначеннаго въ нихъ и акцептировавшаго ихъ плательщика. Въ теченіи почти двадцати лѣтъ Пиду не предъявлялъ къ векселедателю требованія о какомъ бы то ни было удовлетвореніи и лишь не переставалъ исправно получать проценты. Между тѣмъ послѣдовали смерть и несостоятельность векселедателей и акцептантовъ, и только тогда Ферре потребовалъ вызова Пиду въ судъ судей и консуловъ города Парижа и присужденія его къ уплатѣ суммъ, значившихся въ двухъ названныхъ векселяхъ. Хотя Ферре въ искѣ было отказано, но какъ это дѣло, такъ и прежде случавшіяся въ такомъ же родѣ столкновенія обнаружили существенный пробѣлъ въ дѣйствовавшемъ тогда торговомъ законодательствѣ, а именно, разъ совершены были установленные закономъ протесты, то искъ о требованіи платежа могъ на общемъ основаніи погашаться тридцатилѣтнею давностью, вслѣдствіе чего его возможно было предъявить даже на двадцать девятомъ году, а это влекло за собою замѣшательство въ торговыхъ дѣлахъ и раззореніе отдѣльныхъ купцовъ. Вотъ почему судьи и консула, разрѣшавшіе названное дѣло, пригласили въ 1662 г. въ общее собраніе всѣхъ прежнихъ консуловъ и иныхъ именитыхъ банкировъ и негоціантовъ для обсужденія вопроса, какими средствами противодѣйствовать этому злу. Здѣсь рѣшено было составить регламентъ и препроводить его въ парижскій парламентъ для опре-

---

[233]) **Savary** т. 1 livre III ch. VI стр. 179 въ к. и сл.

дѣленія на будущее время того срока, въ теченіи коего обладатели векселей и иныхъ документовъ на предъявителя или уплачиваемыхъ по приказу обязаны выполнять свои обязанности (diligences), буде не желаютъ принять эти документы на свой счетъ. Вслѣдствіе представленія помянутыхъ судей и консуловъ парламентъ постановилъ 7 сентября 1663 г. arrêt, въ коемъ, принимая въ соображеніе это представленіе, рѣшилъ ходатайствовать у короля объ изданіи особаго закона для урегулированія обязанностей относительно взысканія по векселямъ и инымъ документамъ на предъявителя. И дѣйствительно, 9 января 1664 г. изданы были королевскія lettres de déclaration, коими утвержденъ былъ предложенный парламентомъ регламентъ и, согласно сказанному arrêt, предписывалось на будущее время всѣмъ обладателямъ отчужденныхъ документовъ протестовать послѣдніе противъ должниковъ слѣдующимъ порядкомъ: документы на предъявителя и по приказу, выданные по поводу валюты, полученной или имѣющей быть полученною векселями, должны быть протестованы въ теченіи десяти дней по срокѣ, а документы, валюта по коимъ получена товарами, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; въ случаѣ же неплатежа со стороны должниковъ, обладатели документовъ имѣютъ о совершенныхъ ими протестахъ увѣдомлять тѣхъ, отъ коихъ они эти документы получили или отъ коихъ послѣдніе перешли къ нимъ по приказу, а затѣмъ судебнымъ порядкомъ требовать отъ нихъ платежа въ теченіи 15 дней со времени совершенія протеста, не выключая изъ этого срока воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Далѣе установляются различные сроки для предъявленія ко взысканію опротестованныхъ долговыхъ документовъ, въ томъ числѣ и векселей, совершенныхъ въ Парижѣ. Сроки эти соразмѣряются со степенью отдаленности отъ Парижа тѣхъ городовъ, въ коихъ взысканіе имѣетъ послѣдовать. Обладатели такихъ документовъ, въ указанные сроки не опротестовавшіе и не предъявившіе гдѣ и когда слѣдуетъ ко взысканію своихъ векселей или billets, теряютъ навсегда право на какой-либо искъ или требованіе по тѣмъ же документамъ какъ противъ самихъ должниковъ (tireurs), такъ и противъ надписателей. Въ то время, какъ въ приведенномъ ордонансѣ, изданномъ, по увѣренію Савари, только для Парижа, говорится о долговыхъ документахъ, составленныхъ въ этомъ городѣ, ордонансъ Людовика XIV 1673 г., будучи кодексомъ, изданнымъ для всего государства, содержитъ

въ себѣ въ виду этого аналогичныя правила уже для всѣхъ городовъ Франціи,—правила, очевидно, составленныя подъ непосредственнымъ вліяніемъ между прочимъ и изложеннаго ордонанса. Просматривая ихъ, легко убѣдиться, что они санкціонируютъ только то, что выработано коммерческою практикою прошлаго времени и введено торговымъ обычаемъ. Въ виду этого можно съ полнымъ основаніемъ и правомъ сказать, что помѣщенныя въ этомъ ордонансѣ правила касательно передачи векселей суть не что иное какъ результаты той же практики и того же обычая, что правила эти воспроизводятъ лишь то, что ко времени составленія ордонанса получило въ торговлѣ всеобщее примѣненіе. Такое заключеніе имѣетъ за себя тѣмъ больше основанія, что Франція, какъ мы уже выше видѣли, вмѣщала въ себѣ нѣсколько всемірно-торговыхъ центровъ, каковы Ліонъ, Безансонъ и др., и что французское правительство въ дѣлѣ торговли постоянно обнаруживало стремленіе сообразовать свою регламентацію съ интересами и желаніями самихъ торговцевъ. По этимъ соображеніямъ изложеніе содержанія артикловъ этого ордонанса, касающихся передаточныхъ надписей и обязанностей векселедателей, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленіемъ съ тѣми результатами, къ коимъ пришла всемірно-торговая практика относительно индоссамента къ концу 17-го столѣтія. А эти артиклы по поводу индоссированныхъ векселей говорятъ слѣдующее:

«Выдавшіе или надписавшіе вексель обязаны обезпечить послѣдній (относительно надлежащаго и своевременнаго исполненія) въ теченіи 15 дней, если они проживаютъ на разстояніи десяти лье, а если дальше, то на каждые пять лье прибавляется по одному дню, безъ различія парламентской подсудности. Это постановляется относительно жителей нашего королевства. Что же касается проживающихъ внѣ его, то для лицъ, пребывающихъ въ Англіи, Фландріи и Голландіи, дается два мѣсяца сроку; для пребывающихъ въ Италіи, Германіи и Швейцарскихъ кантонахъ три мѣсяца, для пребывающихъ въ Испаніи 4 мѣсяца и для пребывающихъ въ Португаліи, Швеціи и Даніи шесть мѣсяцевъ (Titre V art. XIII). Счетъ этихъ сроковъ долженъ начинаться съ другаго дня послѣ протеста и оканчиваться днемъ предъявленія иска объ обезпеченіи включительно, не различая воскресныхъ и праздничныхъ дней (ibid. art. XIV). По истеченіи этихъ сроковъ отъ векселедержателей не принимается

никакого иска объ обезпеченіи и никакого инаго требованія къ векселедателямъ и надписателямъ (ibid. art. XV). Векселедатели и надписатели векселей обязаны, въ случаѣ спора противъ иска, доказать, что къ тому времени, когда векселя надлежало протестовать, тѣ, на коихъ векселя выданы, были имъ (векселедателямъ и надписателямъ) должны или имѣли у себя провизію; если они этого не докажутъ, то обязаны дать обезпеченіе (art. XVI). Надписи (les signatures) на оборотѣ векселя имѣютъ значеніе лишь мѣста для росписки въ полученіи платежа (endossement) **), а не приказовъ, если эти надписи не датированы и не содержатъ въ себѣ имени того, кто уплатилъ валюту въ деньгахъ, товарахъ или въ чемъ-либо иномъ (art. XXIII). Векселя, надписанные по указаннымъ въ предыдущемъ артиклѣ формамъ, имѣютъ принадлежать тому, на имя кого приказъ написанъ, не нуждаясь для этого ни въ передачѣ, ни въ роспискѣ о полученіи платежа (signification) (art. XXIV).

Итакъ, приведенныя законоположенія ордонанса Людовика XIV не считаютъ даже нужнымъ въ отдѣльности трактовать о правѣ передачи векселей по надписямъ, равно какъ о значеніи и юридическихъ послѣдствіяхъ сихъ послѣднихъ, а касаются лишь обязанностей надписателей и векселедателей въ случаѣ непринятія или неплатежа по векселю. Они очевидно разсматриваютъ индоссаментъ, какъ явленіе вполнѣ нормальное, не нуждающееся въ спеціальной регламентаціи, и опредѣляютъ только тѣ случаи, кои возбуждали въ практикѣ значительныя недоразумѣнія и неудобства. При этомъ названный ордонансъ относительно отвѣтственности третируетъ надписателей наравнѣсъ самими векселедателями, чѣмъ самымъ показываетъ, что считаетъ каждую передачу по надписи какъ бы выдачею новаго векселя одинаковаго съ прежнимъ содержанія и что слѣдовательно каждаго надписателя онъ разсматриваетъ, какъ векселедателя. Какъ изъ приведенныхъ статей, такъ и изъ другихъ законоположеній ордонанса не усматривается никакого ограниченія относительно числа возможныхъ передачъ векселя по надписи; иными словами, законъ нигдѣ не упоминаетъ, что передача по надписи можетъ быть совершена только разъ, два или три; а отсюда тотъ вы-

---

) **Savary ц. с. т. 1 ч. 1, livre III ch. V стр. 154 и сл.

водъ, что еще названный ордонансъ въ этомъ отношеніи вовсе не ограничивалъ произвола контрагентовъ, молчаливо разрѣшая передавать вексель по передаточнымъ надписямъ, сколько угодно разъ.

§ 80.

Что касается *Италіи*, то, принимая во вниманіе ту передовую и руководящую роль, которую она играла въ дѣлѣ выработки и распространенія векселя по лицу земнаго шара, можно было бы ожидать, что ей принадлежитъ такое же участіе и въ судьбахъ индоссамента. На самомъ дѣлѣ, однако, она какъ мы уже выше видѣли, въ этомъ отношеніи значительно отстала отъ Франціи и уступила ей пальму первенства. Италіанскіе писатели-юристы *Scaccia* и *Raphael de Turri*, жившіе въ 17 столѣтіи и писавшіе въ первой половинѣ этого же столѣтія, вовсе не упоминаютъ объ индоссаментѣ, словно они объ немъ ничего не знаютъ, хотя вексельное дѣло того времени они изучили до тонкости. Но и помимо этихъ писателей, молчаніе коихъ объ индоссаментѣ служитъ весьма наглядным доказательствомъ въ пользу незнакомства съ нимъ Италіи, у *Savary* и *Dupuis de la Serra* есть прямыя указанія, что пріобрѣтатели векселей путемъ оборотной передаточной надписи могли требовать платежа только тогда, когда получатъ отъ ремиттента формальную довѣренность, уполномочивающую ихъ на такое требованіе. Такъ, *Savary* [234]) приводитъ два мемуара о венеціанской торговлѣ, составленные какимъ-то весьма свѣдущимъ въ ней купцомъ. Въ одномъ изъ нихъ относительно векселей съ передаточными оборотными надписями прямо говорится слѣдующее: векселя надписанные (les lettres endossés) не могутъ быть оплачены въ банкѣ въ силу публичнаго декрета; тотъ, кому по векселю должно быть уплачено, обязанъ прислать довѣренность своему корреспонденту въ Венеціи съ уполномочіемъ получить вмѣсто него, или долженъ составить вексель такъ, чтобы въ немъ корреспондентъ этотъ прямо назначенъ былъ получателемъ платежа»; это-хитрость, продолжаетъ онъ, банкировъ, разсчитанная на то, чтобъ имъ не упустить своей провизіи (c'est un artifice des Banquiers pour tirer leur provision).

---

[234]) Parfait Negociant t. 1. Par. 2. liv 2 chap. 4 стр. 129.

Dupuis de la Serra, какъ видно изъ предисловія къ его L'art des lettres de change, писавшій въ концѣ 17 столѣтія [235]), на стр. 44 этого же сочиненія между прочимъ говоритъ, что общее правило о платежѣ по векселю на основаніи текста векселя, на основаніи приказа, передачи или довѣренности «должно быть ограничено въ пользу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ, каковы, Венеція, Флоренція, Нови (Noue) и Боценъ (Bolzan), въ коихъ имѣющими силу закона регламентами запрещено уплачивать по векселямъ на основаніи приказовъ, но предписывается уплачивать непосредственно тѣмъ, кои имѣютъ право требовать выдачи такого векселя (т. е. ремиттенту), или тѣ, коимъ долженъ быть произведенъ платежъ, обязаны представить довѣренность, составленную по опредѣленной формѣ, безъ чего нельзя ни требовать платежа, ни совершать дѣйствительнаго протеста, ибо тутъ протестъ будетъ совершенъ не по винѣ векселедателя или акцептанта, а въ виду препятствія со стороны закона той страны, гдѣ долженъ быть произведенъ по векселю платежъ, закона, кому векселедатель не можетъ не подчиниться. Мало того, регламенты названныхъ мѣстъ прямо запрещаютъ нотаріусамъ и судебнымъ чиновникамъ (?) (ministres de justice) принимать къ протесту векселя, платежъ по коимъ опредѣленъ не текстомъ или довѣренностью по предписанной формѣ».

Эти запрещенія, шедшія въ разрѣзъ съ установившеюся во Франціи свободою перехода векселей изъ рукъ въ руки путемъ индоссамента, вызвали въ предѣлахъ Франціи возмездіе, выразившееся въ утвержденномъ королемъ ордонансѣ ліонскаго торговаго суда (Ordonnance de Messieurs de la Conservation de la Ville de Lyon) 14 марта 1678 г. Этимъ ордонансомъ предписывается сдѣлать слѣдующую прибавку къ регламентамъ de la Place des Changes названнаго города: «никакіе векселя, уплачиваемые по приказу или по передаточнымъ надписямъ и полученные изъ Венеціи или Боцена, не должны быть принимаемы въ Ліонѣ и на названной площади, за исключеніемъ векселей съ платежомъ тѣмъ лицамъ, въ пользу коихъ они выданы. Что же касается векселей, приходящихъ изъ Нови и другихъ мѣстъ Италіи, Германіи, Швейцаріи и Піемонта, то они могутъ быть

---

[235]) См его préface, помѣщенное вслѣдъ за концомъ второй части т. 1-го Parf. Neg. изд. 1749 стр. 487.

принимаемы и въ случаѣ передачи ихъ по приказу, но не больше одного раза (т. е. если они будутъ переданы не одинъ, а нѣсколько разъ послѣдовательно, то принятію не подлежатъ), такъ какъ это дѣлается на ярмаркѣ въ Нови». Всякому, принявшему и уплатившему по векселю вопреки этимъ предписаніямъ, ордонансъ грозитъ 600 ливрами штрафа и недѣйствительностью произведеннаго платежа [236]).

Приведенныя свидѣтельства писателей, авторитетность коихъ не можетъ подлежать никакому спору, удостовѣряютъ уже сказанное выше, что Италія вплоть до конца 17 столѣтія отчасти не знала, отчасти не желала признавать индоссамента. Если вѣрить *Фремери* (ц. с. стр. 128), который въ свою очередь ссылается на *Casaregis* и *Ansaldus*, то первый случай судебнаго признанія дѣйствительности индоссамента въ Италіи относится къ 1690 г., о чемъ уже рѣчь была выше.

§ 81.

Относительно *Германіи* можно съ полною увѣренностью сказать, что индоссаментъ тамъ не былъ продуктомъ самобытнаго юридическаго и экономическаго творчества, а всецѣло воспринятъ былъ извнѣ и притомъ не ранѣе второй половинѣ 17 столѣтія. *Боде*, напечатавшій свою латинскую диссертацію (Dissertatio juridica de Cambiis) въ 1646 г., не проронилъ ни единаго слова насчетъ передаточныхъ надписей, а затѣмъ, какъ можно видѣть изъ приведеннаго у *Biener*'а [237]) перечня времени перваго появленія индоссамента въ германскихъ земляхъ, въ Боценѣ еще въ 1635 г. въ тамошнемъ Marktordnung переходъ документовъ по надписямъ былъ прямо запрещенъ, причемъ не разрѣшалось даже протестовать такіе документы. Это распоряженіе повторено было еще въ 1792 г. въ боценскомъ вексельномъ уставѣ. Равнымъ образомъ векселя съ передаточными надписями запрещены были въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1620 и 1635 гг., но въ вексельномъ уставѣ отъ 1666 г. этого запрещенія уже больше нѣтъ. Въ нюрнбергскомъ вексельномъ уставѣ

---

[336]) **Savary** ib т 1 part. 1 liv. III chap. 5 стр. 158 и сл. См. также **Biener** Wechs. Abh. стр. 140 и 141.

[237]) Wechselr. Abh. стр. 141—143.

отъ 1654 г. допускаются и индоссированные векселя, имѣющіе однако не болѣе одной передаточной надписи; въ противномъ случаѣ вексель протестованъ быть не можетъ. Полное признаніе индоссамента послѣдовало только въ 1700 г. Въ остальныхъ нѣмецкихъ земляхъ онъ сталъ допускаться, начиная со второй половины 17 столѣтія, хотя далеко не вездѣ охотно и съ разными ограниченіями; при этомъ объяснялось, что законъ допускаетъ его единственно въ виду его распространенности. Такимъ образомъ здѣсь торговый обычай, введшій въ употребленіе жиро или иначе индоссаментъ, не только опередилъ положительное законодательство, но и вынудилъ его идти по своимъ стопамъ и закрѣпить то, что уже введено было безъ всякаго посредства закона.

Чтобы закончить съ прошлымъ жиро или индоссамента, нужно указать еще на весьма своеобразное объясненіе происхожденія индоссамента, сдѣланное однимъ изъ нѣмецкихъ писателей, именно *Götz*, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Giro*, помѣщенной въ Allgemeine Encyclopädie Ersch und Gruber т. 68 стр. 1—136[238]). Онъ приравниваетъ надписателей и векселедателя къ поручителямъ, причемъ какъ векселедатель, такъ и надписатели даютъ послѣднему надписателю, играющему роль векселедателя, свой аваль. Они всѣ какъ будто ручаются за послѣдняго надписателя. Доказывается это будто бы тѣмъ, что первоначально индоссаментъ помѣщался внизу (a valle) лицевой стороны векселя, что у старинныхъ писателей по вексельному праву иногда avallum употребляется въ значеніи индоссамента и что нынѣшняя бланковая надпись ближе всего подходитъ къ авалю.

Если однако вдуматься въ эти соображенія, то едва-ли можно будетъ согласиться съ *Götz*'емъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что *Raphael de Turri* долженъ быть отнесенъ къ старымъ камбистамъ и притомъ наиболѣе авторитетнымъ. Между тѣмъ у него, ничего не знающаго объ индоссаментѣ, а подробно толкующаго о scontro, или какъ онъ называетъ, *in contri*, avalum опредѣляется, какъ «genus fideiussionis, seu verius constitutae pecuniae certe, qui obligatur in feriis per avallum» (Disp. sec. qu.

---

[238]) За отсутствіемъ у насъ подъ руками этой статьи мы вынуждены ограничиться тѣмъ, что объ ней говоритъ профессоръ **Цитовичъ** въ своемъ Курсѣ вексельнаго права, Кіевъ 1887 г. стр. **1** и **17** прим. **27**.

prima prologomena nn. 34 и 35). Изъ его дальнѣйшихъ объясненій (Disp. sec. qu. vigesima nn. 9 и 10) усматривается, что подъ avallum онъ разумѣетъ именно поручительство, предназначенное для подкрѣпленія кредита векселедателя (per huiusmodi avalla, per quae allij obligantur, fides illorum confirmatur, seu verius firmior redditur) и что онъ строго различаетъ его отъ delegatio. Стало быть, подъ avallum онъ разумѣетъ не уступку другому права требованія, какъ это имѣетъ мѣсто при индоссаментѣ, а присоединеніе третьяго лица къ постороннему обязательству въ качествѣ отвѣтчика по послѣднему. Что касается другихъ старинныхъ камбистовъ, то, напр., у *Скачча* объ авалѣ вовсе не упоминается. Происхожденіе названія *аваль* объясняется французскими писателями [239]) тѣмъ именно, что, выставляя на векселѣ поручительство третьяго лица, векселедатель тѣмъ самымъ какъ-бы указывалъ на надежность (faisait valoir) его обязательства, т. е, на то, что, если другое лицо принимаетъ на себя обязанность уплатить за векселедателя, то, очевидно, потому, что вѣритъ въ честность, состоятельность и надежность послѣдняго.

Напротивъ того, нѣмецкій писатель *Treitschke* (Alphabetische Encyclodädie der Wechselrechte т. 1 стр. 212 слово *aval*) утверждаетъ, что «*a valle* на старо-латинскомъ языкѣ означаетъ *внизъ*, подобно старо-нѣмецкому *ze tal* и нынѣ употребительному на Рейнѣ *zu Thal*, означающимъ внизъ по теченію. *Avvallare*, слѣдовательно, какъ и indossare, заимствовано отъ того мѣста, на коемъ поручитель писалъ свою фамилію, и означаелъ *firmare a valle*, внизу начертать, какъ *indossare* означаетъ *firmare in dosso*, начертать на спинѣ векселя.....».

Если сличить эти объясненія (какому бы изъ нихъ ни дать предпочтеніе) съ вышеприведеннымъ воззрѣніемъ Геца, то едва ли можно будетъ найдти какую-либо точку опоры для признанія означеннаго воззрѣнія справедливымъ или, по меньшей мѣрѣ, вѣроятнымъ. Хотя отвѣтственность и поручителя, и над-

---

[239]) См. **Nouguier** des lettres de change, т. 1 стр. 520, **Bornier** Conferences des ordonnances de Louis XIV т. II стр. 605 («Ce mot **aval** vient de faire valoir la lettre ou Billet, c'està-dire, les payer en cas qu'ils ne soient pas acquittés, et s'en rendre caution). **Savary** Parfait Negoc. т. 2 parere 84 стр. 620.

писателей одинакова, но отсюда отнюдь нельзя заключать, что они состоятъ между собою въ близкомъ родствѣ, ибо основанія ихъ отвѣтственности различны: поручитель отвѣчаетъ потому, что добровольно принялъ на себя чужое обязательство, надписатель отвѣчаетъ потому, что получилъ валюту, которую обязанъ возвратить въ условленномъ мѣстѣ и въ условленное время. Положеніе это не было инымъ и въ первыя времена возникновенія индоссамента и аваля, и потому находить между этими двумя институтами тѣсную связь и производить одинъ отъ другаго, значитъ, на нашъ взглядъ, дѣйствовать, по меньшей мѣрѣ, гадательно. Если, принимая въ соображеніе ихъ истинную природу, нельзя установить между ними преемственную связь, то едва-ли позволительно усматривать эту преемственность только изъ такого случайнаго и чисто внѣшняго признака, какъ первоначальное помѣщеніе передаточной надписи и аваля. Вѣдь руководствуясь такими признаками, можно прійдти къ тому абсурдному выводу, что между различными письменными договорами никакой разницы нѣтъ, ибо у нихъ у всѣхъ подписи контрагентовъ помѣщаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, именно въ концѣ текста. Пересматривая всѣ статьи извѣстнаго ордонанса Людовика XIV, въ коихъ упоминается о надписателяхъ, мы нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго указанія на означенное сближеніе между авалемъ и индоссаментомъ, а напротивъ того, законъ постоянно различаетъ между ordre, endossement и aval, не смотря на то, что ордонансъ этотъ изданъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ торговой практики, гдѣ слѣды помянутаго родства, еслибъ оно существовало, непремѣнно сохранились бы. Такъ въ articles 12, 13, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25 и 26 titre V раздѣльно упоминается о передачѣ векселя посредствомъ ordre и посредствомъ endossement, а въ 33 art., посвященномъ спеціально авалю, нѣтъ даже отдаленнаго намека на связь между авалемъ и индоссаментомъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

NB. Цыфры обозначаютъ страницы.

Аваль 440 и сл.
abuso 132, 261.
ad uso 318.
accomenda 188.
акцептъ 237, 315 и сл., 321.
al conto 250.
à l'ordre 388, 392 и сл., 426 и сл.
al prezzo corrente 250.
apa 28.
аргентаріи 133 и сл.
arrêt 1663 года 434.
assientos 255.
Базары 204.
Балдъ 23, 37, 41.
bilantiare 236.
billets de change 404 и сл.
» en blanc 390 и сл., 406.
Бинеръ 23.
Boyer 402.
Валюта 292.
вексель на предъявителя 396 и сл.
» съ ярмарки на ярмарку 196.
Gabella 283.
Ганза 56, 115, 121 и сл.
Гольціусъ 23.
Греки 22.
Делаверпъ 231.
genosumo 188.
de (ex) reditu nundinarum 258.
десятина 164.
defensa 220.
Decisiones Rotae Genuae 262.
Евреи 17, 186 и др.
emporium 205.
executor litterarum 229.
Жиро 440.
Индоссаментъ 383 и сл., 422 и сл.
instrumenta quarantigiae 219.
» confessionata 220.
Италіанцы 19, 56, 146, 184 и др.
Кальдеринъ 35.
cambium 32, 208.
cambium da buono à buono 313.
» de reditu feriarum 317.
» liberum 251.
» maritimum 192 и сл.
» minutum s. manuale 142, 179, 249, 253 и сл.
» obliquum 273.
» purum 253.
» reale 255.
» siccum s. mortuum s. casuale 264 и сл.
» simplex 249.
Камера di Prestanza 24.
campsores 174 и сл., 298.
campsuarius 298.
капитуларіи 105 и сл.
conservator nundinarum 212, 227.
консулы 214 и сл.
contation 251.
contractus cambii 194 и сл.

копіи векселя 293 и сл.
Лепта св. Петра 164.
Лессій 301.
lettres de déclaration 1664 года 434.
Либе 8.
лира 24.
littera cambii 179, 246 и сл.
льготный срокъ 315, 318.
Mahl 205.
mandement de foire 227.
марка 154.
мензуларіи 139.
Messe 210.
Молинеусъ 402.
монета 129 и сл.
монетные союзы 154 и сл.
мѣнялы 132 и сл.
Münzbürger 157.
Nothadresse 339.
нумуларіи 139.
Obligationes camerales 221.
obstagium 182 и сл.
ордонансъ 1673 года 408 и сл., 428, 434 и сл.
» 1678 года 438 и сл.
Pagate 318.
parata executio 219. 333.
парере 425.
partitum 255.
Пеголотти 34, 202.
payements 232.
per apodissam privatam 278.
презентентъ 307.
протестъ 323 и сл.
Ребуффъ 402.
рекамбіо 38, 44, 269, 273, 342 и сл.
recapitar le lettere 236, 251.
рикорза-вексель 38, 351, 270, 273, 364 и сл.
Римляне 22.
Салонъ 350.
Савари 427 и сл.
sbilantiare 237.
scelleurs 217, 221.
sescuplae 77.
signatures en blanc 430 и сл.
Скача 85.
scontro 238, 389.
скра 125.
скуда 54, 234.
scutus marcharum 287 и сл.
sopra protesto 333 и сл.
socius 386.
spaccium 261 и сл.
stapula 207.
Taula de cambi 55.
трассатъ 307.
де Турри 36, 388.
фактическій элементъ 32.
feriae cambiorum 235.
foenus nauticum 91 и сл., 193.
франки 102.
Хартуларіи 282, 312.
Цессія bonorum 228.
» документа 387 и сл., 414 и сл.
Эйнертъ 7.
Юридическій элементъ 32.
Язонъ 296.
ярмарки 196 и сл.
ярмарочные векселя 249 и сл., 286.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка* сверху	*Строка* снизу	*Напечатано.*	*Должно быть.*
8		2	Entwurt	Entwurf
10	7		прослѣдитъ	прослѣдить
12	9		векселямъ	векселемъ
14	9		одни	Одни
22		3	Withsshafts-	Wirthschafts-
30		16	preafato	praefato
55		8	изложене	изложено
66	2		чрезмѣренномъ	чрезмѣрномъ
74	10		Decterum	Decretum
76		9	superabund antio	superabundantia
76		6	superabundantiem	superabundantiam
76		5	accipero	accipere
84		1	ampluis	amplius
86	8		ладѣломъ	не читать
88	6		оставляя сторонѣ	оставляя въ сторонѣ
96		2	папе	папа
98	19		почи	почти
99		11	застоѣ,	застоѣ;
105		21	правихъ	правилъ
105		14	spaciam	speciem
106		6	domnus	dominus
107		17	за благоразсудилъ	заблагоразсудилъ
119		12	principibus	principibus
127	1		§ 17	не читать
139		6	rationae	ratione
150		1	fraçais	français
216		3	mercatares	mercatores
228	6		одну изъ главнѣйшихъ преимуществъ	одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ
247		6	nuntiam	nuntium
266		4	floremorum	florenorum
285	9		операціи	операцій
289	5		уптребленія	употребленія
290		9	aure	auro

Стран.	*Строка* сверху	*Строка* снизу	*Напечатано*	*Должно быть*
292	2		ростовщиство	ростовщичество
292		19	аще	еще
297	9		cosilium	consilium
301		17	ростовщиство	ростовщичество
312		19	fierit	fieret
314	6		таковой то	таковой, то
317		5	Сарагассу	Сарагоссу
322		1	quuestio	quaestio
331		14	hores	horas
331		9	калонъ	колоннъ
333	1		коею	коего
334	6		spachia	spacchia
335		7	иза	изъ
336	3		roformatum	reformatum
326		1	обязательнымъ	обязаннымъ
346		15	De institutionum moralium	Institutionum moralium
349		5	жа	же
380	12		авторитетомъ	авторитетамъ
389		2	достигались	достигалась
390	4		представителяли	представителями
394		12	должникамъ	должникомъ
399		5	Scacaia	Scaccia
401		3	Parisiens	Parisiensis
412	3		est	est:

Табашниковъ

Прошлое

ВЕКСЕЛЯ

М. Ф.